

СЛАВЯНСТВО, РАСТВОРЕННОЕ В КРОВИ...

Институт славяноведения РАН

СЛАВЯНСТВО, РАСТВОРЕННОЕ В КРОВИ...

В честь 80-летия со дня рождения
Владимира Константиновича Волкова
(1930–2005)

СБОРНИК СТАТЕЙ

Москва
2010

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *К. В. Никифоров*

Редакционная коллегия:
Л. Я. Гибианский, Н. С. Пилько,
Е. П. Сератионова, А. Л. Шемякин

Рецензенты:
доктор исторических наук *Л. В. Горина*
доктор исторических наук *Э. Г. Задорожнюк*

Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова. Сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. – 464 с.

Книга посвящена памяти В. К. Волкова (1930–2005) – одного из крупнейших славистов современности, многолетнего директора Института славяноведения РАН. В сборник вошли статьи его друзей и коллег, историков и историков культуры из России, Болгарии, Германии, Польши по важнейшим проблемам стран Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, начиная со Средних веков и заканчивая нашими днями. Статьи сборника группируются по трем разделам: вопросы политической и социальной истории, история международных отношений, проблемы культуры.

James

Слово к читателю

Предлагаемый читателю сборник статей посвящен памяти члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова. В декабре 2010 г. ему исполнилось бы 80 лет.

Разносторонняя научная деятельность В. К. Волкова – одного из крупнейших славистов современности, многолетнего директора Института славяноведения РАН привлекает к себе внимание не только в связи с памятными датами. Общеизвестен весомый вклад, который он внес в отечественную и мировую историческую науку своими яркими новаторскими работами, неутомимой организаторской деятельностью, многочисленными учениками. Горько сознавать, сколь много его задумок осталось нереализованными. Он сам охотно рассказывал коллегам о своих планах, об этом свидетельствует и его обширный научный архив.

Следует напомнить, что десять лет назад увидел свет однотипный по жанру сборник статей «Славянские народы: общность истории и культуры», который был приурочен к 70-летию В. К. Волкова¹. Тогда сам юбиляр помогал отобрать авторский коллектив. Это облегчило работу составителям нынешнего сборника. Костяк авторов был, по возможности, сохранен прежним, но, естественно, добавились и новые фамилии, в том числе и из более молодого поколения ученых.

В сборнике собраны статьи историков и историков культуры из России, Болгарии, Германии, Польши. В представленных работах рассматриваются разные страны в разные эпохи, но проблематика статей так или иначе связана с профессиональными интересами В. К. Волкова. Это значит, что дело, которому он отдал всю свою жизнь, живет, связь времен сохраняется.

Сборник открывает статья, посвященная его жизненному и творческому пути; еще одна статья написана его дочерью по материалам, оставшимся в отцовском архиве. Остальные статьи сборника группируются по трем разделам: вопросы политической и социальной истории, история международных отношений, проблемы культуры. Названием сборника послужила перефразированная строка из песни Б. Ш. Окуджавы «Арбатство, растворенное в крови...» как символ того, что увлечение В. К. Волкова историей и культурой славянских народов и их соседей переросло в дело всей его жизни.

Примечание

¹ Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова. М, 2000.

К. В. Никифоров, А. Л. Шемякин (Москва)

Славянство, растворенное в крови...¹

Владимир Константинович Волков родился 15 декабря 1930 г. в Воронеже в семье железнодорожника и преподавательницы пения. В старинном русском городе он провел детство и оттуда же, летом 1942 г., отправился вместе с матерью в эвакуацию. Именно там чтение исторических романов пробудило у подростка стойкий интерес к истории. Вернулись они год спустя, но уже в Москву, куда к тому времени перевели служить отца – Константина Сергеевича. Так Володя Волков сделался москвичом, и отныне вся его жизнь была тесно связана со столицей.

Володя жил в ведомственном доме «у трех вокзалов», ходил в ведомственную, считавшуюся в те годы очень сильной железнодорожную школу. Знакомясь с новым для себя городом, он объехал пол-Москвы на велосипеде. Став взрослым, пересел с велосипеда на машину и очень любил на ней ездить. С ранних лет он проявил недюжинные способности, прекрасно успевая по всем предметам, чему в немалой степени способствовали талант к изучению иностранных языков и всепоглощающая страсть ко всему новому – магистральная черта характера, сохранившаяся до последних дней. А потому не удивительно, что в 1949 г. Владимир Волков окончил школу с золотой медалью.

Он быстро определился со своим будущим – причем раз и навсегда, – поступив осенью того же года на Исторический факультет МГУ. Здесь он специализировался по Кафедре истории южных и западных славян, погрузившись в исследование истории южнославянских народов новейшего времени. Однако то было время, не самое благоприятное для подобного рода занятий. Конфликт «Сталин – Тито», с его потрясающими по враждебности ярлыками, навешиваемыми на вчерашних братьев по оружию, сбивал прицел у ученых и других деятелей культуры. Навязываемые сверху жесткие представления о реальности (как и об истории) должны были заменить саму реальность. Достаточно вспомнить пресловутую «Югославскую трагедию» Ореста Мальцева.

В подобных условиях Владимир Константинович занялся изучением новейшей истории Болгарии, подготовив дипломное сочинение «Возникновение народно-демократического строя в Болгарии», что уже само по себе (имея в виду младенческий возраст этого строя и скудость его историографической традиции) свидетельствовало о новаторстве подхода студента Волкова. Именно здесь, на истфаке, таким образом, закладывалась еще одна черта будущего исследователя Волкова – он никогда не боялся идти в неизвестное и затрагивать

какую-либо проблему одним из первых, по крайней мере в отечественной историографии. Ему было интересно, повторимся, одно только новое. Наряду с болгарским он в то время познавал и сербский язык. А блестящее – с детства – владение немецким открывало широкие возможности для изучения международных отношений в Европе на их германо-балканском срезе. Но призыванием это стало не сразу.

Итак, в 1954 г. В. К. Волков получает университетский диплом с отличием и распределяется в Главное управление радиовещания, в редакцию вещания на Болгарию и Албанию. На Радио он прослужил почти два с половиной года, пока, наконец, 22 ноября 1956 г. не был принят на работу в Институт славяноведения и балканистики АН СССР на должность младшего научного сотрудника. Эта вторая запись в его трудовой книжке станет и последней – все последующие 49 лет, то есть две трети жизни, Институт будет для Владимира Константиновича вторым домом. В нем он пройдет все ступени служебной лестницы, включая директора; станет признанным всеми ученым, отсюда же он и уйдет...

Начинал он свою деятельность в секторе новейшей истории славянских стран, переименованном затем в сектор истории стран социализма. А в 1961 г. перешел в сектор славяно-германских отношений, который возглавлял известный специалист в области славянского Средневековья Владимир Дорофеевич Корольюк. Работа под его руководством и близкое знакомство с ним сыграли крайне позитивную роль в процессе становления молодого ученого.

В первые годы В. К. Волков как бы нащупывал свой путь в науку, ограничиваясь «малыми формами» – рецензиями, заметками и т. д. Но одновременно он «накачивал» творческие мускулы – всем была хорошо известна его поразительная работоспособность и усидчивость в библиотеке или же в архиве, что, в совокупности с уже проявившимся талантом, и составило базу быстрого роста. В 1960 г. он опубликовал в журнале «Новая и новейшая история» свою первую большую статью, связанную с исследованием новых явлений в югославской историографии народно-освободительной борьбы югославы в годы Второй мировой войны². Вскоре последовали новые работы³. Его голос звучал все мощнее. И, наконец, в 1963 г. им была защищена кандидатская диссертация «Германо-югославянские отношения и развал Малой Антанты. 1933–1938». Три года спустя издательство «Наука» издало ее в виде отдельной монографии⁴.

Это была первая книга Владимира Константиновича. В ней, наряду с прекрасной страноведческой осведомленностью о ситуации (в том числе сугубо внутренней) в Югославии и Болгарии, он показал себя серьезным знатоком международных отношений в Центральной Европе и на Балканах, наглядно представив, что с крахом Малой Антанты «канули в лету последние остатки

Версальской системы в Юго-Восточной Европе». За пять с лишним лет, прошедших со времени прихода Гитлера к власти в Германии до Мюнхенского сговора, политическая обстановка на Балканах и в Дунайском бассейне в корне изменилась. И особенно ясно эти изменения отразились во внешней политике Югославии. От союза с Францией и Малой Антантой она эволюционировала в сторону сближения с Германией и Италией. Все детали такой эволюции исследованы автором исчерпывающе полно.

С другой стороны, в своей монографии В. К. Волков продемонстрировал глубокое проникновение в нюансы политики Берлина в регионе, направленной на подспудное разрушение системы союзов, сформированной державами-победительницами после Первой мировой войны. Мало того, он доказал, что балканское направление внешней политики Германии было значительно более важным, чем это считалось ранее.

И, наконец, им были подвергнуты скрупулезному анализу все аспекты мюнхенской политики Англии и Франции, которые, пойдя по пути сговора с Германией на антисоветской основе, ослабили свои собственные позиции. Эта их политика, таким образом, не только ставила под угрозу национальные интересы народов Юго-Восточной Европы, но и угрожала им самим. В частности, падение их влияния и развал Малой Антанты, служившей долгое время опорой для французской политики, резко изменили соотношение сил в Европе в пользу нацистской Германии. Как показала история, западные державы в конечном счете сами попались в ловушку, которую они готовили для СССР – первые удары гитлеровской военной машины обрушились на них же самих.

Такое богатство проблем, поставленных и на высоком научном уровне рассмотренных Владимиром Константиновичем уже в первой своей крупной работе, наглядно свидетельствовало о том, что былого и чистого страноведа заменил сформировавшийся специалист-универсал...

И тут же следует новый успех. В том же 1966 г. выходит монография «Операция “Тевтонский меч”»⁵. В ней снова исследовались германо-югославские отношения, но, правда, в несколько иной «плоскости» – В. К. Волков убедительно продемонстрировал, что за марсельским атентатом в октябре 1934 г. на югославского короля Александра Карагеоргиевича и министра иностранных дел Франции Луи Барту стояла Германия.

По мнению автора книги, проведенная нацистами операция имела в международном плане два аспекта: главный – это попытка сорвать советско-французское сближение и договор двух стран о взаимопомощи, а на этой основе – систему коллективной безопасности в Европе. И вспомогательный, хотя имевший крупное самостоятельное значение, – нейтрализовать итало-французское сотрудничество путем стравливания Италии и Югославии, с целью обеспе-

чить себе свободу рук в Австрии. Рассматривая воздействие марсельского атентата, В. К. Волков подчеркивает, что оно оказало огромное влияние на оба этих направления в международной политике. В конечном итоге, заключает ученый, результаты операции «Тевтонский меч» достигли тех целей, к которым стремилась Германия. Риск, на который ее лидеры шли при подготовке этой международной провокации, окупились. Им удалось скрыть следы своего соучастия в марсельском покушении... Но лишь до поры, до времени. Когда же за исследование темы взялись историки – тайное стало явным, и в расследовании всех «внешних» обстоятельств марсельской трагедии огромная роль принадлежит именно В. К. Волкову.

Важен и другой, чисто профессиональный, аспект работы Владимира Константиновича – в ней он проявил себя мастером исторического детектива. Тщательная работа с источниками и их блестящий анализ сопровождались увлекательным языком и динамизмом повествования, чего требуют законы жанра. Уже здесь окончательно сформировался тот волковский живой стиль, который сразу же стал узнаваем всякому и выгодно отличался от имеющейся порой в научных изданиях академической сухости.

Тем временем, география исследований В. К. Волкова ширилась, а их тематика углублялась. В 1969 г. была опубликована одна из важнейших, на наш взгляд, теоретических его статей «К вопросу о происхождении терминов “панславизм” и “пангерманизм”»⁶. В ней автор убедительно показал, что в конце XIX – начале XX в. в политическом мышлении различных общественных слоев Германии угроза так называемого «панславизма» рассматривалась как весьма актуальная и нависшая не только над Германией, но и над Австро-Венгрией. Однако политика раздувания ложных страхов перед «русской угрозой» носила явно спекулятивный характер («панславизм» никогда не был программой официальной внешней политики России, как бы не утверждали, противные отдельные западные авторы⁷), призванный оправдать собственную «пангерманскую» доктрину. Этот всесторонне обоснованный и объективный вывод представляется серьезным вкладом В. К. Волкова в науку.

Итак, работа Владимира Константиновича в секторе славяно-германских отношений ознаменовалась значительными научными достижениями. Это очевидно. И немалую роль в реализации его способностей сыграл, как уже говорилось, заведующий сектором В. Д. Королюк, создавший в коллективе атмосферу творчества и благотворно влиявший на своих коллег. В. К. Волков всегда с неизменной теплотой вспоминал старшего товарища, а после ухода В. Д. Королюка из жизни его фотография заняла почетное место в волковском кабинете. А главное – он сам всегда старался сохранить тот дух и стиль руководства, который впоследствии стал столь свойственным всему Институту.

В 1970 г. последовало серьезное продвижение по службе – В. К. Волков возглавил сектор международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе. Началась пора нелегкой административной деятельности, бремя которой он «свалил» с себя всего лишь за год до смерти...

Несмотря на съедавшую массу времени административную нагрузку, В. К. Волков продолжал увлеченно работать в науке. Мало того, в новых условиях талант его приобрел новое качество – он быстро стал генератором идей для своих коллег, создал для них самую благоприятную творческую атмосферу. Критерием его отношения к сотрудникам был всегда один – реальная работа. Кто активно работал, тот всегда находил поддержку заведующего. И практически все крупные труды, выпущенные сектором в годы заведования В. К. Волкова, были инициированы и обоснованы им. Как правило, он и возглавлял их в качестве ответственного редактора. Но не только. Многим известна коллективная монография «“Дранг нах Остен” и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871–1918 гг.», первый том которой вышел в 1977 г.⁸ (второй, увы, не появился из-за противодействия Отдела науки ЦК КПСС). Так вот, бывало, что Владимир Константинович «редактировал» отдельные ее главы буквально на грани соавторства, правя, а, подчас и полностью переписывая их.

Понятно, что эта капитальная работа была подготовлена в эпоху противостояния двух систем, и это не могло не сказаться на ее содержании и не придать ей вполне естественную политическую заданность. Но подлинный ученый тем и отличается от пропагандиста, что за идеологической одностороностью и шелухой цитат «основоположников», словно водяной знак на бумаге, проглядывают заключения и выводы, основанные на изучении множества архивных источников, а потому не потерявшие своего научного значения и сегодня.

По справедливому заключению Б. В. Носова, из этой книги, как и из ряда авторских публикаций В. К. Волкова, посвященных в основном анализу историографических проблем истории славяно-германских отношений, которые писались параллельно, отечественное научное сообщество почерпнуло информацию об основных тенденциях западной историографии по проблематике этих отношений. Кроме того, политическая заостренность этих работ «не мешала автору дать объективную оценку целей и характера великодержавной и экспансионистской политики правящих кругов кайзеровской и нацистской Германии в историческом контексте международных отношений эпохи»⁹.

В 1978 г. была опубликована монография «Мюнхенский сговор и балканские страны»¹⁰, которую год спустя Владимир Константинович защитил в качестве докторской диссертации. В ней он подвел итоги многолетней работы

и исчерпывающе изучил балканский аспект «мюнхенской» политики, по-новому подойдя к оценке роли региона Юго-Восточной Европы в ходе подготовки Второй мировой войны. Заметим, что монография вышла в год 40-летия подписания Мюнхенского соглашения.

По мнению автора, это соглашение, вызвав ломку договорно-правовой системы в Европе, непосредственно затронуло балканские страны. Диктат четырех держав покончил с Малой Антантой, в результате чего Румыния и Югославия пришли к выводу о прекращении их союзнических обязательств по отношению к Чехословакии. Поскольку эти две страны являлись в то же время членами Балканского пакта, последний также не остался в стороне от этих событий, ибо и он ориентировался в своей региональной политике на западные державы. А потому – одним из важнейших последствий Мюнхена был подрыв веры в союзническую надежность западных стран, что особенно затрагивало малые и средние европейские государства, в том числе, конечно, и балканские.

В своей монографии В. К. Волков справедливо подчеркнул, что, «если сравнить положение, сложившееся после Мюнхена, с существовавшим до него, то невольно складывается впечатление, будто в промежутке между этими двумя периодами над Европой пронесся ураган, который резко изменил соотношение сил на континенте, разорвал старые политические связи, задал новое направление развитию событий, положил начало глубокому пересмотру взглядов современников на все основные вопросы международного положения, сдвинул их представления об иерархии политических ценностей».

К тому же, Мюнхенский стовор принес балканскому региону рост межнациональных и межгосударственных противоречий. Все конфликтные ситуации, существовавшие ранее в латентной форме, становились отныне актуальными проблемами как в политической жизни отдельных стран, так и в международных отношениях. Резкое повышение уровня конфликтности превращало балканский регион в удобное поле для интриг фашистских государств, поставивших перед собой цель полного подчинения балканских стран, что в конечном итоге им и удалось, но не столь гладко, как они на то рассчитывали. Мартовские события 1941 г. в Белграде – наглядное тому подтверждение.

Отметим – и далее Владимир Константинович не оставлял важнейшей темы Мюнхена и его последствий. Десять лет спустя, опять же в «Науке» вышел сборник исторических очерков «Мюнхен – преддверие войны», где он, наряду с ответственным редактированием, был автором трех из них...¹¹.

Должно подчеркнуть, что все монографические работы В. К. Волкова получили широкое признание как в научных кругах нашей страны, так и за рубежом и принесли автору международное признание. В 1983 г. «Операция

“Тевтонский меч”» вышла в Белграде на сербском языке под названием «Убийство короля Александра – гитлеровский заговор». В конце 80-х годов в Югославии и Чехословакии была переведена монография «Мюнхенский сговор и балканские страны».

Еще одной чертой деятельности В. К. Волкова в 1970-е годы была его работа как переводчика. Он перевел с болгарского языка и опубликовал три монографии коллег из Болгарии¹². Это, вообще-то нетипичное для заведующего сектором, занятие показывает универсальность таланта Владимира Константиновича – легкость собственного пера и живой стиль устных выступлений дополнялись умением доступно и профессионально переложить текст иностранного коллеги.

В 1987 г. В. К. Волков, победив на выборах, возглавил ставший ему давно родным Институт славяноведения и балканистики АН СССР. Было, наверное, что-то символичное в том, что именно он в годы перестройки стал в нашей стране одним из первых избранных, а не назначенных, как ранее, директоров академических институтов. Более демократичного директора трудно было придумать. Причем его демократизм не был, конечно, какой-то данью моде, это был демократизм старой московской интеллигентской закваски. Все 17 лет директорства Владимира Константиновича дверь в его кабинет никогда не закрывалась. К нему шли все – от маститых ученых до аспирантов, и он всех заинтересованно выслушивал, поддерживал в научных изысканиях, помогал в житейских проблемах. И всегда это был разговор не начальника, а коллеги.

Став директором Института славяноведения РАН (тогда – Института славяноведения и балканистики АН СССР), В. К. Волков ощутил груз ответственности за судьбу всей отечественной славистики и долгие годы успешно нес эту тяжелую ношу.

Будучи подлинным патриотом и бесконечно преданным науке, он в своей деятельности руководствовался формулой, выведенной умными людьми еще в XIX веке: «Славяноведение есть отечествоведение». Такая «самоидентификация» и не давала ему опускать рук, а напротив – утраивала силы в моменты, когда перспектива существования Института покрывалась туманом. Самая большая славянская страна могла лишиться своего главного научного славистического центра. И благодаря прежде всего усилиям Волкова, его кипучей энергии и веры в справедливость Институт в середине 90-х годов не только не был упразднен, но и сохранился как крупный научный центр международного значения. В Институте получили развитие и новые для него направления, в частности украинистика и белорусистика.

В. К. Волков, как никто другой, понимал, что Институт славяноведения РАН – уникальное явление в мировой славистике, что только в нем создан

«сплошной фронт славяноведения»¹³. В этом сохранении академической славистики, как единого центра заключается, пожалуй, его главная заслуга как ученого и гражданина.

И именно на посту директора Института Волков всерьез занялся общеславистическими проблемами, много писал и выступал на эту тему. Славистическая составляющая его деятельности помогает во многом понять весь масштаб этой незаурядной и яркой личности. Мы бы сказали, что это был выдающийся славист и крупнейший историк-славист нашего времени.

Но и страноведение он не оставлял. Изначально югославист и отчасти болгарист, Волков деятельно и профессионально занимался западными славянами – Польшей, Чехией и Словакией, а также восточными славянами – прежде всего Украиной. Прекрасно знал отечественную историю. Таким образом, в сфере его интересов оказались все славяне без исключения – и южные, и западные, и восточные.

Еще одна характерная черта В. К. Волкова: его интересовал не ограниченный отрезок времени, а целые исторические эпохи и особенно весь оказавшийся таким трагическим двадцатый век. Он был, в частности, инициатором серии трудов – «Очерки истории славянских стран в XX веке» (по его словам, серии «третьего поколения», учитывая созданные в Институте в конце 50-х – начале 60-х годов двух-, трехтомные труды по истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы и их краткие однотомные истории в конце 80-х годов)¹⁴. Уже вышли в свет книги, посвященные истории Болгарии¹⁵ и Чехословакии в XX в.¹⁶, пишется история Югославии, с 2007 года начата работа по написанию истории Польши.

Из современных историков-славистов, пожалуй, только Волков отличался таким широким хронологическим подходом, причем ко всему славянскому миру во всем его проявлении. Более того, как хорошо сказал о нем один из его учеников Н. Н. Станков, «он раздвинул горизонты исследований славянского мира». И это действительно так. В. К. Волков, возможно, был последним отечественным славистом широкого профиля, напоминая своей славяноведческой эрудицией скорее дореволюционных славистов. Причем, будучи еще и прекрасным специалистом-международником, он всегда вписывал свои славистические исследования в широкий контекст политики крупных мировых держав – России (СССР), США, Германии. В наше время узкой специализации это было редким явлением. Волков считал, что заниматься всеми этими проблемами насущно необходимо, так как на протяжении всего XX в. славянские народы неизменно находились в эпицентре исторических событий и играли роль, намного превосходящую их реальный удельный вес и в мировом народонаселении, и в мировой экономике¹⁷.

Сочетание у Волкова страноведческого подхода и общеславянистического, узкой и широкой специализации не только отражает прошлое славяноведения, но и в какой-то степени предсказывает его будущее. По-видимому, уже прошли или подходят к концу те времена, когда позволительной была такая роскошь, как узкая специализация. На нее просто не хватит кадров.

В. К. Волков неоднократно и на всех уровнях защищал комплексный подход к славистике. В последние годы им также неоднократно проводилась мысль об «интегральной модели» российского славяноведения, которая бы охватывала все славянские народы, включая, естественно, и русских, составляющих половину всех славян. Он ставил перед отечественной славистикой задачу найти собственный ракурс изучения этих проблем, особенно русистики, чтобы в то же время не дублировать работу других исследователей и научных учреждений.

Перспективы развития академического славяноведения Волков считал немислимыми без его популяризации и общественной поддержки. Он был одним из зачинателей и высоко ценил возникшую в России традицию ежегодного празднования Дня славянской письменности и культуры. Интересным явлением считал и создание Славянских университетов в ряде стран, в которых готовят молодых специалистов не только по классическим славянистическим дисциплинам, но и по экономике, юриспруденции, менеджменту и т. д.

Ответственность за судьбу российского и даже мирового славяноведения разделялась у Волкова с беспокойством за судьбу самих славянских народов. Ученый указывал на три «тектонических сдвига» в славянском мире в прошедшем столетии – Первая и Вторая мировые войны, а также события 1989–1991 гг. Изучением всех этих «тектонических сдвигов» он активно занимался.

В. К. Волкова глубоко беспокоила разобщенность современного славянства, которую он определял термином «энтропия», означая в физике рассеивание энергии или разбегание звезд. Его глубоко беспокоило то, что в славянском мире наблюдаются многие болезненные уродливые явления, в том числе и русофобия. Он полагал, что современные тенденции развития славянских государств могут поставить их в такое положение, при котором они окажутся перед угрозой потери национальной самобытности, или, как сейчас говорят, идентичности. Их задача – пройти эпоху модернизации без утраты национального лица¹⁸.

Еще одна задача, которую Волков завещал следующим поколениям славистов, ответить на вопрос – существует ли на сегодняшний день некий славянский культурно-исторический тип (который обычно именуется цивилизацией или субцивилизацией), пусть даже неосознанный или отрицаемый? И если есть, то каково его место в рамках европейской цивилизации? Ученый

полагал, что есть, и ставил вопрос о взаимоотношении процессов модернизации и развития национальных славянских культур¹⁹.

В. К. Волков был сторонником написания в Институте славяноведения РАН многотомной истории славянской культуры, то есть выполнения той задачи, которая возлагалась когда-то на ученых всего славянского мира. К сожалению, эта задача так и не была выполнена, и только ученые Института славяноведения написали свою часть намеченной серии – «Очерков истории культуры славян», охватившую период до XIII в. включительно²⁰.

Волков предсказывал, что культурологическая составляющая в славистике будет возрастать, а сотрудничество славянских народов в культурной области окажется выгодным для всех них, особенно же малочисленных. Поэтому, считал он, преждевременно сбрасывать со счетов идеи «славянской взаимности», относить их к романтическому периоду развития славянских народов. Ученый прогнозировал их возрождение, но, разумеется, в новых формах. Он считал, что проблема славянской взаимности для каждой исторической эпохи имеет свое содержание. И для посткоммунистической эпохи она все более заметно приобретает культурно-цивилизационный характер²¹.

Известно, что славистика зародилась двести лет назад как филологическая дисциплина. После разгрома в 20–30-е годы прошлого века она возродилась уже как преимущественно историческая дисциплина. Таковой славистика оставалась весь послевоенный период вплоть до последнего времени. Персональным воплощением исторической славистики последних десятилетий и стал, на наш взгляд, Владимир Константинович Волков. Начавшийся период развития славистики вполне может отдать пальму первенства культурологии. По крайней мере, увеличение в славяноведении удельного веса культурологических дисциплин он довольно уверенно прогнозировал²².

На посту директора В. К. Волков, так и не утратив жажды научного поиска, оставался «работающим директором». Причем он по-прежнему любил черновой научный труд, работу в архивах, библиотеках. Ему это было интересно и в 20, и в 70 лет. Он часами просиживал в читальных залах, отличаясь этим от многих своих коллег. В конце 1980-х – начале 90-х годов, когда доступ в отечественные архивы заметно упростился, В. К. Волков был в числе тех историков, которые быстро откликнулись на новые возможности.

В эти годы он продолжал активно заниматься внешнеполитическими сюжетами, особо подробно останавливаясь на советско-германских отношениях в канун Второй мировой войны. В фундаментальной коллективной монографии под редакцией В. К. Волкова и Л. Я. Гибианского «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.»²³ был проанализирован весь комплекс международных проблем в Центральной Европе и на Балканах. Сле-

дует также отметить его статью «Германский вопрос глазами Сталина (1947–1952)»²⁴, основанную на документах из Архива Президента РФ.

В этих работах В. К. Волков пришел к выводу, что проводимая Германией в 1940 году политика фашизации балканских государств прикрывалась, как это обычно и бывает, разговорами о «новом европейском порядке», о «заинтересованности в сохранении мира на юго-востоке Европы» и т. п. Советский Союз нежелание Германии вступать с ним в переговоры по балканским проблемам трактовал как расхождение либо частные, либо региональные и упорно продолжал следовать уже выработанному курсу. В итоге именно балканские проблемы стали тем «пробным камнем» в советско-германских отношениях, который показывал истинные намерения нацистского руководства. Региональный характер событий лишь камуфлировал стратегический масштаб противоречий двух держав²⁵.

Отдельно В. К. Волкова как ученого-международника занимала тема развития отношений в возникшем после войны социалистическом лагере. Он много писал об этом, в частности, в коллективных трудах «У истоков “социалистического содружества“. СССР и восточноевропейские страны. 1944–1949 гг.»²⁶ и «Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран»²⁷. Напомним и его концептуальную статью о процессе десталинизации отношений в социалистическом лагере после 1953 г.²⁸ Сталинизация же этих отношений началась еще до окончания Второй мировой войны. По мнению ученого, несмотря на некоторые реверансы в адрес союзников, Сталин расставил все точки над *i*: «Эта война отличается от всех предыдущих: кто занимает территорию, тот устанавливает свой собственный общественный порядок. Каждый вводит свою систему, куда входит его армия. По-другому и быть не может»²⁹.

По-другому и не было. Процесс советизации в его крайней сталинской форме проходил вплоть до смерти коммунистического диктатора и дал сбой лишь в случае с Югославией в 1948 г. После 1953 г. начинается этап десталинизации как внутри СССР, так и в его отношениях со странами социалистического лагеря. Фактически, как отмечал Волков, это означало переход в 1955–1957 гг. в отношениях с социалистическими странами от протектората к ограниченному суверенитету. Ученый давал и более конкретную дату этого рубежа – 31 октября 1956 г., когда была принята «Декларация Правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами»³⁰.

Однако «оттепель», как известно, не привела к весне. Вновь наступили «заморозки». Они были связаны с событиями 1968 г. в Чехословакии, значение

которых, как отмечал Волков, отнюдь не ограничивается рамками одной страны. Эти события поделили историю социалистического содружества на два хронологически примерно равных периода. После чехословацкого кризиса отношения между социалистическими странами «шли неизменно под уклон». Собственно говоря, и понятие «ограниченного суверенитета» или «доктрины Брежнева» появилось именно после 1968 г. Подавление «Пражской весны» особенно повлияло на состояние умов в СССР, где диссидентское движение впервые вышло на арену политической жизни. А главное – в Праге была убита вера в возможность реформирования «реального социализма», придания ему «человеческого лица»³¹.

Еще раз подчеркнем, что В. К. Волков всегда был новатором и первым брался за разработку многих неисследованных тем. Так, его статья (в соавторстве с Л. Я. Гибианским) о советско-югославском конфликте 1948 г., опубликованная в «Вопросах истории», фактически положила начало исследованиям этого значительного события в истории социалистической системы и международных отношений³². Он одним из первых подробно проанализировал и современный югославский кризис. Достаточно назвать его глубокие, аналитические статьи «Трагедия Югославии (1991–1995)»³³, «Балканы в системе геополитических интересов России»³⁴, «Балканская западня и проблема столкновений цивилизаций»³⁵.

В. К. Волков исходил из того, что Югославия не была случайным конгломератом разнородных земель, а ее возникновение стало следствием «сознательного стремления югославянских народов к объединению». Однако развитие титовской Югославии привело к тому, что в ее республиках и автономных краях сформировались так называемые этнократические кланы. Это имело непосредственное влияние на разразившийся в Югославии системный кризис. События в этом государстве невозможно понять и без международного фона – во-первых, перестройки в СССР и «бархатных революций» 1989 г. в Восточной Европе и, во-вторых, вмешательством западных держав в начавшуюся этногражданскую войну. Причем столь затяжной характер война приобрела как раз вследствие вмешательства в него стран НАТО, которые по существу превратили Балканы в свой протекторат. Вместе с тем в своих трудах Волков polemизировал с теми, кто видел в Балканах лишь зону постоянной нестабильности и даже неевропейской цивилизации³⁶.

Югославский кризис сыграл большую роль в складывании новой модели системы международной безопасности. Волков подчеркивал, что кризис ускорил те процессы, которые неизбежно должны были произойти в системе международных отношений. Их суть состоит в замене одной конкретно-исторической модели этой системы на другую. За последние четыре столетия подобная

смена происходит пятый раз: после Тридцатилетней войны в Европе и Вестфальского мира 1648 г.; эпохи Наполеоновских войн и Венского конгресса 1815 г.; Первой мировой войны и системы Версальских договоров 1919–1920 гг.; Второй мировой войны и Ялтинско-Потсдамского урегулирования 1945 г. и, наконец, после окончания холодной войны. Причем замене трех последних из них важнейшую роль сыграли именно Балканы. И даже в годы «холодной войны» роль Балкан «определялась не столько их внутренними проблемами, сколько идеологическим и политическим противостоянием, характерным для двухполюсного мира». Ученый предсказывал, что, возможно, роль Балкан при смене моделей системы международной безопасности сохранится и впредь³⁷.

Важнейшие работы В. К. Волкова 1990-х годов составили книгу «Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы». Она стала одной из самых успешных попыток рассмотрения событий 90-х годов на Востоке Европы и всего 50-летнего периода существования «социалистического эксперимента» в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Читатель получил не обычный сборник статей, а скорее монографическое издание, объединенное общим замыслом и общей проблематикой. В. К. Волков фактически рассмотрел интересовавшую его проблему – роль и место народов Центральной и Юго-Восточной Европы в современном мире – с трех сторон: конкретно-исторической, историографической и теоретической. Собранные под одной обложкой работы раскрылись новыми гранями. И прежде всего потому, что сборник скрепляет несколько сквозных проблем, а перед читателем, по словам самого автора, предстает «картина развития всего региона за определенный исторический период, отличающийся внутренней цельностью и взаимосвязанностью событий»³⁸.

«Узловые проблемы» не только подытожили многие размышления В. К. Волкова за последние годы. В этой книге он сумел подняться на новый уровень обобщения. По крайней мере, так – по охвату материала и глубине его осмысления – на современную тему не писали давно. И эту книгу не может обойти вниманием ни один серьезный исследователь, интересующейся судьбой славянства и историей Восточной Европы XX века.

Работы В. К. Волкова продолжали публиковаться за рубежом, причем не только в славянских странах. Достаточно сказать о его участии в коллективном труде, опубликованном в США, «The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949» (Boulder, 1997), а также сборнике его избранных работ по истории внешней политики СССР на немецком языке «Stalin wolte ein anderes Europa. Moskaus Aussenpolitik 1940 bis 1968 und die Folgen» (Berlin, 2003).

С середины 1960-х годов В. К. Волков многократно выступал с докладами на Международных конгрессах исторических наук, Международных съездах славистов, а также съездах специалистов по изучению стран Юго-Восточной Европы. Он вел обширную научно-организационную работу, в том числе и очень активно – на международном уровне, являясь президентом Международной ассоциации по изучению славянских культур при ЮНЕСКО, вице-президентом Международной ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы, вице-президентом Международной комиссии историко-славистических исследований при Международном комитете исторических наук (МКИН), председателем российской части двусторонней комиссии историков России и Польши, заместителем председателя двусторонней комиссии историков и архивистов России и Чехии. Одновременно возглавлял Научный совет по проблемам славяноведения при Отделении историко-филологических наук РАН, являлся членом Национального комитета славистов России и членом оргкомитета по проведению в нашей стране Дней славянской письменности и культуры.

Научную деятельность профессор В. К. Волков сочетал с педагогической. Он читал спецкурсы в МГУ, Воронежском университете, преподавал в Дипломатической Академии МИД, выступал с лекциями за границей, в том числе и в американских университетах. Не жалел времени на руководство аспирантами, многие из которых успешно защитили кандидатские диссертации. Сегодня ученики В. К. Волкова плодотворно работают в разных городах России и за ее пределами.

В научной деятельности В. К. Волкова ярко проявлялись все его незаурядные человеческие качества. Но надо отметить и то, что при всем своем демократизме и дипломатичности это был принципиальный, настойчивый, упорный в отстаивании своих убеждений человек. Он был подлинным русским, славянским патриотом. Его патриотизм не был слепым, а базировался на глубоком научном знании. В наше виртуальное время он был настоящим.

В. К. Волков ушел из жизни неожиданно, полный творческих сил и замыслов. Освободившись от административной нагрузки, он с молодой страстью вернулся к исследовательской работе. Последней его научной командировкой была трехнедельная работа в архивах Болгарии. Исследовательский инстинкт не подвел и на этот раз. Ученый обнаружил интереснейшие документы, связанные с заключением Брестского мира. Горько сознавать, сколько научных планов, которыми Волков был просто переполнен, осталось нереализованными. Но и сделал он очень много.

Без трудов В. К. Волкова невозможно представить себе российскую (советскую) историческую славистику, историографию международных отноше-

ний в Центральной Европе и на Балканах и целый ряд смежных областей исторической науки. Он являлся автором около 200 научных трудов (из них – 10 индивидуальных и коллективных монографий, в которых выступал ответственным редактором и автором ряда глав).

Такие люди, как Владимир Константинович Волков, не уходят бесследно. Остаются книги, остаются ученики, остаются идеи. Нам всем еще предстоит осмыслить подлинный масштаб его личности и его богатое научное наследство.

Примечания

¹ Первый раз статья напечатана в журнале «Новая и новейшая история» (2009. № 1. С. 221–231) под названием «Член-корреспондент РАН Владимир Константинович Волков (1930–2005)».

² *Волков В. К.* Некоторые вопросы освободительной борьбы югославянских народов в годы Второй мировой войны в освещении югославской исторической литературы // *Новая и новейшая история.* 1960. № 5.

³ *Он же.* Германо-югославские отношения в 1933–1938 гг. // *Славяно-германские исследования.* М., 1963.

⁴ *Он же.* Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933–1938. М., 1966; ряд глав в «Истории Югославии». Т. 2. М., 1963 и др.

⁵ *Он же.* Операция «Тевтонский меч». М., 1966.

⁶ *Он же.* К вопросу о происхождении терминов «панславизм» и «пангерманизм» // *Славяно-германские культурные связи и отношения.* М., 1969.

⁷ См., например: *Биллингтон Д.* Икона и топор. М., 2001. С. 468.

⁸ «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871–1918. Отв. ред. В. К. Волков. М., 1977.

⁹ *Носов Б. В.* Владимир Константинович Волков – творческий путь ученого // *Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию члена-корреспондента РАН В. К. Волкова.* М., 2000. С. 16.

¹⁰ *Волков В. К.* Мюнхенский сговор и балканские страны. М., 1978.

¹¹ Мюнхен – преддверие войны (исторические очерки). Отв. ред. В. К. Волков. М., 1988.

¹² *Мичев Д.* Межрабпом – организация пролетарской солидарности трудящихся. 1921–1935. М., 1971; *Петров С.* БКП в борьбе против монархо-фашизма. 1941–1944. М., 1973; *Живкова Л.* Англо-турецкие отношения в 1933–1939 гг. М., 1975.

¹³ *Волков В. К.* Российское славяноведение: вчера, сегодня, завтра // *Волков В. К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 281.

¹⁴ Там же. С. 292.

- ¹⁵ Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003.
- ¹⁶ Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В 2-х книгах. М., 2005.
- ¹⁷ Волков В. К. Российская историческая славистика на пороге XXI века: смена исследовательской парадигмы // Волков В. К. Узловые проблемы... 2000. С. 297.
- ¹⁸ Он же. Российское славяноведение: вчера, сегодня, завтра. С. 311–312.
- ¹⁹ Там же. С. 310–311.
- ²⁰ См.: Очерки истории культуры славян. М., 1996.
- ²¹ Волков В. К. Российская историческая славистика на пороге XXI века. С. 310–312.
- ²² Там же. С. 313.
- ²³ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. Отв. ред. В. К. Волков и Л. Я. Гибианский. М., 2000.
- ²⁴ Волков В. К. Германский вопрос глазами Сталина (1947–1952) // Волков В. К. Узловые проблемы...
- ²⁵ Там же. С. 19, 25, 28, 54.
- ²⁶ Волков В. К. У истоков концепции «социалистического лагеря» // У истоков «социалистического содружества». СССР и восточноевропейские страны. 1944–1949. М., 1995.
- ²⁷ Он же. Инстинкт самосохранения: советская партократия и «Пражская весна» // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997.
- ²⁸ Он же. Советский Союз и страны «социалистического лагеря»: десталинизация «международных отношений нового типа» (1955–1957) // Волков В. К. Узловые проблемы...
- ²⁹ Там же. С. 78.
- ³⁰ Там же. С. 183.
- ³¹ Волков В. К. Инстинкт самосохранения... С. 195, 220.
- ³² Он же. Отношения между Советским Союзом и социалистической Югославией: опыт истории и современность // Вопросы истории, 1988. № 7.
- ³³ Он же. Трагедия Югославии // Волков В. К. Узловые проблемы...
- ³⁴ Он же. Балканы в системе геополитических интересов России // Там же.
- ³⁵ Он же. Балканская западня и проблема столкновения цивилизаций // Там же.
- ³⁶ Он же. Трагедия Югославии. С. 224, 227, 243–249.
- ³⁷ Он же. Балканы в системе геополитических интересов России. С. 322, 325; Волков В. К. Балканская западня и проблема столкновения цивилизаций. С. 343.
- ³⁸ Он же. К читателю // Волков В. К. Узловые проблемы... С. 5.

В. К. Волков, И. В. Волкова (Москва)

Русское политическое совещание против Советской республики: реконструкция деятельности

Русское политическое совещание (далее РПС) – объединение из русских послов Временного правительства в зарубежных странах, общественных и государственных деятелей России времен Николая II и Временного правительства, созданное для представительства России на Парижской мирной конференции – давно и хорошо известно историкам. Его становление и деятельность, равно как и предварявшая его работа посольского совещания, основательно и в разных ракурсах освещались в трудах Г. З. Иоффе, О. В. Будницкого, М. М. Кононовой, В. Ж. Цветкова. Источниковой основой для историков служили материалы, почерпнутые из фондов Гуверовского института войны, революции и мира, Архива русской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета, а также ГАРФ¹.

Вместе с тем, практически вне поля зрения исследователей остался обширный массив документов, отложившийся в АВП РИ, ф. 187, оп. 524 (Посольство в Париже). В частности, М. М. Кононова, собравшая немалую базу данных по самым разным аспектам деятельности русских дипломатов за рубежом за период 1917–1925 гг. и опиравшаяся на фонды сразу всех представительств, хранящиеся в ГАРФ и АВП РИ, использовала указанный нами фонд лишь выборочно и в незначительной степени.

В целом, обширная подборка документов из этого фонда, скрупулезно составленная Владимиром Константиновичем Волковым в процессе работы над книгой о Брестском мире, лишь частично пересекается с теми документальными коллекциями, которые уже включены в научный оборот. По-видимому, валовое сопоставление ранее задействованных документальных комплексов с привлеченным В. К. Волковым массивом может дать более точный ответ об их соотношении. Между тем, уже в первом приближении такое сравнение показывает самостоятельное значение ядра фонда 187 АВП РИ.

В его составе – переписка русских дипломатических представителей за отрезок времени от ноября 1917 г. (по новому стилю) до августа 1919 г., включающая обмен мнениями и меморандумы дипломатов, информационные сводки и отчеты связанных с ними должностных лиц из правительственного аппарата российских антибольшевистских правительств. Дважды – осенью–

зимой 1918 г. и весной 1919 г. комплект непрерывной переписки разрывается лакунами, образованными за счет изъятия наиболее секретной части информации, передававшейся между корреспондентами при помощи шифров. Вместе с тем содержание таких изъятий поддается выявлению из контекста предшествующей и последующей переписки дипломатов. Поэтому сформированная источниковая база позволяет вполне последовательно проследить оформление и корректировку линии борьбы с большевизмом, исходившую от русских дипломатов и близких к ним структур.

Объективные условия ставили дипломатических представителей, пусть уже и несуществующего государства, в исключительное положение по отношению к противоборствующим сторонам на российском политическом пространстве. Прежде всего тому способствовали их регулярные личные контакты с ключевыми фигурами западной политики, включая и наиболее ценный неформальный аспект этого общения, активный мониторинг текущей обстановки и общественного мнения по интересующим вопросам в странах пребывания, да и налаженная оперативная связь друг с другом и с агентурной сетью на родине. Владение актуальной информацией само по себе составляло важнейший ресурс влияния на ситуацию в России, с ее углубляющейся изоляцией от внешнего мира. Этим преимуществом дипломаты пользовались сполна. В их руках оно дополнялось определенными рычагами воздействия на лиц, вовлеченных в обсуждение «русского вопроса» среди западных политических элит, да и контрагентов на родине. Таким образом, самой логикой вещей посольскому сообществу было назначено стать центром отработки решений, касавшихся противодействия большевизму с участием международных сил.

Первым толчком к консолидации послов, разбросанных по разным точкам мира, стало известие о перевороте 25 октября / 7 ноября. «Большевистское правительство, созданное в результате переворота, не может считаться всенародным общепризнанным правительством России. Его торжество будет кратковременным и завершится полным крахом. Оно вышло из бунта, опирающегося на насилие, придерживается программы, заведомо губительной для России, и не может быть признано законным» – такой вердикт зарождавшемуся советскому режиму вынес российский представитель в Париже В. А. Маклаков в телеграмме от 9 ноября (по новому стилю), отправленной коллегам в Лондон, Рим и Вашингтон. Обращаясь с запросом об отношении правительств, при которых они аккредитованы, к российским событиям, он в то же время призывал к выработке единого подхода деятелей российской дипломатии к произошедшему перевороту и новоявленным хозяевам страны². Отклики не заставили себя долго ждать. Уже 10 ноября на стол Маклакову легли телеграммы

из Рима, Лондона, Копенгагена и Вашингтона с заверениями в солидарной оценке большевиков и намерении игнорировать распоряжения, поступающие из Петрограда. В радикально поменявшемся контексте деятельности дипломаты были единодушны в стремлении и впредь позиционировать себя «представителями России, находящейся в нерушимом союзе с державами, ведущими войну с Центральным союзом» и координировать свои действия³.

Это решение уже не могли поколебать ни угрозы наркома по иностранным делам Л. Д. Троцкого рассматривать саботаж предписаний из революционного Петрограда как тяжкое государственное преступление, ни даже последовавшее 9 декабря уведомление об их увольнении от должностей⁴. Следует думать, что полный и окончательный разрыв с Петроградом только ускорил самоорганизацию послов, волею судеб оказавшихся в изгнании. Уже 19 ноября барон М. Ф. Мейендорф от лица всей миссии в Копенгагене выступил с предложением возложить «на одного из начальников посольств общего руководства всеми русскими посольствами и миссиями за границей в видах наибольшей согласованности их действий»⁵. Охотно подхваченная всеми участниками переписки, эта идея привела к появлению двух конкурирующих кандидатур на пост «старшины» русского корпуса. Первую – М. Н. Гирса – посланника в Риме – отстаивал посланник в Стокгольме К. Н. Гулькевич, аттестуя его как «посла, блестящая деятельность которого столь счастливо связана с нашим ведомством». Вторую – В. А. Маклакова – в своеобразной форме выдвинул посланник в Афинах И. П. Демидов: «Миссия в Афинах единодушно приветствует мысль временного учреждения, объединяющего центра для всех Русских представителей за границей. Таким естественным центром считал бы Посольство в Париже»⁶. Париж как штаб-квартира привлекал и других участников письменного опроса. Прежде всего, потому, что был местом проведения союзнических конференций и расположения главного штаба объединенного командования союзных армий. В частности, его второго контрразведывательного отдела, ставшего в 1917 г. едва ли не самым важным инструментом направления союзнической политики⁷. С 20-х чисел ноября неофициальное, но весьма деятельное посольское совещание – орган обмена мнениями, выработки единой линии действий и обеспечения связей с родиной из русских посольств и миссий с центром в Париже и во главе с Маклаковым – приступило к работе.

История с утверждением в качестве фактического «дуайена» В. А. Маклакова (при формальном признании старшинства Гирса среди послов) с прямой наглядностью доказывала, что иной раз не человек красит место, а место – человека. В отличие от потомственного дипломата Гирса, не имевший за пле-

чами никакого опыта иностранной политики, Маклаков стал дипломатом по курьезной случайности. После Февраля при личной встрече с коллегой по кадетской партии и первым министром иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюковым Маклаков игриво ввернул в разговор фразу о том, что любой высокий пост в России он с удовольствием бы променял на должность посольского консьержа в Париже. Не сразу, но его пожелание было удовлетворено сверх запрошенной меры – в конце октября 1917 г. он отбыл в Париж с верительными грамотами посла за подписью последнего министра иностранных дел Временного правительства М. И. Терещенко⁸. По приезде посольская грамота оказалась просроченным товаром – Временное правительство было свергнуто. Несмотря на досадную заковыку, Маклаков, пусть в неофициальном статусе посла, все же приступил к своей миссии. Невольно закрадывается подозрение: не стремление ли обойти помеху, столь некстати выросшую на пути к заветной цели, да и, в общем, по-человечески понятное желание переждать в горячо любимой Франции российскую смуту, водили пером Маклакова, в инициативном порядке составившего меморандум 9 ноября? Без сомнения, однозначный ответ дать трудно, чужая душа – потемки. Невозможно, однако, отрицать, что удачно сложившееся в его случае единство времени (с пылу с жару октябрьского переворота), места (Париж! Париж!) и действия (закрепленное личным почином «право первородства» в антибольшевистском сговоре) целиком определило его дальнейшую роль. Во всяком случае, ему удалось избежать унизительных сцен, вроде той, которую пережил собрат по несчастью посол в Испании (бывший финляндский губернатор) М. А. Стахович. Добившись-таки после многократных безуспешных попыток приема у министра иностранных дел маркиза Алусемаса для вручения верительной грамоты, незадачливый посол услышал ироничный вопрос: «Ведь грамота подписана господином Керенским, а где теперь господин Керенский?»⁹.

Кипучей организационной энергии Маклакова явно благоприятствовала атмосфера растерянности, порожденная в антантовских кругах международным дебютом большевиков (Декрет о мире, принятый 8 ноября II съездом Советов, нота Л. Д. Троцкого от 21 ноября с предложением союзническим правительствам начать мирные переговоры, объявление о грядущем оглашении секретных договоров правительств). Солидный кадровый потенциал русской заграничной службы, располагавшей в 1917 г. 6 посольствами и 19 миссиями – с влиятельными связями и отлаженными источниками информации в России, к тому же по-прежнему готовой служить Антанте, – в этих обстоятельствах казался сущей находкой. Это впечатление не могли испортить двое, по идейным

соображениям отколовшиеся от дружной компании – временный поверенный в делах в Испании Ю. Я. Соловьев и поверенный в Португалии П. Л. Унгерн-Штернберг¹⁰.

Совершенно очевидно, что фигура Маклакова, известная и прежде во французских общественных кругах, и его новая деятельность в качестве главы русского политического предприятия – вызвали доверие и, вероятно, даже некоторые ожидания в урегулировании сверхсложного «русского вопроса». Также ясно, что без карт-бланша, предоставленного хозяевами, не могли бы сразу начаться ни его интенсивное взаимодействие с официальными лицами Франции, ни тем более постепенное перепрофилирование «посольского клуба по интересам» в структуру с притязаниями на замещение правительства в изгнании. Форсированное движение в этом направлении смутило даже выдавшего виды посланника в Стокгольме К. Н. Гулькевича: «Приветствуя всякое проявление единодушия между чинами нашего ведомства, – писал он 21 ноября Маклакову, – я, тем не менее, полагаю, что заграничные учреждения министерства иностранных дел не могут обособляться в самостоятельную организацию. Такая организация, лишенная всякой основы представительства и оторванная происходящими событиями от родины, неизбежно получит характер самодовлеющий и присвоит себе право считать себя представительницей того или другого правительства и вступать на путь декларативных постановлений. Это было бы, по моему мнению, и юридически необоснованным, и практически нежелательным ввиду противоречия с волей русского народа»¹¹. Впрочем, особое мнение Гулькевича не было принято в расчет, и посольское дело с успехом покатило дальше по намеченной колее.

В отличие от эффектного организационного становления, практическая работа встретила с рядом трудностей уже на старте. С одной стороны, неясность перспектив самого большевистского режима и его реальной готовности осуществить заявленные угрозы – заключить сепаратный мир и опубликовать материалы секретной дипломатии – сковывала активность дипломатов в проведении антибольшевистской пропаганды и воздействии на проантантовские ориентации в стране. С другой стороны, психологическое давление оказывали европейские партнеры. Негодование «предательским» поведением большевиков, захлестнувшее западный бомонд, частично выплеснулись и на русскую колонию. 24 ноября обеспокоенный посол К. Д. Набоков передавал из Лондона хлесткое высказывание лорда Р. Сесилия: «Если русский народ санкционировал Троцкого, это оставит его вне общения с Европой»¹². Антирусское заявление заместителя министра иностранных дел породило и ряд созвучных реплик в английской официозной прессе¹³. Одновременно с этим Маклакову

в Париже пришлось выслушать резкое суждение французского министра иностранных дел С. Пишона, фактически обнулявшее потуги русских дипломатов удержать Россию в антантовском «строю»: «При помощи Америки и без участия России союзники не могут быть побеждены»¹⁴.

Нервная обстановка побуждала к действию. Весь вопрос состоял в том, как в ситуации неопределенности можно было бы его организовать и оформить. Именно здесь впервые проявилась незаурядность тактического мышления Маклакова. Идея была подсказана К. Д. Набоковым – выступить от имени всех русских за границей, в целом, и посольского сообщества, в частности, с призывом к соотечественникам на родине – организовать отпор «изменническому режиму» и «клеветам Германии» («путь обращений – через румынскую главную квартиру»)¹⁵. Хотя и в несколько измененном формате, этот план был приведен в исполнение. 23 и 29 ноября в Россию радиogramмой были переданы две прокламации, адресованные соответственно фронту и гражданскому населению.

В первой отправка маскировал себя ссылкой на французское общественное мнение («Французское общественное мнение относится с удивлением и возмущением к воззванию Ленина, который, начав с обещаний мира на демократических началах, осмеливается предложить переговоры... с германским императором, врагом свободы народов... По достоверным сведениям, имеющимся во Франции, сподвижники Ленина или куплены, или одурачены Вильгельмом»)¹⁶. Во второй, стилизованной под простонародную речь, авторство вообще не угадывалось. «Русскому народу обещают, как избавление, отдельный мир и отдельное перемирие, но те, кто это замышляют, готовят России не мир и свободу, а величайшее несчастье... Германия наложит на нее свою тяжелую руку... заберет у России и хлеб, и скот, и землю... погонит русских на работы... чтобы скорее кончить войну, мы должны сговориться с союзниками, а не изменять им»¹⁷. Отступление от замысла Набокова – сделать заявление от имени всех русских за границей – Маклаков обосновывал этическими соображениями: «...я считаю... нецелесообразным и до некоторой степени несправедливым, чтобы заграничные представители России, пребывая в условиях безопасности, обратились с призывом к стойкости к лицам, подвергающимся всевозможным опасностям». Равным образом, он категорически отвергал всякий намек на причастность к текстам посольского сообщества: «...полагаю, что участие в таких заявлениях послов неудобно... публичное, официальное выступление посла раньше, чем открыто высказалось само правительство, при котором он аккредитован, мне представляется некорректным относительно этого правительства»¹⁸. Итак, уже в ходе первой запущенной

интриги ярко обозначились тактические приемы Маклакова, которые вскоре станут его своеобразным «фирменным знаком» – избегание прямолинейных и обязывающих деклараций, склонность к анонимности действий и прикрытию сторонних сил.

Рассчитывал ли Маклаков на какой-либо резонанс внутри страны подобных «писем без адреса»? Вряд ли. Вернее всего предположить, что в данном случае им двигал сугубо «пиаровский» мотив. На него же указывал и К. Н. Гулькевич, усматривавший единственный прок от подобной операции, в том, чтобы «обелить себя перед союзными правительствами и лордом Р. Сесилем»¹⁹. Не исключено, что в этом деле Маклакова привлекал еще и личный бонус: подтверждение своего неформального статуса ловкого и оперативного проводника идей, генерируемых посольским совещанием.

Впрочем, косвенный практический эффект демарш Маклакова все же возымел – он получил приглашение на предварительную межсоюзническую конференцию, проходившую с 29 ноября по 3 декабря в Париже. К тому времени петроградский туман начал понемногу рассеиваться – 27 ноября Л. Д. Троцкий известил Антанту о достигнутой договоренности с Четверным союзом приступить в самом ближайшем будущем к мирным переговорам и снова предложил объединить усилия в достижении скорейшего мира. Как и после 21 ноября, это обращение осталось без ответа. А 3 декабря в Брест-Литовске открылся первый тур переговоров. Еще через три дня в советской России началось рассекречивание документов тайной дипломатии, вызвавшее бурную протестную реакцию союзников²⁰. За несколько дней до начала Парижской конференции русское посольское сообщество было взволновано вестью с родины, полученной М. Н. Гирсом. К английскому послу в России Дж. Бьюкенену обратились меньшевик М. И. Скобелев и народный социалист Н. В. Чайковский с заверением в том, что им удастся составить правительство без большевиков. Взамен через посла визитеры просили обещания союзнических держав немедленно созвать конференцию для обсуждения целей войны. «Париж ответил категорическим отказом», – извещал Гирс²¹.

Этот прецедент вызвал недоумение русских дипломатов. «Полагаю, что отказ союзников даже обсуждать цели войны в настоящее время мог бы дать оружие в руки большевиков, позволяя им изобразить дальнейшее участие в войне как служение исключительно интересам союзников», – делился с коллегами своими опасениями В. А. Маклаков²². Приведенные соображения перекликались и с представлениями русского посла в Вашингтоне Б. А. Бахметева. 30 ноября он направил Маклакову пространный меморандум с их изложением.

«Союзникам представляется ныне исключительно благоприятная возможность выразить в своем ответе понимание ими основ справедливого демократического мира, являющегося целью войны, ...мудрой основой для такого заявления могла бы явиться формула Вильсона в его ответе на Папские предложения», – был убежден Бахметев. В отношении противоборствующих группировок внутри России, по его мнению, следовало бы держаться нейтралитета («символической национальной позиции», в его терминологии), не предугадывая «тех форм, в которые выльется окончательная победа национальных элементов над большевизмом»²³.

Нетрудно заметить, что Бахметев был захвачен миротворческими инициативами В. Вильсона. Впервые озвученные в послании к Конгрессу от 22 января 1917 г. они далее дополнялись в ряде выступлений. (Близким им по содержанию было «Обращение к руководству воюющих стран» Папы Бенедикта XV от 1 августа 1917 г.). Американский президент выражал надежду на заключение мира без победителей и побежденных, на создание в скором времени международной организации, которая, в противоположность прежнему принципу военного баланса сил, способствовала бы внедрению в мировую практику механизмов мирного урегулирования конфликтов²⁴. Обобщением мироустроительных планов Вильсона стали его знаменитые 14 пунктов (8 января 1918 г.), из которых 6-й посвящался России. Истолкованный многими аналитиками как жест доброй воли лидера Нового Света в отношении советской России, этот пункт отражал позицию благожелательного нейтралитета в отношении конечного политического самоопределения русского народа. Не случайно произведение Вильсона было мгновенно переведено на русский язык и растиражировано в России. Британский историк Дж. Уилер-Беннет указывал на причастность Бахметева, среди прочих экспертов и советников, к оформлению «14 пунктов»²⁵.

Приурочивая свой труд к межсоюзнической конференции, Бахметев рассчитывал с его помощью повлиять на ход обсуждения русского вопроса или, по меньшей мере, на выступления Маклакова. Если верить свидетельству последнего, по бахметевскому конспекту, как по нотам, он и исполнил свою партию. «От начала до конца согласен с Вашей точкой зрения, – докладывал он 2 декабря своему вашингтонскому корреспонденту, – и старался ее провести. Представил записку членам конференции, говорил с ними и вместе и порознь. Убеждал принять от имени конференции резолюцию в вашем смысле. План расстроился за невозможностью выработать общий текст различием взглядов отдельных держав»²⁶. Однако настоящая картина выглядела все же иначе, чем ее преподносил Маклаков.

Настрой участников конференции благоприятствовал принятию взвешенной и отнюдь не враждебной России резолюции. Накануне из Петрограда от Бьюкенена британским властям поступило мудрое предложение: официально признать Россию свободной от союзнических обязательств от 23 сентября 1914 г., то есть, по сути, просто подтвердить ее реальную неспособность нести далее бремя войны, и попытаться вступить в нормальные отношения с советским правительством. Такая комбинация, по твердому убеждению английского посла, знавшего не понаслышке предрасположенность советского руководства, могла бы сковать советско-германские переговоры. Этот совет получил одобрение премьер-министра Д. Ллойд Джорджа и министра иностранных дел Великобритании А. Бальфура. Его был готов принять за руководство к действию и полковник Э. Хауз, доверенное лицо президента Вильсона. Противовес он нашел в лице министра иностранных дел Италии Дж. С. Соннино, премьер-министра Франции Ж. Б. Клемансо и... В. А. Маклакова. По мнению Уилера-Беннета, на русском представителе лежала часть вины в том, что накануне открытия переговоров в Брест-Литовске был бездарно упущен шанс отвести угрозу сепаратного мира и установить более или менее цивилизованный контакт с советской стороной²⁷. В результате была принята блокирующая резолюция, откладывавшая право России участвовать в обсуждении демократических целей войны до установления в ней общепризнанного демократического правительства. А поскольку большевистское правительство, по общему мнению участников, под эти параметры не подпадало, диалог с ним был сорван, еще не начавшись.

Чуть откровеннее, чем с Бахметевым, Маклаков был с М. Н. Гирсом. В письме к нему в Рим от 2 декабря он сознался: «Я не предполагаю подавать ноты, подобной бахметевской». Однако и здесь, применив в очередной раз собственный дежурный штамп о некорректности «предрешать нашими выступлениями позицию правительств, при которых мы аккредитованы», ушел от разъяснения своего поведения²⁸. Глубинные мотивы странного маневра приоткрывались в его обстоятельном отчете от 3 декабря о завершившейся конференции, разосланном по всем русским дипломатическим адресам: «...господство большевиков грозит перспективой сепаратного мира, связанного с прокормлением Германии и возвратом пленных. При всей решимости бороться до конца возможность борьбы при такой обстановке становится сомнительной, – рассуждал Маклаков. – Отсюда недалеко до компромисса с любым правительством, которое было бы признано в России, чтобы, если не вовсе удержать его от последнего шага, то, по крайней мере, выгадать время. Я думаю, что эти соображения заставляют правительства и даже прессу держать относительно Рос-

сии очень терпимый тон, и, по моему мнению, мы можем встретиться с попыткой примирения»²⁹. Судя по сделанным признаниям, именно такое развитие событий его менее всего и устраивало. Одно дело – правительство без большевиков, которому следовало бы оказать уважение, другое дело – большевистское. Перспективе самого худого мира с Советами, маячившей за доводами Бьюкенена-Вильсона-Бахметева, он без колебаний предпочел непримиримую линию Соннино и Клемансо. Итак, личная приверженность Маклакова конфронтационному курсу, хотя и маскируемая от внешних наблюдателей, в немалой степени повлияла на промежуточный итог международного обмена мнений по русскому вопросу.

От афиширования и тем более открытого продавливания собственного подхода Маклакова удерживала роль посредника между русскими дипломатическими постами, расставленными от Пекина и Токио до Мадрида и Вашингтона, с определенными субъектными отличиями каждого из них. Поддержание работоспособного состояния всей линии во многом обуславливалось деликатностью и взаимной уважительностью отношений. Как никто другой, это хорошо понимал и старался обеспечить Маклаков, что, впрочем, совсем не мешало ему вести свою игру. Для этого в его активе было немало способов. В вопросах стратегии на продвижение его замыслов работали: право первоочередного получения и первичной обработки поступающей с разных концов информации, формирование повестки дня посольских «мозговых штурмов», целенаправленная подача материала к обсуждению. В тактике на помощь в нужных случаях приходили недомолвки, отсылки на императивы политкорректности, перевод стрелок на третьих лиц и даже явный блеф, как в эпизоде с запиской Бахметева. Эти и другие инструменты из талейрановского арсенала позволяли в достаточно широких рамках, если не манипулировать посольским клубом, то, во всяком случае, уверенно подталкивать его к заготовленным решениям. В конечном итоге ему удавалось определять вектор интеллектуальной и коммуникационной деятельности посольского клуба.

В начале января 1918 г. (по новому ст.) для консультаций в Париж им были созваны участники посольского совещания: М. Н. Гирс, К. Д. Набоков, М. А. Стахович, И. Н. Ефремов (посланник в Швейцарии). Для коллег из Токио и Вашингтона, слишком далеко находившихся от места сбора, 13 января была составлена краткая протокольная запись проделанной работы. «На состоявшемся на днях в Париже совещании между Гирсом, Стаховичем, Ефремовым, Набоковым и мною приняты были нижеследующие решения, – информировал Маклаков:

1. Решено передать Английскому и Французским правительствам памятные записки... Указав на опасность бездействия со стороны союзников перед

угрозой установления германского господства над Россией, мы призываем союзные правительства организовать согласованную общесоюзническую работу в целях борьбы с этой опасностью. Мы высказываемся в этой записке в пользу создания в Париже специального Совета по русским делам, при ближайшем участии Франции, Англии и Соединенных Штатов, и обращаем внимание на настоятельность организации общими силами осведомления о происходящем в России. Задачи, которые, по нашему мнению, союзники могут и должны преследовать в России, заключаются в следующем:

а) поддержать все силы, противодействующие германскому влиянию или разлагающему влиянию большевиков, и оказать помощь их организационным усилиям и, в частности, Украину, казаков, Кавказ и Сибирь, не останавливаясь перед фактическим признанием союзниками их самоуправления; б) содействовать созданию в этих областях военной силы, которая в будущем могла бы еще, быть может, причинить заботы Германии; в) сохранить всеми доступными способами в руках верных союзникам элементов сибирскую железную дорогу...»³⁰.

Обрыв страницы на пункте «в» не дает возможности привести весь перечень поставленных задач. Однако и сохранившаяся часть вполне позволяет оценить представленный документ как программу прорыва в организационной и содержательной сфере деятельности. В перспективе поражения Германии поднятие статусного ранга до уровня Совета по русским делам с соучастием союзников повышало шансы русских послов на приглашение к выработке послевоенной международно-правовой реальности. К тому же признание в новом качестве фактически означало бы легитимацию той деятельности, которая пока велась на шатком юридическом основании. Но это была только одна сторона дела. Вторая состояла в том, что с образованием такого органа послы получали более весомый голос на межсоюзнических консультациях в определении политики по отношению к советской России. Как видно из текста, главной целью в этом плане становился поворот от пассивно-выжидательной линии борьбы с большевизмом к наступательному образу действий. Применительно к внутривнутриполитической ситуации в России, которая пока балансировала на грани войны и мира, утверждался курс на разжигание вооруженного противостояния большевикам всех потенциально пригодных для этого сил. Нехватку ресурсов для этого на местах посольское совещание рассчитывало восполнить щедрой помощью союзников. А ради привлечения на свою сторону такого мощного резерва, как национальные окраины, не отказывалось вступить в конкуренцию с главным врагом на его идейном поле. Правда, в отличие от большевистских вождей, провозгласивших равенство и суверен-

ность наций, их право на свободное политическое самоопределение и даже признавших независимость Финляндии, совещание ограничивалось лозунгом самоуправления национальных окраин. Можно допустить, что ответ на большевистский вызов был навеян эсеровской концепцией федерализма в национальном вопросе.

Идеи меморандума свидетельствовали о полевении взглядов авторов, по крайней мере, Маклакова и Набокова, придерживавшихся либерально-кадетской идеологии. Отступление от базового положения кадетов – о единой и неделимой России (унитарной модели) и послеоктябрьского кадетского отрицания территориально-политической автономии и принципа федерации в национально-государственном строительстве – показывало готовность учиться у левых оппонентов³¹. Уверенное пользование Маклаковым и в последующем концептом союзной федерации (см. далее по тексту) указывало на то, что это не было мимолетным увлечением. Сходство с «демократической контрреволюцией», однако, заканчивалось в пункте о внешнем содействии большевистскому разгрому. В отличие от эсеров, обуславливавших вмешательство союзников только совместным советско-германским выступлением против войск Антанты и согласием на это вмешательство общероссийского народно-демократического правительства, совещание склонялось к безоговорочному принятию любой помощи³².

Отсутствие соответствующих документов в архивном деле не позволяет установить реакцию союзнических партнеров на послание русских дипломатов. Тем не менее, можно сопоставить его основные положения с рядом известных фактов. В частности, путеводитель, начертанный авторами для отечественных и антантовских агентов в деле мобилизации антибольшевистских сил, точно соответствовал географии будущей гражданской войны. Что касается казачьих территорий – Дона, Кубани, то их роль русской «Вандеи» отчетливо прорисовалась уже в конце 1917 г. Украина, Северный Кавказ и большая часть Закавказья, сопротивлявшиеся попыткам советизации и двигавшиеся своим курсом обретения независимости, также могли учитываться в антибольшевистском раскладе сил. Предвидеть значение этих анклавов как очагов предстоящих схваток было не так уж сложно.

Иным было положение дел на территории, простиравшейся за Уральским хребтом. Несмотря на областнические тенденции, проявившиеся в крае накануне Октября, практически до лета 1918 г. он не претендовал на заметное место в антибольшевистской борьбе. Сибирь мирно дремала вплоть до чехословацкого мятежа. С момента бескровного захвата власти в начале и до середины 1918 г., при полном непротивлении населения, здесь правили большевики,

упрятавшие за решетку активных поборников автономии из Сибирской областной Думы³³. Не подавали обнадеживающих вестей о себе и элементы антисоветской фронды, распыленные по городам Сибири³⁴. Правда, в конце января 1918 г. на подпольном собрании думцев в Томске было сформировано Сибирское правительство. Однако размеры его влияния красноречиво характеризовал следующий факт: избранный в его состав известный областник и юрист П. В. Вологодский (будущий премьер Омского правительства) узнал об этом совершенно случайно только в апреле³⁵. Тот же близкий к кадетским кругам сибирский деятель с горечью констатировал полное отсутствие среди сибирского населения антибольшевистских настроений и даже жажду восстановления большевистской власти после того, как она была свергнута³⁶.

Еще более иррационально, чем выдвижение Сибири в эпицентр борьбы с Советами при таких явно недостаточных предпосылках, выглядело в самом начале 1918 г. указание на особую роль Транссибирской железнодорожной магистрали и рекомендация держать ее под контролем надежных лиц. Программу посольского совещания следует считать если не первой, то, во всяком случае, одной из наиболее ранних проработок вопроса о превращении Сибири в плацдарм гражданской войны, а Транссиба – в ее проводящую артерию. И все же – при всей внешней умозрительности эти выкладки отталкивались от сугубого прагматизма.

В видах эскалации внутрисоссийского конфликта с иностранным участием розыгрыш сибирской карты был, пожалуй, единственным верным ходом с точки зрения положительного отклика союзников. Их интерес к продовольственным и сырьевым запасам Сибири, австро-венгерским военнопленным, ожидающим доставки в распоряжение Антанты, проявлялся и ранее. В 1917 г., еще при власти Временного правительства, он выразился в проезде британского разведчика С. Моэма от Владивостока до Петрограда, а также в короткой командировке так называемого «Русского железнодорожного корпуса» из 300 американских железнодорожных офицеров и техников на Транссиб, откуда вскоре должен был двинуться поток товаров и людей³⁷. Крайнее истощение сил и ресурсов воюющих сторон к 1918 г. закономерно обостряло интерес Антанты к свежим воинским силам и товарным поставкам из Сибири. Собственно, на этом расчете и была закручена интрига послов.

Невзирая на отсутствие прямых документальных подтверждений, имеются все основания думать, что предложенная вниманию союзников программа действий в России все же была принята к сведению. Можно полагать, что она подкрепила собой ту предрасположенность, которая уже сложилась в союзнических структурах. Так или иначе, 30 января министр иностранных дел Анг-

лии А. Бальфур открыто высказался в пользу применения японских военных сил для оккупации Сибирской железной дороги, а главнокомандующий вооруженными силами Антанты маршал Ф. Фош озвучил мысль о том, что «Америка и Япония должны встретить Германию в Сибири»³⁸. В порядке развития темы можно с большой вероятностью предполагать, что и восстание конца мая продвигавшихся по Транссибу чехословаков, вместе с последовавшими затем бурными событиями, выросло не столько из анархической стихии, сколько из хорошо проработанного сценария. Наряду с тем, нельзя исключать, что определенная утечка информации из того же источника могла питать формально безосновательную, но в то же время, по словам С. П. Мельгунова, «какую-то слепую веру» офицерского контрреволюционного подполья в Сибири, что к 1 июля обязательно придет помощь союзников³⁹. Но и это еще не все. Доказательством тому, что представленная записка не затерялась в бумажных залежах союзнических структур, являлось предложение У. Черчилля создать Союзный Совет по русским делам, выдвинутое 15 февраля 1919 г., по ходу вязких прений о выходе из «русского тупика». В противовес альтернативе гражданского компромисса, которую отдельные участники обсуждения связывали с общерусской конференцией на Принцевых островах, британский военный министр настаивал на создании органа, с помощью которого союзники могли бы более компетентно судить о внутрисоссийских делах и о своем потенциале влияния на них⁴⁰. Внезапно и метко выстрелившая «заготовка» посольского совещания разрешила патовую ситуацию, дав фору сторонникам продолжения интервенции в России.

Однако все это произойдет много позже. А в первой половине 1918 г. послы томились от отсутствия радостных вестей с родины. Фантомом оказалось правительство М. И. Скобелева – Н. В. Чайковского, с оглядкой на которое в конце ноября 1917 г. Маклаков был готов биться за право русской делегации участвовать в обсуждении целей войны. Вмешательство союзников во внутрисоссийские дела, к которому всячески подвигало посольское совещание, откладывалось. Мнения центральных фигур западной политики колебались в диапазоне от поддержки идеи вторжения в Россию до принципиального ее отклонения.

Ситуацию не переломили ни оказанная англичанами и французами финансовая помощь сначала генералу А. М. Каледину, а затем – основателям Добровольческой армии М. В. Алексею и Л. Г. Корнилову, ни подписанный 23 декабря 1917 г. секретный англо-французский протокол о разграничении «зон действия» на южных территориях бывшей Российской империи. Даже начавшаяся в канун и продолжавшаяся после подписания Брест-Литовского

мирного договора высадка союзнических десантов в русских портах еще не означала окончательного выбора во взаимных отношениях советской России с Западом. (В марте 1918 г. англо-американский десант занял Мурманск; а японские войска захватили Владивосток. Параллельно с японцами в Приморье размещались многонациональные воинские контингенты Антанты. В начале августа после антибольшевистского переворота британцы обосновались в Архангельске)⁴¹. Невзирая на реализацию худшего для Антанты варианта с подписанием советско-германского сепаратного мира, в ее отношениях с советской Россией не были сожжены все мосты и закрыты все переправы. Так, например, вступление в Мурманский порт английского крейсера в начале марта 1918 г. было санкционировано Л. Д. Троцким в видах предотвращения его потенциально-возможного захвата немцами. А накануне ратификации Брестского договора IV внеочередным съездом Советов, с ведома и согласия В. И. Ленина, Троцкий выяснял у английского и французского дипломатических агентов, как далеко могла бы простираться помощь союзников в случае нератификации договора и повторного военного наступления немцев⁴². Практически до мятежа левых эсеров и так называемого заговора послов начала июля 1918 г. возможность прийти к некоторому хрупкому согласию не отвергалась обеими сторонами⁴³. А британский кабинет и после того был вынужден считаться с глобальными рисками, которые несла в себе угроза стратегического партнерства России и Германии. Поэтому даже в пылу наивысшего раздражения воздерживался от выпадов, которые могли бы с отчаяния бросить Советы в объятия врагу⁴⁴.

Еще более амбивалентной в отношении Советской республики оставалась позиция США. Источником этой неоднозначности являлся сам президент В. Вильсон, определенное время исповедовавший взгляд на большевизм как на «крайнюю форму демократического антиимпериалистического идеализма». Тайно просчитывая возможность стравливания большевиков с сепаратистскими движениями национальных окраин, Вильсон не сбрасывал маску показного благодушия в отзывах о советской России. После обрыва 10 февраля советской делегацией переговоров с немцами из-за их непомерных требований, он оказался единственным лидером западного мира, кто послал большевикам почти дружеский привет: «Русские представители были искренними и честными. Они не могли согласиться с предположениями о завоевании и доминировании»⁴⁵.

И все-таки продолжавшаяся война открывала возможности посольскому совещанию воздействовать на союзнические структуры в желаемом направлении. По мере того, как западные демократии напрягали силы, чтобы дать по-

следний решительный бой германскому милитаризму, русские послы наращивали активность в подаче советской России как его спасительного убежища. Такая постановка вопроса позволяла мягко подвести западные правительства и общественность к выводу о необходимости довершить разгром врага на российской территории. Свой опыт осторожного внедрения этой идеи в умы журналистов и чиновников Франции Маклаков передавал в письме от 27 февраля товарищам в Риме, Вашингтоне и Лондоне: «События в России заставляют предполагать добровольное подчинение ее немцам для спасения от большевиков. Я думаю, что такое подчинение не может быть продолжительным, и после восстановления элементарного порядка и безопасности станет возможной энергичная кампания против немецкого проникновения и за сохранение союзной федерации. Необходимо только, чтобы до того времени не было сделано непоправимых шагов союзниками, которые бы устранили надежды на это. Внушаю эти мысли правительству и прессе»⁴⁶.

В условиях 1918 г. решение союзников о вмешательстве в российские дела по большей части зависело от позиции США. Неуклонно расширяя материально-техническое и боевое участие в войне с момента вступления в нее в апреле 1917 г., заокеанский союзник претендовал на соответствующую роль в организации послевоенного мирового порядка. На этом фоне в русской дипломатической команде роль форварда фактически переходила Б. А. Бахметеву, работавшему с июня 1917 г. в Вашингтоне. Весной-летом 1918 г. тандем Маклакова-Бахметева практически полностью задавал тон в посольской работе. В ее установочной части доминировал Маклаков. Все практические усилия по обработке американского общественного мнения и убеждению Госдепартамента в пользу интервенции доставались Бахметеву⁴⁷. Слаженности работы способствовало большое совпадение их идейных позиций. Судя по переписке, Бахметев разделял опасения своего парижского конфидента по поводу «быстро растущего в России монархизма и германофильства». Присоединялся он и к мнению об угрозе дальнейшего расчленения российской территории вследствие затяжек в оказании союзнической военной помощи⁴⁸. В ландан к Маклакову, считавшему, что Вильсон своим промедлением и «избытком корrekтности» «губит Россию», усиливая над ней власть Германии⁴⁹, Бахметев подозревал, что нерешимости президента содействовал Берлин, вбрасывавший отдельные лояльные высказывания о Советах в американскую печать⁵⁰.

Безусловно, оторванность от родины и поступающая оттуда партийно-окрашенная информация приводила к определенным аберрациям восприятия внутреннего фронта борьбы. Архивный фонд содержит свидетельства тесных связей, которые Маклаков поддерживал с товарищами по партии, а после Ок-

тября еще и по Совету общественных деятелей – Н. И. Астровым, П. И. Новгородцевым, С. Е. Трубецким. Данные осведомители формировали у него и соответственно Бахметева «кадето-центричную» картину происходящего. Некоторые из кадетов, в частности П. И. Новгородцев и Н. И. Астров, подвизались в возникшем в Москве весной и существовавшем до осени 1918 г. Правом центре, который пользовался денежными средствами немецкого банка и готовился к свержению советской власти ради установления конституционной монархии. Ставку на германскую помощь делал и П. Н. Милюков, с конца 1917 г. находившийся на оккупированном немцами юге России. Сам основатель кадетской партии объяснял эту эволюцию, с одной стороны, нежеланием подыгрывать корыстному стремлению Антанты восстановить Восточный фронт, а, с другой стороны, намерением прощупать готовность немцев умирить свои территориальные притязания в обмен на поддержку его политической группы⁵¹. Следует, однако, заметить, что и в этот период партийного раскола деятели, вроде графа Д. А. Олсуфьева (в прошлом члена Госсовета), жаждавшие порядка и благоустроенности за счет превращения России в немецкую колонию, вызывали отторжение у большинства кадетов⁵².

В сущности, период германофильства отдельных кадетских группировок был непродолжительным. Складывавшиеся на надпартийной основе с середины 1918 г. объединения с тем или иным участием кадетов (Национальный центр, Союз возрождения России др.), строили свою деятельность на либерально-демократической платформе и союзнической ориентации. Конечно, не было ничего удивительного, что сведения об этих перестроениях достигали русских послов с опозданием. В этой же связи не приходится удивляться и завышенной оценке германского влияния на российские дела, в частности, приписанной Берлину попытке подправить имидж большевиков. Можно было понять и нежелание послов перед лицом западного общественного мнения примешивать союзников к междоусобным российским распрям. Отсюда естественным образом проистекало замалчивание гражданского противостояния в стране как в идеологическом манифесте Маклакова от 27 февраля, так и в их совместном с Бахметевым поиске наиболее убедительной формулы призвания иностранцев на русскую землю. Тем более что ориентировка на соблюдение демократических приличий в таком щекотливом вопросе шла из высоких сфер заокеанской политики. Об этом в середине мая 1918 г. ставил в известность Бахметев: «американцы продолжают стоять на принципиальной позиции невмешательства в гражданскую войну в России, хотя и серьезно заинтересованы в успехе антикоммунистического движения»⁵³. Можно даже допустить, что в угоду американской демонстративной дистанцированности от всех

политических группировок Маклаков отклонил предложение Бахметева – инициировать волеизъявление российского либерально-демократического лагеря. Поводом союзнического прихода могло быть только общее непризнание Брестского мира, которое «равносильно признанию России воюющей стороной и разрешению перенести военные действия на ее территорию», – категорично заявлял он 11 мая 1918 г.⁵⁴

Однако и самая тщательная конспирация адресатов и целей союзнической помощи не объясняла абсолютного выпадения большевистского фактора из пиаровского сопровождения готовящейся интервенции. Построенная на базе непризнания Брестского мира аргументация союзнического вмешательства требовала столь же выраженной определенности относительно подписавших этот мир правителей России. Но как раз от нее-то решительно уклонялся Маклаков. Обманчивое исчезновение большевиков с политического горизонта ставило в невыгодное положение самих идеологов белого дела и интервенции. Они теряли убедительность в глазах западного потребителя. Между тем, в ином случае они могли бы легко ее усилить еще и пропагандистским обыгрыванием союза коммунистов с германским империализмом и их политического отщепенства после разрыва с левыми эсерами на почве все того же Брестского мира. Этот грубый просчет вдвойне озадачивал вследствие того, что фактически все точки над «и» были уже давно расставлены оппонентами большевиков и союзническими агентами в России. На теснейшую связь Совнаркома с германским послом Мирбахом постоянно напирал в своих донесениях Госдепу США посол Д. Фрэнсис⁵⁵. Идеальный, с точки зрения интересов Антанты, просчет последствий Брест-Литовской капитуляции был составлен эсерами. От лица практически всего эсеровского движения В. М. Чернов возвещал: «...рассматривая Совнарком после Брестского мира и водворения в Москве графа Мирбаха почти как немецкую экспозитуру, защитники Учредительного собрания предполагали, что рано или поздно восстание против большевиков натолкнется на вооруженные немецкие силы и поведет к восстановлению Восточного фронта мировой войны»⁵⁶.

Изложенные соображения наталкивают на мысль о том, что фигура умолчания в разработках Маклакова имела под собой более сильную причину, чем присущая ему вообще уклончивость в выражении собственной позиции. Складывается впечатление, что подчеркнутой индифферентностью к большевистской теме вытеснялось ощущение дискомфорта от того, что на «воре шапка горит». Не пытался ли Маклаков таким способом скрыть концы своего участия (или, по меньшей мере, осведомленности) в подготовке так называемого заговора послов и эсеровских восстаний в Ярославле, Ростове, Муроме,

Рыбинске, Владимире в июле 1918 г., устроенных Союзом защиты родины и свободы во главе с Б. Савинковым? На такие подозрения наводят, с одной стороны, тесные организационные связи Савинкова с антантовскими структурами и даже чехословацким Национальным советом во главе с Т. Масариком. (По этой линии шла финансовая помощь его политическому предприятию, а самое мощное восстание в Ярославле подготавливалось в ожидании высадки союзнического десанта в Архангельске). С другой стороны, выход на Савинкова имели сами послы: весной 1918 г. Бахметев предлагал Маклакову вызвать его в Вашингтон для вящей убедительности благожелательного отношения к интервенции со стороны демократической общественности России⁵⁷. А в конце 1918 г. по инициативе тех же дипломатов он был включен в состав РПС. Наконец, в пользу выдвинутой версии говорит и ставка на заговоры и перевороты как на самое эффективное средство борьбы с большевизмом, которую Маклаков формулировал в телеграмме Бахметеву от 11 мая: «Не ищите легальных основ для действий. Мы идем и еще будем идти путем государственных переворотов. Только им пока обеспечен успех». Не исключено, что эсеровский сюжет был составной частью некоей «политической работы в центральной России», на которую он неопределенно намекал в письме Бахметеву в начале мая⁵⁸. И если в коммуникации с официальной Америкой – капризной, колеблющейся, чуткой к репутационным рискам – требовалось твердое алиби непричастности к темным махинациям, то в сношениях с другим стратегическим партнером можно было пренебречь камуфляжем.

* * *

В то время как весной 1918 г. американская помощь казалась «журавлем в небе», японское участие в интервенции было уже «синицей в руке». Долго тянувшийся с санкционированием японской интервенции президент Вильсон (опасаясь, по словам Э. Хауза, «как бы японские войска, раз они уже попали в Сибирь, не остались там») 5 марта все-таки дал согласие на эту операцию⁵⁹. Перелом в американской позиции обуславливался двумя факторами. Во-первых, ожиданием действенного коллективного контроля союзников над японскими силами. Во-вторых, расчетом на умеренность притязаний японцев в перспективе близкого мирного форума, от которого они ожидали признания своих уже состоявшихся территориальных приобретений⁶⁰. 5 апреля японские войска высадились во Владивостоке.

Похоже, что соображения, оказавшие влияние на американского президента, взяли верх и в умонастроениях русских послов. Еще в конце февраля Маклаков выражал озабоченность по поводу «опасных последствий» и нега-

тивного общественного восприятия японского вторжения на русский Дальний Восток⁶¹. Однако вскоре это предубеждение отпало. Вернее всего, последним толчком к перемене взглядов послужила информация, полученная 25 апреля по линии русского посланника В. Н. Крупенского из Токио: приехавший из Харбина бывший член Госдумы от Енисейской губернии, кадет, золотопромышленник С. В. Востротин сообщал о появившихся русских правительствах в Томске и Харбине. (Следует думать, что в первом случае Востротин имел в виду сложившиеся в феврале Временное правительство автономной Сибири во главе с эсером П. Я. Дербером, а во втором – Дальневосточный комитет защиты Родины и Учредительного собрания во главе с генералом Д. Л. Хорватом, являвшимся главноуправляющим КВЖД). Однако, по свидетельству дальневосточного гостя, оба центра мало подходили для того, чтобы стать базой развертывания антибольшевистской борьбы. «Власть должна быть единоличной», и «нужна поддержка Японии», – так резюмировал итоги своих переговоров с Востротиным Крупенский⁶².

Эта информация взбудоражила Маклакова. 28 апреля он атаковал Востротина вопросами о том, что происходит в Сибири, насколько организованы ее демократические круги, какой репутацией пользуются Д. Л. Хорват и казачий предводитель есаул Г. М. Семенов. Среди его рассуждений еще мелькали сомнения в положительной реакции местного населения и определенных союзнических кругов на японскую экспедицию. Тем не менее, уже 3 мая он уверенно строил планы создания правительства на занятой японцами территории. Путь к этой цели, по его убеждению, предстояло проложить совместным русско-японским операциям по отпору большевизму, при том таким, которые бы снискали общественное сочувствие к японцам⁶³. Как это уже не раз доказывал своим опытом Маклаков, дерзкий сценарий отнюдь не был рожден в пароксизме маниловщины. Кодовым ключом к задуманной операции являлось имя А. В. Колчака, которое впервые было обозначено в письме Бахметеву от 23 мая: «Передайте мой привет Колчаку и готовность всячески ему отсюда помочь, – просил он Бахметева, осуществлявшего связь с Сибирью и Дальним Востоком⁶⁴. В письме к русской дипломатической миссии в Пекин от 5 июня всплывали новые детали и участники намеченной программы действий: «...необходимо установить согласие между Семеновым, Колчаком и Хорватом. Невозможно допустить, чтобы поддержка одного была бы исключением других. Условия и принципы помощи военным начинаниям заключаются в надежде, что это начало или центр будущего общего национального движения. Если эта надежда исчезнет и предприятие обратится в личную авантюру, будет глубокое разочарование. Надеюсь, что те, на кого вся надежда, это поймут и сгово-

рятся. Я же в ожидании общего выступления союзников буду им содействовать»⁶⁵.

По расчетам Маклакова, продвижение Колчака на вершину военно-политического руководства дальневосточной борьбой сразу решало несколько основополагающих проблем. Во-первых, его репутация пламенного защитника великой России служила твердой гарантией от экспансионистских поползновений японцев, более того, была способна придать кооперации с ними характер патриотического предприятия. Во-вторых, военный авторитет адмирала давал шанс на объединение и цементирование разобщенных военных инициатив в этом крае. В-третьих, успешная совместная деятельность антибольшевистских групп под началом вождя национального масштаба автоматически превращала бы Восточный фронт в важнейший центр борьбы с большевизмом с вытекающими отсюда перспективами создания всероссийского правительства и притяжения соответствующей союзнической помощи.

Охватившее Маклакова на рубеже апреля-мая возбуждение от увиденной возможности при помощи Колчака придать выигрышный поворот японской интервенции указывало на то, что ему была неизвестна работа, которую в этом направлении уже давно вели коллеги в Пекине. Как показывал сам адмирал в начале 1920 г. Следственной комиссии, еще в феврале 1918 г. он получил письмо от русского посланника в Пекине князя Н. А. Кудашева с просьбой о встрече. Заехав к посланнику в марте, Колчак узнал, что на него возложено командование военными силами в полосе отчуждения КВЖД. Почти одновременно от съехавшихся в Пекин представителей Русско-Азиатского банка и Правления КВЖД ему было предложено и членство в Правлении. А в конце апреля он уже приступил к своим обязанностям на новом месте службы. Как следовало из объяснений самого адмирала, инициатором изменения его маршрута в начале 1918 г. (как известно, тогда он готовился к командировке на Месопотамский фронт) и возвращения в Россию на означенных условиях являлся Кудашев⁶⁶. Включившись в посольскую интригу позднее Кудашева, Маклаков быстро определился с теми потенциальными выгодами, которые могло принести всему белому делу привлечение Колчака.

Однако многообещающий план стал рассыпаться буквально с первых недель практического воплощения. 9 июня Маклакову была передана сводка новостей от бахметевского агента на Дальнем Востоке, сообщавшая об отказе Семенова признать главенство адмирала и кознях японцев, открыто занявших сторону непокорного казачьего командира. Дальнейшее развитие отношений с японцами также не внушало агенту большого оптимизма: «Возможно, что решительность и резкость адмирала им не понравится, так как уменьшит их

влияние, основанное на раздельной поддержке отдельным отрядам». Впрочем, как докладывал все тот же источник информации, адмирал был способен обойтись и без японского содействия. Он не терял надежд на формирование сильного русского отряда для активных действий в Забайкалье и Уссурийском крае — уже на тот момент в его распоряжении находился отряд из 1000 русских воинов и 1000 наемных китайцев на станции Пограничная, а во Владивостоке его поддерживала офицерская организация численностью 800 человек. Отдачу этих сил, как считал адмирал, можно было бы увеличить за счет планомерного обеспечения деньгами и оружием со стороны союзников. Помощь живой силой, если и требовалась, то только для тыловой службы — «в виде занятия небольшими международными отрядами стратегических пунктов, ранее занятых русскими войсками». Однако никаких намеков на оказание и такой скромной поддержки со стороны западных союзников не было видно. Наоборот, с молчаливого согласия французских и английских представителей, по словам самого Колчака, «все дело предоставлено в полное распоряжение японцев, которые не желают создания здесь сильных русских сил и стремятся действовать совершенно самостоятельно». Одновременно с тревожной информацией бахметевского агента от князя Н.А. Кудашева поступило сообщение о неприязненном отношении французского посланника ко всей Харбинской военной организации и лично к адмиралу, а также о заявленном желании оказывать помощь «помимо Колчака»⁶⁷. Но и этим еще не исчерпывались неприятности, которые посыпались на адмирала.

18 июня через бахметевского агента Колчак фактически посылал сигнал SOS своим высоким покровителям из посольского совещания: в условиях активизации противника, беспокоясь о своей маленькой группировке, которую, по его убеждению, «необходимо во что бы то ни стало сохранить до общесоюзнических действий на Дальнем Востоке», он запрашивал подкрепление из нескольких тысяч славян. Нетрудно догадаться, что речь шла о выделении помощи со стороны Чехословацкого корпуса, победоносно шествовавшего с 25 мая в восточном направлении по Транссибирской магистрали. В противовес японцам, ждавшим только повода для перехода к бесконтрольному хозяйничанью на русской территории, адмирал пытался построить антибольшевистское сопротивление на туземном фундаменте. Укомплектованное из соотечественников движение не только уберегло бы от иноземного расхищения народно-государственное достояние России, но и в глазах всего мирового сообщества подтвердило бы национальную основу противодействия большевизму. Эту позицию он стремился особенно подчеркнуть в канун ожидаемого вступления союзников на российскую территорию. Братья славяне, чья родственная бли-

зость и бескорыстие не подвергались сомнению, по его представлениям, вполне органично вписывались в подобный ансамбль сил. Однако привлечение чехословаков сразу натолкнулось на преграду, которую в дипломатичной форме Бахметев определял как «представление о невозможности реакции пользоваться славянскими войсками в России, поддерживаемое, между прочим, Мадриком»⁶⁸. Итак, в самый отчаянный для Колчака момент летней кампании 1918 г. препятствием на пути помощи стали корыстные групповые интересы или корпоративные предубеждения его потенциальных помощников. Это – дерзкие казацкие атаманы, отторгавшие любую дисциплинарную власть над собой, попустительствующие их самоуправству из собственных стяжательских видов японские интервенты, высокомерные французские союзники, желавшие поставить на место чересчур самостоятельного русского военачальника, недоверчивые чехословаки, уверенные в том, что он служит реакции. Повторившись с некоторыми изменениями на новом витке деятельности Колчака, эта композиция приведет к фатальной развязке конца 1919 г.

Однако летом 1918 г. ветер перемен дул в адмиральские паруса. Последовавшие с начала июля громкие события вынесли на поверхность сибирской жизни новые силы, позволив Колчаку отойти в сторону и даже на время скрыться из вида. 2 июля Высший Союзный Совет утвердил решение о коллективной интервенции в Россию. Вслед за этим объявлением, опираясь на поддержку союзников, чехословаки продолжили проникновение вглубь российской территории: 4 июля была взята Уфа, а со второй декады июля началось операция по зачистке от большевистского присутствия отрезка Транссиба между Иркутском и Владивостоком. В сентябре чешские легионеры под командованием Р. Гайды и сибирские войска под началом генерала А. Н. Пепеляева, громя на своем маршруте красных, прорвались к Маньчжурии. У Онона они встретились с Г. М. Семеновым и японцами⁶⁹. Попутное становление множественных местных правительств взамен свергнутых Советов быстро заполнило политическое пространство конкурирующими лидерами и планами.

Тем временем адмирал пребывал в Токио. Об этом визите Бахметев лаконично докладывал в письме к Маклакову от 15 июля: «Адмирал Колчак выехал в Японию на короткий срок просить помощи японского генерального штаба и выяснить справедливость опасений о его японофобстве и противодействии японцам. Генерал Накашима, не ладивший с адмиралом, отозван из Харбина в Японию»⁷⁰. Еще одна скупая информация прошла в письме от 28 июля: «Адмирал Колчак отказался от командования войсками, находится в Японии, причина отказа нам неизвестна»⁷¹. Краткость и невыразительность комментария были вполне адекватны предсказуемым результатам поездки. Отторжение

«пан-монгольского милитаризма», возникшее у Колчака во время посещения Японии еще в 1917 г., и как следствие настороженное отношение к японской «дружбе» – были известной величиной в кругу его военных и политических партнеров⁷².

Неблаговидная роль в Харбине начальника Разведывательного управления Генштаба генерала М. Накашимы, вымогавшего компенсацию за помощь, раскол, который японцы сознательно сеяли в русской военной среде – только укрепили адмирала в прогнозе нарастающей с востока «желтой» угрозы. Как и следовало ожидать, не задавшееся сотрудничество в России не смогли наладить никакие влиятельные японские военачальники в Токио. Возникает предположение, что совершенно бесперспективная поездка была ему навязана посторонней могущественной волей, не отступавшей от попыток вовлечь его в операцию с японцами. И если адмирал не мог противостоять этому давлению в форме отказа от поручения, то смог это сделать в форме выхода из соглашения по окончании своей миссии. Решение разорвать контракт с Хорватом и пробыть самостоятельно на юг России, в расположение Добровольческой армии, как фактически признавался сам адмирал Следственной комиссии, было принято им в знак протеста против пагубного, по его убеждению, наведения японских ратей на русскую землю⁷³. Нет никаких оснований думать, что досада Колчака на неразборчивых в средствах жожаков белого дела относилась к Хорвату – фигуре сугубо локального значения. Филиппика адмирала целила в фокус стратегического регулирования белого движения, фактически замыкавшийся посольским совещанием. Токийский зигзаг его биографии находился в непосредственной связи с упрямым желанием послов – «добиться единства русской организации, используя при этом авторитет Колчака как лица наиболее известного в России и союзных странах», при «непрерывном условии не сорить его с японцами, – без их помощи обойтись нельзя»⁷⁴.

Вопреки краху харбинско-токийской миссии адмирала и его личному намерению увернуться от дальнейшего участия в чужой игре, все та же властная рука продолжала двигать его по размеченной траектории в сторону эндшпиля. Новые повороты в судьбе Колчака назревали в Сибири и на Дальнем Востоке в те два «пустых» месяца японского турне, когда он безмятежно наслаждался взятым тайм-аутом перед поездкой на юг.

* * *

Бодрое настроение послов, вызванное скорой расправой над большевизмом на востоке страны благодаря чехословацкому рейду, к середине лета сменилось легкой паникой от взрыва самостоятельного политического творчества

на освобожденной территории. От Урала до Дальнего Востока за пальму первенства боролись: Временное правительство Сибири в Омске во главе с П. В. Вологодским, объявившее 4 июля себя общесибирской властью; дислоцированное вначале в Харбине, а с конца июля во Владивостоке Временное правительство автономной Сибири во главе с П. Я. Дербером, которое также претендовало на центральную власть; провозгласивший себя в Гродекове в июле Временным всероссийским Правителем Д. Л. Хорват, опиравшийся на собственный Деловой кабинет; наконец, сложившееся в августе Временное правительство Урала с участием кадетов.

Напряженность в посольском совещании не сняли ни активный сбор информации, ни даже установление прямой связи с новоиспеченными правительственными группами. Зондаж ситуации показывал, что соратники П. Я. Дербера – преимущественно эсеры, держатся социалистической ориентации и тяготеют к методам красных комиссаров: «в угоду рабочим, поддерживающим их, они заявили о ненужности иностранных войск, объявили запись добровольцев... красногвардейцы не распущены, а принимаются в число добровольцев. На кораблях и правительственных зданиях вывешены красные флаги», а матросы «постановили слушать только выбранных ими комиссаров», – не скрывая своего отвержения этих порядков, писал Бахметев. Более respectable коалиционная группа во главе с Хорватом смущала импровизационным почерком действий и слабосилием, из-за которых в конечном счете дебют Правителя России получился скромным: «Лица, объявившие себя Правительством во главе с Хорватом, находятся в Гродекове с 2000 войск, чехи до получения инструкций из Парижа не пропускают их до Владивостока» – извещал 28 июля Бахметев⁷⁵.

Таким же неказистым виделся политический пейзаж на востоке страны и из Парижа: «Известие о том, что Хорват провозгласил себя властью и борется с другими, здесь не встречает сочувствия... То, что делает Хорват, могло бы иметь хорошие результаты только, если бы его власть не оспаривалась или у него самого были бы силы, чтобы укрепить свою власть», – заявлял Маклаков⁷⁶. И, по его мнению, преимущества дальневосточного всероссийского Правителя были бесспорны только в сравнении с местным конкурентом: «Правительство Дербера посылает разумные телеграммы, уверяя, что оно коалиционное, имеет представителей буржуазии, и что только личная политика Хорвата и мысль населения о том, что ему помогают союзники, мешает всему населению Сибири радостно его признать. Люди, хорошо знающие Сибирь и ее деятелей, уверяют, что Правительство Дербера, за небольшими исключениями негодные люди, а что около Хорвата серьезные и деловые. Однако разумность и серьезность правительства еще не гарантия его успеха, и я склонен

думать, что в особенности в Сибири еще необходимо переболеть полосу политического дилетантизма»⁷⁷.

Созданное 30 июня в Омске формально беспартийное Временное Сибирское правительство во главе с юристом П. В. Вологодским, выказывало некоторый организационный потенциал, уже в начале работы подмяв под себя эсеровский Западно-Сибирский комиссариат. Но одновременно отпугивало своими сепаратистскими уклонениями. С согласия Областной думы 11 июля оно опубликовало Декларацию независимости Сибири, объявлявшую ее раздельное существование с остальной Россией, по крайней мере, до падения большевизма и нового созыва всероссийского Учредительного собрания⁷⁸. «Не кажется ли Вам... что никакого специального Сибирского правительства можно пока не признавать, ибо до Учредительного Собрания никакой автономии Сибири не может быть», – риторически вопрошал Маклаков своего вашингтонского корреспондента в письме 13 августа⁷⁹.

Скептические высказывания доказывали, что послам, искавшим для себя точку опоры среди правительственных центров на востоке страны, приходилось выбирать между плохими (правительства Вологодского и Хорвата) и очень плохими вариантами (группа Дербера). Тем более, не могло идти речи ни о какой пригодности их по меркам будущей всероссийской государственности и критериям международного признания. Единственный доброхотный совет, который дипломаты посылали своим российским адресатам, заключался в прекращении междоусобиц «ценой каких угодно уступок». «Существование нескольких враждующих политических групп может иметь последствием остановку самой интервенции», – внушал Маклаков С. В. Востротину, интересовавшемуся шансами на признание кабинета Хорвата. «Поэтому или столкнитесь все вместе и создайте общепризнанную сибирскую власть или, если это невозможно, оставайтесь там, где вы были и где вы признаны, не вступая в борьбу с другими элементами, особенно чехами, и не претендуя на значение общей власти»⁸⁰. В том же смысле из Рима М. Н. Гирс наставлял Вологодского, узнававшего о возможности признания своего правительства («Необходимо объединить все сибирские местные правительства... Только в случае объединения можно надеяться на признание одного русского правительства»)⁸¹.

Похоже, вразумление послов не пропало даром – с августа в правительственных центрах наметилось шевеление, имеющее очевидную интеграционную направленность. Заручившись предварительным согласием Д. Л. Хорвата и И. А. Лаврова (преемника Дербера), Вологодский во главе омской делегации отправился в объединительный тур на Дальний Восток. Итоги поездки в полной мере отвечали поставленным целям: в сентябре Лавров, а в октябре Хорват признали приоритет Омского правительства в Сибири. (Если группа Дер-

бера-Лаврова в октябре самоупразднилась, то Хорват был переведен в статус Верховного Уполномоченного по Дальнему Востоку)⁸². Еще раньше – в середине августа эмиссар Вологодского И. А. Михайлов добился подчинения и Уральского кабинета во главе с П. В. Ивановым (бывшим председателем биржевого комитета) омским правителям, а в ноябре уральский центр вообще прекратил свое существование⁸³.

Заключенные соглашения, однако, не сделали союзниками бывших самостоятельных лидеров и не приблизили Омск к Екатеринбург, Харбину, Владивостоку. Показателем настроения, с которым омские делегаты приступали к своей миссии, было дружное решение не останавливаться перед крайними мерами, вплоть до ареста, в случае отказа любого из переговорщиков склонить голову перед сибирской властью. Однако и партнеры не преминули отплатить той же монетой: если Хорват, прельщенный компенсацией за утрату власти, устроил торжественные проводы высоким гостям, то демократическая общественность в лице Лаврова-Дербера с единомышленниками отметила их демонстративной неявкой⁸⁴. Наиболее пикантная подробность, однако, состояла в том, что и сам признанный собиратель восточных земель не был в восторге от дела своих рук. Завершив вполне успешные переговоры с Хорватом, он смог выразить только личное сожаление: «Мое впечатление, что мы рано сдали свои позиции и что формулой соглашения с этой группой мы убили идею сибирской автономии»⁸⁵.

Скороспелое и формальное объединение вряд ли могло обмануть проницательных наблюдателей. В способность наплодившихся вождей создать крепкую коалицию и объединенными силами навсегда прогнать большевиков нисколько не верил бывший глава МИД Временного правительства М. И. Терещенко. «Без иностранной помощи восстановление порядка в России представляется совершенно невозможным. Партии и отдельные лица не в состоянии объединиться, не умея найти общие линии ценой уступок в области частных партийных интересов», – выражал он свое убеждение в письме посольскому совещанию в середине августа⁸⁶. Впрочем, послы и не оспаривали данного заключения. Более того – в этом отношении они шли дальше бывшего начальника, стараясь в тактичной форме предостеречь сибирских и дальневосточных предводителей от авантюрных попыток централизовать в собственном лице борьбу с большевизмом: «Пусть интервенция застанет вас там, где вы есть, на той роли, которая бесспорна. Не смущайтесь неизвестностью условий интервенции... Мое искреннее убеждение, что, когда это начнется, необходимость выдвинет наиболее подходящую форму и наиболее подходящих людей. Перенесите ваше влияние и ваш опыт к тому моменту», – втолковывал Маклаков Востротину, а через него и остальным местным деятелям. Самая, однако, важ-

ная информация по теме, крылась в концовке этого обращения: «Держите в курсе событий. Почему уехал Колчак»⁸⁷. Итак, окинув политическую арену на востоке, с ее мелкотравчатыми капитанами и неуклюжим маневрированием, острый аналитический взгляд неотвратимо направлялся на тот сектор, где пока на скамейке запасных бездействовал единственный харизматический вождь, способный взять под контроль всю эту разношерстную массу.

Со своей стороны и по своему сценарию к использованию этого же резерва стремился и Б. А. Бахметев. В самом конце июля, в ожидании вступления в Россию сил западных союзников и в обстановке «естественного волнения и ферментации различных течений» внутри страны, вашингтонский посол предлагал посольскому совещанию фактически развернуть свой филиал на месте предстоящих действий белых армий и интервентов. Такой институт, по его мнению, не только бы восполнил организационный пробел в постановке интервенции («Можно полагать, что вначале не будет даже вовсе образовано центрального общего союзного организма, объединяющего все действия»), но и «мог бы явиться весьма ценным и для союзников в смысле подготовки отдельных наставлений». В конкретном плане – ему предстояло «раскинуть сеть агентов в областях», которые занялись бы «правильной ориентировкой русских групп о реальных целях и возможностях международной конъюнктуры, что будет ограждать их от ошибок местного кругозора». В свою очередь, «при соответствующей осведомленности и прямом контакте с различными группами» такой орган был бы способен «практически влиять на союзные действия». Иными словами, Бахметев ставил на рассмотрение Маклакова, а в ближней перспективе и остальных коллег, – проект «интервенции» посольского совещания внутри интервенции союзнических держав. Начало его планомерного осуществления должна была положить засылка в «белую» Сибирь надежного агента с сопровождающим лицом. На эту роль Бахметев прочил посольского секретаря в Вашингтоне и своего человека И. И. Сукина, а также капитана первого ранга, бывшего начальника штаба командующего Черноморского флота М. И. Смирнова⁸⁸. Можно с уверенностью утверждать продуманность обеих кандидатур, в частности, Смирнова – первого помощника Колчака в его бытность черноморским командующим, а также соратника, разделившего с ним в 1917 г. и преследования революционных матросов, и остракизм со стороны правительства Керенского, а затем и участника его миссии в США⁸⁹. Ставя во главе передового отряда резидентуры, наряду с Сукиным, и главное доверенное лицо адмирала – Смирнова, Бахметев фактически указывал на «зачточку» намеченного плана прежде всего на Колчака. В то время как одному предназначалось место «серого кардинала» при правителе, другому, предстояло всячески содействовать утверждению его в этой позиции за счет близкого знакомства с адмиралом.

Идея насаждения в Сибири «клона» посольского совещания находила определенную опору и в предложении М. И. Терещенко – предоставить в распоряжение сибирского движения готовый дипломатический аппарат русского представительства за рубежом. Данной мерой бывший министр рассчитывал подвигнуть нерасторопных сибирских политиков «к скорейшему выявлению единой русской государственной воли из Сибири»⁹⁰. Но неожиданно для себя, в этом вопросе Бахметев столкнулся с возражениями Маклакова. Посреднический орган между руководством союзнических сил в России и местными политическими центрами представлялся тому «избыточным средостением», которое возбуждало бы обоснованные подозрения обеих сторон в посягательстве на их полномочия, и, в конечном счете, компрометировало бы связанное с ним посольское совещание. Вряд ли, однако, приведенные соображения высокого политета и боязнь уронить корпоративную честь определяли отвод данного предложения. Такой предлог в устах Маклакова, как правило, сигнализировал о личном нерасположении к идее. Отдавая предпочтение тактике непрямых действий, закулисных сделок и интриг, он вряд ли мог согласиться с официальным статусом и прозрачностью бахметевской инстанции.

Тем не менее, он вполне благосклонно отнесся ко второй части представленного предложения, а именно – укреплению осведомительной агентуры в Сибири за счет названных лиц и даже передаче им права шифра для обмена наиболее конфиденциальной информацией с посольским совещанием⁹¹. Более того, в конце августа он ходатайствовал о группе Сукина перед генералом П. Ш. Жаненом, назначенным командующим войсками Антанты в России. Эти хлопоты, как извещал Маклаков Бахметева 3 сентября, увенчались полным успехом – отобранные кандидатуры были одобрены⁹². В интересующем нас разрезе можно предполагать, что с согласованным отъездом из США Сукина и Смирнова – операция по возведению Колчака на Олимп сибирской, а в перспективе и общероссийской политики, вступила в решающую фазу. В единодушном устремлении к этой конечной цели и исходя из общей посылки необходимой политической опеки своего героя, Маклаков и Бахметев с одинаковым усердием готовили удобную почву для его прихода. Расхождения касались лишь организационной стороны дела. В то время как Бахметев рассчитывал на официальный штат экспертов и консультантов, способных направлять его шаги, опытный комбинатор Маклаков делал ставку на собственные силы, дополненные лишь компактной группой агентов влияния при будущем правителе.

Прямых следов «шефского» наставничества Колчака и его препровождения на пьедестал Омского правителя посольская переписка не сохранила. Обширный провал в документальном массиве – со второй декады сентября и до второй половины декабря 1918 г. – наводит на мысль о целенаправленном

изъятии самого содержательного для раскрытия этого аспекта компонента. Тем больший интерес вызывает письмо-вопросник Маклакова к Бахметеву от 12 сентября, – находящееся в подборке летне-осенней переписки на крайнем месте, в «стык» дальнейшей лакуны. «Как смотрит Америка на столкновение (во) Владивостоке и (в) Архангельске гражданского и военного элемента. Допускают ли они возможность вмешательства и в чью пользу. Как отнеслась она к инциденту (во) Владивостоке. Как относятся там к последним большевистским зверствам, имеющим, по-видимому, целью истребить все интеллигентные элементы. Не начинают ли там понимать необходимость более активного и более импозантного вмешательства... Основательны ли опасения здешнего правительства, что Америка не будет сочувствовать слишком тесному контакту с русскими политическими деятелями и чехословаками. Не думаете ли вы, что следует считать Омское правительство центром политического возрождения Сибири и иметь наиболее тесный контакт с ним.

Рекомендация Сукина Жанену была послана, но не следует ли ему прежде всего поехать в Омск»⁹³.

Можно предположить, что поводом для беспокойного выяснения мнений американской стороны стало заявление МИД США 3 августа о помощи Чехословацкому корпусу как исключительной цели направления союзнических войсковых контингентов в Сибирь. При этом презумпцией их присутствия на российской территории объявлялось «невмешательство» «ни в политические дела России, ни в ее суверенные права»⁹⁴. Продублированные в августе-сентябре в официальных высказываниях остальных стран – участниц интервенции, эти установки практически лишали белое движение надежд на союзническое пособничество в формировании сильной правительственной власти Сибири и заставляли рассчитывать только на собственные силы. Возможно, в отсутствие иных альтернатив и в порядке поощрения возбужденного центростремительного движения посольское совещание постепенно и впрямь стало подумывать об укреплении связей с Омским правительством Вологодского. Однако с постановкой этого вопроса 12 сентября выходило не все так гладко.

Неотрывно следивший за новостным потоком из России, Маклаков не мог не знать, что к тому моменту вот уже пятый день как в Уфе заседало Государственное совещание, горделиво провозгласившее устами Н. Д. Авксентьева своей целью – «собрать из разрозненных обломков Великую единую и могучую Россию»⁹⁵. Обсуждавшаяся задолго до уфимского форума, открыто и кулуарно, разными группировками и лицами, конструкция объединенной власти должна была поглотить и Самарский Комуч, и Сибирское правительство и прочие центры, что собственно, и отразили итоговые решения Государственного совещания. Созданное в конце его работы, 23 сентября Временное

всероссийское правительство – Директория, не имело ни собственного делового аппарата, ни финансовых источников. Под действием агитационной готовности Вологодского предоставить все эти недостающие средства работы, оно нехотя, 9 октября, перебралось в Омск, пользовавшийся у эсеров дурной славой «цитадели реакции». (Сами «директора» склонялись к Екатеринбург как к своей будущей резиденции). Утверждение опоры директориального правления в виде Совета министров началось еще позже – 18 октября после возвращения Вологодского из дальневосточной поездки⁹⁶. Недобрые предчувствия не обманули Авксентьева и его ближайших сотрудников. Составленная 5 ноября структура, в которой заправляли все те же сибирские министры (девятиро из прежних 14 членов Сибирского кабинета), стала источником неодолимой напряженности с верховной властью Директории⁹⁷.

В этой связи закономерно рождается вопрос: если самим фактом участия в Уфимском совещании с омского Сибирского правительства автоматически слагались полномочия, а новое всероссийское еще не было избрано, а тем более – переведено в Омск, то с каким же омским центром собирался впредь иметь «более тесный контакт» Маклаков? Столь же необъяснимо в свете происходивших в Уфе событий выглядел и заданный Сукину маршрут движения на Омск – ведь 12 сентября там даже в зачатке не просматривался фронт его будущей деятельности. В равной мере не предвиделось и случая лично представиться генералу Жанену, который в ту пору находился в США (в Омск он прибыл лишь к середине декабря).

Единственная гипотеза, способная устранить данные противоречия, состоит в тщательной и заблаговременной спланированности операции по перебазированию Директории в Омск, навязыванию ей прежнего министерского кабинета с прицелом на создание клинча с властью «директоров» – эсеров, а вслед затем и на неизбежное фиаско заезжих правителей. За нечаянными обмолвками Маклакова вырисовывается сговор с Вологодским, который, кстати, остался рулить и после 18 ноября в правительстве Колчака, оправдав тем самым надежды парижского посла на продолжение плодотворного сотрудничества. В период же переустройства сибирской власти «непотопляемый» премьер задавал землякам загадки: и своим неспешным возвращением домой, и сознательным затягиванием с личным принятием присяги «директора», и вздохом в первый же день работы при всероссийском правительстве по поводу того, что «между Директорией и Советом министров всегда будут создаваться конфликты»⁹⁸. «Директория была уверена, что Вологодский хитрит, готовится, комбинирует», – констатировал управляющий делами Совета министров Сибирского, а потом и всероссийского правительств Г. К. Гинс, хотя лично и не верил в злокозненность премьер-министра⁹⁹.

Тем не менее, существовавший вокруг Директории заговор косвенно подтверждало своим поведением и посольское совещание, подозрительно долго затягивая ее официальное представление мировому сообществу. Дипломаты как будто бы и соглашались содействовать просьбе об этом Н. Д. Авксентьева, высказанной еще 2 октября, однако, не торопились с практическими шагами в данном направлении. Правда, на совещании в Британском министерстве иностранных дел 13 ноября было принято решение признать Омское правительство, но 18 ноября необходимость в его подтверждении отпала¹⁰⁰.

На обсуждавшуюся загодя послами военную диктатуру в Сибири намекали и поставленные в начале письма Маклакова отсылки к аналогичным прецедентам в других частях России и даже пунктирно намеченное обоснование ее красным террором, объявленным советской властью 5 сентября после убийств видных деятелей правительства и ранения Ленина. Военно-силовой вариант борьбы за власть к тому времени был апробирован во Владивостоке сначала в прецеденте генерала Хорвата, а в конце июня – в занятии Владивостока военной группировкой генерала М. К. Дитерихса и последующем взятии города под международный контроль. В Архангельске он выразился в свержения советской власти, осуществленном 2 августа силами офицерской организации под началом капитана 2-го ранга Г. Е. Чаплина. (Правда, 5 сентября та же команда устранила и отправила на Соловки новое социалистическое правительство без большевиков – Верховное Управление Северной области во главе с народным социалистом Н. В. Чайковским)¹⁰¹. Очевидно, в преддверии переворота в Омске послы пытались просчитать возможную реакцию союзнических кругов, включая и ее негативные оттенки.

Впрочем, к предвиденным коллизиям внутри пространства власти по ходу подготовки переворота приплетались и неучтенные обстоятельства, в частности, возмущение почти всех несоциалистических группировок и военных кругов в Омске черновскими попытками подчинить «директоров» партийному диктату. Поэтому уверенно связывать конкретные события 18 ноября с предварительными сценарными набросками послов трудно. В частности, произведенный военными заговорщиками и одобренный задним числом Верховным правителем арест легитимных носителей верховной власти – Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова, а также членов правительства – А. А. Аргунова и Е. Ф. Роговского, поставил самих послов в позицию «извиняющихся» перед демократической общественностью Запада. Не сильно улучшило положение даже проявленное великодушие к свергнутым правителям: их освобождение из-под ареста, высылка несколькими днями спустя за границу с щедрым денежным обеспечением, и формальное возбуждение Верховным правителем следствия и суда над зачинщиками переворота¹⁰². Так, о своих затруднениях в проведе-

нии заграничного пиара произошедших событий 20 декабря извещал Омск Маклаков: «С общественными группами стараемся держать близкую связь. Но омский переворот для них все же не ясен, симпатии многих не на его стороне»¹⁰³.

Вместе с тем, для полноты картины было бы неправильно пропустить мимо внимания хронотоп колчаковской одиссеи осенью 1918 г., как будто бы специально выстроенный под результат 18 ноября – его утверждение в роли Верховного правителя России. Переезд с Дальнего Востока в Омск в середине октября, как будто приуроченный к водворению там Директории и начатой ею на новом месте реконструкцией системы власти; сразу же полученный от нее ангажемент в виде поста военного и морского министра в придачу с повышением в звании до адмирала; наконец, отъезд на фронт незадолго до переворота, как будто бы в подтверждение его нечаянного избраннычества – вряд ли такие совпадения можно было списать на стечение случайных обстоятельств. Завершающим элементом этой цепочки «точных попаданий» в цель стало появление долгожданных пилигримов из Америки аккуратно 17 ноября и напористое, буквально с места в карьер, вхождение И. И. Сукина в роль «придворного» советника Омского правителя¹⁰⁴. Особую значимость прибывших гостей подчеркнули высокие назначения – И. И. Сукина управляющим делами МИД, а произведенного в контр-адмиралы М. И. Смирнова – морским министром, а также включение обоих в Совет Верховного правителя, так называемую «Звездную палату».

Последним актом в установлении подконтрольного омского порядка стало удаление в самом начале 1919 г. доставшегося в наследство от Директории министра иностранных дел Ю. В. Ключникова – доцента Московского университета, автора многих трудов по внешней политике, будущего «сменеховца». Как позволяют судить документы архивного фонда, причиной явились не столько интриги Сукина или недостаток профессионализма по меркам парижских дипломатов, как полагали некоторые мемуаристы, сколько его чересчур самостоятельные позиции¹⁰⁵. В частности, он находил «безусловно неудобной» кандидатуру только что «свергнутого» Н. Д. Авксентьева, которую Маклаков и Львов настойчиво продвигали в РПС. «Против Авксентьева говорит принадлежность его к центральному комитету партии социалистов-революционеров. Комитет этот действовал в согласии с самарским комитетом членов учредительного собрания..., который ориентирован в сторону большевиков», – убеждал Ключников. Опасным ему казалась и слишком большое скопление вблизи русского зарубежного представительства «однородного направления лиц – Лебедева, Савинкова, Брешковской, представителей Самарского комитета членов Учредительного собрания», которых, напротив, стре-

мился удержать в радиусе своего влияния парижский посол¹⁰⁶. Надо думать, что эти настойчивые возражения, ломавшие очередную продавливаемую Львовым и Маклаковым политическую комбинацию, в конечном счете, и привели к передаче обязанностей Ключникова Сукину при вскоре последовавшем утверждении объединенного управления внешними сношениями Юга и Сибири в лице С. Д. Сазонова и его заместителя на Юге – А. А. Нератова.

Итак, какими бы не были движущие силы, пружины и способы утверждения институтов колчаковской диктатуры, синтезированный продукт полностью отвечал давним чаяниям посольского совещания. Спроектированная система власти, включавшая «сотворенного» диктатора, услужливого премьер-министра и внедренного в ближний круг посланца из Вашингтона, представляла собой идеальный базис для воплощения самых разнообразных проектов.

Прежде всего, на основе делегированных колчаковским правительством полномочий в конце декабря – самом начале января было оперативно сформировано Русское Политическое Совещание (РПС) для представительства на конференции. Ядром его являлась коллегия послов. Вокруг нее объединялся ряд видных государственных и общественных деятелей России времен Николая II и Временного правительства под общим председательством Г. Е. Львова¹⁰⁷. С опорой на выданные той же властью мандаты из РПС в начале 1919 г. для непосредственного участия в работе конгресса была выделена Русская политическая делегация (Г. Е. Львов, С. Д. Сазонов, В. А. Маклаков, Н. В. Чайковский а также присоединившийся несколько позднее Б. В. Савинков) и несколько комиссий по разным аспектам деятельности¹⁰⁸.

Наличие послушного «утверждающего» пера позволяло ведущим игрокам в РПС по своему разумению компоновать его состав. «Наше правое крыло значительно сильнее левого», – докладывал 5 января Г. Е. Львов Омску о сверстанном в первой «редакции» составе представительства. Ничуть не робея, он ходатайствовал перед сибирским «диктатором» о добавлении к Чайковскому, пока одиноко возвышающемуся на левом фланге, только что выставленного из Сибири Н. Д. Авксентьева. К такому предложению, как уверял Львов, толкало «полное отсутствие выбора лиц левого крыла» и гарантированное при позитивном решении вопроса «лишение возможности Авксентьева агитировать против Вас»¹⁰⁹. В свою очередь, Маклаков предупреждал Омск о возможной ажитации в этой же связи левых сил, которые считали Авксентьева жертвой колчаковского произвола, и предлагал использовать как «самый спасительный противовес» враждебной пропаганде Б. В. Савинкова. Не ограничиваясь только требованием «быть с ним корректным», Маклаков настаивал на уплате своему протезе 300.000 франков за миссию по заграничной агитации в пользу интервенции, порученную ему еще до переворота сибирским генералом

В. Г. Болдыревым и Н. Д. Авксентьевым¹¹⁰. Омск безропотно удовлетворил и эти условия, включая денежную компенсацию: «Вполне согласен с Вами, – рапортовал безотказный премьер-министр Вологодский, – что Савинкова следует привлечь на нашу сторону и всячески использовать»¹¹¹.

С оформлением единой Сибирской власти во главе с Колчаком становилось возможным укрупнение масштаба всей борьбы. В случае сложения сил новообразованного мощного ядра на Востоке и ранее сформировавшегося на Юге, «белая» Россия могла рассчитывать на достижение паритета с единой советской Россией. Именнo на этом пути открывалась перспектива официального признания союзников, равноправного с остальными делегациями российского представительства на мирной конференции и на следующем витке – получение перевеса над главным противником. «Пишон сказал на днях, что если Колчак соединится с Деникиным, то признают», – так со слов Маклакова записал обещание французского министра иностранных дел в середине декабря Миллюков¹¹². Этот единственно возможный способ одержать победу имел в виду Маклаков, описывая в письме Омску от 20 декабря последовательность насущно необходимых действий: «...официальное представительство России не будет, пока нет признанного правительства. В этом случае можно рассчитывать только на то, что будут спрашивать только нашего мнения, и его авторитет будет от тех, чьим мнением можно отвечать. Поэтому крайне желательно добиться признания правительства. Если наше положение окрепнет и состоит слияние с Деникиным, вопрос может быть пересмотрен. И это будет главная услуга, которую можно оказать России на конгрессе»¹¹³. Никто из послов не сомневался в правильности взятого направления. «Надо добиться признания Омского правительства и Екатеринодарской организации, обусловив признание их объединением. Тогда легче будет добиваться полноценного представительства на Конференции», – вторил К. Д. Набоков 31 декабря в своем предновогоднем наказе Парижу¹¹⁴. Отчасти он уже начал претворяться на практике в виде объединенного в лице Сазонова руководства иностранными делами «белых» правительств, а также оформления РПС, вобравшего в себя элементы Юга, Сибири, Севера (последний был представлен Н. В. Чайковским, прибывшим от Временного Правительства Северной области в Архангельске).

Вместе с тем, какой бы соблазнительной не казалась объединительная программа, ставить ее во главу угла текущей работы посольская коллегия не могла по совокупности тех же причин, которые мешали ей опираться на деникинскую Ставку в антибольшевистской борьбе. Во-первых, сказывалась территориальная удаленность и дискретность связей: нарушенное войной почтово-телеграфное сообщение юга России с европейскими столицами налажива-

лось медленно и шло, главным образом, через Афины. Более или менее регулярная связь стала возможной с образованием РПС, однако, и после того порой возникали накладки. Установление бесперебойного обмена информацией между Таганрогом, Парижем и Омском планировалось только на конец 1919 г.¹¹⁵

Во-вторых, и, в-главных, ригидное консервативное сознание высшей военной касты старой России, свойственное в полной мере генералитету Юга и самому Главнокомандующему Добровольческой армии, а позднее Вооруженными силами Юга России (ВСЮР), крайне туго поддавалось какой-либо либерально-демократической корректировке. По остроумному замечанию одного из руководителей отдела пропаганды (ОСВАГ) Особого совещания – Б. А. Энгельгардта, Деникин «понимал демократию в том смысле, что сын николаевского солдата может дослужиться до генерала». А малопонятные ему демократические механизмы и процедуры считал уделом более передовых стран, но не России, по крайней мере, в ее настоящем и близком будущем¹¹⁶. Впрочем, сам Главнокомандующий, став мемуаристом, нисколько не скрывал, что постоянно направлявшиеся в Ставку призывы из социалистических и даже умеренно-либеральных кругов Крыма, Киева, Парижа – выразить приверженность либерально-демократическим ценностям, в том числе идее Учредительного собрания, вызывали у него раздражение, а у его офицеров – озлобление. «Поэтому я призывал армию бороться просто «за Россию», – так, выражая свое пренебрежение к идеологическим премудростям, постановил руководитель ВСЮР¹¹⁷.

В-третьих, играла роль его личная закрытость и малая доступность – не случайно в военной резиденции Юга – Таганроге – ходила поговорка, что раньше легче было пробиться к Николаю II, чем теперь к Деникину¹¹⁸. А с учетом толпившихся на подступах к Ставке понаехавших деятелей Государственного объединения России, Всероссийского национального центра, Союза возрождения России, у посольского совещания не оставалось ни единого шанса создать с ней свою неформальную организационную смычку. Собственно, и сами послы, начав действовать в качестве полноправных членов РПС, имели возможность убедиться в безнадежности даже мягкого воздействия на Деникина: посланное Маклаковым 24 декабря на адрес Особого совещания письмо с просьбой об официальном политическом самоопределении на основе формулы «ни революции, ни реакции» – было оставлено без внимания¹¹⁹.

Но даже все вышеперечисленное составляло только полбеды. Посольское совещание поставило себя в «контры» с Деникиным самой заявкой на формирование русского представительства на мирной конференции. Именно в этой точке оно окончательно и бесповоротно отрывалось от Юга, который вына-

шивал точно такие же планы. Еще 1 ноября 1918 г. в речи, произнесенной на открытии Краевой Рады кубанского казачества, Деникин торжественно возглашал: «Не должно быть армии Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской... России нужна единая временная власть и единая вооруженная сила, на которую могла бы опереться эта власть. Добровольческая армия берет на себя инициативу создания и того, и другого». По заверениям оратора, его армия была готова сделать все необходимое и для «единого представительства и защиты русских интересов на будущем мирном конгрессе»¹²⁰.

Над созданием общественно-политической коллегии, предназначенной для международного представительства «белой» России, к тому времени ввосью корпусами приближенные к Ставке кадеты. В числе прочих, участником этого учреждения намечался С. Д. Сазонов, который еще в конце октября возглавил дипломатический отдел Особого совещания. В ноябре приказом Деникина учреждался Совет по делам внешней политики с участием кадетов и во главе с тем же С. Д. Сазоновым для подготовки российской делегации к работе на предстоящей конференции. Несмотря на лопнувший проект политического объединения Юга под эгидой Ставки – из-за ее разногласий с правительствами Дона и Кубани – в середине декабря Сазонов отбыл в Париж с письменным наказом Деникина о принципах представительства Юга, а также с полномочиями на такое же представительство от Дона, Крыма и Кубани. (Правда, последняя вдогонку Сазонову послала в Париж еще и собственную правительственную делегацию). Вот как выглядел в описании Деникина афронт, который ожидал в Париже полномочного посланца Юга: «Сазонов застал там уже существующее представительство, говорящее от имени России, не признанное в этом качестве союзниками и, в частности, французским правительством, но персонально находившееся с ним в некоторых сношениях. Это было так называемое Русское Политическое Совещание»¹²².

Иными словами, у Сазонова были основания обвинять подсуеившуюся раньше команду в похищении своих полномочий, а у Деникина – в перехвате своей стратегической инициативы объединенного представительства и в подлоге правомочий вести дела Юга. И если Сазонов, по словам Главнокомандующего, в конце концов, поддался психологическому давлению и шантажу самозванных российских представителей, то он сам не отклонялся от последовательной обструкции РПС. Это выразилось как в чеканной декларации о том, что «правительство Юга по существу не имеет в Париже никакого представительства», так и в пресечении любых политических наставлений из Парижа. Презрев всякий этикет, Деникин сразу указал Г. Е. Львову его место: «Признаю совершенно бесполезным намерение руководить действиями Екатеринодарского правительства со стороны лиц, оторванных от России, не знающих

и не понимающих вовсе той обстановки, в которой совершается в ней трудное дело государственного строительства». В той же связи становится понятной глухота Юга ко всем уговорам Парижа произнести два заветных слова – «республика и федерация» – ради того, чтобы войти в доверие к союзникам. Не без злорадного удовлетворения Деникин констатировал: «Этих слов мы не сказали»¹²³.

При столь конфликтной подоплеке отношений уже на старте работы РПС неизбежными становились крупные скандалы. 17 декабря по дороге в Париж С. Д. Сазонов послал Колчаку телеграмму, в которой, наряду с изъяснением поддержки его власти, выразил надежду на встречное признание главных принципов борьбы Добровольческой армии. («Восстановление единой и неделимой России, не предрешая будущей формы правления, с допустимостью широкой автономии в тех частях... которые могли бы оправдать подобные притязания мотивами этнографического или исторического свойства. Борьба против революционной организации большевиков до ее полного уничтожения»). Как позже выяснилось, обращение к Колчаку было данью дипломатической вежливости, за которой не стояло никаких политических обязательств¹²⁴. При внимательном чтении получателей должно было насторожить высказанное также Сазоновым пожелание согласования действий сибирских армий с планами Добровольческой армии¹²⁵. 25 декабря, уведомляя Париж о попутном проведении консультаций с политиками союзных держав, Сазонов еще более развернуто оглашал платформу таких консультаций и своего предстоящего участия в конгрессе. Помимо уже представленных 17 декабря базовых пунктов, на этот раз в сазоновские «кондиции» вошло указание на структурообразующую роль армии и власти Юга в возрождении русской государственности: «Признание Добровольной Армии носительницей идеи единого Русского государства, состоящего в союзе с державами Согласия; помощь военная и финансовая Добровольной Армии в целях воссоздания России»¹²⁶.

Переполюх, вызванный в Париже этими тезисами, отражала срочная ответная телеграмма, в которой Маклаков молил Сазонова воздержаться как от публичных заявлений по организации русского представительства, так и от высказываний, которые «могли бы дать повод предполагать у Вас разногласия с Омском»¹²⁷. Посланника в Афинах И. П. Демидова, который был с ним на связи, Маклаков заклинал «принять все меры, чтобы предупредить заявления, которые могут показаться конфликтом или к нему привести». «Пункт 2 (о главенствующей роли Добровольческой армии. – *И. В.*), – конкретизировал он, – противоречит притязанию Омского Правительства считать себя общерусским правительством. Уверен, что патриотизм Колчака и Деникина гарантируют нас от того, чтобы несогласие превратилось в разрыв, который погубит дело

России. Но необходимо не делать заявлений, которые будут использованы врагами и неумелыми друзьями»¹²⁸. Намерение бросить все лучшие силы на «нейтрализацию» сазоновской враждебности Омску и всей парижской диспозиции показывала телеграмма Набокову: «Ввиду скорого приезда Сазонова важные вопросы отложены. Лучше приурочить ваш приезд к этому. О дне тотчас уведомим»¹²⁹.

Между тем, Сазонов неспешно объезжал европейские столицы и своих давних партнеров по международной политике, нагнетая нервное напряжение в коллегии послов, пристально следившей за его передвижениями. Как констатировал Маклаков, из-за этого промедления и в середине января не был прояснен «вопрос о форме нашего участия на Конгрессе»¹³⁰. Возникает подозрение: не был ли долгий сазоновский «абсентеизм» мстостью парижским дипломатам, которые заочно навязывали ему свои правила игры. Еще одну важную причину нежелания идти у них на поводу и содействовать легитимации колчаковской власти, с собственных слов Сазонова, кратко записал П. Н. Милюков: «Переверот Колчака подорвал, как признак непрочности. На признании Омска я не настаивал, а на скорейшем сближении с югом. Те, кто советовал признать Омское правительство, провалились с Колчаком»¹³¹. Приведенное мнение отражало взгляд Юга на события 18 ноября как на самочинный захват власти военщиной, к тому же давший западному миру доказательства непрочности антибольшевистских правительств. Надо думать, что при первых же личных беседах парижские дипломаты постарались развеять это впечатление, дав более обстоятельное и правдивое освещение омских событий. Дополнительно Париж инспирировал личные обращения Верховного правителя к Сазонову – одно с просьбой возглавить его МИД и представлять Омск на конгрессе, другое – с подчеркнуто-почтительной, едва ли не заискивающей благодарностью за согласие. Успешность предпринятых мер по «перевербовке» Сазонова доказывала вся его дальнейшая деятельность в слаженном содружестве с коллегией послов¹³².

Второй прецедент, поставивший русское парижское предприятие на грань фола, создал приезд делегации от совещания российских антибольшевистских правительств с союзными представителями, которое прошло в конце ноября в Яссах. Шестеро делегатов во главе с П. Н. Милюковым были командированы в Париж для осведомления союзников о принятом постановлении – содействовать единоличной диктатуре генерала Деникина как оптимальной политической модели Юга. Вдобавок на них возлагалось ходатайство о переброске 150-тысячного войска с Балкан в южные порты России, ранее оккупированные германцами¹³³. Приезд 19 декабря бывшего соратника поставил лично Маклакова в сложное положение: с одной стороны, общее партийное про-

шное, да и сама служба в Париже, которой он был обязан Милюкову, не позволяли бесцеремонно вытолкать его с провожатыми. С другой стороны, остановка «верных денкинцев» в столице, куда съезжались все сильные мира сего, грозила не только сорвать всю многоходовую операцию по продвижению в центр антибольшевистской борьбы Колчака, но и засветить перед мировым сообществом раскол в белом движении. Судя по всему, к началу этого визита у Маклакова уже имелось готовое решение. С первых же минут появления на пороге русского посольства по прибытии в Париж на делегатов обрушилась информация о буре негодования, поднятой их приездом во влиятельных французских кругах. Со слов Маклакова, записанных Милюковым, выходило, что ключевые фигуры французской политики до сих пор кипели от возмущения его германофильской эскападой: «... Клемансо, узнав о нашем приезде, взбешен, и накричал на Пишона... Пишон просит Маклакова „обратиться к моему (моему) патриотизму“ и не доводить дело до скандала... Маклаков предлагает немедленно всем ехать дальше»¹³⁴.

Трудно сказать, в самом ли деле Клемансо и Пишон метали те самые громы и молнии, о которых красочно поведал Маклаков, или же этот рассказ намеренно сгущал краски. Несомненно, при горячем желании Маклаков мог бы смягчить реакцию французов, но не стал этого делать. Такое обвинение ему прямо бросил в лицо член делегации – В. И. Гурко. Что бы ни думали по этому поводу остальные, делегация вялая совету не испытывать терпение главного российского союзника и в полном составе покорно отбыла в Лондон, где, по уверению все того же Маклакова, отношение к ней было более спокойным. Однако переписка с Лондоном показывала, что Маклаков не просто банально спрашивал яских паломников, но с определенными видами передавал их в надежные руки Набокова. 28 декабря лондонский посол давал отчет о проделанной работе: «Постарался их ориентировать, ибо они совсем мало понимали»¹³⁵. 3 января он сообщал, что Милюков не собирается возвращаться в Париж в ближайшем будущем¹³⁶. Ключ к дешифровке этой завуалированной информации, пожалуй, дает факт учреждения в начале 1919 г. в Лондоне на средства колчаковского правительства Комитета освобождения России во главе с П. Н. Милюковым. В его компетенцию входило формирование положительного образа белого движения и сибирского, в первую очередь, в общественном мнении Англии, снабжение Омска важной информацией и посредничество в его контактах с другими «белыми» центрами. А к началу марта той же щедрой рукой был выделен 1 млн. руб. на нужды русского посольства в Англии во главе с Набоковым¹³⁷. Следует думать, что этот жест выражал высокую оценку его деятельности по переориентации главного яского «ходока» на службу колчаковского режима.

Одолев первые кризисы даже с известным прибытком для себя, Коллегия послов смогла, наконец, приступить к главным делам, включая и направляемое поступательное движение к созданию единого локуса власти всего белого движения в России.

При крайне натянутых отношениях Сибири с Югом объединительная стратегия могла строиться только на известном противопоставлении одного центра другому. В первом шаге она состояла в утверждении абсолютного лидерства Сибирского правительства на информационном пространстве мирового конгресса. А во втором – после его международного признания – в интеграционном подтягивании к нему остальных антибольшевистских правительств. Собственно, всей этой работой с энтузиазмом и занялось посольское сообщество.

3 января 1919 г. Маклаков извещал русские заграничные представительства о намерении в ближайшие дни подать хозяевам конференции коллективное заявление о желательности признания Омского правительства¹³⁸. О первой публичной презентации его мировому сообществу через медийные каналы 13 января оповещал Омск кн. Г. Е. Львов: «На днях начнутся мирные переговоры. Срочная необходимость выявления перед союзным общественным мнением нашего политического лица заставила нас передать прессе сообщение об образовании по инициативе Омского правительства и в постоянном сношении с ним нашего совещания под моим председательством для подготовительных работ (к) Конференции. Упомянули ожидание Сазонова и Чайковского. Указали основные руководящие нами положения и цели: незыблемость народного суверенитета, получающего свое выражение в политических установлениях, равенстве всех перед законом без различия народностей и религий, уважение прав национальностей, разрешение земельного вопроса ради обеспечения социального порядка в России. Отметим гибельную роль большевизма, вопреки которому укрепление и объединение власти в России делают непрерывные успехи»¹³⁹.

Материалы фонда не позволяют судить о развертывании этих начал в дальнейшей практике РПС, равно как о ее «внутренней кухне» в самый напряженный период с середины января, когда открылся конгресс, и до 4 марта. Обширная лакуна в документальном массиве после информационного сообщения Львова от 13 января – по аналогии с таким же провалом осени–зимы 1918 г. – позволяет предполагать намеренное сокрытие наиболее щекотливого эпизода в деятельности русского представительства. Отголоски обсуждений, в которые могло быть вовлечено русское представительство в этот период, пробивались и в мартовской переписке его участников. С учетом неуклонно заострявшейся на протяжении всей весны темы демократического выбора

России, фонового страха пропагандистских успехов большевиков и растущего сочувствия к ним в массах Запада, вернее всего предположить, что речь шла о противодействии большевистским попыткам вырваться из международной блокады.

8 ноября 1918 г. VI съезд Советов принял обращение к правительствам Антанты начать мирные переговоры и дал поручение Наркомату иностранных дел сделать подготовительные шаги к этому процессу. 23 декабря из Швеции М. М. Литвинов направил циркулярную ноту европейским представителям Антанты о прелиминарных переговорах, нацеленных на устранение всех причин конфликта. Телеграмма такого же содержания была отослана и В. Вильсону. Узнав о желании Англии содействовать прекращению борьбы российских правительств и приостановить интервенцию, 17 января 1919 г. СНК обратился с радиограммой к державам Согласия с просьбой уточнить место и время обсуждения этих вопросов. А 4 февраля советское правительство подтвердило свое согласие участвовать во встрече на Принцевых островах и даже готовность пойти на уступки в вопросах о займах царского правительства, предоставлении концессий подданным держав Согласия и территориальном размежевании между борющимися правительствами¹⁴⁰. Несмотря на срыв конференции, вследствие категорического отказа участвовать в ней лидеров антибольшевистских сил и предъявления большевикам заведомо неприемлемого ультиматума, составленного У. Черчиллем, поиск урегулирования отношений советской России с Антантой продолжался.

В начале марта 1919 г. по поручению США и Великобритании в неофициальные переговоры с советскими руководителями вступил сотрудник американской делегации на Парижской конференции У. Буллит, прибывший в Россию с двумя соотечественниками (журналистом Л. Стеффенсом и офицером военной разведки капитаном Петитом). И на этот раз утвержденным 12 марта в Москве мирным условиям не суждено было исполниться из-за опасения англо-американской стороны вызвать сильную оппозицию им во Франции¹⁴¹. Несмотря на то, что попытки навести мосты между советской Россией и западными демократиями пока терпели неудачу, никто не мог поручиться за то, что и впредь они будут оставаться безрезультатными. 10 апреля Набоков извещал Париж о циркулирующих в Лондоне слухах, касавшихся привезенных тремя американцами мирных предложений Ленина. И хотя идея договоренностей с большевиками встречала возражения части активной общественности, Набоков предупреждал: «Нельзя еще сказать с уверенностью, что мысль о признании большевиков, проводимая Вильсоном и встречающая поддержку некоторых видных членов английской делегации в Париже, будет окончательно оставлена»¹⁴². Параллельно лондонский посол сообщал об опасном обороте

прений по русскому вопросу, прошедших накануне в Палате общин и еще не закончившихся: «На будущей неделе предстоит снова прения, причем сторонниками признания большевиков и отозвания войск выдвинут аргумент, что русские люди сами недостаточно объединены, ... что оппозиция большевикам в России – реакционна по характеру»¹⁴³. По его оценкам, реальный ход Парижской конференции чрезвычайно далеко отклонился от наиболее желательного для всего русского представительства пути «всемерной помощи и признания Омского правительства с объединением вокруг него всех местных центров». Повернуть работу конференции в нужное русло, по его мнению, было способно только «неуклонное продолжение Вашей государственной работы и дальнейшие победы “желания освобождения России” под начальством адмирала Колчака при вполне спокойном отношении к колебаниям западно-европейской политики»¹⁴⁴.

Между тем, русским деятелям, находившимся у средоточия той самой политики, вряд ли мог показаться удачным совет двигаться, как ни в чем не бывало, прежним курсом. Обсуждение «русского вопроса» на Парижской конференции 21 января отчетливо выявило ряд нелицеприятных истин для РПС. В частности, убежденность ряда ее участников в том, что «антибольшевистские силы не представляют Россию», а большевики, напротив «фактически управляют европейской Россией». К тому же, как утверждал Ллойд Джордж, благодаря своему решительному противодействию интервенции они сумели привлечь к сотрудничеству на патриотической основе меньшевиков и эсеров¹⁴⁵. Недоверие к заявляемой РПС приверженности идеям свободы и равенства, которое отмечал Набоков и видели сами члены русского представительства, рождало срочный запрос на подтверждение делом демократических ориентаций «белых» правительств. 9 марта Г. Е. Львов наставлял Колчака: «Возможность помощи нашим национальным армиям в борьбе с большевиками измеряется степенью демократичности наших правительств и Политического Сопровождающего, доверием и симпатиями, которые они внушают. Всякая тень старой России вызывает недоверие... Наше Политическое Сопровождающее подвергается критике с точки зрения неясности демократической физиономии. Это не единственная, но одна из причин, тормозящих успех достижения наших конечных целей... Единственным ответом на такое отношение было бы практическое подведение демократического фундамента русской государственности путем выборов представителей областей в центральное представительное собрание». Ради пресечения злых наветов на сибирскую власть и унижительного третирования русского представительства в Париже Львов ставил ребром вопрос о проведении «выборов в какой бы то ни было форме» на подконтрольной сибирской территории¹⁴⁶.

Таким же экзаменом на право войти в сообщество передовых наций, как выборы в представительный орган, становились и решения по национальному вопросу. 11 марта Сазонов сообщал Омску и Екатеринудару о предварительном обсуждении конференцией положения дел на бывших национальных окраинах России, которое пришло к «невыгодным для нас заключениям»¹⁴⁷. Для поднятия русского рейтинга в глазах западных покровителей белого движения 9 марта политическая делегация РПС подала меморандум на имя Председателя мирной конференции, о чем 19 марта Сазонов сообщал всем правительствам, посольствам и миссиям. Составители велеречиво заявляли о том, что «новая Россия, окончательно порвавшая с централизмом», готова строить общежитие с малыми народностями «на основе автономии и федерализма, а в отдельных случаях – на началах независимости». В то же время авторы увязывали эти вопросы с волей русского народа и с наступлением условий, когда он «будет в состоянии свободно выразить свою волю и принять участие в их разрешении». До того момента Русская политическая делегация предлагала применить к малым народам «временный порядок» и «признать действующими de facto» сложившиеся национальные власти, «поскольку эти власти воодушевлены демократическими принципами и имеют поддержку населения»¹⁴⁸. Выдвигая сверхосторожные и паллиативные предложения, парижские кураторы, тем не менее, не были уверены в том, что они придутся по вкусу подопечному Омскому правителю. Во всяком случае, 11 марта Маклаков пытался подготовить почву для восприятия в Омске сазоновского меморандума, доказывая «безобидность» намеченных мер: «Это заявление отсрочит решение этих вопросов до воссоздания России, не выступая в то же время непримиримым противником национальных стремлений инородцев. В условиях момента последняя позиция была бы рискованна»¹⁴⁹.

Худшие предположения дипломатов все же подтвердились. 24 марта Сукин сообщал Парижу, что полученное заявление Русской политической делегации «вызвало здесь смущение». Верховный правитель не только запретил его публиковать на своей территории, но и категорически отмежевался от него, угрожая в случае ослушания публично дезавуировать продукт парижских мыслителей. Главным мотивом выступало его нежелание хоть в самой малости служить политическому самоопределению окраин, независимо от того, насколько далеко в реальности оно уже успело зайти: «Ко времени освобождения России может оказаться на лицо ряд национальных правительств, фактически укрепившихся с нашего согласия», – пояснял Колчак¹⁵⁰. И если, скрепя сердце, он готов был признать политическую независимость «этнографической Польши», то для Финляндии такого исключения не делалось¹⁵¹. Характерно, что непреклонная позиция Омского правителя в отношении суверените-

та Финляндии не сдвинулась и после того, как в начале мая 1919 г. он был признан США и Великобританией¹⁵².

Столь же бесславно была похоронена и идея выборов в представительное собрание, с которой было связано столь много радужных надежд в Париже. Правда, 20 марта в РПС было отослано сообщение об образовании в Омске комиссии по подготовке выборов в Национальное Учредительное собрание. Однако реальную возможность их проведения Верховный Правитель откладывал до момента занятия его армиями Поволжья и получения выхода к Москве. Приступить к ним в текущем времени, как того добивалось РПС, по его убеждению, было бы опасно для дела сибирских вооруженных сил, ибо они «внесут новую борьбу в тылу, могут разложить армию, взволновать всю страну, снова возвратит ее к анархии на неопределенное время»¹⁵³.

Переписка Парижа с Омском на протяжении весны 1919 г., протекавшая под знаком домогательства первого очередных подтверждений демократизма и усиливавшегося ответного ропота второго, указывала на серьезные трещины в проекте дистанционно-управляемого диктатора. Напрасно в письме Колчаку от 3 апреля Сазонов увещевал его доставлять как можно больше материалов о «положительных результатах Вашей государственной работы», так как «отношение всех союзных держав к Омскому правительству пока сдержанное. Нет еще того убеждения в прочности и доверия, которое позволило бы ожидать скорого признания или даже открытой солидаризации»¹⁵⁴. Пределом уступчивости Колчака в социальной сфере стало решение по аграрному вопросу, переданное в Париж 10 апреля в форме Декларации Российского правительства. Предостерегая крестьянство от самовольных захватов казенных, общественных, частновладельческих земель на будущее время, власть соглашалась лишь на временное использование – в форме аренды у государства и под его контролем – уже захваченных земель. Как и остальные проблемы жизненного обеспечения России, правительство относило «вековой земельный вопрос» к компетенции будущего Национального собрания¹⁵⁵. Однако и такое половинчатое решение, по свидетельству Г. К. Гинса, распалило недовольство сибирским правительством: «крепким» хозяйственникам оно дало повод обвинить власть в неуважении к частной собственности, а основной массе крестьян – в желании повернуть вспять «черный передел»¹⁵⁶.

Под напором непреложных фактов запущенный с легкой руки РПС в коммуникационное поле белого движения миф о реакционности Юга в сравнении с Сибирью (отлившийся, по словам Деникина, в лозунг «за Колчака, против Деникина!») начал терять правдоподобие¹⁵⁷. Постепенно улетучивались и первоначальные надежды дипломатов на благотворное влияние Сукина. Мало-помалу, проникаясь заботами и настроениями Верховного правителя, тот

и сам уже пытался одернуть не в меру ретивых парижских инструкторов: «Скажу прямо, – писал он лично от себя 4 апреля, – в России, борющейся за свое существование, сейчас преждевременно обсуждать вопросы о централизме и федерации. Здесь – лишь чувства государства, отбивающегося от внутреннего разрушения и внешнего расхвата. К обоим факторам отношение непримиримое... В самом факте недостатка гибкости сказывается здоровое начало самоутверждения»¹⁵⁸. Похоже, нервы стали сдавать и у Колчака. Генералу Д. Г. Щербачеву, возглавившему военное представительство армий Колчака, Деникина и Юденича за границей, в конце марта он прямо заявлял том, что Политическому Совещанию «не следовало бы придавать правительственных функций», а его «Правительство не может сочувствовать направлению, которое принимают работы в Париже»¹⁵⁹.

Тем временем на не признанное и не допущенное к участию в конференции РПС продолжали сыпаться новые напасти. Образование Коминтерна, провозглашение в конце марта Венгерской советской республики вносили серьезные поправки в подход конференции к русской проблеме. С одной стороны, невротизированная призраком мировой революции правящая верхушка Европы все больше отвращалась от идеи признания большевиков. С другой, как сообщали Сазонов и Маклаков 6 апреля своим адресатам, у некоторых европейских политиков появилось стремление к изоляции «большевистской России путем создания кордона из Румынии, Польши и Чехословакии»¹⁶⁰. Однако проект карантинной зоны был невыгоден белому движению, прежде всего с точки зрения прекращения западной помощи и перспективы остаться один на один с большевиками в замкнутом пространстве.

Назревавший поворот в европейской политике по русскому вопросу накладывался на беспокойные сводки военной информации, поступавшие с конца марта от Добровольческой армии. Южные неурядицы – конфликт деникинской Ставки с командованием союзнических сил во главе с Франшэ д' Эспере, успешное наступление Красной армии на Донском фронте и ее продвижение в сторону Перекопского перешейка, наконец, эвакуация союзников из Одессы в начале апреля, о которых систематически извещал А. А. Нератов, – если и не вызывали открытого злорадства в Париже, то, явно его не волновали¹⁶¹. На отчаянные вопли о помощи Львов 10 апреля отвечал нравоучительными сентенциями, пеняя Деникину на «обнаружение реакционных симпатий, стремлений к политической реставрации, к отобранию земель от крестьян»¹⁶². А гордый приверженец Деникина в недавнем прошлом – С. Д. Сазонов на мольбу «южан» об экстренном прояснении вопроса с союзнической поддержкой отвечал пустой отпиской, к тому же два дня спустя после получения екатериндарской телеграммы¹⁶³. («Одесса оставлена, по-видимому, вследствие брож-

ния во французских войсках... в отношении же к нам союзников вообще не произошло никакой перемены»¹⁶⁴. Покуда в марте – первой половине апреля на Восточном фронте шло успешное наступление, а омский диктатор представлялся Западу в ореоле военного триумфатора – некоторые экзальтированные почитательницы даже носили жетон с его портретом в бутоньерке – неудачи Юга играли на руку парижским дипломатам.

Однако 21 апреля из русского посольства в Константинополе пришло неожиданное известие о том, что в делах Добровольческой армии наметился благоприятный перелом. («Положение армии Деникина, по-видимому, укрепляется... (в) ближайшее время предвидеть серьезные неудачи нет оснований. Падение Одессы, как и части Крыма на положении армии отразиться не может.. Настроение Донского казачества улучшается, наблюдаются случаи восстания в тылу у большевиков»)¹⁶⁵. И хотя 24 апреля из Омска была отправлена бодря телеграмма о продвижении сибирских армий к Оренбургу¹⁶⁶, качнувшаяся в сторону Деникина стрелка весов заставила дипломатов изменить утверждённый алгоритм действий. А именно – форсировать объединительный процесс, обусловив им в дальнейшем международное признание правительства Колчака. Как показали последовавшие события, интуиция не подвела парижских дипломатов: перейдя в 20-х числах апреля через Каму, в конце месяца на подходе к Симбирску и Самаре колчаковская армия сначала задержалась, а с мая безостановочно покатила назад.

Не дожидаясь пока перевес Юга станет окончательной явью, а с издерганного Колчака слетят остатки демократической «позолоты», Политическое Соевещание приступило к решительной мобилизации всех «белых» сил. 24 апреля с согласия Н. В. Чайковского Львов призвал правительство Севера признать омский центр как «Временное всероссийское национальное правительство» с указанием на то, что аналогичный запрос направлен Екатеринодару¹⁶⁷. Между тем, в тот же день туда ушла совсем другая телеграмма: не рассчитывая по известным причинам на отзывчивость Деникина в столь существенном вопросе, Сазонов всего лишь просил его выразить солидарность с омской Декларацией по земельному вопросу¹⁶⁸. Очевидно, эта депеша рассматривалась как начало планомерной осады Деникина. Однако екатеринодарский центр держал красноречивую паузу. 7 мая Сазонов, уже имея на руках официальное согласие Архангельска признать верховенство Колчака, нетерпеливо подталкивал Юг к такому же самоопределению¹⁶⁹. Биограф Деникина Д. Лехович считал, что ушлые парижские дипломаты, в конце концов, обманом вырвали у него это заявление, внушив, что признание Колчака Верховным правителем равносильно согласию с образованием новой власти в пределах ее компетенции, наподобие признания Англией Финляндии¹⁷⁰. Факты, однако, показывают иное.

Отложенное Деникиным вплоть до 30 мая решение подчиниться Колчаку, когда Добровольческая армия переживала подъем, а сибирские – терпели бедствия, было проявлением того смирения, которое паче любой гордыни. Публичная процедура подчинения Колчаку с ее отчетливой мелодраматической инсценировкой – восторженным рукоплесканием и слезами умиления присутствующих – не принесла никакой практической пользы колчаковскому делу, зато дала имиджевый бонус Деникину¹⁷¹.

В обстановке конца мая, когда завершал работу Парижский конгресс, а военная инициатива и контроль над гражданским населением безвозвратно утекали из рук Верховного правителя, борьба за объединение вокруг него, равно как и за международное признание, теряла всякий смысл. Дипломаты попытались бросить в бой последний резерв в лице прирученных социалистов. Однако эта затея обернулась провалом. И если Авксентьев не стал сводить счеты с Колчаком, то Зензинов, давший в марте клятвенное обещание С. А. Угету, замещавшему Бахметева в Вашингтоне – не агитировать против Омска в Париже, оказавшись там, тут же его нарушил¹⁷². В период борьбы РПС за международное признание Колчака, он выпустил в Париже документальный сборник, осуждавший его действия до и после переворота 18 ноября¹⁷³. Ни союз, ни мирное сосуществование омского диктатора с эсерами решительно не клеились. Более того, можно думать, что индальгенция, выданная эсерам фактом включения Авксентьева в состав РПС с согласия Колчака, сорвала последнюю запретную печать с их сопротивления омскому режиму. С начала 1919 г. резко усилилась организующая роль эсеров в повстанческом движении Сибири.

Правда, оставался еще лояльный Савинков, добросовестно отработывавший денежный перевод из Омска, а также почтенный Чайковский, агитировавший 16 мая в Совете четырех «в пользу скорейшего официального признания Российского правительства в Омске»¹⁷⁴. Однако это заступничество скорее вызывало недоумение, чем сочувствие западных политиков¹⁷⁵. Вполне возможно, что из уважения к заслуженному ветерану освободительного движения в России могущественная четверка особой нотой 27 мая за подписью Клемансо согласилась испытать омского правителя в демократическом символе веры. Впрочем, срочно состряпанный в РПС и милостиво принятый союзниками ответ в июне 1919 г., являлся уже пустой формальностью¹⁷⁶.

Безрезультатное для белого дела окончание конференции, сплошная полота неудач на Восточном фронте и взорвавшаяся социальная обстановка в сибирском тылу «навалились» на омского диктатора почти одновременно. На протяжении лета неуклонно истончались и его связи с парижским сообществом. Переписка Парижа и Омска обрывалась на середине августа, доказывая исчерпанность отношений.

Блестящий манипулятор, автор упомогачительных многоуровневых комбинаций по формированию новых очагов и лидеров антибольшевистского сопротивления, их международной раскрутке, участник тайных заговоров В. А. Маклаков просчитался только в одном – исход борьбы с советской властью определялся совсем в другой плоскости.

Примечания

¹ *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983; *Будницкий О. В.* Послы несуществующей страны. // «Совершенно лично и доверительно!» В. А. Бахметев – В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. В 3 томах. Т. 1. Август 1919 – сентябрь 1921. Под ред. О. В. Будницкого. М. – Стэнфорд, 2001; *Кононова М. М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925). М., 2004; *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. 1917–1918. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2008; *Он же.* Белое дело в России. 1919. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2009.

² АВП РИ. Ф. 187 (Посольство в Париже). Оп. 524. Ед. хр. 3537. Л. 1–2.

³ Там же. Л. 3а.

⁴ *Будницкий О. В.* Указ. соч. С. 46.

⁵ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3537. Л. 29а.

⁶ Там же. Л. 32а, 39а.

⁷ *Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959. С. 308.

⁸ *Будницкий О. В.* Указ. соч. С. 24–25.

⁹ *Соловьев Ю. Я.* Указ. соч. С. 296.

¹⁰ Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. Под ред. А. В. Торкунова. М., 2002. С. 35.

¹¹ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3537. Л. 32а.

¹² Там же. Л. 47а.

¹³ *Мальцев Д. А.* Антанта и боевые действия на юге России в 1918–1920 гг. // Военная интервенция и гражданская война в России (1918–1920 годы). М., 2009. С. 92.

¹⁴ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3537. Л. 48.

¹⁵ Там же. Л. 30а–31а.

¹⁶ Там же. Л. 40.

¹⁷ Там же. Л. 59–60.

¹⁸ Там же. Л. 42; 52.

¹⁹ Там же. Л. 49а.

²⁰ Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2000. Т. 1. События 1918–1945. Под ред. А. Д. Богатурова. М., 2000. С. 37; Очерки истории Министерства иностранных дел. Т. 2. С. 39.

²¹ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3537. Л. 50.

²² Там же. Л. 55.

²³ Там же. Л. 68а–70а.

²⁴ Мировые войны XX века. В 4 х кн. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. Под ред. В. Л. Малькова и Г. Д. Шкундина. М., 2002. С. 543.

²⁵ Уилер-Беннет Дж. Брестский мир. Победы и поражения советской дипломатии. М., 2009. С. 147–148.

²⁶ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3537. Л. 76.

²⁷ Уилер-Беннет Дж. Указ. соч. С. 85.

²⁸ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3537. Л. 75.

²⁹ Там же. Л. 79–80.

³⁰ Там же. Ед. хр. 3539. Л. 1.

³¹ Суни Р. Национализм и демократизация в русской революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. Под ред. Черняева В. Ю. СПб., 1994. С. 285–286; Канищева Н. И. Кадетская партия после большевистского переворота // Политические партии России: история и современность. Под ред. А. И. Зелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева. М., 2000. С. 312.

³² Об эсеровской линии см.: Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. Мемуары. М., 2004. С. 370–372.

³³ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. Кн. 1. М., 2004. С. 162; Галин В. Запретная политэкономия. Красное и белое. М., 2006. С. 115.

³⁴ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 163, 177.

³⁵ Дневник Петра Васильевича Вологодского // За спиной Колчака. Под ред. А. В. Квакина. М., 2005. С. 49.

³⁶ Там же. С. 49, 66.

³⁷ Емельянов Ю. В. Подрывная деятельность западных держав против большевистской партии и России в ходе гражданской войны 1917–1920 гг. // Военная интервенция и гражданская война в России. С. 125–127.

³⁸ Галин В. Указ. соч. С. 77.

³⁹ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 177.

⁴⁰ Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М., 1949. С. 117.

⁴¹ Системная история международных отношений. Т. 1. С. 83–84.

⁴² Галин В. Указ. соч. С. 81–82; Уилер-Беннет Дж. Указ. соч. С. 272–274.

- ⁴³ Системная история международных отношений. Т. 1. С. 87; *Галин В.* Указ. соч. С. 88–89.
- ⁴⁴ *Уткин А.* Унижение России. Брест, Версаль, Мюнхен. М., 2004. С. 35.
- ⁴⁵ Там же. С. 41–42; *Уткин А. И.* Дипломатия Вудро Вильсона. М., 1989. С. 178.
- ⁴⁶ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3537. Л. 111.
- ⁴⁷ Об активности всего посольского штата см.: *Будницкий О. В.* Указ. соч. С. 56.
- ⁴⁸ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3537. Л. 4, 6.
- ⁴⁹ Там же. Ед. хр. 3538. Л. 8.
- ⁵⁰ Там же. Л. 34а.
- ⁵¹ *Милюков П. Н.* При свете двух революций // Исторический архив. 1993. № 2. С. 131.
- ⁵² *Долгоруков П. Д.* Великая разруха. Воспоминания основателя партии кадетов. 1916–1926. М., 2007. С. 85.
- ⁵³ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3538. Л. 7а–8а.
- ⁵⁴ Там же. Л. 7.
- ⁵⁵ *Галин В.* Указ. соч. С. 84.
- ⁵⁶ *Чернов В. М.* Указ. соч. С. 369.
- ⁵⁷ *Емельянов Ю. В.* Указ. соч. С. 124–125; *Галин В.* Указ. соч. С. 86–87; *Будницкий О. В.* Указ. соч. С. 49.
- ⁵⁸ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3538. Л. 6–7–8.
- ⁵⁹ *Штейн Б. Е.* Указ. соч. С. 50.
- ⁶⁰ *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского Правительства, М., 2007. С. 293–294.
- ⁶¹ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3537. Л. 111.
- ⁶² Там же. Ед. хр. 3538. Л. 1а–2а.
- ⁶³ Там же. Л. 2–5.
- ⁶⁴ Там же. Л. 14.
- ⁶⁵ Там же. Л. 24.
- ⁶⁶ Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала Колчака. Под ред. Г. А. Трукана. М., 2003. С. 56–57.
- ⁶⁷ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3538. Л. 30а–33а.
- ⁶⁸ Там же. Л. 34 а.
- ⁶⁹ *Гинс Г. К.* Указ. соч. С. 161.
- ⁷⁰ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3538. Л. 48а–49а.
- ⁷¹ Там же. Л. 55а.
- ⁷² *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 28; Верховный правитель России. С. 59–61.

- ⁷³ Верховный правитель России. С. 70.
- ⁷⁴ АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3538. Л. 33а, 31а.
- ⁷⁵ Там же. Л. 55а.
- ⁷⁶ Там же. Л. 49.
- ⁷⁷ Там же. Л. 71–72.
- ⁷⁸ *Петров С. П.* Упущенные возможности. Гражданская война в восточно-европейской части России и в Сибири. 1918–1920 гг. М., 2006. С. 46.
- ⁷⁹ АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3538. Л. 73.
- ⁸⁰ Там же. Л. 49–50.
- ⁸¹ *Дневник П. Н. Милюкова.* 1918–1921. М., 2005. С. 295.
- ⁸² *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. 1917–1918. С. 388.
- ⁸³ *Гинс Г. К.* Указ. соч. С. 113–114; *Канищева Н. Ф.* Указ. соч. С. 307.
- ⁸⁴ *Дневник Петра Васильевича Вологодского.* С. 91, 109.
- ⁸⁵ Там же. С. 99.
- ⁸⁶ АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3538. Л. 73а.
- ⁸⁷ Там же. Л. 50.
- ⁸⁸ Там же. Л. 65а–66а.
- ⁸⁹ Верховный правитель России. С. 47–48, 53.
- ⁹⁰ АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3538. Л. 73а.
- ⁹¹ Там же. Л. 71.
- ⁹² Там же. Л. 88.
- ⁹³ Там же. Л. 95.
- ⁹⁴ *Цветков В. Ж.* Указ. соч. С. 380–381.
- ⁹⁵ *Гинс Г. К.* Указ. соч. С. 165.
- ⁹⁶ Там же. С. 206, 209.
- ⁹⁷ Там же. С. 223–224.
- ⁹⁸ *Дневник Петра Васильевича Вологодского.* С. 115, 125.
- ⁹⁹ *Гинс Г. К.* Указ. соч. С. 210.
- ¹⁰⁰ *Цветков В. Ж.* Указ. соч. С. 452; *Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Черчилль и Миллюков против советской России. М., 1989. С. 76.
- ¹⁰¹ *Цветков В. Ж.* Указ. соч. С. 380, 399–400.
- ¹⁰² Верховный правитель России. С. 82; *Гинс Г. К.* Указ. соч. С. 306.
- ¹⁰³ АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3539. Л. 20.
- ¹⁰⁴ *Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака.* С. 344; *Гинс Г. К.* Указ. соч. С. 265.
- ¹⁰⁵ *Гинс Г. К.* Указ. соч. С. 307; *Дневник Петра Васильевича Вологодского.* С. 149.

- ¹⁰⁶ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3539. Л. 35 об.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 36, 47, 68, 71.
- ¹⁰⁸ См. подробное описание становления этих структур: Будницкий О. В. Указ. соч. С. 58–59; Он же. Деньги русской эмиграции: колчаковское золото. 1918–1954. М., 2008; Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919. С. 364–454.
- ¹⁰⁹ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3539. Л. 75.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 77.
- ¹¹¹ Там же. Л. 97 об.
- ¹¹² Дневник П. Н. Милюкова. С. 308.
- ¹¹³ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3539. Л. 20.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 62 об.
- ¹¹⁵ Лехович Д. Деникин. Жизнь русского офицера. М., 2004. С. 410; Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920 гг. В 2-х кн. Кн. 2. Октябрь 1917 г. – ноябрь 1920 г. М., 1993. С. 238.
- ¹¹⁶ Михайловский Г. Н. Указ. соч. С. 231, 235.
- ¹¹⁷ Деникин А. И. Поход на Москву. Очерки русской смуты // Белое движение: начало и конец. М., 1990. С. 137–139.
- ¹¹⁸ Михайловский Г. Н. Указ. соч. С. 231.
- ¹¹⁹ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3539. Л. 30.
- ¹²⁰ Соколов Н. К. Правление генерала Деникина // Белое дело. Кубань и Добровольческая армия. М., 1992. С. 46–47.
- ¹²¹ Там же. С. 50.
- ¹²² Рассвет и конец Деникина // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Деникин. Юденич. Врангель. М., 1991. С. 46–47.
- ¹²³ Там же. С. 52, 56.
- ¹²⁴ Соколов Н. К. Указ. соч. С. 68.
- ¹²⁵ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3539. Л. 18 об.
- ¹²⁶ Там же. Л. 48 об.
- ¹²⁷ Там же. Л. 51.
- ¹²⁸ Там же. Л. 54.
- ¹²⁹ Там же. Л. 52.
- ¹³⁰ Там же. Л. 92.
- ¹³¹ Дневник П. Н. Милюкова. С. 309.
- ¹³² АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3539. Л. 83 об, 96 об.
- ¹³³ Лехович Д. Указ. соч. С. 405–406; Думова Н. Г., Трухановский В. Г. Указ. соч. С. 79.
- ¹³⁴ Дневник П. Н. Милюкова. С. 306.

- 135 АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3539. Л. 45 об.
- 136 Там же. Л. 69 об.
- 137 Дневник П. Н. Милюкова. С. 393, 677–678.
- 138 АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3539. Л. 66.
- 139 Там же. Л. 98.
- 140 *Штейн Б. Е.* Указ. соч. С. 99–100; *Чичерин Г. В.* Доклад Народного комиссара по иностранным делам. 1919 г. // *Чичерин Г. В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 129–130.
- 141 *Чичерин Г. В.* Указ. соч. С. 130; Системная история международных отношений. Т. 1. С. 89; *Уткин А. И.* Унижение России. С. 382–383.
- 142 АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3542. Л. 26 об.
- 143 Там же. Л. 18 об.
- 144 Там же. Л. 26 об.
- 145 *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. 1. Под ред. Трухановского В. Г. М., 1957. С. 295, 301, 307.
- 146 АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3540. Л. 16.
- 147 Там же. Л. 25.
- 148 Там же. Л. 61–62.
- 149 Там же. Л. 28.
- 150 Там же. Ед. хр. 3541. Л. 31 об.–32 об.
- 151 Там же. Ед. хр. 3540, Л. 22 об.
- 152 Там же. Ед. хр. 3544. Л. 3, 34.
- 153 Там же. Ед. хр. 3541. Л. 37 об.–38 об.
- 154 Там же. Л. 51.
- 155 Там же. Ед. хр. 3542. Л. 35 об.–36 об.
- 156 *Гинс Г. К.* Указ. соч. С. 366–367.
- 157 Расцвет и конец Деникина. С. 50.
- 158 АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3541. Л. 83 об.
- 159 Там же. Л. 61 об.–62 об.
- 160 Там же. Л. 68.
- 161 Там же. Л. 36 об., 72 об.–73 об.; там же. Ед. хр. 3542. Л. 37 об.
- 162 Там же. Ед. хр. 3542. Л. 3.
- 163 Там же. Л. 37 об., 40 об.–41 об.
- 164 Там же. Л. 52.
- 165 Там же. Л. 75 об.
- 166 Там же. Ед. хр. 3543. Л. 65 об.

- ¹⁶⁷ Там же. Ед. хр. 3542. Л. 86.
¹⁶⁸ Там же. Л. 87.
¹⁶⁹ Там же. Ед. хр. 3543. Л. 74.
¹⁷⁰ *Лехович Д.* Указ. соч. С. 476.
¹⁷¹ Там же. С. 484–485.
¹⁷² АВП РИ. Ф. 187. оп. 524. Ед. хр. 3540. Л. 24 об.
¹⁷³ *Цветков В. Ж.* Белое дело. 1919 г. С. 23.
¹⁷⁴ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Ед. хр. 3544. Л. 28.
¹⁷⁵ *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. С. 318–319.
¹⁷⁶ *Иоффе Г. З.* Указ. соч. С. 209–210.

Раздел I

**Вопросы политической
и социальной истории**

О. В. Хаванова (Москва)

Йозеф Зонненфельс и «генеалогия» его студентов: к вопросу о формировании бюрократии в монархии Габсбургов XVIII века¹

В 1790 г. австрийский государственный деятель, университетский профессор и публицист Йозеф Зонненфельс (1732–1817) обратился к императору Леопольду II с прошением о награждении себя малым крестом Ордена св. Стефана, также известного как «орден за заслуги». Начиная в 1764 г. это была высшая награда для государственных служащих в монархии Габсбургов. Она имела три степени: большой, командорский и малый крест². Желавшие получить награду обычно направляли прошение на имя Марии Терезии или Иосифа II (с 1765 г. носил титул императора Священной Римской империи), где перечисляли свои личные и родовые заслуги. Например, Йозеф Зонненфельс, помимо прочего, утверждал: «Предмет политические науки в том виде, в котором он преподается в университетах Наследственных земель, когда все элементы управления государством сведены в единую систему, я с полным основанием могу назвать своим собственным творением. Все преподаватели этой науки в монархии являются моими учениками. Почти во всех иностранных университетах политические науки преподаются по австрийскому образцу»³.

В самом деле, рукопись учебника для этого курса, известного как «полицейские и камеральные науки» («*Polizey- und Cameralwissenschaften*»)⁴, была к осени 1763 г., по заказу венского двора, в кратчайшие сроки написана, точнее – скомпилирована, лично Зонненфельсом. То обстоятельство, что автор главным образом пересказал работы Иоганна Генриха Готтлиба Юсти (1720–1771)⁵, Георга Генриха Цинке (1662–1729)⁶ или французских физиократов, не было секретом для современников. Содержание, источники и составные части учебника детально проанализированы в современной историографии⁷. Американский историк австрийского происхождения Роберт Канн называл Зонненфельса «просто начитанным, одаренным дилетантом, одержимым жаждой реформирования»⁸.

Кстати, венская Придворная казенная палата, отдав должное ясности стиля и похвальной усидчивости автора, рекомендовала ему взять еще один год, чтобы исправить незначительные ошибки и более ясно сформулировать некоторые теоретические положения⁹. Между тем, Мария Терезия не желала ждать. Она приказала превратить курс в универсальный инструмент воспита-

ния новых поколений чиновников и подданных вообще. В канун 1763/1764 учебного года она написала: «Сей резолюцией да будет объявлено во всех моих землях, что те, кто посещает этот курс и делает в нем успехи, *получат предпочтение перед иными соискателями* [здесь и далее курсив мой. – О. Х.] при приеме на императорско-королевскую службу»¹⁰.

Впрочем, императрице показалось мало того, что курс смогут посещать лишь работающие в Вене императорско-королевские чиновники центральных ведомств или студенты Венского университета. Изложенное в понятной, доходчивой форме учение Зонненфельса об экономике, торговле и роли общественных институтов, его ясное требование подкреплять верность династии высоким уровнем профессионализма должны были достичь самых отдаленных уголков монархии. В рескрипте от 29 апреля 1766 г., адресованном Придворной казенной палате, императрица особо коснулась двух в недавнем прошлом мятежных земель: «Те выходцы из Венгрии и Трансильвании, кто прослушал курс политических и камеральных наук и может подтвердить свое прилежание и хорошую успеваемость специальным аттестатом за подписью Зонненфельса, должны получать *преимущество при зачислении* на должности в сфере экономики или городского управления; и пусть комитатам будет рекомендовано нанимать именно таких людей, о чем те должны быть осведомлены»¹¹.

В 1767 г., чтобы облегчить доступ к полезному знанию, Мария Терезия учредила восемь стипендий (по 200 гульденов/флоринов каждая) для студентов из Венгрии (включая Хорватию-Славию) и четыре такие же стипендии для выходцев из Трансильвании (см. Таблицу 1). Полагались они – исключительно по представлению профессора Зонненфельса – талантливым, но бедным студентам. Однако 12 стипендий для обучающегося в Вене юношества не могли удовлетворить растущих потребностей чиновничьего аппарата. Посему венский двор постоянно перераспределял имевшуюся в его распоряжении скромную сумму (2400 гульденов), чтобы материально поддержать как можно больше студентов в провинциальных учебных заведениях, где стоимость жизни была не столь высока. Например, в 1768 г. из восьми венских стипендий для венгров изъяли три и передали их политико-экономическому коллегияму в хорватском Вараждине. Там эти 600 флоринов превратили в одну стипендию размером 100 флоринов для лучшего студента, одну, достоинством ниже (80 флоринов), для второго лучшего ученика, остальные же шесть или (если достойных окажется больше) семь стипендий в 60 флоринов полагалось платить менее способным юношам. На следующий год число стипендий в дорогой Вене было сокращено до двух: еще три стипендии передали в Трнавский¹² университет, где применили ту же схему перераспределения денег, что и в Вараждине (см. Таблицу 1). Между 1766 и 1777 гг. более 130 стипендиатов

в Вене, Трнаве, Вараждине (позднее – в Загребе) получили образование за счет короны (см. Приложение). Национальным историографиям Венгрии, Словакии, Хорватии, Румынии, Австрии еще только предстоит восстановить карьеры слушателей курса политико-камеральных наук и степень их интегрированности в императорско-королевскую администрацию.

Венские власти постоянно задавались вопросом, кто и почему должен получать предпочтение при распределении стипендий. Поиски баланса между меритократией и филантропией, как и во всех иных сферах терезианской социальной политики, внесли, в конце концов, свою лепту в последующее рождение современного государства с чертами государства всеобщего благоденствия (в английском языке именуемого «*welfare-state*»). В 1775 г. императрица сделала важную пометку на полях представления Венгерской придворной канцелярии по поводу распределения стипендий в Трнавском университете: «В случае, если среди тех, кто будет сочтен достойным субсидии, найдутся такие, у кого достаточно финансовых средств, пусть их места отойдут к более нуждающимся». Учебная комиссия при Наместническом совете возражала: «Нет необходимости учитывать большую или меньшую степень нужды, поелику субсидии тем, кто зачислен в императорско-королевские стипендиаты, выделяются без учета материального достатка, исключительно за похвальные достижения в науках, что и служит единственным основанием для вознаграждения. Венгерская канцелярия, в свою очередь, в процессе работы над окончательной формулировкой резолюции приняла сторону Марии Терезии и заявила, что при прочих равных условиях бедного студента следует предпочитать более зажиточному¹³.

Стипендиальная система с чертами меритократии была колоссальным шагом вперед. В те годы в монархии Габсбургов стипендии распределялись по принципам, не имеющим отношения к успеваемости ученика. Юноша, перешедший в католицизм, мог, не имея никаких склонностей к учебе, получить стипендию в коллегииуме под патронатом Римско-католической церкви¹⁴. Осиротевшие сыновья офицеров императорско-королевской армии принимались в военную академию, где преподавали такие сложные дисциплины, как баллистика и фортификация, по представлению единственно медицинской справки о состоянии здоровья¹⁵. Зачисление на курс профессора Зонненфельса, напротив, основывалось, вне зависимости от социального статуса или вероисповедания, прежде всего на знаниях и способностях.

С самого начала профессор Зонненфельс столкнулся с двойной задачей: он должен был обучать десятки студентов, стремившихся записаться на его курс в надежде на будущую успешную карьеру, и отбирать самых талантливых из них, с задатками педагога, чтобы вверить им преподавание своего кур-

са в других университетах монархии. Утверждение Зонненфельса, процитированное в начале этой статьи, что все профессора политических наук в монархии являются его учениками, ни в коей мере не является преувеличением. Игнац де Лука в Линце и позднее в Вене, Йозеф Бучек в Праге, Йозеф Буреш¹⁶ в Граце, Леопольд Шульц в Клагенфурте, Карл Кробат в Лайбахе (совр. Любляна в Словении), Каспар Пауль Эренфельс¹⁷ в Трнаве, Адальберт Барич¹⁸ в Вараждине и позднее Загребе, Буда и Пеште, Антал Добокаи в Коложваре (в немецкой традиции Клаузенбург, ныне Клуж-Напока в Румынии). За пределами монархии, в Российской империи, прославились Теодор (Фёдор) Янкович – реформатор отечественной начальной школы по австрийскому образцу, и Михай (Михаил) Балудянский (Балугьянский)¹⁹, профессор права и ректор Санкт-Петербургского университета.

Сам Зонненфельс получил в 1763 г. должность в Венском университете только по результатам экзамена, выдержанного перед специальной комиссией, состоявшей из опытных государственных мужей. Став профессором, он требовал такого же конкурсного и меритократического подхода к назначению своих учеников, желавших читать его курс. Однако потребность в талантливых педагогах была выше числа способных выпускников. В 1765–1768 гг. соискателям давали восемь дней для написания квалификационной работы, в которой рассматривались бы три вопроса по выбору профессора. Если Бучек²⁰ или Барич принадлежали к числу тех, кого Зонненфельс ценил высоко, то Шульц и Кробат, по словам их учителя, просто переписали соответствующие части из его учебника и получили назначения, прежде всего, по причине отсутствия более способных соискателей²¹. Зонненфельс не устал повторять, что экзамен должен непременно включать устное собеседование, когда претенденты без подготовки отвечали бы на вопросы членов комиссии, как когда-то сам Зонненфельс. В 1768 г., по крайней мере, в случае назначения Йозефа Буреша, письменный экзамен был дополнен устным собеседованием²².

Роберт Канн категорично писал: «Ни один из его [Зонненфельса] учеников, возможно, за исключением де Луки, не поднялся над уровнем простой профессиональной пригодности до стандартов независимого мышления и действия. Ни один из них не упрочил в общественном сознании идеи уважения к закону»²³. Впрочем, если бросить взор за пределы собственно Австро-Чешских наследственных провинций, окажется, что историк явно недооценил если не интеллектуальный потенциал отдельных учеников, то их роль как проводников нового знания и связанной с ним системы ценностей в коронных землях монархии. Адальберт Барич может служить примером как способности Зонненфельса отбирать из сонма учеников наиболее талантливых, так и самоотверженности воспитанника в служении общему благу. Будучи венгер-

ским дворянином славянского происхождения, Барич в 1769 г. получил – скорее всего, в силу владения южнославянскими диалектами – рекомендацию профессора возглавить кафедру недавно созданного Политико-экономического колледжиума в хорватском Вараждине. Молодой человек отправился в чужие для него края, встал во главе кафедры и преуспел на ниве обучения десятков студентов, большинство из которых едва владело немецким, имело лишь отдаленное представление об изучаемых науках, не стремилось к знаниям и, в силу низкого происхождения, влачило нищенское существование²⁴. Чтобы помочь своим ученикам освоить политико-камеральные науки, Барич перевел учебник Зонненфельса на латинский язык. К сожалению, рукопись не сохранилась. В 1773 г. Барич перешел на работу в Загребский университет, где продолжил преподавать политико-камеральные науки. Позднее, будучи профессором философского факультета Пештского университета, он написал фундаментальный труд «Статистика Европы»²⁵. Своим высоким профессионализмом Барич снискал всеобщее уважение, и когда из-за бюрократической формальности ученому назначили профессорское жалование ниже, чем у коллег, королевский директор Пештского учебного округа Антал Вёрёш выразил готовность лично приплачивать ученому недостающие 200 флоринов²⁶.

История другого ученика Зонненфельса, Теодора Янковича, не менее показательна. Из нее становится очевидным, какие последствия имело расширение доступа к овладению современными «бюрократическими техниками» для выходцев из тех социальных групп, которые прежде практически не имели доступа к высшему образованию. Она также иллюстрирует, как принцип меритократии реализовывался в доиндустриальном обществе с сильно разветвленными сетями патроната.

Теодор Янкович родился в 1741 г. в южно-венгерском местечке Камонц (совр. Сремска Каменица в Сербии) в семье стряпчего. Заметив живость ума и склонность мальчика к языкам и наукам, их родственник – темешварский (совр. Тимишоара в Румынии) православный епископ Викентий Иоаннович Видак позаботился о его образовании и совершенствовании в латинском, немецком, венгерском и французском языках²⁷. Вероятно, именно епископу, хорошо осведомленному о состоянии школьной системы в Габсбургских владениях, в 1767 г. пришла мысль направить юношу на курс камеральных наук в Вену, на одно из стипендиальных мест, зарезервированных для выходцев из Трансильвании. Из-за нехватки молодых людей, свободно владеющих немецким языком и подготовленных к усвоению политико-камеральных наук, из четырех вакансий, зарезервированных для выходцев из княжества, в первый год удалось заполнить только одну: она досталась Яношу Нягое – сыну личного секретаря трансильванского канцлера графа Габора Бетлена.

Так в феврале 1768 г. Янкович невольно оказался в центре конфликта за доступ к образованию, сулившему быстрый карьерный рост, и, не в последнюю очередь, за стипендию в 200 гульденов, привлекавшую амбициозных, но бедных молодых людей из отдаленных провинций²⁸. В 1768 г., когда Нягое получил должность агента (ходатая) в Трансильванской канцелярии, на три вакансии власти княжества неосмотрительно направили в Вену совершенно не готовых к освоению столь сложного предмета молодых людей, даже не владевших немецким²⁹. Спустя год те не захотели распрощаться с Веной и подали императрице жалобу на «схизматика» (то есть православного) Янковича, лучшего слушателя группы, не имевшего формального права обучаться из трансильванской квоты и фактически лишавшего трансильванцев скромной материальной поддержки.

В ответ Янкович обратился к Марии Терезии с петицией. Написанная ясным слогом на красивом немецком языке, она заслуживает того, чтобы быть изложенной здесь полностью. «В заботе об общем благе единственной целью вашего императорско-королевского величества было всемилостивейше выделить тем венгерским и трансильванским юношам, которые посвятили себя изучению камеральных наук, по 200 гульденов в год, и правом на такую милостивую благотворительность обладают те слушатели, которые выдержали экзамен у своего преподавателя и получили подтверждение своих способностей. С этой целью я в прошлом году преподнес моему учителю плоды знаний по камеральным наукам и был, как иллир, приписан к Трансильванской канцелярии для получения годичной стипендии. В этом году состоялся новый экзамен, я вновь заслужил в представлении на стипендии первое место. Однако изданная по этому поводу высочайшая резолюция предписывает мне – дабы я мог воспользоваться этой стипендией – доказать, что я урожденный трансильванец. Всемилоостивейшая монархиня! На самом деле, если посмотреть на моих предков и мое происхождение, я окажусь не трансильванцем и не венгром, следовательно, ни под каким предлогом не буду иметь права на милость, адресованную этим нациям. Но я – иллир, вернейший иллир вашего императорско-королевского апостолического величества, который вот уже целый год имеет счастье именно под именем иллира получать стипендию от Трансильванской канцелярии. Я первый, с тех пор как сербский народ принес клятву верности славнейшему Австрийскому дому, который посещает в Вене научные лекции и прикладывает все усилия, чтобы изучить право и политико-камеральные науки, единственно для того чтобы служить государству и стать полезным подданным и гражданином. Соблаговолите, ваше императорско-королевское апостолическое величество, по-матерински оценить мои способности, мое упорство и своей высочайшей волей устранить то, что не дает мне права обладать всемилостивейше выделенной мне стипендией»³⁰.

Зонненфельс прокомментировал результаты экзамена следующим образом: «Среди всех Теодор Янкович выказал такое прилежание и недюжинный талант, что я не только ставлю его на первое место, но и смею настоятельно отрекомендовать его августейшей милости ее величества как человека, чьи знания и склонности к языкам должны принести немалую пользу отечеству». Императрица постановила: «Учитывая особую одаренность Янковича и то, что прибывшие в этом году трансильванцы из-за незнания немецкого языка не могли посещать курс, назначаю ему на этот год стипендию в 200 гульденов, однако на будущее не следует пренебрегать и трансильванцами»³¹.

Вехи дальнейшего пути Теодора Янковича известны. В начале 1770-х годов он был привлечен к проведению школьной реформы в Банате (в то время управлявшемся напрямую из Вены), в областях, преимущественно населенных православными сербами. В 1774 г. его труды были оценены по достоинству дарованием венгерского дворянского титула³². В 1780-е годы талантливого серба пригласили в Санкт-Петербург; участвовать в разработке реформы начального школьного образования в Российской империи. В архиве графа Ференца Балашша сохранилось письмо Т. Янковича, адресованное венгерскому вице-канцлеру графу Леопольду Палфи и датированное 16 октября 1782 г. по старому стилю: «Мой проект организации начального школьного образования одобрен высочайшим [русским] двором, и, следовательно, мне не остается желать ничего, кроме как исполнять обязанности моей профессии»³³.

Среди тех, кто в 1768 г. подавал жалобу на Янковича, был молодой трансильванец Антал Добокаи. Он приехал в Вену в 1767 г. даже не владея немецким языком и по результатам экзамена, который он, по сути, провалил, получил лишь половину стипендии. Однако упорство и прилежание Добокаи, а также добрая воля Трансильванской канцелярии, которая сочла разумным и далее финансировать учебу уже находящегося в Вене студента, принесли свои плоды. Молодой человек провел в имперской столице еще пять лет и со временем превратился в ассистента профессора Зонненфельса, помогающего своему наставнику обучать плохо подготовленную трансильванскую молодежь. Примечательно, что если в Венгрии и Хорватии упор делался на включение политико-камеральных наук в «национальные» учебные планы, Трансильванская канцелярия решила и далее обучать будущих чиновников в Вене. «Юношество из Трансильвании... в этом городе помимо собственно означенного курса имеет возможность практиковаться в других науках (не преподаваемых в княжестве) и одновременно изучать немецкий язык и *приобщаться к венскому образу жизни*»³⁴. Именно по этой причине Добокаи прожил в Вене до конца 1770-х годов. Его жалование составляла одна из стипендий трансильванской квоты, и его главной функцией было суммировать лекции Зоннен-

фельса на латинском языке, чтобы ввести новичков в суть предмета. Впоследствии он вернулся в Коложвар и в начале XIX в. по-прежнему преподавал в местном университете политико-камеральные науки.

Чтобы подчеркнуть эксклюзивность курса и важность передаваемых в его рамках знаний, венский двор поощрял превращение экзамена в торжественную публичную церемонию, проводившуюся в Венском, Пражском³⁵, Трнавском³⁶, Загребском и др. университетах, а также дворянских коллегиях и академиях. Сообщения о таких экзаменах регулярно публиковались на страницах придворной газеты «*Wienerisches Diarium*» («Венский дневник»)³⁷. Например, 15 августа 1771 г. сын венгерского графа Дёрдя Аппони (советника Венгерского королевского наместнического совета и фёйшпана комитата Тольна), граф Антал Аппони – 22-летний камергер и будущий советник Венгерского королевского наместнического совета и фёйшпан комитата Тольна – держал ответ на 75 вопросов по политико-камеральным наукам и посвятил это действо императрице. Она, как это часто бывало, на экзамене отсутствовала, но присутствовала на нем символически в лице своего официального представителя – президента Венской счетной палаты графа Людвиг Цинцендорфа³⁸. Оппонентами выступали чиновники имперской администрации и профессора Венского университета, что говорило о триумфе власти, основанной на знании, и знания, поддержанного властью. Не стоит забывать, что преподавание новой дисциплины, включавшей, помимо прочего, принципы естественного права, встречало сопротивление со стороны косного руководства католических университетов монархии. Австрийская исследовательница Грете Клингенштайн блестяще реконструировала конфликт ученика Зонненфельса Йозефа Буреша с профессорами Грацкого университета³⁹. После этого демонстративная поддержка и покровительство августейшего правящего дома, оказываемые Зонненфельсу и его курсу, не покажутся излишними.

В венской Терезианской академии – самой привилегированной школе для аристократии и дворянства из коронных земель монархии и даже из Священной Римской империи, где Зонненфельс преподавал с 1774 по 1784 г., – публичный экзамен по политико-камеральным наукам держали сыновья первых лиц государства. Подобно экзамену по имперскому праву, это говорило о намерении воспитанников влиться в ряды той самой императорско-королевской бюрократии, где служили их отцы и деды. Воспитанникам иностранного происхождения, кто пробыл в академии недолго, год или два, и не овладел в достаточной мере немецким языком, разрешалось держать ответ на французском (граф Анджело Серопонти), или итальянском (будущий посол в Неаполе князь Франческо Русполи) языке⁴⁰.

Одна из стратегических целей двора – превратить курс Зонненфельса в форму политической катехизации – становится особенно очевидной, если вспомнить, что на этот курс охотно зачисляли священников. Когда Каспар Эренфельс в 1769 г. начал преподавать политико-камеральные науки в Трнаве, императрица приказала сделать курс обязательным для слушателей теологического факультета⁴¹. Согласно газете «*Wienerisches Diarium*», первым священником, кто выдержал процедуру публичного экзамена в Венском университете, стал в 1772 г. Альбрехт Хубер. Императрицу на экзамене представлял граф Антон Перген, оппонентами выступали, как и в случае со студентами-мирянами, представители имперской бюрократии, ученые, духовенство. Газета высказала предположение, что «его [Хубера] пример, вне всяких сомнений, приведет к распространению этих крайне важных знаний среди людей этой профессии»⁴².

Пожелание стало блью после роспуска в 1773 г. Общества Иисуса. Десятки молодых, прекрасно образованных, честолюбивых и безработных иезуитов записались на курс Зонненфельса в надежде повысить свои шансы на получение какой угодно скромной должности в бюрократическом аппарате. Однако конкуренция в этом сегменте рынка рабочей силы была велика, и большинство экс-иезуитов проиграли соревнование подобно Михелю Хайнцману, который, говоря его собственными словами, «лишился средств к существованию после роспуска Общества Иисуса и влачит жалкое существование». Несмотря на знание латинского и французского языков и сертификат о посещении курса политико-камеральных наук в Венском университете, прошение Хайнцмана было отклонено под предлогом отсутствия вакансий⁴³. Другой экс-иезуит, Франц Пиндльмаер, был чуть более удачлив: он получил неоплачиваемую должность практиканта при Венгерской казенной палате в Прессбурге, что, впрочем, не давало никаких шансов быть повышенным до более стабильной и, что немаловажно, оплачиваемой должности⁴⁴.

Другой социальной группой, которая стала объектом «политической катехизации», были офицеры венгерской дворянской лейб-гвардии. Этот институт был основан в 1760 г., чтобы предоставить мелкому провинциальному дворянству из Венгрии и Трансильвании возможность провести три-пять лет при венском дворе, улучшить свои познания в немецком языке и обрести светский лоск, участвуя в дворцовом церемониале. Для лейб-гвардейцев была разработана специальная программа, включавшая обучение языкам и, что примечательно, политико-камеральным наукам, которые им читал Иоганн Хаук. Одной из далеко идущих целей создания гвардии было подготовить для органов центральной и местной администрации Венгерского королевства и Трансильванского княжества новые, компетентные кадры. Однако в эпоху, когда ус-

пешная карьера была результатом медленного совершенствования в профессии и постепенного восхождения по ступеням бюрократической лестницы, а не закономерным следствием получения университетского образования, никакой диплом не мог гарантировать молодому офицеру заведомое преимущество перед другими соискателями. И все-таки многие из тех, кто посвятил свободное время посещению университетских лекций, были впоследствии заслуженно вознаграждены административной должностью.

Например, Михай Чергё, дворянин из комитата Абауй, был сыном комитатского нотариуса, умершего, когда мальчику едва исполнилось три года. Коллеги отца помогли сироте получить образование и поступить на службу в комитатскую администрацию, а в 1760 г. родной комитат выдал молодому человеку рекомендацию в только что созданную венгерскую гвардию, где тот прослужил 11 лет. Его мастерство в написании официальных прошений и умелая демонстрация собственных знаний и умений, несомненно, помогли ему заручиться поддержкой императрицы. Так, в одной из петиций офицер писал: «Я не терял ни единого часа, но использовал время, свободное от моих служебных обязанностей, для изучения естественного права и права народов (то есть международного права. – О. Х.), а также политико-камеральных наук в соответствии с зонненфельсовыми принципами, наконец, что немаловажно, я овладел немецким и итальянским языками, и все это с горячим желанием стать еще более полезным вашему величеству»⁴⁵. Так или иначе, выйдя в 1771 г. в отставку, он получил скромную должность помощника секретаря Венгерской казенной палаты, в 1776 г. был повышен до секретаря и занимал эту должность до 1783 г.

Если упомянутые выше 130 стипендиатов известны хотя бы поименно, то в случае вольных слушателей, обстоятельство, что один или другой императорско-королевский чиновник или просто соискатель административной должности прослушал лекции Зонненфельса, можно установить только из признаний, сделанных ими в собственных прошениях, служебных записках и пр. Австрийский историк Вальтрауд Хайндль обратила внимание, что в расписании занятий Венского университета, если судить по первому выпуску «Университетского альманаха» (1787 г.), лекции Зонненфельса по делопроизводству и политико-камеральным наукам читались бесплатно, ежедневно, причем в ранние утренние часы (с 7 до 8 ч. и с 8 до 9 ч. соответственно). Это дало ей основания предположить, что их посещали не только будущие, но и действующие чиновники, повышавшие квалификацию «без отрыва от производства»⁴⁶. Популярность этого курса в среде бюрократии подтверждает то обстоятельство, что, когда в 1788 г., в рамках составления кондуктивных списков действующих чиновников, к ним обратились с вопросом о полученном

образовании, около 20% сотрудников бухгалтерии Венгерской казенной палаты сообщили о том, что посещали курсы Зонненфельса по политико-камеральным наукам и деловому стилю⁴⁷.

За скуными строками бюрократических сводок нередко скрываются интересные человеческие судьбы. Например, Ференц Гахи в 1772 г. писал: «Окончив гимназию и ступень философии, я год изучал цивильное право в Вене и слушал лекции Зонненфельса, с августа же месяца, выдержав экзамен по праву и означенному курсу, я неустанно совершенствуюсь в деловом стиле и так преуспел в латыни, венгерском и немецком (образцы чего привожу ниже), что со всем смирением полагаю себя пригодным для канцелярской службы». Поразительным образом молодой человек не побоялся в качестве образца немецкого чистописания привести цитату из запрещенного цензурой «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо⁴⁸. Однако в марте 1773 г. он был принят на службу в Казенную палату, в 1786 г. перешел работать в Венгерскую канцелярию, где в 1803 г. получил должность секретаря, притом в 1790 г. был возведен в дворянское достоинство. Заслуживает внимания и пример Лайоша Фейеша, который пытался поступить на службу в Венгерскую казенную палату: «С молодых ногтей я изучал полезные науки, незаменимые на королевской службе, окончив философский факультет, я изучал цивильное и венгерское право в теории, затем еще шесть лет закреплял полученные знания... в том числе на собственные средства перебрался в Вену и изучал немецкий язык и *политико-камеральные науки*». По его словам, он вложил все свое состояние в учебу и теперь ожидал от императрицы вознаграждения в форме чиновничьей должности⁴⁹. Настойчивому Фейешу повезло, но десятки, если не сотни менее удачливых просителей годами безуспешно спрашивали подобной милости.

Разработанный по поручению двора курс политико-камеральных наук стал, таким образом, своеобразным инструментом социального дисциплинирования служилого дворянства. В условиях, когда карьера в органах королевской (и отчасти комитатской) администрации ставилась во все более жесткую зависимость от профессиональной пригодности, официальное свидетельство о прослушивании курса могло оказаться пропуском в ряды чиновничества. Власти сигнализировали, куда молодым честолюбивым людям следует направлять созидательную энергию и как реализовывать свои амбиции. Венгерское общество, судя по приведенным выше свидетельствам, уловило импульсы, исходившие из Вены, включило политико-камеральные науки в число востребованных дисциплин и порой не стеснялось предъявлять своеобразный счет за личные траты по постижению столь нужных государству наук. Однако после 1777 г., когда лекции по политико-камеральным наукам уже были вклю-

чены в учебные планы гимназий⁵⁰, необходимость в специальных стипендиях и иных формах поощрения желающих прослушать этот курс отпала. Выполнить свою функцию, курс остался необходимым, как умение грамотно писать или считать, но потерял свою исключительность и перестал служить входным билетом в ряды бюрократии.

Приложение 1

Список стипендиатов, прослушавших курс политико-камеральных наук при финансовой поддержке венского двора с 1766 по 1777 гг.

Приведенный ниже список составлен на основе материалов Венской придворной казенной палаты (*ÖStA. FHKA. Ungarisches Camerale. Fasz. 29. Fasz. r. Nr. 606–611. Subd. 2. Remunerations, Gnaden, Gaben, Abfertigungen und Almosen*), Венгерской королевской канцелярии (*MOL. Magyar Királyi Kancellária levéltára. A 39. Acta generalia, 1766–1777*) и Трансильванской канцелярии (*MOL. Erdélyi Kancellária levéltára. B 2. Acta generalia, 1766–1777*). В нем содержатся имена тех, кто изучал политико-камеральные науки в Вене, Трнаве, Вараждине/Загребе в качестве стипендиата камерального фонда. Список содержит имена стипендиатов в оригинальной транскрипции, принадлежность к «национальной» квоте, местонахождение учебного заведения и годы, за которые сохранились сведения об учебе. Звездочкой отмечены стипендиаты недворянского происхождения.

- Antalics Joannes, Hungarus, Tyrnaviae, 1770/71
- Anyos Joannes, Hungarus, Tyrnaviae, 1770/71
- Avakumovics Ioannes*, Illyro-Rascinus, Tyrnaviae, 1770/71
- Balogh Ladislaus, Hungarus, Viennae, 1767/68
- Balduzzi Franciscus, Transylvanus, Viennae, 1771/72
- Barabas Joannes, Hungarus, Viennae, 1775/76
- Barics Adalbert, Croata, Viennae, 1766/67
- Bedekovics Adamus, Croata, Tyrnaviae, 1770/71
- Bitto Ludovicus, Hungarus, Tyrnaviae, 1772/73
- Bogovics Paulus, Croata, Viennae, 1769/70
- Chavrak Mathias, Croata, Varasdine, 1775/76
- Clement Ferdinand, Hungarus, Viennae, 1775/76
- Cselkó Nicolaus, Hungarus, Viennae, 1767/68
- Csermáky Andreas, Hungarus, Viennae, 1776/77

- Czillich Franciscus, Hungarus, Tyrnaviae, 1772/73
Czvičkovich Johannes, Croata, Varasdine, 1776/77
Delimanics Carolus, Hungarus, Tyrnaviae, 1770/71
Denien Antonius*, Transylvanus, Tyrnaviae, 1770/71
Dévay Joannes, Hungarus, Tyrnaviae, 1772/73
Dietrich Jospehus*, Hungarus, Tyrnaviae, 1770/71
Dobokay Antal, Transylvanus, Viennae, 1767/73
Eötvös Joannes, Hungarus, Tyrnaviae, 1772/73
Erdödy Franciscus, Hungarus, Tyrnaviae, 1777/78
Fedő Johannes, Hungarus, Viennae, 1772/73
Felszegi Josephus, Transylvanus, Viennae, 1768/89
Fidler Ignatius*, Hungarus, Tyrnaviae, 1771/72
Fistitsch Joseph, Croata, Zagrabie, 1777/78
Fluch Christophorus, Hungarus, Viennae, 1775/76
Fogarassy Gabriel, Hungarus, Tyrnaviae, 1771/72
Framer Joannes*, Transylvanus, Tyrnaviae, 1771/72
Frön Josephus*, Hungarus, Tyrnaviae, 1770/71
Galenich Thomas, Croata, Varasdine, 1775/76
Goszvay Josephus, Hungarus, Viennae, 1776/77
Gulasy Joannes, Hungarus, Tyrnaviae, 1777/78
Gyrkovics Franciscus, Hungarus, Tyrnaviae, 1770/71
Hadrovics Antonius, Croata, Viennae, 1767/68
Hadrovics Joannes, Croata, Varasdine, 1776/77
Hauk Joannes Carolus, Hungarus, Viennae, 1767/68
Herendics Stephanus, Hungarus, Viennae, 1775/76
Herzeg Josephus, Hungarus, Viennae, 1767/68
Hidas Aloysius, Hungarus, Tyrnaviae, 1772/73
Hillmer Franciscus, Hungarus, Tyrnaviae, 1777/78
Hoffman Josephus*, Hungarus, Tyrnaviae, 1771/72
Hoziak Thomas, Croata, Varasdine, 1773/74
Hutzagh Samuel, Hungarus, Viennae, 1769/70
Incsiger Antonius, Croata, Varasdine, 1776/77
Jaketics Franciscus, Croata, Tyrnaviae, 1770/71
Jankovics Theodorus*, Illirus, Viennae, 1767/69
Jesics Stanislaus, Croata, Varasdine, 1775/76
Joanits Georgius, Hungarus, Tyrnaviae, 1770/71
Jurinics Jacob, Croata, Viennae, 1766/67
Jursics Antonius, Hungarus, Tyrnaviae, 1777/78
Kapelle Nicklas, Croata, Zagrabie, 1777/78

- Kavegyia Adamus*, Illirus, Tyrnaviae, 1770/71
Kemenovics Thomas, Croata, Varasdine, 1775/76
Kemners Paul, Transylvanus, Viennae, 1767/68
Kercselics Emericus, Croata, Viennae, 1767/68
Kerselics Mathias, Hungarus, Viennae, 1775/76
Kiss Joannes, Hungarus, Viennae, 1767/69
Klobusiczky Joannes, Hungarus, Tyrnaviae, 1770/71
Koósz Mathias, Croata, Tyrnaviae, 1771/72
Kovacsics Martinus, Hungarus, Tyrnaviae, 1770/71
Kovatschits Mathias, Croata, Zagrabie, 1777/78
Kratzer Joannes, Hungarus, Viennae, 1776/77
Lázárini Daniel, Transylvanus, Viennae, 1768/69
Lehnau Franciscus, Hungarus, Viennae, 1767/68
Lixl Leopoldus*, Hungarus, Tyrnaviae, 1771/72
Lucsánszki Emerikus, Hungarus, Tyrnaviae, 1772/73
Lupinác Joannes, Croata, Varasdine, 1773/74
Mattanovitsch Andreas, Croata, Zagrabie, 1777/78
Matossevich Mathias, Croata, Varasdine, 1773/74
Mehessy Joseph, Transylvanus, Viennae, 1770/72
Michaly Antonius, Croata, Varasdine, 1776/77
Mihaloczy Georgius, Hungarus, Viennae, 1775/76
Milekovics Josephus, Croata, Varasdine, 1775/76
Mittinger Joannes, Hungarus, Tyrnaviae, 1770/71
Morocz Joseph, Hungarus, Tyrnaviae, 1777/78
Mrozek Ignatius, Silesita, Tyrnaviae, 1770/71
Nagy Johannes, Hungarus, Viennae, 1772/73
Németh Josephus, Hungarus, Tyrnaviae, 1772/73
Nevedy Carolus, Hungarus, Tyrnaviae, 1770/71
Niagoe (Nyagul) Janos, Transylvanus, Viennae, 1767/68
Novák Stephanus, Hungarus, Viennae, 1769/70
Nunkovics Franciscus, Hungarus, Tyrnaviae, 1770/71
Perchaich Josephus, Croata, Varasdine, 1776/77
Piacsek Nicolaus, Hungarus, Tyrnaviae, 1770/71
Poka Isidorus, Croata, Varasdine, 1773/74
Potak Joannes, Croata, Varasdine, 1775/76
Pumper Stephan, Croata, Zagrabie, 1777/78
Racz Samuel, Transylvanus, Viennae, 1770/72
Relec Joannes, Croata, Viennae, 1769/70

- Rigler Sigismundus, Hungarus, Tyrnaviae, 1777/78
Riszto Franciscus, Croata, Varasdine, 1776/77
Rogoja Joannes, Croata, Varasdine, 1773/74
Rozmann Maximilianus, Croata, Varasdine, 1775/76
Rutrics Hosephus, Viennae, 1773/74
Salecz Joannes, Croata, Varasdine, 1776/77
Schoppel Joannus, Transylvanus, Viennae, 1768/69
Schulz Joannes, Hungarus, Viennae, 1767/68
Schulz Josephus Cyrillus, Hungarus, Viennae, 1767/68
Seeberg Michael, Transylvanus, Tyrnaviae, 1772/73
Seeberg Philippus, Transylvanus, Tyrnaviae, 1772/73
Sierböck Paulus, Hungarus, Viennae, 1769/70
Sinkoy Johannes, Transylvanus, Viennae, 1772/73
Staller Josephus*, Hungarus, Tyrnaviae, 1770/71
Steiger Josephus, Hungarus, Viennae, 1776/77
Stivalich Michael*, Croata, Zagrabie, 1777/78
Sumics Mathias, Croata, Varasdine, 1775/76
Szalics Matthias, Croata, Varasdine, 1768/69
Szarátsovits Josephus* Illyrus, Tyrnaviae, 1771/72
Szedmaky Károly, Hungarus, Viennae, 1776/77
Szeiller Georgius, Hungarus, Tyrnaviae, 1777/78
Szekér Joannes, Transylvanus, Viennae, 1771/72
Szent-Galy Joannes*, Hungarus, Tyrnaviae, 1770/71
Szlábik Thomas, Hungarus, Viennae, 1775/76
Tartler Joannes, Transylvanus, Tyrnaviae, 1771/72
Tersics Matthias, Croata, Varasdine, 1772/73
Ukrovics Josephus, Hungarus, Tyrnaviae, 1777/78
Valicsek Josephus, Hungarus, Viennae, 1773/74
Vilaghy Paulus, Hungarus, Viennae, 1773/74
Volti Joseph, Croata, Varasdine, 1775/76
Wachtler Ignatius*, Hungarus, Tyrnaviae, 1770/71
Wass Josephus, Hungarus, Tyrnaviae, 1770/71
Weissengruber Anton, Hungarus, Viennae, 1766/67
Weissengruber Carolus, Hungarus, Viennae, 1769/70
Zaverszky Franciscus, Croata, Varasdine, 1772/73
Zbukich Nikolaus, Croata, Varasdine, 1773/74
Zvik Antonius, Hungarus, Tyrnaviae, 1771/72
Zwiker Bernhard, Transylvanus, Viennae, 1770/72

Таблица 1. Схема распределения стипендий для изучающих политико-камеральные науки в монархии Габсбургов при финансовой поддержке венского двора

<p>Императорская и императорско-королевская казенная палата в Вене Kaiserliche, auch Kaiserlich-Königliche Hofkammer in Wien</p> <p>2400 фл.</p>											
<p>Студенты из Венгрии, Вена, 1766–1777</p>			<p>200 фл.</p>			<p>200 фл.</p>			<p>200 фл.</p>		
<p>Студенты из Трансильвании, Вена, 1766–1777</p>			<p>200 фл.</p>			<p>200 фл.</p>			<p>200 фл.</p>		
<p>Студенты из Венгрии, Трнава, 1769–1777</p>											
<p>100 фл.</p>			<p>80 фл.</p>			<p>60 фл.</p>			<p>60 фл.</p>		
<p>60 фл.</p>			<p>60 фл.</p>			<p>60 фл.</p>			<p>60 фл.</p>		
<p>Студенты из Хорватии-Славонии, Вараждин/Загреб, 1768–1777</p>											
<p>100 фл.</p>			<p>80 фл.</p>			<p>60 фл.</p>			<p>60 фл.</p>		
<p>60 фл.</p>			<p>60 фл.</p>			<p>60 фл.</p>			<p>60 фл.</p>		
<p>60 фл.</p>			<p>60 фл.</p>			<p>60 фл.</p>			<p>60 фл.</p>		

Примечания

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Исторические формы международного взаимодействия в процессе формирования наций и национального самосознания» программы историко-филологического отделения Российской академии наук «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

² *Namenverzeichnis der Persönlichkeiten, die in den Jahren 1764–1914 mit dem Königlichen Ungarischen St. Stephan-Orden ausgezeichnet worden sind.* Herausgegeben anlässlich der 150 Jahreswende der Gründung dieses Ordens von der Ordenskanzlei. Вр., 1914.

³ *Magyar Országos Levéltár, Budapest* (далее – MOL). *Kisebb testületi, egyesületi és intézményi fondok.* P 1058. *Szent István Rend. Lajstromozott kérvények.* 29. cs. а 233.

⁴ *Sonnenfels J. von. Sätze aus der Polizei, Handlungs- und Finanz-Wissenschaft.* Zum Leitfaden der akademischen Vorlesungen. Wien, 1765. Нд.: *Joseph von Sonnenfels. Grundsätze der Polizei / Hrsg. von W. Ogris.* München, 2003.

⁵ *Justi J. H. G. Staatswirtschaft, oder systematische Abhandlung aller Öconomischen und Cameral-Wissenschaften die zur Regierung eines Landes erfordert werden.* Leipzig, 1755.

⁶ *Zinke G. H. Leipziger Sammlungen von Wirtschaftlichen-, Polizey-, Cammer- und Finanz-Sachen.* Leipzig, 1745–1761.

⁷ *Osterloh K. H. Joseph von Sonnenfels und die österreichische Reformbewegung im Zeitalter des aufgeklärten Absolutismus.* Lübeck–Hamburg, 1970; *Kremers H. Das kameralistische Werk von Joseph von Sonnenfels: Einige neue Aspekte der Quellenforschung // Joseph von Sonnenfels / H. Reinalter (Hg.).* Wien, 1988. S. 172–189.

⁸ *Kann R. A Study in Austrian Intellectual History: From the Late Baroque to Romanticism.* New York, 1960. D. 175.

⁹ *Österreichisches Staatsarchiv, Wien. Allgemeines Verwaltungs-, Finanz- und Hofkammerarchiv* (далее – ÖStA. ФНКА), *Österreichisches Camerale* (далее – ÖC). Fasz. r. Nr. 1628. а 48 ex Oct. 1763. Fol. 52v, 63r.

¹⁰ *Ibid.* Fol. 53r. Ср. тот же рескрипт для Венгрии, датированный 29 октября 1763 г. и адресованный Венгерскому королевскому наместническому совету: MOL. *A Magyar Kancelláriai Levéltár. A Magyar Királyi Kancellária Regisztrátúrája.* A 35. *Conceptus expeditionum.* № 3 ex Dec. 1763.

¹¹ MOL. *Erdélyi Kancellaria Levéltára.* В 2. *Acta generalia.* 220/1766.

¹² Венгерское название этого города – Надьсомбат (*Nagyyszombat*) – неизвестно за пределами Венгрии, немецкий вариант Тырнау (*Tyrnau*), бытовавший в дореволюционной России, представляется анахронизмом, поэтому здесь и далее используется современное словацкое имя, имеющее также латинский аналог *Tyrnavia*, под которым город и находящийся в нем университет знали в Европе Нового времени.

¹³ MOL. A 39. 690/1775.

¹⁴ Хаванова О. В. Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784. СПб., 2006. С. 203–207.

¹⁵ Ср. распоряжение председателя Придворного военного совета Андраша Хадика от 7 сентября 1774 г.: ÖStA. Kriegsarchiv. Hofkriegsrat. 91-121/1774.

¹⁶ *Walter-Klingenstein G.* Der Fall Buresch, oder über die Anfänge der Polizei- und Kameralwissenschaften in Graz // Siedlung, Macht und Wirtschaft. Festschrift Fritz Posch zum 70. Geburtstag / Hrsg. von G. P. Obersteiner. Graz, 1981. P. 397–409 (Veröffentlichungen des Steiermärkischen Landesarchives. 12).

¹⁷ *Szentpétery I.* A bölcsészettudományi kar története, 1635–1935. Bp., 1935.

¹⁸ *Bayer V.* Političko-kameralni studij u Hrvatskoj u XVIII stoljeću (1769–1776) // Zbornik pravnog fakulteta. Zagreb, 1967. XVII. Br. 2. S. 208–248; Хаванова О. В. Адальберт Барич: от студента в Вене до профессора в Загребе // Славянский альманах. 2006. М., 2007. С. 434–446.

¹⁹ *Фатеев А. Н.* Академическая и государственная деятельность М. И. Балудянско-го в России. Ужгород, 1931.

²⁰ ÖStA. FHKA. ÖC. Fasz. r. Nr. 1628. Subd. 2. № 87 ex Jan. 1766. Fol. 117r. См. также: *Butschek J. I.* Abhandlung von der Polizei überhaupt und wie die eigentlichen Polizeigeschäfte von gerichtlichen, und anderen öffentlichen Verrichtungen unterscheiden sind. Prag, 1778.

²¹ ÖStA. FHKA. ÖC. Fasz. r. Nr. 1628. Subd. 2. № 46 ex Apr. 1767.

²² *Walter-Klingenstein G.* Op. cit. S. 400.

²³ *Kann R.* Op. cit. P. 171–172.

²⁴ MOL. Magyar Kancelláriai Levéltár. A 39. Acta generalia. 212/1774.

²⁵ *Barić A. A.* Statistica Europae. 2 vols. Zagreb, 2002.

²⁶ MOL. Magyar Királyi Helytartótanács levéltára. C 67. Commissio politico-literaria. 226. d. № 14.

²⁷ Об этом писал отец Т. Янковича в прошении о присвоении их семье венгерского дворянского титула в 1772 г. См.: MOL. A 39. 1231/1772.

²⁸ Ср.: Хаванова О. В. Школа как государственное дело: реформа образования в монархии Габсбургов в XVIII веке // Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.) / Отв. ред. П. П. Гришина. М., 2007. С. 66–87.

²⁹ MOL. B 2. № 99S ex 1768.

³⁰ *Ibidem.*

³¹ Ibidem.

³² Примечательно, что отец Теодора Янковича в 1772 г. уже обращался к императрице с прошением о возведении семьи в дворянское достоинство, ссылаясь, между прочим, на недюжинные таланты своего сына. Однако дарования дворянства отцу за таланты сына не были в практике той эпохи, посему просителю в тот раз в просьбе было отказано. См.: MOL A 39. 1779/1772.

³³ MOL. Balassa Ferenc levéltára. P 1765. 64. cs. 22. t. № 4275. Письмо Теодора Янковича (предположительно) Леопольду Палфи, 16.X.1782 г.

³⁴ Ibid. B 2. 342/1773.

³⁵ Versuch über die Absichten der Landesregierung bei Leitung der Landwirtschaft nebst angehängten Lehrsätzen aus der Polizey-, Handlungs- und Finanzwissenschaft, welche unter dem allerhuldreichsten Schutze Marien Theresiens Kaiserin, Königin ... und der Anleitung Josephs Butscheks Lehrers der Cameralwissenschaften ... auf der Prager hohen Schule öffentliche ... verteidigen wird. Prag, 1768.

³⁶ Sätze aus der allgemeinen Einleitung in die Staatswissenschaft, aus der Polizey, und Handlungswissenschaft, welch' nach den Vorlesungen Caspars von Ehrenfels Kay. Königl. wie auch Königl. Apostolischen Lehrers der Polizey und Cameralwissenschaften Joseph Straller von Groß-Commorn gebürtig... verteidigen wird auf der hohen Schule zu Tyrnau. Tyrnau, 1771.

³⁷ Ср.: *Хаванова О. В.* Патриотизм под знаком верности династии: венгерские воспитанники Терезианума и венский двор // *Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений XI–XX вв.* Памяти Т. М. Исламова / Отв. ред. А. С. Стыкалин. СПб., 2009. С 83–100.

³⁸ Wienerisches Diarium. 24.VIII.1771 г. № 68.

³⁹ *Klingenstein G.* Op. cit. S. 404–407.

⁴⁰ Wienerisches Diarium. 5.IX.1772 г. № 72.

⁴¹ MOL. Helytartatlanács Levéltára. C 39. Acta fundationalia. Ladula D. Fasc. 17/III. Benignum mandatum ex 21 Oct. 1769.

⁴² Wienerisches Diarium. 29.VIII.1772 г. № 70.

⁴³ ÖStA. FHKA. ÖC. Fasz. r. Nr. 2143. № 127 ex Mar. 1775. Fol. 669r.

⁴⁴ MOL. Magyar Kamarai Levéltár. Cancellariae et registraturae negotia. E 47. 18. cs. № 142 ex Majo 1775.

⁴⁵ ÖStA. FHKA. Ungarisches Camerale. Fasz. r. Nr. 4. Konv. 2. № 63 ex Aug. 1771. Fol. 61.

⁴⁶ *Heindl W.* Gehorsame Rebellen. Bürokratie und Beamte in Österreich 1780 bis 1848. Wien-Köln-Graz, 1991. S. 107.

⁴⁷ MOL. Magyar Kamarai Levéltár. Gremialia. E 701. 3. k. Enthalt die von Einer Hochlöblichen Kaiserlichen Königlichen Hofrechenkammer herabgegebene acht Fragpunkte und wie sie durch ein jedes Glied der Ofner Landes-Zentral-Buchhalterey mit Inbegriff der in die Bezirke detaschirten sind beantwortet worden. Zusammengetragen den 15tens Decembi 1788.

⁴⁸ MOL. E 47. № 146 ex Mar. 1773.

⁴⁹ Ibid. № 204 ex Jan. 1775.

⁵⁰ Ratio educationis. Az 1777-i és az 1806-i kiadás magyar nyelvű fordítása / Fordította, jegyzetekkel és mutatókkal ellátta Mészáros István. Bp., 1981. 148–149. old.

В. Я. Гросул (Москва)

У истоков российской общественности

В 1903 г. в Петербурге вышли воспоминания видного общественного деятеля и издателя Лонгина Пантелеева, которые носили название «Из ранних лет». Написание и издание мемуаров в то время было делом обычным, но воспоминания Л. Ф. Пантелеева сразу привлекли к себе особое внимание читающей публики. Они не были ординарными, поскольку в них писалось о русском общественном движении и приводились такие факты, которые обычно цензура не пропускала. Пантелеев писал о событиях 60-х гг. и сообщал интересные подробности о Н. Г. Чернышевском, М. Е. Салтыкове-Щедрине, П. Л. Лаврове и других общественных деятелях, некогда бывших властителями дум российской оппозиционной молодежи. Естественно, что воспоминания Пантелеева заняли особое место в тогдашней мемуарной литературе и на них был опубликован ряд обстоятельных рецензий. В одной из них, принадлежащей А. Г. Фомину подчеркивалось, что воспоминания Пантелеева дают «ценный материал будущему историку русской общественности»¹.

По-существу в этой рецензии ставилась задача написания истории русской общественности и, казалось, что эта задача может быть в ближайшее время реализована если и не самим В. О. Ключевским – первейшим отечественным историком того времени, то его учениками – М. М. Богословским, А. А. Кизеветтером или Н. Д. Чечулиным, проявлявшими особый интерес к истории русского общества и уже известных рядом публикаций в этой области. Однако специальная монография по истории русского общества появилась лишь через сто лет² и причины такого запоздания до сих пор не выяснены. С изданием этой монографии интерес к истории русской общественности, отнюдь, не ослабел и появилась необходимость тщательного исследования многих сторон жизнедеятельности русского общества, к которым, например, относится и общественная самоорганизованность. При этом общественные организации не могут быть поняты без обращения к истории самой общественности. История же общественности в свою очередь требует конкретного обращения к понятийному аппарату, прежде всего к понятиям «общество» и «общественность».

Видный отечественный этнолог и философ Ю. И. Семенов подчеркивает, что понятие «общество» «является самым важным не только для исторической науки, но для всех вообще общественных наук». Он же подчеркивает су-

ществование не одного понятия общества, а нескольких и отмечает использование термина «общество» в философской, социологической и исторической литературе по меньшей мере, в пяти, хотя и связанных между собой, но все же разных смыслах³. Далее Ю. И. Семенов подробно рассматривает эти пять понятий, начиная с общества как простой совокупности людей⁴. Но и этими пятью понятиями не ограничивается применение слова общество. Оно используется значительно шире, и относительно России необходимо специальное рассмотрение его использования в прошлые времена, прежде всего как оно начало применяться и по какому поводу.

А. А. Алексеев, специально изучавший происхождение слова «общество», отмечает, что до XVIII в. оно применялось крайне редко и в русском языке испытало влияние греческих и латинских текстов. В XVIII в. оно поначалу означало общность, всеобщность, а затем, как ни удивительно, соответствовало понятию государство. А. А. Алексеев также впервые выявил и применение в России термина «гражданское общество», причем не где-нибудь, а в «Арифметике» Л. Магницкого, отпечатанной в 1703 г⁵. В XVIII в. под обществом разумелись и народ, и государство, и в человечество в целом, но постепенно под обществом стало разумеется светское общество. Уже в письмах литераторов этого столетия прослеживается точка зрения на общество как на промежуточное звено между правительством и народом. Общество прежде всего явно отделяется от двора и правительства⁶. Общество это не служба, это другое начало.

Значительно позднее, чем слово общество, в самом конце XVIII в. в литературном наследии русских писателей можно найти и слово «общественность». Оно не столь многозначно как термин общество, но тоже применялось в нескольких смыслах. Как отмечается в литературе, слово «общественность» в 1789 г. применил А. Н. Радищев, разумея под ним прежде всего общественное мнение⁷. Примерно в это же самое время, в письме от 31 июля 1789 г., о «духе общественности» писал из Германии Н. М. Карамзин, разумея под ним сотрудничество и взаимопомощь между евреями Франкфурта, по его мнению развитом более, «нежели в другом народе». Через несколько дней, 6 августа Карамзин пишет уже о «мудрой связи общественности»⁸, понимая под ней связи между народами, то есть общественные связи. Пройдет, однако, определенное время прежде чем между одним из понятий «общества» и одним из понятий «общественности» будут ставить знак равенства.

Особое внимание к истории русского общества, создание специальной концепции или теории русского общества может быть отнесено лишь к началу 60-х гг. XIX в., когда начала выходить славянофильская газета «День», издателем которой был И. С. Аксаков. 16 февраля 1862 г. в этой газете выходит

статья видного московского юриста, профессора Московского университета В. Н. Лешкова под названием «Что такое общество и что значит земство?». Следующие две статьи Лешкова – горячего сторонника общины и самоуправления – по этой теме выходят 24 февраля и 10 марта. В них Лешков представлял народ, общество и государство как единый организм, но общество рассматривал как сердце этого организма, сообщающего всем жизнь. Лешков выступил за ликвидацию сословий, подчеркивая при этом, – «сословия, имеющие в виду свои частные интересы, должны уступить место обществу, с его земскими делами и его общественным правом». Лешков – откровенный апологет общественного начала, выступил также противником вмешательства государства в земские дела, видя в этом гарантию развития и охранения земского общества⁹.

Вслед за Лешковым публикует ряд своих статей по проблемам общества И. С. Аксаков. По его мнению, общество вышло из самого народа, но является народом самознающим, поскольку в нем совершается сознательная, умственная деятельность этого народа. При этом силу общества Аксаков видит не только в его уме и образовании, но и в его нравственных качествах. Он считал, что общество играет особую роль в формировании общественного мнения и, вообще, Аксаков ратует за полную свободу слова и доказывает, что стеснение ее опасно для самого государства, если оно эти стеснения допускает. Именно И. Аксаков сконструировал известную социальную триаду «власть, общество, народ», впоследствии взятую на вооружение В. О. Ключевским и другими историкам, триаду заметно изменившую понимание расстановки не только социальных, но и политических сил. Аксаков при этом признавал инициативу общества, его авангардную роль в стране и неизбежность последующего возрастания его роли.

Развивая свою концепцию общества, И. Аксаков, естественно, обратился к вопросу о времени его зарождения и дает на этот счет четкий ответ. Русское общество, по его мнению, зародилось при Петре I. До этого общества в России он не видит. Естественно, что и Лешков, и Аксаков вкладывали в понятие общества особый смысл, видя в нем соответствующий социальный организм. Вместе с тем, Аксаков прямо отмечает ведущую роль государства в зарождении общества. Он пишет: «Государство не щадило расходов на воспитание общества в направлении и в духе, соответствовавшим государственным целям. Конечно, ни одно общество в мире не стоило таких издержек казне, как русское общество! Нигде, впрочем, и не давалось ему свыше, от казны, воспитания! От кабаков и увеселительных домов до Академий наук и разных храмов музам – все это содержалось на казенные деньги, на казенный счет, каз-

ною, ради государственной надобности. Так началось и шло развитие русского общества»¹⁰.

Важно отметить, что теория общества И. С. Аксакова была поддержана Ю. Ф. Самаринным, Н. П. Гиляровым-Платоновым, В. А. Елагиным. Один из видных славянофилов – Ю. Самарин писал о статьях Аксакова по вопросам общества как о превосходных и высказывал удивление, как это никто из них, то есть славянофилов, не догадался осветить эту сторону вопроса¹¹. Концепция И. Аксакова оказала заметное воздействие и на другие круги русского общества. Ее можно проследить не только в наследии славянофилов, но и в сочинениях представителей левых кругов, да и вообще в трудах различных русских мыслителей и общественных деятелей.

Аксаков, таким образом, начинает историю русского общества с петровских времен и более того подчеркивает: «В представлении нашем о допетровской Руси нет и места обществу, да и вообще нет места всем этим вопросам»¹². Таким образом, Аксаков усматривает в обществе результат петровских преобразований. Он не развивает свою мысль, не приводит соответствующих доказательств, он декларирует, но эта декларация подтверждается конкретным изучением тех процессов, которые имели место в эпоху Петра I. Конечно, мы не можем не видеть определенных проявлений зарождения общества еще в допетровское время, но эти процессы становятся заметно более четкими именно при нем. Они прежде всего нашли отражение в усилении светского начала бытия¹³, которое определялось не только насаждением зарубежных норм и порядков, но имели глубокую социально-экономическую подоплеку. Русское поместное дворянство в условиях повышения спроса на сельскохозяйственную продукцию все более стремится к самостоятельному занятию хозяйством. Это стремление входит в противоречие с проводимой политикой на обязательную военную или гражданскую службу и проходит через все восемнадцатое столетие. Собственно, еще реалии XVII века показывают как приказной люд стремился к обогащению и прежде всего к концентрации в своих руках земельной собственности, преимущественно крупной¹⁴.

Не подлежит сомнению желание дворянства как сословия и класса превратить условное землевладение в частное, а посему значительная его часть стремилась уйти от обязательной государственной службы. Служилое сословие постепенно превращалось в организатора производства, производства пока еще феодального, но от которого шла, может быть не совсем прямая, но все-таки дорога к новому экономическому укладу – укладу капиталистическому. При всех былых дискуссиях о генезисе капитализма в России, появление буржуазного уклада именно в XVIII в. не подлежит сомнению. И этот ук-

лад порождали не только купцы и другие предприниматели, но и хозяйствующие помещики, хотя и в меньшей степени, чем в Англии, но все-таки в определенной степени. Помещик дает установку на проведение сельскохозяйственных работ, выбор сельскохозяйственных культур, он все больше руководит реализацией произведенной крестьянами продукции. Но крестьяне в России в значительной степени были крепостными и усиление крепостничества – характерная особенность этого столетия. С одной стороны, усиливаются товарно-денежные отношения, с другой – эксплуатация крестьянства как барщинного, так и оброчного.

Укрепление помещичьего хозяйства, рост его продуктивности за счет использования крестьянского труда стало экономической основой создания русского общества. В провинции как бы микрокосмосом общества становится помещичья усадьба, в городе – дворянский двор. И те, и другие жили преимущественно за счет доходов от сельского хозяйства. Отсутствие экономической основы не позволило бы создать общества XVIII в. Но на зарождение его повлиял и ряд других факторов, прежде всего фактор социального плана. Идет процесс консолидации дворянства, все более чувствовавшего свою силу, что находило, среди прочего, отражение в той первостепенной роли, которое дворянство играло в государственных переворотах этого столетия. Традиционная аристократия княжеского или боярского происхождения постепенно сливается со служилым, а затем и землевладельческим дворянством. Это объединенное дворянство получает особую организацию, став четко выраженным словом со своими корпоративными интересами. Дворянские собрания, при всей их зависимости от администрации, все-таки были определенной формой общественной самодеятельности, и, вообще, общественной жизни. При этом, ни в коем случае нельзя преувеличивать общественное начало в дворянских собраниях и, вообще, дворянства.

Государство все-таки играло ведущую роль в развитии сословий, а дворянство превратилось «из социальной группы служилых людей в правящий класс, костяк бюрократического аппарата и армии»¹⁵. Но одновременно, дворянство стало также и основой для общества или общественности. Значительную роль в этом сыграла петровская вестернизация, и в этом отношении, конечно, И. С. Аксаков был абсолютно прав. Вестернизация повлияла на усиление светского характера общества. Она нашло свое отражение в расширении образования, расширении его светского начала, появлении светской науки и литературы, литературы гражданской, которая поначалу еще уступает литературе церковной, но затем все более и более ее заменяя, пока гражданская литература не станет господствующей в среде дворянства, а затем и всего на-

рода. В России появляются собственные газеты и журналы, ставшие в значительной степени проводниками общественного мнения.

Происходит заметное изменение самого образа жизни господствующего сословия, менявшего одежду, свой облик, а затем и язык. Поначалу широкое распространение получает немецкий язык, а затем и французский, господствовавший в высших слоях дворянства примерно полтора столетия. Усиление французского языка хорошо заметно уже в годы правления Елизаветы Петровны, стремившейся переделать свой двор на манер французского. Не случайно ее особое внимание к реляциям посла России в Париже – А. Д. Кантемира, признанного основателя русской гражданской литературы. Биограф Кантемира – В. Стоюнин даже подчеркивал: «Таким образом, он является первым посредником в перенесении к русскому двору французского этикета, который имел влияние на придворные нравы русских вельмож»¹⁶. Примечательно, что много позднее Н. В. Гоголь писал: «Уже в то время, когда Ломоносов настраивал свою лиру на высокий лирический лад, князь Кантемир находил пищу для сатиры и хлестал ею глупости едва начинавшегося общества»¹⁷. Гоголь, таким образом, тоже относил зарождение общества к первой половине XVIII в.

Французский язык перекинулся и в общество, первоначально в высшее, а затем и в другие его слои до такой степени, что не знать этот язык стало неприличным. Употреблением французского языка, дворянство явно отделилось не только от простого народа, но и от духовенства и купечества. Французская мода и французский язык все более влияют на высший свет. Если еще в 1733 г. из 245 русских кадетов сухопутного шляхетского корпуса немецкому языку обучалось 237, а французскому только 51 (некоторые изучали два языка), то во второй половине столетия ситуация решительно изменилась в пользу французского языка¹⁸. Писатель Д. И. Фонвизин в своем «Бригадире» сатирически изобразил дворянские нравы, с их пристрастием ко всему французскому. У него были для этого немалые основания, но французская школа имела и немало позитивного. Французский литературный язык, благодаря классикам XVII в. и деятельности Французской академии, достиг уже немалого совершенства. Он позволял не только знакомиться с богатой французской литературой, но и тоньше выражать сложные понятия, лучше разбираться в мировой философии и науке. Он также способствовал «подтягиванию» русского языка, его усовершенствованию, все большему созданию богатого литературного языка.

Вместе с тем, шел процесс размежевания двух культур, и уже в XVIII в. можно говорить о существовании в России двух культур – культуры низов и культуры верхов. С последней и было тесно связано формирующееся новое

русское общество. В значительной степени меняется и сама культура общения, вообще культура повседневности. Переход на другой язык завершил становление культуры, резко отличавшейся от культуры основной массы русского населения. Дворянское общество стало четко отличаться от других сословных организаций и по своей внешности, и по внутреннему содержанию, то есть по мироощущению и мировоззрению. Различия в социальной структуре общества в XVIII в. не только не сглаживаются, но, наоборот, усиливаются, что было чревато будущими социальными конфликтами.

Вместе с тем, нельзя не учитывать и того, что европеизация заметно коснулась и сферы производства. Если в XVII в. в России имелось всего лишь несколько мануфактур, то только в первой четверти следующего столетия их было построено 178, в том числе 89 государственных и 89 частных. На мануфактурах постоянно рос процент вольнонаемных работников. В 1767 г. их было 39,2%, в 1804 – 47,9%, в 1825 – 54,4%. Значительное развитие получило судостроение. Только на Петербургской верфи в 1715 г. работало более 10 тыс. человек¹⁹. Мануфактуры строились, прежде всего, по примеру голландских и английских, то есть мануфактур тех стран, где уже победили капиталистические отношения. Они возводились нередко под руководством иностранных специалистов, присутствие которых в России тоже накладывало свой отпечаток на образ жизни окружающего населения, прежде всего дворян, купцов, промышленников.

Зарождаются новые формы общения, повлиявшие на складывание нового общества, которое стало жить по новым законам, новому календарю и по новым обычаям²⁰. Введение всех этих порядков, нередко, проходило под давлением сверху, приобретая, порой, дикие формы, но Петр I был в своих установках весьма последовательным, и долговременное его царствование, действительно, стало целой эпохой, наложившей неизгладимый отпечаток на последующую русскую историю. Как подчеркивал В. О. Ключевский, все эти изменения во внешности, в одежде, обучении, новой службе «входили составными частями в один общий и широкий план – образить, обличевать русских людей внутри и снаружи по подобию просвещенных народов, дать их наружности, управлению, мышлению и самому общежитию склад, не отчуждающий, а сближающий с европейским миром, с которым историческая судьба связала русский народ»²¹.

Парики, бритые бороды, европейская одежда, то есть индивидуальные изменения, которые последовали после царского указа 1700 г., сочетались с изменениями широкого плана, которые приводили к внедрению в России европейских светских обычаев и приличий. Изменения прежде всего начались

в Москве. Именно здесь, в то время когда она еще была столицей, 19 февраля 1699 г. в Лефортовском дворце был устроен первый в России бал с участием женщин. На этом балу пир сочетался с европейскими танцами, к которым настороженно относились не только православная церковь, но и значительные круги консервативного дворянства. Если учесть, что до этого бала на общественных собраниях женщины не допускались и даже на свадьбах женщины и мужчины сидели в разных комнатах, то февральский бал еще конца XVII в. может рассматриваться как знаменательное событие русской повседневной жизни. Женщина становится неременной составной частью зарождавшегося нового общества, опять-таки общества светского. Балы без них были немислимы, более того, женщины становятся их украшением²².

Петр I ввел новые праздники, праздники светские, он стал устраивать маскарады, народные гулянья, широко праздновал победы русского оружия в Северной войне. Победы под Лесной, Полтавой, Калишем стали первыми светскими праздниками, отмечавшимися по повелению Петра I, соответственно, 27 июня, 28 сентября, 18 октября. Европеизация России началась с Москвы. Кстати, именно в Москве пастор И. Г. Грегори устраивает при кирхе в Немецкой слободе училище, где обучались дети как лютеранского, так и православного вероисповедания. Грегори принадлежит и заслуга создания в Москве первого театра, где первое представление устраивается еще в 1672 г. Немецкая слобода культивировала иной образ жизни, не характерный для остальной Москвы. Хорошо известно ее воздействие на самого Петра I, и начало вестернизации, в значительной степени, можно приписать именно ей. Вообще, следует иметь ввиду все иноземные слободы Москвы, первая из которых возникла еще в начале XVI в. Всего известно семь таких слобод. Что касается Немецкой слободы, то до XVII в. она располагалась между будущей Маросейкой и Чистыми Прудами, но после Смуты, при Михаиле Федоровиче, когда неприязнь к иноземцам усилилась, ее расположили между Яузой и Земляным валом²³.

Но хотя европеизация Москвы прослеживается раньше и именно там было положено начало созданию нового русского общества, этот процесс шел значительно быстрее в другой столице, в Петербурге. При этом нельзя забывать о том, что сам Петр I был по рождению москвичом, и, вообще, москвичи сыграли важнейшую роль в основании и строительстве Петербурга. Туда переехала часть московского населения, которое нередко переводили в Петербург насильно. На пути создания нового общества он опередил Москву. Москва становится как бы оппозиционной, недовольной, традиционалистской, поскольку ее жители далеко не всегда воспринимали петербургские новшества. В Петер-

бурге процесс создания нового общества был не только более быстрым, но и глубоким. Он в большей степени, чем Москва и вся другая Россия, ощутил на себе петровскую политику открытости. Новый город, вскоре ставший столицей, выполнял важнейшую функцию вестернизации страны в целом, испытывая при этом и ряд серьезных трудностей. Русский народ, как писал С. М. Соловьев, «должен был иметь дело с учителями из чужих живых и сильных народностей, которые не останавливались, но шли быстро в своем развитии, почему юный народ, долженствовавший заимствовать у них плоды цивилизации, осужден был гнаться за ними без отдыха, с страшным напряжением сил»²⁴.

Петербург сыграл особую роль во введении новых праздников, переходе на новый календарь, в организации общественных развлечений. Он был призван и в значительной степени сыграл эту роль в повседневном просвещении прежде всего верхних слоев, а затем и в определенной степени всего народа. Светская культурная жизнь Петербурга оказала значительное воздействие на становление общества как такового, повлияв на страну в целом.

Петровские ассамблеи, введенные после его очередного возвращения из-за границы по указу 1718 г., стали проводиться три раза в неделю с четко определенным временем начала и отъезда гостей. Время приезда было установлено от 4 до 5 часов, время отъезда до 10 часов вечера. Были четко определены и порядок собраний в частных домах, и круг лиц, которые в них участвовать не могут. Таким образом, с самого начала были предусмотрены и соответствующие запреты для отдельных категорий населения. По указу определялось, что «в ассамблеи могут приходить: чиновные особы, все дворяне, известнейшие купцы, корабельные мастера и канцелярские служители с женами и детьми»²⁵. Для участия в этих ассамблеях допускались не только жены, но и дети соответствующих прослоек населения.

После перевода в 1712 г. столицы в Петербург число светских праздников заметно увеличивается и складывается их новая система – светский праздничный календарь. К уже указанным трем праздникам добавляются новые ежегодные военные даты: 24 июля – Гангут-Гренгам; 9 августа – Нарва; 30 августа – Ништадтский мир; 11 октября – Шлиссельбург; 30 ноября – орден св. Андрея Первозванного. Кроме того, отмечались и так называемые царские дни: день коронации Петра I – 25 июня по старому стилю, день царского бракосочетания – 17 марта, тезоименитство и дни рождения царя и Екатерины I (30 мая, 29 июня; 5 апреля, 24 ноября). Новая система светских праздников, специальный светский праздничный календарь являлся особенностью прежде всего петербургской общественной жизни.

Все это приводило к увеличению времени, которое затрачивалось на светскую культурную жизнь Петербурга, причем учитывались и церковные праздники, и то время, которое было занято непосредственной работой. Четко фиксировались не только дни, но и нередко часы работы, службы, а также развлечений. Ассамблеи в Петербурге нельзя было собирать в периоды постов, они, а также развлечения, порой переносились на воскресные дни и тем самым представление о них как о днях отдыха получает новый смысл. Новым явлением в жизни русского общества стало посещение музеев, например, первого из них – Кунсткамеры, затем общественной библиотеки, Летнего сада. В крупное мероприятие было превращено катание невисской флотилии – буерного флота, в котором активное участие принимала петербургская знать²⁶.

На петровских ассамблеях устраивались не только танцы, в которых участвовали и женщины, но существовали комнаты для игры в шашки и шахматы, имелась комната для курения, еще не очень привычного на Руси. Карты поначалу не были распространены, хотя проникли в Россию еще в XVII в. из Польши, как полагают, в Смутное время. Вплоть до середины XVIII в. использовались только привозные карты, поэтому карточная игра еще не могла быть широко распространенной. Но затем увлечение карточной игрой становится в обществе чуть ли повальной²⁷.

Порой танцы, игры и курение происходили в одном помещении, что порождало различные неудобства, создавая повышенный шум, копать, даже смрад. На ассамблеях предлагались различного рода напитки, в том числе и крепкие, и прочие угощенья. Но на ассамблеях не только играли и пили. Они были не просто танцевальными вечерами. Здесь толковали о текущих делах, они выполняли роль биржи, клуба, приятельского журфикса²⁸. Посещение ассамблей для дам и кавалеров из высших слоев было обязательным и буквально на глазах менялась не только одежда, но и повадки, манеры. Многие дамы научились танцевать и в числе их особым умением отличались дочь царя Елизавета Петровна, княжна Черкасская, Мария Кантемир, графиня Головкина и Долгорукая. За непосещение ассамблей следовало наказание и неявившихся дам заставляли не где-нибудь, а в Сенате выпивать значительные порции вина и водки.

Праздники устраивались и летом, и зимой и вскоре стали неременной характерной чертой высшего общества. Но эти праздники, балы, гулянья были лишь одним из элементов складывавшегося общества, общества поначалу столичного. По сравнению с провинцией, здесь наблюдалась и лучшая внешняя обстановка, распространялась привычка к чтению, особое внимание стало обращать на воспитание детей, естественно, в европейском духе. Вообще, как

писал Н. Чечулин, наблюдается «большая общественность, большее разнообразие жизни; тут встречаем рядом, в пестром смешении, и крайнее уже увлечение новым, и упорную еще защиту старого; новое общество формируется тут в борьбе противоположных крайностей...»²⁹.

Все более усиливавшийся светский характер нового общества нашел свое отражение и в создании нового печатного шрифта, шрифта гражданского, введенного в 1708 г. для печатания книг недуховного содержания. Не случайно первой книгой, набранной этим шрифтом, стало пособие по геометрии и землемерию, лично выверенное Петром I. Все более увеличивавшееся количество издаваемых книг, как оригинальных, так и переводных, набиралось новым шрифтом и получало широкое распространение прежде всего в высших слоях общества. За новым шрифтом вскоре последует и создание гражданской литературы, постепенно вытеснявшей в обществе литературу церковную.

Новое, прежде всего петербургское общество требовало и новых правил общения, которые были изложены в переведенной в 1717 г. книге под названием «Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению»³⁰. В книге проповедовались разного рода добродетели и добрые поступки, ставшие важнейшими правилами, как себя вести в обществе и при дворе. В соответствии с этими правилами молодой дворянин должен был быть обучен языкам, танцам, верховой езде, фехтованию, красноречию, знанию книг и т. д. Благородные молодые дворянки должны были иметь 20 добродетелей.

Уже в последние годы правления Петра I, как свидетельствовали иностранные наблюдатели, петербургский двор не уступал по внешности любому германскому. Если еще в начале века иностранцы могли застать Петра в каком-нибудь московском кабаке, где он устраивал буйные оргии, то в 1720-х гг. господствовал придворный званый стол с довольно строгим этикетом, появились официозные журфиксы у наиболее видных членов петербургского света. Те же иностранцы, побывавшие в Париже и Берлине и затем приехавшие в Петербург, отмечали, что уже в это время петербургские дамы не уступали ни немецким, ни французским ни в светских манерах, ни в умении одеваться, краситься и причесываться³¹. Хотя во времена Петра I музыкальные занятия еще не были модными и из русских светских дам только княгиня Кантемир, Черкасская, а также графиня Головкина умели играть на фортепиано, все более распространяются концерты в Петербурге, а также в Москве³². Как писал П. Милюков, «светское житие» начинает складываться в такую же бессознательную традицию, какое было «духовное житие» до петровских реформ³³. Усиливается интерес к человеческому «естеству», к пониманию человека как личности, начинает оформляться и новое отношение к поведению че-

ловека в обществе и государстве, происходит осознание общественного долга, стоявшего перед каждым членом общества. Главным в поведении члена общества становится жизнь по «достоинству человеческому»³⁴. Идет процесс, хотя и постепенный, углубления, усложнения индивидуальности, формируется новый позитивный идеал³⁵.

Столицы не были единственной средой, где шел довольно стремительный для XVIII в. процесс становления нового общества. Он также затронул и провинцию, где создается своеобразная общественная ячейка, а именно дворянская и купеческая усадьба³⁶. Собственно, начали они зарождаться еще в XVII в.³⁷, но в следующем столетии они значительно увеличиваются. Меняются формы хозяйственной деятельности помещиков, тип самих построек, культурная жизнь помещичьих семейств. Это связано с «обмирщением» и становлением «новой» культуры, вызванной, в свою очередь, заметным интересом к духовной культуре, к светской науке, литературе, искусству³⁸. Подмечено стремление богатых землевладельцев уже в последней трети XVII в. следовать за царским примером и летняя резиденция Алексея Михайловича в Измайлове привлекает их взоры и прямо влияет на их собственные загородные поместья. Владельцы поместий, а также крупных боярских вотчин, стремятся к возведению каменных хором и храмов³⁹.

Как отмечает Ю. А. Тихонов, «помещичье имение в России XVII–XVIII вв. являлось не столько обособленной территориальной единицей (чему мешали разбросанность, чересполосица земельных угодий внутри и вне вотчины), сколько самостоятельной и во многом самодостаточной социальной организацией любого дворянского владения (и крупного, и среднего, и мелкого). Территориальная и административная общность имения, его хозяйственная целостность, бытовое устройство цементировались и обеспечивались разного рода отношениями между владельцами и крестьянами»⁴⁰. Действительно, речь идет о социальной организации. Вместе с тем, вестернизация привносит на русскую почву сложившееся на Западе оптимистическое мировоззрение на достижение счастья в земной жизни. Поэтому усадьбы петровского времени как бы открыты миру и вместе с тем внешне рациональны и в декоративном плане скуповаты. Усадьба Елизаветы Петровны открыта, удачно вписывается в окружающий ландшафт, в ее оформлении отражается динамизм, стремление к роскоши. Еще несколько позднее усадьба претерпевает новые изменения и рождается новый феномен – возникновение русской усадебной культуры⁴¹.

Уже с конца XVII в. владельцы сельских усадеб начинают постепенно ориентироваться на новую для них светскую культуру, культуру своего сословия, тесно связанного с абсолютизмом⁴². Усадьба все более становилась непо-

хожей на двор даже самых зажиточных крестьян. В привычный усадебный облик вплетались не только хозяйственные, но и культурно-бытовые заимствования из городской жизни⁴³. Однако эти новые явления проявляются пока еще в единичных имениях и не были характерны для боярства и дворянства в целом. Обязательная гражданская и военная служба не позволяли подавляющему большинству представителей дворянского сословия, еще находившегося в стадии становления, превратить свои дома в настоящие усадьбы и путем объединения усилий с другими усадьбами создать новое сельское общество. В литературе даже было принято говорить о закрепощении в России не только низов, но и верхов. А. А. Кизеветтер писал, что при Петре I государственное закрепощение высшего общественного класса не ослабилось, а усугубилось⁴⁴. Он в этом отношении не одинок. До него эту мысль проводил А. А. Романович-Словатинский, а сравнительно недавно и М. Раев⁴⁵. О закрепощении и последующем освобождении русского дворянства писали и в зарубежной литературе⁴⁶.

Вообще, теория всеобщего закрепощения сословий, характерная для представителей русской государственной школы в исторической науке, недавно была подвергнута специальному анализу в монографии Е. Н. Марасиновой⁴⁷. Само утверждение о закрепощении дворянства, вообще, о закрепощении всех, размывает реальную социальную картину. Получается, что закрепощенными были и дворяне, которые продавали и покупали крестьян, и сами крестьяне, которые, естественно, не торговали дворянами, а, наоборот, чем дальше, тем больше на них работали. Долгое время было принято писать о ликвидации этого «закрепощения» лишь после Указа о вольности дворянства в 1762 г. Петра III, которого вскоре устранили. В действительности, процесс ухода дворянства в свои поместья был постепенным и довольно длительным. Он прошел через несколько этапов. Уже в 1726 г. было разрешено отпустить по домам 2/3 офицеров и рядовых из шляхетства для приведения в порядок своих деревень. Более того, столица при Петре II переносится снова в Москву, и туда возвращается часть переселенных прежде москвичей⁴⁸, явно приблизившихся к своим усадьбам. Следующий важный этап на этом пути – известный указ Анны Иоанновны от 31 декабря 1736 г., по словам С. М. Соловьева, «составивший эпоху в истории русского дворянства в первой половине XVIII века»⁴⁹, что подтверждают и последние специальные исследования⁵⁰.

По мнению А. А. Кизеветтера, «со второй половины XVIII века начинается в нашей истории процесс раскрепощения общества, процесс образования под покровом обширного государственного союза самостоятельных общественных союзов, развивающихся по своим внутренним мотивам, преследую-

щих самостоятельные задачи»⁵¹. Указ 31 декабря 1736 г., вводивший обязательную службу с 20 лет на срок до 25 лет, освободивший от службы по болезни и ранениям, способствовал возвращению в имения определенной части дворянства, но решающим, конечно, был указ 1762 г., в сочетании с положением о губерниях, а затем и с Жалованной грамотой дворянству от 1785 г.

Еще Н. Чечулин, собравший значительный материал по этой теме, обратил внимание и на роль Семилетней войны, когда «чуть ли не все молодые русские дворяне, которыми была наполнена армия во всех чинах, побывали за границей, увидели там совершенно новую жизнь, более развитое общество, имели под руками обширную литературу, сделавшуюся им теперь доступною, и пользовались ею, узнали новые, лучшие способы хозяйства...»⁵² Эти западные влияния происходили и раньше, например, во время Северной войны, когда части русской армии побывали в Прибалтике и Польше. Но теперь они были более основательными и результативными.

Тот же Чечулин дал подробное описание русской провинциальной жизни XVIII в., собрав довольно значительный материал. Он показал, что в малых городах население состояло из мелких купцов, мещан и небольшого числа приказных людей⁵³. Тогдашние же сельские усадьбы по своей величине и устройству мало отличались от крестьянских изб и, как правило, состояли из двух комнат, разделенных сенями, из которых одна служила зимним, а другая – летним жильем или для поселения гостей. Понятно, что больших приемов в таком жилище устраивать не было никакой возможности. В таких домах явно не могло собираться сколь-нибудь многочисленное общество.

Сени, впрочем, были огромными и служили кладовыми и прочими помещениями. Простоте жилищ соответствовал и образ жизни дворян. Простой, хотя и обильной была еда, бесхитростными забавы и игры. Помещики вели почти уединенную жизнь, между собой виделись редко и довольно часто враждовали между собой, поскольку не были четко разграниченными их владения, хотя в целом гостеприимство было законом. В тех случаях, когда приезжали гости, характер бесед был довольно ограниченным и касался хозяйства, охоты и сравнительно отдаленных поездок. Беседы сопровождалась пресными шутками. Язык был далек от литературного и нередко были словечки, которые в пристойной компании использовать не полагалось⁵⁴.

Несколько позднее, когда на престоле уже находилась Екатерина II, в системе межличностных отношений наблюдаются заметные изменения. Если при Елизавете Петровне офранцуживание высших кругов русского общества носило больше внешний характер, то при Екатерине оно заметно повлияло и на идейную сферу. Происходит становление нового эстетического направле-

ния русского классицизма. Распространяется просветительская философия о главенстве разума, гармонии человеческой личности, явно заметна ориентация на культуру античного мира. Это сочетается с принципами хозяйственной практики, направленной на быстрое увеличение собственного производства. Представление о личной независимости, все большее освобождение от опеки государства определяют специфику повседневного поведения провинциального дворянства, формировавшего новый тип культуры⁵⁵.

Если в начале века отсутствие постоянного общения между людьми порождало и особые типы личности – людей угрюмых и нелюдимых или, наоборот, горячих и вспыльчивых, то возвращение в усадьбы людей еще относительно молодых и повидавших мир, посетивших другие страны, внесло в повседневность провинции динамизм и веселость. Провинциальное и столичное общество постепенно становятся единым целым, и можно говорить о появлении общероссийской общественности с ее определенными чертами. Ее представители непосредственно не входят в систему власти, но и, тем более, не являются непосредственными производителями. При всех условностях этой новой социальной реальности, она представляла собой уже новое качество.

Примечания

¹ Литературный вестник. СПб., 1904. № 8. С. 261.

² Гросул В. Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003.

³ Семенов Ю. И. Философия истории. От истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. М., 1999. С. 16.

⁴ Там же. С. 16–23.

⁵ Алексеев А. А. Из истории общественно-политической лексики петровской эпохи // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. XVIII век. Сб. 9. Л., 1974. С. 313–314.

⁶ Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 71, 91, 240, 304, 328.

⁷ Туманова А. С. Общественность и формы ее самоорганизации в имперской России конца XVIII – начала XX века // Отечественная история. 2007. № 6. С. 52.

⁸ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 93.

⁹ Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 179.

¹⁰ Аксаков И. С. Как началось и шло развитие русского общества // Аксаков И. С. У России одна – единственная столица... М., 2006. С. 243.

- ¹¹ *Цимбаев Н. И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 219.
- ¹² *Цимбаев Н. И. И. С.* Аксаков... С. 178.
- ¹³ *Каган М. С.* Град Петров в истории русской культуры. СПб., 2006. С. 71–80.
- ¹⁴ *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 117.
- ¹⁵ *Марасинова Е. Н.* Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 14.
- ¹⁶ *Стоюнин В.* Князь Антиох Кантемир в Париже // Вестник Европы. 1880. Т. IV. С. 612.
- ¹⁷ *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1993. С. 204.
- ¹⁸ *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 3. М., 1995. С. 210.
- ¹⁹ *Павленко Н. И.* История металлургии в России XVIII. Заводы и заводоладельцы. М., 1962; Вопросы генезиса капитализма в России. Сб. ст. Л., 1960; *Ляценко П. И.* История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 1956; История России XVIII–XIX веков. Под ред. академика РАН Л. В. Милова. М., 2006. С. 49–61.
- ²⁰ *Муравьева О. С.* Как воспитывали русского дворянина. М., 1995. С. 10, 101–102; *Черная Л. А.* Проблема человеческой личности в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 2; *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 183–184.
- ²¹ *Ключевский В. О.* Курс русской истории // Сочинения в девяти томах. Т. IV. М., 1989. С. 229.
- ²² См.: *Захарова О. Ю.* История русских балов. М., 1998; *Колесникова А.* Бал в России: XVIII – начало XX века. СПб., 2005.
- ²³ *Ковригина В. А.* Немецкая слобода и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII в. М., 1998; *Домашнева Н. А.* Немецкая слобода на Яузе (1652–2002). М., 2002; *Снегирев В. Л.* Московские слободы. Очерки по истории Московского посада XIV–XVIII вв. М., 1956; По Москве. Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. М., 1917.
- ²⁴ *Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом // Сочинения. Кн. XVIII. М., 1995. С. 48.
- ²⁵ *Захарова О. В.* Указ. соч. С. 7.
- ²⁶ *Агеева О. Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете...» – град святого Петра. Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999. С. 252–253.
- ²⁷ *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1997. С. 140–163; *Розенталь И. С.* И вот общественное мнение! Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. М., 2007. С. 39–46; *Елисеева О.* Жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М., 2008. С. 219–229.

- ²⁸ *Ключевский В. О.* Указ. соч. С. 230.
- ²⁹ *Чечулин Н.* Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. Исторический очерк. СПб., 1889. С. 54.
- ³⁰ *Романович-Словатинский А. А.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 75.
- ³¹ *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 190.
- ³² *Захарова О. Ю.* Указ. соч. С. 8.
- ³³ *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 210.
- ³⁴ *Черная Л. А.* Указ. соч. С. 19–20, 23.
- ³⁵ *Марасинова Е. Н.* Власть и личность... С. 335, 349.
- ³⁶ *Дедюхина П. Н.* Культура дворянской усадьбы // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 4. М., 1990. С. 220–251.
- ³⁷ *Кузнецов В. И.* Дворянская усадьба XVII столетия // Русская усадьба. М.–Рыбинск, 1994. Вып. 1 (17). С. 83–84.
- ³⁸ *Краснобаев Б. И.* Основные черты и тенденции развития русской культуры в XVIII в. // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1985. Ч. 1. С. 23–24; *Пушкарёв Л. Н.* Своеобразие русской культуры последней трети XVIII века – времени Екатерины Второй // Русская культура последней трети XVIII века – времени Екатерины Второй Сб. ст. М., 1997. С. 4–5.
- ³⁹ Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв. Исторические очерки. М., 2001. С. 266; *Дубинская Л. Г.* Поместное и вотчинное землевладение Мещерского края во второй половине XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 133–134; *Тихонов Ю. А.* Подмосковные имения русской аристократии во второй половине XVII – начале XVIII в. // Дворянство и крепостной строй России... С. 157–158.
- ⁴⁰ *Тихонов Ю. А.* Дворянская усадьба и крестьянский двор в России 17 и 18 веков – сосуществование и противостояние. М., 2005. С. 414.
- ⁴¹ *Байбурова Р. М.* Русская усадьба XVIII в. как отражение внутреннего мира современников // Русская усадьба. Вып. 1 (17). С. 96–97.
- ⁴² Дворянская и купеческая усадьба... С. 267.
- ⁴³ *Тихонов Ю. А.* Дворянская усадьба... С. 417.
- ⁴⁴ *Кизеветтер А. А.* Русское общество в восемнадцатом столетии. Ростов-на-Дону, 1904. С. 11.
- ⁴⁵ *Романович-Словатинский А. А.* Указ. соч. С. 147.
- ⁴⁶ См.: *Jones R. E.* The Emansipation of the Russian Nobility: 1762–1785. Princeton (N.J.), 1973.
- ⁴⁷ *Марасинова Е. Н.* Власть и личность... С. 15–19.
- ⁴⁸ *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 188.
- ⁴⁹ *Соловьев С. М.* Соч. Кн. X. С. 456–457.

⁵⁰ *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны: проблемы формирования внутривластного курса. Авт. дис... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 11.

⁵¹ *Кизеветтер А. А.* Русское общество... С. 15.

⁵² *Чечулин Н.* Указ. соч. С. 55.

⁵³ Там же. С. 28.

⁵⁴ Там же. С. 33.

⁵⁵ См.: *Миц С. С.* Социальная психология российского дворянства последней трети XVIII – первой трети XIX вв. в освещении источников мемуарного характера. Автореф. дис. ... канд ист. наук. М., 1981.

С. М. Фалькович (Москва)

Историческая традиция и национальная культура как фактор сохранения национальной идентичности народами, находящимися под инонациональной властью

Адаптация – многозначное понятие: речь идет о различных ее аспектах – приспособлении народов к изменениям природной среды, техническим трансформациям, политическим и социальным переменам. В этом многообразии не последнее место занимают изменения национальной среды, причем и здесь приходится учитывать специфику этих изменений. Одно дело, когда в среду, чуждую в национальном отношении, попадают отдельные индивиды, другое – когда в такой ситуации оказывается некая единая, более или менее крупная, этническая группа. В каждом из этих случаев адаптация будет проходить по-разному, и результат ее тоже будет разный: у отдельного человека больше шансов потерять свою национальную особенность, сильная же и активная национальная диаспора может не только противостоять опасности денационализации, но и вносить свой особый национальный вклад в окружающую среду и даже влиять на общественный уклад. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры активности национальных диаспор в странах Европы и Америки, но при этом нужно учесть, что эти страны придерживаются позиции толерантности и политкорректности.

Однако существуют и иные взгляды на проблему национальных меньшинств – их адаптация трактуется как растворение в общей массе. Такая позиция в ряде стран определяет проведение властями политики денационализации, ущемления национальных прав, в том числе права меньшинств на свой язык и культуру. В этом случае процесс адаптации в инонациональной среде весьма осложняется: перед меньшинством встает первостепенная задача сохранить свою национальную идентичность, противостоять денационализации, а это нередко мешает необходимой и полезной адаптации, например, в сфере науки, экономики, производства и т. п. Противостояние приводит и к открытой национальной борьбе, тогда возникают бунты и погромы, известные по совсем недавнему прошлому. Еще более сложной проблема адаптации становится в случае, когда речь идет не об отдельных диаспорах и даже не о национальных меньшинствах, а о целых странах и народах, подчиненных инонациональной власти. И здесь также есть свои особенности в зависимости от исто-

рического прошлого каждого народа, уровня развития его культуры, от того, как далеко зашел процесс формирования нации и национального самосознания. Очень важна и другая сторона проблемы: какова политика властей, каково понимание сущности адаптации.

Все эти моменты необходимо иметь в виду при конкретном анализе, касающемся того или иного народа, оказавшегося в условиях подчинения инонациональному господству. Одним из примеров такого анализа может быть исследование исторического опыта польского народа: его положение оказалось особенно трагичным, так как его живой организм был разделен на три части, и каждая из них попала под чужеземный гнет; при этом, хотя условия существования каждой имели свою специфику, их сближала общая цель сохранения национальной идентичности. История польского народа репрезентативна также и в плане активности его борьбы за эту цель, за использование различных форм и средств сопротивления денационализации. Многие из того, что характеризовало национальное движение поляков, находило аналогию и в истории других народов. Таким общим для ряда славянских народов средством защиты своей национальности являлось, в частности, обращение к историческим традициям, к ценностям своей культуры.

Поляки лишились своего государства, стертого с карты Европы, в конце XVIII в. в результате трех последовательных разделов территории Речи Посполитой, осуществленных Россией, Австрией и Пруссией. К этому времени польская государственность насчитывала восемь столетий, и в Средние века Польша являлась крупной региональной державой. В момент разделов польский народ уже обладал сложившимся литературным языком и развитой национальной культурой, шел процесс развития национального самосознания и формирования нации, историческая память поляков хранила воспоминания о могуществе, о победах и завоеваниях, они гордились великими предками. И в этой ситуации исчезло само имя Польши, ее территория оказалась раздробленной, польский народ очутился под инонациональной властью. За 123 года, пока сохранялось такое положение, политика этой власти не раз менялась: в некоторые периоды времени польские земли пользовались автономией, предоставленной либо на конституционной основе, как в случае автономного Королевства Польского (в 1815–1831 гг.) и Краковской республики (в 1815–1848 гг.), либо на основе милости монарха, как произошло в Галиции в 60-е гг. XIX в. Однако и в этих условиях иноземный гнет болезненно ощущался польским народом, к тому же конституционные нормы постоянно нарушались властью. Но наиболее тяжелые времена поляки переживали тогда, когда правительственный курс ужесточался и проводилась целенаправленная политика германизации или русификации.

В такой ситуации актуальной становилась опасность потери национальной идентичности, и польский народ активно выступил на борьбу за ее сохранение. Формы борьбы были разнообразными, вплоть до выступления с оружием в руках. Ни в одной стране не было столько вооруженных выступлений, как в Польше, причем восстания большей частью носили продолжительный и упорный характер. Однако важными являлись и другие формы сопротивления поляков угрозе денационализации. Мощным фактором служило сохранение исторических традиций, национальных обычаев и особенностей жизненного уклада. Так, в период существования автономии Королевства Польского сознательным проявлением патриотизма польской молодежи было демонстративное ношение старопольской одежды – кунтушей, чамарок и проч. Молодежь выступала также инициатором проведения торжественных мероприятий, посвященных как важным датам польской истории, так и памяти польских героев – Т. Костюшко, Ю. Понятовского и др. Устраивались также чествования современников, снискавших уважение и признание за вклад в национальное просвещение и культуру, например, отмечались патриотические заслуги композитора и музыканта Ю. Эльснера. В патриотические манифестации превращались даже похороны популярных и заслуженных перед родиной людей. Так, в 1829 г. масса варшавян и приезжих из других мест Королевства Польского приняли участие в прощании с воеводой П. Белиньским, под председательством которого Сеймовый суд в том же году оправдал членов Патриотического общества, обвиненных в сотрудничестве с декабристами¹. Особенно ярким проявлением патриотизма и обращения к исторической памяти была «монументальная пропаганда» – возведение мемориалов в честь побед польского оружия, установка памятников «великим полякам», создание целой серии их скульптурных изображений. В результате в первой трети XIX в. в Варшаве появилась конная статуя Ю. Понятовского, представленного в образе античного героя; средства на ее возведение собирала общественность. Тогда же состоялось торжественное открытие памятника Н. Копернику, а значительно позже, уже в начале XX в., в Кракове был возведен монумент в память битвы под Грюнвальдом, в которой поляки принимали активное участие².

Для мастеров польской культуры и искусства характерным стал «императив национального служения». Это касалось не только скульптуры, но и других форм изобразительного искусства, прежде всего живописи. На полотнах польских художников получали отображение события славного прошлого польского народа: здесь на первый план выступали картины Я. Магейко; любовно воспроизводились народный быт, национальные обычаи, природа Польши³. Все это находило отклик и в музыкальном творчестве. Национальные мотивы пронизывали музыку Ф. Шопена, С. Монюшко и других композиторов, они

обращались к народным истокам – к мелодиям польских песен и ритмам польских танцев, которые пользовались неизменной популярностью в польском обществе: молодежь демонстративно распевала песни на улицах, в кафе, ресторанах и других общественных местах, публика требовала от музыкантов их исполнения, танцевала краковяк и мазурку. В музыке, как и в изобразительном искусстве и литературном творчестве, национальное содержание вливалось в стилистические формы классицизма, сентиментализма, романтизма. Романтическое искусство оказывало особенное эмоциональное воздействие, усиливая патриотические чувства: оно представляло национальный идеал, рисовало героические образы, призывало к борьбе за свободу. Огромная роль в этом принадлежала романтической литературе, и прежде всего романтической поэзии «пророков», как называли А. Мицкевича, Ю. Словацкого и З. Красиньского. Она стала одним из компонентов идейной основы польского национально-освободительного движения. Большой вклад в воспитание патриотизма, в сохранение национальной укорененности польского общества внесли и произведения, посвященные прошлому Польши, в том числе исторические романы Г. Сенкевича и Ю. И. Крашевского. Ориентиром для создания подлинно национальной литературы было признано народное творчество: фольклор собирали и обрабатывали, он также использовался для патриотической агитации⁴.

Тот факт, что польское искусство и литература получили известность за границей и пользовались успехом, способствовал росту патриотической гордости. Поляки стремились не только сохранить для себя свой язык и культуру, но и популяризировать их. Как правило, польская молодежь, в силу обстоятельств вынужденная выезжать на учебу в русские или немецкие университеты, создавала там свои землячества, устраивала библиотеки, содержавшие книги польских и иностранных авторов, газеты и журналы, а нередко и сама занималась выпуском журналов и альманахов, как это было, например, в Петербургском университете в середине XIX в. При этом расчет был и на ознакомление с польскими сочинениями более широкой, непольской публики. С этой целью организовывались специальные издательства и магазины, где польская литература предлагалась как в оригинале, так и в переводах. Кроме того, также в Петербурге поляки устраивали творческие встречи, концерты польских исполнителей, на которые приглашали деятелей русской культуры. Впрочем, такое непосредственное общение русских с польской литературой и искусством происходило и раньше: его началом можно считать еще те годы, когда А. Мицкевич встречался с блестящим кругом русской творческой интеллигенции в Москве и Петербурге⁵.

Наряду с национальной литературой и во многом на ее основе развивался польский театр, также ставший источником патриотического воспитания.

Центрами театральной жизни являлись Варшава и Краков, где творил крупнейший польский драматург, комедиограф А. Фредро. Именно на театральных представлениях происходили патриотические манифестации, переходившие в стычки с представителями администрации. Проявления патриотизма выражались и в том, что публика, преимущественно молодая, требовала показа пьес, связанных с историей Польши, представлявших поляков в ореоле героев или, по крайней мере, честных и верных рыцарей. Оригинальным выражением патриотизма являлось выборочное отношение к актерам и особенно к актрисам: те из них, кто был близок к чужой власти, пользовался ее протекцией, подвергались остракизму, при их появлении на сцене публика начинала свистеть, шикать, топтать, сморкаться, выкрикивать оскорбления⁶.

Развитие литературы и театрального искусства зиждилось на прочной базе литературного языка, который твердо противостоял атакам русификаторов и германизаторов. За его сохранение и чистоту поляки боролись всеми средствами, прибегая даже к такой форме борьбы, как стачка. Так, в начале XX в. на Познанщине имела место продолжительная и упорная школьная забастовка, в ней участвовали ученики и их родители, протестовавшие таким образом против попыток прусских властей онемечить школу⁷. Возникали не только временные, связанные с конъюнктурой, но и более капитальные средства противостоять денационализации: когда после подавления Январского восстания 1863–1864 гг. в Королевстве Польском царское правительство взялось за проведение жесткого курса русификации, пошло в наступление на польский язык в начальной школе и даже в богослужении, польские патриоты организовали в городе и на селе постоянное тайное обучение детей на родном языке.

На волне роста национального самосознания и патриотического движения борьба за родной язык распространилась и на те польские земли, которые подвергались германизации в течение веков и были уже в значительной степени онемечены. XIX век стал временем национального возрождения на Мазурах, в Поморье и Верхней Силезии: благодаря деятельности таких просветителей, как Ф. Цейнова и другие, в этой части Польши возникли школы, культурные общества, библиотеки и читальни, начали выходить книги на польском языке, появилась польская пресса⁸.

Все эти формы сопротивления грозящей опасности денационализации содействовали процессу адаптации в инонациональной среде. Процесс этот шел и был связан главным образом с экономическими и социально-политическими сферами жизни. Часть польского общества, преимущественно консервативной направленности, стояла на позициях лоялизма, рассматривая сотрудничество с властью как полезное и важное для блага родины средство. Она не отказывалась от идеи независимой Польши, но осуществление ее отодвигала

в далекое будущее, а пока считала необходимым заложить прочный фундамент независимости. «Работа у основ», «органический труд» предполагали не только развитие национальной культуры и просвещения, но и создание экономической базы Польши. Поляков привлекал опыт чешской буржуазии, сделавших Чехию одной из наиболее развитых в экономическом отношении провинций государства Габсбургов. К концу XIX в. Королевство Польское также добилося успешного результата, встав в авангарде промышленного развития Российской империи. Характерно, что в наращивании экономической мощи и занятии более сильных позиций в экономике инационального государства угнетенные им народы видели путь к достижению своих национальных целей. Так, даже в маленькой Словакии возникли программы организации мелкого «словацкого» кредита, экономического развития на основе подъема крестьянского хозяйства и т. п.⁹

Определенное сходство существовало не только во взглядах политиков разных народов на задачи экономической адаптации. Оно имело место и в том, как в ряде западнославянских стран осуществлялась адаптация в области политической жизни инационального государства. В большинстве случаев использовались парламентские формы – участие в работе местных сеймов и ландтагов, представительство в венском и берлинском рейхстагах, а с 1906 г. также в Российской Государственной думе в Санкт-Петербурге. Защита национальных интересов на парламентской арене сочеталась с поддержкой и проведением общеимперских законов. Галицийские консерваторы, например, активно сотрудничали с властью и являлись одной из опор трона Габсбургов. Польское коло в Государственной думе поддерживало не только либералов-кадетов, но и более умеренных «октябристов». Однако, если представители социально-политической верхушки польского общества шли на сотрудничество и соглашение с властью, это не касалось их позиции в отношении национальных прав польского народа, в первую очередь, национальной культуры и языка.

Сохранение исторической памяти и национальных традиций, защита языка, развитие национальной культуры – все это дало импульс росту патриотических чувств, стало мощным фактором активизации национального движения и широкого распространения идеи борьбы за независимость Польши, способствовало развитию национального самосознания польского народа и в конечном счете обеспечило сохранение его национальной идентичности. Таким образом, были созданы условия для завершения процесса формирования польской нации после объединения территории Польши и создания независимого Польского государства в 1918 г. Аналогичные процессы проходили и у ряда других народов Центральной и Восточной Европы, в том числе славянских. Те из них, кто находились под чужой властью в составе многонациональных им-

перий, сумели сохранить национальную идентичность и создать свою государственность. Борьба, которую они вели в защиту исторических традиций и национальной культуры, сыграла в этом важнейшую роль точно так же, как это было в истории польского народа.

Примечания

¹ См.: *Фалькович С. М.* Общественное движение в Королевстве Польском глазами царского сыска (1815–1830) // *Ruchy społeczne w Polsce i Rosji do II wojny światowej.* Warszawa, 2005. S. 94–95, 113–114.

² Польша на путях развития и утверждения капитализма. Конец XVIII – 60-е годы XIX в. М., 1984. С. 160, 168–170.

³ Там же. С. 158–160, 162–168.

⁴ Там же. С. 142–152.

⁵ Там же. С. 143–144; *Фалькович С. М.* Санкт-Петербург – центр деловой, научной, культурной и общественно-политической активности поляков в XIX – начале XX века // *Столица и провинция в истории России и Польши.* М., 2008. С. 190–191.

⁶ *Фалькович С. М.* Общественное движение... С. 94, 97.

⁷ См. подробнее: *Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней.* М., 1993. С. 215–216.

⁸ См. там же. С. 183–184.

⁹ Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981. С. 181.

А. Л. Шемякин (Москва)

Сербия в начале XX века: на пути к «Майской революции» 1903 года

Вступление в XX столетие явилось для Сербии не только очередным шагом по лестнице времени; события начала девятисотых, сыграв роль революции, изменили всю историю страны. И, в первую очередь, Майский переворот 1903 г. А век XIX уходил в прошлое, вместе с людьми, которые столь долго его олицетворяли: Йованом Ристичем*, митрополитом Михаилом**, экс-королем Миланом Обреновичем***. Смерть последнего (29 января 1901 г. в изгнании, в Вене) особенно символична. После нее всем стало ясно, что дни династии сочтены; не случайно – мысль о заговоре против короля Александра впервые возникла в головах молодых сербских офицеров в декабре того же года... Но почему кончина отца послужила смертным приговором его наследнику? Для ответа на этот вопрос вернемся чуть назад, в эпоху «владановщины» (1897–1900), когда сын и родитель практически вместе управляли страной, а отношения между ними являли (по крайней мере, на публике) образец гармонии, чего на самом деле не было и в помине.

* * *

В октябре 1897 г. давний и верный сторонник Обреновичей Владан Джорджевич возглавил очередное внепартийное правительство. Основой идеологии так называемого «октябрьского режима» стал лозунг «Сербия превыше всего», что на практике означало буквальное удушение политических партий и усиление личной власти монарха¹. Тогда же Милан Обренович (закулисный архитектор нового режима) окончательно вернулся в Сербию и стал командующим регулярной армией. На этом посту он провел военную рефор-

* Ристич Йован (1831–1899) – премьер-министр (1873, 1878–1880 и 1887) и министр иностранных дел (1867, 1872–1873, 1875 и 1876–1880) Сербии; регент княжеского (1868–1872) и королевского (1889–1893) достоинства; многолетний лидер Либеральной партии.

** Михаил (Йованович; 1826–1898) – митрополит Сербский и архиепископ Белградский (1859–1881, 1889–1898).

*** Обренович Милан (1854–1901) – князь (1868–1882) и король (1882–1889) Сербии.

му, которую сербские историки считают успешной – связанные с ней позитивные нововведения не могли не проявиться в судьбоносные годы (1912–1918)².

Нас, однако, больше интересует другая сторона медали, а именно: место армии в государстве, на какое ее вознес главноком, и то, как он это сделал.

Вполне очевидно, что кроме чисто военной составляющей, в реформе сербской армии имелся и выраженный внутренний подтекст – Обренович IV строил из нее опору трона. А это, последнее, не могло не быть в условиях тогдашней Сербии рискованным делом. Ведь еще в 1883 г., подавив с помощью армии Тимокское восстание, то есть втянув оную в политику, он в какой-то мере превратил династию в ее заложницу.

На рубеже веков этот «внутренний» компонент только усилился. Став во главе армии, Милан (на правах отца короля) выбивал для нее из бюджета суммы, ранее и не снившиеся военным министрам. При этом ему было абсолютно безразлично, из каких иных статей изымаются средства. Было увеличено жалование; награды и всевозможные доплаты сыпались на офицеров, как из рога изобилия. Милан поднял значение военных в обществе, по сравнению со «штафирками», даже там, где делать этого не следовало. И, соответственно, милитаризация «октябрьского режима» только усиливалась, а армия становилась «государством в государстве». Королем этого теневого государства и был Милан Обренович. Его так и называли – «король армии»³. Увеличив прием в Военную академию, он сформировал многочисленный корпус лично ему преданной военной молодежи, для которой стал буквально «идолом». Значение же Александра Обреновича – настоящего короля, не вмешивавшегося в военные дела, в глазах офицерства падало⁴.

При этом «тимокский синдром» (а его продолжали сознательно культивировать) глубоко засел в сознании офицеров. «Мы – армия. Это организованная оборона страны от агрессии извне и гарант внутреннего порядка... И если нам, как военным, долг велит защищать отечество от внешних врагов, то почему нам не защищать его и изнутри»⁵, – говорили будущие заговорщики. А гарантии «внутреннего порядка», или защита трона Обреновичей, ассоциировались у них теперь с лояльностью одному «королю армии»⁶. «Мы обожали короля Милана»⁷, – признавались взводные и ротные командиры.

И как только пути отца и сына разошлись, армия, а точнее – молодое поколение офицеров, выпестованное и прирученное Обреновичем-старшим, сделало свой выбор.

Тому же, что они разошлись, в немалой степени способствовал сам экс-король и его неумные амбиции, которые совсем не ограничивались чином армейского генерала, придуманном специально для него. Еще до встречи с сы-

ном в Париже осенью 1897 г., где и был решен вопрос о возвращении Милана, тот принялся выяснять «деликатный» вопрос – носил ли основатель династии, князь Милош, титул «верховного вождя», как в свое время Карагеоргий⁸... Поиски столь сомнительной легитимности при живом и законном монархе (да к тому же – родном отпрыске) были сродни мине, закладываемой в основание династии. Поскольку было очевидно, что король-сын тяготится растущим влиянием и жесткой волей родителя, который «чем увереннее чувствовал себя в армии, тем больше стремился к доминированию надо всем и вся»⁹.

Понятно, что длиться вечно такое положение не могло: мина, собственно-ручно заложенная Миланом Обреновичем, «рванула» в июле 1900 г., когда была объявлена помолвка короля Александра с Драгой Машин – король-отец находился в то время за границей, ему запретили возвращаться в страну*. Мало того, опасаясь за свою власть в случае несанкционированного возвращения Милана (а у того было немало сторонников – не только в армии, но и в политических кругах, – которые призывали его вернуться), Александр приказал пограничной страже застрелить отца в случае попытки пересечь сербскую границу.

«События 29 мая 1903 г. невозможно отделить от личности Милана Обреновича, – констатировал прекрасный знаток той эпохи Милан Йованович-Стоимирович, – ибо заговор родился в тот момент, когда разнеслась весть, что его сын дал команду убить отца, если он силой попытается перейти границу Сербии»¹⁰. То же подтвердили и сами молодые заговорщики¹¹. Причем пока Милан Обренович был жив, они предполагали «всего лишь» изгнать короля Александра с супругой из Сербии и вернуть отца, но после его смерти – через полгода после разрыва с сыном – судьба последнего была решена иначе. Потому-то в конце 1901 г. в белградских казармах и на конспиративных квартирах впервые и прозвучало: «Смерть королю!»*. Классик сербской исторической науки Слободан Йованович глубоко прав, утверждая: «Верные королю, пока любят, офицеры были готовы изрубить его в момент озлобления».

* С. И. Данченко в своей монографии пишет: «Вскоре после помолвки экс-король порвал с сыном и покинул Сербию...» (*Данченко С. И. Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996. С. 379–380*). Это не так – король Александр использовал для объявления своей помолвки с Драгой Машин именно *отсутствие* в Белграде отца (решавшего тогда вопросы женитьбы сына в Европе) и премьер-министра Владана Джорджевича (находившегося там же на отдыхе).

** Один из главных заговорщиков Дамнян Попович заявил в октябре 1910 г. – во время очередного «кризиса на престоле»: «Если бы король Милан остался жив, не было бы и 29 мая» (*Жугович Ј. Дневник. Приредио Д. Тодоровић. Т. 1. Београд, 1986. С. 204*).

И далее – «Обреновичи не смогли превратить королевское достоинство в святыню для офицеров, перед которой они преклоняются безотносительно к тому, кто является его носителем. Они создали армию, но без подлинно воинской идеологии»¹².

* * *

Помолвка, а затем женитьба короля Александра на Драге Машин (23 июля 1900 г.) вызвали в стране подлинный шок. Взять в супруги вдову, старше на 12 лет – было по сербским патриархальным понятиям непристойно и для простого обывателя, не говоря уже о монархе¹³. Столичные жители (особенно офицеры) к тому же доподлинно знали, что у госпожи Машин – бывшей фрейлины королевы Натальи – отнюдь не безупречное прошлое. И поэтому, как зафиксировал в дневнике Милан Миличевич, «протестовали все, даже те, кто еще вчера равнодушно взирал на высылку граждан из страны...»¹⁴. Министры подали в отставку, а экс-король написал из Вены сыну: «Наша династия пережила много ударов, но твое решение стало бы для нее роковым... И ежели оно неизменно, то мне остается лишь молиться Богу за мое отечество. Тому правительству, которое бы тебя, из-за столь легкомысленного шага, выгнало из Сербии, я первый бы рукоплескал»¹⁵.

Александр отдавал себе отчет в непопулярности своей женитьбы, но он полагал возможным вернуть авторитет короне посредством изменения политического курса. В стране назревали перемены.

И уже при так называемом «свадебном министерстве» Алексы Йовановича был ограничен полицейский террор, а по случаю дня рождения королевы Драги объявлена амнистия радикалам, осужденным по делу об Иванданском агентате 1899 г. Но самым важным поворотом в политике Александра стало сближение с Россией. Тем более, что главный проводник австрийского влияния в Сербии – Милан Обренович – находился за границей, и по признанию монарха (в передаче российского поверенного в делах П. Б. Мансурова), «о возвращении его в Сербию и о восстановлении политического влияния не может быть и речи»¹⁶. Что, заметим, давно было главным условием Петербурга для «реанимации» нормальных отношений с Белградом. Мало того, страшась возможного противодействия отца, король обратился за помощью в Департамент полиции – русские тайные агенты, сняв в Вене квартиру напротив апартаментов Милана по Johannes gasse, следили за всеми его передвижениями.

Поведав Мансурову о решении вступить в брак с Драгой еще до официального о том объявления, и полагая, что ему «придется преодолеть некоторые неблагоприятные впечатления», король обратился «для полного удовлет-

ворения народа» к императору с просьбой сохранить по отношению к нему «преемственное право крестного отца»¹⁷. В ответ он и обещал дать своей политике новое направление: «Сохранение для нее опоры в охранительных элементах, но уничтожение при этом гнета и произвола во внутренней политике и устранение всего, что мешало бы сближению с Россией, – во внешней»¹⁸. В Петербурге снисходительно отнеслись к просьбе крестника отца императора, и 16 июля в Белград ушла телеграмма министра иностранных дел, графа В. Н. Ламздорфа – «Государю императору благоугодно было Всемиловейше выразить согласие на принятие, в качестве Августейшего кума, участия в бракосочетании короля Александра»¹⁹. Король был счастлив: на свадьбе Николая II представлял Мансуров. Народ же сербский увидел в том знак покровительства России. По оценке Н. В. Чарыкова, занявшего весной 1901 г. пост российского посланника в Сербии, это «было время расцвета вновь возрожденной русско-сербской дружбы»²⁰... Но медовый месяц длился, увы, недолго. Хотя сербский монарх и держал свое слово²¹.

В марте 1901 г. правительство А. Йовановича ушло в отставку – вместо него был сформирован объединенный радикально-напредняцкий кабинет во главе с умеренным радикалом Мишей Вуичем. Известно, что с конца XIX в. Радикальная партия являлась искренним союзником России, и такое возвышение Вуича было гарантией русского влияния в Сербии... Правда, король не упустил и своего интереса. Обусловив приход к власти радикалов и дарование новой конституции их альянсом (фузией*) с преданными династии напредняками, ему удалось посеять смятение в рядах Радикальной партии, из коей выделилась группа «младорадикалов», составившая основу будущей Независимой радикальной партии.

В апреле того же года король октроировал так называемый «Апрельский Устав», в котором впервые в сербской политической практике вводилась двухпалатная система – Скупщина и Сенат, что явилось воплощением давнишней идеи Напредняцкой партии, желавшей с помощью верхней палаты защитить страну от «тирании ассамблей». И уже летом состоялись выборы в обе палаты, абсолютное большинство в которых получили старорадикалы, сторонники «фузии». Об оживлении политического процесса в Сербии свидетельствует и тот факт, что осенью 1901 – весной 1902 г. было принято или заново отредактировано немало законов, в том числе – о выборах, собраниях и общественных организациях, общинах, устройстве армии, Государственном Совете, средних школах, государственных монополиях, лесах, железной дороге...

* Фузија (сербск.) – союз, альянс, объединение.

Развитие страны, как видим, возвращалось в регулярное конституционное русло, что и было обещано Петербургу. В рамках же отношений с ним у короля возникла идея совместного с Драгой визита в Россию. Прием их русской императорской четой придал бы «сомнительной» сербской королеве искомую легитимность*. Со времени свадьбы он не переставал мечтать о вождельственной поездке в Россию – тем более, что и русский двор поначалу был настроен весьма благосклонно.

Но в дело вмешались непредвиденные обстоятельства. В конце лета 1900 г. было объявлено, что королева Драга беременна, – хотя многие сведущие люди знали, что это в принципе невозможно. Впавший в эйфорию монарх трепетал в ожидании наследника или наследницы престола, а подданные заваливали дворец дарами – один из его покоев был буквально забит колыбелями, которых будущей матери нанесли целых 43 штуки. Но время шло, а дитяти все не было. Наконец, иностранные доктора осмотрели Драгу, и в апреле 1901 г. вынесли вердикт: «Рождения ребенка нельзя ожидать». Беременность была признана «ложной»²²... Вспыхнул грандиозный скандал, а русский двор, с самого начала относившийся к «положению» Драги с подозрением (с подачи королевы-матери Натальи Обренович), стал откладывать уже согласованный визит в Империю.

Повторим – своей поездке в Россию король придавал огромное, если не сказать, решающее, значение. И «странные» заминки с определением ее сроков, допускаемые российскими властями, расстраивали его не на шутку. В состоянии, близком к срыву, и не надеясь больше на дипломатов, Александр Обренович пошел на прямое нарушение всяческого этикета, попросив в октябре 1901 г. отправиться в Петербург «на разведку» ... начальника русской секретной агентуры на Балканах полковника А. И. Будзиловича, которого хорошо знал со времени организации слежки за экс-королем Миланом в Вене и охраны собственного семейства в Белграде. При этом посланец короля был снабжен специальным письмом от русской Миссии²³.

* Драга осознавала степень своей непопулярности. Министр иностранных дел Черногории воевода Гавро Вукович рассказывал российскому посланнику в Цетинье Власову о поездке в Белград: «Королева Драга симпатична, обладает умом и тактом и пользуется большим влиянием на короля, но она не любима ни двором, ни народом. Указывая воеводе Гавро на толпу, собранную во дворце по случаю его прибытия, королева с полной откровенностью призналась в том, что среди оной не найдется и пяти лиц, на которых она могла бы положиться...» (Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Д. 497 (1902 г.). Л. 148 (доверительная депеша Д. С. С. Власова. Цетинье, 21 февраля 1902 г.).

Однако, это откровенное (хотя и извиняемое отчаянием) «попрание» принятого порядка ведения дел привело к прямо противоположному результату. По сообщению сербского посланника в Петербурге Стояна Новаковича, «граф Ламздорф не пожелал и говорить с прибывшим о главном предмете его воляжа», назвав сам факт вмешательства полицейского чина в сферу высшей дипломатии «impardonnable»²⁴.

Прямого отказа сербской королевской чете на поездку в Россию и на сей раз не последовало – ее продолжали держать в неведении по прежней формуле: «Посещение императорского двора в принципе решено, оно состоится в удобное для того время»²⁵. 13 июня 1902 г. граф Ламздорф послал в Белград телеграмму о том, что Александр с супругой будут приняты осенью в Ливадии²⁶. Казалось, все препятствия преодолены – так, по крайней мере, считали русские дипломаты; в то же самое уверовал и король. И тут, как гром среди ясного неба, прозвучала весть о болезни императрицы Александры Федоровны, следствием чего стала отмена уже намеченного визита²⁷... А чуть позднее Ламздорф в телеграмме Чарыкову привел подлинные слова государя: «О поездке четы вообще больше не может быть речи. Одного короля мы когда-нибудь примем»²⁸.

В высказывании Николая II обращает на себя внимание неприкрытая неприязнь к королеве Драге. Что и почему изменилось в его отношении к ней за два с небольшим года? Ведь в июле 1900-го (не будучи, конечно, «русской фавориткой» в буквальном смысле, как ее подчас именуют сербские авторы²⁹) она представляла известный интерес для русской политики. Не зря оценка дипломатов, что «принятое королем Александром решение сочетаться браком с православной сербской уроженкой не лишено некоторых политических преимуществ», обрела тогда высочайшее одобрение³⁰.

Уже упоминалось, что случай с ложной беременностью королевы нанес сильный удар по ее престижу – с одной стороны, открылась возможность (пусть даже не прямой умысел, а всего лишь возможность) аферы, никогда и никем в сообществе европейских монархов не прощаемой. С другой же – подтвердились слухи о бесплодии Драги, что жестко поставило вопрос о престолонаследии. А в сентябре 1902 г., в прямой связи с последним, пошли слухи о намерении короля провозгласить наследником престола ее брата – никчемного Никодия Луневицу. Вряд ли они соответствовали реальным планам Александра, но резко отрицательный настрой в обществе в отношении монаршей четы, несомненно, усилили. Российская Миссия извещала о том Петербург, подчеркивая, что «семья королевы Драги в Сербии крайне непопулярна, особенно мужские члены ее»³¹.

Ко всему прочему добавлялись интриги. При дворе Романовых имелось мощное антисербское лобби в лице пресловутых «черногорок», дочерей Николая Черногорского – Станы и Милицы. Интригуя в его пользу, они чернили Драгу, добиваясь результата, – не случайно первой охладевать к идее ее приема стала именно императрица³². С. Ю. Витте прямо свидетельствовал об этом: «Когда государь был в Ялте, король Александр, по-видимому, хотел приехать к нему с женой с визитом, но визит был отклонен, что произошло не без интриг черногорок...». И далее о них же – «Замечательно, что когда король Александр женился на бывшей фрейлине своей матери, сделав, таким образом, *mesalliance*, то черногорка № 2 (Анастасия Николаевна. – *А. Ш.*) говорила, что король дурно кончит»³³.

Под влиянием Александры Федоровны (ее мнимая «болезненность» была плохо скрытым демаршем*) и Николай II склонился к отказу от приема сербской четы. Тем более, что политическая заинтересованность Петербурга в Драге, которая, повторимся, в какой-то мере ощущалась в момент свадьбы, уже отсутствовала – экс-король Милан (по словам Александра III – «подлец», «мерзавец» и «скот»³⁴, гарантом невозвращения коего в Сербию и являлась новоиспеченная королева**), почив в Бозе, не беспокоил.

Несмотря на это, подчеркнем особо, неожиданный для многих (после стольких-то обещаний) отказ сербам во встрече менее всего напоминал серь-

* Чем иначе объяснить тот факт, что весть о болезни императрицы и, соответственно, об отмене визита сербской монаршей четы в Россию была изложена в письме В. Н. Ламздорфа Н. В. Чарыкову от 4 сентября 1902 г., а менее двух недель ранее, 23 августа, Н. Г. Гартвиг сообщал сербскому посланнику в Петербурге С. Новаковичу, что «Ея Императорское Величество пребывает в полном здравии»? Мало того, на записке (доложенной 26 августа министром государю) о телеграмме Александра Обреновича, где и содержался его вопрос о состоянии Александры Федоровны, а равно выражались «одушевляющие короля и королеву чувства глубочайшей преданности», Николай II начертил: «Поблагодарить». О чем – теперь уже лично – Ламздорф 27 августа проинформировал Новаковича (АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 497 (1902 г.). Л. 544–545, 548, 550)... Спрашивается, что же такое могло случиться *всего за одну* следующую неделю?

** «Личное мое впечатление, – доносил П. Б. Мансуров в Петербург сразу после свадьбы, – то, что король Александр доволен освободиться от присутствия своего отца. В этом, несомненно, поддерживает его пока королева, а в отношениях к последней короля заключается ключ настоящего положения» (АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 489 (1900 г.). Л. 64 (П. Б. Мансуров – графу В. Н. Ламздорфу. Белград, 1/14 августа 1900 г.)). И далее, две недели спустя, он же: «В твердости по отношению к отцу поддерживает короля, несомненно, и королева, которая заявила мне, что отказалась принять лиц, искавших обратиться к ней с ходатайством о ее посредстве к примирению короля с его отцом» (Там же. Д. 2861 (1900 г.). Л. 85 (П. Б. Мансуров – графу В. Н. Ламздорфу. Белград, 15/28 августа 1900 г.)).

езно продуманную дипломатическую комбинацию; то был спонтанный шаг императора, продиктованный женским капризом. Но именно он и стал роковым для династии Обреновичей...

С одной стороны, отмена визита привела к политическому кризису – кабинет Миши Вуича подал в отставку, мотивируя свое решение тем, что «царь не благоволит к сербскому режиму». С другой – обрушила практически до нуля авторитет Александра и Драги в народе, во многом державшийся как раз на представлении о русском покровительстве. И с третьей (все по той же причине) – окончательно развязала руки заговорщикам.

После отставки Вуича король призвал к власти правительство радикала Перы Велимировича, делая вид, что радикально-напредняцкая «фузия» и ее программа по-прежнему пользуются его доверием. Но всем было ясно: П. Велимирович – временная фигура. Не прошло и месяца, как Александр (20 ноября 1902 г.) назначил премьером генерала Димитрие Цинцар-Марковича, который возглавил «нейтральный» кабинет, что означало возвращение монарха к личному правлению. Российский посланник Н. В. Чарыков во время аудиенции во дворце открыто заявил ему – переход к реакции может иметь для династии губительные последствия³⁵. И как в воду глядел...

7 декабря в белградском офицозе была опубликована программа нового правительства (читай – личного режима). С точки зрения внутренней политики, она предполагала коренную ревизию Основного Закона и роспуск Сената, что в действительности означало желание короля отменить Устав 1901 г. и вернуть в силу конституцию 1869 г. Не менее показательны и новации в сфере внешней политики. По привычке твердя о развитии «братских связей с Россией», авторы программы главный акцент сделали все же на «важности соседских интересов», которые связывают Сербию с Австро-Венгрией, почему отношения между ними и «должны укрепляться». Поворот был налицо... Вот только внутренних сил для его поддержки не осталось. Да и внешние отнюдь не спешили жать протянутую Белградом руку. Вена, в частности, была по горло сыта внешнеполитическими кульбитами сербского монарха, чтобы снова ему поверить и взять под крыло. Она промолчала, словно ожидая чего-то³⁶.

* * *

Тем временем, заговор против королевской четы продолжал разрастаться. Его «молодые» инициаторы, предводимые капитаном Драгутином Димитриевичем, вошли в контакт с отставными старшими офицерами: полковником Александром Машиним и генералом Йованом Атанацковичем, а также с политиками, действиями коих руководил бывший министр внутренних дел и го-

рячий сторонник экс-короля Милана, Джордже Генчич. Была установлена связь и с проживавшими в Швейцарии Карагеоргиевичами.

Несколько раз в течение года заговорщики планировали покушение на монарха, но все их планы неизменно срывались – предчувствуя опасность, Александр Обренович отменил свое участие в любых публичных торжествах.

А ситуация в стране накалялась – в конце марта 1903 г. в Белграде состоялась массовая демонстрация ремесленной молодежи, переросшая в антиправительственную акцию. Причем и повод-то для нее вряд ли мог считаться серьезным – молодые люди протестовали против требований полиции клеить на их легитимации фотографические карточки. Но именно она как бы сублимировала то напряжение, в каком жила Сербия в начале девятисотых... Демонстрация напугала монарха – нервы не выдержали, и он дал команду стрелять. Пролилась кровь. А затем, в течение ночи, произвел два переворота. Первым – отменил на час конституцию, распустил скупшину, Сенат и дезавуировав ряд законов; другим – вернул ее в силу. У бельгийского посланника, пославшего отчет об этом в Брюссель, министр запросил: «В своем ли он уме?»³⁷.

То была агония... И ставка на открытую диктатуру. Начинаясь бег на скорость – король готовил введение осадного положения и проскрипционные списки, а столичные заговорщики вызывали из провинциальных гарнизонов своих поделльников. Обстановка достигла точки кипения. Вечером 29 мая Цинцар-Маркович подал в отставку, сохранив свое честное имя, а спустя несколько часов был разыгран финальный акт затянувшейся драмы.

Итак, в час пятнадцать ночи отряд офицеров-заговорщиков – числом 28 человек, ведомый Драгутином Дмитриевичем, двинулся быстрым шагом из Офицерского дома по направлению ко дворцу. Примерно в два, разоружив охрану и взорвав двери, они вломились в королевские покои, где после долгих поисков обнаружили монаршую чету. Изрешетив Александра и Драгу пулями, пьяные офицеры сбросили их тела из окна во двор. Параллельно с этим две группы отправились выполнять другую задачу – ликвидировать премьера Д. Цинцар-Марковича, военного министра генерала Милована Павловича, министра внутренних дел Велимира Тодоровича. Около двух часов ночи (одновременно с нападением на дворец) началась резня. Премьер и военный министр были убиты, а министр полиции тяжело ранен. Кроме них жертвами кровавой ночи стали братья королевы – Никола и Никодие Луневицы...

Заметим, что несмотря на кажущуюся «прозрачность» путча, ряд его важных деталей интерпретирован исследователями неверно, чему подтверждением служат хотя бы слова последнего живого заговорщика (в роковом мае девятьсот третьего – безусого подпоручика) Боривое Йовановича, сказанные им

более полувека спустя: «О том, что произошло 29 мая, писалось очень произвольно и неполно. Подлинная история еще не написана. И у Драгиши Васича* много неточностей...»³⁸. Мы не будем уточнять здесь все нюансы заговора, оказавшиеся вне исследовательского интереса, – размер статьи не позволяет слишком углубляться в отдельные сюжеты. Однако об одном мифе (из тех многих, что густым шлейфом тянутся за всяким атентатом) нельзя не сказать. Речь идет о распространенной в сербской публицистике и мемуарах, а иногда проскальзывающей даже в серьезных научных трудах, версии о причастности России и ее представителей к организации переворота.

Так, сестра убиенной королевы Драги Обренович, Анна Миличевич-Лушевица, всерьез полагала, что «Чарыков организовал даже некий “русский клуб”, где под видом изучения русского языка сербские офицеры осваивали историю заговоров». И в итоге – русским «удалось найти восемь десятков подонков, которые согласились лишиться жизни короля, королеву и двух ее братьев...»³⁹. И вдова Д. Цинцар-Марковича – Мария также «ощущала» присутствие в трагедии «руки Петербурга». По ее утверждению, Чарыков желал «использовать движение офицеров в интересах России» и предполагал «оказать моральную поддержку готовящейся перемене династий и свержению Обреновичей»⁴⁰.

Что и говорить, если такой авторитетный исследователь, как Ваца Казимирович, даже не сомневается, что «Чарыков был повязан с некоторыми заговорщиками и знал, что они замышляют»⁴¹. Как и его старший современник Триша Кацлерович: «Царский посланник Чарыков был ознакомлен с планом заговорщиков. 29 мая он наблюдал из окна русской миссии за происходящим в королевском дворце, ожидая, что офицерский путч ликвидирует Александра по типу былых переворотов при российском дворе»⁴². И академик Милорад Экмечич в своем новейшем труде указывает: «Есть вероятность, что следы убийства ведут в Петербург, но они не единственные, о которых можно говорить с уверенностью...»⁴³.

Материалы российских архивов ничем не подтверждают данную версию – весть о путче, несмотря на все кружившие по Белграду слухи, о которых в Петербурге были наслышаны, произвела эффект разорвавшейся бомбы. Действительно – не странно ли, что донесения посланника, военного агента и шефа балканской тайной агентуры в свои столичные канцелярии разнились по ряду важных деталей⁴⁴. Сам император Николай II назвал случившееся

* Работа Драгиши Васича «Девятьсот третий год» (*Vasich D. Devetsto treha*. Београд, 1925) – это единственная по сей день и самая полная монография, посвященная непосредственно перевороту.

«неслыханной мерзостью»⁴⁵. И присовокупил – «Удивительно, как внезапно совершился этот переворот»⁴⁶. Добавим и то, что еще 25 мая агент русской тайной полиции Александр Вейсман, приехав из Софии в Белград, предупредил своего тезку Обреновича о готовящемся заговоре⁴⁷.

Насчет отношения к сербской чете высших кругов России и действительной для них «внезапности» случившегося, весьма наглядна запись в дневнике А. Н. Куропаткина о его беседе с графом Ламздорфом после возвращения того из балканского турне (зима 1902 г.) – внимания на него в историографии обращено почему-то незаслуженно мало. Так вот, повествуя о вынесенных им о Сербии впечатлениях, министр заметил: «Король неглуп, но растолстел, старообразен, подозрителен. Временами кажется ненормален... Драга – немолодая, полная, но все же красивая женщина. Умна. Держится России. Ее желательно приласкать». И далее, в изложении Куропаткина: «Ламздорф полагает, что какой-либо знак внимания сербскому королю, например, назначение его шефом одного из русских полков к 29 декабря, очень бы обрадовало короля и помогло сближению с нами. Говорил о том вчера с государем. Его Величество выразил мнение, что не лучше ли это сделать на 6 мая»⁴⁸.

Вполне очевидно, что и сам визит Ламздорфа в Сербию (наряду со всеми иными резонами), и столь «благоприятные» предположения, касательно ее короля и королевы, были попыткой изгладить то неприятное ощущение, что оказалось у них после отказа в высочайшей аудиенции. Какое уж тут запланированное убийство? Но, увы, не успели.

Вся надуманность тезиса о «руке Петербурга» особо показательно проявляется в бытовых мелочах. Российский военный агент, полковник Генштаба И. Н. Сысоев – сосед генерала Милована Павловича по лестничной клетке* – проснулся в роковую ночь, по его собственным словам, «от сильнейшего шума»: это отряд заговорщиков прибыл для ликвидации министра⁴⁹... Вдумаемся, разве мог военный человек (предположим хоть на секунду, что он был в курсе готовящихся событий) «дождаться» их, мирно почивая в своей постели? Вряд ли такое можно себе представить**.

* В сербской литературе встречается утверждение, будто бы соседом М. Павловича был «русский посланник Чарыков», естественно, «хорошо осведомленный о том, что готовилось Александру и Драге» (Гузина З. Тајне Београда. Београд, 2002. С. 229).

** Еще одна мелочь – 19 июля 1903 г. Сысоев послал начальству депешу: «Сербское правительство дало нашей Миссии уверение, что майор Джурич, командированный в Петербург для сопровождения детей сербского короля в Белград, не участвовал в государственном перевороте; установлено его алиби» (Российский Государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 4. Д. 313. Л. 60 (И. Н. Сысоев – В. П. Целебровскому))... Спрашивается – к чему такая шепетильность, если у самих «руки в крови»?

И в данной связи понаблюдаем за поведением австро-венгерского посланника в Белграде, барона Константина Думбы, – а о возможном и, естественно, тайном участии Вены в событиях той ночи говорилось немало. О чем свидетельствует и статья видного научного авторитета⁵⁰. Так вот, через десять минут после убийства королевской четы, по признанию самого дипломата, он уже был в курсе дела. Часа не прошло, и мы видим Думбу, беседующего в дворцовом парке с главным стратегом переворота полковником Машиным. Получив необходимые гарантии и связавшись с австрийскими консулами в провинции, посланник успокоился⁵¹...

* * *

Как бы то ни было, военный переворот 29 мая 1903 г. открыл новую страницу в истории Сербии. С «самодержавием» и австрофильством последних Обреновичей было покончено. Начиналась эпоха «конституционности и национальной внешней политики» Карагеоргиевичей. В сербской историографии этот достаточно краткий период истории Королевства (1903–1914) часто зовется «золотым веком сербского парламентаризма»⁵², что является очевидной натяжкой – своеобразной «современной мистификацией о том времени»⁵³.

Кроме того (что, наверное, самое важное), кроваво, но завершилась-таки вековая распря двух «народных» династий – сербская версия войны Алой и Белой розы, которая, по словам одного из лидеров Радикальной партии Стояна Протича, «отбросила страну на пятьдесят лет назад и затруднила консолидацию народных сил для ее нормального развития»⁵⁴. И, действительно, первой в регионе вступив на путь освобождения, Сербия забуксовала, теряя историческое время. Внутреннее противостояние (подстегиваемое этим соперничеством) обескровливало страну, которую просто рвали на части. И какая же сверхзадача, спрашивается, была при сем решена; как использовала сербская элита данный ей шанс конвертировать преимущество темпа в качество? Да почти никак, и... «народные силы» уходили в свисток междоусобных склок, вместо действенной работы по «нормальному развитию страны». Не зря один из умнейших людей независимой Сербии, экс-премьер Милан Пирочанац заметил летом 1886 г.: «Династия Обреновичей правит почти 30 лет без перерыва, но до сих пор не решены вопросы, которые *должны были быть решены еще прошлыми поколениями* (курсив наш. – А. Ш.)»⁵⁵.

Политический руководитель «Майской революции» Джордже Генчич так прямо и говорил: «Я пришел к мысли, что эту безумную войну Алой и Белой розы необходимо прекратить, тем более, что мы входим в XX век, полный новых проблем – социальных, дипломатических и всяких иных. Тем более, что

умный Милан уже закрыл глаза, а его неблагодарный сын не заслуживает никакого уважения. Он не имеет чести, потомков, друзей. Его имя – не программа. Он не может символизировать нацию. Его присутствие не только исторически излишне, но и опасно». И далее тот же рефрен – «Нам не нужна внутренняя война; нам необходимо подвести под ней черту и объединиться всем вокруг одного королевского Дома и единого стяга...»⁵⁶.

Как развивалась Сербия в условиях отсутствия роковой династической распри, когда, наконец-то, появилась возможность для «консолидации народных сил» «вокруг единого стяга», – это уже иная тема.

Примечания

¹ *Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књ. 2 // Сабрана дела С. Јовановића. Т. 7. Београд, 1990. С. 13–17. См. также: Рајух С. Владан Ђорђевић. Београд, 2007.*

² *Милићевић М. Реформа војске Србије. 1897–1900. Београд, 2002. С. 163–166.*

³ Там же. С. 12.

⁴ См., например: *Младеновић Б. Српске династије у мемоарима пуковника Павла Блажарића // Нововековне српске династије у мемоаристици. (Зборник радова). Београд, 2007. С. 367–368.*

⁵ Рукописно одељење Матице Српске (далее – РОМС). Заоставштина Милана Јовановића–Стојимировића. Бр. М.13.426. «Заверинички разлози».

⁶ *Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књ. 2... С. 326. См. также: Милићевић М. Реформа војске Србије... С. 21.*

⁷ РОМС. Заоставштина Милана Јовановића–Стојимировића. Бр. М.13.426. «Казивања Боре–Буки Јовановића о 29. мају 1903.».

⁸ *Милићевић М. Реформа војске Србије... С. 8, 59; Новаковић С. Двадесет година уставне политике у Србији. 1883–1903. Београд, 1912. С. 71.*

⁹ *Каљевић Љ. Моје успомене. Београд, 1908. С. 55.*

¹⁰ РОМС. Заоставштина Милана Јовановића–Стојимировића. Бр. М.13.436. «Краљ Милан од Ивањданског агентата до смрти и непосредно после ње».

¹¹ Там же. «Казивања Боре–Буки Јовановића о 29. мају 1903.».

¹² *Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књ. 2... С. 365.*

¹³ *Младеновић Б. Српске династије у мемоарима пуковника Павла Блажарића... С. 368.*

¹⁴ Архив Српске Академије Наука и Уметности (далее – АСАНУ). Бр. 9327. Свеска XVI(2). Дневник Милана Милићевића (записи от 6 и 7 јула 1900 г.).

¹⁵ Там же. Подробнее о реакции Милана Обреновича на помолвку сына см.: *Креститић П.* Кнез и краљ Милан у мемоаристици // Историјски часопис. Београд, 2007. Књ. LIV. С. 207–208.

¹⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Д. 2861 (1900 г.). Л. 85 (П. Б. Мансуров – В. Н. Ламздорфу. Белград, 15/28 августа 1900 г.).

¹⁷ Там же. Л. 10 об. – 11 (П. Б. Мансуров – В. Н. Ламздорфу. Белград, 6 июля 1900 г.).

¹⁸ Там же. Л. 34 (П. Б. Мансуров – В. Н. Ламздорфу. Белград, 13/25 июля 1900 г.).

¹⁹ Там же. Л. 46 (В. Н. Ламздорф – П. Б. Мансурову. Петербург, 16 июля 1900 г.).

²⁰ *Charykow N.* Glimpses of High Politics. Through War & Peace. 1855–1929. London, 1931. P. 232.

²¹ *Поповић Н.* Србија и царска Русија. Београд, 2007. С. 45.

²² *Столић А.* Краљица Драга Обреновић. Београд, 2009. С. 155–166.

²³ Архив Србије (далее – АС). Фонд Стојана Новаковића. Бр. 1245 (М. Вујић – С. Новаковићу. Београд, 20. октября 1901.). См. также: *Војводић М.* Петроградске године Стојана Новаковића (1900–1905). Београд, 2009. С. 25–26; *Столић А.* Краљица Драга Обреновић. С. 173–174.

²⁴ АС. Фонд Стојана Новаковића. Бр. 172 (С. Новаковић – Александру Обреновићу. Петроград, 12. новембра 1901.).

²⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 492. Ч. III (1901 г.). Л. 131 об. (Н. В. Чарыков – В. Н. Ламздорфу. Белград, 21 ноября 1901 г.).

²⁶ Там же. Д. 495. Ч. II (1902 г.). Л. 51 (В. Н. Ламздорф – Н. В. Чарыкову. Петербург, 13 июня 1902 г.).

²⁷ Там же. С. 161 (В. Н. Ламздорф – Н. В. Чарыкову. Петербург, 4 сентября 1902 г.).

²⁸ Там же. Ф. Канцелярия. Д. 13 (1902 г.) Л. 397 (В. Н. Ламздорф – Н. В. Чарыкову. Петербург, 24 сентября 1902 г.).

²⁹ *Столић А.* Краљица Драга Обреновић. С. 175; *Казимировић В.* Црна рука. Крагујевац, 1997. С. 146.

³⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2861 (1900 г.). Л. 2.

³¹ Там же. Д. 492. Ч. III. Л. 11–12 об. (Б. Н. Евреинов – В. Н. Ламздорфу. Белград, 17 сентября 1901 г.).

³² *Столић А.* Краљица Драга Обреновић. С. 172–173.

³³ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Таллинн–М., 1994. Т. 2. С. 254.

³⁴ См.: *Ламздорф В. Н.* Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 37, 39, 45 (записи от 3, 6 и 20 февраля 1894 г.).

³⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 496 (1902 г.). Л. 248 об.–249 (Н. В. Чарыков – В. Н. Ламздорфу. Белград, 5 ноября 1902 г.).

³⁶ См.: *Војводић М.* Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1988. С. 455–457.

³⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 499 (1903 г.). Л. 101 об.

³⁸ РОМС. Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М.13.426. «Казивања Боре-Буки Јовановића о 29. мају 1903.».

³⁹ *Миљевић-Луњевица А.* Моја сестра краљица Драга. Београд, 2005. С. 132–133.

⁴⁰ *Цинцар-Марковић М.* Пред 29. мај 1903. // Политика. 29. октобар 1926 г. Бр. 6646.

⁴¹ *Казимировић В.* Црна рука. С. 68.

⁴² *Кацлеровић Т.* Мартовске демонстрације и мајски преврат. Београд, 1950. С. 66.

⁴³ *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2007. С. 320.

⁴⁴ См.: *Шемякин А. Л.* Убиение генерала Павловича. Как в Белграде расстреливали георгиевского кавалера // Родина. 2007. № 9. С. 67.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 500. Ч. I (1903 г.). Л. 337.

⁴⁶ Там же. Л. 367.

⁴⁷ *Семиз Д.* Један руски савремени докуменат о 29. маја // *Нова Европа*. Књ. XVI. Бр. 7. 11 октобра 1927. С. 228; *Вишняков Я. В.* «Котел с расплавленным металлом». К чему привел сербов Майский переворот 1903 г. // Родина. 2003. № 10. С. 82.

⁴⁸ Дневник генерала А. Н. Куропаткина. М., 2010. С. 93 (запись от 25 декабря 1902 г.).

⁴⁹ Российский Государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 4. Д. 313. Л. 30 (И. Н. Сысоев – В. П. Целебровскому. Белград, 4 июня 1903 г.).

⁵⁰ См.: *Екмечић М.* Аустро-Угарска обавештајна служба и Мајски преврат // *Историјски часопис*. Књ. XXXII. Београд, 1985. С. 141–168.

⁵¹ *Казимировић В.* Црна рука. С. 15–16.

⁵² *Поповић М.* Борбе за парламентарни режим у Србији. Београд, 1939. С. 89; *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1982. С. 282–283; *Историја Српског народа*. Београд. 1983. Књ. 6. Т. 1. С. 92; *Екмечић М.* Стварање Југославије. Београд. 1989. Књ. 2. С. 546; *Живојиновић Д.* Краљ Петар I Карађорђевић. Београд, 1990. Књ. 2. С. 115; *Протић М.* Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881–1903). Београд, 1990. С. 17; *Он же.* Успон и пад српске идеје. Београд, 1995. С. 27; *Он же.* The Serbian Radical Movement 1881–1903. A Historical Aspect // *Balkanica*. Vol. XXXVI. Belgrade, 2006. P. 131; *Нова историја Српског народа*. Уредник Д. Багаковић. Београд-Лозана, 2000. С. 187, и т. д. ... Схожие оценки популярны и в мировой литературе. См., например: *Dragnich A.* Serbia, Nikola Pasic and Yugoslavia. Rutgers University Press. New Branswick, New Jersey, 1974. P. 70; Балканы в конце XIX – начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991. С. 20–22; *The Serbs and Their Leaders in the Twentieth Century*. Ashgate

Publishing Limited. Aldershot, Brookfield, 1997. P. 2; Павловић С. Србија. Историја иза имена. Београд, 2004 (превод с енглеског оригинала). С. 98, и т. д.

⁵³ Лазић М. Друштвени односи у Србији у време закаснелог капиталистичког развоја // Годишњак за друштвену историју. Београд, 2009. Св. 3. С. 24.

⁵⁴ См.: Један новинар (С. Протић). Политичка размишљања из историје наших дана // Дело. Београд, 1894.

⁵⁵ Пироћанац М. Белешке. Приредила С. Рајић. Београд, 2004. С. 292.

⁵⁶ Јовановић-Стојимировић М. Силуете старог Београда. Београд, 2008 (треће допуњено издање). С. 243–244.

Раздел II

История международных отношений

Р. П. Гришина (Москва)

К историографии темы: Россия и Балканский союз 1912 года

Каждый автор, писавший о Балканских войнах 1912–1913 гг., затрагивал в том или ином объеме вопрос о Балканском союзе. Материал о нем найдем в разнообразных дипломатических сборниках и справочниках, в научных изданиях по истории балканских стран начала XX в., истории России и истории международных отношений.

Чаще всего при упоминании Балканского союза акцент делается, во-первых, на участии или даже инициативе России в его создании (под ее руководством, эгидой, патронатом и т. п.) и ее видении союза балканских государств как оплота своего влияния в регионе в противовес усилению здесь роли Австро-Венгрии и стоявшей за ней Германии; во-вторых, на том, что союз балканских государств создавался для мирного урегулирования противоречий между ними и с целью сплочения против внешней угрозы; в-третьих, что само его создание явилось большим успехом в балканской внешнеполитической практике российского МИДа.

Однако, при более внимательном подходе, даже просто на уровне имеющейся историографии, оказывается, что дело обстояло не совсем так. Попробуем рассмотреть вопрос по трем указанным пунктам.

1. Известно, что на протяжении длительного времени центральным для России оставался вопрос о Черноморских проливах. Традиционно трудный, он требовал от российской дипломатии большого внимания в отношении с Турцией и вообще к ее судьбе, особенно в связи с всеобщей настороженностью в Европе по поводу состояния «больного человека на Балканах». После 1878 г. эта политика складывалась в определенную линию на международной арене: сохранение статус-кво на полуострове, добрососедские отношения с Турцией, препятствование политике, нацеленной на ее распад. Ибо считалось, что всякое нарушение статус-кво ставило под угрозу планы России в отношении режима Проливов. В 1886 г. Н. Н. Обручев (начальник Главного штаба в 1887–1898 гг.) заявлял: «...туркам более чем когда-либо должна быть широко открыта дверь нашей дружбы и внушена уверенность, что *существование Османской империи мы признаем безусловно необходимым*, и что в случае, если бы Константинополю и ближайшим к нему владениям султана грозила серьезная опасность, он может рассчитывать на нашу помощь (курсив мой. – Р. Г.)»¹.

В конце 1890-х гг. в кругах, близких к министерству иностранных дел России, обсуждение Восточного вопроса происходило примерно в том же ракурсе. Отмечалось, что прежний Восточный вопрос «уже не существует. От него остался для нас только вопрос о Проливах. Важно, чтобы они не попали в руки европейских государств, особенно Англии». Признавалось, что и славянский вопрос изменил для России свое прежнее значение: славяне «почти освобождены и, кроме того, ускользают из-под нашего влияния», но их следует «оградить от поступательного движения Австрии и от эксплуатации их Европой. Таким образом, то, что было славянским вопросом, преобразовывается для нас в *вопрос австрийский* (курсив мой. – Р. Г.)»².

Не менее определенно заявлял о своей позиции в 1896 г. министр финансов Ю. Витте, обращая со «Всеподданнейшей запиской» к государю. Он выразил ее одной фразой: наша задача – поддерживать статус-кво и выигрывать время. «Мне думается, – писал он, – что развязка турецкого вопроса в конце концов вызовет большую войну». (Обратим внимание на то, что и Витте фактически переносил смысл Восточного вопроса со славяно-православных проблем на турецко-международные как более важные для России). Отсюда его рекомендации: не употреблять силу для занятия какого-либо клочка земли у турок вблизи Проливов, но созвать международную конференцию с заранее точно определенными задачами, а именно: «обсуждение способов устранения внутренних волнений и беспорядков в Оттоманской империи при безусловном поддержании статус-кво»³.

Эта линия в отношении Турции проводилась и когда в конце XIX – начале XX в. средоточием российской внешней политики стал Дальний Восток. Что следует, например, из Инструкции МИД от 28 января / 9 февраля 1898 г. Л. П. Урусову, назначенному российским послом в Париже: «Из-за неотложных для России вопросов на Крайнем Востоке считаем в настоящее время необходимым продление существующего положения вещей на Босфоре и укрепление авторитета султана в достаточной для сего мере»⁴.

Дополнительный свет на российские проблемы на Балканах проливает Военная конвенция, заключенная в апреле 1902 г. в Петербурге между Россией и Болгарией. Она явилась ответом на Военную конвенцию 1901 г. между Австро-Венгрией и Румынией, направленную, как считали договаривавшиеся в российской столице стороны, против Болгарии. Поэтому на случай необходимости они предпринимали меры предосторожности, оказания друг другу помощи⁵. В документе, помимо указания на Австро-Венгрию и Румынию в качестве враждебных сил, обращает на себя внимание пункт 6: «В случае войны России и Болгарии с Румынией и Австро-Венгрией или с Тройственным союзом *Болгария сохранит строжайший нейтралитет в отношении Турции*

и крайнюю осторожность в сношениях с нею, чтобы из-за возможного конфликта с этим государством не вызвать осложнения общего положения (курсив мой. – Р. Г.)»⁶. Военная конвенция была подписана представителями договаривающихся сторон, но – видимо, из-за повышенного внимания России к Турции, зафиксированного в формулировке выделенного пункта, – в болгарском парламенте не была поставлена на голосование и, соответственно, не ратифицировалась.

В современной российской историографии проводится мысль, что после поражения России в русско-японской войне, поколебавшего международный престиж страны, новый министр иностранных дел А. П. Извольский при поддержке премьера П. А. Столыпина стал ориентироваться на политику соглашений с великими державами и балансирование между Великобританией и Германией. Целью этой политики было поддержание великодержавного статуса России и обеспечение ей внешнеполитической передышки. В общем плане важно отметить, что поражение на Дальнем Востоке вернуло преимущественное внимание царской дипломатии к ближневосточным проблемам. Здесь опасными для России считались, кроме прямого нападения с чьей-либо стороны, крах Османской империи (т. е. выдвижение Восточного вопроса в полном объеме) и распад Австро-Венгрии (т. е. вопрос о судьбе ее славянских народов), поскольку, как отмечает А. В. Игнатьев, подробно исследовавший историю российской внешней политики 1907–1914 гг., в этих случаях «великодержавный статус России не позволит ей остаться в стороне». Он ссылается при этом на мнение в определенных кругах Петербурга⁷.

В 1908 г. в этом курсе наступили перемены: намечился отход от осторожной политики. В видах России на проливы с прилегающей территорией Извольский выразил готовность обсуждать с Австро-Венгрией вопрос об аннексии ею Боснии и Герцеговины. «Этот замысел, как будто не лишенный известной почвы, – пишет Игнатьев, – был авантюристичен, т. к. недоучитывал внутренней слабости России». В результате расчеты Извольского на поддержку Германии, Австро-Венгрии и западных держав в вопросе о Проливах оказались несостоятельны. Непродуманная авантюра, о которой знал только Николай II, окончилась провалом⁸.

1908 год стал в известной степени рубежным для последующих событий на Балканах: в Боснийском кризисе впервые на полуострове столкнулись интересы двух военных блоков великих держав⁹; важным явился и приход к власти в Турции младотурок, для которых одной из главных целей было сохранить македонские земли в составе Османского государства. Для малых балканских стран, претендовавших на эти земли и ждавших только удобного случая для овладения ими, младотурецкая революция с ее первоначально

весьма демократическими лозунгами усложняла и отдаляла реализацию задуманного. Великие державы, в свою очередь, продолжали уповать на продолжение курса реформ в Македонии, выработанных совместно российской и австро-венгерской дипломатией.

Придать ускорение затяжному процессу попыталась Россия: в феврале 1910 г. в Петербурге прошли консультативные переговоры с представителями высших сфер Болгарии – царем Фердинандом, премьер-министром А. Малиновым и министром иностранных дел С. Паприковым; в марте к императору пожаловал сербский король Петр, в апреле в северную столицу приехал министр иностранных дел Турции. Очевидно, в основе этой акции лежала политическая новация, о которой Игнатъев пишет так: «Еще до своего ухода с министерского поста он (Извольский. – Р. Г.) успел наметить новые линии блоковой политики – курс на создание союза балканских государств *вместе с Турцией* против Австро-Венгрии, взаимодействие с Италией на Балканах (курсив мой. – Р. Г.)»¹⁰.

В свою очередь, Ю. А. Писарев приводил такие сведения о зарождении идеи объединения балканских государств под эгидой России: впервые она нашла отражение, писал он, в записке статс-секретаря А. М. Безобразова царю в 1902 г.; автор записки рассчитывал на дружественный для России союз, куда бы вошла и Турция, а это позволило бы Петербургу решить вопрос об использовании Проливов мирным путем. В 1906–1908 гг. за выполнение этой задачи выступили министры Извольский и Столыпин. И, продолжал Писарев, «царское правительство брало курс на осуществление на Балканах и Ближнем Востоке активной и даже наступательной политики, чтобы создать под руководством России блок балканских государств, в если удастся, то и Всебалканский союз с привлечением в его состав Турции и Румынии»¹¹.

Контакты с целью заключения взаимовыгодных соглашений пытались установить между собой и сами «малые» балканские страны. Но согласовать устраивающие друг друга условия было очень трудно. Так, провалом закончились две миссии, направленные из Белграда в октябре 1908 г. – в Софию и Стамбул, в каждую столицу со своим проектом соглашения. Соглашения добиться не удавалось из-за взаимного недоверия и глубокой несовместимости интересов сторон, противопоставлявших предлагаемым вариантам свои контрверсии¹².

Начало сближения балканских народов с целью защиты своих интересов некоторые авторы относят к 1909 г., т. е. ко времени боснийско-герцеговинского кризиса¹³. Первый шаг к переговорам «по предмету этого сближения» был сделан сербским министром иностранных дел М. Миловановичем, ездившим с этой целью в Софию.

Во время упоминавшегося визита в Петербург в феврале 1910 г. болгарская делегация вручила русскому правительству свой вариант болгаро-русского соглашения. В нем предусматривалось, что в случае распада Турции Россия признает права Болгарии на ее расширение в границах Сан-Стефано, включая Салоники и Адрианополь, а кроме того, окажет нажим на Сербию с целью приостановить сербскую пропаганду в Македонии. Малинов мотивировал требования в отношении Салоник и Адрианополя невозможностью реализации Сан-Стефанского договора в части, касающейся Пирота и Вранье, отданных Берлинским договором Сербии. Русское правительство, пишет болгарский историк Людмил Спасов, согласилось на включение Салоник в болгарские пределы, а в отношении Одрин и территорий Старой Сербии воздержалось от выражения своего мнения¹⁴.

На этих переговорах Извольский представил болгарской делегации российский проект соглашения с Болгарией. В нем содержалось положение о сохранении статус-кво на Балканах, о помощи со стороны Болгарии России в случае ее конфликта с Австро-Венгрией, Румынией или Турцией, и о поддержке Россией военными средствами Болгарии только в случае непредвиденной для нее войны¹⁵. На первый же план Извольский выдвигал задачу создания балканского блока с участием Турции. Таким образом, по мнению Спасова, соглашение между Россией и Болгарией ставилось в зависимость от заключения болгаро-турецкого и особенно болгаро-сербского соглашений. Что касается Сербии, то, используя ее стесненное положение из-за аннексии Боснии и Герцеговины, Извольский рисовал ее союз с Болгарией как единственную возможность гарантии ее существования и независимости. Для Болгарии же было важно, на какой основе будет строиться балканский союз – для борьбы против Австро-Венгрии или против Турции¹⁶.

В 1910 г. попытки урегулировать вопрос с помощью серии двусторонних переговоров с Россией к успеху не привели. Каждая балканская сторона отстаивала свои условия, примирить интересы Сербии, Болгарии и Турции оказалось невозможным. Вместо желательного Петербургу единого балканского союза вместе с Турцией наметились контуры различных группировок, направленных не против Австро-Венгрии, а друг против друга¹⁷. Но русское дипломатическое ведомство от своих намерений не отказывалось, гостям были даны напутствия: попробуйте договориться между собой.

Однако старт для интенсификации переговорного процесса, таким образом, был дан. Нащупывая почву для будущего союза, стороны перешли к энергичным мерам, последовали зондажи, визиты государственных деятелей друг к другу. Но какого союза? Какова его цель? Как совместить интересы борьбы одновременно и против Турции, и против Австро-Венгрии?

Проводить «новый внешнеполитический» курс, как он стал именоваться, в действительности, только намеченный, но не в достаточной мере определенный Извольским, выпало на долю сменившего его в 1910 г. на министерском посту С. Д. Сазонова. Среди сотрудников МИД, работавших на балканском направлении, отсутствовало единство в оказавшемся принципиальным вопросе: как быть с Турцией? Следует ли добиваться ее включения в будущий союз? В работе Ю. А. Писарева указывается на Н. Г. Гартвига, Д. К. Сементовского-Курило, Г. Н. Трубецкого, Н. А. Обнорского как на дипломатов, считавших нереальным вовлечение Турции в балканский союз¹⁸.

Как таковой, «новый курс» и в дальнейшем так и не оформился. Даже в «Воспоминаниях» Сазонова мы не найдем определения его сути, мемуарист предпочитал делать заявления общего характера, например: «Единственно, чего она (Россия. – Р. Г.) неизменно добивалась – это чтобы освобожденные ценой ее вековых усилий и жертв балканские народы не подпали под влияние враждебных ей государств и не обратились в послушное оружие их политических интриг»¹⁹. Хотя честно признавался здесь же: «Конечно, целью русской политики было достижение свободного доступа к Средиземному морю и, равным образом, – возможности обеспечить защиту своего Черноморского побережья от постоянной угрозы прорыва враждебных морских сил сквозь турецкие проливы».

Главное, что было константой и вначале особенно подчеркивалось, – это сохранение статус-кво в Европе. И неизменно повторялся почти слоган: «лишь бы не было войны», т. е. ни о какой войне Россия речи не вела. Наоборот, стремилась ее избежать. Ну, а что же будущие союзники?

Более плотными контакты между балканскими странами стали в 1911 г., когда, как пишет Сазонов, союз «создавался и был заключен, если не по почину русского правительства, то с его ведома и согласия»²⁰. Свообразным инициатором выступил министр иностранных дел Сербии М. Милованович. Как писал сербский историк Д. Джорджевич, Сербия, опасавшаяся усиления Австрии, за спиной которой все более отчетливо проступала тень Германии, решила для защиты от немецкого наступления начать действия по заключению политического и военного союза с Болгарией, хотя более медлительная дипломатия Болгарии еще не вполне определилась с конкретными действиями²¹.

Точнее, на мой взгляд, было бы сказать, что болгарские власти, испытывая на протяжении ряда лет страстное *желание* добиться разрешения македонского вопроса в свою пользу, не прилагали для этого достаточно *хотения* (воли). Правда, лишь «до поры, до времени». Кстати, на поначалу миролюбивого болгарского премьера Ив. Гешова российские рекомендации в отношении Тур-

ции, видимо, повлияли положительно*. Как он писал в воспоминаниях, идея о прямом соглашении с младотурками долго занимала его, и до, и после того, как в марте 1911 г. он стал премьер-министром. А придя к власти, буквально сразу же стал искать контакты с турецким посланником в Софии в надежде, что «Турция облегчит нашу задачу и отзовется на наш призыв ликвидировать причины недоразумений между нами, /поможет/ устранить мотивы для возбуждения общественного мнения в нашей стране²². Но начавшаяся итало-турецкая война помешала этим намерениям²³.

Д. Джорджевич писал, что М. Милованович еще раньше несколько раз делал попытки встретиться на нейтральной территории с болгарскими представителями для переговоров. Но переломить «кунктаторскую политику Фердинанда в отношении Сербии» удалось, только когда в конце сентября 1911 г. началась итало-турецкая война: «Италия разорвала круг, борьба за турецкое наследство началась»²⁴.

Действительно, ситуация резко изменилась. К делу в Болгарии был призван Д. Ризов – ее посланник в Риме, считавшийся опытным дипломатом; в его жизненный опыт входили многие годы активного участия в вооруженной и идеологической борьбе за освобождение Македонии. В сентябре 1911 г. Ризов устроил в Вене болгарскому премьеру Гешову встречу с Миловановичем²⁵. Очевидно, тогда же было принято принципиальное решение о необходимости договариваться и идти на уступки друг другу.

Здесь же в Вене болгары втроем – Ив. Гешов, Д. Ризов и Д. Станчов (в то время болгарский посланник в Париже) – разработали основные положения *Pro memoria* в качестве отправной точки для переговоров с сербской стороной. Заслуживают быть отмеченными в нем следующие пункты: 1) вместо реформ в Македонии требуем ее автономии, если осуществить это невозможно, согласны на ее дележ (замечу, что «дележ» реален только при условии предварительного военного разгрома Турции. – *Р. Г.*); 2) на случай дележа болгарские конфиденты определяли максимально допустимые территориальные уступки; 3) поводом для объединения сил (*casus foederis*) решили считать случаи нападения на Сербию или Болгарию (кого? – не уточнялось), нападение Турции на какое-либо из балканских государств, а также «возможную попытку Австрии оккупировать Македонию или Албанию», и, наконец, *внутренние волнения в самой Турции*; 4) безусловное условие договора – участие России; 5) участие Черногории в договоре²⁶. Пункт, выделенный мною курсивом, прошу запомнить: он достоин, как увидим далее, специального внимания.

* В этих надеждах нет ничего удивительного – в ментальности части болгар, как представляется, всегда поигрывала своя «звонущая» турецкая струнка.

Эта программа получила одобрение царя Фердинанда, находившегося неподалеку от Вены в своих венгерских имениях, после чего Гешов 28 сентября вновь встретился с Миловановичем, с ним и доехал вместе до пограничного Лапово. «Ехали с ним три часа в поезде и все время обсуждали». В свою очередь, сербская сторона через М. Спалайковича, посланника в Софии, представила два проекта союзного договора. В первом Македония называлась «спорной» территорией, бесспорными были – Одринский вилайет для Болгарии и Шкодринский для Сербии. Во втором проекте предлагался дележ Македонии на три зоны: две бесспорные, одну спорную, судьбу последней следовало решать путем арбитража²⁷.

За ходом переговоров внимательно наблюдали царь Фердинанд в Болгарии и премьер-министр Н. Пашич в Сербии, каждый из них давал свои поручения их участникам. Милованович, как пишет его биограф, проявлял крайнюю заинтересованность в заключении сербско-болгарского союза: «на первом плане для него была оборона страны от завоевательных планов Австро-Венгрии». В переговорах с Болгарией он руководствовался «двумя страхами»: перед Австрией, имея в виду ее заинтересованность в Санджаке и Албании, и перед возможным болгаро-австрийским соглашением за счет Сербии. Поэтому Милованович хотел заключения договора с Болгарией во что бы то ни стало: дележ Македонии уходил для него на второй план²⁸.

Но не таков был сербский премьер-министр Н. Пашич. Пашич отнюдь не проявлял большой заинтересованности в установлении союзнических отношений с Болгарией и не готов был идти на большие уступки: не слишком надеялся, что Болгария может оказать Сербии помощь против Австро-Венгрии, «а за неопределенную поддержку цена не должна быть слишком высокой». Для него союз с Болгарией, утверждает Д. Джорджевич, должен был послужить орудием, прежде всего, для продвижения Сербии на юг²⁹.

Переговорный процесс продолжался, однако стал сильно усложняться. Большое место в нем занимали детали конкретного разграничения, в том числе на случай *окончательной ликвидации Турции*, освобождения Македонии и Старой Сербии. Участники переговоров со стороны Сербии, где началась ожесточенная печатная кампания, стали ужесточать условия, предъявляемые Болгарии. По словам Гешова, в представленном проекте сербы оставляли за собой право объявлять войну, не спрашивая согласия болгар; в нем ни словом не упоминалось об автономии Македонии как возможным варианте решения вопроса; дележ же предлагался по формуле – две бесспорные зоны (сербская и болгарская) и спорная, находящаяся под арбитражем российского императора. Болгарской стороне приходилось апеллировать к уже достигнутым ранее соглашениям³⁰. Но и сами болгары, будто забыв о записанном в *Pro memoria*

согласии на дележ, теперь упорно и отчаянно упирали на необходимость автономии для Македонии. Они словно не понимали, что настаивание на тезисе об автономии Македонии, которая по примеру истории Восточной Румелии в 1885 г. могла быть легко присоединена к Болгарии, являлось настоящей «дрознилкой» для балканских соседей. А те отнюдь не могли желать территориального и государственного усиления Болгарии, желать «Великой Болгарии» с ее новыми претензиями, превосходившими балканский раздражитель 1878 г. – проект Сан-Стефанской Болгарии. Недаром болгарский историк Ив. Илчев писал, правда, по другому поводу: Соединение 1885 г. стало примером для болгар и пугалом для остальных³¹. Это понимали и сторонние наблюдатели, но, видимо, не желали понимать болгарские политические деятели, которые действовали по принципу: хотим все и сейчас.

Однако, события заставляли торопиться и точнее определяться с приоритетами. Итало-турецкая война создала благоприятные условия для возможной войны с Турцией, на что давно ориентировались милитаристские круги Болгарии, подогреваемые агитацией «македонствующих». Война в союзе с Сербией многократно увеличивала шансы на победу. Теперь спешили болгары, увлекая за собой сербов. И, судя по всему, стороны пришли к согласию относительно того, что активная часть союзного договора первоначально будет сосредоточена на «военной акции» против Турции.

Но опасностей для проведения в жизнь таких планов было много. Болгары опасались, что турки прознают про тайные переговоры между Сербией и Болгарией и поспешат заключить мир с Италией, а могут даже «напасть на нас, – как писал в воспоминаниях Гешов, – или заключить другое, крайне невыгодное для нас соглашение»³². Беспокойство вызывало и то, что Россия, стремясь найти, наоборот, «мягкий» вариант разрешения балканских противоречий, продолжала его поиск с помощью все новых проектов реформ³³, что, в конце концов, могло привести к реальной потере шанса Болгарии на войну. Тревогу вызывала также возможность заключения соглашения между Россией и Турцией, особенно когда стало известно о действиях российского посла в Константинополе Н. В. Чарыкова в этом направлении. Гешов откровенно писал: «И в Совете министров мои коллеги не раз настоятельно требовали сделать все возможное для срыва российского соглашения с Турцией»³⁴.

Можно предположить, что болгарские конфиденты пошли на некоторые уступки сербам в вопросе об автономии Македонии, соглашаясь на формулу: «если по каким-либо обстоятельствам окажется невозможным организовать автономию, то согласны на дележ», чтобы получить то, что в конце 1911 г. было для них наиболее актуальным, а именно – согласие сербов на войну союзников с Турцией в близком будущем. А 15 декабря 1911 г. была достигнута

договоренность с сербской стороной о выделении «части /будущего/ договора в особое тайное приложение»³⁵. О значении этого шага скажем позже.

29 февраля / 13 марта 1912 г. в Софии был подписан Договор о дружбе и союзе между Болгарией и Сербией. Балканский союз, таким образом, стал фактом.

Договор состоял из семи статей. Стороны обязывались взаимно гарантировать друг другу политическую независимость и территориальную целостность и немедленно прийти на помощь в случае нападения извне. То же – в случае попытки какой-либо великой державы аннексировать, оккупировать или занять войсками, хотя бы и временно, часть территории Балканского полуострова, находящейся под турецким владычеством. В случае, если одна из сторон посчитает задетыми свои жизненные интересы, это может послужить *casus belli*. Стороны договорились заключать послевоенный мир только совместно и после предварительного соглашения между собой. В 15-дневный срок после подписания Договора следовало начать разрабатывать Военную конвенцию, являющуюся нераздельной частью Договора. Цель конвенции – обеспечить полное выполнение условий Договора в военном отношении – на случай войны. Договор заключался на срок до 31 декабря 1920 г. Он подлежал подписанию главами и министрами иностранных дел Болгарии и Сербии. Оба документа должны были храниться в полной тайне³⁶.

Итак, вырисовывался оборонительно-наступательный союз Болгарии и Сербии (без Турции), хотя еще в ходе обсуждения условий Договора стороны без обиняков говорили о наступательной функции союза против Турции с целью а) освободить Македонию и Старую Сербию «при обстоятельствах, считающихся благоприятными для обеих стран», б) прекратить анархию и резню населения в турецких провинциях, где задеты интересы одной из сторон³⁷. Тем не менее, и в официальном – не слишком четко прописанном – тексте, в части того, кого союзники считают своими врагами, просматривается нацеленность против империи османов. Хотя сохранялась и потенциальная настороженность в отношении Австро-Венгрии.

К Договору примыкало Тайное приложение, подписанное в тот же день 29 февраля / 13 марта 1912 г. Оно было разработано гораздо тщательнее Договора. С первых же строк, «беря быка за рога», его составители определяли условия и процедуру объявления войны Турции. В статье 1-й указывалось: «В случае, если в Турции вспыхнут беспорядки, представляющие опасность для национальных или государственных интересов договаривающихся сторон, или одной из них, а также в случае внутренних или внешних затруднений, вынуждающих Турцию водворить статус-кво на Балканском полуострове, та из договаривающихся сторон, которая первой пришла к убеждению, что необ-

ходимо предпринять *военную акцию*, должна обратиться к другой стороне с мотивированным предложением... (курсив мой. – *Р. Г.*). Как видим, принцип «если в Турции вспыхнут беспорядки», оговоренный еще в пункте 6-м Pro metoĝia, в Тайном приложении оказался на первом месте

Далее в документе указывались подробности процедуры и формы разных согласований в связи с объявлением войны.

В процедуре объявления войны своя роль была отведена России. Если между союзниками будет достигнуто согласие относительно «военной акции», – говорилось в документе, – об этом следует сообщить России, и, если она не станет возражать, акция будет предпринята, «воодушевляясь чувствами солидарности и общности интересов»; если же согласия между союзниками не обнаружится, они обратятся к России, чтобы получить ее мнение, и оно обязательно для обеих сторон; если же Россия воздержится от мнения, а согласия между сторонами не будет и после этого, то та сторона, которая сама решится на акцию, берет ее под свою ответственность, вторая же сторона должна будет соблюдать дружественный нейтралитет, провести мобилизацию в размерах, предусмотренных военной конвенцией, и всеми силами оказать помощь своей союзнице, если третье государство примет сторону Турции³⁸.

Из приведенного видно, что вопрос о том, как должны поступить союзники и как будут развиваться события, если Россия выступит против военной акции, был вообще снят с повестки дня. Иными словами, в документе роль России в решении кардинальных вопросов на Балканском полуострове определялась как исключительно пассивная. Ограничения были сдобрены обилием «утешительных наград» в виде признания важности ее авторитета для балканцев.

Статья 2-я Тайного приложения была посвящена «территориальным увеличениям» союзных стран, «в случае их реализации в результате общей акции». Разграничение между союзниками было расписано весьма подробно, вплоть до мелких подробностей, причем обошлось без употребления слова «Македония». Стороны допускали невозможность организации «отдельной автономной области», если обе они удостоверятся в этом, исходя «из общих болгарских и сербских национальных интересов, или по другим причинам внешнего или внутреннего порядка». За утверждением обозначенных границ следовало обратиться к русскому императору как арбитру. И, если он найдет, что «указанные границы в наибольшей степени соответствуют правам и интересам обоих народов», обе союзные стороны обязуются принять их как окончательные.

Сущность Тайного приложения невозможно охарактеризовать лучше, чем это сделал Гешов, написавший в воспоминаниях: 15 декабря 1911 г. мы договорились с сербами выделить часть договора в виде особого тайного приложе-

ния, предметом которого был наш наступательный союз против Турции, распоряжения по Македонии и другие материи, связанные с этими двумя вопросами³⁹. Отсюда проистекает, что инициатором создания Тайного приложения в качестве отдельного документа стала, по-видимому, болгарская сторона как непосредственно заинтересованная в первоочередной войне союзников – против Турции. Таким образом, можно сказать, что в разработке политической части документации Балканского союза Болгария добилась определенного преимущества.

Подтверждение этой мысли обнаруживаем в недавно изданной книге Ивана Т. Теодорова, сына министра в кабинете Ив. Гешова – Теодора Теодорова. Подчеркивая, что истинным договором явилось именно Тайное приложение с его отступлением от оборонительных установок, этот автор пишет: «Если сопоставить жизненные интересы обеих стран, отраженные в договоре, – наши с точки зрения войны с Турцией и сербские с точки зрения войны с Австро-Венгрией (для них война с Турцией на втором месте), найдем, что наши были более актуальными, потому что война с Турцией очерчивалась в непосредственной близости, а с Австро-Венгрией – в более далекой перспективе»⁴⁰. При этом даже в территориальных постановлениях договора Теодоров не видит особого ущемления для Болгарии. И его частный по этому поводу вывод: «Сербско-болгарский союзный договор следует оценить как благоприятный для Болгарии – в противоположность обратному мнению, существующему до сих пор»⁴¹, имеет, на мой взгляд, более широкое, общее значение.

Остается подвести итог.

На протяжении всех лет начала XX в. политика России в отношении Турции состояла в «ухаживании за большим человеком», обладавшим большим богатством – ключом от черноморских проливов. Задача заключалась в том, чтобы обезопасить «большого» от крупных, тем более, военных, потрясений, в ходе которых заветный ключ мог перейти в руки враждебных России претендентов. Для большей уверенности в осуществлении тактики приближения к Проливам и определенной гарантии сохранения длительного статус-кво на Балканах русская дипломатия попыталась опробовать идею Балканского союза, где были бы урегулированы противоречия между малыми балканскими государствами, во-первых, и между ними и недавним угнетателем – Османской империей, во-вторых.

Практика показала, на какие воздушные замки ориентировались деятели российского внешнеполитического ведомства, как мало внимания уделили

* Книга Теодорова была написана в 1983 г. В коммунистической Болгарии автор подвергался репрессиям.

они урокам прошлого, прежде всего, истории с Сан-Стефанским мирным договором, которая в конце 1870-х гг. так явно обнажила остроту территориального соперничества между балканскими этноэлитами, а в начале XX в. – учету реальных интересов последних, их стремлений к силовому разрешению македонского вопроса.

Заключенный в 1912 г. Балканский союз получился совсем не тем, каким его предполагала Россия: своего оплота на Балканах против опасной активности Австро-Венгрии в этом регионе и при сохранении нерушимости положения Турции ей создать не удалось.

* * *

2. Получив сообщение о подписании Договора, С. Д. Сазонов направил премьер-министру союзной Франции Р. Пуанкаре информацию такого содержания: «Между Болгарией и Сербией с *нашего ведома* заключен договор о совместной обороне и охране взаимных интересов на случай нарушения статус-кво на Балканском полуострове или нападения третьей державы на одну из договаривающихся сторон (курсив мой. – Р. Г.)»⁴². Текст выдержан, как видим, в духе прежних рекомендаций России и Франции, настаивавших, прежде всего, на сохранении мира на Балканах. Ни о каких наступательных намерениях балканцев в русском уведомлении нет даже намека. Впрочем, с текстом самого Договора Сазонов познакомился, очевидно, только в конце апреля – на ливадийской встрече.

Для вручения Договора российскому императору и его министру иностранных дел в Россию была направлена делегация во главе с С. Даневым – председателем Народного собрания Болгарии. 8 апреля 1912 г. Гешов как о важной новости сообщал из Софии болгарскому посланнику в Лондоне М. Маджарову: «Получено согласие русского императора на прибытие миссии во главе с г. Даневым, которая отправится в Ливадию в двадцатых числах апреля. При встрече будет присутствовать и министр Сазонов. Посмотрим, что услышим оттуда»⁴³. Что же болгары хотели услышать?

Ю. А. Писарев первым обратил внимание на факт неполноты документации, явленной высоким представителям России. Он писал: «Большой интерес вызывает вопрос, почему Болгария и Сербия, стремившиеся к созданию союза под эгидой России, *утаивали от русского правительства военную конвенцию, которая была его основой*». При этом Писарев ссылается на воспоминания Ст. Данева о его встречах с царем и Сазоновым в Ливадии⁴⁴.

К сожалению, академик многое перепутал. Дело в том, что на момент ливадийской встречи Военная конвенция еще не была принята и подписана, это

произошло позже – 29 апреля. Однако уже существовало Тайное приложение к Договору. Вот оно-то и было утаено от русских глаз, и, надо полагать, потому, что именно в нем заключалась *суть Балканского союза*, как ее понимали балканцы (в отличие от того, какой она мнилась русской дипломатии). Этой сутью для балканских союзников была не только война, но и быстрая *готовность к ней*, и эта установка противопоставлялась курсу реформ и сохранению статус-кво в регионе, рекомендуемым Россией и другими великими державами. Остается загадкой, как мог Писарев, опирающийся на материалы Б. Кесякова, пропустить важнейший документ в подборке этого составителя, где они представлены в образцовом порядке.

Несмотря на утаивание приложения, Данев, судя по его подробному описанию ливадийской встречи в воспоминаниях, тему возможной войны союзников против Турции решил обсудить открыто. Первые встречи он имел с Сазоновым, но согласия с ним не достиг. «Для нас, – ставил Данев вопрос ребром, – первостепенным по важности было получение одобрения России на случай возможного начала войны с Турцией». Этому Сазонов энергично воспротивился. Он подчеркнул, что, во-первых, Болгария и в союзе с Сербией не будет в состоянии победить такую старую воинственную державу как Турция, и что русские, воевавшие с нею целые столетия, лучше знают, какая боевая сила кроется в турецком народе. «Всякую провокацию с вашей стороны в отношении Турции, – добавил Сазонов, – считаю сумасшествием»⁴⁵.

В ходе беседы Данев подбросил мысль, что, в случае если союзников постигнет неудача, за Россией оставалось бы последнее слово, ибо «она не могла бы не вытащить меч, ведь то, чего добиваются балканцы, совпадает с ее программой». Сазонов живо возразил на это: «Не стоит отдаваться воображаемым иллюзиям, потому что в настоящее время Россия и не хочет, и не может вмешиваться. Потому что ее вмешательство вызвало бы всеобщую войну, а к такой войне она не готова. Да, Россия находится в союзе с государствами Антанты, но, очевидно, они не шевельнут и пальцем, если война будет вызвана балканцами»⁴⁶.

В таком случае, – продолжает мемуарист, – «я сказал: ничего не остается, как попытаться счастья на свой риск, только попросим вас для успеха дела воспрепятствовать, по крайней мере, вмешательству Румынии, т. к. предполагаем, что она будет на стороне Турции». Немного подумав, Сазонов заявил, что, к сожалению, такого ангажемента взять не может. В заключение он еще раз подчеркнул, что болгары не должны думать о войне и, что, если вопреки советам России, она к несчастью вспыхнет, болгары не могут ожидать помощи от России. В самом благоприятном случае она могла бы помочь только дипломатически⁴⁷.

Если Сазонов упорно стоял на заявленной позиции, то, судя по описанию Даневым хода аудиенции у царя, Николай II провел прием в более мягких тонах. Он заявил, что очень рад достигнутому соглашению, что принимает миссию быть арбитром, но надеется, что это и не потребуется. Когда разговор коснулся «болгарской части (территории? – Р. Г.) на полуострове, – передаст Данев слова императора, – о чем вы говорили с моим министром иностранных дел ... – будьте уверены, что спора с нами у вас не будет, потому что я всегда готов признать все ваши законные требования и удовлетворить все ваши настоящие нужды. – В таком случае, – подхватил Данев, – нам остается лишь пойти на риск и для этого мы только что заключили союз с Сербией, достаточно того, что Россия дает свое благословение»⁴⁸.

Если эти данные соответствуют действительности (хотя российский царь в изложении Данева представляется преувеличенно расположенным к собеседнику – ведь речь шла о ненужной России войне), то нет оснований говорить, что русская сторона не знала о действительных намерениях союзников. Настоящего благословения на войну Россия в лице ее первых величин балканцам не дала, но *запретить* военную акцию, как это отвечало бы ее государственным интересам, не могла. Вот почему Стоян Данев с достоинством фиксирует в своих воспоминаниях: «Балканская война – это собственное дело балканских государств, предпринятое исключительно по их почину, да, вопреки советам России»⁴⁹.

Как бы то ни было, даже если нарисованная мемуаристом картина не вполне соответствует действительности, ливадийская встреча послужила отмажкой для наступления милитаристских кругов Болгарии.

29 апреля последовало подписание Военной конвенции между Царством Болгария и Королевством Сербия. В ней определялось соотношение военных сил, поставляемых сторонами на боевые позиции: Болгария – 200-тысячную армию, Сербия – 150-тысячную. Устанавливались также случаи, когда союзники приходят на помощь друг другу. Например: если Румыния (или Турция) нападет на Болгарию или если Австро-Венгрия нападет на Сербию или направит свои войска в Ново-Пазарский санджак, а также, если на Сербию нападет Турция или Румыния. В случае же войны Болгарии и Сербии, по договоренности между ними, против Турции – обе страны обязываются выделить часть отобюролизованной армии и отправить на Вардарский театр 100-тысячное войско⁵⁰. Военными частями руководят их собственные национальные командиры. В случае объединенных действий под единым командованием, все приказы и предписания должны составляться на двух языках – болгарском и сербском. Регулировались также вопросы снабжения, обмундирования, распределения будущих трофеев и т. п.

16 мая был заключен оборонительный договор между Болгарией и Грецией – так возникла еще одна ось Балканского союза. 18 июня последовали Соглашения между болгарским и сербским Штабами армий (одно на случай войны между Сербией и Австро-Венгрией, второе – на случай войны между Болгарией и Румынией); затем подобное Соглашение от 19 июня – в случае войны Болгарии и Сербии с Турцией⁵¹. Здесь уже конкретизировались места сосредоточения войск ввиду войны с тем или иным противником, оговаривались возможности расположения сербских войск на болгарской территории, а болгарских – на сербской. Эти материалы создают впечатление, что при разработке союзниками военных мероприятий инициатива, а отсюда и известное преимущество, принадлежали уже сербской стороне.

Наконец, 13 августа 1912 г. царь Фердинанд, Ив. Гешов, Ст. Данев и генерал Н. Никифоров в ответ на предложение черногорского князя немедленно начать войну против Турции решили заключить тайное устное соглашение с черногорским правительством на условиях, что Черногория выступит первой с 40-тысячной армией, а через месяц Болгария окажет ей военную поддержку. Так закончилось формирование Балканского союза. Греция и Черногория подключились к нему без каких-либо договоренностей с Россией на этот счет и, в общем, – к ее неудовольствию.

Союзники не только стремились надежно сохранить в секрете подписанные документы, но еще и пускали «пыль в глаза». Гешов, например, сообщая в письме от 10 июля 1912 г. болгарскому посланнику в Лондоне М. Маджарову о том, что настроения в Болгарии сильно изменились, что и в Народной партии круги слева и справа требуют не упустить момент трудного положения Турции в войне с Италией, тут же подчеркивал: «Нет слов, теперь мы должны еще больше стучать краски нашего миролюбия и только следить за тем, чтобы война (итало-турецкая. – Р. Г.) не закончилась быстро. А чтобы она не закончилась, мы должны кричать как можно громче, что хотим мира»⁵². Двумя неделями позже Гешов обращался к тому же адресату с просьбой установить контакты с журналистами и другими «нашими настоящими друзьями», заинтересованными в установлении «длительного умиротворения на Балканском полуострове», чтобы они старались влиять на общественное мнение в Англии в пользу Болгарии и не выступали «за мир между Турцией и Италией, пусть дела идут, как шли; конечно, – добавлял Гешов, – всего этого нельзя сказать... даже такому другу, как Баучер*».

Параллельно с этим в самой Болгарии стала разворачиваться массированная печатная кампания в пользу войны с Турцией. Пункт о внутренних беспо-

* Британский журналист, выступавший в защиту интересов Болгарии.

рядках в Турции как угрожающих интересам соседних государств, записанный в Договоре о Балканском союзе, открывал клапан для широких пропагандистских мероприятий, надо было только поспособствовать возникновению таких беспорядков. За этим дело не стало. Руководство ВМОРО, опираясь на свой диверсионный опыт, организовало летом 1912 г. в турецком городке Кочани взрыв нескольких бомб, что немедленно вызвало ответные действия турецких властей. Произошла кровавая резня местного православного населения. Террористическая акция оказалась приурочена к только что закончившемуся турецкому судебному процессу по поводу подобного же теракта в городе Штип, совершенного в ноябре 1911 г. Провокация получила, таким образом, двойной резонанс.

Резня в Кочани возбудила в Болгарии страшную народную ярость. Уже в начале августа газеты запестрели воинственными заголовками. «Народ приказывает: война!», – заявляло «Утро»; «Война? Народ хочет войны», – уверял «Дневник». К кампании активно присоединились Союз офицеров запаса и другие легальные и нелегальные объединения военных. 12 августа на конгрессе македонских эмигрантских обществ была принята резолюция с требованиями: к болгарскому правительству – немедленно объявить мобилизацию, а к правительствам великих держав – предоставить автономию Македонии и Одринской области с генерал-губернатором христианином во главе⁵⁴.

Все воинственнее выступали также Греция и Черногория. Но, с другой стороны, судя по тону частных писем Гешова, среди союзников росла внутренняя тревога: не сорвут ли великие державы Балканский союз, ставший уже четвертым, своими потугами к миру, принятием новых мер. Так, тревогу вызывала инициатива министра иностранных дел Австрии Л. Берхтольда, предложившего проект децентрализации Европейской Турции и обратившегося к великим державам с призывом к проведению совместной акции для предотвращения войны. Но Высокая Порта, заявив, что сама осуществит необходимые реформы, сумела отбить новую попытку вмешательства в свои внутренние дела⁵⁵. В то же время подходила к концу работа над очередным русским проектом реформ для Македонии и Албании, порученная примерно год назад Сазоновым своим помощникам⁵⁶. Беспокойство проявляли и союзники России – Великобритания и Франция. Во время августовского визита Р. Пуанкаре в Россию Сазонов при личном свидании впервые ознакомил его с самим текстом сербско-болгарского Договора⁵⁷. До этого председатель Совета министров Франции располагал лишь успокоительной информацией, переданной Сазоновым через русского посла в Париже, о его оборонительном характере. Теперь Пуанкаре оставалось только выразить «забоченность скорее наступательным, чем оборонительным характером патронируемого Россией болгаро-

сербского договора. Он называл этот договор «инструментом войны»⁵⁸. Сазонову пришлось пережить неприятные минуты, аргументируя перед союзником особенности отношения России к балканцам.

Позже – в воспоминаниях – Сазонов так объяснял причины, по которым Европе не удалось предотвратить Балканскую войну: единственной возможностью являлось единодушное и энергичное «давление на турецкое правительство с целью заставить его стать, без потери времени, на путь коренных реформ в македонских вилайетах, но это средство было именно тем, на что было труднее всего получить согласие великих держав, из которых каждая преследовала в Константинополе свои собственные цели. Ни одна из них не желала в 1912 г. Балканской войны, /.../, но подвергнуть, хотя бы временно, некоторому риску свои интересы в Турции для предотвращения этой войны не решалась ни одна из них, за исключением России и, может быть, Франции, причем последняя решилась бы на это только при условии поддержки со стороны Англии, которой, как мы видели, нельзя было ожидать»⁵⁹.

Балканские союзники тем временем обсуждали последние процедуры по вступлению в войну. 4 сентября Гешов делился с Маджаровым: «Скажу Вам совершенно доверительно, что все мы уже почти согласились, что будем требовать от великих держав позволить нам заставить Турцию провести коренные реформы – с генерал-губернатором во главе, одобренным великими державами и под их контролем – что считаем необходимым. На этих днях это сообщено совершенно частным образом г. Паприковым г. Сазонову. Самим даг ноту или меморандум – об этом мы еще не думали. Сделаем это, думаем, вместе с другими государствами, но когда – еще не решено. Потому по этому вопросу ничего г. Сазонову не говорите. Во всяком случае, в этом месяце решим вопрос и или будем воевать все вместе ... /далее неразборчиво/»⁶⁰.

17 сентября последовал указ царя Фердинанда о мобилизации, несмотря на то, что еще 3 сентября С. Д. Сазонов заявил болгарскому посланнику в Петербурге генералу С. Паприкову, что на материальную помощь со стороны России Болгария рассчитывать не может, даже если будет разбита. Но, главное, предупредил, какому риску она подвергает себя, собираясь воевать: фактически, сказал он, она «ставит на кон» все свое существование в качестве самостоятельного государства. Характерно, что в донесении в Софию о состоявшемся разговоре, Паприков упоминал, прежде всего, о новых проявлениях симпатии к славянам со стороны российского общественного мнения, что, видно, для него стояло на первом месте, и только потом о позиции российского министра иностранных дел. Сазонов же, проявляя глубокое беспокойство, 8 сентября сделал еще одно предупреждение – о необходимости крепко подумать, прежде чем начать действовать. 10 сентября о позиции Сазонова, посе-

тившего Лондон, писал оттуда в Софию болгарский посланник М. Маджаров, добавив от себя: на великие державы Болгария не может рассчитывать; если отмахнуться от даваемых советов, Болгарию постигнет катастрофа⁶¹.

19 сентября, после объявления союзниками мобилизации, М. Маджаров телеграфировал из Лондона: Сазонова нашел очень встревоженным; он заявил, что считает провокаторами нас, а не Турцию; на мои слова, что весь болгарский народ верит, что российский император не оставит нас в трудные минуты, Сазонов желчно заявил: сам российский император предупредил Давнева, что момент для столкновения с Турцией выбран очень неудачно, и если это не было сообщено болгарскому правительству, приходится только сожалеть.

С такой психологической нагрузкой в виде неотрегулированных отношений с Россией отправлялась Болгария в свой военный поход. Но тяжелые переживания в это время было уделом российских дипломатов – на Балканах же тогда царил эйфория. Восторг по поводу объединения славян в политическом и военном союзе выражал премьер Гешов. Выступая 27 сентября на чрезвычайной сессии Народного собрания, собравшейся для объявления в стране военного положения, Гешов с большим удовлетворением говорил о заключении Балканского союза как о соглашении четырех христианских балканских государств, называл союз «эпохальным делом» и «историческим событием», которое создаст условия для мирной «добрососедской жизни» на Балканах⁶².

Наконец, 30 сентября 1912 г. Стамбулу от имени союзников были направлены ноты с требованием проведения, согласно ст. 23 Берлинского трактата, коренных реформ для христианского населения посредством смешанной европейской комиссии с участием в ней представителей балканских государств. Вместо ответа турки объявили маневры 100-тысячной армии в районе Адрианополя. А 5/18 октября 1912 г. Фердинанд, имея уже санкцию парламента, объявил Турции войну. В «Манифесте к болгарскому народу» целью войны царь назвал «возвращение человеческих прав христианскому населению Турции».

Этот документ примечателен во многих отношениях. Во-первых, упоминаниями в нем «великой христианской освободительницы» и Царя-освободителя затевавшаяся война Болгарии против Турции как бы освящалась именем России, хотя именно Россия выступала в то время за сохранение статус-кво на Балканах. Во-вторых, поводом к войне Фердинанд называл не что-нибудь, а именно резню в Штипе и Кочани: «Анархия в Турции угрожает и нашей государственной жизни, – говорилось в документе. – После резни в Штипе и Кочани турецкое правительство вместо того, чтобы дать страдальцам удовлетворение и правду, чего мы потребовали, заявило о мобилизации вооруженных сил. Так было поставлено на испытание наше долготерпение»⁶³.

Явилась ли эта завуалированная ложь во благо? Но факт остается фактом: именно благодаря спровоцированным руководством ВМОРО во главе с Т. Александровым и А. Протогеровым турецким погромам в Штипе и Кочани, их смелости и находчивости, был, наконец, «найден повод для объявления Балканской войны»⁶⁴.

Как известно, первые недели войны принесли балканским союзникам большие победы, вызвавшие едва ли не переполох в Европе. И конечно, огромную радость и удовлетворение всех тех, кто не слушал остерегающих советов. Понятны торжествующие нотки в письме Стефана Бобчева – человека интеллигентного и уравновешенного, Маджарову. В качестве болгарского посланника он писал из Петербурга 20 ноября 1912 г.: «Похвалюсь, что за недолгое время, как я здесь (примерно пять недель. – Р. Г.), смог увидеть большие перемены в отношении к нашим делам. И знаешь, кто сотворил это чудо? Болгарский великий страстотерпец и мученик – солдат. Каждая победа, каждый шаг вперед болгарского солдата создавали новые аргументы в нашу пользу. И эти аргументы обращали в нашу сторону самых ретивых. Дело дошло до того, что тут не только не нужна пропаганда, но нужно тормозить стремительное сочувствие к нам: даже Сазонов, даже он, который, помнишь, метал гром и молнии два с половиной месяца назад в Лондоне, – теперь здесь совсем другой. И с тех пор, как мы победители, его нельзя узнать. О, sic transit! Как было бы интересно вам с ним встретиться и поговорить... теперь»⁶⁵.

И что же Сазонов?

* * *

3. Из имеющихся в историографии характеристик политики России на Балканах в начале XX века наиболее обобщенной является данная ей В. К. Волковым. Он считал, что правильнее всего ее рассматривать в рамках блоковой политики держав Антанты. Говоря конкретно о создании Балканского союза, Волков подчеркивал: «замысел российской дипломатии, равно как и дипломатии других держав Антанты – Франции и Великобритании, заключался в создании преграды австро-германскому проникновению на Балканы»⁶⁶.

Конкретные исследовательские подходы позволяют акцентировать внимание на деталях. Важно в частности, что 1912 г. процесс формирования двух блоков еще не закончился: продолжалось «качание» России между Британией и Германией (каждая из них по мере сил стремилась притянуть Россию к себе)⁶⁷, сохранялись русско-австрийские договоренности относительно проектов реформ в Турции, соглашение России с Италией по балканским делам. Сложные международные условия весьма затрудняли разработку балканской политики России.

Единственной константой в политических настроениях европейских государств было сохранение статус-кво на Балканах. В противоположность им молодые балканские государства проявляли заинтересованность как раз в нарушении статус-кво. Эту диспозицию российская дипломатия распознала, кажется, первой, но постаралась завуалировать ее, во всяком случае, перед союзной с нею Францией. Почему? Какую тактику избрала Россия, когда поняла, что ее стратегические планы, связанные с балканско-турецким союзом, как преградой усилению влияния Австрии в балканском регионе оказались несостоятельными?

В своих воспоминаниях Сазонов пишет об этом так: «Нам было известно через приехавшего в 1911 г* в Россию г-на Данева о настроениях, господствовавших в Болгарии и подтверждавших нас в мысли о неизбежности в ближайшем будущем новых осложнений на Балканах. Нам поэтому оставалось только постараться смягчить остроту положения тем, что мы приняли деятельное участие в сближении между собою балканских государств. Мы надеялись, что сплоченным усилиям их будет легче нести риск, связанный с борьбою, которую им предстояло неизбежно вести против младотурецкой Турции ради вскрытия македонского нарыва, а может быть, и против Австро-Венгрии, – в случае всегда возможном, – дальнейших попыток ее продвижения на Балканах»⁶⁸.

Как же Сазонов представлял себе место и роль России в этом неизбежном, по его мнению, столкновении? Продолжим цитирование: «Наше участие в заключении сербо-болгарского союза давало нам *право контроля над действиями союзников*, а, равным образом, *наложение запрета на решительные шаги союзников, не отвечающие видам русской политики* (курсив мой. – Р. Г.)».

Но разве это действительно так? Никаким правом запрета Россия на самом деле не обладала, и хотя очень желала воспрепятствовать войне, хотя Сазонов «метал гром и молнии», увещевал и грозил патронируемым славянам тяжелыми последствиями, сказать им: «Нет, нельзя, не допустим», – российская дипломатия не могла.

Очевидно, Сазонов по инерции сознания своей высокой миссии быть представителем России не вполне адекватно оценивал свои возможности и слишком большие надежды возлагал на непоколебимость авторитета России. Не случайно цитируемые, как бы оправдательные, пассажи из его воспоминаний он заканчивает словами: «Невозможно было для нас стать спиной к балканским славянам в критическую минуту их существования и отречься от обязанностей, налагаемых на нас нашим политическим первородством и всем славным прошлым России как величайшей славянской Державы»⁶⁹.

* Ошибка в тексте, следует читать: 1912 г.

Эта мифологизированная идеологическая установка определяла стандарт поведения российской дипломатии и в XX в., позволяла ее представителям в практической деятельности опираться на весьма иллюзорные представления. Отсюда и фиксируемые некоторыми современными историками типичные ошибки Сазонова. Так, Б. М. Туполев полагает, что Сазонов явно преувеличивал возможности России контролировать действия балканских союзников и предотвратить те из них, которые противоречили бы российским интересам⁷⁰. А. В. Игнатъев, дав развернутую характеристику Договору между Сербией и Болгарией, резюмирует: он лишь отчасти удовлетворял пожеланиям русской дипломатии, но при этом положительно оценивает «многократно упоминавшийся контроль России». И пишет далее: «Сазонов, пожалуй, оценивал договор с казенным оптимизмом, когда утверждал, будто Россия взяла «в руки средство влияния на обе державы», создав одновременно «гарантию против распространения влияния более сильных держав на Балканском полуострове». И дополняет: «Николай II в общем разделял оптимизм своего министра и видел единственную опасность в возможности перенесения Италией войны на Балканский полуостров»⁷¹.

Другие авторы предпочитают ограничиться мягкой неопределенностью при характеристике политики России, как это делает Е. Г. Кострикова: признав идею союза с участием Турции неудачей, она относит создание Балканского союза в составе Сербии, Болгарии, Греции и Черногории к мерам, означавшим «укрепление позиций России в регионе»; и тут же признает – «хотя ярко выраженная антитурецкая направленность союза не могла не беспокоить русскую дипломатию»⁷². Всё, как говорится, в одном флаконе, но нет, пожалуй, главного, притом, что для Костриковой проблема «Россия и Черноморские проливы» является предметом специального изучения. Да и согласиться с ее утверждением об укреплении русских позиций в регионе не представляется возможным (особенно если вспомнить, как буднично было проигнорировано балканскими союзниками в апреле 1913 г. обращение к ним российского императора с призывом прийти к согласию, прекратить разногласия).

Поверхностным кажется описание российской политики В. В. Дегоевым. Он констатирует, что надежды российского МИДа, хотевшего получить оборонительный союз против Австро-Венгрии и послушный инструмент в русских руках, не оправдались; союз быстро вышел из повиновения, а целью его стало изгнание турок из Европы и раздел оставшейся части наследства⁷³. Но, собственно говоря, в повиновении у России Балканский союз никогда не был. Неточна и общая оценка Дегоева, особенно когда он сообщает, что события 1912–1913 гг. для современников выглядели скорее обычной формой разрешения международных противоречий, «ничего непоправимого тогда не произош-

ло»⁷⁴. Нет, обе балканские «войнушки» (как этому автору хотелось бы их принизить) вовсе не были такими безобидными – подобно кулачному бою на льду Москвы-реки. Слишком много разнонаправленных интересов – и болгаро-сербско-румыно-греко-турецких, и великих держав – сплелись там в тугой комок, который взорвавшись от казалось бы случайного выстрела, привел мир к Августу 1914 г. Именно по результатам Балканских войн достраивалась система двух противостоящих военных блоков. И определяли свое место в ней Болгария, Румыния, Турция.

Наконец, два слова о позиции коллег Н. Н. Червенкова и Г. Д. Шкундина, разработавших соответствующий раздел в очерках о политической истории Болгарии в XX в. Содержание Балканского союза они описывают, утверждая, будто «острие договора направлялось против Турции, Австро-Венгрии и Румынии»⁷⁵. Оставим в стороне образ острия, одновременно направленного в три стороны. Удивительна сама эта фраза, потому что Шкундин, например, хорошо знаком с текстом Договора о создании Балканского союза и мог бы убедиться в том, что в Тайном приложении, которое, безусловно, является *главной частью* Договора между Болгарией и Сербией, вообще ни разу не упоминаются ни Австро-Венгрия, ни Румыния. Справедливым пассаж Червенкова и Шкундина можно считать только в случае, если говорить об общих потенциях Балканского союза.

Неточной представляется и оценка ими заключения Балканского союза как «несомненного успеха сербской дипломатии», которая, дескать, заставила Софию отступить «от ее прежнего принципа не допускать раздела территорий с преимущественно болгарским населением»⁷⁶. Думаю, что приведенных выше материалов достаточно, чтобы по-иному посмотреть на вопрос. К тому же, как правило, никакое соглашение невозможно без взаимных уступок партнеров по переговорам.

Но обратимся к тому, как сам министр иностранных дел России С. Д. Сазонов оценивал свою деятельность. Он писал: «Созданный при благожелательном отношении России, Балканский союз блистательно оправдал возлагавшиеся на него надежды, хотя для достижения с русской точки зрения главной и наиболее ценной его цели – *упрочения мира на Балканах*, посредством свободного развития государственной жизни каждого из членов союза, было еще далеко (курсив мой. – Р. Г.)»⁷⁷.

Помимо весьма высокой самооценки дипломата, здесь нельзя не обратить внимания на изменение в формулировании главной цели Балканского союза, который Россия первоначально предполагала использовать преимущественно в своих интересах и как заслон от Австро-Венгрии. С другой стороны, осуществилась ли новая цель, получилось ли упрочение мира на Балканах? Нет,

к сожалению, не получилось: через два-три года после окончания Балканских войн все участники Балканского союза вновь оказались на фронтах, теперь уже Мировой войны, причем часть их вошла в противостоящие коалиции, сражаясь друг против друга.

Примечания

¹ Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация / Составитель И. С. Рыбаченок. М., 2004. С. 29.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 78, 79, 80. Записка датирована 12/24 ноября 1896 г.

⁴ Там же. С. 171.

⁵ *Кесяков Б.* Принос към дипломатическата история на България. 1878–1925. Договори, конвенции, спогодби, протоколи и други съглашения и дипломатически актове с кратки обяснителни бележки. София, 1925. С. 20–21.

⁶ Там же. С. 21.

⁷ *Игнатъев А. В.* Внешняя политика России. 1907–1914 гг. Тенденции. Люди. События. М., 2000. С. 35.

⁸ Там же. С. 70.

⁹ *Волков В. К.* Балканы в системе геополитических интересов России // *Волков В. К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 316.

¹⁰ *Игнатъев А. В.* Указ. соч. С. 38.

¹¹ *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. С. 42.

¹² *Спасов Л.* Дипломатията през Балканската и Междусъюзническата война // История на българите. Том IV. Българската дипломатия от древността до наши дни / Под ред. на доц. Емил Александров. София, 2003. С. 306.

¹³ *Сазонов С. Д.* Воспоминания. Репринтное воспроизведение издания 1927 г. М., 1991. С. 60.

¹⁴ *Спасов Л.* Указ. соч. С. 306.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Игнатъев А. В.* Указ. соч. С. 107.

- ¹⁸ Писарев Ю. А. Указ. соч. С. 65.
- ¹⁹ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 58.
- ²⁰ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 60.
- ²¹ Борђевић Д. Милован Милованович. Београд, 1962. С. 164.
- ²² Гешов Ив. Евст. Балканският съюз. Спомени и документи. 2-е изд. София, 1915. С. 11.
- ²³ Там же. С. 15.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Гешов Ив. Евст. Указ. соч. С. 17.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Спасов Л. Указ. соч. С. 308.
- ²⁸ Борђевић Д. Указ. соч. С. 167.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Гешов Ив. Евст. Указ. соч. С. 22–23.
- ³¹ Илчев И. Македонският възел // Bulgarian Quarterly. Т. 1. Кн. 3. Зима. 1991. С. 77.
- ³² Гешов Ив. Евст. Указ. соч. С. 29.
- ³³ Исаева О. Н. Македония в проектах русской дипломатии (1908–1913): взгляд через столетие // България и Русия: между признателността и прагматизма. Международна научна конференция. Доклади. София, 2008. С. 256; *Она же*. Проекты решения македонского вопроса в начале XX в. // Россия и Македония: к 100-летию журнала «Вардар» (1905). Материалы международной научной конференции. 13 сентября 2005 г. М., 2008. С. 70–72.
- ³⁴ Гешов Ив. Евст. Указ. соч. С. 29.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Кесяков Б. Д. Указ. соч. С. 36–37.
- ³⁷ Там же. С. 18–19.
- ³⁸ Там же. С. 37–38.
- ³⁹ Гешов Ив. Евст. Указ. соч. С. 29.
- ⁴⁰ Теодоров Иван Т. Балканските войни (1912–1913 г.). Исторически, дипломатически и стратегически очерк. Теодор Теодоров – парламентарният лъв / Съст. Веска Николова. София, 2007. С. 47, 50–51.
- ⁴¹ Там же. С. 48–49.
- ⁴² Цит. по: Писарев Ю. А. Указ. соч. С. 19.

- ⁴³ Научен архив на БАН (далее – НА БАН). Ф. 44 к. Оп. 1. А. е. 164. Л. 13.
- ⁴⁴ Писарев Ю. А. Указ. соч. С. 94.
- ⁴⁵ Данев Ст. Мемоари. София, 1992. С. 133.
- ⁴⁶ Там же. С. 133–134.
- ⁴⁷ Там же. С. 135.
- ⁴⁸ Там же. С. 137.
- ⁴⁹ Там же. С. 138.
- ⁵⁰ Кесяков Б. Д. Указ. соч. С. 39–40.
- ⁵¹ Там же. С. 42–46.
- ⁵² НА БАН. Ф. 44к. Оп. 1. А. е. 164. Л. 16.
- ⁵³ Там же. Л. 17.
- ⁵⁴ Гришина Р. П. Лики модернизации в Болгарии. Конец XIX – начало XX в. М., 2008. С. 200–201.
- ⁵⁵ НА БАН. Ф. 44к. Оп. 1. А. е. 164. Л. 19; Теодоров Ив. Т. Указ. соч. С. 88.
- ⁵⁶ Исаева О. Н. Македония в проектах русской дипломатии. С. 256; Она же. Проекты решения македонского вопроса в начале XX века. С. 70–72.
- ⁵⁷ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 61–62.
- ⁵⁸ Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 142.
- ⁵⁹ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 74.
- ⁶⁰ НА БАН. Ф. 44к. Оп. 1. А. е. 164. Л. 20–21.
- ⁶¹ Гришина Р. П. Указ. соч. С. 203–204.
- ⁶² Кишиклова П. (составитель). Балканските войни по страниците на българския печат. 1912–1913. София. 1999. С. 6.
- ⁶³ Държавен вестник. София. 1912. № 225. 5 окт.
- ⁶⁴ Билярски Ц. Предговор // Тодор Александров. Живот легенда. София, 1991. С. 12.
- ⁶⁵ НА БАН. Ф. 44к. Оп. 1. А. е. 130. Л. 21.
- ⁶⁶ Волков В. К. Указ. соч. С. 316.
- ⁶⁷ Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 250.
- ⁶⁸ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 64.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Туполев Б. М. Балканский узел // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 65.

⁷¹ *Игнатъев А. В.* Указ. соч. С. 142.

⁷² *Кострикова Е. Г.* Русские политики, публицисты и общественные деятели о геополитических интересах России в начале XX в. // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX в. М., 2007. С. 326.

⁷³ *Дегоев В. В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. С. 419.

⁷⁴ Там же. С. 420.

⁷⁵ *Червенков Н. Н., Шкундин Г. Д.* Балканские войны // Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 35.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 84.

Е. П. Серапионова (Москва)

Окончание Первой мировой войны и подготовка Чехословакии к Парижской мирной конференции¹

В. К. Волков, несмотря на разнообразие научных интересов, являлся признанным авторитетом в области истории международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе в XX в., занимаясь преимущественно периодом между двумя мировыми войнами. Он был историком поистине широкого кругозора, неслучайно именно его я попросила быть оппонентом на защите кандидатской диссертации. И хотя по первоначальной специализации Владимир Константинович был югославистом и балканистом, но мне он вполне обособанно представлялся наиболее сведущим специалистом по теме моей кандидатской диссертации «Чехословацко-польские отношения в годы Второй мировой войны и проблема послевоенного сотрудничества (1939–1945 гг.)». По давности лет можно выдавать секреты, ибо «нет ничего тайного, что не сделалось бы явным» (тем более что главных лиц уже нет с нами). Мой научный руководитель А. Х. Клеванский отговаривал меня выбрать оппонентом Владимира Константиновича, ссылаясь на его строгость и «введливость». Но я настояла на своем, будучи искренне уверена, что получать замечания от человека знающего вовсе не так обидно, как от историка, далекого от темы. К тому же разумная критика всегда может пригодиться в будущем. В выборе оппонента я не ошиблась: он оказался строг, но справедлив. А о его человечности может свидетельствовать и такой штрих: увидев меня накануне защиты (я ждала ребенка), он извиняющимся тоном спросил: «Может быть, снять часть замечаний?». На что я, не задумываясь, ответила: «Ни в коем случае! Защита есть защита». И она прошла успешно. Было это давно – более четверти века назад, даже не верится...

С Владимиром Константиновичем мы потом не раз вместе работали, организовывали конференции, круглые столы, ездили в командировку, делали книги. Один из последних проектов, руководителем которого он являлся и который нам пришлось завершить уже без него, назывался «Восточная Европа в системе международных отношений в первой половине XX в.». С его легкой руки была продолжена серия исторических исследований «До и после Версаля». Я, как и многие коллеги по отделу, очень ценю и уважаю этого человека. Эта статья посвящается его памяти.

* * *

Провозглашение Чехословацкой республики 28 октября 1918 г. еще не означало ее фактического создания. 28–31 октября 1918 г. в Женеве состоялись переговоры между представителями чехословацкого национально-освободительного движения внутри страны и так называемого заграничного сопротивления. Делегацию пражского Национального комитета возглавил его председатель К. Крамарж, а его визави от временного чехословацкого правительства в Париже стал министр иностранных дел Э. Бенеш. От Чешско-словацкого национального комитета в Праге кроме К. Крамаржа в женевских переговорах участвовал его заместитель В. Клофач и специалисты в области народного хозяйства: главные управляющие Живностенского банка в Праге Я. Прейс и Аграрного банка К. Свобода, от Чешского союза депутатов в Женеве присутствовал председатель Ф. Станек, вице-председатель Г. Габрманн и его заместитель А. Калина. От Временного правительства чешско-словацких земель в Париже кроме Бенеша в Женеву прибыли Ш. Осуский, Л. Стримпл и И. Маркович². На переговорах стороны пришли к соглашению, что Чехословакия будет республикой, ее президентом станет Т. Г. Масарик, в то время находившийся в США³, а премьер-министром К. Крамарж. Стороны одобрили действия временного правительства Чехословакии. Распределены были и другие министерские портфели: Бенеш, согласно договоренностям, и в новом правительстве остался министром иностранных дел, М. Р. Штефаник – становился министром национальной обороны (военным министром), А. Рашин – финансов, П. Шамал – внутренних дел, А. Швегла – сельского хозяйства, В. Клофач – территориальной обороны, Ф. Соукуп – юстиции, Г. Габрманн – общественных работ. Предполагалось, что в правительство войдут еще три словацких министра М. Иванка, М. Годжа и В. Шробар⁴. Договорились, что правительство будет состоять из представителей всех политических партий, а всего в правительство войдут 14 министров, один из которых будет немец для защиты интересов чешских немцев⁵.

Женевские договоренности были очень важны, так как позволили уже в конце октября создать единое политическое представительство страны перед международным сообществом, в отличие, скажем, от Польши, где продолжали существовать разные политические центры, боровшиеся за власть.

В телеграмме, посланной Э. Бенешу в Париж 29 октября 1918 г., Т. Г. Масарик наметил конкретные шаги, которые надо было предпринять в ближайшее время. Они заключались в следующем: а) мобилизация. *Все солдаты, уроженцы наших земель, - писал он, - должны вернуться домой; б) дома наши люди организуют их в отряды; в) немецкие солдаты тоже вернутся домой; поэтому надо начать переговоры с немцами. Немцев нужно убедить принять*

новое государство как что-то вроде Швейцарии, не националистическое творение, а современное, прогрессивное, демократическое; 2) трудности со словацкими частями, которые в руках у венгерских офицеров. Словакию необходимо оккупировать, по крайней мере, частично; венгры будут яростно сопротивляться; 3) поэтому необходимо соглашение с югославянами и румынами; объединиться против венгров; 4) Вена в какой-то степени будет приветствовать поражение венгров (дословно – мадьяризма. – Е. С.); можно допустить, что немецкие солдаты не придут на помощь венграм; 5) наши армии из Франции, Италии могут быть посланы против венгров вместе с югославами; позднее в Чешскую (дословно Богемскую. – Е. С.) Словакию. Русская армия⁶ может уйти через Галицию или через Черное море, если Турция позволит. Об этом необходимо провести переговоры с правительством Ленина; 6) возможно французская армия сможет оккупировать югославскую территорию и даже войти в Богемию; 7) только уступки Вене, мы можем согласиться на договор против Прусской Германии⁷»...

После объявления независимости Чехословацкой республики не были еще определены ее государственные границы. Практически сразу же началась подготовка к мирной конференции, одной из задач которой и являлось проведение новых европейских границ. Проекты, касающиеся этих вопросов, обсуждались и выработывались на протяжении всех лет войны. Теперь же предстояло аргументировано защитить свою позицию на мировом форуме. Как известно, Чехословакии на конференции удалось отстоять почти все свои территориальные требования. Исключение составили границы с Польшей в районе Тешина, Спиша и Яворины, так называемый Бургенландский коридор⁸, с помощью которого чехословацкая сторона стремилась установить общую границу с Королевством сербов, хорватов и словенцев, а также территория лужицких сербов.

Стоит задать вопрос, чем же объяснялся успех чехословацкой делегации на конференции в Версале? Ведь вместе с Чехословакией на карте Европы появились и другие государства: была восстановлена государственность Польши, образовалось Королевство сербов, хорватов и словенцев. Однако, утверждение границ этих государств на Парижской мирной конференции проходило очень сложно, и далеко не все требования польской и югославской делегаций были реализованы, хотя Польша основывала свои претензии на историческом принципе, ссылаясь на польские границы 1772 г. (до разделов), а Королевство СХС использовало этнический принцип, претендуя на все территории, населенные югославянами.

По сравнению с этими вновь образованными странами, ЧСР имела более слабую позицию, поскольку свои аргументы она строила и на этническом,

и на историческом принципах, в чем, безусловно, заключалось противоречие. Между тем именно чехословацкой стороне удалось быстрее, легче и в большем объеме осуществить свои амбиции в отношении границ, а следовательно, и включения в состав государства территорий, населенных национальными меньшинствами. Это было тем более удивительно, что немцы, венгры и поляки, составлявшие наиболее крупные национальные меньшинства Чехословацкой республики, не просто не хотели становиться гражданами нового государства, а активно противодействовали этому⁹. Часть населения Подкарпатской Руси тоже придерживалась другой государственно-политической ориентации¹⁰.

Поэтому, чтобы ответить на вопрос о причинах успешной политики Чехословакии в Париже, необходимо более подробно остановиться на ее подготовке к конференции и учесть ряд предшествовавших конференции событий. Можно сказать, что речь пойдет о чехословацкой политике в 1918 г. и в самом начале 1919 г.

Слагаемыми успеха были, с одной стороны, дипломатия, а с другой – военные действия: не секрет, что к началу Парижской мирной конференции Чехословакия практически контролировала территорию, на которую претендовала.

Вернувшись из Женевы в Париж, Бенеш сосредоточился на решении главных задач, которые должны были обеспечить жизнеспособность нового чехословацкого государства. Надо было вернуть чехословацкие легионы, созданные во Франции и Италии, на родину, провести переговоры с Францией об отправке в Чехословакию французской военной миссии, необходимо было подумать и об обеспечении бесперебойного снабжения населения страны. Бенеш обратился к заместителю министра иностранных дел Франции Ф. Бертелло с требованием разрешить представителю Чехословакии, как признанного союзного государства, присутствовать на заседаниях Верховного военного совета, который уже с 31 октября 1918 г. начал готовить условия перемирия с Центральными державами, прежде всего с Германией и Австро-Венгрией. Реакция на обращение была положительной, и Бенеш единственный из представителей, так называемых «государств-преемников» был приглашен на заседание 4 ноября 1918 г.¹¹ В сообщениях на родину К. Крамаржу Э. Бенеш отмечал, что среди союзников имеются преданные друзья, что представители Чехословакии вызывают уважение и, как заклинание, повторял, какое важное значение в тот момент имело сохранение в стране порядка и дисциплины, отсутствие анархии и выступлений против чехословацкого государства. Только в этом случае, по его словам, удалось бы осуществить все политические требования¹².

Внешнеполитическим фоном, усиливавшим чехословацкие позиции и укреплявшим значение и авторитет страны, являлось успешное противостояние

большевикам чехословацких легионеров в России¹³, а позднее, борьба с Венгерской советской республикой¹⁴.

Чехословацкие политики презентовали молодую республику как оплот демократии в Центральной Европе, государство, способное защитить Запад от экстремальных тенденций как справа – реставрации реакционных режимов (например, Габсбургской монархии), так и слева – распространения коммунистических идей. Так, Э. Бенеш в меморандуме от 3 ноября 1918 г., адресованном союзническим правительствам, указывал, что экономическая ситуация в Вене и Будапеште весьма напряженная, запасов продовольствия хватит лишь на 8-10 дней, а поэтому угроза большевистских эксцессов чрезвычайно сильна. *«Только чехи, – писал он, – могут остановить это движение, так как уже подготовили смену всей административной власти, военного и экономического управления на своей территории, и новые органы уже функционируют, к тому же они имеют запасы продовольствия на определенный срок»*¹⁵.

При этом он предлагал и конкретные меры спасения Запада от большевизма. Во-первых, обеспечить австрийских немцев продовольствием под гарантию союзников о возмещении чехам этого запаса. Это, по его мысли, предотвратило бы и попытки воссоединения австрийских и немецких земель, что противоречило военным и политическим интересам союзников. Во-вторых, он заявил о готовности и целесообразности занять территорию Словакии для предотвращения усиления большевизма в Венгрии, откуда он мог бы распространиться на югославянские и итальянские земли и вызвать там беспорядки. К тому же Бенеш считал необходимым поддержание тесной связи между Чехией и союзниками через Триест и Прессбург (Братиславу), а, следовательно, оккупацию части венгерской территории на ее границе с Австрией с тем, чтобы разделить немцев и венгров и укрепить контакты между югославянами и чехами¹⁶.

Таким образом, непосредственная дипломатическая подготовка к конференции началась буквально через 5 дней после провозглашения независимости Чехословакии и велась очень активно. Уже на следующий день, 4 ноября Бенеш обратился к союзническим правительствам с новым меморандумом об условиях перемирия с Австро-Венгрией. В нем он предлагал немедленно отправить чехословацкие войска из Франции и Италии домой в Чехословакию, а вместе с ними направить туда часть французских или итальянских (возможно и тех и других) частей, которые заменят австро-венгерскую армию. Бенеш называл конкретные стратегические пункты, подлежащие последовательной оккупации, а именно в районах на границе с Германией и Польшей, на словацкой территории и территории Угорской Руси (ныне Закарпатской Украины). Он писал о необходимости бдительного контроля за лагерями военноплен-

ных, особенно русских, зараженных большевистской пропагандой, разоружения 200 тысячной немецкой армии на границе с Румынией и ее отправке домой через немецкую и венгерскую территорию.

Уже 9 ноября Бенешу удалось договориться с французами о возвращении на родину чехословацкой армии в сопровождении одной французской дивизии под командованием французского генерала, одновременно велись переговоры и о переброске чехословацкой дивизии из Италии¹⁷. Кроме того, Бенеш сообщал на родину, что мирные переговоры начнутся в ближайшее время и просил ускорить всестороннюю подготовку к конференции¹⁸. Именно тогда уже он сформулировал профранцузский внешнеполитический курс ЧСР, так как полагал, что именно Франция будет иметь огромное влияние на конференции и сможет помочь в осуществлении чехословацких требований. Бенеш подчеркивал также стратегически важное положение Чехословакии в самом центре Европы, что должно было, по его мысли, принести очень большие политические, дипломатические и экономические выгоды стране¹⁹.

Практическим выражением политической ориентации республики на Францию стали военные соглашения, заключенные Бенешем в 1919 г. Чехословакия напрямую подчинила свои воинские части верховному командованию союзнических армий маршала Ф. Фоша, а непосредственным результатом заключенных соглашений стало назначение генерала М. Пелле начальником Главного штаба чехословацкой армии²⁰.

В самой Чехословакии сложилась непростая ситуация. 14 ноября 1918 г. на первом заседании Революционного национального собрания была провозглашена республиканская форма чехословацкого государства, президентом избран Т. Г. Масарик и установлено правительство во главе с К. Крамаржем. Но положение в Словакии оставалось весьма сложным. 30 октября 1918 г. в Турчанском св. Мартине на заседании Словацкого национального совета (СНС) была принята декларация, в дальнейшем получившая название Мартинской. В ней содержалось требование неограниченного права самоопределения для чешско-словацкого народа «на основе полной независимости»²¹. Но осуществить это требование было не просто, так как войсковыми частями СНС не располагало, создавались лишь отряды гвардии для борьбы с венгерскими войсками, жандармами и администрацией. Революционные события конца октября в Будапеште, так называемая революция астр, привела к власти правительство М. Каройи. Из Праги Крамарж тоже направлял в Словакию т. н. «отряды безопасности», призванные обеспечить порядок, которые вытесняли венгерских четников и прежнюю администрацию. При этом нередко были вооруженные стычки. Крамарж в письме Бенешу живописал обстановку, отмечая насущную необходимость занятия словацкой территории войсками²². Венгры еще надея-

лись сохранить Словакию в составе своего государства, обещая автономию, а новый премьер Каройи отправил В. Вильсону ноту с уверениями о нежизнеспособности Венгрии без Словакии²³.

Большие сложности возникли по поводу границы в Силезии с поляками. Польша хотела присоединить к себе всю восточную Силезию, включая кошицко-богуминскую железную дорогу, Карвинский угольный бассейн. Опасаясь за Остравский район, местные чехословацкие власти заключили с поляками соглашение, которое центральное правительство в Праге не считало окончательным. Крамарж в переписке с Бенешем настаивал на том, чтобы у Чехословакии осталась восточная Силезия с ж/д веткой Кошице – Богумин, район Ратиборжска, а также на международном режиме р. Одер и статусе Щецина как «свободного порта»²⁴.

Нерешен окончательно был и вопрос чешских немцев²⁵. В середине ноября Крамарж писал Бенешу, что вопрос о Немецкой Богемии стал весьма актуальным, так как после свержения монархии в Германии немцы надеются на то, что Антанта под руководством Вильсона поддержит идею объединенной Германии, а чешские немцы уже видят себя в немецкой республике²⁶.

Кроме того, ограничен был запас продовольствия (особенно картофеля), и Крамарж просил Бенеша обеспечить поставки с Запада²⁷. Причем, обстановка только ухудшалась. В письме Крамаржа Бенешу от 24 ноября 1918 г. краски сгустились. В отношении чешских немцев он пишет: *«Немцы слаботь Антанты расценивают как победу – право самоопределения для них! Захватывают нашу южную Чехию, Крумлов, единственную фабрику по производству упаковочной бумаги – занимают северную Чехию, доставляют оружие из Вены через Баварию и Саксонию – и ведут себя со старым бесстыдством»*²⁸. Далее он продолжает: *«Пусть же наконец Антанта скажет, что не допустит Дойчбёмен, что она не воевала за то, чтобы немцы были сильнее, чем прежде и достигли с помощью победы Антанты всего, чего не могли достичь прежде. – Это была бы прекраснейшая ирония истории и прямо устрашающее доказательство, что политика не делается философскими формулами!»* Существовала опасность проведения выборов в Национальное собрания Немецкой Австрии в чехословацких районах, где проживали немцы.

В отношении Словакии он резко критикует договор Ф. д'Эспере с венграмми²⁹. О поляках он сообщает следующее: *«Также поляки нас раздражают, они беспощадные эгоисты. Использовали нашу безоружность, чтобы занять Тешин и вынудили наших людей заключить остравский пакт, которым мы передаем им в управление все, Карвин, Богумин, богуминско-карвинскую дорогу! Это ужасно! Они еще хуже, чем немцы и венгры – так как имели с нами дружеские соглашения!»*³⁰. Говоря о настроениях в стране, Крамарж обращал

внимание на то, что население начинало роптать, задаваясь вопросом, а лучше ли стало в новом государстве? Заклучая письмо, Крамарж писал: *«Вы не представляете, как нам здесь плохо! Нужна быстрая помощь. Категорическое и ясное заявление Антанты, и войско!»*³¹

Но, несмотря на все сложности обстановки, в стране всюду развернулась подготовка к предстоящей мирной конференции, которой придавалось очень большое значение. Совет министров уже на первом своем заседании 15 ноября 1918 г. поставил вопрос о подготовке к мирной конференции и принял решение о создании комиссии по созданию специального органа для подготовки переговоров. К подготовительной работе были привлечены крупные специалисты в различных областях, скажем, этнографическую секцию возглавил профессор Б. Швамбера. Советником по стратегическим вопросам Крамарж рекомендовал майора Генерального штаба, сотрудника Оперативного управления Р. Калхоуза³². Затем 29 ноября 1918 г. возник и особый орган при Совете министров по координации подготовительных работ во главе с премьер-министром, будущим главой чехословацкой делегации в Париже Карелом Крамаржем. В него были приглашены профессора Любош Нидерле, Ян Калоушек, доцент Чешского университета Виктор Дворский, ведущий статистик А. Богач, преподаватель гимназии в Забрегу на Мораве Йозеф Малирж, преподаватель реальной гимназии в Праге на Малой стране д-р Кмент Салач, учитель Ян Хоцкий, переводчики на французский и английский языки Бовей и Холлвел-Шварц. Секретарем этого органа стал сотрудник одного из отделов МИД д-р Ауэрхан³³. Всего подготовкой мирной конференции занимались 29 специалистов. В парижскую делегацию был привлечен и проф. А. Черны. Канцелярией подготовительного комитета, где числился 31 сотрудник, заведовал д-р Славик, а затем В. Чапек³⁴. Особое внимание уделялось этнографическим, экономическим и стратегическим вопросам.

Сразу после создания управления по подготовке мирной конференции полным ходом развернулась работа: изготовлялись карты, выяснялась статистика, изучались данные об австрийских и венгерских бюджетах в 1914–1915 гг. и в 1917–1918 гг. Профессор чешской брненской торговой академии Й. Валек составил промышленную карту Чехии. Подготовительный комитет решал, кто поедет в Париж, определял расходы. Согласно закону от 19 декабря 1918 г. и правительственному решению от 28 декабря 1918 г. для работы чехословацкой делегации на мирных переговорах было выделено 5, а затем 10 млн. крон³⁵. При подготовительном комитете уже в ноябре 1918 г. стали работать различные секции: финансовая, внутренней промышленной колонизации, сельскохозяйственная, государственного управления, транспортная, по рабочему вопросу.

Главной задачей чехословацкой делегации на мирной конференции являлось установление границ ЧСР и урегулирование отношений с Австрией, Германией, Венгрией, Польшей, а также, в случае присоединения Угорской (Подкарпатской) Руси³⁶, с Румынией и восточными соседями. Обоснование будущих границ готовилось с различных точек зрения – стратегических, военных, экономических, исторических, правовых³⁷.

Как уже упоминалось, в основе чехословацких требований лежал как исторический принцип (претензии на территорию Чешского королевства, несмотря на стремления судетских немцев присоединиться к Австрии, а затем вместе с ней и к Германии), так и принцип естественного права наций на самоопределение (в отношении Словакии, с X в. составлявшей неотъемлемую часть Венгерской территории). Эта двойственность позиции чехословацкой стороны затрудняла решение вопроса о границах и ослабляла чехословацкую позицию. Тем не менее, ее пытались обосновать, выдвигая соображения стратегические, экономической необходимости, естественно-природные и транспортные. 5 января 1919 г. деятельность подготовительной комиссии закончилась, а 6 января ее члены выехали в Париж для продолжения работы.

Какое-то время было неясно, двое или трое официальных представителя смогут представлять ЧСР на конференции. Первоначально планировался приезд в Париж и Т. Г. Масарика. Однако затем было принято решение, что страна будет представлена премьером и министром иностранных дел³⁸, поэтому главой делегации стал К. Крамарж, а его заместителем Э. Бенеш. В состав делегации включили советников по географическим, этнографическим, статистическим вопросам (Антонина Богача, Адольфа Черного, Виктора Дворского, Йозефа Малиржа, Любоша Нидерле, Йозефа Скултеты и др.), историческим – Яна Капраса, тешинскому – Йозефа Лукеша, лужицких сербов – Эрнста Барта, русинскому – Антона Бескида, военному – майора Генерального штаба Рудольфа Калхоуза, картографии – Ярослава Пантофличека, юридическим – Яна Крчмаржа, экономическим и финансовым – Яна Калоуска и Ярослава Прейсса, по проблемам промышленности, торговли, колониальным и флота – Игоря Грушовски, Владимира Листа, Гуго Вавречку, транспорта, почты и телеграфа, церковным – Мариана Благу, проблемам возвращения предметов художественной ценности – Вацлава Вилема Штеха, социальным – Йозефа Гудца, Рудольфа Лаубе, Йозефа Мацека. Вместе с переводчиками, писарями и другим техническим и вспомогательным персоналом делегация разрослась до 80 членов, это, не считая журналистов ведущих чехословацких газет³⁹.

К конференции специалисты подготовили 12 меморандумов, а именно: 1. Чехо-Словаки. Их история и культура; борьба и труд; роль в мире; 2. Территориальные требования Чехо-Словацкой республики; 3. Проблема немцев в Че-

хии; 4. Проблема Тепинской Силезии (во время чехословацко-польского конфликта этот меморандум был дополнен еще одним – ситуация в Силезии); 5. Словакия. Территориальные требования относительно Словакии; 6. Проблема угорских русинов; 7. Лужицкие сербы; 8. Чешская горная Силезия (район Рагиборжска); 9. Проблема территории Кладска; 10. Проблема и урегулирование чехословацко-австрийских границ; 11. Чехо-Словацкая республика и ее право на репарации (получение возмещения за военный ущерб); 12. Комиссия по интернационализации портов, водных и железнодорожных путей.

* * *

Итак, можно констатировать, что объективные обстоятельства, способствовавшие решению основной задачи ЧСР, состояли в том, что чехословацкое заграничное сопротивление в годы войны активно выступало на стороне Антанты, имея свои военные силы в России, Италии и Франции. ЧНС (Чехословацкий национальный совет) получил дипломатическое признание в качестве правительства еще до провозглашения независимости государства⁴⁰. В условиях начавшейся интервенции на территории России борьба чехословацких легионеров против большевиков в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке и достигнутые ими впечатляющие успехи также укрепили позиции чехословацкой делегации на конференции. Усиливало их и то обстоятельство, что к началу конференции ЧСР фактически установила контроль над всеми территориями, на которые претендовала. Кроме того, Бенеш был искусственным политиком, имевшим хорошие связи на Западе и понимавшем, что можно многого добиться не на официальных заседаниях, а в кулуарных переговорах. В письме Крамаржу 27 ноября 1918 г. Бенеш прямо указывал, что готовит чехословацкие предложения, чтобы к конференции вопрос о Чехословакии уже был обсужден и чехословацкая программа принята. *«Все в действительности будет подготовлено до конференции»*⁴¹, – писал он. У него еще со времен чехословацкого заграничного сопротивления сохранились очень хорошие контакты с французскими дипломатами Ф. Бертелло, П. Камбоном и Й. Ларошем. Советником американской делегации в Париже являлся еще в 1894 г. эмигрировавший в Америку Э. В. Воска, деятель чешского национального движения в США, в годы войны сотрудничавший с британской и американской разведками и хорошо знавший и В. Вильсона, и Т. Г. Масарика⁴². Поддержку общественного мнения на Западе чехословацким требованиям обеспечивал лично знакомый со многими чешскими и словацкими политиками британский журналист, сотрудник Разведывательного бюро Департамента информации Форин оффис, а затем Департамента пропаганды во вражеских

странах Р. В. Сетон-Ватсон (R. W. Seton-Watson), опубликовавший в марте-апреле 1919 г. в «Новой Европе» серию статей под псевдонимом «Рубикон»⁴³.

Чехословакия была признана воевавшим государством с так называемыми «ограниченными» интересами, а, следовательно, могла участвовать лишь в тех заседаниях, которые касались ее непосредственно. Тем не менее, чехословацкие специалисты участвовали в 1646 заседаниях 88 комиссий⁴⁴. Определяющую роль при окончательной формулировке чехословацких требований играл Э. Бенеш, который представлял и отстаивал чехословацкие требования на конференции. Но и роль К. Крамаржа на Парижской мирной конференции и в ходе ее подготовки вряд ли стоит преуменьшать⁴⁵. На конференции они занимались разными вопросами: министр иностранных дел урегулированием территориальных проблем, тогда как премьер – экономических и финансовых⁴⁶. Крамарж определял стратегию и отстаивал программу максимум. Бенеш, используя гибкую тактику, реализовывал чехословацкие стремления.

Благодаря серьезной, мощной дипломатической и военной подготовке, чехословацкая сторона добилась желаемых результатов на конференции.

Примечания

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов (направление «Глобальные и локальные войны как фактор социальных трансформаций и конфликтов)» в рамках проекта «Войны и конфликты в исторических судьбах славянских народов в XX в.: социальный аспект».

² Vznik Československa 1918. Dokumenty československé zahraniční politiky. Praha, 1994. S. 348.

³ 7 декабря 1918 г. Т. Г. Масарик приехал в Париж, а затем 21 декабря вернулся в Прагу // Korespondence T. G. Masaryk – Karel Kramář. Praha, 2005. S. 304–305.

⁴ На самом деле министерские портфели распределились несколько иначе, подробнее см.: *Olivová V. Dějiny první republiky*. Praha, 2000. S. 309.

⁵ Vznik Československa 1918. Dokumenty československé zahraniční politiky. S. 350; Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Dokumenty československé zahraniční politiky. Sv. 1 (listopad 1918 – červen 1919). Praha, 2001. S. 54.

⁶ Речь шла о чехословацких легионерах в России.

⁷ Korespondence T. G. Masaryk – Edvard Beneš 1914–1918. Praha, 2004. S. 293–294.

⁸ То есть территория между Австрией и Венгрией, вытянутая в сторону Адриатического моря.

⁹ См. об этом: *Kural V. Češi, Nemci a mnichovská křižovatka*. Praha, 2002. S. 53–62; *Campbell F. Gregory Confrontation in Central Europe. Weimar Germany and Czechoslovakia*.

Chicago and London, 1975. P. 48–62; *Bruegel J. W.* Czechoslovakia before Munich. The German minority problem and British appeasement policy Cambridge, 1973 P. 16–37; *Gawrecki D.* Polská menšina v Československu 1918–1938 // *Československo 1918–1938* Osudy demokracie ve Střední Evropě. Sv. 2. Praha, 1999. S. 620–629; *Сергионова Е. П.* Польское национальное меньшинство в Чехословакии и чехословацко-польские отношения (1918–1939) // *Studia Slavica-Polonica*. K 90-летию И. И. Костюшко. М., 2009. С. 115–131.

¹⁰ *Švorc P.* Zakliata krajina. Podkarpatská Rus 1918–1946. Prešov, 1996. S. 14–37.

¹¹ *Dejmek J., Kolář F.* Počátky československé diplomacie // *Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Dokumenty československé zahraniční politiky*. Sv. 1. S. 23.

¹² *Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Dokumenty československé zahraniční politiky*. Sv. 1. S. 57.

¹³ Вспыхнувший в мае 1918 г. мятеж чехословацких легионеров в России, недовольных задержками на пути через Дальний Восток в Европу на Западный фронт и требованиями большевиков о разоружении, вскоре перерос в крупные боевые действия против Советской власти. За несколько месяцев 50-тысячный чехословацкий корпус захватил Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток, установил контроль на железнодорожной магистрали, вошел во взаимодействие с антибольшевистскими силами на местах.

¹⁴ 21 марта 1919 г. власть в Венгрии мирным путем перешла к новому правительству из социал-демократов и коммунистов – Революционному совету, объявившему своей целью установление диктатуры пролетариата и начавшему соответствующие реформы. В июне 1919 г. венгерские войска, отражая удары вторгшихся в страну румынской и чехословацкой армий, вступили на территорию Словакии, где была провозглашена Словацкая советская республика, оказавшаяся крайне недолговечной.

¹⁵ *Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Dokumenty československé zahraniční politiky*. Sv. 1. S. 51.

¹⁶ Крайне любопытно, что в этом документе Бенеш в основном оперирует понятием чехи, Чехия, отношение к Словакии, скорее как к объекту чешской политики.

¹⁷ *Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Dokumenty československé zahraniční politiky*. Sv. 1. S. 61–62.

¹⁸ *Ibid.* S. 62.

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Quagliatová V.* Kramářova reflexe pařížské mírové konference v osobní korespondenci s T. G. Masarykem // *Karel Kramář (1860–1937) život a dílo*. Praha, 2009. S. 391.

²¹ *Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti*. Zv. I. Bratislava, 1998. S. 514.

²² *Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Dokumenty československé zahraniční politiky*. Sv. 1. S. 69, 72.

²³ *Ibid.* S. 69.

²⁴ *Ibid.* S. 70.

²⁵ 29 октября 1918 г. немецкие политики в северозападных и западных районах Чехии объявили о создании провинции «Дойчбёмэн» и присоединении к Немецкой Австрии. В последующие несколько дней образовались еще три немецких провинции

в Северной Моравии и Силезии, Южной Моравии и Южной Чехии. В декабре 1918 г. чехословацкие войска оккупировали пограничные районы. Германия накануне Парижской мирной конференции не желала осложнять отношения с Антантой и не поддерживала немецкое национальное движение в Чехословакии. Подробнее см.: *Станков Н. Н. Отто Бауэр: восемь месяцев на Бальхаусплац // Славяноведение. 1999. № 1. С. 48–59; Он же. Дипломатические отношения Веймарской республики и Чехословакии 1918–1924. Волгоград, 2007. С. 22–41.*

²⁶ Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Dokumenty československé zahraniční politiky. Sv. 1. S. 70.

²⁷ Ibid. Sv. 1. S. 70.

²⁸ Ibid. S. 77.

²⁹ 13 ноября 1918 г. в Белграде были подписаны условия перемирия союзнических войск с Венгрией, согласно которым венгерская администрация до заключения мирного договора сохранялась за исключением Хорватии на большей территории бывшего Венгерского королевства, чем не преминуло воспользоваться венгерское правительство, послав в Словакию в середине ноября военные части // Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Dokumenty československé zahraniční politiky. Sv. 1. S. 78, 80.

³⁰ Ibid. S. 78.

³¹ Ibid. S. 79.

³² Ibid. S. 70.

³³ Národní archiv. F. Prezidium Ministerské Rady. kart. 1678. inv. č. 2220.

³⁴ Ibid.

³⁵ Národní archiv. F. Prezidium Ministerské Rady. kart. 1678. inv. č. 3225/18. Позднее эта сумма была увеличена до 30 млн крон // Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Dokumenty československé zahraniční politiky. Sv. 1. S. 24.

³⁶ Закарпатская область Украины до 1918 г. входила в состав Венгрии под названием Угорская Русь, на Парижской мирной конференции была присоединена к Чехословакии под названием Подкарпатская Русь. О судьбе этой области см.: *Dokumenty o Podkarpatské Rusi. Praha, 1997; Švorc P. Zakliata krajina (Podkarpatská Rus 1918–1946) Prešov, 1996. Idem. Štatotvorné predstavy a snahy stredoeurópskych národov a realita po skončení prvej svetovej vojny (1918–1919) // Stredoeurópske národy na križovatkách novodobých dejín 1848–1918. Prešov–Bratislava–Wien, 1999. S. 161–182, Idem. Slovensko a Podkarpatská Rus na pôde Spoločnosti národov v 20. rokoch 20. storočia // Veľká politika a malé regióny 1918–1939. Prešov–Graz, 2002, Idem. Krajinská hranica. Mezi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou v medzivojnovom období (1919–1939). Prešov, 2003; Hanak Walter K. Podkarpatsko-rusínska otázka: 1918–1945. Praha, 1998; Střední Evropa a Podkarpatská Rus. Praha, 1997; Ferenčuhová B. Podkarpatská Rus v Spoločnosti národov (1925–1929) // Národnostná otázka v strednej Európe v rokoch 1848–1938. Prešov, 2005, S. 198–218, Lixmei I. Роль Т. Г. Масарика і Г. Жагковича в урегулюванні державно-правового статусу Підкарпатської Русі (1918–1919) // Stredoeurópske národy na križovatkách novodobých dejín 1848–1918. S. 300–308; Danilák M. Podkarpatská rus v politike susedných štátov (1918–1938) // Veľká politika a malé regióny 1918–1939. S. 59–83; Boldyžar M. Štatotvorné procesy na Zakarpatsku*

v mezivojnovom období (1918–1938) // *Ibid.* S. 83–93; *Harbuľová L.* Miesto karpato-ruskej otázky v zahraničnopolitických aktivitách vlády A. V. Kolčaka // *Ibid.* S. 104–120; *Ferenčuchová B.* Malý región a mezinárodná ochrana menšín: Spoločnosť národov a autonómny štát Podkarpatskej Rusi (1919–1924) // *Ibid.* S. 134–157; *Pop J.* Podkarpatská Rus. Praha, 2005; Марьина В. В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бешета и Сталина. М., 2003 и др.

³⁷ См. док. 76 и 77 в: *Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Dokumenty československé zahraniční politiky.* Sv. 1. S. 172–178.

³⁸ Великие союзные державы были представлены пятью делегатами, тогда как страны с «ограниченными интересами», коей была признана Чехословакия, имели право на два представителя // *Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Dokumenty československé zahraniční politiky.* Sv. 1. S. 25.

³⁹ *Ibid.* S. 25–26.

⁴⁰ См.: *Vznik Československa 1918. Dokumenty československé zahraniční politiky.* S. 246, 302–303, 308–309, 321, 322–323, 324–327, 328, 332.

⁴¹ *Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Dokumenty československé zahraniční politiky.* Sv. 1. S. 82.

⁴² 28 октября 1918 г. в телеграмме, адресованной Э. Бенешу в Париж, Т. Г. Масарик, находившийся в Вашингтоне, сообщал: «В Швейцарии сейчас должен быть один из наших умных людей, который встречается и ведет беседы с разными агентами... С полковником Хаусом сэром Вайсманом из Британского флота, свяжись с ним. Он хорошо знает Воску. Воска очень способный, умный, но не имеет практического политического образования... Можешь при случае поговорить с Бонзалом, он тоже знает Воску» // *Korespondence T. G. Masaryk – Edvard Beneš 1914–1918.* Praha, 2004. S. 292.

⁴³ R. W. Seton-Watson and His Relations with the Czechs and Slovaks. Documents 1906–1951. Sv. 1. Praha, 1995. S. 278–293.

⁴⁴ *Kárník Z.* České země v eře první republiky (1918–1938) Díl I. S. 114.

⁴⁵ Кроме разработки политической стратегии и дебатов по «русскому» вопросу Крамарж работал в комиссиях по чехословацкому вопросу и репарациям, был задействован в комиссии по созданию Лиги Наций и в транспортно-технической. Он активно участвовал в подготовке мирного соглашения с Германией, см.: *Šauer J.* Karel Kramář na mírové konferenci v Paříži // *Mezinárodní vztahy.* 1993. N 3. S. 89; *Сератионова Е. П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. Москва, 2006. С. 303.

⁴⁶ *Quagliatová V.* Kramářova reflexe pařížské mírové konference v osobní korespondenci s T. G. Masarykem // Karel Kramář (1860–1937) život a dílo. S. 399.

Г. Д. Шкундин (Москва)

От Салоник до Нейи: болгарские внешнеполитические концепции накануне и во время Парижской мирной конференции 1919 года

Поражение в Первой мировой войне знаменовало для Болгарии крах ее военно-политических целей вообще и великоболгарской идеи, в частности. Царь Фердинанд Саксен-Кобург-Готский и кабинет «либеральной концентрации» Васила Радославова в 1915 г. уверовали в непобедимую мощь германской военной машины и в ее окончательную победу. Накрепко пристегнув страну к германской военной колеснице, они тем самым разделили печальную судьбу своего «старшего» союзника. Для Болгарии война закончилась 29 сентября 1918 г., когда в Салониках правительственная делегация подписала перемирие. Мирный же договор с ней победители заключили спустя 14 месяцев, 27 ноября 1919 г., в парижском пригороде Нейи-сюр-Сен. Он вошел в историю как Нейиский договор, ставший одним из звеньев создаваемой Версальской международно-правовой системы.

Эти 14 месяцев были очень бурными в истории Болгарии. Они включали в себя мощное солдатское (Владайское) восстание, руководители которого безуспешно пытались провозгласить республику, отречение Фердинанда от престола, воцарение молодого монарха Бориса III. Происходила постоянная реконструкция и смена правительственных кабинетов, которые последовательно возглавляли сначала демократ Александр Малинов, затем видный член Народной партии Теодор Теодоров, и, наконец, после августовских (1919 г.) парламентских выборов, на которых победу одержал Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС), его лидер Александр Стамболийский, сформировавший 6 октября коалиционное правительство.

Все это время в стране наблюдался острейший политический, экономический и социальный кризис. Но не будет преувеличением сказать, что независимо от своих политических взглядов и пристрастий, подавляющее большинство населения Болгарии, затаив дыхание, устремило свои взгляды и надежды на Париж, где проходила мирная конференция.

За эти 14 месяцев не только болгарские правительства, но и неправительственные круги (представители политических партий, интеллигенции, прессы) выдвигали различные концепции внешней политики страны. Суть их сво-

дилась к следующему: какое место должна занять Болгария в новой Европе, и какие у нее в этом смысле были перспективы для решения болгарского национального вопроса в том виде, как его понимали софийские политики, а именно в очертаниях Сан-Стефанского договора 1878 г.? При этом необходимо иметь в виду сложные внутренние факторы формирования внешней политики. С одной стороны, крестьянское население страны, вынесшее на себе тяготы трех последовательных войн 1912–1918 гг., перестало поддаваться на националистические лозунги. Осуществлять политические спекуляции на национальных чувствах стало очень затруднительно, что признавали и сами партийные лидеры¹. С другой стороны, они не могли не учитывать, что еще только ожидавшаяся новая перекройка границ особо высветила, а точнее усугубила существовавшую со времени Балканских войн проблему беженцев из Македонии, Фракии и Добруджи, которые заполнили всю страну. Беженцы – с окончанием войны Болгарию «накрыла» их новая волна численностью 220 тыс. чел. – уже самим фактом своего существования оказывали давление на политическую элиту, которая не могла игнорировать их настоятельные требования, поскольку заботилась о сохранении собственного электората².

При отвлеченном взгляде, условия Салоникского перемирия не казались крайне неблагоприятными для Болгарии. В нем нигде не упоминалось о капитуляции. В значительной мере, поэтому болгарская историография в оценке перемирия избегает определения его как капитуляции³. На наш взгляд, сущность соглашения о перемирии заключалась именно в этом, хотя оккупация страны войсками Антанты и была осуществлена в благовидной форме. Как безоговорочную капитуляцию болгар трактовали Салоникское перемирие многие современники событий, например лидер германских социал-демократов Филипп Шейдеман, глава правительства Советской России Владимир Ленин, советник американского президента Эдвард Хауз. Утвердилась такая точка зрения и в исторической науке за пределами Болгарии⁴. Тем не менее, Малинов в первые недели после заключения Салоникского перемирия трактовал его даже как союз между Антантой и Болгарией. Такой же позиции придерживалась и болгарская делегация в Париже, возражая 19 сентября 1919 г. по сути проекта мирного договора, предъявленного победителями⁵.

Страна находилась в лагере побежденных. Но, несмотря на это, на всем протяжении процесса мирного урегулирования с Антантой большинство болгарских политиков в той или иной степени не желало отказываться от двух основополагающих принципов, которыми руководствовались все софийские правящие кабинеты и в довоенный период, и в годы войны – максимализма (воссоздания сан-стефанских границ) и одновременности объединения всех болгарских земель. Призыв Данаила Крапчева, трезво мыслящего журналиста-

та, возглавлявшего печатный орган демократов «Пряпорец», отказаться от этих пагубных принципов и быть реалистами в политике, остался гласом вопиющего в пустыне⁶. Ссылаясь на сербско-болгарский договор 1912 г., правящие круги в Софии по-прежнему выступали с требованием приобретения так называемых «спорных территорий» в Македонии, Фракии и Южной Добрудже. С этой целью коалиционный кабинет Теодорова, стоявший у власти с 28 ноября 1918 до 6 октября 1919 г., направил в страны Антанты неофициальную миссию в составе лидера Народной партии, бывшего главы правительства Ивана Гешова и опытного дипломата Димитра Цокова. Оба слыли испытанными антантофилами⁷.

Тогда еще в Софии питали иллюзии – как показал дальнейший ход событий, неоправданные – в отношении «14 пунктов» президента США Вудро Вильсона, проектов создания Лиги Наций, а также повсеместно провозглашаемого права наций на самоопределение⁸. Политические деятели всех мастей (демократы Малинов и Ляпчев, народняк Теодоров, крестьянский лидер Стамболийский и даже идеолог обанкротившейся либеральной коалиции Димо Кьорчев) стремились свалить на царя Фердинанда всю вину за присоединение Болгарии к Четверному союзу.

Так, глава болгарской делегации в Париже Теодоров заявил перед конференцией 19 сентября 1919 г.: «Политика царя Фердинанда и кабинета Радославова была актом насилия над волей болгарского народа». По его словам, не оправдывало большинство болгар и военно-политического союза с Германией. Все это Теодоров объяснял тем, что болгары – «молодая нация», которой, дескать, трудно было разобраться в возложенной на нее историей задаче. Его – да и не только его – логика сводилась к следующему: поскольку главный виновник двух «национальных катастроф» (1913 и 1918 гг.) царь Фердинанд уже устранен с политической авансцены, то из-за его «вероломства» и «германофильства» нельзя вторично наказывать болгарский народ, и без того расчлененный Бухарестским договором 1913 г.⁹

Но версальские миротворцы прекрасно понимали всю «подноготную» болгарской тактики. Так, член британской делегации в Париже Гарольд Никольсон отмечал: «Они (т. е. болгары. – Г. Ш.) стали на сторону наших врагов из чисто эгоистических целей. Их ожидания были обмануты, и они старались впоследствии обвинить царя Фердинанда в том, что фактически считалось движением национального эгоизма»¹⁰.

Все сменявшие друг друга кабинеты стремились заручиться доверием победившей Антанты, близоруко надеясь на ее «снисходительность». Народняк Михаил Маджаров, получивший в коалиционном кабинете Стамболийского портфель министра иностранных дел, писал в органе своей партии газете

«Мир» 4 апреля 1919 г.: «Сегодня главная задача болгарского правительства и болгарского народа – завоевать полное доверие великих держав Антанты... Было бы новым безумием, более страшным, чем в 1913 и 1915 гг., отдаться русскому большевизму или германскому восстановлению»¹¹.

Одновременно в обход великих держав Теодоров – настойчиво, но безрезультатно – искал пути для прямого контакта с основным и наиболее ожесточенным противником – только что созданным Королевством сербов, хорватов и словенцев (КСХС). В болгарских политических кругах оживленно дебатировался вопрос о «югославянской общности», об отношении к идее южнославянской федерации и возможному вхождению Болгарии в нее. Разброс мнений здесь был очень широким – от полного отрицания этой идеи до ее бесосновательной идеализации.

Так, Кьорчев, написавший в апреле 1919 г. брошюру о Югославии, в одной из свои речей призывал: «Забудьте о Югославии, забудьте о примирении, об этих сказках и старых взглядах на славянскую солидарность»¹². В то же время его политический антипод Стамболийский даже после подписания Нейиского договора, прощаясь с жителями Цариброда, отторгаемого от Болгарии и присоединяемого к КСХС, оптимистично заявлял им: «Не скорбите о нашем разделении и знайте, что мы не будем стараться оторвать вас от Югославии, а сами будем стремиться прийти к вам»¹³. Промежуточную позицию занимали демократы. «Пряпорец», призывая сербов добровольно вернуть Македонию «ее законным собственникам» – болгарам, категорично заявлял 9 января 1919 г.: «Югославия может существовать. Но никакой Балканский союз или Югославия, включающая в себя и Болгарию, немислимы до тех пор, пока прочно и справедливо не будет урегулирован национальный вопрос на Балканах»¹⁴.

Интерес исследователей, без сомнения, вызовут недостаточно изученные пока документы о тайных переговорах, которые велись с декабря 1918 по октябрь 1919 г. через болгарские дипломатические миссии в Гааге и Вене с д-ром Иво Франком, лидером хорватской «Чистой партии права». Речь шла о создании югославянского союза с участием Болгарии. Публично же близкий к правительству «Пряпорец» опровергал всякие слухи о любых переговорах, предметом которых могло быть эвентуальное вхождение Болгарии в КСХС¹⁵.

В эти же месяцы лидеры так называемых «левых» партий развивали применительно к своей внешнеполитической концепции и идею балканской федерации. Она была зафиксирована в вышедшей в апреле 1919 г. брошюре Стамболийского «Принципы БЗНС» и одобрена в июне XV съездом союза в качестве главной программной внешнеполитической цели. В решении съезда отмечалось, что такая федерация должна формироваться при строгом со-

блюденнии «великого принципа самоопределения населения»¹⁶. Последовательными сторонниками создания балканской конфедерации на добровольных началах также позиционировали себя так называемые «широкие» социалисты и члены немногочисленной радикально-демократической партии¹⁷.

Оживились в Софии и славянофильские настроения. Теодоров и Стамболийский рассчитывали на доступность другого только что созданного государства – чехословацкого. Добиваясь его помощи, они часто ссылались на славянское происхождение болгар, идею славянской взаимности и общие интересы славянства. Уже на третий день своего премьерства, 30 ноября 1918 г., Теодоров в разговоре с чехословацким журналистом Владимиром Сисом, близким к тогдашнему премьеру ЧСР Карелу Крамаржу, заявил, что «обратится напрямую к чешскому народу с просьбой взять на себя роль судьи в сербско-болгарском споре, сблизить два народа и сделать возможным вхождение Болгарии в общую славянскую федерацию»¹⁸.

Такую позицию Теодорова в отношении ЧСР разделял и Стамболийский. 15 мая 1919 г. чехословацкий представитель в Софии Рудольф Кюнцль-Изерский сообщил в Прагу, что его посетил лидер БЗНС, который заявил, что «болгары были бы очень довольны, если бы Чехословакия стала «арбитром» при рассмотрении всех международных вопросов, относящихся к Болгарии, и главным образом, во время Парижской конференции»¹⁹.

Теодоров не ограничился общими фразами о взаимодействии с ЧСР, а предпринял ряд конкретных шагов для того, чтобы обеспечить содействие ее президента Томаша Масарика, благосклонного к болгарам и весьма популярного в руководстве антантовской коалиции. В начале 1919 г. в Прагу был направлен известный ученый профессор Александр Балабанов, который 25 января был принят Масариком. «В нынешние трудные времена, – доносил Балабанов в Софию, – лишь чехи стараются найти способ, с помощью которого можно было бы облегчить судьбу Болгарии». Балабанов подготовил различного рода материалы для чехословацких руководителей, в которых призывал к «общеславянской солидарности» в отстаивании прав Болгарии на Македонию, на обеспечение выхода к Эгейскому морю и по другим вопросам. Такой характер имеют, например, «Памятная записка президенту республики», листовка «Эгейское море – славянам!» и «Заметка министру В. Клофачу»²⁰.

В мае в Прагу поехали известный ученый, член народной партии Стефан Бобчев и бывший глава правительства, шеф прогрессистов Стоян Данев с целью обсудить варианты возможного «присоединения» Болгарии к КСХС. Но в Софии сильно переоценивали возможности Масарика повлиять на решения парижских миротворцев. В то же время такие действия болгарской дипломатии вызвали недовольство в Риме, куда просочились слухи о симпатиях болгар-

ской стороны к идее «югославянской общности». Это был неблагоприятный сигнал, поскольку по своим мотивам (главным образом, из-за обостренных отношений с Грецией и КСХС) итальянцы могли бы способствовать смягчению условий мирного договора с Болгарией. В первой половине 1919 г. в Италии появлялись различные проекты, которые исходили из посылки, что Болгарию не следует слишком ослаблять, а наоборот, необходимо дать ей возможность увеличиться до Охрида, при условии одновременного создания албанского государства под итальянским протекторатом²¹.

На всем протяжении рассматриваемого периода болгарские политические партии, заявляя о своих действительных или мнимых «заслугах» перед Антантой, осуществляли ожесточенные нападки друг на друга, обвиняя своих противников в том, что якобы именно они своими действиями в годы войны препятствовали проведению антантофильской политики и тем самым способствовали поражению страны. В результате у руководителей стран Антанты в Версале волей-неволей складывалось впечатление, что все болгарские политики «одним миром мазаны», ни один из них не является безоговорочным сторонником Антанты и не заслуживает доверия.

Отдельно следует сказать о несбыточных надеждах, которые кабинет Теодорова возлагал на американскую дипломатию. Как известно, в конце сентября 1918 г. США, которые не находились в состоянии войны с Болгарией, помогли ей выйти из мирового конфликта, пытаясь стать посредником между нею и странами Антанты при заключении Салоникского перемирия²². Не только правительство, но и широкие круги болгарской общественности полагали, что, хотя внешнеполитическую программу Вильсона и не удалось применить к Болгарии при заключении перемирия, но она должна послужить основой при подготовке мирных договоров. Особенно их вдохновляли «4 принципа», изложенные американским президентом в выступлении перед Конгрессом 11 февраля 1918 г. Он призывал к отказу от «аннексий, контрибуций и карательных компенсаций». С точки зрения национального самоопределения это означало, что «народы не должны передаваться от одного суверена к другому решением международной конференции или соглашением между соперничающими сторонами». Поэтому все территориальные вопросы надлежало решать лишь с учетом интересов населения. Тогда же Вильсон пообещал, что «все обоснованные национальные стремления получают самое полное удовлетворение, какое только возможно им дать без порождения новых или разжигания старых очагов разногласий и вражды»²³.

На основании этих заверений группа болгарских общественных и культурных деятелей, не связанных с политическими партиями, составила меморандум и направила его Вильсону через американского генерального консула

в Софии Доминика Мэрфи. Теодоров же в письме от 5 декабря 1918 г. к болгарскому посланнику в Вашингтоне Стефану Панаретову поручил ему «проследить получение меморандума и сделать все возможное для привлечения общественного мнения в стране в пользу Болгарии»²⁴.

Почему же в Софии надеялись найти понимание и получить поддержку со стороны США при подготовке мирного договора? Парадоксально, но, скорее всего, болгарская политическая и интеллектуальная элита, хотя и симпатизировала внешнеполитической философии Вильсона, однако, привыкнув десятилетиями лавировать между «китами» мировой политики, в своих рассуждениях исходила из посылки, более характерной для империалистической дипломатии с присущей ей ключевой категорией «раздела мира на сферы влияния». После окончания мировой бойни эту дипломатию повсеместно было модно изобличать, но от этого она не прекратила свое существование, хотя и прикрывалась теперь маской стыдливости.

Болгары полагали, что прагматичные американцы вступили в войну, стремясь укрепить свое экономическое и политическое влияние на европейском континенте, в том числе в его юго-восточной части. А здесь к концу 1918 г. с клиентелой великих держав все более или менее уже определилось: Франция упрочила свои позиции в Сербии и Румынии, британцы сделали ставку на Грецию. Только судьба побежденной Турции еще не была решена. Но в Софии могли полагать, что для США не оставалось ничего другого, кроме поддержки Болгарии для того, чтобы через нее осуществить на Балканах собственные империалистические устремления. Возможно, такая логика имела под собой основания, поскольку, как выяснилось позднее, госсекретарь США Роберт Лансинг еще 21 сентября 1918 г. предложил Вильсону идею создания из Стамбула и черноморских проливов некоего «международного протектората»²⁵. Если бы такое государство под международным (или, что было бы для США желательнее – их собственным) контролем было создано, то, на западе оно бы граничило, скорее всего, с Болгарией.

В развитие своих надежд Теодоров 12 января 1919 г. направил Лансингу меморандум о болгарском национальном вопросе. Из этого документа следует, что в Софии все еще не «излечились» от максимализма и недалекости, совершенно не отдавая себе отчет в определении статуса Болгарии и в истинном положении дел на международной арене. Меморандум содержал претензии болгар на Нишскую область в долине реки Моравы, на Северную Добруджу и на Восточную Фракию до линии Мидье – Родосто с Галлипольским полуостровом²⁶. Такие «аппетиты» доморожденных софийских талеяранов свидетельствовали о полном отсутствии у них реализма. Ведь эти химеры намного превосходили не только желанный сан-стефанский идеал, но даже

и границы, зафиксированные после окончания 1-й Балканской войны в Лондонском договоре 1913 г.

Двенадцатый пункт данного меморандума отражал притязания болгар на Македонию. «Самым правильным решением македонского вопроса на основе провозглашенных президентом Вильсоном принципов, – говорилось в документе, – было бы присоединение этой страны к Болгарии. Если же присоединение к Болгарии невозможно, то лучше всего дать ей автономию под гарантией Лиги наций и под контролем какой-либо нейтральной державы или, лучше всего, Америки. Спустя некоторое время можно будет провести плебисцит, чтобы узнать волю населения»²⁷. Однако это предложение Теодорова американскому правительству уже опоздало, поскольку к началу конференции в Вашингтоне отказались от идеи создания автономной Македонии²⁸.

По мере того, как в ходе мирной конференции иллюзии в отношении американской поддержки постепенно рассеивались, у болгарских политиков все более возникал соблазн воспользоваться испытанным дипломатическим инструментарием и сыграть на противоречиях между победителями. Они пристально следили за ходом подготовки мирного договора с побежденной Германией и в этом смысле приобрели некоторую надежду. Так, еще до получения проекта договора, 21 апреля 1919 г., германское правительство уведомило конференцию о своем отказе немедленно подписать договор и намерении передать этот проект в Веймар, где он будет обсужден Учредительным собранием. Затем должен был состояться плебисцит для того, чтобы увидеть, одобряет ли германский народ условия мира.

В этой задержке болгары усмотрели выгоды для себя. «Пряпорец» так отреагировал на данное известие: «Нам незачем тревожиться из-за создавшегося положения. Или Парижская конференция будет руководствоваться спасительными принципами президента Вильсона – и тогда она не может не признать наши права; или же она будет придерживаться старых методов – и тогда, естественно, признает права некоторых из своих бывших противников для того, чтобы их разъединить и разделить окончательно и безвозвратно. В обоих случаях болгарское дело останется в выигрыше. ... Нам кажется, что фактический отказ Германии подписать сразу же мирный договор ускорит вызов наших делегатов в Париж». Газета напоминала, что в подобных случаях, когда мирные переговоры затягивались, «старая дипломатия спешила заключить мир, по крайней мере, с одним из противников. Ныне Болгария является таким противником, удовлетворить которого можно легче всего и справедливее всего»²⁹.

Однако вызова от миротворцев в Софии пришлось ждать еще почти три месяца. Лишь 26 июля болгарская делегация прибыла в Париж. К этому времени Версальский мир с Германией был подписан. Конечно, текст договора

и сама процедура его подписания, унижительные для Германии, вряд ли могли приободрить болгар. Но они не могли не заметить и того, что, предъявляя свои возражения и встречные предложения, а также используя противоречия между победителями, немцы сумели добиться важного изменения в тексте договора, которое касалось Верхней Силезии. По первоначальному проекту она должна была отойти к Польше безусловно, а по проекту измененному – лишь на основании плебисцита. Версальский договор предусматривал проведение плебисцитов и в ряде других пограничных областей, спорных между Германией и ее соседями.

Предчувствуя, что их тоже ждет мир-диктат, болгары теперь решили требовать проведения плебисцитов на спорных территориях – во Фракии и Македонии. В своей речи 19 сентября Теодоров заявил: «Законные границы Болгарии установлены наиболее прочным образом историей, этнографией и международными актами. Но коль скоро они оспариваются, пусть соответствующие части населения будут призваны сами высказаться о своем будущем. Мы склонимся перед их вотумом без упреков и без огорчения»³⁰. Это была та соломинка, ухватившись за которую болгары стремились удержать хоть что-нибудь из территорий, составлявших сан-стефанский идеал.

Однако данным надеждам не суждено было сбыться. Проект договора «ректифицировал» границу между КСХС и Болгарией и спустил ее с водораздельных горных хребтов на равнины. Таким образом, все стратегические пункты, а вместе с ними несколько сел в Кульской околии, Цариброд и Босилеград с окрестностями, а также Струмица в Македонии переходили к КСХС. Статья 48 проекта договора заставляла Болгарию отказаться от всех своих прав и правооснований на территории Фракии в пользу победителей и обязывала ее заранее признать все их будущие постановления относительно Фракии. Болгаро-румынская граница в Добрудже оставалась такой же, какой ее установил Бухарестский договор 1913 г.

Официальный ответ болгарской делегации от 24 октября с возражениями по поводу проекта договора просил конференцию положить в основу разграничения между Болгарией и ее соседями не произвольно толкуемые стратегические мотивы, а только этнические, поскольку сами победители делали акцент на них при получении территорий. Но для миротворцев вопрос о договоре с Болгарией был решен еще 19 сентября при вручении проекта, и теперь им надо было лишь исполнить неприятную обязанность соблюдения процедуры. Конференция в лице своего председателя, французского премьер-министра Жоржа Клемансо осталась непреклонной³¹.

Победители вели себя настолько бесцеремонно, что оккупировали Западную Фракию с 15 по 22 октября 1919 г., то есть еще до подписания мирного

договора с Болгарией и даже до получения ее официальных возражений на проект этого договора. Затем Антанта потребовала очистить Струмицу. Все это само по себе являлось нарушением международного права.

Теодоров безответно и безрезультатно протестовал. Его особое возмущение вызвал тот факт, что город Ксанти оккупировали греческие войска. В письме от 27 октября, адресованном в Софию Маджарову, Теодоров изливал душу: «Поведение Верховного Совета (Антанты. – Г. Ш.) по поводу нашего ухода из Фракии и Струмицы просто возмутительно. Эти люди не только попрали свои письменные обязательства, принятые по (Салоникскому. – Г. Ш.) перемирию, не только приступили к исполнению проекта договора еще до завершения переговоров, но и нарушили ст. 48 проекта договора, которая дает известную часть Фракии великим державам, но не Греции». Теодоров предпринимал отчаянные попытки спасти хоть что-нибудь, пытаясь воспрепятствовать продвижению греческих войск по железной дороге из Ксанти в Комотины. «Мы здесь думаем, – писал он Маджарову, – что, если наши войска не отойдут дальше границы, предоставленной Греции в Ксанти, то никакие принудительные меры против нас не будут предприняты»³². Но увы! Конференция отвергла подавляющее большинство возражений болгарской делегации, хотя рго foгпа и признала их значимость устами Клемансо.

Осенью 1919 г. напряженно следила за драматическим ходом мирного урегулирования и болгарская внепартийная печать. С 16 июня в Софии издавалась газета «Напред» («Вперед!»). Она позиционировала себя в качестве «независимой газеты о политике и литературе» и была связана с именем известного писателя Стояна Михайловского. В сентябре в одном из писем, характеризую направленность данного издания, Михайловский указывал: «Газета «Напред» поставила – как первый параграф в своей программе – приоритет болгарских национальных интересов, то есть возвышение болгаризма над всеми началами, устремлениями и целями»³³. Этот печатный орган горячо защищал болгарские интересы во время Парижской конференции.

Особо отметим опубликованную в трех октябрьских номерах газеты статью Михайловского под названием «Что бы я говорил в Париже, если бы меня направили туда как болгарского делегата?». Статья представляла собой атаку против соседних балканских государств, обвиняемых в том, что они подняли «большой шум по поводу опасности усиливающегося болгаризма». Автор защищал право на этническое единство болгар, называя Македонию «болгарским Эльзасом», Добруджу – «болгарской Лотарингией», резко выступал против предполагаемого мирного договора, называя его «миром ожесточения и озлобления», «миром смуты». Он отмечал, что «14 пунктов» Вильсона остались лишь «исторической мечтой». Хотя и нестройная, эта произ-

несенная речь Михайловского была попыткой протеста против новой перекройки балканских границ³⁴.

В той же газете сотрудничал выдающийся болгарский писатель Иван Вазов. В номере за 21 октября помещена его статья «Картинки из сегодняшней действительности». Вазов сравнивал положение Болгарии в 1919 г. с той уничижительной ситуацией, в которой оказалась Франция в 1870–1871 гг., после поражения во франко-прусской войне. Он пишет с болью, что никогда уже в Болгарии не будет звучать крылатая «Марсельеза»: «Мы воспитывались на французской литературе, наравне с русской. Увы! Завоевания французского гения, совершенные в наших душах, уничтожает французская дипломатия. Навсегда или временно?» – вопрошал писатель³⁵.

Михайловский и многие его современники (например, генералы Никола Жеков и Иван Луков, лидер одной из фракций в народно-либеральной партии Добри Петков и др.) полагали, что самоуничжительная тактика, которую избрали в Версале Теодоров и Стамболийский, только ухудшила дело. Жеков, например, с горечью писал: «Мы сами попрали достоинство своего народа и не только не облегчили свое положение, а напротив – упали в глазах всех до того, что нас сочли заслужившими свою участь. Так уничижительно не вел себя никакой другой побежденный народ»³⁶.

Действительно, общий тон речи Теодорова в Версале 19 сентября 1919 г., в которой он робко протестовал против предложенного победителями проекта мирного договора, был покаянным. Сам глава делегации был неузнаваем. Болгарский «Тигр», неоднократно громовыми речами вызывавший бурю в парламенте, рядом с французским «Тигром» Клемансо выглядел жалким котенком. Однако история реабилитировала шефа народняков. Большинство современных историков сходятся во мнении, что альтернативы у Теодорова и Стамболийского просто не имелось³⁷. В условиях, когда после поражения в войне потеряли перспективу все «фильства» болгарской внешней политики, когда одни кумиры (Австро-Венгрия) были повергнуты и исчезли с карты Европы, другие (Германия и Россия) находились в состоянии внутренних потрясений, а для третьих (Великобритания и Франция) побежденная Болгария уже не представляла геополитической ценности ни в балканском, ни в общеевропейском контексте, все выдвигаемые болгарами внешнеполитические концепции бились в прокрустовом ложе безальтернативности.

Болгария оказалась единственной из побежденных стран, в которой виновников вовлечения страны в войну «не на той стороне» и последующего поражения предали суду. Арест 4 ноября членов кабинета Радославова и принятие Народным собранием закона о суде над ними 22 ноября 1919 г., то есть за считанные дни до подписания мирного договора, стали проявлением отча-

янной – и увы! не оправдавшейся – надежды на возможность в последний момент «подправить» его, смягчив и разжалобив победителей³⁸. Как видим, драматизм ситуации на порядок превысил пределы, допустимые для каждой побежденной в войне страны.

В Версальской системе международных отношений Болгарии, потерявшей 10 процентов своей довоенной территории, обремененной репарационными платежами и военными ограничениями, была уготовлена роль страны с ограниченным суверенитетом. Как показали дебаты в Народном собрании – болгарском парламенте – в ноябре 1919 г., политические деятели всех мастей это осознали, но, тем не менее, были едины в признании необходимости подписания мирного договора. Но никто не хотел взвалить на себя малоприятную обязанность. Теодоров категорически отказался поставить свою подпись под документом, мотивируя это тем, что с 6 октября более не является главой кабинета. Тогда все взоры устремились на его преемника Стамболийского, рукой которого 27 ноября в Нейи-сюр-Сен расписалась вся Болгария. Альтернативой могло стать лишь продолжение войны, а ее тогда никто в стране не желал.

Подписав мирный договор в здании нейнской мэрии в обстановке гнетущего молчания, Стамболийский в знак протеста демонстративно отбросил перо в сторону³⁹. Впоследствии среди его сторонников родилась красивая легенда, будто премьер не отбросил, а сломал золотое перо. Но сбросить, а тем более сломать оковы Нейнского мира Болгарии и ее правительству во главе с лидером БЗНС оказалось гораздо труднее...

Примечания

¹ См., например: *Малинов А.* Под знака на острастени и опасни политически борби. София, 1934. С. 9; Речь на д-р Н. Геннадиев, произнесена на 29.02.1920 г. в Салона на Градското казино. София, 1920. С. 46.

² По данным, имеющимся на начало 1924 г., численность беженцев составила более 5% населения страны. См.: *Костев Т.* Политика на правителството на Българския земеделски народен съюз по бежанския въпрос (1919–1923) // Политически партии, организации и управления в България. 1879–1944 гг. София. 1983. С. 63.

³ См. например: *Марков Г.* Голямата война и българската стража между Средна Европа и Ориента 1916–1919 г. София, 2006. С. 322–326.

⁴ См. подробно: Болгария в XX веке: Очерки политической истории. М., 2003. С. 87–93.

⁵ Архив на Македонија. Ф. 017. Министерство за надворешни работи Кралство Србија. Фасц. 16. Пов. бр. 4387; Българската делегация за мира. Документи по договора в Ньой. София, 1919. С. 126.

- ⁶ Пряпорец. 1919. 16 юни.
- ⁷ *Todorović D.* Jugoslavija i Balkanske države 1918–1923. Beograd, 1979. S. 19.
- ⁸ *Todorov K.* Изноветга на една луда балканска глава. София, 1994. С. 150–151.
- ⁹ Мир в Нейи. М., 1926. С. V. Эта же мысль проводится в известных письмах Стамболийского председателю мирной конференции Ж. Клемансо и руководителю делегации КСХС Н. Пашичу от 22 ноября 1919 г. См.: Александръ Стамболийски. Личност и идеи. По документи, събрани и подредени от Никола Д. Петков. Варна, 1991. С. 40, 44.
- ¹⁰ *Никольсон Г.* Как делался мир в 1919 году. М., 1945. С. 47.
- ¹¹ Мир. 1919. 4 апр.
- ¹² *Кьорчев Д.* Време на надежди и катастрофи (1905–1919). София, 1994. С. 59; *Попов Ж.* Народнолибералната (стамболовистката) партия в България. 1903–1920. София, 1986. С. 188.
- ¹³ *Орманджиев И.* Федерацията на балканските народи: Идеи и пречки. София, 1947. С. 123.
- ¹⁴ Пряпорец. 1919. 9 ян.
- ¹⁵ Централен държавен архив – София (ЦДА). Ф. 176. Оп. 3. А. е. 1379; Пряпорец. 1919. 12, 13, 15 март; *Христов Х.* България, Балканите и мирът 1919 г. София, 1984. С. 68–69.
- ¹⁶ *Петрова Д.* Самостоятелното управление на БЗНС. 1920–1923. София, 1988. С. 24.
- ¹⁷ Народни права. 1918. 11 ноем.; *Стефанов Х.* Българската радикална партия. 1906–1949. София, 1984. С. 177.
- ¹⁸ Чехословашки извори за българската история. София, 1985. Т. I. С. 17.
- ¹⁹ *Аморт Ч.* Чехословашката общественост и правителството на Александръ Стамболийски // Ал. Стамболийски: Живот, дело, завети. София, 1980. С. 475.
- ²⁰ Чехословашки извори... С. 19–26; *Христов Х.* Указ. соч. С. 67–68. См. подробно: *Балабанов А.* Й аз на тоя свят: Спомени от разни времена. София, 1985. С. 333–335, 337, 338, 341.
- ²¹ *Христов Х.* Указ. соч. С. 57; *Guida F.* La politica italiana nei confronti della Bulgaria dopo la Prima guerra mondiale // Etudes balkaniques. 1983. № 1. P. 49–50.
- ²² См. подробно: *Божинов В.* Об отношениях между Болгарией и Соединенными Штатами Америки (1918–1923) // Etudes historiques. Т. VII. София, 1975. С. 406–408; *Митев Д.* Съгласненските държави и Солунското примирие през 1918 г. // Исторически преглед. 1988. № 2. С. 4–9.
- ²³ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Supplement 1. The World War. Vol. I. P. 112. См. также: *Романов В. В.* В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). Тамбов, 2005. С. 123–124.
- ²⁴ *Божинов В.* Указ. соч. С. 409.
- ²⁵ *Lansing R.* The Peace Negotiations. A Personal Narrative. L., 1921. P. 174.

- ²⁶ *Божинев В.* Указ. соч. С. 411.
- ²⁷ Там же. С. 412.
- ²⁸ Архив полковника Хауза. Т. IV. М., 1944. С. 156; *Никольсон Г.* Указ. соч. С. 180–181; *Андонов-Полжански Х.* Велика Британија и македонското прашање на Париската мировна конференција во 1919 година. Скопје, 1973. С. 77–79.
- ²⁹ Пряпорец. 1919. 23 апр.
- ³⁰ Мир в Нейи. С. VI.
- ³¹ *Генов Г. П.* Ньойският договор и България. София, 2000. С. 30–31.
- ³² Научен архив при Българската академия на науките – София (НАБАН). Ф. 44к. А. е. 366. С. 99–100.
- ³³ *Михайлов Д.* Писма на Стоян Михайловски // Литературна мисъл. 1988. № 2. С. 129.
- ³⁴ Напред. 1919. 18, 23, 31 окт.
- ³⁵ Там же. 21 окт.
- ³⁶ *Жеков Н.* Политическия живот на България и войнството. София, 1924. С. 26–27. См. также: *Петков Д.* Критически бележки върху брошурата на г-н Н. Жеков. София, 1924. С. 33–34; Дневникът на Михаил Сарафов за сключването на мирния договор в Ньойи през 1919 г. // Известия на Института за българска история. София, 1951. Т. 3/4. С. 352; *Генов П.* Земята беше твоят жребий. Книга за Стамболийски. София, 1989. С. 219.
- ³⁷ *Василев В.* Към 80-годишнината на Ньойския диктат // Македонски преглед. 1999. № 4. С. 37; *Христов Х.* Указ. соч. С. 54.
- ³⁸ См. подробно: *Галунов Т.* Втората национална катастрофа. Процесът. Виновниците. Велико Търново, 1998.
- ³⁹ *Муравиев К.* Договорът за мир в Ньой. София, 1992. С. 277.

Г. Ф. Матвеев (Москва)

«Деньги в обмен на высылку». Из истории советско-польского дипломатического конфликта в 1921 года

Подписанный в марте 1921 г. в Риге мирный договор завершил необъявленную войну, которую два молодых государства – Польская Республика и РСФСР в союзе с УНР и УССР вели между собой 20 месяцев, с 13 февраля 1919 г. до 18 октября 1920 г. Рижский трактат имел особый характер. Это был не диктат победителя побежденному, а соглашение сторон, в равной мере способных продолжать войну, но не имеющих в тот момент возможности это сделать.

Польша, вынужденная в полном смысле слова строить свою государственность заново (в конце XVIII столетия Австрия, Пруссия и Россия разделили не Польшу, а Речь Посполитую, то есть государство, составленное в XVI в. из земель Короны Польской и Великого княжества Литовского). Теперь же ни литовцы, ни украинцы и даже белорусы добровольно не соглашались на общее государство с Польшей, впрочем, многие из них не хотели его и с Россией. Это обстоятельство с неизбежностью толкало Варшаву и Москву, руководствовавшиеся своими стратегическими соображениями, на занятие этих территорий силой. В связи с этим им приходилось преодолевать сопротивление не только слабых местных национальных правительств, но и друг друга. Именно на эту борьбу были потрачены долгие месяцы, многие десятки тысяч человеческих жизней и немалые финансовые средства.

Продолжать войну в условиях надвигающейся зимы (с октября 1919 по апрель 1920 г. на советско-польском фронте масштабных боевых действий не велось), на территориях, за последние годы становившихся театром военных действий, было делом весьма рискованным. К тому же Польше трудно было рассчитывать на серьезную помощь западных держав. Европейская общественность требовала скорейшего завершения всех военных действий на континенте. В Европе мало кто верил, что молодое польское государство выиграт и 19-е решающее сражение в мировой истории, как это случилось в августе 1920 г.¹ Да и в самой Польше разувверились в военном гении Ю.Пилсудского, в связи с чем летом 1920 г. сейм изъял из его исключительного ведения восточную политику страны. Не случайно польское правительство, согласившись на мирные переговоры в момент максимальных успехов Красной армии на польском направлении в августе 1920 г., не отказалось от них и после того, как ему улыбнулось военное счастье.

Не могла похвастаться хорошей кондицией и советская сторона конфликта, формально представленная тремя участниками: РСФСР, УССР и БССР. Изнуряющая Великая война, а затем не менее тяжелая гражданская распря красного Кремля со всеми его внутренними противниками, потребовали крайнего напряжения всех материальных и людских ресурсов советских республик. Вытеснив поляков за пределы Западного и Северо-Западного краев Российской империи, политбюро ЦК РКП(б) уже 19 августа 1920 г. определило в качестве главного для себя фронта врангелевский. Было решено направить на него 55% мобилизованных коммунистов, перебросить по возможности 6-ю дивизию из 1-й конной армии, а Западный фронт пополнять путем ускоренной мобилизации белорусов, то есть за счет необученных новобранцев². Сил не было, чтобы вытеснить интервентов с Дальнего Востока, поэтому пришлось пойти на повторное провозглашение Дальневосточной Республики. Помимо борьбы с более или менее регулярными белыми армиями приходилось иметь дело с бесконечными восстаниями крестьян, доведенных до крайней степени отчаяния продрозверсткой и другими прелестями военного коммунизма.

Этот вынужденный для обеих сторон характер мира отлично поняли и Г. В. Чичерин, и А. А. Иоффе, возглавивший советскую мирную делегацию после поражения Красной армии под Варшавой. 22 сентября Чичерин инструктировал А. Иоффе: «...наша мысль в том, чтобы сразу делать окончательные предложения, заявляя, что дальше уступать не будем, война или мир, их дело решать. Мы предлагаем окончательные условия, хотя, конечно, они будут очень неточны и оставят большую возможность торга при уточнении...»³. 4 декабря 1920 г. А. А. Иоффе изложил в письме Г. В. Чичерину, В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому и ответственному секретарю ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинскому свой план ведения мирных переговоров с поляками: «Перегибать палки нельзя, ибо если в Польше создается уверенность, что войны с нами не избежать и с этой мыслью примирятся, то очень трудно будет добиться уступок. Теперь как раз наступило время, когда нужно громко заявить: войны не хотим, готовы даже дать польскому народу все, что для нас посильно, но большего, чем можем дать, не дадим, даже если это привело бы к войне. Психологически мой план весь основан на уверенности, что Польша воевать не может, и если мы после подготовки и достаточного бряцания оружием в то время, как она раньше хотела получить очень много, а потом стала бояться, что вообще ничего не получит, предложим им, скажем, четверть того, на что они рассчитывали, то они почувствуют облегчение и возьмут охотно то, на что раньше не соглашались»⁴.

Несомненной заслугой Иоффе было точное соблюдения намеченного советской стороной плана превращение переговорного процесса в торг по вопросам экономическим (компенсация Польше за ее участие в хозяйственной жизни

России и за подвижной состав^{*}, за возвращение культурных ценностей), а также политическим. Территориальные вопросы, обычно наиболее важные и трудные на большинстве мирных переговоров, на этот раз были даже не второстепенными, так как советская сторона изначально соглашалась на все эвентуальные польские претензии в этой области. 30 сентября 1920 г. Чичерин инструктировал Иоффе: «Относительно границы не торгуйтесь много, и в случае противодействия поляков не бойтесь дойти до максимального предела, указанного в шифровке пленума ЦК. Это не должно задерживать переговоров. Важнее быстрота, надо поменьше торговли, можно ... сразу дойти до указанного ЦК-ом предела. Нужны приемы ясные и простые, действующие на массы. Если поляки будут сопротивляться относительно границы, перейдем без долгих проволочек к нашему последнему слову и опубликуем его как наше последнее слово»⁵.

Кстати, сознательно или нет, территориальными уступками закладывалась мина под внутреннюю сплоченность польского государства, а его экономическая мощь при этом возрастала незначительно, поскольку отдавались исключительно аграрные области⁶.

Мирный договор с Польшей, наряду с трактатами, заключенными ранее с прибалтийскими лимитрофами России, расширял возможности выхода Москвы в Европу, облегчал ее сотрудничество с Германией, единственной из великих держав, признававших в тот момент Советскую Россию де-юре.

В Польше договор менее всего устраивал начальника государства Ю. Пилсудского, главным образом потому, что ставил крест на его плане обеспечения безопасности страны на восточном направлении. Польше не удалось разъединиться с Россией, и все усилия польского главнокомандующего в этом направлении, чуть не стоившие только что возвращенному к самостоятельной жизни государству потери недавно полученного суверенитета, оказались напрасными. В Рижском договоре помимо РСФСР и Белоруссии фигурировала советская Украина, что автоматически превращало апрельский 1920 г. пакт с С.Петлюрой в простой клочок бумаги.

Реализация Рижского договора началась сразу же после его подписания. В первую очередь стороны занялись выполнением заключенного 24 февраля 1921 г. соглашения об обмене военнопленными и репатриантами, первые эшело-

^{*} Польская сторона была крайне заинтересована в получении от России этой компенсации. В начале переговоров она настаивала на выплате ей Россией 300 млн золотых рублей, но советская сторона на такую сумму решительно не соглашалась. И уже 12 февраля Иоффе писал Чичерину, что «некоторые поляки в частных беседах сообщали нам, что если мы дадим 30 млн в золоте, то мир можно будет подписать за 10 дней... Польша накануне банкротства и все расценивает с точки зрения возможности спасения от этого». – АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 25. Л. 125.

ны двинулись к пограничным обменным пунктам уже в середине марта 1921 г. В апреле стороны обменялись делегациями в рамках Смешанной комиссии по репатриации, которые стали на какое-то время дипломатическими учреждениями сторон. В Варшаву прибыла совместная российско-украинская делегация (РУД), в Москву польская делегация⁷. Успешно двигалась работа по формированию смешанной пограничной комиссии (СПК), задачей которой была демаркация границы⁸.

После ратификации РСФСР, Польшей и УССР в середине апреля 1921 г. Рижского договора настало время для обмена дипломатическими миссиями. И сразу же возникли проблемы, на первый взгляд статусного свойства. Первая – ранг дипломатических представительств. Москва, признававшая лишь один класс дипломатических миссий – полномочные представительства, настаивала именно на этом уровне, равнозначном посольству, с соответствующим по рангу чрезвычайным полпредом и штатом сотрудников. Польский МИД, не желавший «огорчать» Францию, главного на тот момент союзника, военнотехнического и финансового донора Польши⁹, а также, видимо, чтобы избавить Пилсудского от неприятной ему обязанности как главе государства принимать верительные грамоты советского полпреда, выступал за уровень поверенных в делах, то есть за более низкий уровень миссий¹⁰. Торг тянулся долго, еще в июне Чичерин в письме Я. С. Ганецкому с раздражением заметил: «Карахан будет только послом-полпредом, а поляки могут посылать Даровского, даже временного поверенного»¹¹.

В апреле появились также сложности с получением согласия польской стороны на назначение в Варшаву полпредом Льва Михайловича Карахана, до этого заместителя наркома иностранных дел, по характеристике Чичерина «выполне признанного носителя нашей политики дружбы относительно Польши». Называлась смехотворная причина – был в оппозиции Ленину и принадлежит к левому крылу¹². В свою очередь советская сторона отказала в агремане В. Йодко-Наркевичу. Затем была согласована кандидатура Л. Даровского, но он не поехал в Москву, получив приглашение войти в состав правительства. В конечном счете, польским представителем был назначен Т. Филипович, имевший к тому времени некоторый опыт дипломатической деятельности в Закавказье. 2 августа советские и польские дипломаты одновременно пересекли границу в Столбцах¹³. Под советское посольство польской стороной было выделено 40 комнат в гостинице «Рояль», в тихом центре Варшавы. Правда, на первом этаже здания находился общедоступный ресторан, что не способствовало нормальной работе диппредставительства.

Но на этом проблемы с конституированием советской миссии не кончились. Поляки присвоили своему представителю Т. Филиповичу два ранга – чрезвычайного посла и полномочного министра, а также поверенного в делах

(шарже де фер). Такое решение позволило польской стороне дать ему верительные грамоты от имени министра иностранных дел, а не главы государства¹⁴. Карахан же имел грамоту, подписанную председателем ВЦИК РСФСР М. И. Калининым, то есть главой государства. Возникла проблема с ее вручением начальнику государства Пилсудскому. 27 мая Карахан поставил Я. Домбскому ультиматум: если Пилсудский его не примет, он уезжает в Москву¹⁵. Польская сторона вынуждена была искать какой-то приемлемый для обеих сторон выход. В конечном счете, решили: польский МИД нотифицирует Карахану, «что вручение грамот Витосу (в тот момент польский премьер. – Г. М.) равносильно вручению грамот Пилсудскому и что это не влияет на ранг дипломатического представительства. По-видимому, Скирмунту, – писал Карахан Чичерину, – легче нарушить конституцию, чем заставить Пилсудского подчиниться ей»¹⁶. И лишь 9 сентября Скирмунт принял от советского полпреда верительные грамоты на имя Пилсудского¹⁷. Завершение формальностей, связанных с открытием украинской миссии в Варшаве, затянулось до начала октября¹⁸, но для Москвы это значения не имело.

Не многим лучше было отношение советской стороны к польским делегациям в смешанной комиссии по эвакуации имущества и в специальной комиссии. Для них долгое время не могли подобрать подходящие здания, их члены вынуждены были жить в вагонах привезшего их в Москву поезда. Возникли также проблемы с беспрепятственным доступом к телеграфу, что затрудняло связь с Варшавой.

Но самым сложным и трудноразрешимым делом, негативно влиявшим на состояние отношений, оказалось выполнение статьи V Рижского договора. Она, в частности, гласила: «...Обе договаривающиеся стороны обязуются не создавать и не поддерживать организаций, имеющих, целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной, либо покушающихся на ее территориальную целостность, либо подготавливающих ниспровержение ее государственного или общественного строя путем насилия, равно как и организаций, приписывающих себе роль правительства другой стороны или части ее территории. Ввиду этого стороны обязуются не разрешать пребывания на своей территории таких организаций, их официальных представительств и иных органов...»¹⁹.

По советским данным, на территории Польши после заключения прелиминарного мира в октябре 1920 г. было от 30 до 35 тыс. военнослужащих, в том числе из так называемых 3-й русской армии Б. Перемыкина (6578 человек), народно-добровольческой армии С. Булак-Балаховича (6748 человек) и армии УНР С. Петлюры (12 тыс. человек), отрядов П. Бермондт-Авалова (1 тыс.) и Н. Бредова (около 1 тыс.), а также казаки В. Яковлева (645) и белорусские партизаны (298 человек)²⁰. В конце октября 1920 г., до вступления

в действие прелиминарного мира, они прорвались на территорию Белоруссии и Украины, но потерпели поражение и были вытеснены в Польшу. Здесь их разоружили и интернировали в нескольких лагерях, но при этом сохранили военную организацию. То есть, эти опытные бойцы в любой момент могли быть вооружены и брошены в бой. По этой причине они представляли серьезную потенциальную угрозу для советской власти. В Польше пребывал также Б. Савинков с соратниками. 23 апреля он распустил Русский эвакуационный комитет, но тут же вместо него создал Народный союз защиты родины и свободы (явный римейк его же Союза защиты родины и свободы 1918 г.) все с той же целью организации активной борьбы с советской властью. Именно Савинков и Петлюра пользовались наибольшим расположением Пилсудского, получали финансовую помощь польского правительства²¹. Самого Б. Савинкова, известного эсеровского террориста и вице-министра Временного правительства, непримиримого врага советской власти в Кремле считали своим смертельным противником. Поэтому перед советской дипломатией была поставлена задача заставить польское правительство выдворить из страны лидеров антисоветских организаций.

Польская сторона не торопилась выполнять взятые на себя в Риге обязательства. В качестве главной причины в Польше называли тогда²² и обычно называют и сейчас приверженность поляков, многие из которых на себе испытали нелегкую долю политических эмигрантов, демократической традиции предоставления политического убежища лицам, преследуемым за свои убеждения. Говорят и о тесном сотрудничестве в 1919–1920 гг. Пилсудского с русскими и украинскими врагами советской власти, испытываемом им чувство вины за то, что они помогли ему отстоять независимость Польши, а он не сумел помочь их делу. Но были, несомненно, и другие причины. В том числе, подготовка эмигрантскими лидерами с ведома и при непосредственном участии польских военных нового вторжения на Украину и в Белоруссию, антисоветских восстаний и террористических актов²³.

Первой вопрос о выполнении V статьи поставила советская сторона. В ноте от 11 апреля 1921 г. она обратила внимание Варшавы на присутствие в Польше большого числа военнослужащих из формирований Перемыкина, Булак-Балаховича, Петлюры и др.²⁴, готовящихся к вторжению на территорию советских республик*. 19 апреля польский министр иностранных дел Э. Сапега отверг все обвинения в адрес Польши как «безосновательные и голословные», преследующие агитационные цели, и заявил, что перечисленные войска не представляют никакой угрозы советской стороне, так как они разоружены

* В ноте, составленной по материалам Реввоенсовета республики, содержалась серьезная ошибка, Шепетовка была названа в составе Польши.

и интернированы, а Перемыкин находится в тюрьме в варшавской цитадели. Он же указал на промах с Шепетовкой, а также обвинил советское правительство в поддержке «партизанских банд» в Белоруссии²⁵. Это обвинение было воспринято Чичериным самым серьезным образом, Уже 20 апреля он обратился к начальнику штаба РККА П. П. Лебедеву с просьбой разобраться в обоснованности обвинения, поскольку оно грозит советской стороне утратой поддержки общественного мнения, на которое она опирается в своей борьбе за выведение враждебных элементов из Польши²⁶.

29 апреля ноту в адрес советского правительства направил Я. Домбский. Он не только отверг советские обвинения, как ни на чем не основанные, но и отметил неправомочность советской ноты по существу, поскольку Рижский договор не вступил в действие, ибо стороны еще не обменялись ратификационными грамотами. Формально его слова соответствовали истине²⁷. А секретарь польской делегации на мирных переговорах в Риге А. Ладось 30 апреля уверял секретаря советской делегации И. Лоренца, что Польшей приняты все меры для лояльного выполнения мирного договора, все савинковские и петлюровские представительства ликвидированы, Петлюра покидает страну²⁸. Но на самом деле ничего не изменилось. Савинков и Петлюра, формально ликвидировав РЭК и правительство УНР, фактически сохранили свои структуры под другими названиями. Поэтому острота проблемы несколько не уменьшилась.

20 мая Сапега обратил внимание советской стороны на формирование Реввоенсоветом Западного фронта в Смоленске партизанских отрядов, а также создание организационной структуры, предназначенной для организации восстания в Польше²⁹.

Новый всплеск нотной войны по поводу V статьи пришелся на начало июля 1921 г. 4 июля Г. В. Чичерин обратился к украинскому главе правительства и наркому иностранных дел Х. Раковскому с полувопросом-полуприказом: «Не потребовать ли высылки (или выдачи) Савинкова и К, петлюровцев, Гнилорыбова и К, всех вообще, кого укажет смешанная комиссия...»³⁰. И в тот же день польскому правительству через советское полпредство в Риге³¹ была направлена нота, раскрывавшая широкую картину подрывных антисоветских действий организации Савинкова, поддерживаемой II отделом польского Генерального штаба. С соответствующей нотой, но только по поводу Петлюры, обратилось правительство Советской Украины. Таким образом, Чичерин соблюдал политес в отношении Украины, демонстрируя миру ее самостоятельность во внешнеполитической области.

Польский ответ не заставил себя ждать. 11 июля новый министр иностранных дел К. Скирмунт, сторонник дальнейшей нормализации двусторонних отношений, привел в ноте ряд примеров несоблюдения советским правительством постановлений V статьи. Их было не мало: существование на Украине

галицийских воинских частей, и военные курсы для слушателей-поляков; публичные собрания, на которых звучали призывы к восстанию и отторжению от Польши ее восточных окраин; нападения советских военнослужащих на пограничные села на польской территории; подрывная деятельность смоленского Реввоенсовета; переброска в Польшу с репатриантами или через границу пропагандистской антипольской литературы, и даже сохранение Польревкома, организованного во время советско-польской войны для «взятия власти в Польше в случае занятия Варшавы». Был также высказан упрек в преднамеренном затруднении советской стороной репатриации поляков, эвакуированных во внутренние губернии России в годы Великой войны³².

Особенностью Рижского договора было то, что он не предусматривал санкции на случай его невыполнения³³. Упорство, с которым Варшава отказывалась удовлетворять требования Москвы по V статье, склоняло советское руководство к нарушению других постановлений Рижского договора и дополнительных протоколов к нему. В частности тех, которые касались реэвакуации польского имущества, вывезенного в Россию во время Великой войны, компенсации за подвижной состав в размере 27 млн. золотых рублей. Вряд ли можно согласиться с Матерским, что в кризисе взаимоотношений была виновата только Москва³⁴. Ведь первая советская нота относительно V статьи датируется апрелем, а первый взнос за паровозы и вагоны следовало внести до 1 июля 1921 г.

8 августа Чичерин писал Л. Карахану: «Мы должны настаивать на немедленном изгнании из Польши всей руководящей группы Союза защиты родины и свободы... Мы должны настаивать, чтобы... боевая группа была немедленно удалена... Это вовсе не политическое убежище. Происходит продолжение гражданской войны и продолжение войны в новой форме. Это может быть прекращено только высылкой боевого штаба этих военных действий.

Мы не можем приступать к мирной работе с Польшей, пока это продолжается. Таков в данный момент конфликт между нами и Польшей...»³⁵.

Советская сторона серьезно подошла к выбору мер принуждения польского правительства к высылке лидеров антисоветской эмиграции. 5 августа Чичерин обратился к одному из руководителей ВЧК В. Р. Менжинскому с просьбой срочно предоставить Карахану материалы «о деле Савинкова и польской интриге»³⁶. 21 августа Лоренц запросил у Чичерина материалы о еврейских погромах савинковцев и балаховцев на советской территории, поскольку «этим сильно заинтересовались еврейские круги в Польше»³⁷. 22 августа Чичерин извещал советского полпреда в Варшаве о планируемых шагах, чтобы заставить поляков услышать советские требования. С одной стороны, было решено предоставить необходимые помещения для польской реэвакуационной комиссии и свободный доступ к телеграфу, чтобы лишить польскую

пропаганду возможности отвлекать внимание общественности на второстепенные вопросы в ущерб главному, каковым является высылка из страны эмигрантов. С другой же стороны, как писал советский нарком, «мы теперь не принимаем никакого угрожающего тона, но только ничего не делаем, и не будем выполнять статьи договора о реэвакуации, пока Польша не выполнит статью договора о враждебных группировках...»³⁸.

Именно этими директивами руководствовался Л. Карахан в своих переговорах с руководством польской дипломатии. 22 августа, в ответ на сообщение Домбского об аресте группы офицеров-балаховцев, который он предложил расценивать как свидетельство добрых намерений польского правительства, советский полпред заявил, что он так не считает. Объективно поляки помогли савинковскому Союзу защиты родины и свободы, находящемуся в состоянии склоки и борьбы со скомпрометировавшими себя в глазах белых балаховцами. Теперь Савинков останется на арене борьбы один и сосредоточит все свое внимание на борьбе с советской властью³⁹.

29 августа Карахан следующим образом определил содержание своей беседы со Скирмунтом, запланированной на следующий день: «вопрос о савинковцах ясен, и только нежеланием ликвидировать можно объяснить то, что он существует в Польше; 2) ничего не будет сделано по реэвакуации и другим вопросам, пока Савинков существует; 3) пустяки, о которых они говорят в своей последней ноте пополам со вздором о «бриллиантах» не может идти в сравнение с той серьезной угрозой, которую они готовят нам нежным обращением с белыми организациями...»⁴⁰.

Решимость оказывать давление на поляков именно в этом направлении Чичерин подтвердил Карахану и 1 сентября. Он писал: «Наш метод борьбы против оказания [поляками] помощи белогвардейцам заключается в отказе с нашей стороны давать золото и реэвакуировать имущество»⁴¹.

8 сентября была подготовлена очередная нота в адрес польского правительства. Она начиналась с повторения прежних обвинений в адрес Варшавы в поддержке антисоветской организации Савинкова, прилагающей все усилия для срыва продовольственной кампании в западных областях советской России. А эта кампания, в условиях страшного голода в России, «имеет самое жизненное значение для всех советских республик на целый год». Новым в ноте было приведение фактических доказательств поддержки польской стороной Савинкова в виде добытой оперативным путем его переписки с офицерами II отдела Генштаба Кешковским и Бекон.

Возвращаясь к польской июльской ноте, НКВД опровергал содержащиеся в ней упреки. Так, нападавшие на Польшу отряды были названы «возникающими по собственному почину бандами, без какой-либо связи с органами советской власти», о Польревкоме говорилось, что это не орган «захвата

власти в Польше, но лишь орган армии, которая на основании военных прав вводила в районе оккупации временный орган военно-гражданской власти», к тому же расформированный в Минске до заключения мира с Польшей, наличие военных курсов для поляков признавалось, но с оговоркой, что они готовят поляков для службы в русской армии. Что касается упрека в медленной репатриации, то вина возлагалась на польскую сторону, не желающую лояльно выполнять соглашение 300 на 300, а также отказывающуюся открывать третий обменный пункт на границе. А о значительной части польских упреков было сказано, что они касаются не российского, а украинского советского правительства, «к нему и нужно обращаться»⁴². Наиболее известной частью этой ноты является обвинение польского правительства в гибели 60 тыс. красноармейцев, захваченных польской армией в плен в 1919–1920 гг.⁴³

Следующий обмен нотами состоялся 14 (вербальная польская) и 16 сентября (советская). Если польский МИД расширял круг претензий (были названы, в частности, распродажа, уничтожение и укрывательство предметов, подлежащих возврату польскому государству, непредоставление помещений реэвакуационной комиссии, невнесение первого платежа за подвижной состав, содержание в тюрьмах заложников⁴⁴, то НКВД последовательно настаивал на пресечении деятельности «преступных белых организаций, находящихся на территории Польши, при содействии некоторых польских органов ведущих разрушительную работу против России». Эта деятельность называлась «единственным препятствием к установлению нормальных, основанных на взаимном доверии, отношений между Россией и Польшей, а также препятствием к безболезненному и успешному выполнению Рижского договора»⁴⁵. Помимо ноты НКВД, Карахан обратился к редакциям польских газет с предложением ознакомиться с подлинниками писем Кешковского и Савинкова⁴⁶.

Польская сторона, видя бесперспективность предшествующего давления на Москву, по предложению сотрудника польского посольства Р. Кнолля решила имитировать крайнюю степень решимости, вплоть до разрыва дипломатических отношений, хотя делать этого в действительности не собиралась⁴⁷.

В день, когда была направлена польская нота, курировавшего Польшу сотрудника НКВД Якубовского посетил польский полпред Т. Филипович и пригрозил разрывом дипотношений, если не будут выполнены следующие польские требования: «Немедленное освобождение пленных, интернированных и заложников; уплата взноса за подвижной состав; возобновление работы смешанной комиссии по реэвакуации имущества». Но, несмотря на решительный тон требований, Филипович не исключал возможность договориться по поводу высылки Савинкова и др.⁴⁸

Чичерин без труда понял, что из всего перечня претензий, польскую сторону интересует больше всего и в первую очередь взнос за подвижной состав.

В связи с этим 17 сентября он писал Карахану: «Мы предложили Филиповичу параллельное исполнение обоих требований. С одной стороны, удаление из Польши руководящей группы белогвардейцев, с другой стороны, выдача первой трети эквивалента за подвижной состав и открытие работы комиссии Шмидта. Он передаст правительству»⁴⁹. В тот же день заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов отреагировал на высказанные Филиповичем 14 сентября претензии. Указав на тяжелейшую ситуацию в РСФСР в связи с голодом в Поволжье, он заявил, что советское правительство готово до 1 октября выполнить три из них, которые назовут поляки⁵⁰. Фактически речь шла о том, чтобы поляки сформулировали свои требования в письменном виде.

19 сентября НКВД получил польскую ноту от 18 сентября, в которой, в развитие заявления Филиповича Якубовскому, формулировалась угроза разорвать дипломатические отношения, если до 1 октября не будет платежа⁵¹. Таким образом, польская сторона, уже знакомая с компромиссным предложением Чичерина, публично демонстрировала твердость своей позиции, чтобы не быть обвиненной противниками конструктивного взаимодействия с Москвой в слабости. Правительство РСФСР, в соответствии с негласно принятым сторонами сценарием, ультиматум отклонило⁵². Но при этом Чичерин выразил готовность удовлетворить некоторые из польских постулатов, если из Польши будут депортированы известные враги советской власти.

Варшава, крайне заинтересованная в получении эквивалента за подвижной состав на сумму в 10 млн. золотых рублей в бриллиантах, дрогнула. 23 сентября Литвинов сообщил Карахану, что получена польская нота, «написанная в весьма миролюбивом тоне. Польша отступает по всей линии, не упоминает больше об ультимативных сроках и идет навстречу нашим требованиям. Атмосфера значительно разрядилась и можно ожидать скорого уложения конфликта...»⁵³. 26 сентября последовала следующая польская нота, в которой говорилось о том, что уже учтены некоторые советские требования относительно выезда определенной группы лиц, пребывание которых в Польше могло бы угрожать спокойствию и безопасности РСФСР (действительно, Б. Савинков, с 8 июля пребывавший в Париже, не получил въездной визы) и что правительство не отказывается от применения статьи V в отношении лиц, которые злоупотребляют правом убежища⁵⁴. Таким образом, после продолжительной конфронтации, стороны созрели к взаимному компромиссу. При этом непосвященному в нюансы интриги наблюдателю могло показаться, что победа осталась за польской стороной, поскольку первые шаги навстречу делал НКВД РСФСР. Достигнутый принципиальный компромисс нуждался в договорном оформлении. Поскольку уступать должна была Польша, переговоры по этому поводу было решено проводить в Варшаве, чтобы ее представителю легче было консультироваться по возникающим вопросам.

1 октября в здании министерства иностранных дел Польши на Вежбовой за стол переговоров сели Я. Домбский и Л. Карахан. Переговоры велись по формуле «деньги в обмен на высылку»⁵⁵. В первый же день советский полпред вручил польскому переговорщику список из 19 человек, на депортации которых настаивала Москва. В нем были перечислены В. Савинков, Д. Одинец, генералы М. Ярославцев, А. Рудин, А. Мягков, А. Дикгоф-Деренталь, В. Уляницкий, М. Гнилорыбов, М. Росселевич, Эрдман, С. Петлюра, его генералы Ю. Тютюнник, М. Павленко, В. Зелинский, Г. Янушевский, М. Безручко, С. Булак-Балахович, руководитель Белорусского политического комитета В. Адамович и его сын Всеволод, пользовавшийся псевдонимом Дергач⁵⁶. Начался торг буквально за каждого человека из списка. 3 октября Карахан сообщил Чичерину, что «на свой страх» уступил Домбскому из списка Адамовича с сыном, Безручко и Янушевского. Кроме того, Домбский попросил сделать личную ему уступку и вычеркнуть из списка одного из савинковцев⁵⁷. Карахан «настойчиво предлагал» Чичерину пойти навстречу Домбскому, чтобы облегчить ему «работу и в дальнейшем» и согласиться на оставление Росселевича⁵⁸. 7 октября в 14.00 переговоры завершились подписанием протокола⁵⁹. Он предусматривал выезд из Польши 14 человек, ее разрыв с контрреволюционными организациями и отвод от границы «рабочих отрядов», сформированных из бойцов антисоветских воинских частей. Согласно протоколу до 8 октября из Польши должны были выехать В. Савинков, Д. Одинец, М. Ярославцев, А. Дикгоф-Деренталь и А. Рудин, и до 20 октября А. Мягков, В. Уляницкий, М. Гнилорыбов, Эрдман, С. Петлюра, Ю. Тютюнник, М. Павленко, В. Зелинский и С. Булак-Балахович. Стороны договорились усилить охрану границы, чтобы воспрепятствовать ее переходу вооруженными бандами со смежных территорий.

Советская сторона обязывалась немедленно возобновить деятельность реэвакуационной и специальной комиссий и выплатить 20 октября первый взнос за железнодорожное имущество. Таким образом, как справедливо замечает Е. Куманецкий, существовала несомненная корреляция только выплаты эквивалента с выездом вышеперечисленных лиц. По другим позициям корреляция отсутствовала. Уже 7 октября в Москве встретились руководители российской и польской делегаций в смешанной комиссии по реэвакуации О. Шмидт и А. Ольшевский, а на следующий день было проведено рабочее совещание делегаций, на котором были решены главные вопросы, не позволявшие полякам начать работу: складских помещений и подвижного состава. В тот же день состоялось совместное заседание смешанной специальной комиссии⁶⁰.

Соглашение Карахан-Домбский встретилось с неоднозначной реакцией в польских политических кругах и прессе. Оно дважды, 14 и 24 октября, об-

суждалось в сеймовой комиссии по иностранным делам. Члены комиссии подвергли Скирумунта и Домбского жесточайшей критике, особенно за проводимую ими излишне соглашательскую восточную политику и нарушение права убежища для политэмигрантов. Активно критиковала руководителей дипломатии и пресса. В результате Я. Домбский подал в отставку с поста вице-министра иностранных дел⁶¹.

Польская сторона, желая сохранить лицо перед вчерашними союзниками, обратилась к обреченной на высылку группе савинковцев с просьбой сделать это добровольно, как они в свое время обещали покинуть Польшу, если бы их присутствие затрудняло ее отношения с РСФСР⁶². И тут неожиданно возникла трудность, которую не удалось разрешить к намеченному сроку выезда. Для того, чтобы получить согласие Б.Савинкова, находившегося за границей, следовало отменить собственный запрет на выдачу ему въездной визы. Савинков, который к этому времени уговорил обосновавшегося во Франции русского фабриканта Путилова оказывать финансовую поддержку своей организации, не хотел терять столь удобную для его деятельности площадку. 26 октября он прилетел в Польшу⁶³ и попытался повлиять на позицию польского руководства⁶⁴. Но польское правительство было в безвыходном положении. Пойдя Савинкову навстречу, оно не только не получило бы взнос за железнодорожное имущество⁶⁵, но и скомпрометировало себя на международной арене.

27 октября произошло еще одно событие, которое, при желании советской стороны, могло бы привести к новому обострению отношений. С территории Польши на советскую Украину вторглась сформированная из якобы интернированных петлюровцев группировка под командованием генерала Ю. Тютюнника. Однако Чичерин и на этот раз посчитал, что это «провокация Бельведера», к которой польское правительство не имеет отношения, в связи с чем считал необходимым выполнить обязательства РСФСР по соглашению Карахан-Домбский⁶⁶. 30 октября Л. М. Карахан говорил по этому вопросу с Я. Домбским, а А. Я. Шумский с К. Скирумунтом. Карахан, демонстрируя лояльное выполнение соглашения, предупредил польский МИД о готовящемся «провокационном нападении с русской территории атамана Шепеля», о чем он был извещен Раковским⁶⁷.

Наконец 30 октября перечисленные в соглашении Карахан-Домбский Савинков и его сподвижники покинули пределы Польши. В тот же день Г. Чичерин отдал распоряжение отвечающему за выполнение Рижского договора П. Л. Войкову «завтра же, в понедельник, возобновить работу всех комиссий, как по эвакуации, так и по оценке ценностей»⁶⁸. Аналогичное распоряжение в тот же день было отдано им заместителю наркома финансов А. О. Альскому⁶⁹.

Тем самым, первый дипломатический кризис в польско-советских отношениях, длившийся с апреля по октябрь 1921 г. завершился. И произошло это по мысли советской стороны⁷⁰. Своей твердой позицией она заставила польской партнера выполнить одно из ключевых для нее на тот момент требований – покончить со скрытой поддержкой Бельведером и II отделом Генерального штаба польской армии ее очень опасных противников, прежде всего Б. Савинкова и С. Петлюры, и выслать их за пределы Польши. Как показал казус Б. Савинкова, их согласие или несогласие не имело ни малейшего значения. Запрашивание согласия обреченных на выезд было всего лишь жестом в адрес критиков соглашения, они должны были покинуть территорию Польши в любом случае. Видимо, к такому же выводу пришли Пилсудский и его люди, поэтому его обещание и в дальнейшем тесно сотрудничать с Б. Савинковым было всего лишь жестом в отношении ставшего не нужным союзника.

Кризис показал, что Рижский договор не был трактатом между победителем и побежденным. Он, пожалуй, в большей степени служил интересам советской стороны, позволяя ей воздействовать на Варшаву временным прекращением выполнения своих финансовых и других материальных обязательств.

Наконец, по его результатам советская дипломатия сделала для себя некоторые выводы относительно того, что собой представляли польские СМИ, политики и военные. 19 октября 1921 г. Л. М. Карахан, за 2,5 месяца своего пребывания полпредом в Варшаве сумевший познакомиться с царящими здесь нравами, писал Г. В. Чичерину: «Ни в одной стране нет такой безответственной и негосударственной прессы как в Польше, но мне кажется, что и государственные люди Польши недалеко ушли от своих публицистов. У них также нет чувства ответственности. То они предъявляют грозные ультиматумы и бряцают оружием и сейчас же отступают, получив первый отпор, затем заключают соглашение и на другой день [не] выполняют его, причем относятся к этому нарушению соглашения настолько беззаботно, что не считают нужным отвечать на ноту, искать выхода из создающегося положения. Вы знаете, что я был в числе тех, которые являлись горячими сторонниками не только установления приличных отношений, но и сближения с Польшей сперва экономического, а потом и политического. Я очень стойко относился и к травле прессы, и ко всякого рода шиканьям со стороны Польшвластей и никогда не терял надежды, что наши отношения изживут все это и что в конце концов удастся установить необходимое доверие друг к другу. Теперь у меня начинают являться иногда сомнения на этот счет, ибо я перестаю верить, что Польша может вести какую-либо ясную линию и в состоянии выполнять взятые на себя обязательства. Здесь такая дезорганизация, что и в крупном, и в мелочах чувствуется отсутствие государственного стержня, который заставлял бы правильно и дисциплинированно вертеться всем органам вокруг себя. В особен-

ности безответственны и независимы военные во главе с Бельведером, которые являются нашими главными врагами и больше всего стараются испортить отношения между Россией и Польшей»⁷¹.

Примечания

¹ Это очень нравящееся польским историкам определение Варшавской виктории ввел в оборот британский дипломат Э. д'Абернон. – *D'Abernon E. Osiemnasta decydująca bitwa w dziejach świata pod Warszawą 1920 г. Warszawa, 1932.* При этом и автор панегирика, и его последователи стыдливо умалчивают, что походу на Варшаву Красной армии предшествовал поход на Киев, «мать городов русских», польской армии, ведомой самим Первым маршалом Польши Ю. Пилсудским.

² Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 103. П. 1а.

³ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 39. Л. 52. Следует заметить, что переписка между Ригой и Москвой не дает ни каких оснований для утверждения, как это делает В. Матерский, что советская сторона пошла на мирные переговоры только во избежание зимней кампании, планируя затем возобновить поход на Европу. – *Materski W. Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918–1939. Warszawa, 1934. S.72.*

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ). Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 25. Л. 96.

⁵ Там же. Л. 33, 33об.

⁶ В октябре 1920 г. политбюро ЦК ВКП(б) рассматривало целесообразность обмена так называемого брацлавского коридора, отделявшего РСФСР от Литвы на украинскую территорию. Созданная с этой целью комиссия сочла невыгодным подобный обмен, потому что в таком случае пришлось бы передать Польше часть Волыни с сахарными заводами.

⁷ См. подробнее: *Райский Н. С. Польско-советская война 1919–1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев. М., 1999.*

⁸ Польская делегация в СПК прибыла в Минск, определенный местом ее дислокации, 26 июня 1921 г. О трудностях в работе СПК см.: *Кохановский Е. Между Двиной и Днестром или как устанавливали рижскую границу // Родина. 1994. № 12.*

⁹ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 211. Д. 130. Л. 27.

¹⁰ 4 мая Чичерин писал в Ригу советскому полпреду Я. С. Ганецкому, через которого осуществлялись контакты с польской стороной: «Поляки хотят послать сюда немедленно советника с дипломатическими функциями и хотят немедленно получить картину Матейко («Грюнвальд». – *Г. М.*) и лазенковские вещи. Ничего этого не будет, пока не возобновлены сношения. Мы не пустим советника, и лазенковские стулья будут обливать супом в витебской столовой, пока Польша не возобновит с нами вполне депотношений». – АВПРФ. Ф. 122. Оп. 4. П. 7. Д. 15. Л. 38. Столь же жесткую позицию он озвучил в письме польскому вице-министру иностранных дел Я. Домбскому. – Там же. Л. 45.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 18. 10 мая 1921 г. политбюро ЦК РКП(б), решавшее главные вопросы внешней политики РСФСР, приняло решение максимально ускорить отъезд Карахана в Польшу. В связи с этим ему предоставлялся немедленный отпуск для отдыха, а М. М. Литвинову предписывалось немедленно вступить в должность заместителя Чичерина. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 161. Л. 24.

¹³ АВПРФ. Ф. 122. Оп. 4. П. 7. Д. 15. Л. 96.

¹⁴ Там же. Л. 98, 101.

¹⁵ Там же. Л. 108.

¹⁶ Там же. Л. 109.

¹⁷ Там же. Л. 118. В. Матерский ошибается, считая, что Филипович имел только ранг поверенного в делах. – *Materski W. Tarcza Europy...* S. 84.

¹⁸ *Materski W. Tarcza Europy...* S. 85.

¹⁹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее ДиМ). Т. III. М., 1965. С. 525.

²⁰ АВПРФ. Ф. 122. Оп. 1. П. 2. Д. 5. Л. 111.

²¹ Подробнее об этом см.: *Мамвеев Г. «Жертва польского русофобства» // Родина. 1994. №. 12. С. 115–116.*

²² 6 августа Г. Чичерин писал Карахану, что польский посланник в беседе с ним, возражая против высылки антисоветских лидеров, говорил о праве убежища, о том, что австрийцы не выдали Пилсудского России. – АВПРФ. Ф. 122. Оп. 4. П. 14. Д. 98. Л. 41.

²³ *Kumaniecki J. Po traktacie ryskim. Stosunki polsko-radzieckie 1921–1923. Warszawa, 1971. S. 50–51, 54.* Именно об этом говорил Чичерин Филиповичу на упомянутой выше встрече: «...в данном случае речь идет не о праве убежища. В данном случае продолжается гражданская война, да и вообще война в форме боевых действий, производимых бандами и отдельными боевиками, посылаемыми через границу из Варшавы, где находится боевой штаб, руководящий фактическими боевыми действиями против нас. Пока этому не положено конца, мы не можем перейти к мирной работе». – АВПРФ. Ф. 122. Оп. 4. П. 14. Д. 98. Л. 41.

²⁴ Документы внешней политики СССР (далее ДВП). Т. IV. М., 1960. С. 62.

²⁵ *Kumaniecki J. Po traktacie ryskim. Stosunki polsko-radzieckie 1921–1923. Warszawa, 1971. S. 53.* Правда, был нюанс, связанный с просьбой начальника II отдела Генштаба не делать этого до 1 мая, пока не завершится работа по реорганизации и полной конспирации антисоветских частей. Но Домбский мог об этом и не знать.

²⁶ АВПРФ. Ф. 122. Оп. 4. П. 14. Д. 98. Л. 10. Чичерин вообще самым внимательным образом отслеживал все, что касалось отношений РСФСР с Польшей и могло их осложнить.

²⁷ *Kumaniecki J. Po traktacie ryskim...* S. 53.

²⁸ АВПРФ. Ф. 122. Оп. 4. П. 7. Д. 19. Л. 4.

²⁹ *Kumaniecki J. Po traktacie ryskim...* S. 58.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 8. Л. 32.

³¹ АВПРФ. Ф. 122. Оп. 4. П. 14. Д. 99. Л. 1.

³² *Kumaniecki J. Po traktacie ryskim...* S. 59.

³³ В. Матерский вину за это возлагает на советскую сторону, называя в качестве аргумента то обстоятельство, что точно так же выглядели и подписанные ею до этого международные договора с прибалтийскими государствами. – *Materski W. «Tarcza Europy»...* S. 80. Для нас же этот факт служит еще одним доказательством того, что в Риге мир подписывали равные партнеры, а не победитель и побежденный.

³⁴ *Materski W. «Tarcza Europy»...* S. 85–86.

³⁵ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 5. П. 102. Д. 7. Л. 2.

³⁶ Там же. Ф. 122. Оп. 4. П. 14. Д. 99. Л. 3.

³⁷ Там же. Л. 4.

³⁸ Там же. Ф. 0122. Оп. 5. П. 102. Д. 7. Л. 37.

³⁹ Там же. Ф. 122. Оп. 4. П. 14. Д. 99. Л. 3.

⁴⁰ Там же. Л. 7.

⁴¹ Там же. Ф. 0122. Оп. 5. П. 102. Д. 7. Л. 28.

⁴² Там же. Д. 8. Л. 22–30.

⁴³ Там же. Л. 30–31. Многие отечественные исследователи и публицисты воспроизводят в своих работах эту цифру, не задаваясь вопросом о причинах ее появления и источнике, из которого она была почерпнута. Ни в одном из документов РУД такая цифра не фигурирует. Но зато о ее происхождении и недостоверности есть свидетельство советского дипломата и члена российско-украинской делегации Пашуканиса.

⁴⁴ АВПРФ. Ф. 0122. Оп. 5. П. 102. Д. 8. Л. 20.

⁴⁵ Там же. Л. 16.

⁴⁶ Там же. Л. 6–9.

⁴⁷ *Kumaniecki J. Po traktacie ryskim...* S. 65; *Materski W. «Tarcza Europy»...* S. 86.

⁴⁸ АВПРФ. Ф. 122. Оп. 4. П. 7. Д. 19. Л. 12.

⁴⁹ Там же. Л. 20.

⁵⁰ ДВП. Т. IV. С. 386–389.

⁵¹ Украине Польша аналогичного ультиматума не предъявила. В связи с этим Х. Раковский обратился к Чичерину с вопросом-предложением на случай разрыва дипотношений между Варшавой и Москвой «сохранить дипломатическую связь через Харьков и не задерживать отъезд наших (временного поверенного А. Я. Шумского и его сотрудников. – Г. М.)». – АВПРФ. Ф. 122. Оп. 4. П. 14. Д. 98. Л. 91. На это Чичерин прореагировал немедленно. Он инструктировал Раковского, что «если произойдет дипломатический разрыв, он должен быть общий. Недопустимо положение, при котором с Украиной дружественные отношения, а с Россией разрыв. Было бы так, как будто Украина на другой точке зрения. Это совершенно ослабило бы силу нажима на Польшу... Вместо отдельной ноты считаем предпочтительным заявление о солидарности

с нашей нотой и требованиями России». – Там же. Л. 46. Из факта отсутствия ноты польского правительства в адрес СНК УССР может предположить, что польское правительство не сделало этого по нескольким причинам: не завершился процесс аккредитации украинской дипмиссии; безоговорочно соглашалось на высылку Петлюры и его генералов; знало о готовящемся Тютюнником с помощью польских военных вторжении на территорию УССР и надеялось, что проблема украинских эмигрантов «рассосется» сама собой. Если признать верным третий вариант, а он достовернее не только второго, но и первого, что видно из упомянутого выше письма Раковского Чичерину, то тогда ставится под сомнение тезис, разделяемый и современной историографией, что польское правительство не знало о подготовке польским Генштабом вторжения армии УНР под командованием Тютюнника на Советскую Украину. Кстати, авторство этого утверждения принадлежит Г. Чичерину, еще 3 мая в письме Сапеге высказывавшему от имени советского правительства убеждение, что польское правительство не поддерживает антисоветских действий Савинкова и др., а совершают эти «преступные деяния агенты польской гражданской и военной власти». – Там же. Л. 16. Более обстоятельно этот тезис развил советский полпред Л. Карахан. В интервью журналу «Зритель» в начале 1922 г., посвященном состоянию советско-польских отношений во второй половине 1921 г., он сказал: «Польское правительство и сейм оказались совершенно обескуражены петлюровским событием (вторжением Тютюнника. – Г. М.), то я не сомневаюсь, что для правительственных кругов вся эта история была столь же неожиданна, как и для нас. Но она показала всем, что польский генеральный штаб срывает мирную политику Польши и провокационно обостряет отношения между нами, а главное, эти события показали, что, что военные элементы делают свою политику против воли правительства и тем самым представляют серьезную угрозу для самого польского правительства». – Там же. П 19. Д. 25. Л. 2. Совершенно очевидно, что своими заявлениями Чичерин и Карахан пытались вбить клин между армией во главе с Пилсудским и правительством, формируемым сеймом.

⁵² Там же. П. 7. Д. 19. Л. 22.

⁵³ Там же. Ф. 04. Оп. 32. П. 209. Д. 89. Л. 36.

⁵⁴ *Kumaniecki J. Po traktacie ryskim... S. 67.*

⁵⁵ АВПРФ. Ф. 122. Оп. 4. П. 7. Д. 19. Л. 33–34.

⁵⁶ Там же. П. 14. Д. 99. Л. 39.

⁵⁷ Там же. Д. 98. Л. 41. Балахович как гражданин Польши, находившийся под судом, не был выслан. – АВПРФ. Там же. Д. 99. Л. 63.

⁵⁸ Там же. Д. 99. Л. 40.

⁵⁹ Там же. Л. 43.

⁶⁰ *Kumaniecki J. Po traktacie ryskim... S. 68–69.*

⁶¹ Подробнее см.: *Idem. Po traktacie ryskim... S. 70–72.*

⁶² На словах же польская сторона демонстрировала готовность точно выполнить соглашение. 21 октября Лоренц сообщал в НКВД, что Польшу покинули оба Савинкова, Одинец, Ярославцев, Рудин, Диктоф-Деренталь и получили приказ выехать в течение 20 числа Гнилорыбов, Мягков и Ердман (так Эрдмана называли в переписке совет-

ских дипломатов). – АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 5. П. 102. Д. 8. Л. 4. Несомненно, такую информацию И. Лоренцу могли дать только в МИД.

⁶³ Судя по всему, поляки сказали Карахану и Чичерину, что Б. Савинков прилетел без визы, то есть без их согласия. 29 октября Чичерин информировал Раковского: «26 вечером должны были покинуть Польшу высылаемые белогвардейские деятели, но за час до их отъезда прилетел из Парижа без польской визы Борис Савинков». – АВПРФ. Ф. 122. Оп. 4. П. 14. Д. 99. Л. 61.

⁶⁴ Видимо, Б. Савинков получил какие-то обещания от своих коллег-покровителей из II отдела польского Генерального штаба. Найдя временное пристанище в Чехословакии, он уже 14 ноября 1921 г., когда несколько поулегся шум с его высылкой, обратился к польскому военному атташе в Праге с просьбой «облегчить ему корреспонденцию и связи с Польшей и живущими там его политическими друзьями, с Генеральным штабом, а также с Бельведером (резиденция начальника государства Ю. Пилсудского. – Г. М.). Спустя несколько дней, при повторном посещении военного атташе, он спрашивал о предназначенных ему письмах от начальника II отдела Генштаба подполковника Б. Медзиньского и адъютанта Пилсудского майора К. Свительского, а также напомнил «о польских паспортах, снабженных визой на въезд в Польшу или только визой на проезд через Польшу в Латвию и Финляндию – выданных на другие фамилии. Фотографии на паспорт лежат в Варшаве у некоего г. Долинского, в руках полковника Павловского». – Российский государственный военный архив. Ф. 308. Оп. 19. Ед. хр. 398. Л. 39–39 об., 61–62.

⁶⁵ Хотя Карахан считал нужным выполнить принятые РСФСР на себя обязательства. 21 октября он писал Чичерину, что хотя поляки и не выполнили обещания выслатить из страны антисоветчиков, что является «совершенно достаточным основанием затянуть на соответственный срок передачу ценностей, я решительно против каких-либо затяжек и считаю, что нужно приложить все усилия, чтобы ценности были переданы, хотя бы для этого пришлось работать и ночи. Несмотря на грубый и нахальный тон их нот... я не хотел бы затруднять положение Скирмунта и Домбского, всякая, даже законная затяжка, будет использована против нас и против Миницдела». – АВПРФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 209. Д. 89. Л. 52.

⁶⁶ Там же. Ф. 122. Оп. 4. П. 14. Д. 98. Л. 112, 117–118.

⁶⁷ Там же. Л. 115, 121, 134.

⁶⁸ Там же. Л. 117.

⁶⁹ Там же. Л. 126.

⁷⁰ Такого же мнения придерживается и Куманецкий. – *Kumaniecki J. Po traktacie ryskim...* S. 72. С такой оценкой не до конца согласен В. Матерский, поскольку де советской стороне не удалось рассорить поляков с антисоветской оппозицией, к чему она якобы стремилась – *Materski W. Tarcza Europy...* S. 97–98.

⁷¹ АВПРФ. Ф. 122. Оп. 4. П. 14. Д. 99. Л. 57.

Вольфганг Михалка (Карлсруэ)

Представления Вальтера Ратенау о России и его политика

Российско-германская конференция «Рапальский договор 70 лет спустя»^{*} была организована Евангелической академией в Мюльхайме (Рур) в 1992 г. Ее участники, поставив перед собой задачу «по-новому оценить Рапальский договор»¹, в очередной раз сконцентрировались на обсуждении вопроса о мотивах, приведших к подписанию Рапальского договора и связанных с ним ожиданиях, а также на влиянии, которое оказала политика Рапалло на международные отношения в целом.

Начиная с 1922 г., дискуссии по этим проблемам ведутся постоянно. Выводы их участников преимущественно основываются на предположениях и умозаключениях, что привело к тому, что Рапалло превратилось в «миф». В зависимости от кругозора историка, идеологической конъюнктуры и политической атмосферы, существовавшей в тот или иной период, Рапальский договор трактовали либо негативно, как иллюстрация ужасного пакта с большевизмом, либо позитивно, как образец мирного сосуществования двух различных политических систем².

Перемены в мировой политике – распад советской империи, окончание холодной войны, падение Берлинской стены и в итоге воссоединение германских государств – все это позволило в 1992 г. представить Рапалло в ином свете, более свободном от легенд и сиюминутно политически обусловленного «заведомого согласия» или «заведомого осуждения». Этому способствовало и начавшееся к тому времени в странах бывшего восточного блока открытие архивов, т.е. появление новых источников, позволяющих дать аргументированное толкование Рапальского договора.

В настоящее время для германской стороны – в дальнейшем речь пойдет только о ней – большое значение имеют прежде всего архивы Йозефа Вирта и Вальтера Ратенау. Оба они, хотя и по-разному, прокладывали «путь к Рапал-

^{*} Владимир Волков выступил с докладом на конференции «Идеи Рапальского и Берлинского договоров и их значение для германо-советских отношений». Он также немало способствовал продолжению и углублению контактов немецких и российских историков, как в рамках научных форумов, так и в неформальной обстановке. С благодарностью и в память о Владимире Волкове я посвящаю ему эту статью.

ло»³. С тех пор политика тогдашнего рейхсканцлера Вирта исследована на основе его архива Ульрикой Хёрстер-Филиппс⁴ и Генрихом Кюпперсом⁵. Об «архитекторе Рапалло» Аго фон Мальцане информирует нас и подробная диссертация Й. Нильса⁶.

Сегодня мы знаем и о Вальтере Ратенау значительно больше по сравнению с 1992 г. во многом благодаря обнаруженному в 1991 г. в Особом архиве (Москва) его обширного архива, который до тех пор считался утраченным. После того как в 1992 г. мною была установлена принадлежность содержащихся в нем документов В. Ратенау, их копии оказались в Германии. Это сделало возможным подготовить к изданию полное собрание сочинений Вальтера Ратенау: несколько томов его переписки уже опубликованы, а остальные тома увидят свет в недалеком будущем⁷. Кроме того, опубликован содержащий обширную и разнообразную информацию каталог выставки⁸, посвященной Ратенау, экспозиция которой была представлена в 1993 г. в залах Исторического музея Берлина и произвела сильное впечатление на ее посетителей. В последние годы перечень исследований о Ратенау дополнили три его биографии и диссертация Хенчеля-Фрёллингса⁹, а также статья Ингеборг Фляйшхауэр, посвященная исследованию роли, которую сыграл Ратенау в Рапалло¹⁰.

Несмотря на имеющийся подробный и явно улучшенный портрет Ратенау, немалые пробелы в изучении его деятельности по-прежнему остаются и их надлежит ликвидировать. Один из таких пробелов – это вопрос о том, какой Ратенау представлял Россию и свою политику по отношению к ней¹¹. Автор данной статьи хотел бы внести свой вклад в разработку этой темы¹².

Ратенау, будучи назначен министром иностранных дел только 31 января 1922 г., не мог знать долгосрочную предысторию заключения Рапалльского договора. Другими словами, он не был осведомлен в подробностях о том, как начиная с 1920 г. проходили переговоры Германии и Советской России на политическом, экономическом и военном уровне. Тем не менее, и для него предыстория Рапалло не была связана только с началом 1922 г. Путь Ратенау к Рапалло, как констатировал Г. Кёнен, был «результатом чрезвычайно сложной, своеобразной и именно поэтому интересной биографии»¹³.

Карьера Ратенау – предпринимателя, финансового советника и организатора промышленности – позволяла ему работать прежде всего на Западе. Будучи сыном Эмиля Ратенау, основателя Всеобщей электрической компании – АЭГ (AEG – Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft), он отвечал за оснащение центральных электростанций и предприятий, производящих электроэнергию, как в Германии, так и в Англии, Италии и Южной Америке. «Восточная политика» АЭГ была вотчиной директора компании Феликса Дойча, который ру-

ководил зарубежным бизнесом. Однако это не означало, что Ратенау не интересовался Россией с политической точки зрения. Уже в статье 1898 г. «Трансатлантические сигналы тревоги» он полемизировал с утверждением, что «сотрясающую мир борьбу за мировое господство» ведут германцы и романские народы, и приходил к выводу о наличии на Востоке молодого гиганта, «ступня которого покрывает половину Азии и Европы», а это значит, что настоящая борьба за «мировую гегемонию» разыгрывается между Россией и Англией. Из англо-американского экономического объединения вырисовывается «новый двойственный союз на море», так что обе континентальные державы, Германия и Россия, в течение длительного времени будут зависеть друг от друга. Для Германии это означает – «Нам все знаки указывают на Восток, на подъем»¹⁴.

Как функционировавший в глобальном масштабе предприниматель Ратенау считал экономику маховиком, движение которого влияет на судьбу мира. В будущем судьбы людей будет определять не политика, ориентирующаяся на традиционное государство, его институты и средства насилия, а экономика и политика, подчиняющиеся ее законам и динамике; ибо «экономика есть судьба [человечества]!»¹⁵.

В соответствии с этим постулатом Ратенау требовал большего вовлечения в процесс принятия политических решений, прежде всего, экономической элиты. Тем временем сама экономика Германии не только догнала британскую, но даже ее перегнала, переместившись на второе после Соединенных Штатов Америки место в мире. При этом, однако, Германский рейх проводил политику, абсолютно не соответствовавшую ее экономическим позициям в мире.

Уже в 1913 г. Ратенау обратился с призывом – устранить «двойную несправедливость и двойную опасность для нашей страны», т.е. недостаточную селекцию и слабую политику. «Самая назревшая [для устранения] несправедливость нашего времени» состоит в том, «что наиболее талантливому в экономическом отношении народу в мире, народу-мыслителю, обладающему колоссальной организационной силой, не предоставляется возможность управлять своей судьбой и отвечать за нее»¹⁶.

Наряду с экономическими проектами и деловой активностью, направленной на расширение АЭГ и германской энергетики в целом до масштабов экономической отрасли, призванной доминировать на европейском рынке, Ратенау постоянно уделял внимание проблемам международной политики. Накануне Первой мировой войны он все критичнее оценивал германскую внешнюю политику, особенно несбалансированное соотношение экономики и политики.

С учетом этой критики следует рассматривать представления Ратенау о европейском таможенном союзе, которые ввиду англо-германской гонки морских вооружений он излагал (самое позднее с 1912 г.) в докладных записках и личных беседах с деятелями Германского рейха, принимавшими политические решения, выступая за роль флагмана германской экономической и внешней политики в мире.

Чтобы иметь возможность экономически противостоять британской, а в перспективе, прежде всего американской конкуренции, Ратенау еще до Первой мировой войны предлагал создать европейский экономический союз во главе с Германией: «Целью было бы – экономическое единство, равноценное американскому, а возможно, даже его превосходящее; внутри такого союза не должно быть слаборазвитых, отстающих и непродуктивных стран. Одновременно это стало бы надежнейшим заслоном от националистической ненависти народов. Если сплотить экономику Европы в содружество (а это произойдет раньше, чем мы думаем), то и политика будет единой. Это не означает, что наступит мир во всем мире, произойдет разоружение и расслабление, но это будет означать смягчение конфликтов, сбережение сил и солидарность цивилизации».

Неудивительно, что в отличие от большинства своих современников, буржуазных интеллектуалов, в эйфории приветствовавших начало войны 1914 г. как спасение, Ратенау воспринял войну скорее как злой рок. «Эта война является не началом, а концом; она оставит после себя руины», – писал он в вышедшей в свет в 1917 г. книге «О грядущих вещах» («Von kommenden Dingen»). А в ходе дискуссии о целях войны он заявил: «Я не верю, что мы имеем право на окончательное мироустройство». Его заключительный вывод был следующим: «Мы погибнем как переходное поколение»¹⁷.

Сразу после начала войны Ратенау осуществил две заслуживающие внимания акции. В его дневнике читаем: «Вскоре после начала войны я совершил два поступка: 1. Я предложил канцлеру свои услуги и разработал для него проект таможенного союза Германии, Австро-Венгрии, Бельгии, Франции; 2. Я пошел в военное министерство к полковнику Шеюху и изложил ему план организации снабжения сырьем»¹⁸.

13 августа 1914 г. по инициативе Ратенау была создана новая структура – военно-сырьевой отдел в военном министерстве, который он возглавлял в течение восьми месяцев, сделав его в высшей степени эффективным. Благодаря этому удалось предотвратить угрожающий дефицит боеприпасов и длительное время вести войну, несмотря на недостаточное развитие военной экономики Германского рейха. «Бесспорно», это была «самая успешно функционировавшая экономическая организация, созданная в Германии во время войны»¹⁹.

Наряду с созданием военно-сырьевого Отдела Ратенау в августе–сентябре 1914 г. направил рейхсканцлеру три докладные записки, посвященные целям войны, в которых изложил свои представления о германо-австрийском таможенном союзе и развивающемся на его основе центрально-европейском объединении под эгидой Германии. При этом он вновь обращался к своим довоенным политико-экономическим планам в отношении Срединной Европы²⁰. Ратенау полагал теперь, что война и прежде всего переключение экономики на военные рельсы создали ситуацию, которая сделала германское руководство Срединной Европой необходимым и реализуемым.

Уже в первые дни войны, в начале августа 1914 г., Ратенау послал рейхсканцлеру Т. фон Бетману-Гольвегу свою первую докладную записку о германо-австрийском таможенном союзе, которую до сих пор считали утраченной. Ограничиваясь предложением об экономическом объединении двух центрально-европейских держав, он, таким образом, хотел компенсировать потери Германии на мировом рынке вследствие британской морской блокады и укрепить европейский внутренний рынок. Помимо этого, он ожидал от германо-австрийского таможенного союза соразмерного распределения военных расходов. Включение же в эту экономическую зону Франции, о котором только упоминалось без каких-либо конкретных данных, обещало бы помимо всего прочего существенное финансовое облегчение для Германии. Ратенау полагал, что германская экономика никоим образом не готова к затяжной войне.

Не дожидаясь ответа, Ратенау 28 августа 1914 г. направил рейхсканцлеру вторую докладную записку. Ее празднично-патетический тон ныне удивляет, как и его требование «уже сейчас предварительно обдумать будущее заключение мира с Францией», хотя он станет возможным только «после трудной работы с Англией». Очевидно, работа на новом поприще в качестве руководителя Военно-сырьевого отдела в Прусском военном министерстве, равно как, вероятно, первоначальные успехи в войне с Францией, могли изменить исходную скептически-пессимистическую позицию Ратенау, настроив его на позитивный лад. Хотя во второй докладной записке и упоминается предложенное в первой создание германо-австрийского таможенного союза, восхваляемого как «самое большое цивилизационное достижение, которое нашей истории может подарить война», однако теперь в центре рассуждений Ратенау, все-таки, поставлена необходимость регулирования по-новому мировой экономики. Франция и Бельгия должны открыть свои рынки и присоединиться к германо-австрийскому экономическому союзу. В связи с тем, что Англия, по мнению Ратенау, уступила свои доминирующие позиции на мировом рынке Соединенным Штатам, Германский рейх при поддержке континентальных евро-

пейских государств должен стать финансово-политическим противовесом США. Ратенау просил у рейхсканцлера позволения информировать его непосредственно о конкретных мерах.

Уже 3 сентября 1914 г. Бетман-Гольвег поблагодарил Ратенау за докладную записку и передал, что он и в дальнейшем с интересом отнесется к его идеям. Особенно он хотел бы знать, какие средства, по мнению Ратенау, следует использовать, чтобы, не подвергая опасности флот, быть в состоянии сыграть «широкомасштабную финальную игру англичан».

Повторять это Ратенау дважды не было нужды. Его ответ пришел с обратной почтой 7 сентября в виде третьей докладной записки.

Он писал без обиняков, что нельзя ожидать «сокрушительного поражения Англии». Даже если немецкие войска займут Париж и Франция будет побеждена, как многие в Германии, ликуя, уже предполагают, британцы отнюдь не прекратят своих «боевых действий», так как Англия начала войну, чтобы обеспечить существование Франции и Бельгии, южного побережья Ла-Манша и, тем самым, свои важные национальные интересы. Поэтому Англия не может закончить войну, даже если все ее опасения оправдаются. Наоборот, по мнению Ратенау, Лондон существенно заинтересован в том, чтобы «затянуть» войну. И это несмотря на то, что экономика Англии пострадает, особенно в начале войны, но вскоре она перестроится на военный лад и стабилизируется.

Принимая в расчет эти соображения и прогнозы, Ратенау рекомендовал теперь в качестве «самого крутого поворота» германской политики, который изменил бы отношение к «истинному врагу» Германии Англии – добиваться принуждения Франции к добровольному миру. «Это соответствовало бы мирной политике 1866 г.»

Бетман-Гольвег ознакомился с запиской Ратенау самое раннее 11 сентября, а потому не мог принять во внимание изложенные в ней соображения при подготовке своей «сентябрьской программы» от 9 сентября. 14 сентября 1914 г. канцлер передал Ратенау свою благодарность.

В сентябре 1914 г., в разгар битвы на Марне, Ратенау, несомненно, зная о многочисленных докладных записках руководству Германского рейха, касавшихся целей войны, теперь, хотя и не исключал более «значительных изменений на географической карте», но оценивал их как «ошибочные»²¹. Он решительно отмежевался от неверных, по его мнению, представлений о скором мире с Англией, а также от распространенного требования территориальных аннексий на Западе.

В противовес большинству военных целей, достижения которых требовали экономические круги, университетские профессора, политики и «сентябрь-

ская программа» Бетмана-Гольвега, где было недвусмысленно заявлено об аннексиях за счет Франции и Бельгии и таким образом о претензиях Германии на гегемонию в Европе²², Ратенау ратовал за совместные действия с тогдашними военными противниками в будущем; особенно с Францией, правда, под германским руководством, видя в нем гарантирующую мир перспективу: «Срединная Европа, объединенная под германским руководством против Англии и Америки, с одной стороны, и против России – с другой, будет укреплена политически и экономически»²³. Как считал Ратенау, следует отказаться от завоевания французских земель и потребовать лишь умеренные контрибуции²⁴.

Идея «экономического объединения и эмансипации Срединной Европы» возникла у Ратенау еще до 1914 г., но конкретные возможности для ее реализации появились только во время Первой мировой войны. После войны – разумеется, совсем в других условиях – эта концепция стала его отдаленной политической целью как министра по делам восстановления и реконструкции Германии, а затем министра иностранных дел.

Идея включения Франции в формирующееся центрально-европейское, – а по сути дела континентальное – большое экономическое пространство и переориентация внимания с Англии на Францию отличало концепцию Ратенау от политических представлений Бетмана-Гольвега и в еще большей мере от меморандумов германских экономических союзов. Прежде всего, идеи Ратенау, в отличие от военных целей, выдвигавшихся Пангерманским союзом, не содержали агрессивных националистических ноток. Предложения Ратенау, касающиеся европейской экономики, воспринимаются в наши дни почти как прелюдия к формированию современного европейского экономического сообщества.

Несмотря на большой интерес, который вызвала идея Ратенау о создании центрально-европейского таможенного союза, она все же была отвергнута²⁵. По этой причине и, несомненно, принимая во внимание изменение положения на фронтах, он был вынужден модернизировать свою первоначальную программу, касающуюся Срединной и Западной Европы. В письме Бетману-Гольвегу от 30 августа 1915 г., Ратенау теперь предлагал добиться военного решения на Западном фронте, достичь перемирия с Францией, принимать в расчет ведение войны против Англии на море и установить «хорошие отношения с Америкой». Ратенау считал, что раскола Антанты удастся добиться путем успешного германского прорыва на Западном фронте, после чего можно будет стремиться к заключению сепаратного мира с Россией: «Мир с Францией [...] влечет за собой мир с Россией»²⁶.

Ратенау определял восточного соседа как «будущий рынок сбыта» Германского рейха и размышлял по поводу оккупации на длительный срок об-

ширных областей России с целью их экономического освоения. Растущая уверенность в том, что война с Англией будет длительной, побудила его заняться проектом, связанным с восточноевропейской ориентацией Германии. При этом он теперь больше не исключал территориальных захватов на Востоке.

В письме Бетман-Гольвегу от 30 августа 1915 г. Ратенау настаивал на принципиальной переориентации германской политики и предостерегал от односторонней ставки на Австро-Венгрию. Он считал, что конфликты с этим традиционным союзником со временем неизбежны. Отныне основной интерес Ратенау был связан с Россией, которая заняла своего рода ключевую позицию в его размышлениях по вопросам внешней политики. Восточного соседа Германии требовалось сделать «созревшим» для союза. При этом – что было новым в позиции Ратенау – необходимо использовать жестокие средства, т.е. захватить Санкт-Петербург и Москву и предусмотреть их долговременную оккупацию. Очевидно, Ратенау отказался от своей до того времени умеренной позиции при обсуждении целей войны. Выдвигая более жесткие требования, он не хотел отставать от руководителей шести крупных экономических объединений, преследовавших далеко идущие военные цели и обратившихся к рейхсканцлеру в мае 1915 г. с соответствующим меморандумом. Российская империя в этих проектах представляла «уже почти как объект полуколониальных притязаний»²⁷.

Наконец, русский рынок для Ратенау как президента АЭГ имел большое значение. Из-за войны эта компания потеряла более 20% оборота 1913/14 финансового года, одновременно утратив доминирующую роль на рынках Восточной Европы и России, которую она играла до 1914 г. Возобновление электрификации побежденной и контролируемой Германией России могло бы способствовать получению АЭГ в перспективе доходов и компенсировать утраченные зарубежные рынки²⁸.

Ключевым для Ратенау стал вопрос, с кем Германии следует стремиться к согласию, с Англией или с Россией? На этот вопрос он ответил предельно ясно: Великобритания всегда будет противником сильной Германии, так как британские интересы несовместимы с интересами Германского рейха. Напротив, установление связей с Россией представляется значительно более реалистичным и вместе с тем осуществимым²⁹. «России нужна финансовая опора, которой Франция больше не является, а Англия не должна стать; России нужна защита против Англии. Мы можем финансировать Россию. [...] Россия – это наш будущий рынок сбыта». Этой аргументацией Ратенау намекал на практику британской морской блокады. Германия нуждалась в крупном автаркическом внутреннем рынке, который можно было создать в первую очередь на востоке Европы.

Вместо первоначально желаемого Ратенау континентального внутреннего рынка, организованного под эгидой Германии, теперь Россия, по его мнению, может стать германской «восточной империей», гарантировать рейху экономическую автаркию и геостратегические преимущества и оказать эффективное сопротивление морским державам, Великобритании и Америке.

Во второй половине войны эта идея стала для Ратенау определяющей: «Из всех военных целей меня интересует лишь одна, которая должна взорвать союз четырех и [...] объединить нас с Россией»³⁰. Во избежание недоразумений следует отметить, что Ратенау хотел добиться этого союза при помощи силы, «немецкие солдаты», кроме Петербурга и Москвы, должны были «длительное время оккупировать большую часть собственно России»³¹.

Будучи явно под воздействием военных успехов на Восточном фронте в 1915 г., Ратенау радикализировал свои до того умеренные представления о целях войны. Обусловленные прорывом обороны противника в ходе сражения при Горлице-Тарнове захваты больших территорий на Востоке, приведшие к завоеванию территории Королевства Польского, дали мощный толчок возникновению планов гигантских аннексий, связанных с перемещением населения в огромных масштабах, не только у военного руководства. «Идейно уже тогда была подготовлена база для навязанного позднее Брест-Литовского мира, а когда Э. Людендорф в связи с завоеваниями на Востоке говорил о создании «мест воспитания для людей, необходимых для дальнейшей борьбы на Востоке», это уже указывало на еще предстоящую эпоху в германской истории»³².

Показательно, что со своей новой, радикализированной концепцией в отношении России Ратенау обращался не только к рейхсканцлеру, который, правда, не соглашался с его предложениями, но и к генералу Г. фон Секту, и даже к генералу Людендорфу, которого эти идеи заинтересовали и который вступил с Ратенау в интенсивный обмен мнениями. Во время неоднократных встреч в 1916–1917 гг. еврейский промышленник пытался расположить к себе, равно как и убедить удачливого военачальника в правильности своих политических представлений, в котором, как он полагал, распознал фигуру будущего лидера страны.

Революционные события в России в 1917 г. изменили обстановку в мире и тем самым создали перспективы завершения войны. 8 мая 1917 г. Ратенау вновь обратился к Бетману-Гольвегу с письмом, в котором разъяснил, что в России заметно выросла склонность к миру. Правда, предстоит еще преодолеть препятствия морального порядка, ибо заключение сепаратного мира с Германией означало бы предательство Россией ее союзников. В связи с этим Ратенау развил «кажущуюся парадоксальной идею», предложив, так сказать,

на «вспомогательной сцене» поддержать Австро-Венгрию и Турцию, с которыми революционная Россия начнет мирные переговоры. Таким образом, Россия, по крайней мере внешне, не нарушит своих союзнических обязательств в отношении Англии и Франции, так как Германский рейх не принимал бы прямого участия в этих зондажах о заключении сепаратного мира. Как надеялся Ратенау, следствием подобного хода событий стало бы то, что Германия не должна была бы больше поддерживать в военном отношении и содержать, ставшую нейтральной Австрию, значительно уравновесив тем самым Восточный фронт. Помимо этого, русское сырье и продовольствие можно было бы доставлять в Германию через Австрию. В итоге вновь созданная ситуация свелась бы к заключению сепаратного мира России и с Германией, что, в свою очередь, могло бы иметь существенные последствия на Западе. Прежде всего Франция, которая впервые за время этой войны будет вправе объявить, что, хотя мы, Антанта, победили, «но по вине России не получили плодов победы, а поэтому можем с честью отступить»³³.

Немного позднее с этим видением сепаратного мира между Австрией и Россией Ратенау ознакомил также генерала фон Секта³⁴.

Известно, что в действительности развитие событий на Востоке происходило иначе, чем это представлял себе Ратенау. Заключенный в конце концов весной 1918 г. Брест-Литовский мирный договор он, разумеется, одобрить не мог.

В общем уже во второй половине 1917 г. мысли руководителей германской промышленности все чаще обращались к России. Казалось, что почти насильственно парализованный большевистской революцией этот восточный сосед Германского рейха как касательно поставки сырья, так и сбыта готовых товаров может стать благодатным полем для германской индустрии. Тем не менее, продвижение германской промышленности в Россию стало возможным лишь после того, как в декабре 1917 г. было заключено перемирие, а в марте 1918 г. подписан Брест-Литовский мир.

Однако и после этого среди капитанов германской индустрии существовали различные точки зрения на то, какую политику следует проводить в отношении России в будущем. В то время как Ратенау, как и вообще представители германской электропромышленности, были преимущественно готовы к взаимопониманию и примирению с Востоком; руководители тяжелой промышленности, объединившиеся с аграриями и верховным командованием сухопутных войск тяготели к стремлению обходиться с Россией по образцу бельгийской модели вассального государства, подчинив ее экономически и политически³⁵.

До лета 1918 г. обе группы реализовывали свои концепции независимо друг от друга. АЭГ и Сименс вели переговоры с Л.Б. Красиным о возможной

деятельности германских электрических концернов в России, в то время как представители тяжелой индустрии и аграрии форсировали в окраинных балтийских государствах создание поселений, которые рассматривались как предпосылка германского доминирования на Востоке³⁶.

Это параллельное существование различных концепций в вопросе будущего поведения руководителей германской экономики по отношению к России закончилось только в начале лета 1918 г., когда группа, представлявшая тяжелую промышленность, приступила к разработке программы экономического проникновения в Россию. Поскольку это намерение получило одобрение и убедительную поддержку имперских ведомств, электропромышленная группа была вынуждена также скорректировать свои действия в этом направлении.

Инициатором этой программы проникновения в Россию были один из директоров концерна Фридриха Круша Бруно Брун и особенно Гуго Стиннес. Они опасались, что после войны державы Антанты продолжат борьбу в экономической сфере и могут вытеснить Германию с мировых рынков. По их мнению, только завоевав рынок на Востоке континента, можно будет уравновесить силы. В связи с тем, что для реализации этого проекта были необходимы немалые средства, а также с учетом ожидаемых рисков, они решили создать синдикат. 16 мая 1918 г. в Дюссельдорфе собрались ведущие представители германской тяжелой промышленности, чтобы обсудить этот вопрос³⁷.

Это объединение различных отраслей промышленности в Русский синдикат в середине 1918 г. во многом привело к изменению их внутренних отношений. Особенно важны в этом процессе были совместные действия предприятий, ориентированных как на экспорт, так и на внутренний рынок. Хотя они преследовали совершенно разные торгово-политические интересы, однако теперь объединили свои усилия для общего дела. Правда, реализацию этих инициатив опередило поражение Германского рейха, предав их, по крайней мере временно, забвению.

После войны идея экономического освоения России обрела продолжение, но, разумеется, в изменившихся международных условиях она осуществлялась другими методами и имела другие цели. И опять здесь речь пойдет о Ратенау, который стремился активно участвовать в проведении этой политики и какое-то время даже мог это делать.

Уже 3 мая 1919 г. Ратенау в качестве президента АЭГ предложил Министерству иностранных дел свое посредничество между Германией и советским правительством³⁸. Ввиду сохранения Великобританией экономической блокады Германии, солидарные с Ратенау промышленные круги полагали, что быстрое налаживание торговых отношений с Советской Россией облегчит переход военной экономики Германии на мирные рельсы.

17 февраля 1920 г. Ратенау вместе с Феликсом Дойчем, тогдашним генеральным директором АЭГ, и Эрихом Александером, директором Восточного банка, представили правительству Густава Бауэра докладную записку, в которой они потребовали возобновления официальных экономических отношений с Россией, чтобы продолжать и интенсифицировать многообещающий бизнес в этой большой стране при условии обеспечения правовой безопасности. Несколько месяцев спустя был сделан первый шаг – создана комиссия экспертов, которая должна была направиться в Россию³⁹.

Именно на примере отношений Германии с Россией в переходный (от Первой мировой войны к Веймарской республике) период можно, соглашаясь с Петером Группом, констатировать, что немецкие как дипломатическая, так и промышленная элиты «свои связи с большевистской Россией никогда не подчиняли идеологическим соображениям. Несмотря на принципиальное неприятие большевизма, они пытались вести внешнюю политику в неидеологическом прагматическом пространстве, четко отделяя таким образом внутреннюю политику от внешней»⁴⁰.

У Ратенау также можно зафиксировать процесс переосмысления событий в Германии. Очевидно, что он все критичнее оценивал происшедшую революцию. Он считал ее военным путчем, и она даже была необходима, но остановилась на полпути и, следовательно, осталась незаконченной. В «Критике Тройной революции» Ратенау отрицал даже ее революционную суть: «Не цепь разорвана [...], а замок проржавел». Она сплошное разочарование. В противоположность великим революциям во Франции и даже в России германская революция была недостаточно подготовлена духовно. Она пришла внезапно как «случайный подарок». В отличие от нее подлинная революция происходит в душе. В Германии же «внешняя революция опередила внутреннюю»⁴¹. Уничтожающий приговор!

Примечательно в связи с этим, что, хотя Ратенау, информированный о положении дел в России, не раз обращал внимание на опасность большевизма для Германии, однако после того как стало очевидным, что большевистский режим не временное, а достаточно стабильное явление, он стал относиться к нему с симпатией, более того – все больше подпадал под его очарование. В феврале 1919 г. он заявил графу Гарри Кеслеру, ставшему позднее его биографом, что, «хотя в России актерами бродячей труппы» разыгрывается «замечательный спектакль», несмотря на это, большевизм «великолепная система», которой, вероятно, будет принадлежать будущее. «Ночью он большевик; но днем [...] нет или еще нет (он многократно повторял “еще нет”))»⁴².

Кокетничал ли Ратенау с советской системой или же его политические взгляды радикализировались вследствие разочарования неудовлетворяющей

его ситуацией и горечью, вызванной всеобщим неприятием и остракизмом, которые ему пришлось испытать? Или же он действительно увидел в большевизме устремленную в будущее перспективу? Его написанные еще в 1919 г. сочинения позволяют говорить о радикализации его проектов.

Уже в брошюре «Новое государство» Ратенау обстоятельно занимался революционной ситуацией в России и пришел к позитивному выводу: «Русский лесной пожар исполняет свое назначение; спустя десятилетия на месте пожара возникнет новое, может быть, лучшее человеческое общество». В будущем Ратенау виделись согласованные действия Германии и России: «Совместно с Россией и другими освобождающимися странами мы станем носителями духа нового времени. Этот дух будет защищать нас более надежно, чем армии». Из этого он делал многообещающий вывод: «В невидимых и непрогнозируемых доспехах нового духа мы можем лишь с уверенностью ступить на арену грядущей эпохи, внутреннего великого переселения народов»⁴³.

Несколько позже Ратенау, пребывая в состоянии еще большей эйфории, высказался о новом, устремленном в будущее развитии России: «На Востоке возникает нечто грандиозное, там начинается новая эпоха истории человечества. [...] действует новый принцип общественного устройства. Неизбежно, что он покорит весь мир. [...] Времена национальной экономики уже миновали, теперь следует думать в масштабах огромных экономических пространств, планировать и организовывать их»⁴⁴.

То, что эти соображения не являлись случайными, а вполне согласовывались у Ратенау с «новым» образом России, свидетельствуют его высказывания в ходе общения с Карлом Радеком. Доверенное лицо Ленина и посредник между большевистским руководством и разными германскими кругами, Радек осенью 1919 г. был арестован в Берлине. В ноябре Ратенау посетил его в берлинской тюрьме Моабит и изложил ему свое «видение ситуации в мире». «Весь мир стоит на перепутье. Нет возврата к старому капиталистическому устройству». Правда, при этом Ратенау оговорился, что в Германии «победа революции на длительное время невозможна»⁴⁵.

Однако возможность активного участия в новой политике Германии была для Ратенау на этом отрезке времени закрыта. Он, «ставший во время войны достойной восхищения и почитаемой», но и неоднозначно воспринимаемой и даже враждебной в глазах германской общественности личностью, должен был с разочарованием и горечью признать, что он отстранен от принятия политических решений и по-настоящему задвинут на обочину общественной жизни.

После окончания войны и краха Германского рейха Ратенау вступил в Немецкую демократическую партию, но его представления о будущей эко-

номической и социальной политике, его концепция объединенных экономик⁴⁶ могли найти лишь незначительный отклик. Желаемого им выдвижения в депутаты рейхстага не произошло.

Лишь после неудавшегося путча Каппа-Лютвица в марте 1920 г. Ратенау был вновь востребован в качестве эксперта в области экономики. В июле того же года как предприниматель с международной репутацией он принял участие в первой конференции по репарациям в Спа. За ней последовали конференции в Лондоне (1920), Каннах (1922) и, наконец, в Генуе (1922).

В 1921 г. рейхсканцлер Йозеф Вирт ввел известного в мире промышленника и признанного партнера на международных переговорах Вальтера Ратенау в свое первое правительство в качестве министра по делам восстановления и реконструкции Германии. Заняв впервые министерский пост, Ратенау сложил все свои полномочия руководителя в промышленности и частном бизнесе.

Свою первостепенную цель он видел в том, чтобы смягчить доминирующую в германской внешней политике проблему репараций, переместив ее из области непримиримой политической борьбы в сферу деловой, рациональной экономики, попытавшись ликвидировать национальные конфликты путем налаживания международных взаимосвязей. Ратенау занимал позицию, готовую к компромиссам, полагая, что за столом переговоров только так можно добиться льготных условий погашения платежей. Здесь берет начало линия Ратенау, подвергавшаяся хуле его внутриполитическими противниками как «политика отращения и распродажи» интересов Германии и в конечном счете превратно истолкованная «политика взаимопонимания и политика выполнения» условий Версальского мирного договора.

Уже в июле 1919 г. Ратенау представил тогдашнему министру финансов и политику партии Центра Маттиасу Эрцбергеру свою политическую программу. Победенный и, по мнению Ратенау, скованный жестоким мирным договором Германский рейх должен найти в своем «отчаянном положении [...] отправную точку [...], с помощью которой можно было бы изменить всю ситуацию». Эта точка, – считал он, – находится в Бельгии и Северной Франции и связана с проблемой экономического восстановления. Не только материальные и финансовые средства должны были односторонне выплачиваться побежденным Германским рейхом, как это предусматривалось репарационными требованиями, но и – с этим Ратенау связывал составленные им еще до 1914 г. планы в отношении Европы – пострадавшие страны должны совместно ликвидировать военный ущерб путем экономической интеграции. Ратенау предлагал правительству, с одной стороны, продемонстрировать готовность Германии к возмещению нанесенного ущерба с помощью «политики выполне-

ния». Но при этом одновременно указать ее границы, в конечном счете, сделал очевидной невозможность, требуемых от Германии репарационных выплат. Хотя в настоящее время, полагал он, нет никакой альтернативы этим платежам, тем не менее «политика выполнения» никогда не должна превратно восприниматься в качестве «самоцели». Ее не следует трактовать как приоритетную, а нужно интерпретировать исключительно как тактический вариант традиционной кайзеровской политики силы⁴⁷.

С другой стороны, Ратенау разработал программу восстановления Европы, на основе которой в разоренных областях Франции и Бельгии немецкие рабочие выполняли бы конкретные строительные работы. Таким образом, по его мнению, устранение высокого уровня безработицы, сокращение дефицита капитала и подъем германской экономики, парализованной абсурдными репарациями, могли бы быть достигнуты за счет того, что пошло бы на пользу и общей европейской экономике. Свою позицию Ратенау аргументировал так: интеграция экономик равноправных партнеров могла бы конкретизировать политику, которой война придавала эмоциональный характер, и таким образом сделать эту политику предсказуемой.

Ратенау исходил из того, что в сложившихся условиях верным путем является не сопротивление безрассудным мероприятиям и требованиям держав Антанты, как, например, того безапелляционно требовал Гуго Стиннес на конференции по репарациям в Спа, что вызвало скандал, а скорее, совместное оздоровление европейской экономики с американской помощью. Ратенау настойчиво призывал США – взять на себя, наконец, ведущую экономическую и политическую роль в Европе.

Такое его понимание политики соответствовало духу мирной резолюции, принятой в рейхстаге 19 июля 1917 г. партиями большинства – партия Центра, СДПГ большинства и Прогрессивная народная партия. Эта резолюция ратовала за экономическое сотрудничество и политику взаимопонимания. Другими словами, он выступал за новую ориентацию германской внешней политики на основе либерального внешнеэкономического курса и международного правопорядка⁴⁸.

Своим первым дипломатическим успехом Ратенау мог считать достигнутое летом 1921 г. Висбаденское соглашение, когда он договорился со своим французским коллегой Луи Лушером о немецких товарных поставках в счет возмещения военных убытков Франции.

Отныне традиционная военная политика силы больше не являлась для Ратенау определяющим средством решения конфликтов. Альтернативный подход, который должен привести к цивилизованному и мирному урегулированию послевоенных конфликтов предполагал отказ от насилия, с помощью

дипломатических конференций и экономической кооперации. Ориентированная на Запад, но также имевшая в виду достижение договоренности с Советской Россией, политика, направленная на ослабление напряженности, как позже ее представлял Г. Штреземан, была выработана министром иностранных дел Ратенау; в итоге она содействовала трансформации германской и всей европейской внешней политики⁴⁹.

Опыт, накопленный Ратенау в Военно-сырьевом отделе военного министерства, его глубокие знания, приобретенные в качестве «системного организатора» таких крупнейших концернов, как АЭГ, придавали представлениям Ратенау о европейском послевоенном устройстве международное значение; а в связи с пропагандируемым им «соединением» советской экономики с Европой появлялись и шансы конкретной реализации его идей.

В соответствии с этими воззрениями Ратенау стремился как можно быстрее вернуть вытесненную на периферию международной арены большевистскую Россию в европейскую экономику и содружество государств, т. к. стабильное послевоенное устройство и реконструкция мировой экономики были невозможны без Германии и Советской России.

По мнению Ратенау, экономические связи были лучшей предпосылкой для укрепления солидарности европейских стран. Такое его понимание мировой политики нашло поддержку со стороны британского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа, целью которого было экономическое восстановление и политическое примирение Европы от Атлантики до Урала⁵⁰. Очевидно, что в рамках подобной концепции и большевистская Россия возвращалась в политическую сферу, а возникшая уже на заключительной стадии войны идея создания синдиката для экономического освоения России воскрешалась на этот раз, разумеется, с международным участием.

При этом имелся в виду консорциум государств Западной и Центральной Европы с Россией, который с помощью западных капиталов, ноу-хау из Германии и российского рынка сразу мог бы решить по возможности все европейские экономические проблемы.

Среди представителей деловых кругов обрабатывающей промышленности и электропромышленности, а также тяжелой промышленности были влиятельные сторонники интенсивного сотрудничества с Советской Россией, которые таким путем надеялись преодолеть дипломатическую изоляцию и экономическую блокаду Германии. С одной стороны, подходящим предложением для более тесных переговоров с Москвой, была советско-польская война 1920 г., в результате которой Советская Россия лишилась ряда территорий. А с другой стороны, очень эмоционально воспринятый в Германии плебисцит в Верхней Силезии, который тоже привел к утрате Германией территорий

и к ухудшению отношений с Польшей. Обвинения как со стороны Берлина, так и Москвы по поводу польской «экспансии» создали для обоих находящихся в дипломатической изоляции государств основу для выработки совместной политики. Партнеры приветствовали возобновление и расширение между ними экономических связей, бывших очень интенсивными до 1914 г. Для ослабления, насколько это возможно, финансовых рисков – неизбежное следствие революционного хаоса и последствий войны с Польшей, прежде всего Вальтер Ратенау вновь вернулся к идее международного синдиката. В качестве президента АЭГ, имевшего обширные связи в экономических кругах России, Ратенау, в рамках пропагандируемой им «политики выполнения» предполагал создание международного синдиката, включающего в себя Германию, Великобританию, Бельгию и, возможно, Францию. Целью такого синдиката было восстановление советской экономики, чтобы получить возможность обрести Россию в качестве торгового партнера снова доступного для западных стран. В качестве гарантии Германия предложила выбранным партнерам по синдикату контроль над некоторыми отраслями германской экономики. Этот план был одобрен как в Лондоне, так и в Париже. Французы, например, видели в нем возможность не только гарантировать способность Германии выплачивать репарации, но и дополнительно их увеличить. Для Лондона этот проект мог означать расширение торговых связей и тем самым возможность оказывать политическое влияние на большевистскую Россию. Очевидно, что представители германских деловых и политических кругов, принимавшие решения, связывали с этим проектом не только возможность ревизии Версальского договора, но и выходящие за ее пределы цели. «Освоение» совместно с западными державами советской экономики должно было стабилизировать и развить собственную экономику, чтобы достичь ранее имевшегося и потенциально еще существующего экономического преобладания Германии в Европе. Либерально-империалистические цели войны, касающиеся Средней Европы, экономически объединенной под германской гегемонией, дополненной и расширенной эксплуатируемой полукOLONИАЛЬНЫМИ методами экономикой восточной империи, были бы достигнуты мирным путем и таким образом на более длительный срок. Новыми – но лишь по части тактики, но вовсе не целевой установки – были методы реализации и назначение этого проекта. Это означает, что призвав западные державы к «мирному» сотрудничеству, Берлин, во-первых, обеспечил себе не только их соучастие, но и поддержку той политики, против которой они до сих пор боролись. Во-вторых, – и это, вероятно, самое главное в предложенной концепции: внутри планируемого синдиката на продолжительное время немцы стремились достичь равноправия, как это уже было до 1914 г. – экономически ведущей позиции Германии, чтобы

таким способом можно было бы в известной степени с помощью Москвы пересмотреть Версальский договор.

Именно с «экономическим проникновением в Россию» еще во время Первой мировой войны Ратенау связывал большие надежды. И вот теперь в изменившихся условиях оно должно было предоставить уникальную возможность реинтегрировать большевистскую Россию в мировую капиталистическую экономику, решить проблему репараций и создать предпосылки для любовной мирной политики ревизий.

Однако Советы отклонили предложенные Германией «международные мероприятия по оказанию помощи», верно оценив ее истинные намерения. Напротив, они просили державы Антанты добиться аннулирования прежних российских долгов и зарубежных активов. Британский премьер-министр Ллойд Джордж и его французский коллега Аристид Бриан в ответ на эту просьбу предложили созвать международную экономическую конференцию в Генуе, на которой можно было бы решить данные проблемы. Обе «державы-партнеры», Германия и Советская Россия, также были на нее приглашены с целью найти решение, общее для европейской экономики.

Несмотря на то, что идея освоения России с помощью международного консорциума потерпела неудачу, и Москва, и Берлин старались предотвратить сепаратное сотрудничество каждой из сторон с западными державами.

Еще до назначения Ратенау министром иностранных дел 30 января 1922 г. начались германо-русские переговоры, целью которых было взаимное списание довоенных долгов. Немецкая сторона особенно стремилась побудить Россию отказаться от притязаний на репарации в соответствии со 116-й статьей Версальского договора.

Весной 1922 г. Советы дали понять, что заинтересованы в выяснении германо-советских отношений и, кроме того, выступили с инициативой заключения торгового договора. Здесь наметился путь к Рапалло.

Деловые круги тяжелой промышленности, Восточноевропейский отдел МИД и прежде всего руководство рейхсвера, устремленные в прошлое, старались сохранять преемственность германской политики силы от кайзеровской империи к Веймарской республике в том, что касается ее целей и методов. В тесном экономическом и военном сотрудничестве с Москвой они хотели создать противовес вновь возникшей Польше, пренебрежительно именуемой «сезонным государством», а в итоге также и державам-победительницам на западе, обрести свободу действий во внешнеполитической сфере и подготовить условия для скорой с использованием политики силы ревизии Версальского договора. Такой курс означал для этих кругов первый шаг на пути к активной внешней политике, основанной на союзоспособности.

Хёрстер-Филиппс и особенно Кюперсу⁵¹ удалось выяснить, что за проведение такой политики выступал Йозеф Вирт. Два события главным образом вынудили его отказаться от первоначально осуществляемой «политики выполнения», основывающейся на взаимопонимании и сотрудничестве. Это проведенный в Верхней Силезии плебисцит не в пользу Германии и объявленный также в 1921 г. Лондоном ультиматум Берлину, в котором содержалось требование выплатить в течение нескольких десятилетий репарации общим объемом 132 миллиарда золотых марок. После этого Вирт все больше склонялся к альтернативной политике, нацеленной на тесное экономическое, а также военное сотрудничество с Советской Россией. При этом он делал ставку на своего рода двойную стратегию. Позволяя Ратенау как министру восстановления и реконструкции, а с конца января 1922 г. министру иностранных дел проводить с западными державами политику коллективного взаимопонимания и безопасности, Вирт одновременно форсировал переговоры с Москвой. Вообще Вирт играл главную роль в реализации «германской восточной политики, предшествовавшей заключению Рапалльского договора»⁵². Прежде всего он санкционировал тайные переговоры руководства рейхсвера с командованием Красной Армии⁵³. Вирт стал «по сути дела, движущей силой политики Рапалло», которую он, «в отличие от своих партнеров Мальцана и Ратенау, проводил с ясной целью – создание реваншистского союза»⁵⁴.

Примечательно, что Йозеф Вирт был не единственным, кто трансформировал свою внешнеполитическую позицию. Таким был и консерватор Ульрих граф Брокдорф-Ранцау, первый министр иностранных дел молодой Веймарской республики, а с 1922 г. до 1928 г. первый ее посол в Москве, который изначально предостерегал от большевистской угрозы и характеризовал германо-советское сближение как в высшей степени отягощающее переговоры с державами-победительницами. Правда, несколько позднее, не встретив ожидаемого понимания с их стороны, Брокдорф-Ранцау перестал исключать возможность совместных действий с советскими властями. Что касается русской козырной карты, то он надеялся, что она даст определенное преимущество при зашедших в тупик переговорах о справедливом мирном договоре.

Наконец, он даже рассчитывал на антизападный союз с Москвой. В 1922 г., когда дело шло о претворении в жизнь Рапалльского соглашения, Брокдорф-Ранцау опять стал решительным противником, прежде всего двустороннего военного сотрудничества⁵⁵. Эти внешнеполитические пируэты опытного дипломата можно отнести на счет открытости внешнеполитической ситуации Германии непосредственно после окончания войны⁵⁶.

Рейхсвер уже летом 1920 г. установил первые контакты с русскими военными. При этом речь шла о перемещении в Россию германских проектов по

созданию вооружений, запрещенных Версальским договором. Общим противником являлась Польша, которая рассматривалась как «несовместимая с существованием Германии», и поэтому также «с помощью России» она должна была «исчезнуть», о чем заявил генерал Г. фон Сект 11 октября 1922 г.⁵⁷ Когда в мае 1921 г. начальник управления сухопутных войск Сект обратился с просьбой к рейхсканцлеру Вирту и Министерству иностранных дел о политической и финансовой поддержке наметавшегося сотрудничества с Красной Армией, она была удовлетворена. Эти «официально терпимые тайные контакты»⁵⁸ свидетельствуют, что теми, кто недвусмысленно нарушили статьи Версальского договора и приступили к его пересмотру с использованием политики силы, были не экономические круги и частные фирмы, а военные, взявшие на себя инициативу по ведению германо-русских переговоров⁵⁹. И это был Йозеф Вирт, который поддерживал враждебную по отношению к Польше позицию рейхсвера и стремился найти в нем «опору». И его «становление [...] как приверженца политики Рапалло находится в тесной взаимосвязи с развитием отношений между Германией и Советской Россией»⁶⁰. Будучи рейхсканцлером, Вирт уже в своей первой беседе 7 февраля 1922 г. с советским дипломатом самого высокого ранга в Берлине Н.Н. Крестинским поддержал скорое возобновление дипломатических отношений между обеими странами. И еще до назначения Ратенау министром иностранных дел Вирт в середине января 1922 г. принял решение о тесном сотрудничестве с Москвой, на котором настаивал рейхсвер, и тем самым против договоренности с Западом.

Ратенау, который придерживался политики коллективного взаимопонимания, особенно с западными державами, разумеется, отверг попытку ориентации исключительно на Россию, так как скептически относился к большевистскому режиму, а кроме того, хотел избежать конфликта с западными державами. Неудивительно также, что его назначение министром иностранных дел не было встречено в Москве с восторгом, как ни как он активно выступал за создание международного консорциума для России. По мнению Ратенау, Германии следовало скорее взять на себя роль посредника между Западом и Советской Россией и таким образом обрести признание в качестве равноправного партнера. Эта ключевая роль не была признана за Германией, что наглядно продемонстрировал Ллойд Джордж, когда в Генуе вел переговоры с советской делегацией, не пригласив германских представителей.

Усилия Ратенау, направленные на проведение коллективной внешней политики, обеспечивающей общую безопасность, не были вознаграждены уступками западных держав в репарационном вопросе: Франция позволила снять с повестки дня международной экономической конференции в Генуе

эту тему, а США вообще не приняли участие в ее работе. В итоге, столкнувшись с возникшей дилеммой, к какому курсу склониться, Ратенау, опасаясь внешнеполитической изоляции, пошел вопреки своим убеждениям, на уступку позиции, которую представляли рейхсвер, Восточный отдел Министерства иностранных дел⁶¹, возглавлявшийся Аго фон Мальцаном, и, конечно, рейхсканцлер Вирт, и дал согласие на двустороннее соглашение с Москвой.

В ходе Генуэзской конференции в пасхальное воскресенье, 16 апреля 1922 г., в Рапалло между обоими аутсайдерами международного сообщества – Германией и Советской Россией – был заключен договор, который предусматривал взаимный отказ от возмещения военных расходов и военного ущерба, причиненного каждой из сторон в годы войны, отказ немецкой стороны от возмещения убытков, возникших в результате национализации германской собственности в Советской России. Кроме этого, договор предусматривал возобновление дипломатических и экономических отношений между двумя государствами на основе принципа наибольшего благоприятствования.

Драматические дни и часы перед подписанием Рапалльского договора детально изучены⁶², так что от их рассмотрения в данной статье можно отказаться.

Заключение Рапалльского договора произвело впечатление разорвавшейся бомбы и грозило сорвать Генуэзскую конференцию. Оно было восторженно встречено сторонниками «активной» и, соответственно, особенно антипольской восточной политики Германии. Они думали, что благодаря этому шагу можно вновь обрести свободу действий, которая бы способствовала осуществлению успешной ревизии Версальского договора и кроме того в долгосрочном плане восстановлению Германией статуса великой державы.

Эта политика ставила под сомнение собственную политику Ратенау, ориентированную на Запад и на коллективное взаимопонимание и безопасность, сталкивала и блокировала республиканское направление внешней политики Веймара⁶³, а тем самым и новый подход к внешней политике и смену парадигм, на чем он настаивал прежде. Рапалло было для Ратенау временной мерой и ни в коей мере не соответствовало его представлениям.

Примечания

¹ См. предисловие Х.-А. Якобсена: 70 Jahre nach dem Vertrag von Rapallo. Die Zusammenarbeit zwischen der Sowjetunion und Deutschland als Beispiel für friedliche Koexistenz // Begegnungen. 1992. Н. 1. S. 2.

² См., например, критический обзор восприятия Рапалло в ГДР: Klein F. Walther Rathenau in der Historiographie der DDR // Mitteilungen der Walther Rathenau Gesellschaft. 1996. März. S. 8–14.

³ Таково, кстати сказать, название подводящей итоги статьи Хорста Г. Линке (см.: Historische Zeitschrift. 1997. Bd. 264. S. 55–109).

⁴ Hörster-Philipp U. Joseph Wirth 1879–1956: Eine politische Biographie. Paderborn, 1998.

⁵ Küppers H. Joseph Wirth. Parlamentarier, Minister und Kanzler der Weimarer Republik. Stuttgart, 1997.

⁶ Niels J. Der Architekt von Rapallo: Der deutsche Diplomat Ago von Maltzan in der Kaiserzeit und in der Weimarer Republik. (Diss.). Heidelberg, 2005.

⁷ Walther-Rathenau-Gesamtausgabe (далее – WRGA) / Hrsg. von H.D. Hellige, E. Schulin. Bd. II: Hauptwerke und Gespräche / Hrsg. von E. Schulin. München; Heidelberg, 1977; Bd. V: Briefe. Teilband I: Briefe 1871–1913; Teilband 2: Briefe 1914–1922 / Hrsg. von A. Jaser, C. Picht, E. Schulin. Düsseldorf, 2006; Bd. VI: Walther Rathenau, Maximilian Harden. Briefwechsel 1897–1920. Mit einer einl. Studie von H. D. Hellige. München; Heidelberg, 1983. В процессе подготовки: Bd. I: Schriften bis 1914 / Hrsg. von A. Jaser, H. D. Hellige; Bd. III: Schriften aus Kriegs- und Revolutionszeit 1914–1919 / Hrsg. von A. Jaser, W. Michalka; Bd. IV: Schriften 1919–1922 / Hrsg. von Ch. Scheidemann, T. Koops.

⁸ Die Extreme berühren sich. Walther Rathenau 1867–1922. Eine Ausstellung des Deutschen Historischen Museums in Zusammenarbeit mit dem Leo Baeck Institute / Hrsg. von H. Wilderotter. New York; Berlin, o.J. [1993].

⁹ Brenner W. Walther Rathenau. Deutscher und Jude. München; Zürich, 2005; Schölzel Ch. Walther Rathenau. Eine Biographie. Paderborn u.a., 2006; Gall L. Walther Rathenau. Portrait einer Epoche. München, 2009; Hentschel-Fröhlings J. Walther Rathenau als Politiker der Weimarer Republik. Husum, 2007.

¹⁰ Fleischhauer E. I. Rathenau in Rapallo. Eine notwendige Korrektur des Forschungsstandes // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 2006. H. 3. S. 365–415.

¹¹ «Образ России и запланированная политика Рапенау в отношении России требуют подобающего изображения», – пишет Фляйшхауэр (Fleischhauer E. I. Op. cit. S. 391).

¹² При этом особым импульсом для меня послужили далеко идущие размышления Герда Кёнена (см.: Koenen G. Die 'Völkerwanderung von unten'. Walther Rathenau über Russland und Sowjets // Deutschland und die russische Revolution. 1917–1924 / Hrsg. von G. Koenen, L. Kopelew. München, 1998. S. 240–274).

¹³ Ibid. S. 242–243.

¹⁴ Rathenau W. Transatlantische Warnsignale // Die Zukunft. 1898. 30. Juli; abgedr. in : Nachgelassene Schriften. Berlin, 1928. Bd. 1. S. 9–14.

¹⁵ Этим постулатом Вальтер Рапенау внес поправку в знаменитое высказывание Наполеона о В. Гёте в 1808 г. (Rede auf der Tagung des Reichsverbandes der deutschen Industrie am 28. September 1921 in München // Rathenau W. Gesammelte Reden. Berlin, 1924. S. 264).

¹⁶ *Rathenau W.* Das Eumenidenopfer (23.3.1913), abgedr. in: *Rathenau W.* Gesammelte Schriften in fünf Bänden. Berlin, 1918. Bd. I. S. 259.

¹⁷ WRGA. Bd. II. S. 423–424.

¹⁸ *Rathenau W.* Tagebuch 1907–1922 / Hrsg. und kommentiert von H. Pogge von *Strandmann*. Mit einem Beitrag von J. Joll und einem Geleitwort von F. Fischer. Düsseldorf, 1967. S. 185–186.

¹⁹ *Feldman G. D.* Armee, Industrie und Arbeiterschaft in Deutschland 1914 bis 1918. Berlin; Bonn, 1985. S. 57.

²⁰ С 1912 г. Ратенау отстаивал концепцию таможенного союза с Австрией, Швейцарией, Италией, Бельгией и Нидерландами. См. в непосредственной связи с этим и далее: *Michalka W.* «Mitteleuropa geeinigt unter deutscher Führung». Europäische Wirtschaftsgemeinschaft als Friedens- und Kriegsziel // *Die Extreme berühren sich*. S. 179–188.

²¹ *Schreiben W.* Rathenau an T. Bethmann Hollweg, 7.9.1914 // *Politische Briefe*. Dresden, 1929. S. 9.

²² О «сентябрьской программе» прежде всего см.: *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht: die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. Düsseldorf, 1961. S. 113ff.; об аннекционистских военных целях Германии см.: *Feldman G. D.* Hugo Stinnes: Biographie eines Industriellen 1870–1924, München, 1998. S. 385–393.

²³ *Ibid.* S. 12.

²⁴ 10 и 24 октября 1914 г. В. Ратенау обратился с подобными предложениями к Т. Бетману-Гольвегу.

²⁵ См. запись в дневнике В. Ратенау от 30 октября 1914 г.: *Rathenau W.* Tagebuch 1907–1922. S. 188.

²⁶ *Schreiben W.* Rathenau an E. Ludendorff, 6.11.1915 // *Politische Briefe*. S. 51.

²⁷ См.: *Koenen G.* *Op. cit.* S. 255.

²⁸ С Россией АЭГ связывали тесные деловые отношения, в 1901 г. в Санкт-Петербурге был основан ее дочерний филиал – Русская всеобщая электрическая компания (РАЭГ). Она осуществляла «электрификацию» России, строила трамвайные линии, оснащала русские военные корабли электрооборудованием. Связи между АЭГ и РАЭГ оборвала война. См.: *Grekow B.* “Russland ist unser künftiges Absatzgebiet”. *Walther Rathenau und Russland zwischen 1914 und 1922* // *Die Extreme berühren sich...* S. 203–208.

²⁹ *Schreiben W.* Rathenau an T. Bethmann Hollweg, 30.8.1915 // *Politische Briefe...* S. 47 ff.

³⁰ *Schreiben W.* Rathenau an C. Haußmann, 15.9.1915 // *Ibid.* S. 49.

³¹ *Schreiben W.* Rathenau an T. Bethmann Hollweg, 30.8.1915 // *Ibid.* S. 47 ff.

³² *Wollstein G.* Theobald von Bethmann Hollweg. Letzter Erbe Bismarcks, erstes Opfer der Dolchstoßlegende. Güttingen; Zürich, 1995. S. 122; см. также: *Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Vierter Band: Vom Beginn des Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten 1914–1949. München, 2003. S. 34.

³³ Politische Briefe... S. 133.

³⁴ Schreiben W. Rathenau an von Seeckt, 26.6.1917 // Ibid. S. 148 ff.

³⁵ См.: *Borowsky P.* Deutsche Ukrainepolitik 1918 unter besonderer Berücksichtigung der Wirtschaftsfragen. Löbeck; Hamburg, 1970. S. 49, 166ff. ; *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. S. 415, 474 ff.; *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. München, 1966. S. 262 ff.

³⁶ См.: *Wulf P.* Hugo Stinnes. Wirtschaft und Politik 1918–1924. Stuttgart, 1979. S. 39–40.

³⁷ См.: Deutsch-sowjetische Beziehungen von den Verhandlungen in Brest-Litowsk bis zum Abschluss des Rapallovertrages. Dokumentensammlung. Berlin, 1967. Bd. I. S. 631–633.

³⁸ См.: Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik (ADAP). Ser. A (1918–1925). Göttingen, 1982–1992. Bd. I. Dok. 247. S. 83.

³⁹ Ibid. Bd. 3. Dok. 165. S. 294 ff.

⁴⁰ *Grupp P.* Deutsche Aussenpolitik im Schatten von Versailles 1918–1920. Zur Politik des Auswärtigen Amtes vom Ende des Ersten Weltkrieges und der Novemberrevolution bis zum Inkrafttreten des Versailler Vertrages. Paderborn, 1988. S. 86.

⁴¹ *Rathenau W.* Kritik der dreifachen Revolution // Schriften aus Kriegs- und Nachkriegszeit. Berlin, 1929. S. 346.

⁴² *Kessler H.* Tagebücher 1918–1937. Frankfurt a. M., 1961. S. 131.

⁴³ Der neue Staat. Berlin, 1919. S. 45.

⁴⁴ *Niekisch E.* Gewagtes Leben; цит. по: WRGA. Bd. II. S. 778.

⁴⁵ *Radek K.* Eine kleine Seite aus meinen Erinnerungen; цит. по: WRGA. Bd. II. S. 804.

⁴⁶ Об этом см.: *Michalka W.* Kriegsrohstoffbewirtschaftung. Walther Rathenau und die «kommende Wirtschaft» // Der Erste Weltkrieg. Wirkung, Wahrnehmung, Analyse / Hrsg. von W. Michalka. München; Zürich, 1994. S. 485–505.

⁴⁷ Так пишет Петер Групп в своем важном исследовании, см.: *Grupp P.* Op. cit.

⁴⁸ См.: *Lee M. M., Michalka W.* German Foreign Policy 1917–1922: Continuity or Break? Leamington Spa; Hamburg, 1987. Противоположную позицию представил Петер Крюгер, см.: *Krüger P.* Die Aussenpolitik der Republik von Weimar. Darmstadt, 1985. 2. Aufl. 1993. Дискуссию о преемственности и прерывности в веймарской внешней политике см.: *Klümper H.* Deutsche Aussenpolitik zwischen Versailles und Rapallo. Revisionismus oder Neuorientierung? Münster; Hamburg, 1992; см. также: *Niedhart G.* Die Aussenpolitik der Weimarer Republik. 2. Aufl. München, 2006.

⁴⁹ См.: *Niedhart G.* Deutsche Geschichte 1918–1933. Politik in der Weimarer Republik und der Sieg der Rechten. Stuttgart, 1994. S. 91 ff.

⁵⁰ См.: *Genoa, Rapallo and European Reconstruction in 1922* / Ed. by C. Fink, A. Frohn, J. Heideking. New York, 1991.

⁵¹ См.: *Koenen G.* Op. cit. S. 242–243; *Rathenau W.* Transatlantische Warnsignale. S. 9–14; см. также: *Niels J.* Forschungsbericht Rapallo. Zeitgeschichte einer Kontroverse // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. 2007. Bd. 34. H. 3. S. 103–126.

⁵² *Küppers H.* Zwischen Londoner Ultimatum und Rapallo. Joseph Wirth und die deutsche Aussenpolitik 1921/22 // Historische Mittelungen. 2000. S. 150; *Idem.* Joseph Wirt. Parlamentarier, Einister und Kanzler der Weimarer Republik.

⁵³ Об этом см.: *Zeidler M.* Reichswehr und Rote Armee 1920–1933. Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit. 2. Aufl. München, 1994; см. также: *Groehler O.* Selbstmörderische Allianz. Deutsch-russische Militärbeziehungen 1920–1941. Berlin, 1992.

⁵⁴ Столь критическую оценку см.: *Elz W.* Die Weimarer Republik und ihre Außenpolitik. Ein Forschungs- und Literaturbericht // Historisches Jahrbuch. 1999. S. 363.

⁵⁵ См.: *Linke H. G.* Der Weg nach Rapallo. Strategie und Taktik der deutschen und sowjetrussischen Außenpolitik // HZ. 1997. Bd. 264. S. 57–58; см. в целом: *Scheidemann Ch.* Ulrich Graf Brockdorff-Rantzau (1869–1928), eine politische Biographie. Frankfurt a. M., 1998.

⁵⁶ Об этом также см.: *Michalka W.* Russlandbilder des Auswärtigen Amtes und deutscher Diplomaten // Das Russlandbild im Dritten Reich / Hrsg. von H-E. Volkmann. Köln, 1994. S. 79–104; см. также: *O'Sullivan D.* Furcht und Faszination. Deutsche und britische Russlandbilder 1921–1933. Köln u.a., 1996; *Wagner A.* Das Bild Sowjetrusslands in den Memorien deutscher Diplomaten der Weimarer Republik. Münster; Hamburg, 1995.

⁵⁷ См.: Die ungeliebte Republik. Dokumente zur Innen- und Außenpolitik Weimars 1918–1933 / Hrsg. von W. Michalka, G. Niedhart. München, 1980. S. 144.

⁵⁸ См.: *Küppers H.* Zwischen Londoner Ultimatum und Rapallo. S. 163.

⁵⁹ См.: *Linke H. G.* Der Weg nach Rapallo... S. 74 ff.

⁶⁰ *Küppers H.* Op. cit. S. 163.

⁶¹ Об этом см.: *Sütterlin I.* Die «Russische Abteilung» des Auswärtigen Amtes in der Weimarer Republik. Berlin, 1994.

⁶² Об этом детально и с учетом новейших исследований, см.: *Fleischhauer E. I.* Op. cit.

⁶³ В этом контексте тезис П. Крюгера, см.: *Krüger P.* Op. cit.

Н. Н. Станков (Волгоград)

Дипломатия Э. Бенеша после Рапалло (май–октябрь 1922 года)

16 апреля 1922 г. в отеле «Палаццо империале», расположенном в парке между Санта-Маргерита и Рапалло, народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин и министр иностранных дел Германии В. Ратенау заключили договор. Рапалльский договор, подписанный во время работы Генуэзской конференции, вызвал в дипломатических кругах и прессе западных держав бурю возмущения и негодования. «С позднего вечера 17 и с самого раннего утра 18 апреля на устах у всех был советско-германский договор в Рапалло», – вспоминал один из очевидцев¹. Председатель французской делегации Л. Барту выразил возмущение по поводу двуличия немцев и русских, которые «спрятавшись в тени, повторили брест-литовский удар в момент, когда все европейские государства собрались, чтобы сообща поработать над экономическим восстановлением Европы»².

Нельзя утверждать, что советско-германский договор был полной неожиданностью. В дипломатических кругах были осведомлены о советско-германских переговорах накануне Генуи и даже высказывались предположения, что эти переговоры «продвинулись очень далеко»³. Председатель правительства и министр иностранных дел Чехословацкой республики Э. Бенеш был одним из тех, кто предвидел возможность заключения советско-германского договора. 19 декабря 1921 г. в беседе с британским посланником в Праге Дж. Клерком Бенеш отметил, что, по его мнению, сотрудничество Германии с Советской Россией является неизбежным, и заявил, что «если государства-преемники не будут готовы к такой расстановке сил, то перспективы будут самые серьезные»⁴. Поэтому в первые же дни после подписания Рапалльского договора в кулуарах Генуэзской конференции Бенеш развернул бурную деятельность, стремясь не допустить дальнейшего укрепления советско-германского союза. Он старался предотвратить «насильственный разрыв между Россией и остальной Европой», «продвинуть вперед переговоры с Россией»⁵. 28 апреля и 1 мая 1922 г. Бенеш имел две продолжительные беседы с наркомом иностранных дел РСФСР Г. В. Чичериным. Они обсудили проблемы взаимоотношений Советской России и Чехословакии⁶. В ходе переговоров Бенеш пришел к соглашению с Чичериным в отношении проекта советско-чехословацкого договора, в том числе и его политической части, отказавшись, однако, при-

знать РСФСР де-юре. Лояльность в отношении Франции удерживала Бенеша от подписания договора с Москвой до завершения работы Генуэзской конференции. Но по окончании конференции заместитель наркома иностранных дел РСФСР М. М. Литвинов и заместитель министра иностранных дел ЧСР В. Гирса подписали условно до получения согласия своих правительств временный советско-чехословацкий договор⁷.

После уточнения некоторых формулировок 5 июня 1922 г. в Праге был заключен временный договор между РСФСР и ЧСР, а 6 июня аналогичный договор был подписан Чехословакией с Украиной⁸. Договор предусматривал развитие торговых и экономических отношений между Советской Россией и Чехословакией. Большинство статей договора касались их экономического сотрудничества. Но он содержал и ряд политических положений: соблюдение каждой из договаривавшихся сторон нейтралитета в случае конфликта одной из них с третьей державой, создание представительств Чехословацкой республики в Москве и РСФСР – в Праге, отказ от подстрекательской пропаганды и т. д.⁹

Одновременно Бенеш вступил в переговоры с представителями Германии. 2 мая 1922 г. в Генуе Бенеш встретился с рейхсминистром иностранных дел В. Ратенау. Чехословацкий премьер-министр заявил о желательности постепенного достижения лучших отношений между Францией и Германией и предложил выступить в качестве посредника. Бенеш также выразил заинтересованность в развитии экономического сотрудничества между ЧСР и Германией¹⁰. Ратенау отказался от посреднических услуг Бенеша, но в развитии чехословацко-германских отношений летом и осенью 1922 г. наметились определенные позитивные сдвиги. 28 июня президент ЧСР Т. Г. Масарик ратифицировал экономический договор от 29 июня 1920 г., и 12 сентября 1922 г. был подписан протокол об обмене ратификационными грамотами¹¹. Правительства ЧСР и Веймарской республики урегулировали международно-правовые вопросы сообщения между двумя странами, подписали конвенцию о выдаче преследуемых лиц¹², договоры о правовой защите и правовой помощи в гражданских делах, в вопросах налогообложения и другие¹³.

Бенеш критически оценивал политику французского правительства в отношении Веймарской республики. Он считал, что «не может быть и речи о каких-либо санкциях против Германии»¹⁴. Чехословацкое правительство уклонилось от тесного военного сотрудничества с Парижем. Когда после подписания Рапалльского договора военный министр Франции А. Мажино предложил расширить взаимодействие между генеральными штабами с целью «разработки оперативных планов против нашего вероятного противника», Чехословакия отклонила это предложение. Прага опасалась быть задействован-

ной во французских военных планах и оказаться втянутой по прихоти Парижа или Варшавы в какой-либо вооруженный конфликт. Летом 1922 г. французские военные с беспокойством отмечали, что ЧСР стремилась ограничить сотрудничество с Францией и установить более тесные связи в рамках Малой Антанты¹⁵.

Действительно консолидация Малой Антанты стала важнейшим направлением внешней политики ЧСР после подписания Рапалльского договора. Еще в Генуе Бенеш договорился с министром иностранных дел Королевства СХС М. Ниничем и премьер-министром Румынии И. Брэттиану об укреплении сотрудничества стран Малой Антанты. 9 июня 1922 г. в Белграде состоялось совещание министров иностранных дел ЧСР, Королевства СХС и Румынии, на котором были рассмотрены проблемы укрепления их отношений, в частности, вопрос о заключении нового чехословацко-югославского договора. Его предполагалось подписать во время предстоявшего визита югославского премьер-министра Николы Пашича в Прагу. Он должен быть заключен на более продолжительный срок и на более широкой основе в сравнении с договором 1920 г. Как сообщал Бенеш из Белграда в Прагу, новый договор должен был гарантировать неуклонное соблюдение не только Трианонского мирного договора, но и Версальского и Сен-Жерменского. Он предусматривал политическое, военное, дипломатическое и экономическое сотрудничество Чехословацкой республики и королевской Югославии. С Румынией аналогичный договор предполагалось заключить через год¹⁶. Кроме того, на Белградском совещании были рассмотрены вопросы координации внешнеполитических действий ЧСР, Королевства СХС и Румынии, и по инициативе чехословацкой дипломатии было принято решение о проведении периодических встреч министров иностранных дел государств Малой Антанты.

Первая такая встреча состоялась 27–28 августа 1922 г. в Праге. Накануне открытия конференции в ЧСР прибыли югославский король Александр с королевой Марией. Чехословацкая пресса очень тепло приняла приезд королевской четы, подчеркивая, что это первая ее заграничная поездка. Александр в ЧСР пользовался большой популярностью. Лидер Чехословацкой национально-демократической партии К. Крамарж отзывался о нем в самых хвалебных тонах и призывал его стать носителем идеи славянской солидарности¹⁷. Газета чешских национальных демократов «*Národní listy*» писала, что хотя король прибыл в Чехословакию как частное лицо, он примет участие в предстоявших югославо-чехословацких переговорах, целью которых является подписание нового союзного договора. Газета отмечала, что договор ЧСР с Королевством СХС от 14 августа 1920 г. уже недостаточен для обоих государств¹⁸.

Идея подписания нового договора и укрепления сотрудничества с Королевством СХС встречала поддержку со стороны всех чехословацких политических партий (от национальных демократов Крамаржа до социал-демократов)¹⁹, что способствовало консолидации политической элиты ЧСР.

22 августа в Марианске-Лазне прибыл Н. Пашич. 25 августа состоялись чехословацко-югославские переговоры. Пашич, Нинчич и Бенеш обсудили содержание нового союзного договора между двумя странами, который предусматривал тесное политическое и дипломатическое сотрудничество ЧСР и Югославии во всех международных вопросах, направленных на сохранение политического и территориального статус-кво в Центральной Европе. Они договорились распространить взаимные гарантии на все мирные договоры. Помимо нового союзного договора предполагалось подписать ряд соглашений, охватывавших все стороны чехословацко-югославского сотрудничества²⁰. В тот же день состоялась встреча Бенеша с королем Александром²¹.

Отношения ЧСР с третьим партнером по Малой Антанте, с Румынией, были значительно прохладнее. Бухарест не собирался гарантировать Версальский договор, а Прага не торопилась определяться в бессарабском вопросе²².

Мимо внимания наблюдателей не прошли попытки Чехословакии отеснить от Малой Антанты Польшу. Бенеш, очевидно, был не заинтересован поддерживать тесные отношения с Польшей, чье международное положение после заключения между двумя ее соседями Рапальского договора резко ухудшилось²³, а внутриполитическая обстановка отличалась нестабильностью²⁴. Тесное сотрудничество Малой Антанты с Польшей явно не встраивалось в новую внешнеполитическую конструкцию чехословацкого премьер-министра, стремившегося в целях поддержания равновесия к расширению сотрудничества с Германией и Советской Россией. В Варшаве отметили, что договоры с РСФСР и УССР, подписанные 5 и 6 июня Чехословакией, в частности, содержащееся в их преамбуле указание на необходимость соблюдения каждой из договаривавшихся сторон нейтралитета в случае конфликта одной из них с третьей державой, находилось в противоречии с польско-чехословацким договором 1921 г.²⁵ Польская пресса критиковала правительство ЧСР, которое недавно искало соглашение с Польшей, а теперь снова ориентировалось на Россию. Краковский «Czas» обвинял чехословацкое правительство в том, будто оно стремилось к осуществлению идеи чехословацко-русского коридора через Карпатскую Русь и Львов и поддерживало украинцев Галиции²⁶. «Kurier Codzienny» резко нападал на Бенеша и обвинял ЧСР в том, что она до сих пор не ликвидировала украинские бригады и якобы заключила «в Рапалло соглашение с Советами». «Kurier Codzienny» призывал сейм не ратифицировать польско-чехословацкий договор от 6 ноября 1921 г.²⁷ Нападки польской прес-

сы в то время были на руку Бенешу и, более того, он сознательно спровоцировал их, используя вопрос о Яворжине.

Яворжинский вопрос возник в ходе проведения линии чехословацко-польской границы. Комиссия по делимитации столкнулась с проблемой, что граница, установленная чехословацко-польским соглашением от 28 июля 1920 г., в полной мере не учитывала местные условия и интересы проживавшего там населения. Поэтому комиссия взялась исправить положение, производя по необходимости небольшие изменения с целью облегчения повседневной жизни населения пограничья. В апреле 1921 г. польский представитель согласился на незначительные изменения границы в пользу Чехословакии в Ораве. При этом он дал ясно понять, что ожидает со стороны ЧСР ответного шага в вопросе о Яворжине – небольшом селении в Татрах. Передача Польше Яворжины, по замыслам варшавских политиков – сторонников сотрудничества с ЧСР, должна была продемонстрировать полякам исправление исторической несправедливости в тешинском вопросе, который в 1920 г. был решен в ущерб польским интересам. Поэтому официальные круги и пресса Польши чрезмерно раздували значимость Яворжины²⁸.

Вскоре общественное мнение Польши стало придавать яворжинскому вопросу слишком большое значение, и польские политики оказались заложниками положения, которое они сами же создали. Этим воспользовалась чехословацкая дипломатия; в ее руках искусственно созданный яворжинский вопрос оказался инструментом, с помощью которого можно было регулировать отношения с Польшей²⁹. Когда Прага была заинтересована в улучшении отношений с Варшавой, то Э. Бенеш во время переговоров с министром иностранных дел Польши К. Скирмунтом в ноябре 1921 г. обещал решить вопрос о территориальной принадлежности Яворжины до мая 1922 г. Но после Рапалло, когда потребовалось установить с Польшей определенную дистанцию, как отмечал в донесении в Берлин германский посланник в Праге В. Кох, Э. Бенеш, сославшись на протесты национальных демократов К. Крамаржа и Словацкой партии А. Глинки против передачи Яворжины Польше, «взял свое обещание обратно», чем спровоцировал протесты с польской стороны. В знак протеста Варшава отозвала из Праги своего посланника Э. Пильца и поставила в зависимость от решения вопроса о Яворжине ратификацию сеймом польско-чехословацкого договора. Однако, несмотря на то, что польско-чехословацкий конфликт приобрел столь острую форму, ходили слухи о возможном участии нового министра иностранных дел Польши Г. Нарutowича в предстоявшей конференции Малой Антанты. Правда, польская дипломатия дифференцированно относилась к странам Малой Антанты; Нарutowич в одном из своих интервью лишь вскользь упомянул об отношениях с Чехословакией, но с особым акцентом указывал на

необходимость развития тесного и доверительного сотрудничества с Румынией³⁰. В Праге это расценили как попытку нового польского правительства «оторвать Румынию от Малой Антанты и заключить более тесный союз с ней»³¹.

Бенеш, хотя и был заинтересован в отстранении Польши от дальнейшего сотрудничества с Малой Антантой, не мог воспрепятствовать участию ее представителей в Пражской конференции министров иностранных дел. Правда, он дал понять Варшаве, что участие польского министра иностранных дел в конференции нежелательно. Когда временный поверенный в делах Польши в ЧСР К. Бадер поинтересовался у Э. Бенеша, ожидает ли он приезда в Прагу Г. Нарutowича, тот уклонился от ответа, оставив решение вопроса на усмотрение польской стороны. По мнению польского историка А. Эссена, Бенеш был заинтересован в том, чтобы Польшу на конференции представлял дипломат более низкого ранга, которого в случае необходимости можно было отстранить от переговоров министров иностранных дел Малой Антанты³². Польское правительство приняло решение направить на Пражскую конференцию Малой Антанты Э. Пильца, оговорив, что он возвращается в столицу Чехословакии не в качестве посланника, а делегата конференции³³.

27–28 августа в Праге состоялась конференция министров иностранных дел Малой Антанты с участием Э. Бенеша, М. Нинчича, И. Г. Дуки и представителя польского министра иностранных дел Э. Пильца. Они рассмотрели все политические вопросы предстоявшей сессии Лиги наций, которые затрагивали интересы этих государств: вступление Венгрии в Лигу наций, проблемы национальных меньшинств, выдвижение кандидатуры от четырех государств (Малой Антанты и Польши) в Совет Лиги наций. Помимо этого, участники конференции подробно обсудили положение Австрии и Центральной Европы, общую международную ситуацию³⁴. При оценке последней указывалось на негативные последствия Рапалльского договора на международные отношения в Европе, на необходимость оказания содействия в преодолении раскола между Великобританией и Францией и поддерживания постоянных контактов между странами Малой Антанты и Польши³⁵.

При обсуждении вопроса об Австрии Бенеш проинформировал участников конференции об итогах визита федерального канцлера И. Зейпеля 21 августа в Прагу, о бедственном положении этой страны, представлявшем опасность для всего центральноевропейского региона. Бенеш предложил план восстановления Австрии и защиты ее независимости с помощью Лиги наций. Этот план получил одобрение участников конференции³⁶.

Большое внимание было уделено обсуждению вопроса о принятии в Лигу наций Венгрии. Венгрия, несмотря на подписание Трианонского договора, представляла потенциальную угрозу для соседних государств. Она не торопи-

лась разоружать свою армию, напротив, использовала любой предлог для ее пополнения³⁷. Приезд австрийского канцлера в Прагу накануне конференции Малой Антанты был истолкован Будапештом как угроза, как попытка присоединения Австрии к ЧСР и создания чехословацко-югославского коридора. Это послужило поводом для обсуждения военным министерством Венгрии вопроса о немедленном увеличении численности венгерской армии³⁸. Тогда же правительство Венгрии обратилось с протестом к Верховному совету Антанты по поводу австро-чехословацких переговоров и конференции Малой Антанты. По мнению венгерского правительства, «цели Пражской конференции, в том виде, как их передает печать, знаменуют нарушение Трианонского договора»³⁹. Еще резче выступала венгерская пресса, утверждая, что «вокруг Венгрии куется железное кольцо»⁴⁰. Участники Пражской конференции при обсуждении венгерского вопроса исходили из того, что предпочтительнее допустить Венгрию в Лигу наций, где она была бы под контролем мирового сообщества, чем оставлять ее в состоянии изоляции⁴¹. При этом все участники конференции заявили, что «совершенно необходимой предпосылкой принятия Венгрии в Лигу наций» является «полное и безоговорочное исполнение Трианонского договора»⁴².

На Пражской конференции был также рассмотрен вопрос о положении национальных меньшинств, обсуждение которого ожидалось на сессии Лиги наций, куда с жалобами на нарушение своих прав обращались судетские немцы⁴³, венгры, македонцы⁴⁴. Участники конференции поручили Э. Бенешу от имени Малой Антанты выступить на ассамблее Лиги наций по вопросу о национальных меньшинствах⁴⁵. При рассмотрении этой проблемы чехословацкий премьер-министр исходил из неуклонного соблюдения мирных договоров. Национальные меньшинства обязаны были сохранять лояльность в отношении государства, в границах которого они проживали. Со своей стороны государственные власти должны были уважать права национальных меньшинств и ограждать их от всяческих притеснений. Но он решительно отвергал любые проявления национальной демагогии, истерии и нелояльности. Проект Бенеша по вопросу национальных меньшинств был принят в сентябре Лигой наций⁴⁶. Этому успеху в решающей степени способствовало отношение западных союзников к проблемам меньшинств. Франция всегда была противницей того, чтобы судетские немцы оказывали какое-либо влияние на политическую жизнь ЧСР, и не намерена была поддерживать их жалобы в Лигу наций. Великобритания, которая хорошо знала о многочисленных нарушениях прав национальных меньшинств в странах Малой Антанты, предпочитала не вмешиваться и не собиралась брать на себя инициативу в решении этих проблем. В Форин оффисе считали, что любое внешнее вмешательство принесет больше вреда, чем пользы: если бы национальные меньшинства встретили сочувствие в Лиге

наций, то они отказались бы от любых попыток урегулирования своих проблем в рамках государств, в которых они проживали, и волнения продолжались бы бесконечно долго⁴⁷. Поэтому великие державы с легкостью уступили инициативу Бенешу и поддержали его проект по вопросу национальных меньшинств, который вначале, очевидно, был согласован на Пражской конференции малоантанговских государств.

Пражская конференция рассматривала также вопросы о делимитации австро-венгерской и австро-югославской границ, о возможной реставрации в Германии баварской династии Виттельсбахов. Последнее участники конференции однозначно осудили⁴⁸. Польский делегат Э. Пильц в ходе конференции и в кулуарах пытался добиться признания странами Малой Антанты восточной границы Польши, но его усилия не увенчались успехом⁴⁹.

В официальном коммюнике, опубликованном после завершения работы Пражской конференции, подчеркивалось: «Переговоры происходили в духе полной солидарности и дружбы, было достигнуто полное согласие, выразившееся в уверенности, что все четыре государства будут и впредь действовать в том же направлении и в тесной связи между собой...»⁵⁰. Но в действительности в ходе конференции произошло размежевание интересов ЧСР и Королевства СХС, с одной стороны, и Румынии и Польши, с другой, о чем свидетельствовали последовавшие события.

31 августа 1922 г. в Марианске-Лазне Э. Бенеш и Н. Пашич подписали новый союзный договор между Чехословакией и Королевством СХС. Статья 1 предусматривала продление предыдущего договора от 14 августа 1920 г. на пять лет. Обе стороны принимали к сведению политические и военные соглашения, заключенные Чехословакией с Румынией, Австрией и Польшей, и аналогичные договоры Королевства СХС с Румынией и Италией (статья 2). Предполагалось создать взаимную основу для тесного экономического, финансового и транспортного сотрудничества (статья 3). Новый договор предусматривал оказание политической и дипломатической поддержки в международных делах, а в случае возникновения угрозы общим интересам, принятие совместных мер для их защиты (статья 4)⁵¹. Новый чехословацко-югославский договор расширил сферу сотрудничества двух стран.

Польская дипломатия после Пражской конференции потеряла интерес к сотрудничеству со всем малоантанговским блоком и основное внимание уделяла укреплению сотрудничества с Румынией. 15–17 сентября «начальник государства» Ю. Пилсудский нанес визит в Бухарест, где подписал новую польско-румынскую военную конвенцию, которая предусматривала в случае нападения на одну из сторон немедленное оказание военной помощи и объявление войны агрессору другой стороной⁵².

С целью оздоровления и стабилизации международной ситуации в Центральной Европе Чехословакия взяла на себя инициативу в решении экономических проблем Австрии, оказавшейся летом 1922 г. в столь бедственном положении, что возникла угроза ее независимости.

В Австрии не было политической силы, способной преодолеть экономический кризис и сохранить единство и независимость страны. Об этом свидетельствует множество проектов присоединения Австрии целиком или отдельных ее провинций к одному из соседних государств. Бывший министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин предложил план создания таможенной и валютной унии с Италией, который, как с тревогой отметила чехословацкая дипломатия, был с воодушевлением встречен по обоим сторонам Альп⁵³. Социал-демократы и немецкие националисты возобновили агитацию за «экономический аншлюс» – за присоединение Австрии к Германии⁵⁴. Появились планы создания нейтрального Альпийского государства в составе Тироля, Форарльберга, Зальцбурга, Штирии и Каринтии, их самостоятельного существования или присоединения к соседним странам и землям (к Баварии, Италии, Швейцарии, Королевству СХС). Как правило, эти проекты друг друга взаимно исключали. В Тироле были сторонники как Альпийского, так и независимого Тирольского государства. Значительная часть населения Форарльберга стремилась присоединиться к Швейцарии. Правительства Штирии и Каринтии в августе 1922 г. обратились к Италии с просьбой в случае югославской интервенции взять их под свою защиту. Их опасения были не лишены оснований. В Королевстве СХС в отношении этих провинций были свои планы: в случае их присоединения был бы создан чехословацко-югославский коридор⁵⁵.

Попытка осуществления любого такого плана представляла угрозу не только единству Австрии, но и миру в Центральной Европе. Чехословакия опасалась возникновения вооруженных конфликтов на своих южных границах. Она не имела территориальных притязаний к Австрии, более того, не желала присоединения новых австрийских областей, так как это привело бы к усилению немецкого элемента в ЧСР⁵⁶. Чехословакия была чрезвычайно заинтересована в сохранении единой и самостоятельной Австрии в границах, установленных Сен-Жерменским договором, в стабилизации экономического и политического положения в Центральной Европе. В тех условиях Чехословакия была естественным союзником правительства И. Зейделя, предпринимавшего в течение июня – июля 1922 г. отчаянные усилия с целью оздоровления финансовой системы Австрии и предотвращения хаоса. Убедившись в невозможности без внешней помощи справиться с кризисной ситуацией, И. Зейпель в августе 1922 г. обратился к представителям держав Антанты, собравшимся в Лондоне на конференцию с просьбой о предоставлении займа.

15 августа британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж ответил от имени союзных держав, что они не могут оказать Австрии финансовую помощь, и предложил передать этот вопрос на рассмотрение Лиги наций. 18 августа И. Зейпель заявил, что отказ Антанты превратил финансовую проблему Австрии в политическую «среднеевропейскую проблему», на карту поставлена возможность существования Австрии в качестве независимого государства⁵⁷.

С целью обсуждения австрийской проблемы с государственными деятелями соседних стран и получения от них помощи И. Зейпель в конце августа предпринял поездки в Чехословакию, Германию и Италию. 21 августа канцлер И. Зейпель прибыл в Прагу. В тот же день состоялись переговоры с Бенешем и членами чехословацкого правительства. И. Зейпель обрисовал крайне тяжелое положение Австрии, сообщил, что Лондонская конференция разрушила последние надежды на эффективную помощь со стороны великих держав, и во избежание катастрофы он вынужден обратиться к непосредственным соседям, чтобы выяснить, может ли Вена рассчитывать на поддержку кого-либо из них. Федеральный канцлер ясно дал понять, что, если Лига наций не окажет немедленную и действенную помощь, Австрия вынуждена будет искать пути экономического «примыкания» (*die Anlehnung*) к кому-либо из соседних государств, или к группе нескольких государств. Бенеш заметил, что слово «*Anlehnung*» имеет различные значения. «Какое значение канцлер придаст ему в Берлине? – спросил чехословацкий премьер-министр. – Не будет ли оно равнозначно аншлюсу?» Зейпель согласился, что это так⁵⁸. Бенеш убеждал федерального канцлера оставить все надежды на осуществление аншлюса, уверяя, что аншлюс мог быть лишь предметом политических дискуссий, но не реальной политики⁵⁹. Осуществить аншлюс, соблюдая нормы международного права, через Лигу наций было бы невозможно. Франция этого не допустила бы. Но даже, если предположить невероятное, что Лига наций разрешила бы аншлюс, по силам ли было Германии возложить на себя новое бремя, поскольку репарационные и другие ее обязательства возросли бы? Осуществить аншлюс, попирая нормы международного права, и объявить о присоединении к Германии, ссылаясь на волеизъявление австрийского народа, означало бы вызвать официальные протесты великих держав и соседних государств и оказаться в состоянии дипломатической изоляции и экономической блокады, что могло только ускорить крушение Австрии⁶⁰.

Бенеш уверял федерального канцлера, что Германия, чье экономическое и финансовое положение было плачевным, и не было надежд на его улучшение в обозримом будущем, не могла оказать Австрии действенную помощь⁶¹. Указывая на экономические трудности Италии, он также не советовал Зейпелю вступать в таможенную и валютную унию с Римом. Бенеш сомневался, что

Италия способна пойти на большие жертвы ради Австрии⁶². Чехословацкий премьер-министр уверял, что есть только один путь спасения Австрии: она должна действовать в соответствии с рекомендациями Лондонской конференции и обратиться в Лигу наций. Последняя, по мнению Бенеша, была в состоянии обеспечить Австрии самостоятельное существование, и иного пути он не рекомендовал бы. Он взялся представлять австрийские интересы в Лиге наций и предложить план оздоровления Австрии и Центральной Европы. Бенеш стоял на точке зрения Сен-Жерменского договора и дополнительной ноты к нему, гарантирующей Австрии право на помощь Антанты. Он считал, что помощь должна исходить от великих держав, но и ЧСР, насколько позволяют ее возможности, окажет поддержку Австрии. Чехословакия не могла допустить крушения своего южного соседа. ЧСР обещала предпринять срочные меры для поддержки промышленности Австрии, возобновить поставки угля и необходимого сырья⁶³.

Чехословакия взяла на себя инициативу в решении австрийского вопроса. Бенеш с большой энергией проводил свой план, согласно которому Австрия должна была получить крупный международный заем под гарантии четырех держав (ЧСР, Великобритании, Франции и Италии), а австрийское правительство обязано было воздерживаться от каких-либо переговоров, способных привести к нарушению ее независимости и территориальной целостности⁶⁴. План Бенеша был одобрен государствами Малой Антанты и Францией, которые обязались его поддерживать на международных переговорах⁶⁵. В сентябре 1922 г. предложения Бенеша по австрийскому вопросу рассматривались Советом Лиги наций. 4 октября правительство Австрии и правительства Великобритании, Франции, Италии и Чехословакии подписали Женевские протоколы. Они гарантировали политическую независимость, территориальную целостность и суверенитет Австрии. Австрийское правительство обязалось в согласии со статьей 88 Сен-Жерменского мирного договора воздерживаться от всяких экономических и финансовых соглашений, которые могли бы прямо или косвенно привести к нарушению независимости Австрии. Таким образом, эти протоколы запрещали не только присоединение Австрии к Италии или Германии, но и не допускали даже создания более тесных экономических связей между ними. Женевские протоколы содержали гарантии займа для Австрии в размере 650 млн. золотых крон и определяли механизм контроля их использования. Контрольные функции возлагались на генерального комиссара, назначаемого Лигой наций и на контрольный комитет, состоявший из представителей держав, под гарантии которых был получен Австрией заем. Председатель этого комитета назначался итальянским правительством, а его заместитель – правительством ЧСР. Без согласия контрольного комитета австрийское правительство не должно было заключать каких бы то ни было займов.

Оно не имело права без согласия генерального комиссара расходовать средства, полученные посредством гарантированных державами займов. Генеральный комиссар определял условия, на которых Австрии давались кредиты. Женевские протоколы обязывали Австрию предоставить правительству широкие полномочия для проведения в жизнь реформ, разработанных им совместно с генеральным комиссаром и делегацией Лиги наций⁶⁶. Контроль Лиги наций за проведением в жизнь предусмотренных Женевскими протоколами экономических и финансовых обязательств действовал до 30 июня 1926 г. Политические обязательства оставались в силе до конца 1930-х гг.

Таким образом, после подписания Советской Россией и Германией договора в Рапалло Э. Бенеш предпринял энергичные действия, чтобы приспособить внешнюю политику ЧСР к новым международным реалиям. Модификация внешнеполитического курса Чехословакии проявилась в ослаблении французского влияния, в расширении связей с Советской Россией и Германией, в укреплении коалиционного сотрудничества в рамках Малой Антанты, в обновлении договорной системы ее стран-участниц с предоставлением ряда взаимных гарантий. Благодаря активности чехословацкой дипломатии Австрия на длительное время была поставлена под контроль Лиги наций. Женевские протоколы наряду с другими договорами и соглашениями, подписанными ЧСР летом и осенью 1922 г., по расчетам Э. Бенеша, должны были способствовать упрочению безопасности страны и стабилизации положения в Центрально-Восточной Европе.

Примечания

¹ Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Генуэзская конференция: (Воспоминания участников). М., 1963. С. 73.

² Цит. по: Там же. С. 76.

³ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1973. Т. 1. С. 40. Док. 436.

⁴ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. I. L., 1980. Vol. 22. P. 632. Doc. 578. (Далее – DBFP).

⁵ Edvard Beneš (diplomat na cestách). Depeše z padesáti zahraničních cest ministra Beneše 1919–1928 / K vydání připravili J. Čechurová, J. Čechura. Praha, 2000. S. 46.

⁶ Archiv Ministerstva zahraničních věcí. Praha. Depeše došle. č.j. 604/22. (Бенеш – в МИД. Генуя, 9 мая 1922 г.) (Далее – AMZV).

⁷ Шишкин В. А. Чехословацко-советские отношения в 1918–1925 гг. М., 1962. С. 120; Olivová V. Československo-sovětské vstahy v letech 1918–1922. Praha, 1957. S. 390–391.

- ⁸ Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. 5. С. 441–446. Док. 180.
- ⁹ Там же. С. 443.
- ¹⁰ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Göttingen, 1988. Bd. 6. S. 166–167. Dok. 82.
- ¹¹ *Gajan K.* Německý imperialismus a československe-německé vztahy v letech 1918–1921. Praha, 1962. S. 156; *Kubů E.* Německo – zahraničněpolitické dilema Edvarda Beneše. Praha, 1994. S. 71.
- ¹² Akten der Reichskanzlei Weimarer Republik. Die Kabinette Wirth I und II. 10. Mai 1921 bis 26. Oktober 1921. 26. Oktober 1921 bis 22. November 1922. Boppard am Rhein, 1973. Bd. 2. S. 882. Dok. 294. (Далее – ARWR).
- ¹³ *Ibid.* S. 1112. Dok. 381; Národní archiv České Republiky. Praha. Předsednictvo ministerské rady. Karton 4374. (Протокол заседания совета министров 10 мая 1922 г.).
- ¹⁴ Edvard Beneš (diplomat na cestách)... S. 40.
- ¹⁵ *Marus A.* Francouzsko-československé vztahy v oblasti vojenství 1918–1924 z pohledu Paříže // Český časopis historický. 1999. № 1. S. 63–64.
- ¹⁶ Edvard Beneš (diplomat na cestách)... S. 49.
- ¹⁷ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53948. Л. 118. (Торговая делегация РСФСР в Чехословакии. Бюллетень № 122. Обзор чешской печати. 7 июня 1922 г.). (Далее – АВП РФ).
- ¹⁸ Там же. Д. 53949. Л. 32. (Торговая делегация РСФСР в Чехословакии. Бюллетень № 158. Обзор чешской печати. 16 августа 1922 г.).
- ¹⁹ Там же. Л. 32.
- ²⁰ *Beneš E.* Cirkulární telegramy 1920–1935. Z dokumentů Archivu Ministerstva zahraničních věcí České Republiky k vydání připravil J. Dejmek. Praha, 2002. S. 56–57. Dok. 46.
- ²¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53949. Л. 54. (Торговая делегация РСФСР в Чехословакии. Бюллетень № 165. Обзор чешской печати. 26 августа 1922 г.).
- ²² Deutsche Gesandtschaftsberichte aus Prag. Innenpolitik und Minderheitenprobleme in der Ersten Tschechoslowakischen Republik. T. 2. Vom Kabinett Beneš bis zur ersten übernationalen Regierung unter Švehla 1921–1926 / fúsgewählt, eingeleitet und kommentiert von M. Alexander. Erfstadt, 1991, 2000. [Электронный ресурс] (CD-ROM). Dok. 31. (Далее – DG). Автор выражает глубокую благодарность профессору Кельнского университета М. Александру за разрешение использовать подготовленные им к печати документы германского посольства в Праге.
- ²³ *Essen A.* Polska a Mała Ententa 1920–1934. Warszawa; Kraków, 1992. S. 98.
- ²⁴ AMZV. Depeše došle. 1922. č.j. 732/22. (Макса – в МИД. Варшава, 7 июня 1922 г.).
- ²⁵ *Szklarska-Lohmannova A.* Polsko-czechosłowackie stosunki dyplomatyczne w latach 1918–1925. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967. S. 95.
- ²⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53949. Л. 35. (Торговая делегация РСФСР в Чехословакии. Бюллетень № 159. Обзор чешской печати. 17 августа 1922 г.).

²⁷ Там же. Л. 42. (Торговая делегация РСФСР в Чехословакии. Бюллетень № 160. Обзор чешской печати. 20 августа 1922 г.).

²⁸ *Wandycz P.* France and her Eastern Allies 1919–1925. French–Czechoslovak–Polish Relations from the Paris Peace Conference to Locarno. Minneapolis, 1962. P. 265.

²⁹ *Essen A.* Op. cit. S. 98.

³⁰ DG. T. 2. Dok. 31.

³¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53942. Л. 105. (Мостовенко–Литвинову. Прага, 18 августа 1922 г.).

³² *Essen A.* Op. cit. S. 102–103.

³³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53949. Л. 56. (Торговая делегация РСФСР в Чехословакии. Бюллетень № 166. Обзор чешской печати. 28 августа 1922 г.).

³⁴ *Beneš E.* Cirkulární telegramy 1920–1935... S. 57. Dok. 46.

³⁵ *Essen A.* Op. cit. S. 104.

³⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53949. Л. 64. (Торговая делегация РСФСР в Чехословакии. Бюллетень № 167. Обзор чешской печати. 30 августа 1922 г.).

³⁷ *Künzl-Jizerský R.* V diplomatických službách ČSR. Praha, 1947. S. 80–81.

³⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53949. Л. 57. (Торговая делегация РСФСР в Чехословакии. Бюллетень № 164. Обзор чешской печати. 25 августа 1922 г.).

³⁹ Там же. Л. 49. (Торговая делегация РСФСР в Чехословакии. Бюллетень № 162. Обзор чешской печати. 23 августа 1922 г.).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *Künzl-Jizerský R.* Op. cit. S. 81.

⁴² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53949. Л. 64. (Торговая делегация РСФСР в Чехословакии. Бюллетень № 167. Обзор чешской печати. 30 августа 1922 г.).

⁴³ AMZV. II. Sekce – 3. Společnost Národů. č. 708. S. 1–28. Petice německého parlamentního svazu z 15.IV.1922. č.j. 84/ 22-del. (Постоянная делегация ЧСР при секретариате Лиги наций в Женеве – в МИД ЧСР. Женева, 22 апреля 1922 г.)

⁴⁴ DBFP. Ser. I. L., 1983. Vol. 24. P. 325–326. Doc. 148.

⁴⁵ *Ibid.* P. 323. Doc. 146.

⁴⁶ *Edvard Beneš (diplomat na cestách)*... S. 51.

⁴⁷ DBFP. Ser. I. Vol. 24. P. 326. Doc. 148.

⁴⁸ *Vondracek F. J.* The Foreign Policy of Czechoslovakia. 1918–1935. N.Y., 1937. P. 201.

⁴⁹ *Essen A.* Op. cit. S. 106.

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53949. Л. 64. (Торговая делегация РСФСР в Чехословакии. Бюллетень № 167. Обзор чешской печати. 30 августа 1922 г.).

⁵¹ См.: *Diplomatické dokumenty o spojeneckých smlouvách Republiky Československé s Královstvím Srbů, Chorvatů a Slovinců a s Královstvím Rumunským.* Prosinec 1919 – srpen 1921. Praha, 1923. S. 189–191.

⁵² *Essen A.* Op. cit. S. 109–110.

⁵³ *Gajanová A.* ČSR a středoevropská politika velmocí (1918–1938). Praha, 1967. S. 115.

⁵⁴ DBFP. Ser. I. Vol. 24. P. 240. Doc. 91.

⁵⁵ *Байэр О.* Австрийская революция 1918 г. М., 1925. С. 259; *Kovač D.* Československá zahraničná politika a otázka Rakúska v rokoch 1918–1922 // *Slovenské štúdie.* 1982. 23 – 2. S. 31–32.

⁵⁶ *Kovač D.* Československá zahraničná politika a otázka Rakúska v rokoch 1918–1922. S. 31–32; *D'Abernon E.* An Ambassador of Peace. Lord D'Abernon's Diary. L., 1929. Vol. 2. P. 102.

⁵⁷ *Байэр О.* Указ. соч. С. 255.

⁵⁸ Außenpolitische Dokumente der Republik Österreich 1918–1938. Wien; München, 1998. Bd. 4. S. 327–328. Dok. 692 (Далее – ADÖ); DBFP. Ser. I. Vol. 24. P. 305–306. Doc. 135.

⁵⁹ ADÖ. Bd. 4. S. 329. Dok. 692.

⁶⁰ DBFP. Ser. I. Vol. 24. P. 306. Doc. 135.

⁶¹ ADÖ. Bd. 4. S. 329. Dok. 692.

⁶² Ibid. S. 334–335.

⁶³ Ibid. S. 338–339. Dok. 692; DBFP. Ser. I. Vol. 24. P. 307–308. Doc. 135; АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53949. Л. 47–48. (Торговая делегация РСФСР в Чехословакии. Бюллетень № 162. Обзор чешской печати. 23 августа 1922 г.).

⁶⁴ *Kovač D.* Československá zahraničná politika a otázka Rakúska v rokoch 1918–1922... S. 36.

⁶⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53949. Л. 64; (Торговая делегация РСФСР в Чехословакии. Бюллетень № 167. Обзор чешской печати. 30 августа 1922 г.); *Kovač D.* Československá zahraničná politika a otázka Rakúska v rokoch 1918–1922... S. 36.

⁶⁶ Подробнее см.: ADÖ. Bd. 4. S. 428–437. Dok. 707.

Эугениуш Дурачиньский (Варшава)

«Dobrze zasłużył się Ojczyźnie – он хорошо послужил Родине»

Именно так прозвучала в постановлении Польского Совета Министров, принятом 8 июля 1943 г. в Лондоне, оценка «исторических заслуг» перед Родиной генерала Владислава Эугениуша Сикорского.

За 4 дня до этого, в 22.45 на аэродроме Гибралтара польский премьер и одновременно главнокомандующий вместе со своей дочерью Зофьей Лесьновской, начальником Главного штаба генералом Тадеушем Климецким, полковником Анджеем Марецким, британским полковником Виктором Казале, личным секретарем Адамом Кулаковским, а также адъютантом, поручиком флота Юзефом Поникевским поднялись на борт самолета Consolidated Liberator II NO AL 523, который пилотировал капитан чехословацких военно-воздушных сил Эдвард Прхаль. Они летели на Ближний Восток, где находились части Польской Армии под командованием генерала Владислава Андерса, чтобы через сорок один день возвратиться в Лондон. В 23.07 самолет взлетел, но через несколько секунд упал в море и затонул на расстоянии трети мили от берега. Спасательные суда обнаружили живым пилота, а позже – и тело Владислава Сикорского. Операция по спасению пострадавших в авиакатастрофе продолжалась всю ночь.

В национальном пантеоне

Спустя полвека, прах генерала был перевезен с кладбища пилотов, которое находится недалеко от Лондона, – на Вавель (в Краков) и захоронен рядом с останками коронованных правителей Польши, а также князя Юзефа Понятовского, Тадеуша Костюшко, Адама Мицкевича, Юлиуша Словацкого и Юзефа Пилсудского. Этого символичного акта так и не дождались многие люди, кто, подобно Станиславу Миколайчику (преемнику Сикорского в должности премьера), до последнего верили в звезду генерала и видели в нем «выдающегося государственного деятеля» или «настоящего государственного деятеля мировой величины», как об этом, вторя Миколайчику, высказался глава Национального Совета (совещательного органа при президенте и премьер-министре) Станислав Грабский. Подчеркивая значение Сикорского, тот же Миколайчик говорил о нем, что генерал призывал поляков «przekuwać kruchy złom kłęski

w stalową broń zwycięstwa*». Так говорили и, наверное, думали, самые преданные сторонники погибшего в водах Гибралтара премьера.

До своей смерти Сикорский, без сомнения, был не только надеждой для огромного числа поляков, но и помехой для некоторых из них. Так, например, полковник Франтишек Демель, служивший в одной из польских воинских частей в Шотландии, в марте 1942 г. писал генералу Казимиру Сосновскому, начавшему в то время выдвигаться на первые роли среди всей тогдашней польской оппозиции в Лондоне: «Sikorski dojrzał już do tego, że można go powszechnie potraktować jako gówniarza**». Такое резкий эпитет из словаря Юзефа Пилсудского мог бытовать, пожалуй, исключительно среди легионеров – сподвижников первого маршала Польши и ярких приверженцев его легенды, которые не чурались даже подобных аллегорий, чтобы выразить свою ненависть к политическому оппоненту Пилсудского, каковым, справедливо или нет, считался Сикорский.

Пасквили

Год спустя, уже в 1943 г. среди лондонских эмигрантов ходил ядовитый стишок из пятнадцати строк – настоящий пасквиль под названием «Избавитель», в последнем без труда угадывался Сикорский. Вот одна из его строк:

A jak ci Stalin weźmie Lwów i Wilno
I przyobieca Polskę wielką, silną
Pojedź do niego, wypij z nim szampana
I sprawa granic będzie rozwiązana.

А как Сталин заберет у тебя Львов и Вильно
И посулит тебе Польшу великую, да сильную
Езжай к нему и выпей с ним шампанского
И проблема границ будет улажена.

Напомним, что этот пасквиль родился на почве польско-советского спора о прохождении границы между обоими государствами. Сталин хотел очертить ее с небольшими изменениями в пользу Польши – на основе так называемой линии Керзона, впоследствии положенной в основу пакта Риббентропа–Молотова, и установленной на ее основе 28 сентября 1939 г. границы в результате так называемого «освободительного похода Красной Армии» после нападения на Польшу Третьего Рейха, к которому фактически присоединился и СССР. В 1943 г. Сикорский отстаивал границы, установленные Варшавой и Москвой по Рижскому

* «Перековать хрупкий металллом былых поражений в стальную броню победы»

** «Сикорский дошел уже до того, чтобы повсюду считаться говнюком».

договору 1921 г. Польский лидер считал, что границы в Европе после войны будут зависеть от расстановки сил на последнем этапе мировой войны, которая, по его мнению, сложится в пользу США и Англии, а те, в свою очередь, склонят Москву к уступкам Польше. Сталин тоже полагал, что территориальное и политическое устройство европейских государств будет зависеть от результата военных действий. В 1943 г. он уже мог надеяться, что Красная Армия сыграет главную роль в победе над немцами и в освобождении от них Центральной и Юго-Восточной Европы. А он, в свою очередь, сможет стать одним из главных творцов системы послевоенных международных отношений.

Сикорский по-прежнему верил в успех

В польских эмигрантских кругах в Лондоне и в Польской Армии на Ближнем Востоке все сильнее и агрессивнее становилась оппозиция, которая укоряла Сикорского в том, что он плохо отстаивает польские интересы. Звучали даже призывы к отставке премьера. Критика немного утихла (никто не мог знать надолго ли) после 25 апреля 1943 года, когда Москва прекратила отношения с польским правительством, использовав как предлог обращение поляков в Международный Красный Крест в Женеве с просьбой о расследовании обстоятельств Катынской трагедии. В ночь с 12 на 13 апреля берлинское радио объявило, что в Катынском лесу, недалеко от Смоленска, обнаружено массовые захоронения убитых польских офицеров; причем виновником объявлялась советская сторона. То, что на этот раз немцы говорили правду ныне уже давно известно, однако тогда, весной 1943 г., в этот важный для будущего Польши момент, Сикорский так и не дождался поддержки со стороны тех, на кого очень рассчитывал – Уинстона Черчилля и Франклина Рузвельта. Они, руководствуясь негласным принципом, что сначала надо выиграть войну, фактически приняли сторону Сталина. Позиция большой тройки в связи с катынской трагедией повлияла на настроения в среде польской эмиграции и на отношения поляков к Сикорскому. Приведем здесь мнение известного историка генерала Мариана Кукеля, который в изданной в Лондоне в 1970 г. биографии Сикорского, писал: «Sprawa katyńska wywołała pewne odprężenie w sytuacji wewnętrznej w polskich kołach politycznych i wojskowych w Wielkiej Brytanii. Oczywiście było, że nie pora teraz na wewnętrzne przewroty, gdy toczy się walka o samą pozycję Polski w obozie Sprzymierzonych, o obronę przed kompletną izolacją»^{*}.

^{*} «Катынская трагедия несколько смягчила напряженность внутренней ситуации в польских военно-политических кругах в Великобритании. Было очевидно, что в тот момент, когда идет борьба за место самой Польши в лагере союзников, борьба против ее полной изоляции, нет времени на внутренние распри».

Пользуясь потеплением отношений в «польском Лондоне», премьер решил лететь на Ближний Восток, чтобы там, среди солдат, успокоить волнения и отстоять проводимую им политическую линию. 22 мая 1943 года он в последний раз председательствовал на заседании Совета Министров, выступив с речью, посвященной возможному развитию военной и политической ситуации. Сикорский считал, что высадка союзников на европейский континент произойдет не раньше весны 1944 г. Так и случилось, когда англичане и американцы преодолели Ла-Манш и высадились в Нормандии. На Сицилию и юг Италии они вступили уже летом 1943 г., вероятно, имея в виду дальнейшее продвижение на Балканы, на чем настаивал Черчилль, горячо поддерживаемый польским главнокомандующим. Однако этот план был отвергнут американцами. Говоря о польско-советских делах, генерал Сикорский утверждал, что польское правительство категорически отказывается от каких-либо переговоров касательно изменений восточной границы в пользу СССР и заявлял о поддержке этой позиции со стороны англосаксов. В этом последнем и очень важном утверждении он выдавал желаемое за действительное, а благородные устремления – за реально осуществимую программу действий. Сикорский не знал, что в Лондоне и Вашингтоне уже созрели предпосылки будущих соглашений Черчилля, Рузвельта и Сталина, касавшихся восточной границы Польши, которые отвечали желаниям Кремля.

Несчастный случай или покушение?

Сикорский покинул Лондон 24 мая пополудни и, конечно же, он не мог предположить, что вернется туда в гробу. Он ушел из жизни в переломный период войны, когда победа союзников уже была близка и не вызывала сомнений. С Лондоном он попрощался через четыре дня после своего шестидесяти второго дня рождения. Автору этих строк не раз пришлось обращаться к жизненному пути генерала и задаваться вопросом, мог ли предвидеть Сикорский, какие тяжелые, драматические и трагические испытания выпадут на долю поляков, прежде чем в Европе прекратятся военные действия, и что принесет им наступивший мир? Мы уже никогда об этом не узнаем.

Едва ли можно исключить, что продолжающиеся уже десятки лет дискуссии вокруг причин катастрофы самолета и трагической судьбы находившихся на его борту пассажиров, когда-нибудь закончатся и в руках историков окажутся бесспорные доказательства того, что это был или несчастный случай, вызванный техническими неполадками, ошибкой пилота, или же саботаж, покушение, совершенное по чьему-то приказу, а имена его исполнителей и инициаторов, либо организация к которой они принадлежали, будут названы. Остается только надеяться, что истинные причины и подлинные обстоятельства

гибели Сикорского будут выяснены когда-то в будущем. Нынешнее положение таково, что усилиями Яна Новака-Езёранского, и, прежде всего, благодаря кропотливым архивным изысканиям знатока политики Великобритании и деятельности ее спецслужб в 1939–1945 гг. Яцека Тебинки из Гданьского университета, польские читатели могут ознакомиться с очень важными и до этого неизвестными британскими источниками, касающимися гибралтарской катастрофы. Если кто-то надеялся, что в доступных Тебинке материалах окажется подтверждение гипотезы о спланированном убийстве Сикорского, то он будет весьма разочарован. Мы присоединяемся к мнению Тебинки, что «śmierć polskiego Naczelnego Wodza będzie zapewne jeszcze przez długie lata dostarczała materiału do mniej lub bardziej udanych spekulacji <...>. Wraz z upływem ponad półwiecza jest jednak coraz bardziej wątpliwe, aby udało się kiedykolwiek poznać ponad wszelką wątpliwość przyczyny awarii samolotu Liberator w Gibraltarze 4 VII 1943»*.

Иного мнения придерживается Ян Новак-Езёранский, которого Я. Тебинка относит к приверженцам теории покушения. Утверждая, что катастрофа была подстроена, он пишет: «Szereg okoliczności wskazuje na wysokie prawdopodobieństwo sabotażu dokonanego przez Brytyjczyków na usługach sowieckich służb specjalnych, którzy tkwili w angielskim wywiadzie i kontrwywiadzie»**. Однако, никаких доказательств приведенной точки зрения нет, и, по нашему мнению, нет оснований считать гибралтарскую катастрофу одной из тех, причины которых невыяснены.

Однако среди польских журналистов есть немало приверженцев теории заговора. Пальму первенства, без сомнения, надо отдать Дариушу Балишевскому, который выступил на страницах «Newsweek Polska» с циклом заметок, в которых высказал попросту фантастическую версию смерти Сикорского и его спутников. По его мнению, все они были убиты еще в Гибралтаре, а потом якобы их роль сыграли неустановленные и соответственно загримированные убийцами подставные лица! Эту версию сразу же высмеял на страницах «Политики» профессор Анджей Гарлицкий, но довольно много подобных примеров характерного журналистского недоразумения, невежества или же «производственного брака в цеху газетчиков».

* «Смерть польского главнокомандующего еще на протяжении многих лет будет причиной менее или более удачных спекуляций <...>. По истечению более полувека после аварии с уверенностью можно сказать, что вряд ли кому-либо удастся узнать точные причины крушения самолета Liberator в Гибралтаре 4 июля 1943 г.»

** «Череда событий указывает на правдоподобность саботажа, осуществленного англичанами из английской разведки и контрразведки, которые были агентами советских спецслужб».

Вместо этого, целесообразно обратиться к вопросу о развитии польско-советских отношений, рассмотрев их в период со дня подписания соглашения Сикорский-Майский (И. М. Майский тогдашний посол СССР в Великобритании), то есть от 30 июля 1941 г. до их прекращения Москвой 25 апреля 1943 г. Хотелось бы обратить внимание на их первый, без сомнения, самый важный период, который закончился летом 1942 г., когда сформированная на территории СССР под командованием Владислава Андерса Польская армия была выведена на Ближний Восток.

Было ли это возможно?

Казалось, что именно тогда, во время общей войны с Третьим Рейхом и, конечно же в рамках антигитлеровской коалиции, должно было возникнуть что-то вроде польско-советского военно-политического союза. Именно подобный путь избрал президент Чехословакии Эдвард Бенеш. Но был ли возможен такой вариант развития отношений для Польши, принимая во внимание курс польской политики Сталина, начиная с сентября 1939 г.? Без сомнения, это один из ключевых вопросов истории Центральной и Восточной Европы того времени.

С одной стороны, с 1941 г. Польшу и Советский Союз объединяли общие интересы и задачи, с другой – оба эти государства разделяли очень весомые противоречия. У них был общий враг – Третий рейх Адольфа Гитлера, их объединяла воля собственных правительств к доведению войны до победного конца. Общими были и союзники – Великобритания и США. И, в конце концов, польская и советская стороны стремились, хотя каждая по-своему, заложить фундамент послевоенных взаимоотношений.

Казалось, что многие факторы способствовали возникновению польско-советского военно-политического союза, по крайней мере, до февраля-марта 1942 г. Однако, уже летом того же года оказалось, что такой альянс невозможен. Противоречия целей и интересов становились намного сильнее условий возможного сближения, сотрудничества или даже союза, причем с обеих сторон. Во-первых, у Польского правительства в Лондоне и поддерживавших его сил в оккупированной фашистами Польше и у СССР было разное представление о характере будущих отношений. Сталин желал такой связи Польши с Москвой, где было бы возможным ее подчинение советской политике. Сикорский же боролся за целостность, свободу и независимость Польши, рассчитывая на поддержку Запада в противодействии Советскому Союзу. Во-вторых, это отмеченная уже выше проблема границы между обоими государствами. И, в-третьих, принципиально различались взгляды Сикорского и Сталина на межгосударственные отношения в послевоенной Центральной и Восточной

Европе. Польский премьер уже с конца 1939 г. сформулировал программу создания целой системы региональных федераций, начало которым должна была положить польско-чехословацкая конфедерация. Сталин относился к этим идеям с большим недоверием. Советские дипломаты в Лондоне убеждали Бенеша, что такой союз лишен политического смысла, а когда президент Чехословакии внял их доводам, Москва объявила летом 1942 г. о своем принципиальном veto в отношении подобных замыслов Сикорского.

В то же время, по настоянию англичан, польский премьер согласился на их предложение об эвакуации своей армии с территории СССР на Ближний Восток, чем Сталин был вполне доволен. Он хорошо понимал, что польский лидер никогда не согласится на роль сателлита Москвы, а в таких условиях присутствие в Советском Союзе армии Андерса было существенной преградой в подготовке кремлевского варианта разрешения польского вопроса.

Рука Москвы?

Мог ли Сталин, в связи с этим, а также в связи с множеством других обстоятельств, быть заинтересованным в устранении Сикорского с польской и международной политической арены, вплоть до его физического уничтожения? Из-за нехватки достоверных источников можно выдвигать различные версии. Известный и компетентный журналист и публицист Ян Новак-Езёранский в поисках ключа к разгадке гибралтарской трагедии предполагает, что, возможно, такой ключ находится в Москве. По его словам, Сталин якобы требовал снятия Сикорского с поста премьера, и того же добивался его посол в Лондоне И. М. Майский. Яцку Тебинке не удалось найти подтверждения этому в британских архивах. Не обнаружены они и в доступных автору настоящей статьи архивных материалах в Москве, хотя в неопубликованном до сего времени полностью «Дневнике» Майского, содержатся многие очень интересные заметки о польском правительстве в Лондоне, о генерале Сикорском и его политике, о будущем польско-советских отношений, о разговорах советского посла на этот счет с Уинстоном Черчиллем и министром иностранных дел Энтони Иденом. И. М. Майский исполнял свои обязанности в Лондоне с 1932 до лета 1943 г., и его насчитывающий около 2,5 тыс. страниц плотной машинописи, «Дневник» охватывает весь данный период. К польскому премьеру Майский относился с явной неприязнью и пренебрежением. Только и всего, но и этого отнюдь не мало.

Наследие

Дискуссии о политике генерала Владислава Сикорского и его роли в этом важном, как для него самого, так и, прежде всего, для Польши, историческом периоде продолжают уже десятки лет. Его ошибки и неудачи, как и успехи,

стали предметом пристального внимания исследователей. Как своеобразное завещание звучат сегодня слова Сикорского, сказанные 23 июня 1943 г. в Бейруте руководителям польских дипломатических служб на Ближнем Востоке: «na aliansie z Wielką Brytanią i wzmacniającą się z każdym dniem przyjaźni ze Stanami Zjednoczonymi budujemy na dziś i na przyszłość»*. И еще одно. Во время Второй мировой войны Сикорский дважды возвращал польскому народу надежду: непосредственно после сентябрьской катастрофы 1939 г. и после падения Франции в июле 1940 г. на которую поляки очень надеялись и столь горько обманулись в своих ожиданиях. И хотя бы за это, Владислав Сикорский заслужил такие почетные в польской государственной и политической традиции слова: «dobrze zasłużył się Ojczyźnie», ставшие заглавием настоящей статьи.

* «На союз с Великобританией и укрепляющуюся с каждым днем дружбу с Соединенными Штатами полагаемся и сегодня, и на будущее».

Мотивы приглашения В. М. Молотова в Берлин. Факты, предположения, неокончательные выводы

Визит председателя Совнаркома и наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в Берлин поздней осенью 1940 г. давно привлек внимание историков разных стран, изучавших советско-германские отношения в 1939–1941 гг. Историографическая судьба этой темы сложилась непросто, так как степень и уровень ее разработки решающим образом зависела от доступа к документам. Причем на протяжении 45 лет исследователи имели возможность использовать только немецкие записи бесед, которые Молотов вел в Берлине с А. Гитлером и И. Риббентроном¹. Мемуары различного ранга немецких дипломатов, в том или ином качестве участвовавших в беседах Молотова или в их подготовке², добавили какие-то штрихи к атмосфере, в которой проходил его визит. Только на излете Перестройки, в 1991 г., в научный оборот были введены важные советские документы, а именно – шифропереписка между Молотовым и И. В. Сталиным в ходе берлинского визита (14 телеграмм)³. Через два года увидели свет советские записи всех бесед Молотова в Берлине, в частности с германским послом в Москве графом Ф. В. фон Шуленбургом и заместителем фюрера по НСДАП Р. Гессом, отсутствовавшие в немецких публикациях⁴. Наконец, в 1995 г. Л. А. Безыменскому удалось обнаружить в Архиве Президента РФ чрезвычайно важный документ – инструкции Молотову на ведение переговоров в Берлине⁵. Спустя несколько лет почти все эти документы, а также ряд телеграмм, относящихся к переписке Сталина с Молотовым в дни берлинского визита, вошли в очередной том документов внешней политики СССР⁶. Вышли в свет бесцензурные воспоминания и некоторых советских участников тех событий, в чем-то сопоставимые с тем, что появилось в Германии в конце 40-х – начале 50-х годов⁷. Таким образом, к середине 90-х годов в распоряжении историков оказалась, хотя далеко не исчерпывающая, но обширная и уже не односторонняя документальная база. Ее значение для более глубокого исследования роли берлинской миссии Молотова в политике Сталина и Гитлера представляется очевидным.

Оставляя за рамками данной статьи вопрос о том, насколько плодотворно отечественные историки за последние годы реализовали открывшиеся возможности для изучения визита Молотова в Берлин, лишь отмечу наличие с их

стороны несомненных усилий, предпринятых в этом направлении⁸. Наряду с этим среди историков различных стран, в том числе российских, наметилась достойная сожаления тенденция. Введенные в научный оборот документы они нередко используют не для анализа предыстории, хода и последствий визита Молотова в Берлин (подобный анализ не исключает, в частности пересмотра отдельных оценок), а для селективного отбора фактов и поиска цитат, призванных законсервировать прежние выводы о намерениях и действиях руководителей СССР и Германии⁹. Некоторые авторы пытаются даже манипулировать отдельными документами и выдвигать поистине фантастические версии относительно намерений и замыслов германского¹⁰ и советского¹¹ руководства, предопределивших приглашение Молотова в Берлин и характер бесед в ходе его визита. Таковы лишь отдельные штрихи историографической палитры одного из заметных международных событий 1940 г.

* * *

Итак, попробуем ответить на один из дискуссионных в историографии вопросов, зачем Молотова пригласили в Берлин?

Внешне состояние советско-германских отношений к концу лета 1940 г. выглядело вполне удовлетворительно. Обе стороны (особенно советская) довольно широко отметили в печати первую годовщину подписания советско-германского пакта о ненападении¹², названного в советском официозе «одним из важнейших документов в истории международных отношений нашей эпохи...»¹³. Однако эта была лишь видимость «добрососедских и дружественных советско-германских отношений», в основе которых якобы лежали «коренные государственные интересы как СССР, так и Германии»¹⁴. Решения 2-го Венского арбитража от 30 августа 1940 г., достигнутые при активном вмешательстве Берлина¹⁵, вызвали серьезное недовольство советского руководства, обвинившего германское правительство в нарушении статьи III договора о ненападении от 23 августа 1939 г., касающейся консультаций по вопросам, затрагивавшим интересы обеих сторон¹⁶. При этом особое раздражение Кремля вызвала предоставленная Германией и Италией гарантия территориальной целостности и неприкосновенности Румынии¹⁷. Дело было не только в том, что советское руководство имело виды еще на какие-то части румынской территории¹⁸. Его недовольство усугублялось тем фактом, что СССР не пригласили участвовать в консультациях по урегулированию трансильванского вопроса или, по крайней мере, не запросили его согласия на проведение Венского арбитража, которое могло бы стать некоей «разменной картой» в случае необходимости добиться от Берлина каких-то новых уступок. Спустя три недели

Молотов, не получив удовлетворяющих Кремль объяснений на этот счет¹⁹, указал на возможность изменения доверительного характера советско-германских отношений. В беседе с Шуленбургом и в переданной ему памятной записке он (по согласованию со Сталиным²⁰) подчеркнул, что советское правительство готово обсудить вопрос об изменении или отмене статьи III договора о ненападении от 23 августа 1939 г., если она представляет «с точки зрения Германского правительства известные неудобства и стеснения»²¹. Более того, начатый еще в июне 1940 г. осторожный зондаж о достижении договоренности, прежде всего с Берлином, относительно участия СССР в решении проблем балкано-дунайского региона²², неожиданно обрел резкую форму. В памятной записке акцентировалось внимание на том, что «советское правительство не признавало ни устно, ни письменно <...> за Германией исключительную заинтересованность в вопросах Румынии, а также в прочих вопросах, касающихся Дунайского бассейна»²³. Означали ли эти жесткие пассажи какие-то перемены в отношении Кремля к Берлину? Полагаю, что нет. Во всяком случае, имеющиеся на сегодняшний день в распоряжении исследователей документы этого не подтверждают. Напротив, в Кремле стремились достичь нового соглашения о дальнейшем разделе сфер интересов с руководством третьего рейха, так как прежнее было в основном реализовано²⁴ исключительно благодаря достигнутым в августе 1939 г. договоренностям. Можно предположить, что советское руководство, будучи отстранено от участия во 2-м Венском арбитраже, попыталось использовать этот факт в качестве предлога для оказания давления на Берлин с целью подтолкнуть Гитлера и Риббентропа к новым переговорам о перераспределении сфер интересов в Европе и даже за ее пределами. При этом, строя подобные прожекты, в Кремле исходили из того, что Гитлер, несмотря на кардинальные перемены, произошедшие на Европейском континенте, может быть, как и годом ранее, заинтересован в новых политических соглашениях с Советским Союзом.

В связи с этим письмо Риббентропа, направленное Сталину в середине октября 1940 г.²⁵, казалось бы, отвечало замыслу Кремля, в известной мере спровоцировавшего нацистское руководство на данный шаг. Однако подобный вывод опирается на учет намерений только одной стороны, хотя и подкрепленный чисто внешней реакцией, нарушающей протокол обращением министра иностранных дел одного государства к единоличному правителю-диктатору другого. Ответ на вопрос, какова была мотивация письма Риббентропа, позволит, по крайней мере частично, прояснить подоплеку приглашения Молотова в Берлин.

Не вызывает сомнения, что, получив первую информацию о недовольстве Молотова отсутствием консультаций между Германией и СССР по поводу

2-го Венского арбитража, Риббентроп не был склонен использовать дипломатические отговорки, которые могли бы создать впечатление об испытываемой им неловкости. Напротив, в инструкции Шуленбургу он недвусмысленно сформулировал позицию Берлина: после решения Бессарабского вопроса, на Балканах «не может быть и речи о наличии совместных интересов в том смысле, как они трактовались Московским пактом о ненападении»²⁶.

Усиливавшаяся напряженность в двусторонних отношениях вызывала беспокойство не только в германском посольстве в Москве, но и в руководстве МИД, хотя, возможно, по разным причинам. Как отмечал в связи с этим статс-секретарь МИД Э. фон Вайцеккер: «Наши отношения с Россией начинают страдать. <...> Будет еще больше обид, так как мы начинаем покровительствовать Финляндии и полностью оккупировать Северную Норвегию»²⁷. Вопрос о необходимости своевременной информации Москвы относительно достигнутого между Берлином и Хельсинки соглашения, касавшегося транзита немецких войск через территорию Финляндии, отнесенной к сфере интересов СССР, не мог остаться вне поля зрения дипломатов на Вильгельмштрассе, особенно если учесть реакцию Кремля на 2-й Венский арбитраж. Именно поэтому для Шуленбурга была подготовлена соответствующая инструкция. Посол как бы между прочим, в ходе обсуждения других вопросов, должен был сообщить Молотову о достигнутой договоренности с финнами по транзиту²⁸. Однако Гитлер отклонил это предложение МИД²⁹. Подобное решение в тот момент вряд ли было обусловлено стремлением к дополнительному осложнению отношений с Москвой. Можно предположить, что, с одной стороны, Гитлер не хотел еще раз привлекать внимание к «незначительным» вопросам, связанным с передвижением войск на близлежащих к СССР территориях³⁰, а с другой (что, вероятно, более важно), – не умалить значимость предстоящего уведомления советской стороны о заключении в конце сентября Тройственного пакта.

Заботила ли Берлин реакция советского руководства на заключение Тройственного пакта? Несомненно, она стала предметом серьезного обсуждения в МИД³¹, а также, разумеется, Риббентропом и Гитлером. Иначе, как объяснить то внимание, какое Риббентроп уделил этому вопросу в беседе с Муссолини 19 сентября в ходе визита в Рим³². В итоге Гитлер согласился с тем, что надо сгладить впечатление от неприятных сюрпризов последнего времени, так или иначе преподнесенных Москве, поскольку, по выражению информированного о стратегических намерениях фюрера Вайцеккера, «до весны еще далеко»³³. Именно в этой ситуации возник замысел – пригласить Молотова в Берлин для обсуждения «важных вопросов, связанных с постановкой совместных политических задач на будущее»³⁴. Прежде всего, приглашение должно было нейтрализовать или, по крайней мере, смягчить эвентуальную нега-

тивную реакцию Кремля на уведомление о предстоящем заключении Тройственного пакта. Не менее значимым и эффективным в тот момент был выбор формы приглашения – личное письмо Риббентропа Сталину. Формально оно явилось бы ответом на претензии советской стороны, содержащиеся в меморандуме от 21 сентября. Правда, временный поверенный в делах Германии в СССР В. фон Типпельскирх, согласно инструкции, не только информировал Молотова о мотивах предстоявшего заключения военного союза между тремя державами «оси», но и в самых общих чертах упомянул о содержании письма рейхсминистра Сталину, с которым Риббентроп «намеревается в ближайшее время обратиться» к советскому вождю³⁵. Столь необычная в дипломатической практике форма уведомления о предстоящем особо конфиденциальном шаге свидетельствует, что сама идея письма и соответственно приглашения Молотова в Берлин возникла буквально в последний момент, когда времени на ее реализацию до подписания Тройственного пакта уже не оставалось.

Были ли еще какие-либо основания, кроме снятия возникшей в конце августа – сентябре напряженности в двусторонних отношениях³⁶, побудившие Гитлера согласиться на подобный шаг своего министра иностранных дел? Да, несомненно, причем все они были взаимосвязаны. Видимой причиной являлись неудачные попытки вывести Англию из войны как политико-дипломатическими, так и военными средствами, что не позволяло считать борьбу на Западе завершенной. Если принять во внимание огромную зависимость британской метрополии от связей с империей, то, естественно, что в расчетах Гитлера немалое место стала занимать так называемая периферийная стратегия. Ее цель – путем прямых военных действий против отдельных частей Британской империи, равно как путем организации широкой блоковой конфигурации от Мадрида до Токио, создать угрозы империи и тем самым продемонстрировать правительству У. Черчилля всю бесперспективность продолжения борьбы с третьим рейхом³⁷. Нейтрализация Великобритании, по крайней мере, на обозримый период сняла бы и такую потенциальную угрозу, как вмешательство США в войну в Европе. В условиях чрезвычайно интенсивной, но не слишком результативной активности Берлина на дипломатическом фронте осенью 1940 г., направленной на создание антибританской коалиции, даже видимость³⁸ сопричастности СССР к этому процессу должна была принести определенные политические дивиденды³⁹.

Существовал еще один побочный аспект демонстрации «тесных» отношений Берлина с Москвой. Несмотря на сверхлояльность Кремля, выразившуюся в передаче германскому правительству «записи беседы» Сталина с британским послом в СССР С. Криппсом 1 июля, в которой были «затронуты вопросы, касающиеся интересов Германии»⁴⁰, в Берлине, зная об усилиях Черчилля

по «наведению мостов» в отношениях с Советским Союзом, проявляли определенную озабоченность на этот счет. Она выражалась по-разному в высказываниях Гитлера и Риббентропа, будучи мотивирована конкретными ситуативными намерениями⁴¹, но нашла отражение и в источниках, фиксировавших, как правило, личную точку зрения их автора, не обусловленную подобными задачами⁴². Не вдаваясь в детали, отмечу, что в контексте предыстории приглашения Молотова в Берлин, очевидно, этому вопросу уделялось, хотя не первостепенное, внимание, то есть этот визит должен был самым своим фактом создать дополнительные трудности на пути гипотетического сближения Англии и СССР.

И, наконец, еще одно, на мой взгляд, самое главное обстоятельство, обусловившее необходимость приглашения Молотова в Берлин, было теснейшим образом связано с решением Гитлера о нападении на Советский Союз. Как известно, фюрер сообщил об этом намерении во время двух совещаний в узком кругу высших военачальников 21 и 31 июля 1940 г.⁴³ Мероприятия, осуществленные Берлином в самых различных областях как следствие этого решения, в последующие месяцы, вплоть до подписания директивы по плану «Барбаросса», хорошо известны. Некоторые из них непосредственно и не лучшим образом повлияли на советско-германские отношения (направление частей вермахта в Румынию, транзит германских войск через территорию Финляндии в Норвегию, увеличение дисбаланса в двусторонней торговле в связи с задержкой немецких поставок), что вынудило Берлин к известным объяснениям с Москвой. Но одновременно, помимо разработки плана нападения на СССР, был принят ряд решений особой важности и секретности, свидетельствующих о том, что в рамках военно-стратегических и военно-экономических программ, осуществлявшихся осенью 1940 г., все более значимую роль играла подготовка войны против Советского Союза. Среди этих решений следует выделить следующие: указание Г. Геринга начальнику Военно-экономического штаба вермахта генералу Г. Томасу по поводу необходимости планомерных поставок размещенных СССР заказов – только до весны 1941 г. (14 августа)⁴⁴; директива ОКВ об увеличении полевых сухопутных войск к весне 1941 г. до 180 дивизий (5 сентября)⁴⁵; указание ОКВ о маскировке передислокации вермахта на Восток (6 сентября)⁴⁶; указание Гитлера об истинных задачах немецких войск в Румынии, которые «не должны быть раскрыты ни румынами, ни нашими войсками» (20 сентября)⁴⁷; указ Гитлера об увеличении производства вооружений и обеспечении им 180 полевых и соответствующего числа оккупационных дивизий к весне 1941 г. (28 сентября)⁴⁸; директива ОКВ о продолжении приготовлений к высадке на Британские острова до весны 1941 г. лишь как средства политического и военного давления на Англию

(12 октября)⁴⁹. Очевидно, что все эти решения были нацелены на подготовку вермахта к ведению беспрецедентных по масштабам операций на сухопутном театре военных действий.

В историографии распространена точка зрения, что в течение полутора месяцев (приблизительно с середины сентября до конца октября 1940 г.) Гитлер проявлял колебания в отношении реализации «плана Риббентропа», связанного с созданием «континентального блока» с участием Советского Союза, сочтя его якобы более предпочтительным по сравнению с озвученным в конце июля решением о нападении на СССР⁵⁰. При подобном подходе «континентальный блок» предстает в качестве пусть временной, но явной альтернативы войны с СССР, как, впрочем, и сама борьба с Великобританией. И якобы только невозможность совместить интересы предполагаемых участников будущей коалиции, но особенно неприемлемая позиция, занятая Молотовым во время берлинских бесед, побудили де Гитлера вновь вернуться к замыслу войны с СССР⁵¹. Подобный вывод представляется гипотетически мыслимым лишь при таком подходе к исследуемой проблеме, когда политические решения, военные меры и дипломатические акции рассматриваются независимо друг от друга, а отдельные высказывания и дневниковые записи политических деятелей и военачальников, вырванные из контекста (места, времени и обстоятельств), абсолютизируются. По моему мнению, даже те немногие упомянутые выше факты, относящиеся к решениям руководства Германии в июле–октябре 1940 г. в военной и военно-экономической сферах, будучи проанализированы вместе с его демаршами на международной арене, позволяют прийти к следующему выводу: установка Гитлера на разгром СССР не снимала вопроса о выводе из войны (тем или иным путем) Англии, переводя его решение в иную плоскость – политико-силового давления на разных направлениях. А посему «континентальный блок» в планах Гитлера мог быть вовсе не альтернативой войне с СССР, а лишь ее внешнеполитической аранжировкой, выступая и в качестве многостороннего давления на Лондон (и Вашингтон), и стратегической маскировки широкомасштабной подготовки к войне с Советским Союзом. В связи с этим «разговоры» на разном уровне, предполагавшие утечку информации в печать и по дипломатическим каналам, о возможном присоединении Москвы к этому блоку выполняли важную задачу как на одном, так и на другом направлении, в рамках которой особое место отводилось приезду Молотова в Берлин. При этом соисполнители (немецкие дипломаты), скорее всего, не посвящались в общий замысел Гитлера, играя отведенную им в контексте данного «сценария» роль. Насколько оправданно подобные предположения, можно судить по тому, как шла подготовка в Германии к государственному визиту главы советского правительства и что этому сопутствовало.

Хотя в сентябре 1940 г. руководство МИД постоянно уделяло внимание германо-советским отношениям, никаких конкретных мер, призванных их улучшить, не было принято⁵². Вместе с тем обсуждение этой проблемы вышло за рамки внешнеполитического ведомства, что подтверждает запись в дневнике Й. Геббельса: «Москва ведет себя очень дерзко. Шуленбург приезжает специально в Берлин, чтобы информировать об этом»⁵³. Шуленбург прибыл в Берлин 23 сентября, а новые инструкции Риббентропа временному поверенному в делах в Москве Типпельскирху были отправлены в ночь с 25 на 26 сентября. В связи с этим можно предположить⁵⁴, что доклад Шуленбурга руководству МИД, а возможно, лично Риббентропу содержал конкретные предложения, повлекшие за собой решение Гитлера о письме Риббентропа Сталину и приглашении Молотова в Берлин.

Однако, поспешив накануне подписания Тройственного пакта оповестить Москву о предстоящем письме Сталину, чтобы тем самым в какой-то мере подсластить «горькую пилюлю», Риббентроп явно не торопился это письмо отправить. Прошли две с половиной недели с того дня, как Кремль получил известие о письме (26 сентября), и 13 октября, когда оно было подготовлено. Случай достаточно редкий в дипломатической практике, оставляющий немалый простор для толкования подобного рода промедления⁵⁵. В частности, его можно трактовать как отражение известных разногласий в руководстве нацистской Германии по поводу приглашения Молотова в Берлин⁵⁶. И хотя подобное представление о механизме принятия решений в третьем рейхе не соответствует действительности, можно допустить, что согласование текста письма Сталину заняло значительно больше времени, чем первоначально предполагал Риббентроп. При этом подготовленные в Политико-экономическом отделе МИД предложения, касающиеся вопросов, которые следовало бы затронуть в письме Риббентропа Сталину, имели вполне конкретную направленность: Дунайская комиссия; компенсация за часть территории Литвы, оккупированную СССР вопреки договоренностям, достигнутым в ходе второго визита Риббентропа в Москву; германо-советское экономическое соглашение; интересы Германии в Прибалтике и Бессарабии⁵⁷. Но в направленном Сталину письме упоминалось, да и то в самой общей форме, только одно из этих предложений – об изменении режима судоходства на Дунае⁵⁸. Основное же внимание Риббентроп в рамках пространного обзора внешнеполитических событий уделил «успокоительному»⁵⁹ разъяснению действий Берлина за последние недели, вызвавших явное недовольство Москвы. При этом самые подробные пояснения были даны по поводу заключения Тройственного пакта, в отношении которого Берлин и без того предпринял немалые усилия, чтобы успокоить советское руководство⁶⁰. И тем не менее Риббентроп вновь уделил этому вопросу

внимание, вероятно для того, чтобы плавно перейти к вопросу о «естественной» необходимости «согласования долгосрочной политики четырех держав» (государств Тройственного пакта и СССР) путем «разграничения их интересов на столетия»⁶¹. Собственно, для обсуждения «этих решающих для будущего наших народов вопросов», как сообщалось, Молотова и приглашали в Берлин. Правда, само это обсуждение трактовалось составителями письма как-то своеобразно, совсем не напоминая тех переговоров, что вел в Кремле Риббентроп. Игра, в прямом и переносном смысле, должна была вестись на другом поле, главным образом предоставляя возможность Гитлеру «изложить господину Молотову лично свои мысли о дальнейшем устройстве отношений между нашими двумя странами»⁶².

По всей видимости, для придания большей убедительности письму Риббентропа Сталину, Берлин организовал утечку «конфиденциальной информации» о якобы завершённой в «Бюро Риббентропа» разработке «большого политического плана в области внешней политики Германии». План этот был призван покончить с «иллюзиями относительно возможной помощи Англии со стороны третьих держав». В нем, в частности, предусматривалось вынудить Советский Союз «пойти на политическое соглашение с Германией, которое покажет всему миру, что СССР ни в коем случае не останется нейтральным, а будет активно бороться против Англии за новый порядок»⁶³. Впрочем, что касается попытки оказать давление, то она прослеживается уже в письме Риббентропа Сталину, в котором окончание войны с Англией связывалось с уничтожением противника военными средствами «или же когда путем устранения его сил, ответственных за войну, будет создана гарантия подлинного соглашения»⁶⁴.

Реакция Сталина на это письмо была оперативной и в целом благожелательной, прежде всего в том, что касалось приглашения Молотову⁶⁵. А вот реакция в Берлине на эту дипломатическую инициативу Риббентропа была различной. Статс-секретарь МИД Вайцзеккер, причастный к подготовке проекта письма Сталину и ознакомленный с его окончательным вариантом, полагал, что, приглашение Молотову, вероятно, будет советским руководством принято. Однако, по его мнению, «они не дадут втянуть себя во фронт держав Тройственного пакта». В числе причин, которые явятся препятствием для Москвы на этом пути, считал Вайцзеккер, будет не только отложенная операция по высадке на Британских островах, но и уведомление Кремля в письменной форме о том, что «фюрер уже сейчас мог бы договориться с доброжелательной Англией»⁶⁶. Начальник генштаба сухопутных войск Ф. Гальдер, получавший информацию о международной обстановке и внешнеполитических намерениях руководства страны из различных источников, фиксировал

в дневнике и такие сообщения, как «неофициальная информация из рейхсканцелярии». Согласно последней, по состоянию на 1 ноября: «Фюрер надеется, что ему удастся привлечь Россию к единому антианглийскому фронту»⁶⁷.

Соответствовала ли эта информация действительности? Вопрос простой, но от ответа на него во многом, если не в решающей степени, зависит вывод о том, с каким настроем Гитлер шел на переговоры с Молотовым. Состоявшееся 4 ноября совещание в рейхсканцелярии с участием верхушки ОКВ (В. Кейтель, А. Йодль), ОКХ (В. Браухич, Ф. Гальдер) и ОКЛ (Г. Геринг) проливает некоторый свет на этот вопрос. На основе высказываний Гитлера⁶⁸ в ходе совещания можно предположить, что, конкретные задачи, подготовка к которым была упомянута (Гибралтар, Португалия, турецкая Фракия, операция «Морской лев» – не ранее весны 1941 г.), никоим образом не корреспондировались с наращиваемой мощью вермахта, хотя определенно могли служить продолжавшемуся давлению на Англию. Однако никаких конкретных указаний, столь свойственных стилю выступлений Гитлера, когда он четко определял очередность своих замыслов, не последовало. Ничего не было сказано и о том, какое место могут занять эти частные операции в рамках общевеликобританской стратегии и как они могли бы усилить предпринятые и предпринимавшиеся дипломатические усилия по созданию широкой антианглийской коалиции, о которой вообще не упоминалось. Тем не менее, казалось бы, интенсивные личные контакты Гитлера с Б. Муссолини, Ф. Франко, А. Петеном и П. Лавалем в течение последних двух недель и предстоявшая встреча с Молотовым создавали повод для высказываний на этот счет, но этого не произошло. Все это вместе взятое дало основание адъютанту Гитлера (от сухопутных войск) майору Г. Энгелю, присутствовавшему на этом совещании, записать: «Ф[юрер] явно подавлен. Создается впечатление, что он в настоящее время не знает, как следует действовать дальше»⁶⁹.

Вместе с тем фактор СССР вовсе не был обойден молчанием, но отношением не в русле высказываний по этому поводу в ходе состоявшейся 28 октября встречи с Муссолини. Он был затронут дважды, и оба раза исключительно как оперативная проблема: в связи с планами в отношении Турции, вопрос о которой мог быть «поставлен лишь после устранения России». И в общеевропейском контексте: «Россия остается главной проблемой в Европе. Должно быть все сделано, чтобы быть готовыми к полному расчету с ней»⁷⁰. Подобная категоричность как-то плохо вписывается в оценку Энгеля, что Гитлер «не знает, как следует действовать дальше». Предположим, что Энгель и Гальдер правы, полагая, что в тот момент, накануне визита Молотова, «неизменного решения» о войне с СССР еще не существовало⁷¹. Но даже если это было именно так, то настрой Гитлера по отношению к Советскому Союзу никак

нельзя охарактеризовать как готовность или хотя бы склонность к каким-либо переговорам, а только как стремление к продолжению подготовительных мероприятий к войне с СССР. О том же свидетельствуют немаловажные факты, относящиеся к предшествующей и последующей за совещанием в рейхсканцелярии неделям.

26 октября была введена в действие новая структура полевых сухопутных войск, которая предусматривала передислокацию до конца 1940 г. 34 дивизий в Восточную Пруссию и на территорию генерал-губернаторства («Начало развертывания против Советской России»)⁷². 30 октября Главное командование сухопутных сил перенесло свою штаб-квартиру из Фонтенбло в Цоссен (недалеко от Берлина)⁷³, что недвусмысленно свидетельствовало о завершении военных действий крупного масштаба в Западной Европе на обозримый период⁷⁴. 11 ноября Гитлер посетил заболевшего генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока и в беседе с ним дал понять, что командующего группой армий «Б» ожидают новые задачи: «Что произойдет на Востоке, вопрос еще открытый; обстоятельства могут вынудить нас к принятию там решительных мер, чтобы упредить опасное развитие»⁷⁵. И наконец, 12 ноября Гитлер подписал директиву ОКВ № 18, определявшую подготовительные меры по ведению войны на ближайшее время⁷⁶. Почти в самом ее конце, в пункте 5, вопрос об отношениях с СССР формулировался как с политико-дипломатической, так и с военно-стратегической точки зрения: «Начаты политические дискуссии с целью выяснить позицию России на ближайшее время. Безразлично, какой результат будут иметь эти дискуссии, продолжать все приготовления против Востока, приказ о которых уже отдан в устной форме. Директивы на этот счет последуют, как только мне будут доложены и мною одобрены основные черты плана операций сухопутных войск»⁷⁷.

Итак, накануне визита Молотова в Берлин Гитлер ни на совещании в узком кругу высших военачальников рейха, ни в директиве, изданной после него, ни разу не обмолвился об эвентуальном варианте нового соглашения с Москвой. И это при том, что к этому времени весь комплекс предшествовавших военных, политических и дипломатических шагов нацистской Германии, направленных на вывод Великобритании из войны, в том числе путем создания «континентального блока», не дал каких-либо ощутимых результатов⁷⁸. *Одновременно*, то есть не после бесед с Молотовым, а еще до их начала (!), и в устной и письменной форме Гитлер все конкретнее определял свои намерения и соответственно задачи вермахта, касающиеся предстоявшей борьбы с СССР. В связи с этим закономерно возникает вопрос: что же, собственно, произошло за время, прошедшее с 13 октября, когда Риббентроп окончательно согласовал с Гитлером текст письма Сталину и вручил его Шуленбургу для передачи по

назначению? Что побудило фюрера столь резко изменить свое отношение к СССР (если, разумеется, можно вести речь о каком-то изменении)?

Ответное письмо Сталина Риббентропу, содержавшее, с точки зрения некоторых историков⁷⁹, и по сути, и по тональности, раздражающие Гитлера элементы (скепсис по поводу предложения о координированном с представителями Японии и Италии обмене мнениями об основах совместной политики; установление сроков визита Молотова на период после президентских выборов в США; и, наконец, сдержанный тон самого послания). Ни один из названных выше аргументов не выдерживает критики. Во-первых, Гитлер был сторонником двусторонних контактов и соглашений, дав понять своему окружению после Мюнхенской конференции, что Германия никогда впредь не будет принимать участия в подобных международных совещаниях. Да и это предложение Риббентропа было высказано отнюдь не в категорической форме («быть может»), что свидетельствовало о понимании того, что «добрососедские отношения между Советской Россией и Японией» еще предстоит установить, без чего, естественно, четырехсторонние консультации не имели бы смысла. Во-вторых, в письме Риббентропа не содержалось даже намека на желательность визита Молотова в более ранние сроки⁸⁰. В то же время Сталин, хотя и обозначил в ответе удобный для Молотова срок прибытия в Берлин (между 10 и 12 ноября), оставил за Риббентропом возможность «договориться о дне приезда». Однако данный вопрос немецкой стороной больше не поднимался. И наконец, о тональности ответа Сталина, лаконичного, делового и слегка ироничного в том, что касается общего впечатления о письме Риббентропа, содержавшего «поучительный анализ последних событий». В целом это была положительная реакция на письмо рейхсминистра, свидетельствующая о несомненной заинтересованности Кремля в диалоге с Гитлером и Риббентропом.

Следующий фактор, упоминаемый в некоторых работах в качестве причины перемены в настроении Гитлера – оккупация СССР в конце октября – начале ноября нескольких небольших островов в Килийском рукаве дельты Дуная⁸¹. На сегодняшний день историкам не известны какие-либо документы или свидетельства, прямо или косвенно подтверждающие подобного рода вывод. Этот вопрос не поднимался ни во время бесед Шуленбурга в Москве, ни в инструкциях германскому представителю в международной Дунайской комиссии, где в тот момент возникли немалые разногласия с советской делегацией⁸², хотя МИД и ОКХ были сразу же поставлены в известность о произошедшей акции⁸³. На основании приведенных фактов можно предположить, что в Берлине не придавали сколько-нибудь серьезного значения этим действиям СССР, не затрагивали этой темы даже в форме рутинного запроса по дипломатическим каналам, не говоря уже об официальном протесте⁸⁴.

МИД Германии подготовил ряд памятных записок для высшего руководства касательно вопросов, представляющих интерес для обсуждения с высокопоставленным советским представителем. Обобщающий документ с перечнем «специальных вопросов, которые могли бы быть обсуждены с Молотовым» представил Риббентропу Вайцзеккер⁸⁵. Статс-секретарь МИД, опираясь на памятные записки, подготовленные сотрудниками министерства, вычленил четыре основных круга вопросов, заслуживающих обсуждения с главой советского правительства: I. Общеполитические, в том числе большая политика (отношение СССР к войне, к фронту держав Тройственного пакта*, проблеме Проливов – по этим вопросам памятные записки для Риббентропа не готовились), а также отношение СССР с третьими странами⁸⁶, в том числе с Японией*, Китаем*, Афганистаном, Ираном*, Турцией*, Болгарией*, Румынией*, Финляндией*, Англией*, США*, отношение Германии к Финляндии (специальная записка была подготовлена в связи с германской заинтересованностью в никелевом месторождении Петсамо)⁸⁷, итало-германские гарантии Румынии. II. Политико-экономические: состояние германо-советских экономических отношений⁸⁸; компенсация Германии за часть территории Литвы, оккупированной СССР⁸⁹; отмена договоров о вольной гавани в Мемеле⁹⁰. III. Переселение из государств Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины: вопрос о компенсациях за оставленное имущество*, право на репатриацию из Литвы; освобождение в Бессарабии и Северной Буковине арестованных, подлежащих репатриации⁹¹. IV. Проблема паритета германских и советских консульских учреждений на оккупированных территориях⁹². Высказывалось также желание обратить внимание Молотова на вошедшие в практику антигерманские высказывания полпреда СССР в Швеции А. М. Коллонтай.

Памятные записки МИД были ориентированы на уточнение позиции советской стороны и на ее сближение с германской по ряду вопросов, а их перечень в основном совпадал с тем, что интересовало и Кремль⁹³. Являлось ли это совпадение показателем стремления нацистского руководства к достижению новых договоренностей с Москвой или хотя бы к конструктивному диалогу, призванному смягчить возникшие за последние месяцы противоречия? Если судить по содержанию бесед Молотова с Гитлером и Риббентропом, хорошо известных как по немецким, так и по советским записям, то определенно нет. Что дает основание для столь категоричного вывода? Во-первых, сам характер бесед, состоявших преимущественно из монологов хозяев. Вряд ли их можно назвать переговорами⁹⁴. Да Гитлер, собственно, и не собирался вести переговоры, заявив уже во время первой встречи, что «проблемы, которые стоят пе-

* Обсуждение этого вопроса входило и в задачу Молотова.

ред Россией, это Балканы и Черное море <...> должны стать темой для переговоров Риббентропа в Москве и других дипломатических переговоров»⁹⁵. Не планировали *обсуждать* с Молотовым и условия соглашения СССР с державами Тройственного пакта, равно как представлять официальные предложения на этот счет в письменном виде для дальнейшего обсуждения. Как заявил Риббентроп Молотову, «высказанное им не будет предложением, а будет только мыслями в сыром виде»⁹⁶. Он просит переговорить со Сталиным о возможности такого соглашения. <...> отдельные вопросы можно было бы выяснить дипломатическим путем...»⁹⁷. Между тем эти мысли «в сыром виде» были результатом достаточно напряженной подготовительной работы немецких дипломатов как в Берлине, так и в Москве⁹⁸.

Такой характер бесед в Берлине вызывает, по меньшей мере, два вопроса: а) было ли вообще намерение договариваться у германской и советской сторон?; б) существовала ли реальная или хотя бы гипотетическая возможность для достижения соглашения между ними, особенно по проблемам, которые порождали серьезные разногласия? На первый вопрос с большой степенью определенности можно ответить положительно только в отношении замыслов Сталина, основываясь на инструкциях, данных Молотову перед поездкой в Берлин⁹⁹. О подобных документах, раскрывающих намерения Гитлера и Риббентропа на переговорах с Молотовым, исследователям не известно, за исключением уже упоминавшегося пассажи из директивы ОКВ № 18 от 12 ноября 1940 г. (см. выше). Однако в ней не говорилось о достижении каких-либо договоренностей с СССР или о его привлечении к антибританскому «континентальному блоку», хотя именно с высшим военным руководством рейха Гитлер был в наибольшей степени откровенен.

Что касается достижения соглашения между Берлином и Москвой в тот период, то гипотетически оно было возможно. Об этом свидетельствуют оценки бесед Молотова в Берлине немецкими дипломатами. Вайцзеккер, характеризуя Молотова как «партнера, к которому не подступишься с туманными надеждами на будущее банкротство британских владений», пришел к выводу, что «и вопрос о Проливах невозможно решить играючи. Но он представляет собой тему, о которой можно вести разговор в позитивном плане, особенно до тех пор, пока Россия нас в достаточной мере опасается и должна относиться к нам как к партнерам в подобных дискуссиях»¹⁰⁰. Фон Этцдорф, резюмируя беседы Молотова с Гитлером и Риббентропом, записал: «Создана “атмосфера”. И вновь конструктивный тон. Констатировано, что нет желания обоюдно нарушать [договоренности]»¹⁰¹. Примечательно, что даже высшие военные руководители Германии (Браухич и Гальдер), обсуждая еще задолго до визита Молотова вопрос об эвентуальном сближении Англии и СССР, считали целе-

сообразным – для предотвращения столь нежелательного развития событий – пойти на новое соглашение с Москвой: «Стремление России к Проливам и в направлении Персидского залива нам не мешает. На Балканах, которые экономически входят в нашу сферу влияния, мы можем пойти на уступки (подчеркнуто мной. – С. С.). <...> При этом условии мы сможем нанести англичанам решающий удар на Средиземноморском театре <...> и с помощью России укрепить свои владения, захваченные нами в Западной и Северной Европе»¹⁰².

Однако ни руководящие сотрудники МИД, включая статс-секретаря и даже министра, ни командующий сухопутными войсками и начальник генерального штаба сухопутных войск не принимали внешнеполитических решений в нацистской Германии, хотя были причастны к их подготовке. В условиях тоталитарного режима принятие этих решений было прерогативой одного лица – фюрера¹⁰³. Поэтому именно его мнение, его оценка результатов визита Молотова имели не только решающее значение для последующего развития событий, что позволяет *post factum* пролить определенный свет на мотивы приглашения главы советского правительства в Берлин. И здесь в распоряжении историков есть несколько важных свидетельств. 14 ноября, спустя ровно два часа после отъезда Молотова из Берлина, Гитлер провел совещание с главнокомандующим ВМФ гросс-адмиралом Э. Редером, который в очередной раз пытался убедить фюрера в целесообразности концентрации всех усилий на борьбе с Англией. По результатам состоявшегося обсуждения Редер, в частности, отметил: «Фюрер все-таки склонен заняться борьбой с Россией»¹⁰⁴. На следующий день Гитлер довольно долго говорил на эту тему в узком кругу, в частности, заявив: «Он, так или иначе, ничего не ожидал от этой [встречи]. Дискуссии показали, куда направлены планы русских. М[олотов] выложил карты на стол. Он, ф[юрер], почувствовал облегчение; наши отношения не останутся даже браком по расчету. Впустить русских в Европу означает конец Центральной Европы; Балканы и Финляндия представляют собой также опасные фланги»¹⁰⁵. О чем говорят эти высказывания (к сожалению, не известен круг лиц, которым они были адресованы)? Прежде всего, они не содержат ничего нового, что уже не было бы известно нацистскому руководству о намерениях Кремля. В них даже нет намека на стремление продолжить диалог с Москвой, чтобы добиться желаемого результата. Вопрос, какого? Если для Гитлера и так все было достаточно очевидно, то как эта ясность сочеталась с определением визита Молотова в качестве некоего «теста»¹⁰⁶ его политической и военной стратегии? Или таким образом делалась попытка оправдать задним числом неудачу замысла о создании антибританского «континентального блока» с участием СССР? Но условия присоединения СССР к этому соглашению практически не были предметом обсуждения в ходе визита Молотова, а лишь

некоторым образом обозначены им в заключительной беседе с Риббентропом¹⁰⁷. Откуда же тогда такая ясность и категоричность суждений в отношении СССР, за коими последовали распоряжения Гитлера о строительстве «в невероятной спешке» командных пунктов в различных частях страны и о создании постоянной Ставки в Восточной Пруссии¹⁰⁸?

Прежде чем перейти к подведению неокончательных выводов, напомним, что никаких переговоров, в том числе по дипломатическим каналам, по вопросам, связанным с присоединением СССР к Тройственному пакту, после визита Молотова не велось. И это при том, что Москва выражала немалую заинтересованность в их продолжении и даже оформила свои конкретные предложения на этот счет в специальном документе, направленном в Берлин¹⁰⁹. Допустим, что условия Кремля являлись неприемлемыми для Гитлера, однако не было сделано ни малейшей попытки сделать их предметом дальнейшего обсуждения. Ведь, стремясь к достижению какого-либо соглашения, стороны, как правило, пытаются максимально реализовать свои интересы, но в ходе переговоров, ради достижения соглашения, вынуждены искать некий компромиссный вариант, постепенно отступая от заявленных вначале требований. Если, разумеется, они хотят прийти к соглашению, а не зафиксировать невозможность его достижения в результате резко отличающихся и не поддающихся сближению позиций.

Приглашая Молотова в Берлин, Гитлер и Риббентроп были достаточно осведомлены относительно позиции Кремля по основным вопросам, ставшим причиной ухудшения двусторонних отношений за последние месяцы. В отличие от самого приглашения, последовавшего, как указывалось выше, почти спонтанно, время для выработки или, по крайней мере, обсуждения взаимоприемлемых решений было достаточное. Очевидно, что гарантии, предоставленные Румынии, не могли стать предметом торга или дискуссий, поскольку здесь затрагивались не только экономические, но и политические интересы третьего рейха. А вот, к примеру, в вопросе, касавшемся Финляндии, отнесенной к советской сфере интересов по договору 23 августа 1939 г. без каких либо оговорок, имело место явное нарушение прежних договоренностей со стороны Берлина. В данном случае компромисс мог бы быть достигнут при соответствующих советских гарантиях бесперебойных поставок никеля из месторождения в Петсамо¹¹⁰, но при условии, если: а) Гитлер действительно будет стремиться к какому-либо соглашению с СССР; б) если Финляндия не будет рассматриваться в качестве будущего союзника Германии в войне с СССР. Однако ничего подобного не произошло, что в очередной раз подтверждало, что Гитлер не собирался идти на какое-либо соглашение с Москвой¹¹¹.

Взятые в совокупности документы и факты позволяют автору сделать следующие, хотя все еще неокончательные выводы. Молотова пригласили в Берлин, руководствуясь следующими мотивами:

1) приглушить серьезно обострившиеся германо-советские противоречия или, по крайней мере, создать видимость их смягчения, так как «до весны еще далеко»;

2) создать впечатление о начале нового этапа в длительном переговорном процессе Германии и ее союзников по Тройственному пакту с СССР с целью ввести в заблуждение Кремль относительно истинных намерений Гитлера, связанных с подготовкой войны против Советского Союза. Это было особенно важно в контексте нарастающей концентрации вермахта на границах СССР, а также для предотвращения эвентуального англо-советского сближения;

3) получить более полное представление о намерениях кремлевского руководства в отношении ближайших соседей СССР, чтобы еще сильнее привязать их к нацистской Германии одной только угрозой вовлечения в сферу советского влияния;

4) создать впечатление во внешнем мире о продолжающемся расширении антибританского «континентального блока» с привлечением к нему СССР, планы войны против которого не противоречили (не представляли альтернативной концепции для Гитлера), а скорее, дополняли друг друга, равно как продолжение войны с Англией и начало борьбы с СССР вовсе не исключало одно другого;

5) наконец, самим фактом в действительности запланированной неудачи «переговоров» наглядно продемонстрировать сомневающимся в среде высшего военного руководства неизбежность концентрации всех усилий для подготовки разгрома Советского Союза.

Гитлер в основном достиг целей, которые преследовал, приглашая Молотова, чего нельзя сказать о его госте. Молотов, вероятно, полагал, что сможет вести переговоры в Берлине на равных, так же, как это имело место в Москве в августе–сентябре 1939 г., добиваясь, согласно имеющимся директивам, расширения сферы интересов СССР. Но этим ожиданиям не суждено было сбыться, так как положение Германии (не в последнюю очередь благодаря позиции, занятой СССР) кардинально изменилось. Гитлер более не нуждался в партнерских отношениях со Сталиным и поэтому разговаривал с его доверенным лицом без всякого намека на возможность каких-то приемлемых решений по интересующим Москву вопросам. Молотов по окончании переговоров констатировал: «Обе беседы [с Гитлером] не дали желательных результатов. ... Похвастаться нечем, но по крайней мере выяснил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться»¹¹². Это была иллюзия: настроений

Гитлера, который всецело ориентировался на полный ход идущую подготовку к войне с СССР, Молотов не понял, уловив лишь жесткость переговорной позиции собеседника. Утверждение некоторых историков, что итоги поездки Молотова явились весьма тревожным сигналом для советского руководства¹³, основывается на некритическом использовании записей управляющего делами СНК СССР Я. Е. Чадаева¹⁴, якобы присутствовавшего на якобы имевшем место отчете Молотова 15 ноября 1940 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). В них цитируются якобы слова Молотова: «Общей для всех членов делегации являлась также уверенность в том, что неизбежность агрессии Германии против СССР неимоверно возросла, причем в недалеком будущем. Соответствующие выводы должны сделать из этого и наши Вооруженные Силы...». Это резко противоречит последующей внешней политике СССР вплоть до 22 июня 1941 г., ориентированной на откровенное экономическое и политическое «умиротворение» нацистского рейха. Руководство СССР имело, конечно, собственное представление об обеспечении национальных интересов страны, включавшее продолжение территориальной экспансии, но при этом по-прежнему исходило из того, что осуществление подобных планов в ближайшее время возможно только с опорой на сотрудничество с Гитлером.

Примечания

¹ См.: *Nazi-Soviet Relations, 1939–1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office* / Ed. by R. J. Sontag, J. S. Beddie. Washington, 1948. S. 217–254; *Das nationalsozialistische Deutschland und die Sowjetunion 1939–1941. Akten aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amtes* / Hrsg. von E.M. Caroll u. F.T. Epstein. Washington, 1948. Dok. 198–201; *Die Beziehungen zwischen Deutschland und der Sowjetunion 1939 bis 1941. Dokumente des Auswärtigen Amtes* / Hrsg. von A. Seidl. Tübingen, 1949. Dok. 183–186; *Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP), 1918–1945: Ser. D: 1937–1941. Baden-Baden u.a., 1950–1970. Bd. XI, I. Dok. 325, 326, 328, 329.*

² *Kordt E. Wahn und Wirklichkeit. Die Außenpolitik des Dritten Reiches.* Stuttgart, 1948. S. 271–275; *Schmidt P. Statist auf diplomatischer Bühne 1923–45. Erlebnisse des Chefdolmetschers im Auswärtigen Amt mit den Staatsmännern Europas.* Bonn, 1949. S. 514–524; *Meissner O. Staatssekretär unter Ebert, Hindenburg, Hitler. Der Schicksalsweg des deutschen Volkes, wie ich ihn erlebte.* Hamburg, 1950. S. 559–561; *Weizsäcker E. Erinnerungen.* München; Tübingen, 1950. S. 304–305; *Ribbentrop J. v. Zwischen London und Moskau. Erinnerungen und letzte Aufzeichnungen.* Aus dem Nachlaß / Hrsg. von A. Ribbentrop. Leoni am Starnberger See, 1953. S. 231–235; *Hilger G. Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten.* Frankfurt a. Main; Berlin, 1955. S. 301–303.

³ *Безыменский Л., Горлов С. Накануне (Переговоры В. М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 года) // Международная жизнь. 1991. № 6. С. 117–132; № 8. С. 104–119.*

⁴ Поездка В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. / Публ. В. А. Лебедева, Б. Л. Хавкина; Предисл. Г. Н. Севостьянова // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 64–99.

⁵ Директивы И. В. Сталина В. М. Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940 г. / Публ. Л. А. Безыменского // Там же. 1995. № 4. С. 76–79.

⁶ Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. (ДВП). М., 1995–1998. Т. XXIII, кн. 2. Исключение составила запись беседы Молотова с Р. Гессом, посвященная проблемам партийного строительства в Германии и СССР, не вошедшая в это издание (см.: Новая и новейшая история. 1993. № 5 С. 98–99).

⁷ *Бережков В. М.* Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993; *Он же.* Рядом со Сталиным. М., 1998; *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991; *Он же.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999; «Автобиографические заметки» В. Н. Павлова – переводчика И. В. Сталина / Предисл. В. В. Соколова // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 94–111.

⁸ См.: *Безыменский Л. А.* Визит В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. В свете новых документов // Новая и новейшая история, 1995, № 6. С. 121–143; *Волков В. К.* Балканские проблемы в отношениях Советского Союза и Германии в 1940 г. // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / Отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М., 1999. С. 270–289; *Гибианский Л. Я.* Балканский кризис и Советский Союз // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы международной конференции, организованной Институтом всеобщей истории Российской академии наук, Университетом Латвии, Институтом современной истории (Мюнхен), Московским отделением Фонда им. Конрада Аденауэра. Москва, 3–4 февраля 2005 г. М., 2006. С. 500–508.

⁹ См., например: *Сиполс В. Я.* Еще раз о дипломатической дуэли в Берлине в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 145–161; *Magenheimer H.* Entscheidungskampf 1941 – Sowjetische Kriegsvorbereitungen – Aufmarsch – Zusammenstoß. Bielefeld, 2000. S. 29–38.

¹⁰ По версии В. С. Лаврова, приглашая Молотова, руководство Германии стремилось «добиться от советской стороны документа, враждебного Великобритании» (согласие на присоединение к Тройственному пакту), который на Британские острова должен был доставить высокопоставленный представитель германского правительства (Р. Гесс), чтобы, вызвав раздражение Лондона поведением советского правительства, «договориться с британским правительством если уж не о мире, то, по крайней мере, о том, что правительство Великобритании не открывает второго фронта в Европе в период германо-советской войны» (*Лавров В. С.* Что скрывалось за приглашением В. М. Молотова осенью 1940 года в Берлин и полетом Р. Гесса в мае 1941 года // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 18–19).

¹¹ С. Шайл утверждает, что «представления Москвы о будущей роли Германии отчетливо просматриваются уже в ноябрьском документе Сталина (инструкции Молотову. – С. С.) <...> германской сферы интересов в Европе уже не должно было существовать в Европе» (*Scheil S.* 1940/41: Die Eskalation des Zweiten Weltkrieges. München, 2005. S. 292).

¹² Обзор немецких публикаций см. в телеграмме полпреда СССР в Германии А. А. Шкварцева в НКВД, 24.08.1940 // ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 338. С. 535–536. Выдержки из немецких газет были опубликованы в советской печати по указанию Молотова (см.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 910. Л. 95). Неизвестно, чем руководствовался Молотов, отдавая это распоряжение, а вот (!) позиция рейхсминистра пропаганды Й. Геббельса зафиксирована в его дневнике: «Я запрещаю всякое домогательство дружбы с Россией. Москва в настоящее время настроена очень экспансионистски. Правда, печать красных публикует статьи с эмоциональными воспоминаниями о заключенном германо-русском соглашении. Но и мы делаем это. <...> D[eutsche] A[llgemeine] Z[eitung] получит от меня строгий выговор. Она позиционирует себя более красной, чем (сами) красные» (*Goebbels J. Die Tagebücher / Hrsg. von E. Fröhlich. Teil. 1. München, 1998. Bd. 8. S. 287 (Aufzeichnung vom 24. 8. 1940)*).

¹³ Годовщина советско-германского пакта // Правда. 1940. 23 авг. С. 1.

¹⁴ Доклад Молотова на заседании VII сессии Верховного Совета СССР, 1.08.1940 г. // Правда. 2 авг. С. 1. 29 июля Молотов выступал с сообщением о внешней политике правительства на Пленуме ЦК ВКП(б). Но, видимо, по указанию Сталина стенограмма выступления Молотова не велась.

¹⁵ Подробнее см.: *Christof F. Befriedung im Donauraum: Der Zweite Wiener Schiedsspruch und die deutsch-ungarischen diplomatischen Beziehungen 1939–1942. Frankfurt a. Main, 1998. S. 69–115; Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. Румыно-венгерский конфликт в контексте германо-советского соперничества // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 320–332.*

¹⁶ См. беседу Молотова с Шуленбургом 31.08.1940 // ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 348. С. 546–547; Telegramm Botschafter Schulenburgs an das AA, 1.09.1940 // ADAP. Ser. D. Bd. XI, 1. Dok. 1. S. 1.

¹⁷ См. беседу Молотова с Шуленбургом 9.09.1940 // ДВП. Т. XXIII, кн. 1. Док. 367. С. 584.

¹⁸ Этот вопрос нельзя считать полностью проясненным. В беседе с Шуленбургом (9 сентября) Молотов пытался создать впечатление, что, сообщая германскому послу (26 июня) о согласии советского правительства удовлетвориться отторжением от Румынии северной части Буковины, «было заявлено, что при постановке при соответствующих условиях вопроса о Южной Буковине мы надеемся, что Герм[анское] пра[вительство] поддержит нас в этом вопросе». На это Шуленбург возразил, что «он не может вспомнить, что именно так шла речь» (Там же). Запись этой беседы, сделанная советником германского посольства в Москве Г. Хильгером, подтверждает, что Молотов именно так ставил вопрос (ADAP. Ser. D. Bd. X, 1. Dok. 81. Ann. 4. S. 118). Шуленбург же, сообщая Риббентропу об этой беседе с Молотовым, лишь констатировал, что советское правительство решило ограничиться требованием северной части Буковины (см.: Telegramm Botschafter Schulenburgs an das AA, 26.06.1940 // Ibid. Bd. X. Dok. 25. S. 22–23). Во время встречи с Шуленбургом 21 сентября Молотов явно смягчил свои «воспоминания», связанные с постановкой вопроса о Южной Буковине, заявив, что 26 июня «это было сказано им в неопределенной форме, и возможно, что Шулен-

бург не придавал тогда должного значения сказанному» (ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 394. С. 616). О перспективных намерениях советского руководства на этом направлении свидетельствовало, в частности, заявление Молотова при вручении ультиматума посланнику Румынии в СССР Г. Давидеску 26 июня: «В настоящее время (подчеркнуто мной. – С. С.) Советский Союз ставит вопрос не о всей Буковине, а только о северной ее части...» (Советско-румынские отношения: Документы и материалы: В 2 т. М., 2000. Т. II. Док. 163. С. 313).

¹⁹ Хотя Шуленбургу удалось убедить Риббентропа несколько смягчить официальный ответ Берлина по поводу претензий Кремля (см.: Telegramm RAM an die Botschaft in Moskau, 6.09.1940 // ADAP. Ser. D. Bd. X, 1. Dok. 24. S. 26–27), и несмотря на личные высказывания посла на этот счет, Молотов остался явно неудовлетворен приведенными аргументами (см. беседу Молотова с Шуленбургом 9.09.1940 // ДВП. Т. XXIII. кн. 1. Док. 367. С. 583–584).

²⁰ Сталин отредактировал текст памятной записки, придав ей более жесткую тональность. См.: Проект памятной записки для передачи Шуленбургу – Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) Ф. 06. Оп. 1а. П. 26. Д. 3. Л. 19–25.

²¹ Памятная записка, врученная Молотовым Шуленбургу 21.09.1940 // ДВП. Т. XXIII, кн. 1. Док. 394. С. 621. Прил.

²² Подробнее см.: *Гибанский Л. Я.* Балканский кризис и Советский Союз. С. 488–492.

²³ ДВП. Т. XXIII, кн. 1. Док. 394. С. 619. Прил.

²⁴ Сталин и Молотов исходили из того, что за исключением Финляндии к осени 1940 г. советско-германское соглашение «о частичном разграничении сфер интересов <...> исчерпано». См.: Некот[орые] дир[ектив]ы к берл[инской] поездке, 9.11.1940 // ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Док. 491. С. 31).

²⁵ Der Brief J. von Ribbentrops an I.V. Stalin, 13.10.1940 // ADAP. Ser. D. Bd. XI, 1. Dok. 176. S. 248–253.

²⁶ Telegramm des RAM an die Botschaft in Moskau, 3.09.1940 // Ibid. Dok. 7. S. 8. В смягченном варианте этих инструкций речь шла о несопоставимости значения географического соседства СССР с Румынией с «преобладающими интересами» Германии в этой стране (Ibid. Dok. 24. S. 27).

²⁷ Die Weizsäcker-Papiere 1933–1950 / Hrsg. von L. E. Hill. Frankfurt a. Main; Berlin, 1974. S. 216–217 (Aufzeichnung vom 1.09.1940).

²⁸ Telegrammentwurf des RAM an die Botschaft in Moskau, 16.09.1940 // ADAP. Ser. D. Bd. XI, 1. Dok. 65. S. 80–81.

²⁹ Ibid. Anm. 2. S. 80.

³⁰ 12 июля 1940 г. Шуленбург информировал Молотова о передислокации частей вермахта с запада на восток якобы исключительно в связи с частичной демобилизацией военнослужащих старших призывных возрастов, которыми укомплектованы войска на территориях генерал-губернаторства и протектората (см. телеграмму В. М. Молотова полпреду СССР в Германии А. А. Шкварцеву, 13.07.1940 г. // ДВП. Т. XXIII, кн. 1. Док. 268. С. 437). Еще ранее ОКВ информировало советские военные инстанции о пе-

редислокации некоторого контингента войск на восток (см.: Запись беседы начальника Отдела внешних сношений Наркомата обороны СССР полковника Г. И. Осетрова с военным атташе Германии в СССР генералом Э. Кёстрингом 17.06.1940 г. – Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33988. Оп. 4. Д. 36. Л. 56–57.

³¹ Вайцзеккер полагал необходимым внести специальную оговорку в готовившееся соглашение о его ненаправленности против СССР. – Die Weizsäcker-Papiere. S. 218 (Aufzeichnung vom 15.09.1940).

³² Создается впечатление, что Риббентроп не столько информировал Муссолини, сколько пытался убедить самого себя, что реакция СССР на предстоящее заключение Тройственного пакта будет именно такой, какой она представлялась ему, Риббентропу. См., например, следующий пассаж: «Что касается реакции на это заключение [пакта], то, естественно, было бы предположить, что Россия тем самым была бы брошена в объятия Америки и Англии. Рейхсминистр, однако, не думает, что это произойдет» (Aufzeichnung über die Unterredung zwischen dem RAM von Ribbentrop und dem Duce am 19. September 1940 // ADAP. Ser. D. Bd. XI, I. Dok. 73. S. 99–100).

³³ Die Weizsäcker-Papiere. S. 219 (Aufzeichnung vom 27.09.1940).

³⁴ Telegramm des RAM an die Botschaft in Moskau, 26.09.1940 // ADAP. Ser. D. Bd. XI, I. Dok. 109. S. 162.

³⁵ Беседа наркома иностранных дел В. М. Молотова с временным поверенным в делах Германии в СССР В. фон Типпельскирхом, 26.09.1940 // ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 402. Прил. С. 629.

³⁶ В МИД хорошо понимали, каковы причины напряженности в отношениях между двумя государствами. По мнению Вайцзеккера, «мы очень обидели Россию», оставив гарантию Румынии, не привлекая Москву к участию в совещании экспертов по судоходству в дельте Дуная, заключив соглашение с Финляндией о транзите войск в направлении Киркенеса, медлительной поставкой обещанных товаров и, наконец, заключением Тройственного пакта (см.: Die Weizsäcker-Papiere. S. 219. Aufzeichnung vom 27.09.1940).

³⁷ По мнению Гитлера, «если бы удалось создать всемирный фронт от Японии через Россию в Европу против Англии, то это произвело бы убийственное воздействие на находящуюся в отчаянном положении, живущую только надеждами и психологическими соображениями островную империю» (Aufzeichnung über die Unterredung zwischen dem Führer und dem Duce in Florenz am 28.10.1940 // ADAP. Ser. D. Bd. XI, I. Dok. 246. S. 354).

³⁸ Гитлер, хотя и делился в беседах с Муссолини замыслом - направить советскую экспансию в направлении Персидского залива и Индии, однако при этом выражал сомнение по поводу его осуществимости (см.: Ibid. Dok. 149. S. 213; Dok. 246. S. 353), то есть тем самым и саму возможность достичь какой-либо новой договоренности с Москвой. Риббентроп, которого нередко представляют активным сторонником формирования «континентального блока» с обязательным участием СССР, как и фюрер полагал, что не следует позволять Сталину выходить за согласованные с Берлином пределы территориальной экспансии в Европе. В беседе с Муссолини 19 сентября он подчеркнул, что «Венский арбитраж отчетливо продемонстрировал русским, где проходят эти границы, и это относится также к Северу».

³⁹ Уже в ходе переговоров о подписании Тройственного пакта Япония, помимо прочего, «оговорила посредничество Берлина в своих попытках прийти к соглашению с Москвой», стремясь обеспечить себе тыл на время запланированной экспансии в Юго-Восточной Азии (см.: *Krebs G. Japanische Vermittlungsversuche im Deutsch-Sowjetischen Krieg 1941–1945 // Deutschland-Japan in der Zwischenkriegszeit / Hrsg. von J. Kreiner u. R. Mathias. Bonn, 1990. S. 239; ders. Von Hitlers Machtübernahme zum Pazifischen Krieg (1933–1941) // Formierung und Fall der Achse Berlin-Tôkyô / Hrsg. von G. Krebs, B. Martin München, 1994. S. 20).*

⁴⁰ Беседа Молотова с Шуленбургом, 13.07.1940 // ДВП. Т. XXIII, кн. 1. Док. 264. С. 434. Германскому послу была передана не запись беседы Сталина с Криппсом, а ее тщательно отредактированное резюме (см.: ADAP. Ser. D. Bd. X. Dok. 164. S. 170–171). Идентичный текст был направлен и советскому полпреду в Англии И. М. Майскому (ДВП. Т. XXIII, кн. 2. Примеч. 132. С. 805–806. Замечу, что сама эта беседа носила более прогерманский характер (см.: Там же, кн. 1. Док. 240. С. 394–399), чем ее резюме.

⁴¹ Пытаясь впервые обосновать свое решение о нападении на СССР в ходе встречи с командованием трех видов вооруженных сил 21 июля 1940 г., Гитлер, по словам генерал-фельдмаршала В. фон Браухича, заявил: «Сталин заигрывает с Англией с целью заставить ее продолжать войну...» (*Halder F. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942. Bd. 2 / Hrsg. von Arbeitskreis für Wehrforschung. Bearb. von H.-A. Jacobsen. Stuttgart 1963. S. 32. Aufzeichnung vom 22.07.1940*). Риббентроп в беседе с Муссолини и Чiano 19 сентября пытался убедить собеседников в бесперспективности ориентации СССР на Англию и Америку, поскольку какая-либо помощь Москве с их стороны исключена. «Если же Россия захочет примкнуть к Англии и Америке, то она должна будет совсем одна нести всю тяжесть такой политики...», но «Сталин – умный государственный деятель, он знает, как опасно может быть для России подобное положение» (ADAP. Ser. D. Bd. XI, I. Dok. 73. S. 100). Тем не менее, видимо, на всякий случай Риббентроп в письме Сталину упомянул о том, что один из вариантов завершения войны с Англией связан с «обеспечением уверенности в подлинном взаимопонимании, достигнутом путем устранения ответственных за войну сил», то есть после отстранения от власти правительства Черчилля (*Ibid. Dok. 176. S. 250*).

⁴² По мнению статс-секретаря Вайцзеккера, «нападения России на нас можно не опасаться. <...> Но она могла бы быть открыта для английских интриг...». *Die Weizsäcker-Papiere. S. 219 (Aufzeichnung vom 27.09.1940)*.

⁴³ *Halder F. KTB. Bd. 2. S. 32–33, 49–50.*

⁴⁴ *Thomas G. Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft (1918–1943/45) / Hrsg. von W. Birkenfeld. Boppard a. Rhein, 1966. Anh. III. Dok. 4. S. 513.*

⁴⁵ *Fall Barbarossa: Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion (1940/41) / Ausgew. u. eingel. von E. Moritz. Berlin (Ost), 1970. Dok. 59. S. 208–210.*

⁴⁶ *Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht 1940–1945 (Wehrmachtführungsstab), Bd. I: 1. August 1940–31. Dezember 1941 / Zugest. u. erläut. von H.-A. Jacobsen. Hrsg. von P. E. Schramm. Frankfurt a. Main, 1965. Dok. 29. S. 973.*

⁴⁷ OKW an das AA, 21.09.1940 // ADAP. Ser. D. Bd. XI, 1. Dok. 84. S. 123–124.

⁴⁸ *Thomas G.* Op. cit. Dok. 8. S. 432–436.

⁴⁹ Dokumente zum Unternehmen “Seelöwe”. Die geplante deutsche Landung in England 1940 / Hrsg. von K. Klee. Göttingen, 1959. S. 441–442. Согласно этой директиве, соединения предназначенные для проведения операции «Морской лев», передавались в распоряжение новых формирований для «...использования по другому назначению».

⁵⁰ См.: *Allard S.* Stalin und Hitler. Die sowjetrussische Außenpolitik 1930–1941. Bern; München 1974. S. 232; *Stegmann B.* Politik und Kriegführung in der ersten Phase der deutschen Initiative // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 2. Stuttgart 1979. S. 32–38; *Michalka W.* Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik, 1933–1940: Außenpolitische Konzeptionen und Entscheidungsprozesse im Dritten Reich. München, 1980. S. 287, и др.

⁵¹ *Fabry Ph. W.* Die Sowjetunion und das Dritte Reich. Eine dokumentierte Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1933 bis 1941. Stuttgart, 1971. S. 259; *Stegmann B.* Hitlers Ziele im ersten Kriegsjahr 1939/40. Ein Beitrag zur Quellenkritik // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1980. Bd. 27. H. 1. S. 100; *Bullock A.* Hitler und Stalin: Parallele Leben. Berlin, 1991. S. 903, 907; *Maser W.* Der Wortbruch: Hitler, Stalin und der Zweite Weltkrieg. München, 1994. S. 237, 246–249; *Городецкий Г.* Миф «Ледокола» / Пер. с англ. М., 1995. С. 104, 108; *Magenheimer H.* Die Militärstrategie Deutschlands 1940–1945: Führungentschlüsse, Hintergründe, Alternativen. 2. erw. u. überb. Aufl. München, 1997. S. 49–50; *ders.* Entscheidungskampf 1941. S. 37–38; *Scheil S.* Op. cit. S. 355.

⁵² Только 27 сентября, в день подписания Тройственного пакта, Вайцзеккер в своей общей форме зафиксировал в дневнике: «Необходимо загладить эти сюрпризы в отношении России, если там не ожидают резкой перемены погоды» (Die Weizsäcker-Papiere. S. 219).

⁵³ *Goebbels J.* Die Tagebücher. Bd. 8. S. 326 (Aufzeichnung vom 15.09.1940).

⁵⁴ Кому принадлежала эта идея неизвестно, что, впрочем, и не так существенно. Утверждение И. Фляйшхауэр, что инициатива исходила от графа Шуленбурга, не может выходить за рамки только предположения, так как не подкреплено никакими документами или свидетельствами (см.: *Fleischhauer I.* Diplomatischer Widerstand gegen “Unternehmen Barbarossa”: Die Friedensbemühungen der Deutschen Botschaft Moskau 1939–1941. Berlin; Frankfurt a. Main 1991. S. 217).

⁵⁵ Недовольство Кремля явно затягивающейся неясностью в советско-германских отношениях нашло отражение в центральной советской печати: Сообщение ТАСС опровергло публикацию в датской газете «Политикен» сведений о своевременном предостережении советскому правительству информации, касающейся направления немецких войск в Румынию, об их количестве и целях их пребывания в этой стране (см.: Известия. 1940. 16 окт. С. 2).

⁵⁶ Ф. Фабри даже допускал такую возможность, как уведомление Кремля о предстоящем письме Риббентропа Сталину без соответствующего согласия Гитлера, которое якобы последовало лишь после 10 октября (*Fabry Ph. W.* Die Sowjetunion und das Dritte Reich. S. 222).

⁵⁷ См.: «Vorschlag für den Brief an Herrn Stalin» vom 10.10.1940, подготовленное начальником Политико-экономического отдела МИД Э. Вилем (*Fabry Ph. W. Die Sowjetunion und das Dritte Reich. S. 222–223*) и экспозе по экономическим проблемам, подготовленное посланником К. Шнурпе (*Ibid. S. 224–225*).

⁵⁸ Der Brief J. von Ribbentrops an I.V. Stalin. S. 251.

⁵⁹ Именно это слово употребил в беседе с начальником генштаба сухопутных войск генералом Ф. Гальдером представитель МИД при ОКХ Х. фон Этндорф, характеризую тональность письма Риббентропа (см.: *Halder F. KTB, Bd. 2. S. 139. Aufzeichnung vom 15.10.1940*).

⁶⁰ По всей вероятности, эти усилия не были напрасными, так как Гитлер был доволен реакцией Кремля на заключение Тройственного пакта (см.: *Goebbels J. Die Tagebücher. Bd. 8. S. 355. Aufzeichnung vom 1.10.1940*).

⁶¹ Der Brief J. von Ribbentrops an I.V. Stalin. S. 253. Характерно, что на представленном германским посольством переводе этого документа на русский язык (к сожалению, оставляющего желать лучшего) Сталин в этом резюмирующем предложении сделал наибольшее число подчеркиваний, свидетельствующих о несомненном интересе к содержащимся в нем положениям (см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 296. Л. 19).

⁶² Письмо Риббентропа Сталину // 1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др. Под ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 1. Док. 147. С. 310.

⁶³ Эта информация была получена Разведывательным управлением НКВД от агента, имеющего связи в Отделе печати МИД Германии, и направлена наркомом внутренних дел Л. П. Берия Сталину и Молотову 24.10.1940 г. (см.: Там же. Кн. 1. Док. 155. С. 324).

⁶⁴ Письмо Риббентропа Сталину // Там же. Док. 147. С. 307. Слово «или» Сталин обвел кружочком, что свидетельствует о его повышенном внимании к этому речевому обороту (см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 296. Л. 13).

⁶⁵ Письмо Риббентропа Сталину Шуленбург вручил Молотову вечером 17 октября и получил ответ Сталина, переданный через Молотова, в ночь с 21 на 22 октября (см.: ДВП. Т. XXIII, кн. 1. Док. 458. С. 699; ADAP. Ser. D. Bd. XI, 1. Dok. 211. S. 300–301).

⁶⁶ Die Weizsäcker-Papiere. S. 229 (Aufzeichnung vom 15.10.1940).

⁶⁷ *Halder F. KTB. Bd. 2. S. 158*. Можно предположить, что эта «неофициальная информация» основывалась на высказываниях Гитлера в ходе беседы с Муссолини 28 октября во Флоренции (ADAP. Ser. D. Bd. XI, 1. Dok. 246. S. 354). Вопрос о том, насколько эти высказывания отражали истинные расчеты Гитлера, остается открытым. С одной стороны, фюрер пытался создать впечатление, что он предпринимает небезуспешные попытки по созданию широко разветвленной антибританской коалиции, и в этой связи одно только упоминание о предстоящем визите Молотова в Берлин уже произвело впечатление на дуче и министра иностранных дел Г. Чиано (*Ibid. S. 353*); с другой стороны, Гитлер испытывал определенное недоверие к способности руководства Италии должным образом обращаться с конфиденциальной информацией, указывая на это обстоятельство представителям военного командования, которые должны были обсуждать вопросы военного сотрудничества с высшим военным командованием Италии (*Ibid. Bd. VI. Anh. III. S. 932*).

⁶⁸ Halder F. KTB. Bd. 2. S. 163–165.

⁶⁹ Heeresadjutant bei Hitler 1938–1943. Aufzeichnungen des Majors Engel / Hrsg. u. komment. von H. v. Kotze. Stuttgart, 1974. S. 90.

⁷⁰ Halder F. KTB. Bd. 2. S. 165.

⁷¹ Ibid. Anm. 9. S. 165.

⁷² Kriegstagebuch des OKW. Bd. 1. Anh. S. 1180.

⁷³ Ibid. S. 1181.

⁷⁴ Начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал А. Йодль отмечал в памятной записке от 3.12.1940 г.: «Крупномасштабное вооружение сухопутных войск требуется для осуществления большой военной кампании <...>, которая не является настоящей необходимостью для победы над Англией». – Stellungnahme Jodl zur Vortragsnotiz des Wi und RüAmtes vom 30.11.1940 // Kriegstagebuch des OKW. Bd. 1. Anh. Dok. 40. S. 981.

⁷⁵ Generalfeldmarschall Fedor von Bock: Zwischen Pflicht und Verweigerung. Das Kriegstagebuch [Mai 1939–Juli 1942] / Hrsg. von K. Gerbet. München; Berlin, 1995. S. 169. Гитлер, излагая свои намерения перед высшим генералитетом в отношении СССР в обстановке незавершенной войны на Западе, постоянно стремился представить действия Германии, как так или иначе вынужденные.

⁷⁶ По точному наблюдению А. Хильгрубера, эта директива, как и многие другие, представляла собой не новые указания фюрера, а результат его непосредственно предшествовавших обсуждений с верхушкой ОКВ и видов вооруженных сил, формулируя на штабном языке высказанные Гитлером в ходе этих совещаний намерения (см.: Hillgruber A. Hitlers Strategie. Politik und Kriegführung 1940–1941. 3. Aufl. 1993. S. 354, Anm. 12).

⁷⁷ Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht / Hrsg. von W. Hubatsch. Frankfurt a. Main, 1962. S. 71.

⁷⁸ Подробнее см.: Hillgruber A. Hitlers Strategie. S. 388 ff.

⁷⁹ См.: Hillgruber A. Hitlers Strategie. S. 352; Fabry Ph. *W*. Die Sowjetunion und das Dritte Reich. S. 227.

⁸⁰ В конце октября Риббентроп ставил перед Москвой вопрос о публикации предложенного им текста коммюнике о предстоящем визите Молотова не позднее 3 ноября (Telegramm des RAM an die Botschaft in Moskau vom 31.10.1940 // ADAP. Ser. D. Bd. XI, 1. Dok. 262. S. 371–372), что дает основание предположить, что подобным образом он пытался воздействовать на исход президентских выборов в США (5 ноября). Однако, натолкнувшись на отрицательную реакцию Молотова (скорее всего, по причине сложившихся в СССР правил, исключавших заблаговременное информирование населения об участии высших руководителей страны в тех или мероприятиях), рейхсминистр не настаивал на этом предложении (Ibid. Anm. 3. S. 372). Вместе с тем вопрос о придании широкой гласности факта визита Молотова стал предметом обсуждения, по меньшей мере, в верхушке МИД Германии сразу же после получения ответного письма Сталина. При этом Вайцзеккер изначально скептически оценивал эффективность подобного шага. По его мнению, «Рузвельт будет все-таки избран, даже в том случае, если еще заранее станет известно, что Молотов в скором времени прибудет

в Берлин с ответным визитом». (Die Weizsäcker-Papiere. S. 221. Aufzeichnung vom 21.10.1940). То обстоятельство, что факту публичности этого события Риббентроп и, разумеется, Гитлер уделяли столь продолжительное внимание, наводит на мысль, что внешняя сторона визита занимала важное место среди набора побудительных мотивов, обусловивших его организацию.

⁸¹ Scheil S. Op. cit. S. 293.

⁸² См.: Telegramm von Leiter der Wirtschaftspolitischen Abteilung des AA E. Wiehl an die Gesandtschaft in Bukarest vom 5.11.1940 // ADAP. Ser. D. Bd. XI,1. Dok. 288. S. 396–397.

⁸³ См.: Aufzeichnung des VLR K. Heinburg (Pol. Abt.) vom 26.10.1940. Ibid. Dok. 236. S. 341; Kriegstagebuch des OKW. Bd. 1. S. 134 (Aufzeichnung vom 28.10.1940); Телеграмма министра иностранных дел Румынии М. Стурдзы в миссию Румынии в Италии и Германии, 5.11.1940 // Советско-румынские отношения. Т. II. Док. 214. С. 395.

⁸⁴ Посланник Румынии в СССР Г. Гафенку заявил официальный протест советскому правительству в связи с захватом островов (см.: Телеграмма Гафенку в МИД Румынии, 13.11.1940 // Советско-румынские отношения. Т. II. Док. 216. С. 396–397).

⁸⁵ Aufzeichnung des Staatssekretärs vom 11.11.1940 // ADAP. Ser. D. Bd. XI,1. Dok. 317. S. 438–439.

⁸⁶ Aufzeichnung von Gesandter E. von Rintelen vom 11.11.1940. – Archiv des Instituts für Zeitgeschichte, München. Fd. 42. Bl. 119–122.

⁸⁷ Aufzeichnung ohne Unterschrift vom 9.11.1940 // ADAP. Ser. D. Bd. XI,1. Dok. 308. S. 426–428.

⁸⁸ Aufzeichnung des Leiters der Wirtschaftspolitischen Abteilung vom 11.11.1940 // Ibid. Dok. 318. S. 440.

⁸⁹ Aufzeichnung des Leiters der Wirtschaftspolitischen Abteilung vom 11.11.1940 // Ibid. Dok. 319. S. 440–441.

⁹⁰ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA AA). Büro St.S. Russland. Bd. 3. R 29714. Bl. 112827–28.

⁹¹ Записка М. Шлипа (Политический отдел МИД) «Репатриация арестованных в Советском Союзе подданных Германии, а также еще находящихся на советской территории фольксдойче, бывших подданных Польши» от 11.11.1940 г. (Fabry Ph. W. Die Sowjetunion und das Dritte Reich. S. 228–229) не была использована статс-секретарем Вайцеккером в меморандуме, подготовленном для Риббентропа.

⁹² PA AA. Büro St.S. Russland. Bd. 3. R 29714. Bl. 112829–30.

⁹³ См.: Некоторые директивы к берлинской поездке [Молотова]. Означало ли это, что Сталин вел дело к тому, чтобы «германской сферы интересов в Европе не должно было существовать» (Scheil S. Op. cit. S. 292). Подобное утверждение немецкого историка С. Шайла нельзя считать сколько-нибудь обоснованным, так как оно основывается на некорректной интерпретации директив Молотову.

⁹⁴ На это обстоятельство обратил внимание еще Хильгрубер (см.: Hillgruber A. Hitlers Strategie. S. 305).

⁹⁵ Беседа Молотова с Гитлером, 12.11.1940 // ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Док. 498. С. 45.

⁹⁶ В связи с этим представляется необоснованным утверждение, что «Гитлер и Риббентроп настойчиво предлагали советскому правительству подписать с державами Пакта трех держав особое соглашение о политическом и экономическом сотрудничестве и секретные протоколы, согласно которым СССР должен был приступить к расширению своей 'сферы интересов' в южном направлении...» (см.: *Кульков Е. Н.* Советская реакция на заключение пакта трех держав // *Война и политика, 1939–1941*. М., 1999. С. 390) лишено какого-либо документального подтверждения. См. схожую интерпретацию политики Гитлера также в кн.: *Чубарьян А. О.* Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М., 2008. С. 319–320, 325, 328.

⁹⁷ Беседа Молотова с Риббентропом, 13.11.1940 // ДВП. Т. XXIII, кн. 2.. Док. 512. С. 72–73, 74.

⁹⁸ Entwurf eines Abkommens zwischen den Staaten des Dreimächtepakts und der Sowjetunion, 9.11.1940 // ADAP. Ser. D. Bd. XI, 1. Dok. 309. S. 428–430; см. также: *Fleischhauer I.* Diplomatischer Widerstand... S. 224–230. Оценка этого документа, данная Флэйшхауэр, как «последней широко задуманной дипломатической попытки мирного упорядочивания сфер интересов в Центральной, Центрально-Восточной Европе и Азии с привлечением Советского Союза и признанием его отныне существующего международного веса и возросших в результате исторического развития интересов по обеспечению собственной безопасности» (*Ibid.* S. 229), полностью оторвана от исторических реалий, так как речь шла о соглашении между четырьмя государствами-агрессорами.

⁹⁹ В пункте 1б этих инструкций указывалось: «Подготовить первоначальную заметку сферы интересов СССР в Европе, а также в ближней и средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом с Г[ерманией] (а также с И[талией]), но не заключать какого-либо соглашения с Германией и И[талией] на данной стадии переговоров, имея в виду продолжение этих переговоров в Москве, куда должен приехать Риб[бентроп] в ближайшее время» (ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Док. 491. С. 31).

¹⁰⁰ Die Weizsäcker-Papiere. S. 224-225 (Aufzeichnung vom 16.11.1940).

¹⁰¹ PA AA. Handakten Etdorf. R 27338. Bl. 428057 (Aufzeichnung vom 14.11.1940).

¹⁰² Halder F. KTB, Bd. 2. S. 46 (Aufzeichnung vom 30.07.1940).

¹⁰³ См.: *Graml H.* Wer bestimmte die Außenpolitik des Dritten Reiches? Ein Beitrag zur Kontroverse um Polykratie und Monokratie im NS-Herrschaftssystem // *Demokratie und Diktatur: Geist und Gestalt politischer Herrschaft in Deutschland und Europa. Festschrift für K.-D. Bracher / M. Funke u.a. (Hrsg.).* Düsseldorf, 1987. S. 223–236.

¹⁰⁴ Lagevorträge des Oberbefehlshabers der Kriegsmarine vor Hitler 1939–1945 / Hrsg. von G. Wagner. München, 1972. S. 154.

¹⁰⁵ Heeresadjutant bei Hitler. S. 91 (Aufzeichnung vom 15.11.1940).

¹⁰⁶ Так якобы охарактеризовал Гитлер в разговоре со своим адъютантом майором Г. Энгелем смысл бесед с Молотовым, о чем генерал в отставке Энгель сообщил Хильгруберу в 1964 г. (см.: *Hillgruber A.* Hitlers Strategie. S. 356). Однако в опубликованных спустя 10 лет записках майора Энгеля подобная характеристика этих бесед отсутствует (см.: Heeresadjutant bei Hitler. S. 91–92).

¹⁰⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Док. 512. С. 74–77.

¹⁰⁸ Heeresadjutant bei Hitler. S. 91 (Aufzeichnung vom 15.11.1940). Еще накануне, 14 ноября, начальник Штаба оперативного руководства ОКВ генерал А. Йодль отдал распоряжение о составлении графика взаимодействия отдельных операций, «исходя при этом из того, что Восточная кампания начнется 1.5.41» (Kriegstagebuch des OKW. Bd. 1. S. 176).

¹⁰⁹ ДВП. Т. XXIII, кн. 2. Док. 548. С. 136–137.

¹¹⁰ Хильгрубер был не точен, утверждая, что Молотов в ходе берлинских бесед ставил вопрос о «полной аннексии Финляндии» (*Hillgruber A. Sowjetische Außenpolitik im Zweiten Weltkrieg. Königstein / Ts., 1979. S. 57*). Советское руководство добивалось подтверждения полной «свободы рук» в отношении этой страны, не исключавшей проведения новой военной кампании против нее (см.: Записка наркома обороны СССР С. К. Тимошенко и начальника Генштаба Красной Армии К. А. Мерецкова И. В. Сталину и В. М. Молотову о соображениях по развертыванию вооруженных сил Красной Армии на случай войны с Финляндией, 18.09.1940 // 1941 год. Т. 1. Док. 118. С. 253–260). О политических целях этой планировавшейся кампании на сегодняшний день историкам ничего не известно. Очевидно только, что сложившаяся после окончания зимней войны ситуация с Финляндией явно не устраивала Сталина.

¹¹¹ Как отмечает К. Хильдебранд, в это время «все, что Гитлер принимал в расчет и пытался осуществить, все, что он обдумывал и делал, способствовало только укреплению его в решении напасть на Россию» (*Hildebrand K. Das vergangene Reich: deutsche Außenpolitik von Bismarck bis Hitler 1871–1945. Stuttgart, 1995. S. 736*).

¹¹² Телеграмма Молотова (из Берлина) Сталину, 14.11.1940 // ДВП. Т. XXIII, кн. 2 (1). Док. 515. С. 81.

¹¹³ *Сиполс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997. С. 274–275; Куманев Г. А. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., 1999. С. 403; Он же. Тяжелый выбор (Советско-германский пакт о ненападении) // Он же. Проблемы военной истории (1938–1945 гг.). М., 2007. С. 44; Чубарьян А. О. Указ. соч. С. 328–329.*

¹¹⁴ Критику этого «документа» см.: *Волков В. К. Указ. соч. С. 281–282; Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. С. 360–362; Гибианский Л. Я. Указ. соч. С. 506–508.*

Витка Тошкова (София)

Болгария и два полюса формирования биполярного мира. 1944–1946 годы

В ночь с 5 на 6 сентября 1944 г. германский посланник в Софии получил ноту болгарского Совета министров с решением о прекращении Болгарией дипломатических отношений с Третьим рейхом. Только несколькими часами раньше – вечером 5 сентября – нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов вручил болгарскому посланнику в Москве ноту, извещающую, что советское правительство приостанавливает любые отношения с Болгарией и находится с ней в состоянии войны. 8 сентября советские войска вошли в Болгарию и начали продвижение по ее территории. С 18.00 того же дня вступило в силу и болгарское решение объявить войну Германии¹. При таких форс-мажорных обстоятельствах, в ночь с 8 на 9 сентября правительство К. Муравиева было свергнуто вооруженными частями, которые перешли на сторону Отечественного фронта (ОФ), созданного по инициативе компартии². Взятие власти комитетами ОФ в отдельных местах произошло еще 6 сентября. 9 сентября утром премьер-министр первого правительства ОФ К. Георгиев (политическая группа «Звено») сообщил по Радио Софии состав кабинета.

Таковой была непосредственная хронология событий, фактически означавших аннулирование переговоров о перемирии с Болгарией, которые велись Великобританией и США с болгарскими представителями в Каире в начале сентября 1944 г. Эти события внесли нежелательные для западных союзников, но ожидаемые коррективы в планы Вашингтона и Лондона. Одной из существенных перемен явилось неизбежное участие Советского Союза в окончательной выработке соглашения о перемирии с Болгарией. Предполагалось, что местом обсуждения и подписания соглашения будет Москва. Претензия на это уже содержалась в датированном 9 сентября письме Ф. Т. Гусева, представителя СССР в Европейской консультативной комиссии, Дж. Вайнанту, представителю США в той же комиссии³. О неприятностях для западных союзников предупреждали и симптомы того, что правительству К. Георгиева будет оказывать покровительство Кремль. У такого предчувствия было основание. Еще с конца августа 1944 г. начинается интенсивное обсуждение будущего состава правительства Болгарии, проводившееся с участием Заграничного бюро (ЗБ) БРП, которое находилось в советской столице. Несомненно, при существовавшей субординации ЗБ «согласовало» кандидатуры будущих министров со своими

московскими хозяевами. К неприятным знакам представителями США причислялась и спонтанно выражавшаяся болгарским населением признательность Красной Армии. В плакатах, лозунгах и речах на многолюдных митингах почти не упоминались США и Англия⁴. Афишируемые предпочтения в отношении Советского Союза, по поводу чего Г. Димитров дал специальные указания Тр. Костову⁵, возглавившему в его отсутствие работу партии в Болгарии, задевали чувства американских представителей. Сообщения из Софии о демонстрируемом пренебрежении к Америке все больше убеждали Государственный департамент США, что наступил момент жестко и ясно заявить об интересах этой великой державы на территориях, в отношении которых на свой контроль претендовала Москва. Наиболее красноречиво эти намерения выразил Дж. Вайнант. В телеграмме госсекретарю США от 25 сентября он настаивал на более справедливом представительстве двух западных стран в Союзной контрольной комиссии (СКК) для Болгарии. По его мнению, необходимо было получить преимущества в контроле за осуществлением перемирия, так как русские провели «пятичасовую бескровную войну» с болгарами, тогда как американцы понесли значительные человеческие жертвы во время бомбардировок⁶.

В Вашингтоне болезненно восприняли тот факт, что США отеснены на второй план и имеют довольно ограниченные перспективы влияния на формирование государственно-политического лица Болгарии. Желание не только наблюдать, но и, по возможности, направлять действия правящей коалиции недвусмысленно проявляются, прежде всего, в планах Разведывательного управления США под руководством генерала У. Доновена. С этой целью в Болгарию, еще до ввода туда советских войск, была заброшена группа младшего лейтенанта Г. Харпера. Одной из ее задач являлось создание официальных и неофициальных связей с сотрудниками штаба болгарской армии и представителями различных слоев болгарской общественности⁷. Однако, несмотря на уверения директора Разведывательного управления США в том, что отправка группы Харпера в Болгарию была согласована с руководителем внешней разведки Народного комиссариата государственной безопасности СССР генералом П. М. Фитиным, присутствие этой группы в Софии оказалось первым серьезным поводом для скандального напряжения в советско-американских отношениях. Дело дошло до того, что 25 сентября миссия бы выдворена в Турцию. После вмешательства У. Доновена Харпер вернулся 5 ноября, но в конце декабря 1944 г. был принужден покинуть Болгарию снова и уже навсегда, из-за негативного отношения к нему со стороны политического представителя США в СКК М. Барнса и генерала Э. Кенига⁸.

Этот инцидент совпал с началом деятельности американской делегации в СКК, руководимой генералом Дж. Крейнм⁹. Не вдаваясь в подробности, не-

обходимо отметить, что данный случай обнажил конфликт между американским Разведывательным управлением и Государственным департаментом. В нем отразились не только соперничество между двумя американскими ведомствами, но и имевшиеся противоречия между Барнсом и ответственными сотрудниками разведки в вопросе о геополитических аппетитах США в конце Второй мировой войны. Барнс оспаривал не только компетентность людей Харпера в сборе и обработке политической информации. Он считал, что интересы США в Болгарии были «незначительными», и он не намеревался компрометировать существенную деятельность, которая требовала «не противоречить русским».

В меморандуме Р. Джойса, главы Балканского сектора Секретной разведки (СР), от 16 января 1945 г. взгляды Барнса определялись как «абсолютно несостоятельные». В нем в частности говорилось: «Очень сомнительно, что заявление господина Барнса об отсутствии американских интересов в Болгарии является верным. Сомнительным является даже то, что это мнение якобы точно отражает позицию Государственного департамента. Известно, что даже если бы у Государственного департамента был незначительный интерес к развитию ситуации в Болгарии, то Объединенный штаб командования и политические службы нашего правительства заинтересованы получить, по возможности, достоверные разведывательные данные из Болгарии. Это является основанием для наших действий сейчас и в будущем, пока не будут изменены указания и мы не будем инструктированы о прекращении сбора политической, военной, экономической и психологической информации о Болгарии. ...В интересах нашей будущей национальной безопасности, чтобы у наших политических и военных стратегов была как можно более полная информация о регионе, где постоянным является не только конфликт тамошних этнических, религиозных, политических и экономических интересов, но и где национальные интересы небалканских держав были в прошлом и находятся сейчас в состоянии противоречия...». И далее указывалось: «Постоянно повторяемое господином Барнсом утверждение, что его единственная задача (а, следовательно, и единственная задача РУ, так как он склонен считать, что фактически контролирует всю американскую деятельность в Болгарии) заключается в том, чтобы «быть в согласии с русскими», также подлежит обсуждению. Не лучше ли сказать, что это для Советского Союза существенное значение имеет «быть в согласии с Соединенными Штатами»? Сомнительно, является ли безропотное поведение перед лицом возражений или давления русских самым лучшим подходом к решению, может быть, наиболее важной проблемы, с которой когда-либо сталкивалась американская дипломатия...»¹⁰.

В меморандуме представлены две точки зрения, ядро конфликта между которыми заключается в отношении к доминирующей позиции Советского

Союза в Болгарии. Но это раскрывает и принципы, которым, вероятно, должны были подчиняться американские государственные деятели и политики в предстоящем туре распределения того, что досталось победителям в войне. Сотрудники РУ, будучи знакомыми с Советским Союзом, считали, что именно сейчас американцам пора действовать «безоглядно» и держаться жестко по отношению к русским, вместо того, чтобы просить разрешения у Москвы на каждый шаг, который Вашингтон пытался сделать в Европе¹¹.

Возражения Р. Джойса сыграли свою роль. Представители американской разведки продолжали посылать сведения из Болгарии и в 1945 г., действуя вопреки «запрету» генерала Крейна. Согласно объяснениям служащего американской делегации, под чьим прикрытием действовали некоторые из сотрудников РУ, предосторожность генерала была результатом создавшейся ситуации: «...Вы без сомнения знаете, что Американская и Британская секции СКК существуют здесь только номинально; они не имеют голоса и бессильны. Любой контакт с ответственными болгарскими лицами или любая просьба об информации какого бы то ни было содержания, всегда должна осуществляться через советское представительство в СКК»¹².

Официальный запрет на прямые контакты американских и британских представителей с болгарским правительством был введен 29 ноября 1944 г. Заместитель председателя СКК генерал-полковник С. С. Бирюзов в письме главе правительства Болгарии К. Георгиеву уведомлял его о том, что СКК начала функционировать, и сообщал о введенных ограничительных мерах. «Любая связь» между болгарским правительством и представителями Великобритании и США «по всем вопросам, входящим в компетенцию» СКК могла осуществляться «только через руководство Союзной контрольной комиссии», которое полностью было советским. Независимо от повода, общение обязательно должно было проходить через председателя комиссии маршала Советского Союза Ф. И. Толбухина, либо его заместителя Бирюзова, политического советника А. А. Лаврищева и двух помощников Толбухина – генерал-лейтенанта А. И. Черепанова и контр-адмирала Н. О. Абрамова. Любое отклонение от этого распоряжения должно было квалифицироваться как «игнорирование руководства Союзной Контрольной комиссии»¹³.

Но именно этим распоряжением постоянно пренебрегали сотрудники американского РУ. «Нарушения» прослеживаются при знакомстве с содержанием собранных этими сотрудниками сведений. Некоторые лица, предоставлявшие упомянутые сведения, занимали ответственные посты либо в управлении страной, либо в партиях Отечественного фронта. Контакты таких лиц с западными, в том числе американскими, представителями усиливали советскую подозрительность и вели к введению еще более суровых санкций.

В отправляемой в Вашингтон информации (за период с сентября по декабрь 1944 г.) преобладали данные о политической обстановке в стране и отношении компартии к организациям, участвовавшим в правительственной коалиции или оставшимся вне ее. Ревниво следили за отношением к США со стороны правящих политических сил и общества в целом. В подготавливаемых докладах американские специалисты взвешивали каждый замеченный шаг, пройденный Отечественным фронтом по пути, который отдалял Болгарию от недавнего прошлого, идентифицировавшегося с участием страны в «оси», с репрессиями над теми, кто был против сотрудничества с Германией, с виновниками войны между Болгарией и США.

Объективный анализ политической обстановки в Болгарии сделал сотрудник Отдела исследований и анализа при РУ, обозначенный псевдонимом «Гладстоун»¹⁴. Хорошо осведомленный высокопоставленным информатором, он сообщал о проверенных, в том числе и им самим, программах и целях, которым подчинялись действия двух основных политических организаций – Коммунистической партии и Земледельческого союза. Четырехмесячные действия БРП (к) характеризовались как «согласованное и мощное стремление... овладеть всей властью, преодолевая усилия остальных политических сил отнять ее». Успех обеспечивался «прямой или косвенной поддержкой советского правительства, присутствием советских войск на болгарской территории, великолепной организацией и тактикой, усердной предварительной подготовкой, выполненной партийными лидерами в стране и в Москве».

«Гладстоун» сравнительно точно выделил основные шаги к реализации этой задачи: установление своего контроля над Министерством внутренних дел; вооружение большей части членов компартии; создание народной милиции, составленной почти целиком из коммунистов, и образование коммунистических гвардейских частей в армии; назначение коммунистических политических комиссаров, так называемых помощников командиров, во все армейские подразделения; создание комитетов ОФ, в большинстве случаев под коммунистическим контролем и при успешных усилиях предотвратить равное участия в них всех групп ОФ; постепенное усовершенствование техники сдерживания политической активности остальных партий в ОФ, как и подрыва власти управленческих структур, которыми руководили некоммунисты; прямые атаки против других партий ОФ и, особенно, против Земледельческого союза; попытка установить контроль над армией посредством чистки в Военном министерстве и среди дивизионного командования.

В планах, которыми поделились некоторые коммунисты, разговаривавшие с «Гладстоуном», было присвоение себе «абсолютной власти» путем «разложения земледельческой партии изнутри и отстранения ее руководителя

д-ра Г. М. Димитрова, атаки против класса собственников под лозунгом «фашисты все еще контролируют капиталы и используют их против ОФ»». Все это должно было быть продолжено путем судебных процессов над военными преступниками. В откровениях некоторых руководящих деятелей БРП (к) дело дошло даже до признания, что коалиция ОФ является «переходным этапом», после которого, в силу окончательного определения места Болгарии в «советской сфере влияния», компартия станет «хозяйном политическим положением». Тем временем, на этапе перехода, Отечественный фронт, по приказу Г. Димитрова, должен сохраняться не только для внешнего мира, но и как средство ослабления внутренней оппозиции. По словам некоторых «земледельческих руководителей и руководителей звенарей» коммунисты пытались создать «марионеточные земледельческую и социал-демократическую партии и партию “Звено”». Наблюдались и попытки «дискредитации» наиболее видных политических руководителей. С таким же замыслом провоцировалось соперничество между ведущими деятелями Земледельческого союза Димитровым (Гемето) и Петковым. В случае успеха (что на тот момент казалось невозможным) крыло последнего должно было быть объявлено «настоящей земледельческой партией», достойной участвовать в ОФ.

Исключительный вес, по мнению «Гладстоуна», имело присутствие компартии в армии. Пополнение командного состава офицерами, вернувшимися из СССР, назначение бывших партизан помощниками командиров и устранение более интеллигентных офицеров-«некоммунистов» дополняло неблагоприятный баланс. Посвятельством против «национальных интересов» считалось и общение с американскими и британскими представителями.

В перспективе неприятности ожидалась и от хранителей «закона и порядка» – новосформированной милиции. Одной из ее основных задач (судя по жалобам представителей Земледельческого союза) являлись обыски и изъятие оружия, которое должно было сделать невозможным «вооруженное крестьянское восстание в будущем».

Автор материала отметил и некоторое охлаждение отношения населения к коммунистам. Это было вызвано их формулой: «Если ты не с нами, значит ты против нас и, следовательно, ты – фашист».

Один из вариантов выхода из данной ситуации был в беседе с американским сотрудником изложен Димитровым (Гемето). По его мнению, Земледельческий союз должен был покинуть ОФ. Но сам Гемето отказался от этой идеи сразу же, так как члены Союза были бы оклеветаны в том, что они фашисты и в тот же момент коммунисты создали бы Земледельческую партию-дублера. Это сложное положение подтолкнуло некоторых руководителей земледельцев к мысли о том, чтобы уйти в подполье вместе с частью Земледельческого союза.

Общим было мнение «распрошенных» высокопоставленных служащих, политиков и военных, которые считали, что «некоммунисты» в Болгарии не могли справиться самостоятельно с «коммунистической угрозой» («демократическим свободам»). Только в случае, если «Великобритания и Америка окажут давление на Россию, будет возможен настоящий представительный режим» в стране.

Другое категоричное высказывание, которое «Гладстоун» переправил в Вашингтон, чтобы внушить необходимость спешных мер, заключалось в том, что через сотрудников госдепартамента или другим способом у болгар создано впечатление, что у США к Болгарии интерес отсутствует. И поэтому они выбрали альтернативу «превратиться в искренних коммунистов и продемонстрировать полное подчинение Советской России в надежде сохранить хоть какую-то форму независимой политической жизни».

Это признание было очень важным. Оно объясняло, почему намерения компартии были объектом постоянного внимания сотрудников Отдела исследований и анализа. В различных звеньях информационной цепи накапливались факты, чье толкование подтверждало убеждение в том, что «впервые за много лет КП располагает и силой и шансом осуществить политику, которая считается самой разумной и отвечает ее интересам»¹⁵. Однако в интерпретации ближайших целей компартии аналитики не увидели бескомпромиссного стремления установить «коммунизм» в Болгарии. Ее задачей (по мнению «Европейского политического бюллетеня») было совершить «национально-демократическую революцию», которая бы не провоцировала «раскола» между Советским Союзом, Великобританией и США. Из этой непосредственной цели в политической доктрине БРП (к) не стоило делать ошибочный вывод о том, что партия «перестала верить в коммунизм»: «Центральным вопросом – и он важен для всех коммунистических партий – стал вопрос о том, как реализовать коммунизм, не спровоцировав раздор между Советским Союзом и западными демократиями, что могло привести к третьей уничтожающей войне».

Американские эксперты искали разделительную линию между скрытыми помыслами и публичными высказываниями тех кто управлял от имени ОФ. Руководители компартии убеждали, что «коммунистические идеи» не будут насаждаться «посредством насилия» или «диктаторскими методами». Но они считали, что в конце войны обозначилось значительное усиление «левой перспективы» в шкале общественных предпочтений. Поэтому они надеялись, что БРП (к) будет в состоянии привлечь массы и овладеть властью легальным способом, не противопоставляя друг другу три великие державы.

Специалисты РУ принимали в качестве правдоподобных такие оценки внутри- и внешнеполитической обстановки в Болгарии применительно к пе-

риоду до окончания войны. Однако в прогнозах по поводу периода после победы допускалось, что наступит «радикальный поворот» в болгарской политике. Предпосылки перемен, как считали эти специалисты, содержались в «естественной принадлежности» Болгарии к советской сфере влияния, что облегчало компартии реализацию ее политической программы. Эти предположения аргументировались ожиданием того, что «взаимопонимание» между союзными державами будет продолжаться до тех пор, пока окончательно не будет сломлена военная машина Германии. Считалось, что именно тогда возникнут условия, которые, до известной степени, освободят Кремль от обязанности продолжать тесное сотрудничество с Белым домом. Если это произойдет, то, вероятно, оно спровоцирует «воинственное и независимое поведение со стороны БКП»¹⁶.

Констатации американских представителей в Болгарии часто касались вопроса о том, какова сущность намерений Кремля. Этот вопрос имел самое непосредственное отношение к тому, как будет формироваться политическая система Болгарии, имевшей статус одного из бывших сателлитов Третьего рейха.

* * *

После того, как на упоминавшихся выше переговорах о перемирии, которые в начале сентября 1944 г. велись в Каире западными союзниками с болгарскими представителями, был поставлен крест в результате советского вмешательства, первое правительство ОФ было уверено, что у Болгарии есть шанс получить более умеренное «наказание». Расчет был главным образом на то, что теперь в разработке условий перемирия будут участвовать и русские. Упование на то, что Кремль проявит благосклонность, было до известной степени омрачено предварительными обсуждениями, которые велись в Москве с болгарской делегацией, назначенной – после устного приглашения генерала Бирюзова – постановлением Совета министров Болгарии от 12 октября 1944 г. Ход обсуждений отражен, в частности, в «Дневнике» о пребывании этой делегации в столице СССР (она отправилась 14 октября 1944 г. и прибыла в Москву на следующий день), который вел секретарь делегации К. Кюлявков¹⁷. Этот источник особенно ценен тем, что там отмечены первые официально выраженные намерения, оценки положения и ближайших перспектив Болгарии, о которых сочли нужным заявить ответственные советские представители¹⁸.

Не может не произвести впечатления тот факт, что еще на первых страницах записок было с некоторым сожалением и удивлением отмечено отсутст-

вие Г. Димитрова среди встречавших делегацию. Впоследствии ее глава, министр иностранных дел Болгарии П. Стайнов был вынужден переписываться с Г. Димитровым, отправлять к нему эмиссаров, чтобы ознакомить его с проблемами, которые было необходимо решить делегации. Очевидно, такое положение было создано советскими хозяевами умыслено.

Нарком иностранных дел В. М. Молотов положил начало рабочим встречам с болгарской делегацией. На первой из них 17 октября 1944 г., на которой присутствовал и заместитель Молотова А. Я. Вышинский, Стайнов передал благодарность болгарского правительства за то, что Москва была определена местом переговоров. Он сопроводил благодарность напоминавшим суеверие утверждением, что «болгарский народ убежден и всегда был убежден в том, что Москва несет ему счастье». В своем ответе Молотов объяснил данный выбор удобством для всех участников переговоров и особенно тем, что это было «полезно» для болгар. Он пресек словоизлияния с болгарской стороны о большом контрасте между враждебным отношением, проявленным англичанами и американцами к болгарским парламентарам в Каире, и московской «дружеской, внимательной и любезной атмосферой». Для Молотова любезности были лишними. Как он подчеркнул, «любезность это одно, а суть работы, которая предстоит, – совсем другое»¹⁹.

Присутствие болгарской делегации в Москве совпало с завершением переговоров между Черчиллем и Сталиным, где шла речь об установлении в Восточной Европе соотношения влияния держав «большой тройки». Как видно, эти советско-британские переговоры о политическом будущем региона вызвали и особый интерес Молотова к вопросу о стабильности правительства ОФ и к его перспективам уцелеть. Оптимистичный ответ члена болгарской делегации, министра финансов П. Стоянова, что «в Болгарии не существует политической силы, которая могла бы заменить Отечественный фронт», вызвал новый вопрос: «Закрепится ли положение правительства ОФ?» Это любопытство со стороны Молотова по поводу судьбы болгарского правительства было необычным, если учесть, что советское руководство имело информатора такого ранга, как Г. Димитров. Вероятно, Кремль нуждался в выражении гарантий со стороны всех политических сил, участвовавших в коалиции ОФ, в том числе и представленных в делегации. Возможно, имело место домогательство получить обещания со стороны независимых деятелей, которые все еще сохраняли симпатии к западным демократиям. Или этот случай предоставлял возможность высказать прямое предупреждение, что и сделал Молотов: «Не будьте оптимистами; в вашем обществе есть элементы, которые могут быть против вашего дела; элементы, которые раньше имели влияние в вашей стране и в управлении ею. Следовательно, не питайте иллюзий, что ваше положение

является легким. У Болгарии есть и будут бремя и ответственность, которые ей нужно нести». Далее акцент был сделан на еще более конкретной угрозе: «Не будьте слишком оптимистами. Болгарии будет необходимо пережить известные тяготы. Мы не одни, у нас есть союзники, требующие, чтобы Болгария несла ответственность, главным образом под влиянием ваших соседей. Что делала Болгария в Сербии? Что ей требовалось в Греции? У нас за спиной стоят и наши союзники, но мы все же стараемся смягчить то, что они от вас хотят, поскольку мы убеждены в том, что Болгария не может быть поставлена в худшее положение, чем Румыния и Финляндия»²⁰.

Откровение Молотова звучало странно для его болгарских собеседников. Они чрезмерно много ставили на родовую близость с русскими, на то, что в Болгарии имело место антифашистское Сопротивление, на неучастие болгарских войск в войне на советско-германском фронте, на легендарного Георгия Димитрова! Не случайно на этой встрече с Молотовым болгарская сторона прямо высказалась: «Мы прибыли сюда уверенные в том, что найдем благосклонное и справедливое отношение к нам. Чувства, которые сопровождают наш приезд сюда, – это доверие и уверенность»²¹.

Но очевидно, что советское заступничество должно было быть дозировано так, чтобы не внести раздоров в отношения между союзниками и чтобы не нанести вреда Советскому Союзу. Первый прием у Молотова оказался в целом учтывым, но обескураживающим. Упрек из-за Греции уже нашел к тому времени практическое выражение в согласии Москвы с требованием западных союзников, чтобы Болгария вывела свои силы из Западной Фракии в качестве условия, без исполнения которого не будет подписано соглашение о перемирии. И если в случае с Грецией речь шла о стране, пользовавшейся исключительными и преднамеренными симпатиями Лондона и Вашингтона, то упоминание Молотовым Сербии подсказывало, что советские предпочтения склоняются к Югославии. Судя по некоторым симптомам, эти предпочтения могли бы быть в ущерб Болгарии.

На той же встрече с Молотовым был затронут и вопрос о болгаро-советском военном сотрудничестве. Всего несколько месяцев спустя участие болгарской армии в последнем этапе войны против Германии вызывало серьезные трения между болгарским министром иностранных дел и Народным комиссариатом иностранных дел (НКВД) СССР. Вопрос о признании Болгарии совоюющим государством со стороны союзных держав стал основой возникшего спора между Софией и Москвой. Но в данный момент болгаро-советское взаимодействие при освобождении Югославии выдвинуло на передний план одно замечание, которым Молотов или хотел парировать дальнейшие «увлечения» болгарского правительства, или для вида регистрировал согласие

с упреками западных партнеров СССР, нарочно перекаладывая вину на младший состав БРП (к): «Вам необходимо сохранить всех способных офицеров, занимавших должности до переворота, и вернуть тех, кто по каким-то причинам был уволен... Для того, чтобы ваше правительство и положение Болгарии были укреплены, ...нужно остановить действия, которые совершают некоторые из ваших молодых коммунистов, может быть с позволения наших, и перебарщивают. Но это делают не ответственные руководители вашей и нашей партии, а молодежь. Болгария останется демократической страной, и мы не собираемся вмешиваться в ее внутренние дела. Если некоторые из коммунистов продолжают подобные действия, то мы их вразумим. Болгария останется с ее демократическим управлением и с ее порядком и будет управляться так, как она сама желает»²².

Слова Молотова были восприняты почти буквально, и, судя по всему, у некоммунистической части делегации создалась уверенность, что существующий паритет в первом правительстве ОФ будет в будущем эталоном для структуры правящей коалиции. Требовалось всего несколько месяцев, чтобы наступили прочное разочарование и безвозвратный разрыв.

Тем временем подписание соглашения о перемирии затягивалось. Болгарская делегация подозревала, что причиной этому стал визит Черчилля в Москву и гадала о том, какие решения были приняты на советско-британских переговорах, размышляя над коммюнике, изданным по их итогам. Создавалось впечатление, что в отношении Болгарии имелись между СССР и его союзниками «неразрешенные вопросы», которые были урегулированы только в Москве. Однако было неизвестно, какие именно это вопросы. Терзало любопытство и отмеченное в коммюнике проведение «совместной политики» СССР и Великобритании в отношении Югославии. По поводу Болгарии о подобной совместной политике не упоминалось. Неупоминание Греции истолковывалось как ликвидация «висящих вопросов» вокруг положения в этой стране, которые возникали между Советским Союзом и Великобританией.

Обсуждение проекта соглашения о перемирии с Болгарией отложили до 26–27 октября 1944 г. Очень обеспокоили членов болгарской делегации рассуждения Молотова о некоторых статьях соглашения. Он был категоричен в том, что Болгария «несет ответственность» за свои действия в Греции и Югославии, «поскольку была оккупантом». Но еще более бескомпромиссно он переложил «это обязательство» на «новое правительство Болгарии». Не сделал Молотов разграничения между прежним болгарским режимом и правительством ОФ и по поводу вины за сотрудничество Болгарии с Германией. Согласно тому, что сказал нарком иностранных дел, Болгария была союзником Третьего рейха, обе эти страны помогали друг другу, в том числе в борьбе против СССР,

и «они должны нести взаимную ответственность». Следовательно, Болгария не получала от Москвы ожидаемого снисхождения. Выходило, что ничто не в состоянии искупить преступления свергнутого болгарского режима. По поводу мер наказания бывшего гитлеровского сателлита союзники демонстрировали единодушие²³.

Данное впечатление Молотов постарался до известной степени подкорректировать в разговоре со Стайновым непосредственно после подписания соглашения о перемирии. Нарком утверждал, что советское руководство все же было более благосклонным к Болгарии, и сообщил некоторые подробности, одна из которых действительно шокировала болгарского министра иностранных дел. Во-первых, спор между СССР и западными союзниками вызвал вопрос о месте проведения переговоров о перемирии с Болгарией. Но это было меньшее из препятствий. Больше трудностей создало предложение западных партнеров разделить Болгарию на «три зоны оккупации», подобно Германии. Советская сторона ополчилась «против подобного деления», и было принято решение, что «устанавливается только оккупация советскими войсками». Москва заставила западных союзников принять ее позицию и по вопросу о советском «председательствовании и руководстве в СКК». Молотов кратко намекнул и о том, что были споры с союзниками вокруг состава и функций СКК. Очевидно, делегации США и Великобритании оспаривали данные председателю СКК возможности «беспрекословно распоряжаться и напрямую отдавать приказы... всем болгарским органам».

Лишь в этом разговоре Молотов позволил себе признаться, что в подкрепление русской позиции был использован факт совершенных в Болгарии «коренных перемен» в «управлении» страной; подчеркивалось, что к власти пришло «правительство, представляющее те круги, которые боролись против немцев», а болгарская армия была предоставлена новой властью «в распоряжение союзников и в частности советского командования, чтобы вести подлинную войну против Германии». И все же то обстоятельство, что болгарские патриоты сражались с коллаборационистами и их высокопоставленными распорядителями, Молотов упоминал в разговоре со Стайновым с глазу на глаз. Нигде в «Дневнике» болгарской делегации, который вел Кюлявков, аргументы об антифашистском Сопротивлении, имевшем место до 9 сентября 1944 г., не фигурировали категорически как признание заслуг болгарского народа представителями трех великих держав. Молотов воздержался и от комментария по поводу содержания декларации, которую Стайнов от имени правительства Болгарии огласил перед представителями держав «большой тройки» в начале официальных переговоров по обсуждению Соглашения о перемирии²⁴.

С начала 1945 г. Болгария по-настоящему превратилась в одно из государств, где наиболее остро столкнулись концепции США и СССР относительно послевоенного развития стран – бывших помощников гитлеровской Германии. История конфронтации, по мнению некоторых авторов, «превосходный источник для понимания причин и сущности холодной войны на Балканах»²⁵.

Уже было упомянуто, что ограничительные приказы, изданные советским руководством СКК, усилили напряженность между болгарскими властями и представителями США. Комиссариат по исполнению Соглашения о перемирии (КИСП), созданный 9 ноября 1944 г. постановлением Совета министров Болгарии, стал службой, которая участвовала в реализации соглашения, была призвана облегчать его выполнение и играть роль посредника. Как констатировалось в одном из американских документов, не было тайной, что каждое решение СКК являлось, в сущности, решением генерала Бирюзова; что свободное передвижение американцев и англичан невозможно без специального пропуска и советского сопровождающего офицера; что за всеми, кто поддерживает связь с западными представителями, следят «болгарские коммунисты», «русская полиция» и «болгарская военная контрразведка»²⁶. Дело дошло даже до распоряжения населению не дружить с американцами и англичанами. Подобное отношение вызвало острый протест представителя американской миссии, который с огорчением заявил 12 февраля 1945 г. в штабе болгарской армии: «...как будто мы недостаточно хороши для вас»²⁷.

В Архиве КИСП сохранены сотни документов, в том числе и протоколы заседаний Постоянного совета КИСП, где представлены важные данные о содержании болгаро-советских отношений с момента заключения соглашения о перемирии до подписания 10 февраля 1947 г. мирного договора. Можно без преувеличения утверждать, что усилия по удовлетворению советских финансовых и других материальных требований почти исчерпали серьезные долги Болгарии победителям. Часто то, что забиралось советской стороной, превышало предусмотренные квоты болгарских поставок на содержание советских войск, находившихся в стране. Затруднения причинялись и случаями нерегламентированной конфискации личного имущества болгарских граждан для нужд советских воинских частей. Долго тянулась переписка между советскими и болгарскими органами о возвращении Болгарии ее кораблей, об уточнении принадлежности смешанной болгаро-германской собственности, о возмещении ущерба, причиненного расквартированными в стране подразделениями советских войск. Подобные случаи постепенно снижали градус восторга и опьянения, которыми были одарены бойцы Красной Армии в первые дни их

размещения на болгарской земле. Иногда такие советские действия надолго оставались в сознании тех болгар, которых это коснулось, затмевая многочисленные жесты добронамеренного содействия и бесплатной помощи, которые оказывались частями Красной Армии, и искренней сопричастности советской стороны к проблемам болгарского населения²⁸.

В этих взаимоотношениях значительное место занимали вопросы, которые должны были решаться путем прямого вмешательства министра иностранных дел Болгарии П. Стайнова, являвшегося одновременно комиссаром по исполнению соглашения о перемирии. Имеющаяся болгарская документация сравнительно хорошо компенсирует отсутствие советских оригинальных материалов при попытке исследователя реконструировать содержание диалога между Софией и Москвой. Среди разнообразных государственно-политических проблем, с которыми столкнулась болгарская дипломатия непосредственно после того, как 28 октября 1944 г. было подписано соглашение о перемирии, выделяются несколько, чья природа и дискуссии вокруг их урегулирования, возможно, лучше всего иллюстрируют, насколько и почему Кремль толерантно отнесся к первому правительству ОФ, но вместе с тем стал инициатором его реконструкции.

Одним из важнейших вопросов, в решение которого Стайнов вложил крайне много энергии и иллюзий, был вопрос о признании за Болгарией статуса «совоющего государства». Исполнителем этой задачи в Москве стал политический представитель Болгарии в СССР Д. Михалчев. Обычно он обсуждал эту тему с Вышинским. Но и в январе, и в марте 1945 г., да и позже заместитель наркома иностранных дел сдержанно отклонял эту претензию. В основе его контраргументов было мнение, что Москва не может позволить себе чрезмерное восхваление болгарского антифашистского сопротивления и противопоставление его французскому и итальянскому, независимо от того, что «высоко» ценит болгарское. Считалось также, что правительство ОФ в корне отличается от правительств, которые управляли Болгарией до 9 сентября 1944 г. Но то существенное, что Вышинский прямо пытался внушить, сводилось к утверждению, что демонстрацию особой близости с болгарским правительством и его безоговорочное одобрение Кремль не мог себе позволить. Многозначительно звучало объяснение Вышинского, почему отказывают в подобном признании «совоющим государством» Румынии, которая участвовала в войне против Германии с 11 дивизиями. Советское руководство, указывая замнаркома, было недовольно составом румынского правительства, которое «кишело реакционными элементами из лагеря Маниу, с премьер-министром во главе». Вышинский представил и другой довод, который ставил Румынию в неблагоприятное положение, – «чистка фашистских элементов». Он считал,

что ее проведение было «всего лишь побрякушкой». Интересно, что для Вышинского основой сравнения оказалась активность Народного суда в Болгарии. Более того! Он похвалил болгарское старание: «...мы очень ценим твердое антифашистское поведение болгарского правительства». Несмотря на это, Вышинский категорически отверг возможность того, что Болгарии будет дан статус «союзника» СССР в окончательном разгроме Германии. Взамен Москва хотела предложить ей «недвусмысленное уважение» и «моральное удовлетворение», в котором «антифашистская и воюющая Болгария испытывала нужду»²⁹.

Дежурным оправданием отказа протезировать Болгарии были «накопившиеся дурные чувства» к ней у союзников СССР, с которыми надо было считаться. «Ненависть» США и Великобритании к Болгарии советские лидеры использовали как аргумент, чтобы заставить болгарское правительство быть послушным и оставить желания, компрометирующие СССР. Не отрицая, что Болгария действительно не находилась среди любимцев Вашингтона, и тем более Лондона, нужно отметить, что подобные внушения создавали ощущение безысходности и односторонней обреченности болгарской внешнеполитической ориентации. Госдепартамент США не старался серьезно сгладить это впечатление, хотя после конференции «большой тройки» в Крыму (февраль 1945 г.) американский политический представитель Барнс осведомился 27 февраля у госсекретаря США, есть ли в Вашингтоне намерение активно содействовать «свободному выражению мнения болгар на предстоявших выборах». Ответ 9 марта был утвердительным³⁰.

В Софии ожидали благословения Кремля и на формирование болгаро-югославской федерации. Большинство перипетий, через которые прошел этот замысел, уже исследовались в болгарской и зарубежной историографии, в частности в последние два десятилетия, когда стали доступными новые архивные источники³¹. Один из таких источников – доклады болгарского политического представителя в Москве Михалчева, в которых были отмечены и некоторые нюансы в позициях политических фигур, причастных к вопросу о федерации.

В январе 1945 г. Михалчев подробно информировал Стайнова о произнесенном Г. Димитровым «длинном госте» во время ужина, данного в честь делегаций приехавших в Москву из Югославии и Болгарии. В присутствии посланцев Тито, едва ли случайно, Димитров недвусмысленно говорил о форме болгаро-югославского сближения. Для него, а, следовательно, и для государственных деятелей в Кремле, «федерация балканских славян, созданная непосредственно соответствующими народами при братском содействии и покровительстве СССР», представляла собой «единственную спасительную гене-

ральную линию в ближайшем будущем». С «пафосом болгарского патриота» Димитров высказал формулу, которую считал разумной: не просто «увеличенная Югославия, в которой болгарское государство будет в одном ряду с Сербией, Хорватией, Словенией, Черногорией и Македонией как шестая составная часть одного федеративного целого»; «Болгария должна объединиться с Югославией как с целым, состоящим, в свою очередь, из нескольких составляющих»³². Только таким образом созданная «федерация балканских славян» была способна добиться того, чтобы остальные государства полуострова оказались экономически зависимыми от нее и вынужденными приспособляться к ней. Противником этой идеи была Англия, которая хотела видеть «общую балканскую федерацию с участием Греции и Турции», чтобы получить возможность осуществления через них своего влияния, как считал Димитров, против интересов балканских славян³³.

В конце марта 1945 г. Михалчев сообщил Стайнову, что, по сведениям высокопоставленного советского чиновника, англичане начали обхаживать Тито, «боясь тесной дружбы между Югославией и Болгарией». Но важнейшей британской целью было «отдалить» Белград от Москвы. Михалчев с доверием воспринял уверения своего собеседника в том, что «словесные уступки» югославского лидера Лондону всего лишь маневр, чтобы выиграть время. И все же в пространном изложении Михалчевым объяснений, которые он получил, прокрадывалось сомнение, что британские «номера», в противоположность утверждениям советского функционера, могут и «пройти», отняв за счет болгар, хотя и немного территории там, где Кремль чувствовал себя полновластным. Как раз это, как полагал политический представитель Болгарии в Москве, должно было задержать заключение болгаро-югославского союза³⁴.

В апреле 1945 г. Михалчев уже был уверен, что болгаро-югославская федерация откладывается на неопределенное время. Свои выводы он сделал исходя из комментариев Вышинского, которого попросил разъяснить «почему дело Славянского юга, которое было так усердно начато и которым он с такой заботой занимался, замерло, и о нем больше не говорится». Михалчев следующим образом излагал Стайнову ответ заместителя наркома: «Мы находимся перед окончанием войны с Германией. Последняя фаза этой войны должна завершиться союзниками согласованно. Однако англичане и американцы сосредоточили свое внимание на том, как СССР прочно засел на Балканах, и вероятно раздражены. Денонсирование турецко-советского договора повысило градус напряжения в этом пункте. Заключение болгаро-югославского союза входит в генеральную линию нашей балканской политики. Когда наступит удобный момент, это непременно будет осуществлено; если мы скажем, что сделаем так сейчас, это бы стало провокацией для наших союзников...

Я не могу определять даты. Но, во всяком случае, вскоре условия станут другими, и тогда, без большого риска и при благоприятной атмосфере в отношениях между союзниками, наступит то, что мы решили в январе... Пока будьте спокойны... и верьте в нас»³⁵.

Но конфликт между США и СССР по поводу и за счет Болгарии набирал силу. Борьба за сохранение американского престижа в Болгарии измерялась двумя событиями: во-первых, бегством 24 мая 1945 г. дискредитированного сельскохозяйственного лидера Г. М. Димитрова (Гемето) в резиденцию М. Барнса и предоставлением ему там укрытия; во-вторых, вызванной протестом Вашингтона и Лондона отсрочкой выборов в Народное собрание, вначале назначенных на 26 августа 1945 г.

Что касалось первого, то за жестом Барнса последовала серия острых заявлений госдепартамента США, в которых болгарским политикам давались уроки демократии. В этих заявлениях утверждалось, что инциденты с Димитровым (Гемето), оппозиционным социал-демократическим деятелем К. Лулчевым и с «сотнями других руководителей Земледельческого союза и Социал-демократической партии» доказывали отсутствие «свободы» в Отечественном фронте. Своими поступками эти люди «отстаивали партийную независимость, краеугольный камень демократии», и демонстрировали, что являются «противниками однопартийной системы». Язык заявлений, исходивших из столицы США, был категоричен:

«Единственное средство доказать миру, что такие люди, как д-р Димитров и Лулчев, не пользуются поддержкой народа, состоит в том, чтобы оставить этот вопрос решать болгарским избирателям, а не путем их (то есть названных деятелей. – В. Т.) отстранения от предстоящих выборов и устранения больших групп их друзей. По мнению американских официальных кругов, проводимые в Болгарии выборы, после политической чистки и в настоящей политической атмосфере в стране, не могут быть убедительными... Авторитетные круги в Вашингтоне подчеркивают, что не интересуются будущими политическими проблемами, но хотят видеть политическую терпимость в Болгарии, что при новом избирательном законе становится очень сомнительным. Историческая толерантность болгарского народа в отношении религиозных и расовых меньшинств едва ли сможет существовать дальше, если политическая терпимость погибнет. В мировой истории не было случая, когда бы народ достигал единства посредством притеснения»³⁶.

В нравочужениях, которые раскрывали государственно-политическую философию, лежавшую в основе идеала при рождении США, предлагалось в будущих отношениях между победителями и побежденными не допускать вновь искорененное войной зло – «гнет, диктатуру, насилие, алчность и завоевания».

Но именно случай с д-р Димитровым predetermined в «официальном докладе Вашингтона о положении в Болгарии», оглашенном 20 июня 1945 г., появление назидательного напоминания о том, что восстановление дипломатических отношений с бывшим врагом потребует гарантий включения в управление этим государством (то есть Болгарией. – В. Т.) представителей «всех демократических элементов». Американская администрация хотела судить, стабильно ли в Болгарии правительство на основе того, каково отношение к «более мелким идейным группировкам». В этом смысле могло бы служить доказательством обеспечение свободы мысли, печати и вероисповедания. Однако самый убедительный ответ нужно искать в позиции кабинета по отношению к тем политическим лидерам, которые до недавнего времени были «очень деятельными в рядах Отечественного фронта». Начавшаяся «чистка» среди них выглядела «чем-то большим, чем защитная мера».

В распространенном американцами документе претензии были с точными попаданиями. «Эта чистка выглядит борьбой против людей, которые отстаивают независимость своей партии в рамках ОФ, людей, которые противопоставляют себя однопартийному строю с господством только одной группы. Именно по этой причине вопрос, возникавший за границей, состоит не в том, насколько много сделало правительство для искоренения гитлеровского прошлого, ибо это считается в порядке вещей, но главный вопрос в том, до какой степени продолжится подлинный отказ от политической свободы в ОФ. Дипломатические отношения устанавливаются с правительством, которое и завтра будет у власти, будет и дальше пользоваться поддержкой большинства народа и отличаться терпимостью по отношению к более мелким политическим группировкам. Сегодня американцы считают существование оппозиции не ущербом для правительства, а наоборот, считают оппозицию доказательством наличия подлинной свободы и демократического управления. Политическое меньшинство, вынужденное существовать скрытно, свидетельствует об отсутствии свободы. И выборы, куда не допускаются кандидаты политического меньшинства, только потому, что они считаются отщепенцами и, естественно, у них отнимается возможность выдвижения своих кандидатур, не могут привести к образованию Народного собрания, которое бы представляло все демократические элементы в стране. Все же, мы уверены, что Народное собрание, в котором свободно обсуждаются спорные взгляды, будет гарантировать Болгарии гораздо более стабильное и приемлемое управление, нежели парламент, который будет голосовать «да» по любому предложению...»³⁷.

Оказанное давление было достаточно сильным и столь хорошо подкрепленным фактами, что не могло не наступить время компромисса. В предпринятые шаги отступления, на котором настаивал Вашингтон, был вовлечен

и министр иностранных дел Болгарии. Еще 9 августа 1945 г. Барнс посвятил Стайнова в намерение госдепартамента добиваться отсрочки выборов. Постепенно определилась и цена: американцы принимают генерала В. Стойчева в качестве политического представителя Болгарии в США, а болгарское правительство соглашается освободить Димитрова (Гемето) с разрешением ему покинуть страну³⁸. Такой компромисс согласовывался болгарским правительством с советской стороной³⁹.

Однако американское неудовлетворение болгарским правительством оставалось. В США продолжали считать, что Болгарией командует «хорошо организованное меньшинство», которое вопреки «демократичности» избирательного закона хотело создать «тоталитарную атмосферу при его применении»⁴⁰. Такая оценка заставила Михалчева взглянуть на эти обвинения более трезво. Основное американское возражение, по его мнению, шло от того обстоятельства, что Болгария ориентировалась исключительно на СССР и все еще держала двери закрытыми для других союзников. 29 августа Михалчев телеграфировал Стайнову: «Если хорошо дать себе отчет по поводу сегодняшнего международного положения, нам, находящимся в очень деликатном географическом месте, нужно будет понять, что, будучи в сфере советских стратегических границ, мы должны быть непременно в согласии с Россией. Но это не значит не прислушиваться к тому, чего требует от нас англо-американская демократия»⁴¹.

Рекомендации Михалчева о большей гибкости и прагматизме при удовлетворении разнонаправленных требований союзников применялись формально после выборов в ноябре 1945 г. Эмиссар Трумэна в Болгарии М. Этридж тоже констатировал, что болгарское правительство не является «представительным» не потому, «что не представляет собой большей части болгарского народа, но потому, что находится под непосредственным влиянием Г. Димитрова и генерала Бирюзова». В разговоре с генералом Стойчевым в начале декабря 1945 г. Этридж поделился мыслью о том, что для него естественно, что болгарский народ «склонен к политическому и экономическому сотрудничеству с СССР и что не может быть иначе, но он считает, что американское общественное мнение предпочло бы, чтобы это произошло больше путем свободно выраженной воли болгарского народа, нежели под нажимом Коммунистической партии». По мнению этого наблюдателя, присланного Трумэнном, привлечение той части оппозиции, которая «не является принципиальным противником ОФ, осуществило бы желаемую правительством США представительность» власти в Болгарии⁴².

Результаты этих внушений, так же как решений Московского совещания министров иностранных дел держав «большой тройки», состоявшегося в декабре

1945 г. (об этих решениях еще пойдет речь впереди), неприятно поразили американскую администрацию. Отступление наступило прежде, чем начали действовать рычаги реализации упомянутых решений. Вероятно, поняв, что упустили заново застраховать свой собственный вариант защиты оппозиции, ответственные представители американской дипломатии попытались подсказать болгарскому политическому представителю Стойчеву выход из ситуации, благодаря которому, ввиду отсутствия лучшей возможности, должно было фактически сохраниться политическое статус-кво, существовавшее до этого времени. 24 декабря Стойчев телеграфировал Стайнову: «Реконструкция или пополнение кабинета в смысле восстановления ОФ таким, каким он был 9 сентября, оказало бы в настоящий момент благотворное влияние (на отношение США к Болгарии. – В. Т.) и опередило бы указание в этом смысле, исходящее из Москвы, что осведомленные круги здесь, в Вашингтоне, считают вероятным»⁴³.

Но формула, по которой было составлено первое правительство ОФ, при усердии американских внешнеполитических экспертов быстро уступила место новой схеме, составленной таким образом, что она удовлетворяла не Вашингтон, а Москву. Стоит вспомнить битву, которую Трумэн должен был вести со Сталиным в Потсдаме летом 1945 г., чтобы доказать, что «марионеточные правительства» государств-сателлитов не заслуживают дипломатического признания со стороны США, пока не будут реорганизованы в соответствии с демократическими нормами. На что «дядя Джо» возразил, что эти правительства «не являются фашистскими»⁴⁴. Такая позиция давала больше шансов на успех Кремлю в торге относительно Болгарии.

* * *

Реконструкция болгарского правительства была сообразована с указаниями Молотова, посланными Г. Димитрову и Костову 15 марта 1946 г. Первое из этих указаний гласило: «Необходимо внести изменение в распределение портфелей министров между партиями. Теперешнее положение еще можно было терпеть до всеобщих выборов, но теперешнее распределение портфелей министров между партиями явно не отвечает результатам выборов и партийному составу парламента. Следует выдвинуть нового министра иностранных дел вместо Стайнова, которому мы не доверяем, – из деятелей Рабочей партии или близких ей людей, вроде Оббова. Люди Стайнова за границей являются противниками хороших отношений с СССР. Этого дальше терпеть нельзя, так как такое положение будет вредить интересам Болгарии»⁴⁵.

Тон телеграммы исключал всякие сомнения в том, что Стайнов безвозвратно навлек на себя гнев Кремля. Министр иностранных дел потерял доверие

русских, потому что старался балансировать между недавними союзниками, защищая разнонаправленность в политических и экономических контактах Болгарии. Что еще, кроме неприязни, он мог получить, когда 4 февраля 1946 г. сообщил имевшему теперь уже ранг посланника в СССР Михалчеву, что «Болгария сохраняет свободу торговли и с другими (кроме СССР. – В. Т.) странами». Чтобы смягчить возможное раздражение в Москве, Стайнов добавил, что будет отдаваться «известное предпочтение торговле с Советским Союзом»⁴⁶. Прочитанный пример был всего лишь одним из многих проявлений «неоляльности» к СССР.

Михалчев тоже попал в список советских недругов, так как ратовал за неограниченные отношения с государствами антифашистской коалиции. Эта его позиция была нарушением требования о полной просоветской ориентации, которую он считал несовместимой с декларированными незадолго до того уверениями в том, что партнерство между участниками «большой тройки» будет продолжаться. Вот почему, объявленный советскими хозяевами в начале марта 1946 г. противником «хороших отношений с СССР»⁴⁷, Михалчев тут же был уведомлен телеграммой из Софии от 6 марта 1946 г., что, «по решению Совета министров» Болгарии, он отозван с поста посланника в Москве и что советское правительство «извещено» об этом⁴⁸.

Вопреки предупреждению (так нужно было истолковывать освобождение Михалчева от должности), Стайнов не изменил своему профессиональному долгу защищать болгарские интересы от чрезмерных советских претензий, которые продолжали сопровождать политическую и экономическую жизнь Болгарии в первые месяцы 1946 г. В общем, за период с 9 сентября 1944 г. до момента его увольнения в конце марта 1946 г., Стайнов переживал свою драму политика и государственного деятеля, превращаясь из восторженного почитателя «белокаменной Москвы» в разочарованного и лишенного веры посредника в отношениях между Болгарией и СССР на основе советского диктата и почти безропотного болгарского подчинения, которых он не разделял.

На закате своей политической карьеры Стайнов принял участие и в усилиях, связанных с одной из последних амбициозных, но неудачных попыток Вашингтона включить в управление Болгарией представителей оппозиции из среды бескомпромиссных почитателей западной альтернативы развития болгарского общества.

Будучи еще министром иностранных дел, Стайнов был включен в болгарскую правительственную делегацию, посетившую Москву в начале января 1946 г. Целью визита являлось получить разъяснение, каким образом следует конкретно понимать «дружеский совет», данный правительству Болгарии Советским Союзом по согласованию с США и Великобританией в результате

уже упоминавшегося выше совещания министров иностранных дел держав «большой тройки», проведенного в советской столице во второй половине декабря 1945 г.

Как известно, содержание «дружественного совета», который советская сторона была уполномочена московским декабрьским совещанием дать болгарскому правительству, излагалось в опубликованном по итогам совещания совместном сообщении, подписанном министрами иностранных дел трех держав. В сообщении говорилось, что совет заключался в том, чтобы в правительство ОФ, формируемое по итогам выборов в Народное собрание Болгарии, состоявшихся 18 ноября 1945 г., были, помимо представителей победившего ОФ, включены дополнительно и два представителя «других демократических групп», которые «действительно подходящи и будут лояльно работать вместе с правительством». Фактически речь шла о двух представителях оппозиции, которая отказалась участвовать в выборах, сославшись, что они проводятся при отсутствии необходимых демократических условий. В ответ на включение этих оппозиционных представителей в правительство Вашингтон и Лондон должны были, наконец, пойти на официальное дипломатическое признание нового болгарского правительства⁴⁹.

Однако, когда правительство ОФ начало с оппозицией переговоры о реализации этого плана, оппозиционные лидеры потребовали несравненно большего: реорганизации правительства и проведения новых выборов на условиях, как они подчеркивали, реальной демократии. Во время визита болгарской правительственной делегации в Москву в начале января 1946 г. речь шла о том, что предпринять в возникшей ситуации. На встрече с делегацией 7 января Сталин и Молотов в течение полутора часов растолковывали болгарским собеседникам смысл решения декабрьского совещания министров иностранных дел трех держав. Делегацию убеждали, что упомянутое решение дает все козыри в руки ОФ, который должен поставить оппозицию перед жесткой альтернативой: или она выдвигает двух представителей для участия в правительстве на условиях лояльного сотрудничества с ОФ, или с ней больше не имеют дела, а на нее падет ответственность за неосуществление рекомендации держав «большой тройки». Сталин и Молотов отвели как необоснованные соображения Стайнова о важности того, чтобы итоги выборов были признаны оппозицией, и опасения осложнений, если оппозиционные лидеры отвергнут выдвинутые предложения. Кремль требовал от болгарских собеседников твердости⁵⁰.

Опережающий ход советской дипломатии не ликвидировал конфликт, рожденный запоздалым намерением госдепартамента США сказать болгарам, как в Вашингтоне представляют себе реконструкцию правительства. Амери-

канская позиция выяснялась в обстановке усиливавшейся советско-американской конфронтации. Ухудшение отношений между СССР и США отражалось на неурегулированном международном положении Болгарии. В тот момент болгарское правительство было по вопросу о его официальном признании поставлено Вашингтоном в положение экзаменуемого. Условия, которые предлагал Белый дом, были изложены в меморандуме от 22 февраля 1946 г., врученном в тот же день болгарскому политическому представителю Стойчеву во время посещения им госдепартамента. США настаивали на выполнении московского решения, но только так, как оно было интерпретировано в меморандуме. Ставилось требование, чтобы болгарское правительство и оппозиция нашли «приемлемую для двух сторон базу» для участия в управлении «двух действительно представительных членов оппозиционных партий»; считалось нежелательным использование «давления» на оппозицию, чтобы заставить ее «представить двух кандидатов для их чисто формального включения в правительство, не принимая во внимание условия их участия»; отмечалось, что Московское соглашение не выдвигало «специфических» требований для включения оппозиционеров в правительство, но Вашингтон предполагал, что их вхождение в кабинет должно быть на основе условий, «одинаково приемлемых как для Болгарского правительства, так и для оппозиции». На возражение Стойчева, что претензии оппозиции несостоятельны, заместитель госсекретаря уточнил, что правительство США «не поддержало и не имеет возможности поддержать отдельные желания оппозиции, а настаивало только на установлении духа примирения и взаимопонимания в том смысле, как это изложено в меморандуме»⁵¹.

27 февраля Стайнов переправил американский документ в Москву, чтобы узнать ее мнение и получить указания. Михалчеву предписывалось заявить в Наркоминделе, что «Болгарское правительство считает себя связанным только текстом и толкованием московского решения, которое было передано Вышинским в Софии и Молотовым в Москве». Стайнов настаивал, чтобы «при наличии иного толкования, которое сейчас Американское правительство дало непосредственно Болгарскому правительству», в Софию было сообщено, есть ли изменения в советской позиции⁵².

Мнение Кремля было сообщено 3 марта. Заместитель наркома иностранных дел В. Г. Деканозов дал объяснения, в которых ясно заявлялось, что советское правительство придерживается решения, принятого тремя министрами иностранных дел, «обнародованного и исключаящего всякое сомнение и колебание». Он подчеркнул, что в американском меморандуме «смысл принятого тремя министрами извращен». Подобная констатация аргументировалась тем, что на московском совещании трех министерств было решено, чтобы со-

ветское правительство дало совет болгарскому правительству, «но не болгарской оппозиции». А как раз последнее подразумевалось в американском меморандуме, требовавшем исправить «недоразумение», «с точки зрения американского правительства» существующее в Болгарии по поводу соглашения, достигнутого в Москве в декабре 1945 г. Ибо в меморандуме подчеркивалось, что «Болгарское правительство и оппозицию необходимо подтолкнуть к тому, чтобы найти взаимоприемлемую базу для участия в настоящем правительстве». Советская сторона отвергла попытку уравнивать значение правительства Болгарии и оппозиции, подчеркивала, что это «две несоизмеримые вещи», ибо правительство получило одобрение народа на выборах, в то время как оппозиция отказалась участвовать в политическом состязании. О мотивах такого поведения оппозиции речи не шло. Деканозов снова напоминал о решении московского совещания трех министерств: включение в правительство двух лиц от демократических партий, не участвующих в нынешнем правительстве и лояльных. А оценка этого находится в сфере компетентности самого действующего кабинета. В заключение Деканозов сказал, что поскольку СССР получил право дать совет Болгарии, то и ответ Вашингтону будет дан Москвой. Заместитель наркома иностранных дел рекомендовал, чтобы и генерал Стойчев «выразил свое мнение» в Вашингтоне. Естественно, оно должно было быть идентично мнению Кремля. Михалчев подтвердил, что для болгарского правительства «были и остаются обязательными» текст московского соглашения и толкование, которое ему дала советская сторона⁵³.

Между тем в Вашингтоне после вручения Стойчеву меморандума госдепартамент от 22 февраля 1946 г. был предпринят зондаж болгарской позиции. Тот же Стойчев получил специальные рекомендации от хорошо известного в Софии А. Куюмджийского, бывшего болгарского банкира, являвшегося сотрудником американских спецслужб и во время войны активно участвовавшего в усилиях США по отрыву Болгарии от Германии. Независимо от того, что Куюмджийский представил свои советы как «личное мнение», их содержание подсказывалось желанием госдепартаменту спасти некоторые возможности для американских приверженцев в Болгарии. Рекомендации касались включения в правительство двух представителей «из любой фракции оппозиции». Однако назывались конкретные имена возможных кандидатов — С. Мошанов, Б. Бумбаров, Н. Атанасов. Выполнение этого условия (Куюмджийский не скрывал, что оно поставлено оппозицией) могло бы разрушить барьер для США к признанию болгарского правительства. Больше того, этот жест мог вывести американскую дипломатию из неудобного положения, в которое она сама себя поставила, и позволить ей сохранить известное достоинство⁵⁴.

В усилия по созданию оппозиционного присутствия в правительстве Куюмджийский добавил одну любопытную деталь. Через Стойчева он сообщил «зашифровано» в Стамбул человеку, связанному с болгарской оппозицией, что необходимо посоветовать от его имени оппозиционному земледельческому лидеру Н. Петкову «отойти в резерв». Вторая часть «совета» усиливала интригу. Болгарский банкир, который еще во время войны взялся за спасение Болгарии по модели, разработанной экспертами американской разведки, рекомендовал умеренность. По его мнению, Петкову надо было согласиться с тем, чтобы представитель оппозиционного Земледельческого союза вошел в правительство, не настаивая на новых выборах⁵⁵.

Очень много гипотез можно было бы построить, чтобы объяснить мотивы, вызвавшие вмешательство Куюмджийского. И все же, зная его предшествовавшую, особенно в 1943–1944 гг., деятельность сотрудника американской разведки, обслуживавшую намерения Вашингтона вывести Болгарию из войны при содействии тогдашней правящей элиты и «допущенной» оппозиции, одна из версий была бы наиболее близкой к истине. Бескомпромиссное политическое поведение Москвы в вопросе о Болгарии сокращало возможности американских амбиций настолько, что госдепартаменту приходилось смириться и принять, как спасение для оппозиции, возвращение снова к коалиционному кабинету типа первого правительства ОФ⁵⁶. Однако, судя по всему, осознание того, что требования, имевшие место до сих пор, являются максималистскими, и переоценка возможности оппозиции достичь их наступило достаточно поздно.

Усилия по осуществлению решений, принятых тремя министрами иностранных дел в Москве, не принесли удовлетворения ни болгарской оппозиции, ни ее покровителям из Вашингтона. Напротив, возражения госдепартамента подвигли обитателей Кремля на то, чтобы показать, что на занятой вооруженным путем геостратегической территории будут соблюдаться распоряжения государства, чьи войска провели эту операцию. Москву перестали удовлетворять такие исполнители, как Стайнов и Михалчев. Их желание, чтобы Болгарии присвоили статус «совоюющей», чтобы она была приглашена на учредительную конференцию Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско, чтобы проявлялась умеренность в требованиях болгарских поставок на содержание советских войск, чтобы первое правительство ОФ получило дипломатическое признание раньше, не встретили своевременного или вообще одобрения со стороны СССР. Не были достаточно отзывчивы и США. Болгария превратилась в очередной ковер, где разыгрался один из советско-американских раундов тлеющей «холодной войны». В сражении за овладение Болгарией в качестве зоны влияния как Советский Союз, так и США умышленно экономии

усилия и своевременно не помогали рассчитывавшим на них политическим группировкам. Оппозиция не только была лишена настоящей защиты, но и неудачно выбранными претензиями и подсказанными ей акциями подставлялась под удары зарождавшегося тоталитарного режима. Первому правительству ОФ и его коммунистическому ядру Москва также не обеспечила благоприятные условия для более безболезненного утверждения, компрометируя форсированными действиями идею широкого политического союза антифашистских сил. Очевидно, таковой советской стороне нужен не был, так как все более определенно проводилась демаркационная линия между «свободным миром», провозглашенным президентом Трумэном, и «народными демократиями», своеобразным социально-политическим симбиозом, официально одобренным Сталиным в качестве альтернативы «диктатуре пролетариата» и «советизации».

Болгария все более откровенно защищала свое место в блоке «народных демократий». Второе правительство ОФ, сформированное 31 марта 1946 г., без представителей оппозиции, отказавшейся от участия на неприемлемых для нее условиях, демонстративно показывало, что будет продолжать отдаляться от американской концепции демократического государственного строя и копировать атрибуты советской политической системы.

В Вашингтоне не одобрили способ выполнения предписания московского совещания трех министров иностранных дел. Стойчев проверил настроения в госдепартаменте, специально посетив руководителя Европейского отдела в начале апреля 1946 г. Ему сообщили, что первоначально госдепартамент был обнадужен, ибо политический представитель США в Софии докладывал, что изменения в правительстве, предложенные болгарским премьер-министром, выглядели «вполне удовлетворительными». Имея в виду, что в первоначальном варианте были обещаны «передача министерства юстиции человеку из оппозиции, как и назначение двух заместителей министра внутренних дел, а также возможное проведение новых выборов» осенью, удовлетворение выглядело обоснованным. Но упование на то, что София не станет пренебрегать так бесцеремонно американским пожеланием, исчезло после объявления состава второго правительства ОФ. Выражением недовольства стала сообщенная Стойчевым в Софию оценка ситуации в Болгарии, изложенная ему во время упомянутой встречи: «Государственный департамент сожалеет, что после составления нового правительства нужно считать положение неизменным, и недоумевает, как разрешится вопрос подписания мирного договора». Возражение болгарского политического представителя, что «совет, данный Болгарскому правительству советским представителем должен считаться данным от имени трех великих держав», не было принято. По мнению руководителя Европейского отдела, толкование, данное русскими, не отвечало решениям, при-

нятым на московском совещании трех министров⁵⁷. Но такое же обвинение предъявила и Москва. Еще 8 марта 1946 г. Стайнов информировал Стойчева о том, что советское правительство отправило в посольство США в Москве ноту, выражающую возмущение американским толкованием «расширения болгарского кабинета»: с советской точки зрения, оно «было совершенно противоположно тому, о чем договорились в Москве, и ...нацелено на то, чтобы толкнуть оппозицию не входить в состав правительства сообразно Московскому коммюнике»⁵⁸.

Минусы от развивавшегося полным ходом советско-американского конфликта, в котором вопрос об образовании болгарского правительства был еще одним удобным поводом доказать, где проходят границы сфер интересов в Юго-Восточной Европе, сказывались главным образом за счет Болгарии. В убытке в той или иной степени остались все политические силы. Оппозиция не смогла отвоевать себе политическую территорию, так как, кроме перечисленных причин, и американский протест блокировал желание компромисса со стороны советского правительства. Возражения Вашингтона фактически помогли зрелшему в Кремле намерению покончить с антисоветизмом в Болгарии. Исполнителями, естественно, должны были быть болгарские коммунистические лидеры. Некоторые из них и без агитации со стороны Москвы безапелляционно отстаивали тезис о том, что «поступки и отношения с другими государствами, которые были бы в ущерб нашей дружбе с Советским Союзом и близким связям с Югославией, не будут допущены»⁵⁹. На практике это означало, что к остальным великим державам поворачиваются спиной, а их болгарские протеже выбрасываются из политической жизни. Или, другими словами, наступил час расправы с оппозицией. В предварительных схемах, полученных из Москвы, рекомендовалось (15 марта 1946 г.) расширение присутствия коммунистов в новом правительстве посредством назначения их на должности заместителей министров. Были и более конкретные указания, как, например, чтобы министерство юстиции «уступить звенарям», а министерство финансов чтобы осталось у коммунистов⁶⁰. У коммунистического руководства в Софии замысел состоял в том, чтобы пригласить представителей оппозиции в правительство, но «без всяких условий»; и «если оппозиционеры войдут..., нужно держать их как пленников». И даже более того, «если они не будут вести себя, как положено, мы их отстраним»⁶¹. Чуть позже Сталин приказал «...удушить оппозицию»⁶².

Любая идея, которая противоречила политической конструкции, созданной руководством БРП (к) и одобренной в Москве (или, наоборот, сформулированной в Москве и принятой для исполнения Софией), исключалась. Чтобы устранить противодействие, функционеры компартии различных уровней

должны были содействовать организованным «чисткам». В начале августа 1946 г. инструкции для них звучали следующим образом: «1. Генерал Кирилл Станчев остраняется от командования второй армией и замещается генералом Асеном Грековым. Генерал Станчев берется под домашний арест, пока будет проведено необходимое следствие по обвинению его в создании тайного военного союза... 4. Военный министр Дамян Велчев уходит в отпуск до возвращения правительственной делегации из Парижа, без права иметь какие-либо связи с военным министерством, после чего сразу же будет заменен новым военным министром... 5. Под непосредственным руководством генерала Лекарского приступить немедленно к реорганизации военного министерства, назначению новых командиров и других военнослужащих вместо уволенных, проводя необходимые мероприятия по укреплению войсковых частей. 6. Предпринять соответствующие разъяснительные действия в связи с проведенной чисткой. 7. Следствие по делу о военном союзе продолжать с целью завершить в возможно кратчайшие сроки»⁶³.

Даже без хорошего воображения можно себе представить, что проведенные «чистки» (не только в армии), создание партий-«дублеров» и репрессивные меры против оппозиционных лидеров обеспечивали монополию БРП (к) при строительстве новой политической системы в Болгарии. Однако, вместе с ее созданием, они посягали и на те политические и духовные традиции, которые болгарское общество могло унаследовать. Это было чревато разъединением нации изнутри и подчинением ее творческого импульса модели, насаждаемой Москвой. Негативные последствия насильственного размежевания с этими выстраданными традициями также роняли авторитет БРП (к). Копирование советского социального и политического эксперимента, основанного на насилии, должно было, в какой-то мере, скомпрометировать и положительный социальный заряд, который нес в себе режим, отстаивавшийся болгарскими коммунистами.

Примечания

¹ *Тошкова В.* Болгария и Третий райх (1941–1944). Политически отношения. София, 1975. С. 223–224.

² До начала сентября 1944 г. компартия называлась Болгарская рабочая партия (БРП), после этого – БРП (коммунисты), сокращенно – БРП (к).

³ National Archives of the USA (далее – NA). Record Group (далее – RG) 165. Box 13. Fold CAD 014-Bulgaria: Enclosure No 1 to Despatch No 17973 of September 11, 1944 from the American Embassy at London, England-Copy (Translation).

⁴ NA, Modern Military Branch (далее – MMB): Research and Analysis Branch (далее – R/A), No L44604, Istanbul, 9 September 1944; L44612, Bulgaria, 11 September 1944; L44787, Istanbul, 12 September 1944.

⁵ Исусов М. Сталин и България. София, 1991. С. 14.

⁶ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS), 1944. V. III. Washington, 1965. Имелись в виду потери среди экипажей американских военных самолетов, бомбардировавших объекты на территории Болгарии в 1944 г.

⁷ См.: Тошкова В. САЩ и България (септември–декември 1944 г.): разузнаване и дипломатия // Военноисторически сборник. 1993. № 2. С. 10.

⁸ NA. MMB. RG 226. Entry 154, B. 20, F. 264 (Istanbul). 20 October 1944. From Chief Advance Base Sofia. Subject: Review of Relations Between OSS Sofia, and Russian High Command.

⁹ История американского участия в СКК и протоколы заседаний СКК см.: The American Military Mission in the Allied Control Commission for Bulgaria 1944–1947: History and Transcripts. Ed. by M. Boll. Boulder (Colo.); New York, 1985.

¹⁰ NA. MMB. RG 226. E.154. B. 20. F. 264. Memorandum from R. P. Joyce to Acting Director of OSS, 16 January 1945. Анализ американской политики по отношению к Болгарии на протяжении рассматриваемого периода см., напр.: Black C. E. The Start of the Cold War in Bulgaria: A Personal View // The Review of Politics. 1979. No 2 (April). P. 163–202.

¹¹ NA. MMB. RG 226. E.154. B. 20. F. 264. Memorandum from R. P. Joyce to Acting Director of OSS, 16 January 1945.

¹² Ibidem. From Lt. Wayne Vucinich to Lt. Col. Maddox, 2nd Lt. Harry Harper. Sofia, 20 February 1945.

¹³ Архив на Министерството на външните работи (далее – АМВНР). Комисарство по изпълнение на съглашението за примирие (далее – КИСП). Оп. 1, преписка № 1198. Л. 7. Опубликовано: Советско-болгарские отношения 1944-1948 гг. Документы и материалы. М., 1969. Док. № 31. С. 69–71.

¹⁴ NA. MMB. RG 226. E. 148. B. 34. F. 460 (Istanbul-SI-AD 1-Bulgaria-Intelligence Reports), 30 December 1944. Subject: Report of Political Trends (in Bulgaria): September–December 1944.

¹⁵ Ibid. B. 23. R/A. No XL1854, «European Political Report», 13 October 1944. Copy No 20.

¹⁶ Ibidem. Под «независимым» поведением БРП (к) имелось в виду, что компартия будет куда меньше считаться с позицией США и в целом западных союзников, равно как с некоммунистическими силами в самой Болгарии.

¹⁷ АМВНР. КИСП. Оп.1. Пр. № 1200. Л. 1–25. Дневник болгарской делегации по подписанию перемирия в Москве.

¹⁸ Там же. Л. 1–6.

¹⁹ Эта часть дневника, который вел Кюлявков, опубликована в: България – непризнаният противник на Третия райх / Съст. В. Тошкова, Н. Котев, Н. Стоименов, Ж. Кюсев, Й. Баев. София, 1995. Док. № 89. С. 110–111.

²⁰ Там же. С. 112.

²¹ Там же. С. 111.

²² Там же. С. 112–113.

²³ АМВНР. КИСП. Оп. 1. Пр. № 1200. Л. 18–19.

²⁴ Там же. Л. 24–25.

²⁵ The American Military Mission... P. VI.

²⁶ NA. MMB. RG 226. R/A. No L51955, Istanbul, 2/6 January 1945. Subject: Allied Control Commission and Russians in Sofia.

²⁷ Архив на Министерство на вътрешните работи. Ф. 1. Оп. 1. А. е. 132. Л. 10.

²⁸ АМВНР. КИСП. Оп. 1. Пр. № 1206. Протоколи заседания Совета при Комиссията по выполнению Соглашения о перемирии (16.X.1944–1.IX.1945 г.).

²⁹ АМВНР. Политическа дирекция. Оп. 2ш. Пр. № 45. Л. 8–9. Михалчев – Стайнову 12 января 1945 г.

³⁰ FRUS, 1945. V. IV. Washington, 1968. P. 163, 171.

³¹ См., напр.: *Petranović B. Balkanska federacija 1943–1948. Beograd, 1991; Лалков М. От надежда към разочарование. Идеята за федерацията в Балканския Югоизток (1944–1948). София, 1994; Тошкова В. Великите победители и провалът на проектите за южнославянска федерация след Втората световна война // Историческо бъдеще. 2000. Бр. 1–2; Гибанский Л. Я. Идея балканского объединения и планы ее осуществления в 40-е годы XX века // Вопросы истории. 2001. № 11/12; *Dragišić P. Jugoslovensko-bugarški odnosi 1944–1949. Beograd, 2007.**

³² Таким образом, Г. Димитров высказался за дуалистическую федерацию Болгарии и Югославии, при том, что последняя сама имела собственное внутреннее федеративное устройство. При перечислении федеральных частей Югославии Димитров ошибочно упомянул лишь пять из них, упустив из вида еще одну – Боснию и Герцеговину. Так что планы югославского руководства просто включить Болгарию в состав Югославии, против чего высказался Димитров, означали, что Болгария станет не шестой, а седьмой частью федеративной Югославии.

³³ АМВНР. Политическа дирекция. Оп. 2ш. Пр. № 45, Л. 21. Михалчев Стайнову 19 января 1945 г.

³⁴ Там же. Л. 172–176. Михалчев Стайнову 29 марта 1945 г.

³⁵ Там же. Л. 182. Михалчев Стайнову 12 апреля 1945 г.

³⁶ Там же. КИСП. Оп. 1п. Пр. № 207. Л. 21–23.

³⁷ Там же. Л. 18–20.

³⁸ FRUS, 1945. V. IV. P. 279, 314.

³⁹ См.: История на българите. Т. IV: Българска дипломатия от древността до наши дни / Под ред. на Е. Александров. София, 2003. С. 559.

⁴⁰ АМВНР. Политическа дирекция. Оп. 2ш. Пр. № 45. Л. 296. Михалчев Стайнову 29 августа 1945 г.

- ⁴¹ Там же. Л. 305.
- ⁴² Там же. Л. 51. Пр. № 40. Стойчев Стайнову 7 декабря 1945 г.
- ⁴³ Там же. Л. 55. Стойчев Стайнову 24 декабря 1945 г.
- ⁴⁴ Memoirs by Harry S. Truman. Volume One: 1945: Year of Decisions. New York, 1965. P. 423.
- ⁴⁵ *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 522; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. I. М., 1997. С. 387.
- ⁴⁶ АМВНР. Политическа дирекция. Оп. 2ш. Пр. № 73. Л. 21.
- ⁴⁷ 5 марта Димитров отметил в своем дневнике, что получена нота Молотова с требованием отозвать Михалчева из Москвы «как врага Сов[етского] Союза» (*Димитров Г.* Указ. соч. С. 521).
- ⁴⁸ АМВНР. Политическа дирекция. Оп. 2ш. Пр. № 73. Л. 59.
- ⁴⁹ Внешняя политика Советского Союза. 1945 год: Документы и материалы. М., 1949. С. 163.
- ⁵⁰ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. I. С. 355–361; АМВНР. Политическа дирекция. Оп. 2ш. Пр. № 72. Л. 5, 7.
- ⁵¹ АМВНР. Политическа дирекция. Оп. 2ш. Пр. № 65. Л. 16, 18.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. Пр. № 72. Л. 60. Михалчев Стайнову 3 марта 1946 г.
- ⁵⁴ Там же. Пр. № 65. Л. 37.
- ⁵⁵ Там же. Л. 38.
- ⁵⁶ См. об этом: Там же. Пр. № 40. Л. 55. Стойчев Стайнову 24 декабря 1945 г.
- ⁵⁷ Там же. Пр. № 65. Л. 53. Стойчев министру иностранных дел 11 апреля 1946 г.
- ⁵⁸ Там же. Пр. № 66. Л. 34.
- ⁵⁹ Централен държавен архив (далее – ЦДА). Ф. 146 б. Оп. 6. А. е. 1030. Л. 1–2.
- ⁶⁰ *Димитров Г.* Указ. соч. С. 522; Восточная Европа в документах российских архивов. Т. I. С. 387.
- ⁶¹ ЦДА. Ф. 146. Оп. 6. А. е. 1030. Л. 1.
- ⁶² *Димитров Г.* Указ. соч. С. 524.
- ⁶³ Там же. С. 531.

Л. Я. Гибанский (Москва)

К истории возникновения коллективных структур советского блока: образование Совета экономической взаимопомощи

В историографии, и в частности в работах автора этих строк, уже не раз отмечалось, что в первые годы формирования советского блока, которое тогда происходило в основном в Восточной Европе, Москва, выступавшая распорядителем этого процесса, предпочитала, по возможности, камуфлировать его. И в том числе избегать как того или иного международного оформления своего «лагеря», так и создания в нем многосторонних, коллективных структур, с представительством государств-участников. Стержнем образования блока стало в начальный период 1944–1948 гг. складывание двусторонних политических, военных, экономических, культурно-идеологических и иных связей каждой из восточноевропейских стран «народной демократии» с СССР как блоковым центром. Важнейшим компонентом этих связей являлось и следование восточноевропейских государств «лагеря» в фарватере советской политики на мировой арене. Таким образом, возникала своеобразная «лучевая» конструкция, охватывавшая все страны «народной демократии» и скреплявшая их с Советским Союзом, а через него – в общую блоковую систему. Становление такой основополагающей конструкции блока дополнялось возникновением союзнических отношений и между самими восточноевропейскими государствами. Эти отношения, которые Кремль стремился тщательно контролировать, складывались тоже на двусторонней основе и были внутри блока лишь локальными, а в общую блоковую систему сцеплялись опять-таки через Москву¹.

Как известно, данный процесс в середине – второй половине 1940-х годов сопровождался в международно-правовом плане тем, что все страны, оказывавшиеся в составе «лагеря», постепенно заключали между собой двусторонние союзнические договоры. Взаимно переплетаясь, эти договоры, в своей основе однотипные, фактически соединялись в общую договорную сеть, охватывавшую СССР и государства «народной демократии». Но формально блок как бы не существовал. И советское руководство было настроено на то, чтобы, насколько возможно, не предпринимались публичные шаги, которые бы слишком явно свидетельствовали об образовании блока или о стремлении к этому.

Подобная тактика была призвана, по кремлевскому замыслу, выставить поборником создания блоков лишь Запад².

Тем не менее, по мере развертывания противостояния с Западом в холодной войне, а особенно с переходом Москвы и патронируемых ею восточноевропейских компартий к ускоренной советизации и в тех странах «народной демократии», где установление коммунистической монополии власти вначале не форсировалось³, с советской стороны об образовании «лагеря» стали постепенно заявлять открыто. Первый шаг сделали при создании Коминформа на совещании компартий в конце сентября 1947 г.: в установочном докладе А. А. Жданова и декларации совещания, опубликованных после его окончания, была непосредственно сформулирована доктрина противостояния двух лагерей на мировой арене. И при этом блок СССР и «народных демократий» фигурировал как «антиимпериалистический, демократический лагерь»⁴.

Но сам Коминформ не выступал в качестве организационной структуры данного «лагеря». В определенном смысле он и не являлся ею. Ибо, с одной стороны, его членами, наряду с ВКП (б) и компартиями почти всех (кроме Албании) восточноевропейских стран «народной демократии», были также компартии стран вне советского блока – Италии и Франции. С другой же стороны, что касалось государств, входивших в блок, еще не во всех «народных демократиях» компартии, представленные в Коминформе, стали к моменту его создания обладателями фактически монопольной власти и могли в полной мере представлять, по сути, соответствующие государства. Этого в сентябре 1947 г. не было в Чехословакии. А в Венгрии хотя только что, в конце весны – летом 1947 г., был сделан важнейший шаг в подобном направлении, предстояло еще закрепить и окончательно утвердить произошедший поворот к установлению коммунистического режима⁵. Да и по сути своей практической деятельности Коминформ, помимо показной репрезентативно-пропагандистской роли, которую играли три его больших совещания 1947, 1948 и 1949 гг., в повседневной действительности исполнял лишь довольно ограниченные функции одного из звеньев аппарата, информировавшего Москву о положении главным образом в восточноевропейских странах: в основном в их партийно-политической, идеологической, отчасти в социальной сферах⁶.

Фактически советская сторона, даже выступив открыто осенью 1947 г. с блоковой доктриной двух лагерей, все еще предпочитала в той или иной мере продолжать затушевывание собственной политики создания своего лагеря. Не проявляла она склонности и к реальному развитию в нем коллективных форм внутриблокового взаимодействия. Отсутствие такой склонности было, как можно понять, во многом связано не только с продолжением камуфляжной тактики, но и с упомянутой выше ситуацией, когда в той или иной из восточноевропейских «народных демократий» еще не была установлена комму-

нистическая монополия власти. Кремль никак не могло устраивать создание межгосударственных органов блока, в которых оказались бы представлены и режимы, пока не являвшиеся в полной мере коммунистическими.

Однако в течение года, последовавшего за созданием Коминформа, положение существенно изменилось. Во-первых, произошло стремительно нараставшее обострение конфронтации между СССР, равно как всем советским блоком, и Западом. Это обострение, особенно выразившееся в берлинском кризисе 1948 г., делало все менее необходимым для Кремля строгое камуфлирование образования собственного «лагеря», противостоявшего западным державам. Во-вторых, в самом «лагере» в результате перехода восточноевропейских стран к повсеместной форсированной советизации была более или менее произведена унификация их всех на основе, по сути, аналогичной советскому образцу. И одновременно был исключен из блока югославский коммунистический режим, руководство которого в отстаивании собственных интересов позволило себе не подчиниться полностью Москве. Тем самым, с одной стороны, утверждением во всех «народных демократиях» коммунистической монополии власти были созданы возможности для образования коллективных блоковых структур. А с другой стороны, опыт югославского бунта повышал заинтересованность Кремля в дополнительных рычагах контроля над восточноевропейскими сателлитами и более прочного привязывания их к «лагерю» под непрерываемым советским главенством.

Все эти обстоятельства способствовали дальнейшим сдвигам в позиции руководства СССР. В момент развертывания берлинского кризиса, 23–24 июня 1948 г., в Варшаве состоялась первая коллективная политическая акция государств советского блока: совещание министров иностранных дел СССР и всех восточноевропейских коммунистических режимов. Причем о его проведении была дана и официальная публичная информация. Созванное советской стороной, совещание приняло подготовленное в основном ею же заявление по германскому вопросу. Оно представляло собой демонстративный ответ на решения западных держав по этой проблеме. Сделанный таким образом первый шаг носил пока только характер политико-пропагандистского выступления⁷. Но через несколько месяцев, на рубеже 1948–1949 гг., Кремль склонился и к тому, чтобы предпринять меры организационного характера: создать – правда, не в политической, а в экономической сфере – коллективный межгосударственный орган в советском блоке, объявив об этом публично.

25 января 1949 г. в СССР и подконтрольных ему восточноевропейских странах блока – Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии и Чехословакии – было обнародовано официальное сообщение, в котором говорилось, что «в январе этого года состоялось в Москве экономическое совещание» представителей названных шести государств. Совещание, как формулировалось, «признало не-

обходимым» создание совместной организации упомянутых стран под названием Совет экономической взаимопомощи⁸.

В опубликованном сообщении не уточнялось, когда именно состоялось упомянутое совещание, кто персонально принимал в нем участие, кем и по чьей инициативе оно созывалось, как проходило. Такая сверхсекретность окружала и образование СЭВ, и всю его начальную, на протяжении позднесталинского времени, практическую деятельность. О 1-й сессии СЭВ, проведенной в Москве 26–28 апреля 1949 г., вообще не объявили публично. О последовавшей через четыре месяца 2-й сессии было сообщено только то, что она состоялась 25–27 августа 1949 г. в Софии, и указывались страны, чьи представители участвовали в ее работе, опять-таки без какого-либо персонального перечисления участников. О том, чем занималась 2-я сессия, говорилось всего лишь: «Совет рассмотрел текущие вопросы своей работы и принял необходимые решения»⁹. А о 3-й сессии, состоявшейся в Москве 24–25 ноября 1950 г., вновь, как и о 1-й сессии, вовсе никакой публичной информации не давалось¹⁰. И никогда в то время ничего не сообщалось о существовании постоянных органов СЭВ и их деятельности.

Публичные сведения о текущем функционировании СЭВ начали несколько расширяться только со второй половины 1950-х годов. Но данные о его деятельности предшествовавшего времени, и в том числе о его создании, еще долго оставались неизвестными. Среди западных и некоторых восточноевропейских авторов велись даже дискуссии по поводу того, когда именно он был образован (в СССР такие обсуждения не допускались), и выдвигались разного рода версии, в той или иной мере, а то и совсем не соответствовавшие действительности¹¹. Данные о датировке учредительного совещания, о первой сессии СЭВ и частичные, крайне скудные сведения об отдельных из вопросов, с которых он начал свое функционирование, стали постепенно появляться лишь с середины 1960-х, а главным образом с 1970-х годов. Они содержались в некоторых советских изданиях, которые выходили преимущественно к юбилеям этой организации и авторами которых были, как правило, руководящие работники аппарата СЭВ¹². Однако такие сведения, отчасти попадавшие и в аналогичные юбилейно-пропагандистские издания, публиковавшиеся в европейских странах-членах СЭВ¹³, были чрезвычайно фрагментарными, формулировались в основном очень общё и расплывчато. А потому мало что сообщали о реальной истории возникновения и начала деятельности СЭВ. В итоге некоторые работы по проблематике СЭВ, выходявшие в странах Восточной Европы, вообще ни словом не касались создания этого органа и первых лет его деятельности¹⁴. У некоторых западных авторов это даже порождало впечатление, что упомянутый орган был учрежден лишь номинально, а фактически в сталинские годы бездействовал¹⁵.

Завеса секретности была ощутимо прорвана впервые в конце 1970-х годов эмигрировавшим на Запад чешским историком К. Капланом на основе чехословацких архивных материалов, с которыми он смог ознакомиться накануне «пражской весны» 1968 г.¹⁶ Продолжением этой работы уже после возвращения на родину, в посткоммунистическое время, стала его монография о Чехословакии в СЭВ в 1949–1956 гг. с обширным приложением из документов пражских архивов¹⁷.

С произошедшим на рубеже 1980-х – 1990-х годов падением советского и восточноевропейских коммунистических режимов, являвшихся членами СЭВ, документальный материал относительно этой организации, и в частности о ее создании, стал в той или иной мере доступным для исследования в архивах России и зарубежных европейских стран, некогда входивших в советский блок. Материал российских архивов при этом особенно важен как потому, что СССР играл главную, определяющую роль в создании и деятельности СЭВ, так и потому, что Россия унаследовала не только советскую архивную документацию по поводу СЭВ, в том числе о его возникновении, но и архив самой этой организации¹⁸. Вместе с тем возможности исследования темы, о которой идет речь, в российских архивах довольно противоречивы. С одной стороны, открыто для изучения значительное число документов, раскрывающих важные аспекты истории создания СЭВ. С другой стороны, серьезным осложнением является все еще сохраняющаяся и даже в последние годы усиливающаяся недоступность многих архивных источников из сферы советской внешней политики, к которой относится и проблема СЭВ. Причем в наибольшей мере недоступность касается, что особенно существенно, документов кремлевского руководства, самого Сталина, принимавших главные, определяющие решения при создании СЭВ, а также материалов Министерства иностранных дел (МИД) СССР, аппарат которого, насколько можно судить, играл роль важного, если не основного звена в процессе подготовки и практической реализации создания СЭВ. В ряде случаев недоступность необходимой документации в российских архивах компенсируется в той или иной мере материалом в преимущественно открытых для исследователей гораздо шире архивах других европейских стран, входивших в СЭВ. Но часто, особенно когда идет речь о советских решениях по поводу СЭВ, отсутствие доступных российских архивных данных о мотивации этих решений, о процессе их принятия не может, почти или вовсе, быть компенсировано архивными источниками других стран, являвшихся членами СЭВ.

Судя по документам, ставшим в посткоммунистическое время известными, старт практическим действиям по созданию СЭВ был дан решением Политбюро ЦК ВКП (б), которое датировано 23 декабря 1948 г. и имело название «Об экономических отношениях между СССР и странами народной демокра-

тии». Решение, являвшееся, как обычно, строго секретным, состояло из четырех пунктов. Первым из них предусматривалось «созвать в Москве 5-го января 1949 года закрытое совещание представителей правительств СССР, Румынии, Венгрии, Болгарии, Польши и Чехословакии для установления тесных экономических отношений между СССР и странами народной демократии». Причем сразу фактически указывалось, сколь большое значение придает советское руководство намеченному мероприятию, ибо в этом же пункте формулировалось положение о том, чтобы «считать желательным» участие в совещании от каждой из перечисленных стран двух представителей, «по возможности, из числа членов Политбюро ЦК» соответствующей компартии. Вторым пунктом решения Министерству иностранных дел СССР поручалось информировать правительства упомянутых пяти восточноевропейских стран, намеченных Кремлем в качестве участников совещания, о содержании первого пункта. МИДу предписывалось сопроводить такую информацию указанием на то, что «совещание созывается по инициативе правительств СССР и Румынии». Третьим пунктом предусматривалось, чтобы «от имени СССР и Румынии» был внесен «на обсуждение» запланированного совещания «проект решения об основах тесного экономического сотрудничества» СССР и остальных стран-участниц. Наконец, четвертым пунктом назначались представителями СССР на совещании два члена Политбюро ЦК ВКП (б): В. М. Молотов, занимавший посты заместителя председателя Совета министров и министра иностранных дел СССР, и А. И. Микоян, заместитель председателя Совета министров и министр внешней торговли.

К этому решению Политбюро ЦК ВКП (б) имелось, как его неотъемлемая часть, приложение – тот самый проект решения предстоявшего совещания представителей Советского Союза и пяти восточноевропейских стран, который упоминался в пункте третьем и должен был быть внесен от имени СССР и Румынии. Проект, предназначавшийся советским руководством для принятия совещанием в качестве итогового документа, носил название «О тесном экономическом сотрудничестве СССР и стран народной демократии». Отправными в этом проекте были два тезиса. Один – об «отсутствии постоянных связей по согласованию экономической политики стран народной демократии и СССР в их торговых отношениях с другими государствами» и о том, что такое положение «наносит ущерб экономическим интересам» стран-участниц намеченного совещания и «объективно помогает» США и Англии «использовать в своих интересах указанную несогласованность действий» Советского Союза и «народных демократий». Особенно, как утверждалось, это выявляется в условиях действия плана Маршалла. Второй тезис заключался в том, что «отсутствие координации экономической деятельности» СССР и его восточноевропейских союзников «сказывается также и на развитии важнейших от-

раслей хозяйства этих стран, создавая ненужный параллелизм в развитии отдельных отраслей промышленности». За этими двумя тезисами следовал вывод: «Установление тесных экономических связей между странами народной демократии и Советским Союзом и, в частности, их координированные выступления на внешнем рынке и поддержание между ними постоянных связей по согласованию экономической деятельности будет содействовать успешному строительству социализма в странах народной демократии и делу укрепления всего демократического лагеря».

После подобным образом изложенного обоснования выдвигалась практическая задача намеченного совещания. Она состояла в том, что «для осуществления указанных целей создается постоянный Координационный Совет из представителей всех заинтересованных стран – участников Совета на основах равноправного представительства». Его основные функции были сформулированы следующим образом: во-первых, «разработка планов экономических связей между странами народной демократии и СССР, а также необходимое согласование хозяйственных планов участвующих стран»; во-вторых, «согласование импортно-экспортных планов»; в-третьих, «наблюдение за выполнением намеченных планов экономического сотрудничества». По поводу методов деятельности Координационного Совета проектом предусматривалось, что он «принимает решения лишь при наличии согласия заинтересованной страны». А относительно организационной структуры говорилось о «небольшом техническом аппарате во главе с секретарем Совета, назначаемым по согласованию между всеми членами Совета». В проекте указывалось, что шесть государств, намеченных в качестве участников созываемого совещания, будут учредителями предлагаемого нового органа¹⁹.

Судя по дате 23 декабря 1948 г., обозначенной в этом решении Политбюро ЦК ВКП (б), оно, скорее всего, было принято во время состоявшегося в тот день заседания в кабинете Сталина, длившегося три часа двадцать минут – с 17.00 до 20.20. В нем, согласно журналу регистрации посетителей кабинета, участвовали, кроме самого Сталина, еще семь членов Политбюро: уже упоминавшиеся Молотов и Микоян, а также Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Н. А. Булганин, Н. А. Вознесенский, А. Н. Косыгин²⁰. Но в нашем распоряжении нет документов, которые бы содержали данные о том, как там обсуждалось и принималось это решение, кто был инициатором постановки такого вопроса. Нет сведений, кем и каким образом готовились предварительно решение и приложение к нему²¹. Да и вообще не известно, когда и как возникла в Кремле сама идея созыва совещания шести государств и создания экономического органа, о котором шла речь.

Однако архивные исследования позволили обнаружить некоторые, хотя и очень скудные, документальные данные, частично касающиеся обстоятельств

вынесения вопроса, о котором идет речь, на обсуждение Политбюро ЦК ВКП (б). Напомним, в решении Политбюро от 23 декабря говорилось, что предложение о созыве совещания и проект его итогового документа вносятся на рассмотрение правительств намеченных стран-участниц совместно Советским Союзом и Румынией. В этой связи обращают на себя внимание имеющиеся архивные сведения о секретных сообщениях, которыми за месяц до того обменялись Молотов, находившийся в Москве, Сталин, отдыхавший тогда на Кавказе, и посол СССР в Бухаресте С. И. Кавтарадзе. Упомянутые сведения очень кратки и содержатся в аннотированной описи шифротелеграмм и телефонограмм ВЧ, доставлявшихся Сталину или исходивших от него. В описи отмечено, что 20 ноября 1948 г. Молотов сообщил Сталину по ВЧ текст своей телеграммы, предназначенной для отправки советскому послу в Бухарест. Как говорится в описи, телеграмма содержала поручение, чтобы посол информировал «Василе Лука о том, что московские друзья в принципе не возражают против установления более тесных экономических отношений между СССР и странами народной демократии, но выражение «экономический блок» требует разъяснения»²². В. Лука был в то время членом Политбюро, секретарем ЦК Румынской рабочей партии (так стала называться компартия Румынии после поглощения социал-демократической партии в феврале 1948 г.) и министром финансов Румынии. Из этого документа видно, что от румынского руководства, конкретно от Луки, тогда являвшегося одной из наиболее влиятельных его фигур, в Москву через Кавтарадзе действительно поступило некое предложение об образовании «экономического блока», который бы состоял из СССР и восточноевропейских стран «народной демократии». Как можно понять, текст телеграммы, предназначенной для посылки в Бухарест, Молотов направил Сталину на утверждение. Это была обычная тогда процедура. Очевидно, в ответ Сталин санкционировал содержание телеграммы. Ибо в той же упомянутой выше описи отмечено: «Телеграмма послана в Бухарест шифром 21. XI. 48 за № 23136»²³.

В своей тогдашней практике, будь то в советском блоке, будь то в Коминформе, Кремль нередко использовал тактический прием, когда с той или иной акцией выступал не сам, а тайно организовывал соответствующую «инициативу» руководства какой-либо из компартий или «народных демократий». А потому встает вопрос, было ли предложение, которое представил Лука, на самом деле румынским или он лишь озвучил подсказанное самой советской стороной. Содержавшееся в телеграмме, отправленной в Бухарест, указание Молотова, чтобы Лука разъяснил, что имелось в виду под «экономическим блоком», может скорее свидетельствовать в пользу того, что на сей раз имела место действительно румынская инициатива.

Согласно различным данным, идеи установления организационной взаимосвязи СССР и режимов «народной демократии» в сфере экономики, необ-

ходимости согласования хозяйственного развития этих стран, координации их экономических планов высказывались, особенно в 1947–1948 гг., коммунистическими руководителями тех или иных восточноевропейских государств формировавшегося советского блока.

Так, например, в самом начале сентября 1947 г. один из тогдашних наиболее видных болгарских коммунистических деятелей, член Политбюро ЦК партии и заместитель главы правительства Т. Костов, ведавший экономикой Болгарии, информировал советского посланника в Софии С. П. Кирсанова, что во время ряда переговоров с представителями других государств «народной демократии» возникала речь о возможности проведения специальной конференции по экономическим вопросам под руководством СССР и с участием Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии. Имелось в виду, что конференция будет посвящена выработке долгосрочных планов экономических связей СССР и упомянутых восточноевропейских стран, согласованию направления их хозяйственного развития. Как сообщил Кирсанов в Москву, сам Костов выступал сторонником такого замысла «с большим жаром»²⁴.

По сведениям, которые в результате исследования пражских архивов приводил уже упоминавшийся К. Каплан, в конце сентября 1947 г., во время учредительного совещания Коминформа, генеральный секретарь ЦК компартии Чехословакии (КПЧ) Р. Сланский в беседе с делегатами ВКП (б) на этом совещании Ждановым и Маленковым тоже высказывал предложение организовать координацию хозяйственной деятельности стран «народной демократии» и СССР. Хотя, согласно тем же сведениям, советские собеседники Сланского встретили предложение критически, сославшись на то, что его осуществление ограничивало бы государственный суверенитет названных стран и могло бы стать мишенью «злоупотребления империалистов», в чехословацких коммунистических верхах продолжали вынашиваться идеи координации экономических планов и тесного хозяйственного сотрудничества государств «демократического лагеря». В течение 1948 г. в ЦК КПЧ готовились проекты созвать для этого конференцию специалистов по хозяйственным вопросам из компартий-членов Коминформа. В сентябре 1948 г. вопрос о создании организации экономического сотрудничества поднял перед Сталиным председатель КПЧ, президент Чехословакии К. Готвальд²⁵.

Если верить тому, что утверждал руководитель коммунистического режима Югославии Й. Броз Тито, имела место и подобная югославская инициатива. В связи с сообщением о создании СЭВ, Тито сказал на пленуме ЦК КПЮ в конце января 1949 г., что намного раньше, «уже два года тому назад» – то есть в 1946 г. или в начале 1947 г., во всяком случае, до исключения Югославии из советского блока – «мы предлагали создание такого совещательного органа для этого экономического сотрудничества»²⁶. Однако документальные

сведения, которые бы подтверждали сказанное югославским лидером, пока не известны²⁷.

Стремление коммунистических руководителей восточноевропейских государств к созданию организационной взаимосвязи в экономической сфере как между самими их странами, так и их стран с СССР было обусловлено комплексом причин. Одной из них являлись те блоковые политико-идеологические ориентиры, которым эти лидеры следовали. В том же направлении их подталкивало и стремление продемонстрировать Москве свою приверженность блоку. Вместе с тем важной причиной была экономическая заинтересованность возглавляемых ими режимов в дополнительных источниках получения сырья, энергетических ресурсов, продовольствия, промышленного оборудования, финансовой, технико-технологической, хозяйственно-организационной и кадровой помощи. В качестве источника всего этого восточноевропейские коммунистические правители в наибольшей мере рассчитывали на Советский Союз, а частично и на некоторых своих партнеров из числа самих «народных демократий». Очевидно, подобные факторы обусловили и румынское предложение, которое Лука представил через посла СССР Кавтарадзе.

Но независимо от того, являлось ли это предложение исключительно инициативой Бухареста или было как-то подсказано советской стороной, очевидно, что кремлевское решение созвать совещание шести государств и создать на нем совместный экономический орган было принято ввиду собственной заинтересованности руководства СССР в образовании подобной структуры. О причинах, вызвавших такую заинтересованность, мы можем судить лишь на основе тех соображений, которые содержались в названном выше приложении к решению Политбюро ЦК ВКП (б) от 23 декабря 1948 г. Какое бы участие в составлении приложения ни принимала – если вообще принимала – румынская сторона (о чем еще будет речь впереди), понятно, что в любом случае этот документ был составлен так, как того хотели в Москве. Конечно, трудно сказать со стопроцентной уверенностью, насколько аргументы в пользу созыва совещания и образования нового органа, изложенные в приложении, были выражением истинной мотивации принятого советским руководством решения, а насколько были предназначены для того, чтобы убедить руководителей «народных демократий» в необходимости шагов, намеченных Кремлем. Но других документов в нашем распоряжении нет. А то, о чем говорилось в упомянутом приложении, выглядит вполне соответствовавшим основной линии блоковой политики, проводившейся тогда Москвой.

Напомним, в приложении к решению от 23 декабря необходимость запланированных действий аргументировалась неотложностью двух основных задач: 1. согласования между СССР и режимами «народной демократии» их торговых отношений с другими государствами, что должно было реализовывать-

ся согласованием импортно-экспортных планов стран-членов учреждаемой новой организации; 2. экономической координации между этими странами в интересах их общего более успешного развития, что должно было осуществляться путем планирования их взаимных экономических связей и согласования их хозяйственных планов. В документе не уточнялось соотношение важности этих задач между собой. При их постановке первой упоминалась задача согласования между шестью странами торговых отношений с остальным миром, а при перечислении функций нового совместного органа на первом месте, наоборот, фигурировала координация хозяйственного развития и взаимных экономических отношений государств, которые должны были создать этот орган. Но считалось ли наиболее важным одно или другое, в обоих случаях, принимая во внимание реальную иерархию отношений между СССР и восточноевропейскими режимами, речь тем самым шла об образовании управляемого Москвой механизма координации и контроля в отношении основных параметров, с одной стороны, внутриэкономического развития этих режимов, а с другой стороны, их внешнеэкономических связей как в рамках советского блока, так и особенно – чему, как мы видим, придавалось чрезвычайное значение – с государствами вне блока.

Советское – или советско-румынское – предложение было сообщено коммунистическим лидерам намеченных восточноевропейских стран-участниц. И в конце декабря 1948 – начале января 1949 г. руководящие органы компартий этих стран приняли решения о направлении делегатов на запланированное закрытое совещание²⁸.

Оно состоялось 5–7 января 1949 г. в Москве. Как по количеству делегатов, так и по их иерархическому статусу представительство стран-участниц на совещании оказалось неодинаковым вопреки пожеланию-установке Кремля от 23 декабря 1948 г. о двух делегатах от каждой из стран, причем членах политбюро своих компартий. Установку нарушил сам Кремль: 3 января 1949 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение ввести в состав советской делегации, состоявшей из Молотова и Микояна, еще и Маленкова, члена Политбюро и секретаря ЦК, с середины 1948 г. являвшегося, помимо прочего, своего рода заместителем Сталина по партийным делам. В решении отсутствовала мотивировка того, почему оно было принято²⁹. С таким же «перевыполнением», как выразился Молотов 5 января на самом совещании³⁰, была составлена и болгарская делегация. Она состояла из трех членов Политбюро ЦК компартии, главным из которых был заместитель председателя Совета министров, министр иностранных дел В. Коларов (двумя другими были руководитель экономики Д. Терпешев и министр внутренних дел А. Югов). В делегациях остальных стран-участниц было по два человека. Но от Румынии и Венгрии все являлись членами политбюро, причем в румынской делегации был гене-

ральный секретарь партии Г. Георгиу-Деж вместе с уже упоминавшимся В. Лука, а в венгерской – заместители генерального секретаря Э. Герё и М. Фаркаш. Между тем Польша и Чехословакия позволили себе «недовыполнение», ибо в их делегациях было лишь по одному члену политбюро: в чехословацкой – генеральный секретарь компартии Р. Сланский, в польской – заместитель председателя Совета министров и министр промышленности Х. Минц, а второй участник каждой из делегаций не состоял в политбюро. Впрочем, эти частичные различия в составе делегаций не оказали влияния на ход и итоги названного совещания.

Совещание проходило в Кремле и состояло из трех заседаний, по одному в каждый из трех дней работы. О том, как оно проходило, и о его результатах можно судить на основании нескольких источников.

Один из них – официальные протоколы на русском языке. Они велись во время совещания его секретарем с двумя помощниками. Этот аппарат был по своему составу исключительно советским, секретарем совещания являлся заведующий Экономическим отделом МИД СССР А. А. Арутюнян, который подписывал протоколы. В них, помимо перечисления участников, отражались лишь конечные результаты каждого заседания, то есть принятые решения, но не содержалось каких-либо записей выступлений, хода обсуждения тех или иных вопросов³¹. Такой характер протоколов был в начале совещания предложен Молотовым вместе с кандидатурой секретаря. Никто не возражал³².

Другим источником являются отложившиеся в архивах письменные тексты предложений, которые вносились представителями стран «народной демократии», и отдельные тексты выступлений некоторых из них на русском языке³³. Тексты выступлений, очевидно, готовились заранее и затем отдавались секретарю совещания. Возможно, ему же или председательствующему на очередном заседании передавались и предложения.

Наконец, еще один важный источник представляют собой записи, делавшиеся по ходу совещания отдельными делегациями либо их членами. К. Каплан в документальном приложении к его уже упоминавшейся книге, посвященной участию Чехословакии в СЭВ, опубликовал записи, которые делала чехословацкая делегация как на самом совещании, так и во время состоявшейся после него встречи всех делегаций со Сталиным³⁴. В архиве в Софии хранятся рукописные записи Коларова, намного более фрагментарные и менее подробные, чем у чехословацкой делегации³⁵. Записи участников совещания особенно ценны тем, что в них содержатся отсутствующие в официальных протоколах сведения о конкретном ходе заседаний, зафиксировано, кто и что на них говорил как в выступлениях, так и в ходе обсуждения.

Из сопоставительного анализа перечисленных источников видно, что характерными чертами совещания были, с одной стороны, руководящая и ре-

шающая советская роль, с другой стороны – заинтересованное участие и активность всех других делегаций.

Основой работы совещания стало обсуждение, редактирование и дополнение приложения к решению Политбюро ЦК ВКП (б) от 23 декабря 1948 г., которое было разослано странам, приглашенным на совещание. Этому были посвящены все три заседания, состоявшиеся в ходе совещания. Правда, выступая при открытии совещания, на котором данный документ фигурировал в качестве советско-румынского предложения, Молотов всячески стремился подчеркнуть роль руководства Румынии в выдвигении и формулировании идеи тесного экономического сотрудничества СССР и стран «народной демократии». Но непосредственно об участии румынской стороны в составлении упомянутого документа Молотов так ничего сказать и не смог. И это наводит на мысль, что, вероятно, документ в его окончательном виде был в итоге составлен в Москве. К тому же из выступления Молотова видно, что акцент на румынской роли был сделан им в более широких рамках совершенно очевидного стремления вообще представить созыв совещания и предложение о создании совместного органа экономической координации почти исключительно как следствие инициативы самих восточноевропейских коммунистических режимов. Он подчеркнуто заявлял, что на протяжении определенного времени советское руководство испытывало сомнения и колебания в отношении подобной идеи и решилось на ее осуществление лишь под напором пожеланий стран «народной демократии», идя им навстречу³⁶.

Усилия Молотова были явно направлены на то, чтобы не возникло и мысли, что создание межгосударственного экономического органа советского блока может навязываться Москвой. Оно, в сущности, и не навязывалось коммунистическим лидерам восточноевропейских стран блока, ибо те, как уже говорилось, сами хотели образования такого органа. Но Молотов явно лукавил, говоря, что Москва пошла на подобный шаг только под напором «народных демократий». И умалчивая о том, что до определенного времени советское руководство воздерживалось от данного шага как из-за необходимости камуфляжа перед Западом, так и вследствие отсутствия монополии власти у некоторых из восточноевропейских компартий. Когда же та и другая причины отпали, Кремль посчитал возможным приступить к созданию блоковой экономической организации.

Стремясь уверить своих младших партнеров, что согласна на образование этой организации исключительно по их инициативе, советская сторона подчеркнуто соблюдала в ходе совещания атрибуты равноправия делегаций. Так, по предложению того же Молотова, были установлены очередность председательствования представителей тех или иных стран на заседаниях, совместное утверждение протоколов каждого заседания³⁷. Представители СССР неизмен-

но демонстрировали внимательное и заинтересованное отношение к предложениям и замечаниям, исходившим от восточноевропейских делегаций. Но вместе с тем из документов, в которых отразилась работа совещания, видно, что члены советской делегации, особенно Молотов, активно брали на себя ведущую роль при обсуждении предложений и замечаний, выдвигавшихся представителями стран «народной демократии». Советские участники стремились сами тут же обобщить, уточнить, переформулировать соображения восточноевропейских делегатов, вводя эти соображения в русло кремлевского замысла³⁸.

Впрочем, сделать это было не так уж сложно, ибо устремления самих участников совещания из Восточной Европы преимущественно шли фактически в направлении реализации тех же задач, которые формулировались их советским патроном. Правящая верхушка восточноевропейских коммунистических режимов сама придерживалась блокового мышления. И как видно из выступлений и предложений делегатов, представлявших на совещании эти режимы, была готова к выдвинутому в советском/советско-румынском проекте выбору в пользу той или иной степени блокового экономического противостояния с «капиталистическим Западом», проведения единой линии в торговых отношениях с ним, скоординированной между странами «демократического лагеря». Это включало установление определенных параметров, реально во многих случаях – ограничений, по объему товарооборота, видам товаров, ценовой политике, которых страны «лагеря» совместно должны были бы придерживаться в торговле с западными государствами, в том числе путем согласования экспортно-импортных планов СССР и стран «народной демократии»³⁹.

С первого же дня совещания зашла речь и о применении такого рода линии в отношениях с исключенной из советского блока Югославией. Постановка этого вопроса исходила от восточноевропейских представителей. Он был поднят Сланским, заявившим в своем выступлении, что «в связи с переходом югославских вождей в лагерь империализма нужно менять экономическую политику всех наших стран» в отношении Югославии, с соответствующей «координацией действий». Заявление Сланского было два дня спустя дополнено его же предложением, чтобы в перечне первоочередных задач Координационного Совета, создаваемого странами-участницами совещания, содержался и пункт, которым бы предусматривалась выработка «совместных действий» по поводу Югославии⁴⁰. Сходное предложение последовало и от Минца, а Герё поставил вопрос о возможности уже в текущем году увеличить товарооборот между государствами, представленными на совещании, за счет сокращения их торговли «с капиталистическими странами и с Югославией»⁴¹. Трудно, однако, сказать, были ли предложения относительно Югославии, выдвинутые восточно-

европейскими представителями, особенно упомянутое заявление Сланского, выступившего тут в роли пионера, исключительно их собственной инициативой. И не было ли это за кулисами совещания стимулировано в той или иной мере советской стороной. Во всяком случае, обращает на себя внимание тот факт, что на состоявшейся 8 января 1949 г., вслед за окончанием совещания, встрече участвовавших в нем делегаций со Сталиным тот, согласно чехословацкой записи, задал, в частности, вопрос, говорилось ли на совещании о Югославии⁴². Значит, советское руководство было само заинтересовано в этом.

В не меньшей, если даже ни в еще большей степени, чем по вопросу о проведении единой линии в торговле с Западом и с Югославией, участники совещания из Восточной Европы выразили готовность своих коммунистических режимов к согласованию хозяйственных планов, к координации и тесному экономическому сотрудничеству внутри советского блока. Здесь особенно проявилось их стремление за счет этого иметь значительный и доступный источник получения продовольствия, сырья, оборудования, технической помощи, приобрести дополнительные рынки сбыта для своей продукции, для увеличения ее производства, расширить возможности транспортировки через территорию других стран блока, строить при содействии и помощи тех или иных из этих стран либо совместно с ними разного рода производственные и иные объекты, создание которых было непосильно в одиночку. Делегации стран «народной демократии» выдвинули в ходе совещания множество шедших в данном направлении предложений как более общего, постановочного, так и совершенно конкретного характера, вплоть до совместного строительства тех или иных предприятий или транспортных коммуникаций⁴³.

Эти предложения, выразившие практические хозяйственные интересы восточноевропейских коммунистических режимов, в наиболее обобщенном виде нашли отражение в сформулированных при ведущем участии советской делегации новых пунктах, в которых перечислялись функции/задачи учреждаемого совместного экономического органа шести стран-участниц совещания. Напомним, что, как уже говорилось выше, советский или советско-румынский проект, ставший основой обсуждения на совещании, содержал всего три таких пункта: 1. разработка планов взаимных экономических связей и необходимое согласование хозяйственных планов участвующих стран; 2. согласование импортно-экспортных планов; 3. наблюдение за выполнением намеченных планов. В результате трехдневной работы совещания число задач создаваемого органа было пополнено еще четырьмя пунктами. Один из них предусматривал согласование планов развития транспорта и транзитных перевозок, связанных с интересами развития экономических отношений между государствами-участниками. Другим пунктом имелась в виду разработка мер взаимной помощи в случае стихийных бедствий, а также, как говорилось,

«в случае дискриминации, применяемой капиталистическими странами в отношении стран-участников». В отдельном пункте говорилось о необходимости разработки мероприятий по научно-техническому сотрудничеству и обмену техническим опытом между шестью государствами, осуществление которого оказывалось бы «по сестеимости». Наконец, еще одним из новых пунктов фиксировалась задача «разработки вопросов многостороннего клиринга и валютных курсов»⁴⁴. Последний из перечисленных выше пунктов отражал выраженное рядом восточноевропейских делегаций стремление их коммунистических режимов использовать при взаимных внешнеторговых расчетах систему многостороннего клиринга с переходящим сальдо и достигнуть договоренности о введении более взаимовыгодных курсов соотношения валют стран «народной демократии» и СССР.

Прежние три пункта, содержащиеся в первоначальном проекте, разосланном Москвой, тоже остались, но с некоторыми редакционными коррективами и небольшими дополнениями. Существенным здесь являлось то, что указание на «необходимое согласование» хозяйственных планов шести государств было дополнено отражавшей предложение некоторых из восточноевропейских участников формулировкой: «на основе специализации и кооперирования производства»⁴⁵. Довольно значительные дополнения, главным образом идеологическо-декларативного характера, были внесены в постановочную часть первоначального проекта. В частности, сюда была введена ставшая впоследствии широко использоваться формулировка, что «хозяйственные отношения между странами народной демократии и СССР являются отношениями нового типа и отличаются принципиально от отношений между капиталистическими странами». Говорилось, что они «основаны на глубокой общности интересов и взаимной солидарности». Эти идеологические дополнения были в основном взяты из предложений Минца, которые высоко оценил и активно подхватил Молотов⁴⁶.

По поводу организации учреждаемого совместного экономического органа шести стран было выработано решение, основу которого также составил первоначальный советский/советско-румынский проект, дополненный в ходе совещания. Дополнениями конкретизировалось, что этот орган будет называться Экономический Координационный Совет (в первоначальном проекте, напомним, фигурировал просто Координационный Совет); что в его составе будут по два представителя от каждой из стран, и его регулярные заседания будут происходить раз в квартал поочередно в столицах этих стран; что Совет, местом пребывания которого определялась Москва, будет иметь постоянно действующее Бюро, куда каждая страна делегирует по одному представителю. Сохранялось предусмотренное в первоначальном проекте положение о наличии небольшого технического аппарата во главе с секретарем Совета⁴⁷.

На заседании 7 января Молотов информировал участников совещания, что советское правительство «в предварительном порядке» выдвигает «в качестве возможного кандидата на пост секретаря Совета» – А. Н. Лаврищева, одного из заместителей председателя Госплана СССР. Решение, принятое на заседании, гласило: «принять к сведению» информацию Молотова⁴⁸. За этими нарочито осторожными формулировками скрывалось фактическое назначение советского представителя на пост секретаря. В датированном следующим днем, 8 января, секретном решении Политбюро ЦК ВКП (б) уже без обиняков говорилось: «утвердить» Лаврищева секретарем, «с освобождением от работы в Госплане»⁴⁹.

Вообще все решения, согласованные и принятые в ходе трехдневного совещания шести стран, подверглись на следующий день после его окончания, 8 января 1949 г., апробации высшей инстанцией, за которой на самом деле и было последнее слово, – Сталиным. Это произошло во время уже упомянутой нами его встречи со всеми делегатами-участниками совещания. Кроме сведений о времени, когда встреча состоялась в Кремле, ее длительности (1 час 15 минут) и составе присутствовавших⁵⁰, мы не располагаем никакими советскими документами о том, что на ней происходило, но можем судить об этом на основе записей, сделанных чехословацкой делегацией и Коларовым.

Из этих записей следует, что Сталин высказал в целом одобрение результатов совещания, но внес некоторые коррективы в принятые итоговые документы. Помимо правки скорее редакционного характера, которая нашла затем отражение в окончательном варианте итоговых документов, утвержденных решением Политбюро ЦК ВКП (б) от 11 января 1949 г.⁵¹, основных новаций Сталин внес две. Одна касалась названия создаваемого нового органа. Сталин дал формулировку: «Совет экономической взаимопомощи». Она и стала окончательной⁵². Вторая новация заключалась в том, что Сталин заявил о необходимости внести в итоговые документы положение о том, что «СЭВ является открытой организацией, в которую могут вступить и другие страны Европы», желающие участвовать в том экономическом сотрудничестве, которое развивается шестью государствами-учредителями СЭВ⁵³. Это положение было включено в решения совещания и затем в упомянутое выше сообщение об образовании СЭВ, опубликованное 25 января 1949 г.⁵⁴ Согласно чехословацкой записи, Сталин на встрече 8 января подчеркнул, что так надо сделать, чтобы не создавать впечатления об учреждении закрытой организации, «даже если бы мы никого не хотели пустить» туда⁵⁵. Дело было, таким образом, в тактике, в том, чтобы не выглядеть нежелательным образом перед внешним миром.

На самом же деле СЭВ создавался как замкнутая экономическая структура «лагеря», подчиненная осуществлению блоковых целей. И присоединение к СЭВ предусматривалось только для «своих», для государств советского бло-

ка. На той же встрече делегаций с кремлевским хозяином 8 января 1949 г. Сталин и Молотов говорили о возможности вступления Албании в СЭВ⁵⁶. Эта возможность уже вскоре, в феврале 1949 г., стала реальностью. Позже, в сентябре 1950 г., членом СЭВ стала и созданная в октябре 1949 г. Германская Демократическая Республика. Согласно записи Коларова, во время встречи 8 января 1949 г. Сталин упомянул также о возможности того, чтобы в СЭВ была принята Югославия, но только после того, как «югославы поумнеют»⁵⁷. Это, очевидно, означало, что, по сталинской мысли, вопрос о приеме встал бы лишь в случае смены югославского руководства или подчинения существовавшего руководства Кремлю и тем самым возвращению к положению Югославии как одной из стран советского блока.

На встрече с участниками совещания 8 января, а затем на банкете, устроенном по случаю завершения совещания, Сталин развивал идею экономического блокового противостояния между странами СЭВ, с одной стороны, и США вместе с Англией – с другой стороны. По его словам, между ними в ближайшие 8-10 лет развернется экономическая борьба за овладение Европой. И значение СЭВ будет определяться тем, что объединенные в нем государства смогут совместными усилиями развить чрезвычайно мощное производство как продовольствия, в частности зерна, так и сырья для промышленности и энергетики, в том числе угля, нефти, хлопка, каучука, цветных и черных металлов. В результате СССР и страны «народной демократии» окажутся в состоянии стать сырьевой и продовольственной базой для всех остальных европейских государств. А тем самым, как утверждал Сталин, в Западной Европе будет подорвана роль США и Англии как основных поставщиков продовольствия и сырья и, следовательно, подорвано их влияние на западноевропейские страны. Это, заявлял он, приведет там к радикальному изменению соотношения сил и даже к революционизированию ситуации. Так через развитие производства в странах СЭВ станет возможным «вырвать Европу из лап англо-американских империалистов». Коларов записал в этой связи слова Сталина, что СЭВ «создает экономическую базу Коминформа», а согласно чехословацкой записи, кремлевский диктатор сказал, что создание странами СЭВ «сырьевой базы для всей Европы будет иметь большой результат, нежели Коминтерн»⁵⁸.

Как во многих случаях, когда речь идет о тех или иных высказываниях Сталина, остается неясным, всерьез ли говорилось приведенное выше или кремлевский хозяин разыгрывал перед своими собеседниками очередной спектакль, призванный изобразить создание СЭВ как чуть ли ни эпохальный шаг в «борьбе с империализмом». Если это говорилось всерьез, то советский лидер просто был во власти химер. Но в любом случае он, независимо от истинных причин сказанного, излагал план, который имел ярко выраженный политиче-

ский, блоково-конфронтационный смысл. И стало быть, практически ориентировал своих собеседников именно на такого рода цели и характер СЭВ.

Разумеется, ни о чем этом не было и помина в опубликованном 25 января сообщении о создании СЭВ. В нем никак не упоминалось и о содержавшихся в решениях совещания стран-учредителей СЭВ положениях о согласовании импортно-экспортных планов этих стран, о проведении ими совместной политики в торговых отношениях с другими государствами. В сообщении лишь говорилось, что СЭВ образован «с задачей обмена хозяйственным опытом, оказания друг другу технической помощи, оказания взаимной помощи сырьем, продовольствием, машинами, оборудованием и т. п.»⁵⁹.

Реальные цели СЭВ как блоковой организации, подконтрольной Кремлю, проявились вслед за ее созданием, когда она приступила к практической деятельности.

Примечания

¹ См.: *Гибианский Л. Я.* Проблемы международно-политического структурирования Восточной Европы в период формирования советского блока в 1940-е годы // *Холодная война: новые подходы, новые документы.* / Отв. ред. М. М. Наринский. М., 1995. С. 99–100; *Он же.* СССР, Восточная Европа и формирование советского блока // *Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948.* / Отв. ред. В. В. Марьяна. М., 2002. С. 19; *Он же.* Форсирование советской блоковой политики. // *Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. статей.* / Отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М., 2003. С. 166–167.

² Об этом, например, говорил А. А. Жданов в марте 1948 г. на одном из закрытых совещаний в ЦК ВКП (б). Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 77. Оп. 1. Д. 990. Л. 6.

³ О первоначальных типах восточноевропейских режимов «народной демократии» и о различии проводившейся политики их «форсированной» и «растянутой» советизации см.: *Гибианский Л. Я.* Форсирование советской блоковой политики; *Idem.* Sowjetisierung Osteuropas – Charakter und Typologie // *Michael Lemke (Hg.). Sowjetisierung und Eigenständigkeit in der SBZ/DDR (1945–1953).* Köln; Weimar; Wien, 1999.

⁴ Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949: Документы и материалы / Ред. Г. М. Адиебеков, А. Ди Бьяджо, Л. Я. Гибианский, Ф. Гори, С. Понс. М., 1998. С. 157–158, 242–243.

⁵ При подготовке доклада Жданова в начале сентября 1947 г. Венгрия в первых проектах доклада даже не фигурировала как одна из стран «народной демократии». В этом качестве она была вписана в доклад лишь на более поздней стадии В. М. Моло-

товым (РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 93. Л. 4; Ф. 82. Оп. 2. Д. 159. Л. 136), сделавшим это, вероятно, с санкции или по поручению И. В. Сталина, с которым он тогда вместе был на Кавказе, откуда они посылали указания в Москву (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 108. Л. 1–5). На учредительном совещании Коминформа сам представитель руководства компартии Венгрии Й. Реваи оценил режим в своей стране как «смесь элементов народной и буржуазной демократии» с перевесом, но еще не окончательной победой первого над вторым (Совещания Коминформа. С. 145–146).

⁶ О повседневной деятельности Коминформа см.: *Адибеков Г. М. Коминформ и послевоенная Европа. 1947–1956 гг. М., 1994; Гибианский Л. Я. От первого ко второму совещанию Коминформа // Совещания Коминформа; Он же. Коминформ в зените активности: создание организационной структуры и третье совещание // Там же; Он же. Коминформ в действии. 1947–1948 гг.: По архивным документам // Новая и новейшая история. 1996. № 1, 2; Понс С. Сумерки Коминформа // Совещания Коминформа.*

⁷ Относительно созыва и проведения совещания в Варшаве см.: *Archiwum Ministerstwa Spraw Zagranicznych (Варшава). Zesp. 6. Tecz. 307. W. 21. K. 9–45; Централен държавен архив – София (далее – ЦДА). Ф. 147 б. Оп. 2. А. е. 1087. Л. 1–2; Дипломатска архива Министарства за иностране послове (Белград). Ф. Политичка архива (далее – ДАМИП-ПА). 1948 god. F-IX. Str. Pov. 1658; Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 06. Оп. 10. П. 79. Д. 1106. Л. 166, 169–170. Опубликованные сообщения о совещании и принятое на нем заявление см.: *Внешняя политика Советского Союза. 1948 год: Документы и материалы. М., 1950. Ч. I. С. 237–255.**

Через некоторое время советская сторона повторила опыт созыва совещания высокопоставленных дипломатических представителей СССР и восточноевропейских коммунистических режимов. Но, в отличие от встречи в Варшаве, оно не являлось пропагандистским мероприятием и о нем не сообщалось публично. Это было, наоборот, строго секретное и сугубо рабочее совещание, проведенное накануне состоявшейся в июле–августе 1948 г. международной конференции по проблеме Дуная. Совещание имело совершенно конкретную цель: согласование совместной позиции указанных стран на предстоящей конференции. См.: *ДАМИП-ПА. 1948 god. F-IX. Str. Pov. 1643, 1654; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 79. Д. 1106. Л. 162, 167, 176; Bebler A. Kako sam hitao: Sećanja. Beograd, 1982. S 238–240.*

⁸ *Внешняя политика Советского Союза. 1949 год: Документы и материалы. М., 1953. С. 44–45.*

⁹ Там же. С. 159.

¹⁰ Следующая, 4-я сессия СЭВ состоялась лишь уже в послесталинское время, 26–27 марта 1954 г.

¹¹ См., напр.: *Kaser M. COMECON: Integration Problems of the Planned Economies. 2nd Edition. London; New York; Toronto, 1967. P. 11, 22; de Fiumel H. Rada Wzajemnej Pomocy Gospodarczej: Studium prawnomiedzynarodowe. Warszawa, 1967. Str. 12; van Brabant J. Socialist Economic Integration: Aspects of Contemporary Economic Problems in Eastern Europe. Cambridge, 1980. P. 31–34; Никова Г. Съветът за икономическа взаимопомощ и България. 1949–1960. София, 1989. С. 27.*

¹² Морозов В. И. Совет Экономической Взаимопомощи – союз равных. М., 1964. С. 84–85; Фаддеев Н. В. Совет Экономической Взаимопомощи. М., 1964. С. 26–27, 55, 75; 2-е изд. М., 1969. С. 25–26, 147–148, 179–180, 246; 3-е изд. М., 1974. С. 34–35, 64, 185–186, 254–255, 366; Он же. Совет Экономической Взаимопомощи – коллективный орган сотрудничества социалистических стран // Вопросы истории. 1971. № 8. С. 6–8; Лукин Л. И. Первое десятилетие Совета Экономической Взаимопомощи // Вопросы истории. 1974. № 4. С. 44–50; Совет Экономической Взаимопомощи: 25 лет. М., 1974. С. 7, 10, 19, 28.

¹³ Напр.: Петков Х. Съветът за икономическа взаимопомощ – организация на братско сътрудничество // Двадесет и пет години сътрудничество и интеграция на страните членки на Съвета за икономическа взаимопомощ. София, 1974. С. 21, 23; *Kvěš V.* RVHP a ČSSR. Praha, 1974. S. 86–88; *Lehár B.* Rada vzájemné hospodářské pomoci (1949–1979). Praha, 1978. S. 16–17.

¹⁴ Одним из примеров может служить даже вышедшая в конце 1970-х годов коллективная монография об участии Польши в СЭВ: *Polska w RWPG / Praca zbiorowa pod redakcją naukową W. Iskry.* Warszawa, 1978.

¹⁵ См., напр.: *Staar R.F.* The Communist Regimes in Eastern Europe: An Introduction. Stanford (Cal.), 1967. P. 288; 4th Edition. Stanford, 1982. P. 300.

¹⁶ *Kaplan K.* Die Entwicklung des Rates für gegenseitige Wirtschaftshilfe (RGW) in der Zeit von 1949 bis 1957. Ebenhausen, 1977; *Idem.* RVHP a Československo 1949–1955 // *Svědectví* (Paris). Roč. XV (1979). Č. 58.

¹⁷ *Kaplan K.* Československo v RVHP, 1949–1956. Praha, 1995.

¹⁸ При ликвидации СЭВ, произошедшей в середине 1991 г., архив был оставлен у Советского Союза, который вскоре перестал существовать и правопреемником которого стала Россия.

¹⁹ Решение вместе с приложением к нему опубликовано в: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. I: 1944–1948 гг. М. – Новосибирск, 1997 (далее – ВЕ. Т. I). Док. 308. С. 944–946. При публикации допущена одна неточность в тексте документа, хранящегося в: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 39. Л. 149 (само решение), 199–200 (приложение).

²⁰ На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / Науч. ред. А. А. Чернобаев. Авторы-составители А. В. Коротков, А. Д. Чернев, А. А. Чернобаев. М., 2008. С. 513.

²¹ В архивном документе отсутствуют имеющиеся во многих других решениях Политбюро данные, которые бы свидетельствовали, что этот вопрос предварительно обсуждался Секретариатом ЦК ВКП (б), так же как отсутствуют указания на то, кем указанный вопрос внесен на рассмотрение Политбюро.

²² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 112. Л. 24. В архиве нам была доступна только упомянутая аннотированная опись, а сами указанные в ней сообщения – нет.

²³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 112. Л. 24. Мы уже обращали внимание на этот документ как на редкое пока свидетельство о событиях, предшествовавших решению Политбюро ЦК ВКП (б) от 23 декабря 1948 г. (*Гибианский Л. Я.* Форсирование советской блоковой политики. С. 175).

²⁴ См.: ВЕ. Т. I. С. 946 (примеч. 2).

²⁵ *Kaplan K.* Československo v RVHP. S. 33–34.

²⁶ *Sednice Centralnog komiteta KPJ (1948–1952) / Prired. B. Petranović, R. Končar, R. Radonjić.* Beograd, 1985. S. 176.

²⁷ Возможно, в таком виде югославского предложения и не делалось. Тито упомянул о нем в связи с высказанной им оценкой, что учредители СЭВ, не пригласив Югославию к участию в его создании и даже не поставив ее в известность о предпринимаемом шаге, совершили в отношении нее акт грубой дискриминации. Такую оценку глава югославского режима обосновывал как наличием тогда еще не расторгнутых договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Югославией и странами, учредившими СЭВ, так и своим заявлением, что сам Белград уже давно предлагал создание подобного органа. Но Тито не уточнил ни даты, когда, по его словам, делалось такое предложение, ни того, в какой форме и кем с югославской стороны оно выдвигалось и кому именно адресовалось (*Sednice Centralnog komiteta KPJ.* S. 175–177). После названного пленума ЦК КПЮ, проходившего закрытым порядком, была обнародована его резолюция, в которой повторялась данная Тито оценка того факта, что Югославию не пригласили в СЭВ, но при этом использовалась более обтекаемая формулировка относительно предложения, делавшегося прежде, как утверждалось, югославской стороной. В отличие от слов Тито, в резолюции не шло речи о том, что двумя годами раньше выдвигалось югославское предложение о создании органа, подобного СЭВ. Вместо этого говорилось, что «ответственными руководителями ФНРЮ уже много раз поднимался вопрос о как можно более тесном экономическом сотрудничестве социалистических стран» (*Ibid.* S. 283). Подобная формулировка, лишь в чуть стилистически подкорректированном виде, была использована и в ноте по поводу создания СЭВ, которую правительство Югославии направило 1 февраля 1949 г. правительствам СССР и других стран-учредителей СЭВ. (*Bela knjiga o agresivnim postupcima vlada SSSR, Poljske, Čehoslovačke, Mađarske, Rumunije, Bugarske i Albanije prema Jugoslaviji.* Beograd, 1951. Dok. Br. 174. S. 253). Нота содержала осуждение того, что Белград не был приглашен участвовать.

²⁸ В частности, смотри: *Kaplan K.* Československo v RVHP. S. 36; *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 648.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1073. Л. 60. Возможно, здесь играло роль подковерное соперничество в ближайшем окружении Сталина, судя по всему, нередко использовавшееся, а не исключено, что в определенной степени и подогревавшееся кремлевским диктатором.

³⁰ *Kaplan K.* Československo v RVHP. S. 213.

³¹ Полный комплект протоколов был доступен нам в: Российский государственный архив экономики (далее – РГЭЭ). Ф. 561. Оп. 13. Д. 3. Л. 42–55; ЦДА. Ф. 1 б. Оп. 5. А. е. 30. Л. 4–17.

- ³² *Kaplan K. Československo v RVHP. S. 214.*
- ³³ См., напр.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1072. Л. 7–15, 19–25, 33–43, 48–54; ЦДА. Ф. 1 б. Оп. 5. А. е. 30. Л. 18–33; *Kaplan K. Československo v RVHP. S. 218–224.*
- ³⁴ *Kaplan K. Československo v RVHP. S. 213–218, 224–236.*
- ³⁵ ЦДА. Ф. 147 б. Оп. 2. А. е. 67. Л. 1–11; А. е. 54. Л. 44.
- ³⁶ Это выступление Молотова см.: *Kaplan K. Československo v RVHP. S. 213–214.*
- ³⁷ *Ibid. S. 214.* На заседании 5 января 1949 г. председательствовал Молотов, на заседании 6 января – Коларов, на заседании 7 января – Герё.
- ³⁸ Особенно это видно, в частности, из чехословацких записей хода заседаний.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1072. Л. 14, 19, 20–21, 33–34, 36, 39, 40; ЦДА. Ф. 1 б. Оп. 5. А. е. 30. Л. 32; *Kaplan K. Československo v RVHP. S. 214–215, 223.*
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1072. Л. 14, 36. См. также: *Kaplan K. Československo v RVHP. S. 223; ЦДА. Ф. 1 б. Оп. 5. А. е. 30. Л. 32.*
- ⁴¹ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1072, л. 34, 36, 39.
- ⁴² *Kaplan K. Československo v RVHP. S. 235.*
- ⁴³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1072. Л. 7–15, 19–25, 33–43, 48–54; ЦДА. Ф. 1 б. Оп. 5. А. е. 30. Л. 18–33; Ф. 147 б. Оп. 2. А. е. 67. Л. 1–11; А. е. 54. Л. 44; *Kaplan K. Československo v RVHP. S. 213–236.*
- ⁴⁴ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 13. Д. 3. Л. 53; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1072. Л. 30–31; ЦДА. Ф. 1 б. Оп. 5. А. е. 30. Л. 15.
- ⁴⁵ См. документы, указанные в предыдущем примечании.
- ⁴⁶ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 13. Д. 3. Л. 52, 53; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1072. Л. 29, 30; ЦДА. Ф. 1 б. Оп. 5. А. е. 30. Л. 14, 15; *Kaplan K. Československo v RVHP. S. 224–225.*
- ⁴⁷ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 13. Д. 3. Л. 54–55; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1072. Л. 31–32; ЦДА. Ф. 1 б. Оп. 5. А. е. 30. Л. 16–17.
- ⁴⁸ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 13. Д. 3. Л. 51; см. также: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1072. Л. 28; ЦДА. Ф. 1 б. Оп. 5. А. е. 30. Л. 13.
- ⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1073. Л. 70.
- ⁵⁰ На приеме у Сталина. С. 514–515.
- ⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 39. Л. 156, 218–220.
- ⁵² ЦДА. Ф. 147 б. Оп. 2. А. е. 67. Л. 1; *Kaplan K. Československo v RVHP. S. 232.*
- ⁵³ *Kaplan K. Československo v RVHP. S. 236; ЦДА. Ф. 147 б. А. е. 67. Л. 1.*

⁵⁴РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 39. Л. 220; Внешняя политика Советского Союза. 1949 год. С. 45.

⁵⁵*Kaplan K. Československo v RVHP. S. 236.*

⁵⁶*Ibidem; ЦДА. Ф. 147 б. Оп. 2. А. е. 67. Л. 1.*

⁵⁷ЦДА. Ф. 147 б. Оп. 2. А. е. 67. Л. 2. В чехословацкой записи отмечено только упоминание Сталиным Югославии как в дальнейшем возможного нового члена СЭВ, а слов, зафиксированных Коларовым, нет (*Kaplan K. Československo v RVHP. S. 236.*)

⁵⁸ЦДА. Ф. 147 б. Оп. 2. А. е. 67. Л. 2–6; *Kaplan K. Československo v RVHP. S. 235.*

⁵⁹Внешняя политика Советского Союза. 1949 год. С. 45.

А. Б. Едемский (Москва)

Был ли тайный сговор на Брионах накануне второй советской интервенции в Венгрии? (советско-югославские консультации 2–3 ноября 1956 года)

Советско-югославская встреча на Брионах¹ в ночь со 2 на 3 ноября 1956 г. продолжает оставаться одной из интригующих страниц истории полного событиями бурного 1956 г. Идея направить югославскому руководству телеграмму возникла у Н. С. Хрущева в ходе обсуждения ситуации в Венгрии высшим советским руководством еще 28 октября², но не была формализована в соответствующем постановлении Президиума ЦК. К ней вернулись через три дня, на заседании высшего советского руководства 31 октября 1956 г., когда было принято решение о необходимости встречи с И. Броз Тито, закрепленное соответствующим постановлением. Судя по черновой протокольной записи заседания, в выступлении Хрущева был изложен весь план предстоящих действий в Венгрии после создания Временного революционного правительства, в котором, по его мнению, Мюнних должен был бы совмещать посты премьер-министра, министра обороны и внутренних дел, а Надь мог стать заместителем премьера «в случае его согласия». Хрущев изложил сценарий последующего развития событий: «Мюнних обращается к нам с просьбой о помощи, мы оказываем помощь и наводим порядок». Именно в этом контексте и появилась идея «переговорить с Тито», что свидетельствовало о стремлении Хрущева согласовать с ним свои планы³. Среди решений, изложенных в постановлении «О положении в Венгрии» от 31 октября 1956 г., был и пункт об утверждении текста телеграммы послу СССР в Белграде Н. П. Фирюбину для передачи Тито. В нем указывалось: «при положительном ответе уполномочить гг. Хрущева и Маленкова на ведение переговоров с т. Тито»⁴.

В отправленной в Белград телеграмме послу было приказано «немедленно посетить т. Тито» и передать просьбу «в связи с создавшимся положением в Венгрии» о встрече советской делегации в составе Хрущева и Маленкова, желающей прилететь «кинкогнито 1 ноября вечером или 2 ноября утром». В депеше была также выражена готовность «прибыть для этой цели в Белград или другой пункт югославской или советской территории по Вашему выбору». Помимо Тито знать о советской просьбе могли только Кардель и Ранкович⁵.

Югославское руководство без промедлений согласилось с необходимостью встречи, предложив для ее проведения резиденцию И. Броз Тито на

Брионах. Оно было всерьез обеспокоено развитием обстановки в Венгрии, внимательно следило за происходившим. С 23 октября посольство ФНРЮ в Будапеште по несколько раз в день информировало Белград о развитии событий. Примером этого является одна из телеграмм военного атташе посольства подполковника Милана Дробаца, обобщившего события, произошедшие в венгерской столице со второй половины 23-го до утра 24-го октября. Она поступила в тот же день в Секретариат Президента ФНРЮ И. Броз Тито⁶. В ней Дробац сообщил, что «манifestации солидарности с событиями в Познани, которые начались вчера в 15 часов, ночью переросли в массовые демонстрации. После выступления Гере вчера вечером в 20 часов возле радиостанции произошло вооруженное столкновение. Гере даже не упомянул демонстрации, которые уже были в разгаре, что вызвало еще большее возмущение масс».

«ЦК молодежи, – сообщал Дробац, – возглавил демонстрации и издавал обращения в течение всей ночи. Ночью демонстранты снесли памятник Сталину и заняли много общественных зданий, неоднократно пытались занять радиостанцию, перестрелка возле которой не прекращалась». Из его отчета можно было судить и об идеологической направленности выступлений. «Сильно выражен национальный и антисоветский характер демонстраций. Были и реакционные выступления, которые не получили поддержки масс. В этом отношении сообщения радио Будапешта не точны», – докладывал он, обращая внимание и на то, что перед югославским посольством демонстранты выкрикивали «Да здравствует Тито!». Многие группы приходили с просьбой о помощи». Он также сообщил о том, как под утро, около 5 часов, кто-то из демонстрантов пришел к нему на квартиру и сообщил «о подходящих с целью вступить в советских войсках». Из его сообщения было ясно, что венгерское общество едино в своем порыве: «армия и полиция проявляют солидарность с народом, раздавая оружие. Борьбу ведут исключительно части АВН»⁷.

Дробац сообщил и о том, что «беспорядки произошли и в остальных городах в Венгрии, особенно в Секешфеваре, Сегеде, Дебрецене. Между 4-мя и 5-ю часами в Будапешт из района Цеглед – Сольнок прибыла русская танковая дивизия, которая заняла мосты и все важные городские объекты. Советское посольство охраняют танки».

В сфере внимания военного атташе оказались и персональные перестановки в венгерском руководстве, и самые первые шаги правительства И. Надя. «Сегодня ночью на пленуме ЦК, – сообщил он, в его состав были кооптированы новые члены и избрано новое Политбюро. Выведены люди Ракоши, среди которых и министр армии Бата. Надь стал председателем правительства. Оно сегодня утром около 8.30 час. выпустило обращение, которое требует от демонстрантов разойтись, угрожая смертной казнью участникам беспорядков.

Несколько позднее сообщено, что находящиеся в Венгрии согласно ВД (Варшавскому договору. – *А. Е.*) советские войска были призваны на помощь, так как венгерская армия подверглась нападению, к которому оказалась не готова. Это не точно, так как демонстранты нападали только на органы АОН. В сообщении содержится призыв к народу сотрудничать с советскими и венгерскими войсками. Это сообщение, по всей вероятности, продиктовано русскими, как и приказ правительству. Беспорядки продолжают. Введен режим чрезвычайного положения. Русские стреляют в толпу. Имеется много жертв. Ожидается подход русских подкреплений из Секешфегера, – сообщалось в телеграмме.

Не забывая о необходимости напомнить о своей работе, а косвенно и об отсутствии инструкций из Белграда, Дробач закончил депешу фразой о том, что «посольство со вчерашнего дня непрерывно следит за событиями и направляет сообщения»⁸.

Во время встречи с румынской делегацией во главе с Г. Георгиу-Дежем, состоявшейся на Брионах 27 октября, на просьбу Дежа «дать информацию о Венгрии, которой располагает СКЮ», так как получаемые румынами сообщения противоречивы и «тяжело правильно оценить венгерские события», Тито, перейдя на русский язык, назвал положение в этой стране «конфузным». «Текущие военные действия имеют большие масштабы. Вести о боях у Мишкольца точны. Это подтвердило и радио Мишкольца», – заметил югославский лидер. «Среди тех, кто руководит мятежом⁹, находятся и коммунисты, и члены СК молодежи. Они требуют вывода советских войск, демократизации страны, проведения следственных действий и снятия с руководящих постов стариков. В Будапеште один из членов ЦК молодежной организации руководит сильной повстанческой группой. Венгерские массы знают, что Гере работал вместе с Ракоши. Когда он вернулся из Югославии (визит закончился как раз 22 октября. – *А. Е.*), народ был возмущен, а с его стороны прозвучали угрозы. Это наэлектризовало массы и дело дошло до ужасных беспорядков¹⁰. Тогда вмешались и разные силы, которые использовали психологический настрой масс, и в настоящее время правительство не держит ситуацию под контролем. Об этом говорят и его постоянные призывы о необходимости сдать оружие. В Венгрии произошло большое кровопролитие. Полагаю, что в подобных случаях следует думать головой»¹¹.

В оценке событий стороны разошлись. Деж высказал мнение о том, что «ход событий обогнал первоначальные требования: «Постоянно выдвигавшиеся новые политические лозунги в адрес руководства с требованием претворить их в жизнь превысили его возможности по их выполнению. Самыми минимальными из них были требования демократизации страны и наказания тех, кто нанес Венгрии ущерб... сегодняшние требования направлены, по нашему

мнению, против социалистического режима». В ответ на это один из югославских участников переговоров (С. Вукманович-Темпо) подчеркнул, что в Венгрии действуют силы, руководствующиеся «программой 1953 года»¹². Слова Дежа о том, что члены нового кабинета Венгрии не имеют «широкой программы, меняют время от времени свои позиции, издают сообщения за сообщением, воззвание за возванием и постоянно что-то обещают», Тито поддержал фразой: «хотя сравнивать сложно, но их тактика подобна [поведению] Керенского».

В ответ на характеристику Дежем происходящего как «вооруженного мятежа, который имеет целью не только повышение уровня жизни или демократизацию, но стремится опрокинуть существующий режим», Тито уклонился от однозначной оценки. Заметив, что инициаторы уже сошли с политической сцены («ясно, что те, которые имеют самые лучшие намерения, больше не способны их провести в жизнь») и на их место пришли иные силы («Уже другие, (и никто не знает кто они такие), выдвигают различные требования»), Тито попытался подвести собеседников к выводу о том, что «социализму и его развитию нанесен огромный вред не только в Венгрии, но и во всем мире». Тем не менее, возможно и оговорившись, он назвал происходящее там «революцией». Именно об этом свидетельствовала его фраза: «люди начнут думать: какой это социализм, если после стольких лет дело доходит до революции? Значит, такой социализм не годится»¹³.

Вслед за Тито Кардель, объясняя преимущества югославского режима как «более демократичного и позволяющего учитывать настроения масс», заметил, что «происходящее в Венгрии является неожиданностью для всех». «Мы не знали, – подчеркнул Кардель, – что там было недовольство, хотя и мы все чувствовали, что следует что-то там менять». «Однако никто не предполагал, что недовольства там было столько, как это проявилось сейчас». Ненормально, заметил Кардель, что «какой-то “клуб Петефи” или общество писателей становится в центр руководства всего политического движения». Причину происходящего он увидел в «симптоматичной неспособности системы», в которой у венгерских коммунистов «отсутствовал контакт с массами». По словам Карделя, именно по этой причине они и не смогли распознать недостатки собственной системы¹⁴.

На следующий день, 29 октября, во время приема находившейся в ФРНЮ делегации советского комсомола во главе с В. Е. Семичастным¹⁵ Тито дважды говорил о ситуации в Венгрии, высказав опасения относительно наметившихся тенденций развития событий в этой соседней для Югославии стране. «Вся сложность в том, что все неясно... Понятно только то, – заметил Тито, – что реакционные силы вмешались в демонстрации с тем, чтобы использовать их в своих целях». Ответив на прервавший его рассуждения вопрос Семичастно-

го, «разобралась ли Польша со своими делами?», фразой о том, что «Польша, польские рабочие сами урегулируют дела в своей стране», Тито вновь вернулся к положению в Венгрии. По его мнению, сейчас стало ясно, «какая большая ошибка была совершена, когда позволили проведение демонстраций». «В подобных ситуациях достаточно одной пули, выкрика, ответного выстрела – и прольется кровь... Страшное кровопролитие стало возможным потому, что венгерские руководители не контролировали ситуацию. В одном месте повесили двадцать коммунистов», – заметил он¹⁶.

В тот же день Тито направил письмо Президиуму ВПТ (он был создан вместо прежнего Политбюро), в котором заявил о поддержке сформированного за день до этого нового правительства во главе с И. Надем. Сделано это было в том числе и по просьбе советского руководства, которое в то время рассчитывало на эволюционное развитие ситуации¹⁷.

События в Венгрии в определенной мере осложнили и положение в самой Югославии, пробудив к деятельности силы, до этого придавленные жестким тоталитарным контролем. 29 октября 1956 г. стало известно о том, что бывший член ближайшего окружения Тито Милован Джилас (со времени его снятия с партийных и государственных постов в начале 1954 г. и условного осуждения в начале 1955 г. он рассматривался властями в качестве лидера потенциальной антирежимной оппозиции) в интервью французскому информационному агентству АФП отрицательно оценил позицию, занятую югославским представителем в ООН во время попыток ряда стран поставить вопрос о положении в Венгрии на обсуждение Совета Безопасности. По сообщению агентства, бывший высокопоставленный югославский руководитель назвал позицию, занятую руководством ФНРЮ, «отступлением от принципа суверенности и права каждого народа на самостоятельное внутреннее развитие». Джилас заметил, что в ее основе лежат «скорее партийные и узкоидеологические, чем национальные причины», что «...противоречит декларациям против вмешательства во внутренние дела и в пользу мирного сотрудничества на основе равноправия, которые оно ежедневно подписывает и публикует»¹⁸.

Возникновение волнений на националистической почве было вполне реальным. Югославский писатель, в то время политработник Д. Чосич¹⁹, приехавший в Будапешт для участия во встрече редакторов журналов, выходящих в социалистических странах, был очевидцем того, как среди демонстрантов в Будапеште была популярна символика, отражавшая, по его мнению, территориальные притязания к соседним странам. Впечатлительный писатель предрекал, что события, начавшиеся с романтических требований о демократии, могут вылиться в целые реки крови²⁰.

Югославское руководство весьма чутко реагировало на события в соседнем государстве, занимаясь соответствующей профилактикой возможных не-

подконтрольных ему ответных возмущений внутри собственной страны. Это не укрылось от внимания работавших в югославской столице западных посольств. В начале ноября стало известно, что «за последние несколько дней служба госбезопасности Югославии отобрала паспорта у многих, по терминологии местного режима, белградских “реакционеров”. В дипкорпусе насчитали почти полсотни подобных случаев. Среди репрессированных были и несколько министров из правительств довоенной, королевской Югославии. В большинстве случаев считалось, что эти люди являются “сербскими шовинистами”»²¹.

Согласно более поздним воспоминаниям, Чосич, за которым 31 октября в Будапешт был послан (как он считает, по приказу А. Ранковича) специальный самолет, по возвращении был доставлен в канцелярию руководителя ЦК СК Сербии П. Стамболича, где доложил о ситуации в Венгрии находившимся там руководителю парламента ФНРЮ Э. Карделю, государственному секретарю по иностранным делам К. Поповичу и хозяину кабинета. В ходе беседы именно Кардель, по словам Чосича, проявил наибольший интерес к событиям в Будапеште и Венгрии. Рассказывая о своих впечатлениях, Чосич применил к произошедшему определение «побуна». По его же словам, во время рассказа Попович несколько раз замечал, что глава миссии ФНРЮ в Будапеште Солдатич «не понимает, что происходит». Как утверждает Чосич, именно Кардель попросил его подготовить к шести часам следующего утра докладную записку на нескольких страницах («только главные факты и ход развития событий»). Такая записка (в ней он изложил свои «оценки и подходы о венгерской революции»), по утверждению писателя, была передана, согласно договоренности, руководителю Секретариата Стамболича. В ходе той же беседы 31 октября, когда выяснилось, что Чосич все эти дни вел дневник, Попович предложил ему опубликовать его текст в центральной югославской печати²². По утверждению писателя, Кардель и Стамболич поддержали это указание²³.

В директивах, направленных из Белграда посланнику ФНРЮ в Будапеште Солдатичу, звучала серьезная обеспокоенность разросшейся в Венгрии «правой опасностью» и тем, что в ходе борьбы против сталинистско-ракошистского наследия ситуация может быть использована «реакционными силами» в «антисоциалистических целях», а Венгрия выйдет за рамки «социалистического развития». Ему было приказано передать венгерскому руководству мнение официального Белграда о необходимости прекратить пасовать перед «правыми». В беседах, проведенных 1 ноября с И. Надем и сменившим Гере Я. Кадаром, глава миссии ФНРЮ в Венгрии акцентировал внимание собеседников на необходимости немедленного создания новой партии вместо распавшейся ВПТ, важности не допустить утрату коммунистами власти в стране, предупреждал об опасности выхода событий из-под контроля²⁴.

Несмотря на значительно меньшие информационные возможности, которыми, в отличие от советского руководства, имевшего в Венгрии целые военные соединения, советников в венгерских органах управления и многочисленный штат посольства в Будапеште, югославы имели достаточно источников информации, что позволяло им компетентно судить о происходящем в этой соседней стране²⁵. А то, что советское руководство желало встречи с Тито для консультаций, трактовалось югославским руководством скорее как свидетельство изменившихся советских привычек, отличных от времени И. В. Сталина, как, впрочем, и того, что положение в Венгрии в Москве считали чрезвычайно серьезным²⁶.

Впервые о прошедшей на Брионах ночной встрече стало известно 4 ноября из выступления Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева на собрании партийного актива г. Москвы. В зале сидели члены и кандидаты в члены ЦК, а также не входившие в ЦК министры, ответственные сотрудники аппарата ЦК КПСС, иные ведущие партработники, вплоть до секретарей столичных райкомов партии. Хрущев доложил о результатах проведенных в начале ноября консультаций с руководителями компартий ряда стран Восточной Европы и КПК относительно принятого в Москве решения повторно вмешаться в события в Венгрии. Встреча с Тито на Брионах, откуда Хрущев и сопровождавший его Маленков вернулись за день до этого, 3 ноября, была последней в их черед (в Бресте – с поляками, в Бухаресте – с румынами и прилетевшей туда делегацией руководства Чехословакии, и в Софии). В тот же день, еще до возвращения Хрущева и Маленкова с Брион, в Москве было проведено заседание Президиума ЦК КПСС, на котором согласованы последние детали выполнения принятого еще 31 октября решения о повторном использовании военной силы в бунтующем Будапеште.

Выступление Хрущева 4 ноября было скорее частью общего пропагандистского прикрытия начатой утром того же дня повторной военной интервенции. С присущим ему природным артистизмом, отступлениями от главной линии повествования и самым подробным изложением отдельных малозначащих деталей поездки (по всей вероятности, он полагал, что они представляют его самого в выгодном свете), Первый секретарь ЦК КПСС информировал «партактив», одновременно не забывая наращивать и собственный политический капитал в советской правящей верхушке. «Беседу с югославскими руководителями мы провели очень хорошую, – начал он. – У нас не было особых разногласий в оценке событий в Венгрии. Но, конечно, были разные оттенки, различная оценка некоторых людей. Когда возник вопрос, какое правительство может быть в Венгрии, кто войдет в это правительство, они назвали одну фамилию. Я говорю им: Так это же прохвост первой марки! А они: этот человек с нами связь держит. Для нас он прохвост, а для них самый лучший чело-

век. Не помню, но я как будто сказал, что его повесить стоило бы». По мнению Хрущева, в результате беседы (он еще раз назвал ее «очень хорошей») «мы и югославские руководители пришли к выводу, что надо решительно действовать, надо использовать вооруженную силу. Тут разговор шел не так, как с поляками». Хрущев несколько раз подчеркнул заинтересованность югославы в урегулировании ситуации в Венгрии, одновременно указав на ошибочность их прежней политики в расчете на то, чтобы усилить там собственное влияние в ущерб советскому. По его словам, югославы сами «приложили руку» к негативному развитию ситуации у соседей, а потом, осознав к чему это привело, «не спали ночами».

Из слов Хрущева можно было понять, что именно сообщение о приезде в Москву Мюнниха и Кадара побудило Тито сделать вывод о том, что возглавляемое Имре Надем правительство превратилось в контрреволюционное. «Если Мюнних и Кадар порвали с Надем, тогда с правительством Имре Надя кончено. Это – реакционное правительство, – сказал тов. Тито, – так как Имре Надя оказался во власти реакционных сил». Хрущев подчеркнул, что «югославские товарищи согласились с тем, что нельзя допускать, чтобы в Венгрии восторжествовала реакция. Беседовали мы с югославами до 5 часов утра. Вчера прилетели в Москву»²⁷.

Помимо этого далеко не полного, избилующего неточностями и недоговорками рассказа, Хрущев успел продемонстрировать собственное здоровье, бодрость и чувство юмора, не останавливаясь перед тем, чтобы унизить как сопровождавшего его Маленкова, так и недавнего югославского собеседника. «Тито... плохо себя чувствует – он болен», как бы между прочим заметил он, косвенно предоставив ответ слушателям на возможный вопрос, почему потребовался дальний перелет на Адриатику. При этом позиция югославы в отношении событий в Венгрии была охарактеризована им негативно. Зацепившись за фразу Тито о том, что «мы уже не первую ночь не спим», Хрущев умело, в нескольких фразах, описал и советский взгляд на действия официального Белграда в связи с развитием событий в Венгрии в прошлом: «настроение у них было очень неважное. У нас сложилось такое мнение, что они большую руку приложили к венгерским событиям... Они думали, вероятно, ослабить связи Венгрии с нами и укрепить там свои связи, свое влияние... Но... как говорится, думали одно, а получилось другое». Заметив, что после того как в Венгрии «ослабили связь с нами, там к руководству пришли такие силы, которые думали не об ослаблении связей, а о разрыве с социалистическим строительством... Думаю, что это испугало югославских руководителей, поэтому они ночью и не спали», – Хрущев продемонстрировал, что он действовал на переговорах активно и наступательно: «Мы сказали об этом им прямо»²⁸.

На самом же деле, несмотря на то, что югославская верхушка была действительно озабочена развитием событий в соседней стране, для данной фразы имелись и более прозаические причины. С учетом того, что советская сторона обещала прибыть на встречу 1-го вечером или 2-го ноября утром, именно ожидание прибытия советской делегации и явилось причиной предыдущей бессонной ночи, проведенной югославами.

Досталось от Хрущева и Маленкову, которого, по его словам, длительное путешествие более чем утомило. С простоватой хитрецей советский лидер выкладывал детали: его спутника «так укачало в самолете», а потом и в автомобиле, когда их тайно везли «по закоулкам» к порту в Пуле, а потом – на катере до Брион, когда «море бурлило». Вслед за этим Хрущев окончательно дискредитировал недавнего спутника, показав по контрасту свою неутомимость. Он рассказал, как обращался к Маленкову: «Смотри, какое ясное небо, какие яркие звезды... но, думаю, что он не видел этих звезд, потому что его мутило от такой дороги». Всеми этими подробностями Хрущев своего добился – вызвал смех в зале²⁹.

На следующий день, 5 ноября, югославское руководство получило телеграмму из Москвы для Тито, Карделя и Ранковича, в которой вместе с пламенным коммунистическим приветом в достаточно заговорщической форме утверждалось, что «контрреволюция» в Венгрии к 12 часам 4 ноября по московскому времени разбита, и все «сделано так, как мы договорились во время нашей последней встречи»³⁰.

Несколькими днями позже собственную версию встречи изложил узкому кругу своих соратников И. Броз Тито. Произошло это в Любляне 6 ноября 1956 г. на заседании Исполнительного комитета ЦК СКЮ. Краткая стенограмма зафиксировала лишь самую суть событий, изложенную Тито. «Товарищ Тито информирует о недавнем визите Хрущева и Маленкова. Товарищам известно, как протекали дела в Венгрии до второй интервенции Красной Армии... День ото дня силы контрреволюции крепили. ЦК С[оветского] Союза потребовал согласия на прибытие двух товарищей. Мы согласились и 2-го ноября вечером на Брионы прибыли Хрущев и Маленков, – указывается в протокольной записи. С нашей стороны в переговорах участвовали Тито, Кардель и Ранкович. Они [считали], что ситуацию в Венгрии следует решить военными мерами. Во-первых, так как события приняли такое направление, что невозможно рассчитывать на их положительное завершение, а любой негативный исход имел бы тяжелые последствия, в том числе и за пределами Венгрии. Второе, после вывода К[расной] армии у них в армии случились проблемы в виде недовольства военного руководства. Вследствие этого они решились на интервенцию. Они спросили нас, что мы думаем о том, как начать. После обсуждения мы предложили им создать новое венгерское правительство. Они

считали Мюнниха подходящей фигурой, но приняли наше предложение – Кадара. Они приняли и наше предложение о названии – «революционное рабоче-крестьянское правительство».

По словам Тито, советские собеседники «признали, что они совершали ошибки в Венгрии и других восточноевропейских странах. Мы им указали на последствия политики “лагеря” в самой Венгрии. Они хотели услышать от нас нашу позицию. Мы сказали им, что поддержим правительство Кадара, но не [поддержим] вмешательство русских. Они хотели всего лишь проконсультроваться с нами. Они согласились с нашими утверждениями по поводу проводившейся ими политики в отношении социалистических стран». Югославский лидер подвел итог: «события в Венгрии не должны укреплять силы сталинистов. Наоборот, они могут укрепить позиции Хрущева. В этот раз они, особенно Маленков, проявили значительную гибкость». При этом Тито указал на визит в Москву делегации КП Китая, имевший, по его мнению, «несомненное положительное влияние». Он также отметил, что в ходе встречи на Брионах был обсужден и «вопрос материальной помощи Венгрии». Заметив при этом, что югославская сторона «не имеет возможности оказывать значительную помощь»³¹.

Обостренную трактовку того, что было во время встречи 2–3 ноября, придала судьба венгерского руководителя Имре Надя, укрывшегося к этому времени в здании югославского посольства в Будапеште³². 5 ноября югославская сторона попросила советское руководство не препятствовать выезду И. Надя и его сторонников в Югославию³³. В тот же день в Москве было принято решение об ответном послании, в котором Хрущев обратился лично к Тито, Карделю и Ранковичу³⁴. Из его текста стало ясно, что обе стороны по-разному оценивают свои недавние ночные консультации на Брионах. В письме указывалось, что «когда по приезде с Брион наша делегация (т.т. Хрущев, Маленков) доложила Президиуму нашего ЦК о полном единстве взглядов на положение в Венгрии, наш ЦК был весьма удовлетворен»³⁵. Хрущев подчеркнул также, что в Москве придавали «большое значение тому факту, что в столь трудном вопросе мы одинаково оценили ситуацию и считали, что Надя Имре расчистил путь контрреволюции и привел к господству реакции. На членов Президиума ЦК КПСС произвело впечатление сказанное в беседе товарищем Тито: – «Какой это премьер – коммунист, при котором безнаказанно вешают и расстреливают коммунистов и рабочих».

Хрущев пытался напомнить недавним собеседникам о том, что «мы были едины и в отношении мер по исправлению положения в Венгрии для возврата ее на позиции социализма. С полным единодушием была достигнута договоренность об образовании Венгерского Революционного Рабоче-Крестьянского правительства во главе с Кадаром и о помощи советских войск этому правительству».

В послании затрагивалась и достигнутая на Брионах договоренность о дальнейших действиях в отношении Надя. «Мы все считали правильным Ваше предложение о том, чтобы югославские представители подсказали Надю о необходимости немедленно подать в отставку по мотивам неспособности его правительства справиться с реакцией, облегчив тем самым утверждение нового Венгерского Революционного Рабоче-крестьянского правительства, — напоминал Хрущев. — Понятно, что это помогло бы делу социализма в Венгрии, а Надя Имре сохранил бы какое-то коммунистическое лицо и мог бы тем самым рассчитывать на иное, чем теперь отношение к нему». Сочетание слов «Имре Надя и его сообщники», устойчиво повторявшееся в письме несколько раз, говорило о том, что Хрущев наконец-то окончательно сформулировал свое отношение к бывшему венгерскому лидеру³⁶.

Закрытый характер двух упомянутых выступлений (особенно Тито), а также данного, во многом личного, письма Хрущева явился причиной того, что, в соответствии с требованиями времени, детали встречи на Брионах в ночь на 2–3 ноября, да и сама встреча, были сохранены в тайне. Упоминание о ней прозвучало лишь в конце 1950-х гг. в сборнике пропагандистского характера, изданном в ФНРЮ в ответ на антиюгославские обвинения, имевшие место в связи с проходившим в Венгрии судебным процессом по делу Имре Надя³⁷.

Лишь в начале 1970-х гг. в оказавшемся на Западе варианте мемуаров Н. С. Хрущева появились более подробные детали брионской встречи советской и югославской делегаций накануне второй советской интервенции в Венгрии³⁸.

До настоящего времени наиболее подробным образом эта встреча была отражена в книге, вышедшей из-под пера югославского политика Велько Мичуновича, описывавшей его службу в качестве посла ФНРЮ в СССР в 1956–1958 гг. Его мемуары, стилизованные под дневниковые записи, были изданы в Загребе на хорватско-сербском языке за несколько лет до кончины И. Броз Тито³⁹. Они были переизданы в СФРЮ в Белграде, а в соответствующих переводах — в США и ряде стран Европы и Азии.

Для широкого круга российских исследователей и любителей истории версия встречи на Брионах, изложенная в книге В. Мичуновича⁴⁰, стала доступна после включения ее значительных фрагментов в переводе с венгерского языка (как указали составители, «сличенным с оригиналом») в сборник документов «Советский Союз и венгерский кризис», вышедший в Москве в 1998 году⁴¹. В частности, именно на основе этого варианта в кратких комментариях к фундаментальному изданию «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964» была дана следующая общая характеристика содержания встречи: «позиции сторон в оценке событий в Венгрии во многом совпадали, а в части необходимости повторного ввода советских войск в Будапешт были одинаковы»⁴².

В мировой историографии общий фон переговоров на Брионах 2–3 ноября 1956 г. был описан в работе В. К. Волкова, в которой раскрыты механизмы и ход десталинизации отношений между СССР и странами «социалистического лагеря» в середине 1950-х гг.⁴³ Наиболее полно данная встреча была описана в нескольких статьях Л. Я. Гибианского⁴⁴ в контексте изучения советско-югославских отношений в период венгерского кризиса 1956 г. Наиболее обстоятельным из них является вариант, написанный для журнала «Новая и новейшая история»⁴⁵, где материал был представлен в удачном сочетании академического исследования и его изложения в почти детективном жанре. Исследователь сравнил сведения о встрече, почерпнутые из переписки между ЦК СКЮ и ЦК КПСС в конце 1956 – первой половине 1957 гг., с тем, что Мичунович описал в своей книге. Во время работы над темой исследователь встретил в одном из документов бывшего ЦК СКЮ упоминание о существовании записи беседы советской и югославской делегаций на Брионах в ночь со 2 на 3 ноября, но познакомиться с ней ему тогда не удалось⁴⁶.

Лишь в 2005 г. при содействии заведующей архивом Й. Броз Тито в Белграде Нады Пантелич (данный архив находился в составе Музея истории Югославии до лета 2009 г., когда был включен в коллекции Архива Югославии) оригинал этого документа вместе с рядом других материалов, содержащихся в делах, раскрывающих югославо-венгерские отношения в контексте событий 1956 г. в Венгрии, были предоставлены исследователям для изучения⁴⁷.

Автор документа Мичунович дал ему пространное название: «Запись бесед товарищей Тито, А. Ранковича, Э. Карделя с Н. С. Хрущевым и Г. М. Маленковым, в течение ночи 2/3 ноября 1956 г. [на Брионах]»⁴⁸. Присутствовал с югославской стороны и товарищ Велько Мичунович. Переговоры состоялись по инициативе советских товарищей, которые особо подчеркнули необходимость сохранения встречи в тайне»⁴⁹.

Данную запись предваряет сопроводительное письмо Мичуновича Ранковичу, из которого следует, что, не имея возможности вести запись во время переговоров, Мичунович изложил их содержание (в виде отдельных набросков) по свежим следам утром 3 ноября, уже после отъезда советских гостей, а 6-го, используя эти заметки, составил данный текст. В письме Ранковичу автор неоднократно предупреждал, что данный текст несовершенен и вполне вероятно, что в нем много пропусков. Он просил адресата его прочесть и показать остальным участникам встречи с тем, чтобы внести дополнения, справедливо считая, что в результате этого «запись была бы более верной». Это выражение в одном абзаце Мичунович употребил дважды. Вместе с тем он убежденно заверил, что «политические позиции и главные конкретные вещи, которые были сказаны с обеих сторон, записаны верно»⁵⁰.

В тексте письма Мичуновича Ранковичу не содержится никаких указаний на причины составления данной записи Мичуновичем. Тем не менее, учитывая контекст происходивших в эти дни событий, представляется необходимым, чтобы исследователи в дальнейшем обратили внимание на то, существует ли зависимость между переходом И. Нады в посольство ФНРЮ в Будапеште, начатой в эти же дни перепиской между Белградом и Москвой о его судьбе (в том числе письмом советского руководства югославскому от 5 ноября), заседанием Исполкома ЦК СКЮ в Любляне 6 ноября 1956 г., на котором Тито изложил свою версию прошедших на Брионах переговорах, а также фактом и временем написания Мичуновичем данной записки (и документ, и его письмо к Ранковичу датированы 6-м ноября 1956 г.).

Со времени обнаружения данного документа он был использован в ряде научных статей о югославо-советских отношениях в 1950-е годы, став частью мировой историографии, посвященной изучению событий 1956 г.⁵¹ За прошедший период его подлинность не была оспорена. Но достаточно распространены суждения, согласно которым открытие и использование данной записи Мичуновича не добавляет ничего нового для понимания событий осени 1956 г. Так, автор мемуарно-публицистического опуса Иван Иваньич, приводя обширные выдержки из данного документа⁵², тем не менее придерживается мнения, что «записка на пятнадцати страницах не содержит ничего существенно нового по сравнению с тем, что Мичунович позднее напишет в своей книге»⁵³. Очевидно, по этому же пути последовал и белградский исследователь, сотрудник Института современной истории Владимир Петрович, который в выпущенной им в 2010 г. книге «Личная дипломатия Тито», уделившей преимущественное внимание введению в оборот новых архивных документов, предпочел публиковать не известную специалистам уже пять лет архивную версию встречи, но мемуарную⁵⁴.

Не вступая в полемику с публицистом (что является заведомо проигрышным делом), следует все же лишний раз подчеркнуть, что для историков первичные документы являются бесспорной ценностью. Даже самое поверхностное сопоставление обеих версий встречи, вышедших из-под пера (точнее, из печатной машинки) Мичуновича («книжной» и «архивной»), дает основания утверждать, что имеются многочисленные, и порой весьма существенные расхождения, установить которые представляется необходимым не только для аутентичной реконструкции событий осени 1956 г., но и для того, чтобы вновь поднять традиционный для историков вопрос о научной ценности воспоминаний и их соотношении с документальными свидетельствами.

Представляется весьма важным опубликовать данный документ на русском языке, с тем, чтобы стали очевидны различия «архивной» и «книжной»

версий: отечественные специалисты получают, таким образом, возможность сами определить, являются ли отличия существенными. По нашему мнению (и самый поверхностный взгляд на различия между обоими вариантами убеждает в том же), вариант, данный в книге Мичуновича в 1977 г., был создан посредством сокращения и редактирования его же собственного текста от 6 ноября 1956 г. При этом автор (или издатель) лишь в нескольких местах дали читателю понять, что над этим текстом были произведены какие-то манипуляции. В большинстве же случаев правка текста происходила без указания на это.

Профессиональные историки, публикующие исследования на основе добросовестного изучения и сравнения архивных документов с иными доступными источниками, уже достаточно давно считали, что в мемуары Мичуновича «попало далеко не все, о чем говорилось»⁵⁵. Текст обнаруженной записи подтверждает обоснованность этих подозрений. С одной стороны, были, казалось бы, чисто стилистические различия – к примеру, в мемуарной версии записи встречи Мичунович, как правило, писал: «у меня складывается впечатление», в то время как в документе постоянно отмечалось иначе: «у югославов складывается впечатление», кроме того, был приведен конкретный автор той или иной фразы (чаще всего потом убиралось авторство Ранковича). Но при анализе вскрываются и более серьезные расхождения, в том числе и касающиеся особенности позиции югославов как в отношении самой интервенции, так и действий перед ней и после нее. Мичуновичем при подготовке книги к публикации некоторые соответствующие места текста от 6 ноября были устранены.

Наиболее серьезное из них – отношение югославов к советскому замыслу. После прочтения мемуаров Хрущева и Мичуновича у исследователей складывалось впечатление, что когда высокие советские гости известили югославов о решении руководства СССР вновь употребить военную силу, заменить правительство Надя и «защитить социализм», Тито, к «приятному удивлению» Хрущева и Маленкова сразу же, без уговоров, выразил согласие с этим планом, так как, по его оценке, венгерские события пошли в сторону «контрреволюции»⁵⁶. Но согласно «архивной» версии беседы, позиция югославов оказалась не столь однозначной. В самом начале встречи позиции сторон относительно решения советского руководства были существенно различны. Тито продемонстрировал это без обиняков, когда, прервав вводные слова Хрущева, задал партнерам прямой вопрос: «намереваются ли они применить советские войска в Венгрии», а затем «немедленно высказал югославские опасения в использовании такого средства». Как отразил ход беседы Мичунович в своей записи от 6 ноября, «хотя мы и соглашаемся с тем, что Венгрия движется по

опасному пути реакционной реставрации и следует что-то предпринять для укрепления коммунистических и социалистических сил, тем не менее мы считаем, что интервенция принесет больше вреда, чем пользы, в самой Венгрии, очень скомпрометирует социализм. Следует искать другие пути: опереться на рабочих, на рабочие советы, и опираясь на них, начать вооруженные действия». В книжной же публикации Мичунович опустил и ответную фразу Хрущева о том, что советские руководители «размышляют именно о вмешательстве, так как другого пути нет. Нельзя ждать, пока выступит рабочий класс, а следует срочно действовать»⁵⁷.

По сравнению с мемуарами в записи от 6 ноября имеются и иные отличия. Так, если в книге Мичунович сообщает о том, что Хрущев упорно настаивал на необходимости помочь оказаться в безопасности Анталу Апро, а югославские собеседники добавили к этому лишь Лошонци, то на самом же деле они назвали Хрущеву и Маленкову не только Лошонци, но и еще четырех венгерских политических деятелей (Санто, Доната, Лукача, Харасты)⁵⁸. В другом случае, согласно отчету о беседе («архивной версии»), когда югославская делегация завела речь о полковнике Малетере, советские представители промолчали, а «позднее оказалось, что они считают Малетера одним из вождей контрреволюции». В то же время в своей книге Мичунович ограничился лишь фразой о том, что советские лидеры «молчат, набрав в рот воды, хотя они Малетера знают»⁵⁹.

Аутентичная запись Мичуновича позволяет пролить дополнительный свет и на то, какие договоренности в отношении Имре Надя возникли у сторон в результате данных консультаций. Оказывается, что именно Мичунович «в продолжение разговора о политической подготовке, итогом которой должно стать снижение роли советской армии и предотвращение войны между венгерским народом и русскими... поднял вопрос о роли, которую мог бы сыграть в этом Имре Надь». Заметив, что «его возможная отставка или заявление, которое каким-то образом осудит сползание ситуации вправо и планы реакции, могут оказаться очень полезными», он предложил подумать над этим дополнительно. Согласно документу, «с этим согласились все, а Маленков особенно охотно обсуждал это предложение. Хрущев уточнил, что подобный шаг, помимо общей пользы, мог бы помочь Надю спасти свое имя коммуниста (хотя в начале Хрущев заявлял, что Надь – сознательный предатель социализма и его могильщик)»⁶⁰.

Если вышеприведенный абзац Мичунович вообще исключил из текста своих мемуаров, то еще один абзац с упоминанием Надя был серьезно переделан. Речь идет об абзаце с неоднократными замечаниями советских представителей о желательности получить поддержку югославам, что, по мнению Ми-

чуновича, звучало как признание того, что «наша деятельность в отношении правительства Надя в этом направлении может быть очень важна. Мы отвечаем, что будем действовать через наше Посольство и сделаем все возможное, хотя не ясно, чего мы можем добиться»⁶¹. В оригинальной записи Мичунович констатирует, что поскольку советская сторона так и не сказала, когда намерена начать интервенцию, то югославам было не ясно, каким временем для воздействия на Надя они располагают. Также указывается, что «нам не ясны наши возможности воздействия на Надя для снижения численности жертв бессмысленного кровопролития». В то же время, исходя из записи встречи, хранящейся в архиве, можно судить о том, что стороны достигли договоренности: «в итоге мы приходим к договоренности о том, что мы попытаемся повлиять на Имре Надя с целью отделения его от реакционного окружения».

В записке (то есть «архивной версии») Мичунович указывал, что «Хрущев и, в особенности, Маленков придают этому особое значение. Они подчеркивают, что любой шаг югославам в этом отношении будет уместным и очень важным». В мемуарах же Мичунович этот отрывок откорректировал и не включил фразу: «мы отвечаем, что будем действовать через наше Посольство, и сделаем все возможное, хотя не ясно, чего мы можем добиться»⁶². В книжной версии акцент был сделан исключительно на том, что югославы согласились «в интересах уменьшения числа жертв и избежания бессмысленного кровопролития, попытаться воздействовать на Имре Надя» и была «достигнута договоренность, что мы попытаемся повлиять на Имре Надя»⁶³. Именно эти, и выше приведенные примеры, делают необходимой публикацию данного документа без изъятий и на русском языке. В целом же представляется, что эти и подобные поправки Мичуновича, внесенные им в текст мемуаров, должны также быть темой специального анализа, с тем, чтобы понять, какие фразы и утверждения Мичунович вписывал в свои мемуары, искажая оригинальный текст.

Помимо этих причин, публикация данного документа важна, по нашему мнению, еще и потому, что в настоящее время появляются возможности сравнить стилизованные под дневниковые записи мемуары Мичуновича со ставшими во многом доступными в архивах стран-республик бывшей СФРЮ документами, которые он же готовил в должности посла ФНРЮ в СССР и отправлял в Белград. Это позволит накопить соответствующий материал для обоснованного заключения о том, в какой мере мировой исторической науке следует продолжать пользоваться вышедшей в конце 1970-х гг. книгой, или же следует начать пересмотр тех оценок, которые были сделаны в историографии на основе данных «мемуаров», продолжив тем самым новый виток приближения к исторической истине⁶⁴.

Наряду с этим представляется необходимым, сохраняя бережное отношение к антисталинской направленности деятельности Хрущева, а также общее понимание того, что она проводилась в значительной мере для получения им монопольной личной власти в партии и стране, спасения режима, властных позиций правившей элиты и ее идеологии, начать соответствующую коррекцию оценок, закрепившихся в мировой историографии на основе мемуаров Н. С. Хрущева, бескомпромиссно сличая их с доступной в наши дни документацией в архивах зарубежных стран и России.

Примечания

¹ Брионы – группа островов (два больших острова и полтора десятка островков) в Адриатическом море к западу от полуострова Истра (до 1992 г. – в составе СФРЮ, в настоящее время в Хорватии) в 6,5 км от городка Пула, на которых был размещен комплекс президентской резиденции И. Броз Тито, которая служила, помимо отдыха, местом для встреч с иностранными делегациями, а также для проведения пленумов ЦК СКЮ.

² Предложение о направлении в Югославию «шифровки» прозвучало (скорее всего у Хрущева) на заседании Президиума ЦК КПСС 28 октября 1956 г. при обсуждении вопроса «О положении в Венгрии». См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Главный редактор А. А. Фурсенко. Москва, 2004. С. 186. Док. № 81.

³ Там же. С. 192. Док. № 82.

⁴ Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Том 2. Постановления 1954–1958. Главный редактор А. А. Фурсенко. Москва, 2006. С. 475. Док. № 82.

⁵ Там же. С. 476.

⁶ Arhiv Jugoslavije (далее – AJ). AJBT, KPR. Madarska/I-5-b. Budimpešta (Drobac). Very urgent. Br. 124. 24.X.56. Eksped. Broj 2359. 24.X.56. В данной статье сохраняется прежняя система регистрации документов, которой пользовались в Архиве Й. Броз Тито до того, как он летом 2009 г. был передан из ведения Музея истории Югославии в Архив Югославии (г. Белград, Сербия).

⁷ Управление государственной безопасности (венг. Államvédelmi Hatóság, AVH) – служба госбезопасности в Венгерской Народной Республике, существовавшая в 1945–1956 гг.

⁸ Там же.

⁹ Было использовано слово «робуна».

¹⁰ Тито использовал определение «revolt».

¹¹ AJ. AJBT, KPR. Madarska/I-5-b. Brioni, 27.X.1956. Jugoslovensko-Rumunski razgovori na Brionima. S. 2–4.

¹² Имеется в виду программа правительства И. Надя после назначения его председателем Совета министров страны в 1953 г.

¹³ AJ. AJBT, KPR. Mađarska/I-5-b. Brioni, 27.X.1956. Jugoslovensko-Rumunski razgovori na Brionima. S. 4.

¹⁴ Ibid. S. 13.

¹⁵ Семичастный В. Е. (1924–2001) – советский политический и государственный деятель. В 1950–1958 гг. – первый секретарь ЦК ВЛКСМ, в 1961–1967 гг. председатель КГБ.

¹⁶ AJ. F.507. IX. 119/V–90. Brioni, 28.X.1956.

¹⁷ См.: *Гибианский Л. Я.* Н. С. Хрущев, Й. Броз Тито и венгерский кризис 1956 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 20.

¹⁸ *Dilas M.* Tamnica i ideja. Beograd, 1989. S. 146. На состоявшемся 27 ноября 1956 г. судебном процессе общественный обвинитель поставил в вину Джиласу именно это интервью, а также его статью «Буря в Восточной Европе», опубликованную в первой половине ноября в американском журнале «New Leader» (Нью-Йорк). Прокурор заявил, что М. Джилас «возводил клевету и извращал общеизвестные факты, чем нанес вред авторитету Югославии и существенным интересам ее народов, а также дезинформировал мировую общественность, подпитывал клеветническую кампанию против Югославии с намерением вызвать вмешательство зарубежья в ее внутренние дела и ее внешнюю политику». В обвинении указывалось, что этим он «совершил уголовное преступление, предусмотренное и наказуемое в соответствии со статьей 118 ч. 1. Уголовного закона ФНРЮ. (Ibid. P. 147–152).

¹⁹ Чосич Добрица (род.1921) – югославский и сербский писатель, политический деятель. К тому времени опубликовал два романа: «Далеко је сунце» (1951) и «Корени» (1954).

²⁰ *Ђосић Д.* Акција. Записи, поводи, одговори. 1955–1964. Београд, 1964. С. 28–29.

²¹ NARA. RG 59. State Department. NND 897414 Box 8631. (768.00/11–356): Incoming telegram. From Belgrade (Riddleberger) to Secretary of State. No 599. Nov., 3. 1956.

²² Очерки Чосича о событиях в Будапеште публиковались в белградской газете «Борба» с 7 по 16 ноября 1956 г. Впоследствии вышли отдельной брошюрой (*Ђосић, Д.* 7 dana u Budimpesti. Beograd, 1957).

²³ *Ђосић Д.* Пишчеви записи. 1951–1968. Београд, 2000. С. 114–115.

²⁴ *Politika Jugoslavije prema Mađarskoj i slučaj Imre Nada.* Beograd, 1959. S.71–73.

²⁵ Сербский историк К. Ковачевич, опираясь на воспоминания одного из руководителей югославской разведки Антуна Духчека (*Duhaček A.* Ispovest obaveštajca. Uspom I pad jugoslovenske obaveštajne službe. Beograd, 1992), сообщает о том, что в Координационном отделе внешнеполитического ведомства ФНРЮ был сформирован дежурный центр, в который стекалась разносторонняя информация от всех групп, нелегально направленных в Венгрию. Агенты через посольство сообщали ценную информацию о происходящем, и это «несмотря на уличные бои и советские танки». Югославское руководство (Тито, Ранкович, Кардель и К. Попович) требовало от разведки свежих

данных каждые два часа. (*Ковачевич К.* Югославија и Мађарска криза 1956. године. // Югославија у хладном рату: прилози истраживањима. Београд, 2010. С. 138–139).

²⁶ За исключением отдельных нюансов, можно согласиться с тем, как ситуацию, с которой столкнулось югославское руководство, описала сербский исследователь югославо-венгерских отношений К. Ковачевич, считающая, что с одной стороны, югославские лидеры желали устранения сталинистского руководства и прихода к власти людей, которые не участвовали в жестокой информбюровской травле Югославии, но с другой стороны, они не хотели, чтобы какая-либо страна Восточного блока угрожала сложившемуся раскладу сил в межблоковом противостоянии. По ее мнению, позицию югославских верхов определяло прежде всего то, что, создав в ФНРЮ однопартийный режим, они не могли согласиться с возвращением Венгрии к многопартийной системе. По ее мнению, ввиду этого с конца октября позиция югославских верхов в отношении Венгрии начала меняться. Боязнь контрреволюции в Венгрии становилась все ощутимее, поэтому каждый свой следующий шаг югославы совершали после консультаций с СССР. (*Ковачевич К.* Указ. соч. С. 139).

²⁷ *Хрущев Н. С.* Если сказал «а», то надо говорить и «б»: Стенограмма партийного актива 4 ноября 1956 г. // Источник. 2003. № 6. С. 69–70.

²⁸ Источник. 2003. № 6. С. 69.

²⁹ Там же. По свидетельству В. Мичуновича, когда Тито, Кардель, Ранкович и он вышли на пристань встречать подплывавший катер с советскими гостями, Маленков действительно «едва держался на ногах». Хрущеву как будто доставляло удовольствие рассказать хозяевам о том, как худо было Маленкову в дороге. После приветственных поцелуев и ругательств по поводу погоды первая фраза Хрущева была о том, что его спутник «даже не мог сидеть и в самолете пролежал большую часть пути» (*Мичуновић И.* *Moskovske godine 1956/1958.* Београд, 1984. С. 156–157).

³⁰ АЈ. F.507. IX. 119/1–76: Pismo N. Hruščova i G. Maljenkova, upućeno Josipu Brozu Titu, Edvardu Kardelju i Aleksandru Rankoviću, u vezi sa događajima u Mađarskoj; *Tripković Đ.* Югославија и питање азила Имре Нада // *Istorija 20. veka 1997. broj 1.* С. 64.

³¹ АЈ. F. 507. III/67. С. 129–130. Zapisnik sa sednice Izvzъnlog komiteta СК SKJ odrhane 6. novembra 1956. u Ljubljani.

³² Подробнее о судьбе И. Надя и позиции, занятой югославским руководством см.: *Tripković Đ.* Op. cit. С. 61–74; *Stykalin A.* Soviet-Yugoslav Relations and the Case of Imre Nagy // *Cold War History* (London, A Fran Cass Journal), 2005. Vol. 5. № 1. P. 3–20; *Стыкалин А. С.* Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И. Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь–декабрь 1956 года) // *Славяноведение*, 2000, № 1. С. 70–81.

³³ Текст письма см.: Советский Союз и венгерский кризис... С. 595–596.

³⁴ Составители сборника документов «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964» полагают, что письмо было отправлено 5 ноября 1956 г., датируя документ по утверждению постановления Президиума ЦК КПСС (Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 2 С. 483). Хранящийся в Архиве Югославии текст датирован от руки 7 ноября (АЈ. F.507. IX/1–77. Секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев [7/XI–56]).

³⁵ На заседании Президиума 3 ноября 1956 г. Хрущев и Маленков не присутствовали (Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Том 1... С. 200–201), Хрущев вероятно имеет в виду, что при встрече в аэропорту, где по советской традиции должны были быть все члены высшего руководства страны, он мог сообщить встречавшим его и об итогах прошедших консультаций.

³⁶ Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 2 С. 483–484, 485.

³⁷ В частности, Мичунович, аргументируя свое решение включить в мемуары запись встречи на Брионах, ссылался на опубликованные в конце 1950-х гг. выдержки из Письма ЦК СКЮ в адрес ЦК КПСС от 1 февраля 1957 г. (*Mičunović V.* Op. cit. S. 164).

³⁸ См.: *Khrushchev Remembers* / Ed. Talbot S. London, 1977. P. 418–422. В 1990-е годы в России мемуары Хрущева издавались в нескольких вариантах (журнальных и книжных). Наиболее полным из них являются четыре тома, изданные в 1999 г., в одном из которых имеется подробный фрагмент и о брионской встрече (*Хрущев Н. С.* *Время. Люди. Власть.* (Воспоминания в 4-х кн.). Книга третья. М., 1999. С. 257–260).

³⁹ Внимательное прочтение данной книги позволяет предполагать, что многое было дописано при ее подготовке к изданию. Имеются авторитетные мнения относительно того, что книга является не отредактированными дневниками, а мемуарами Мичуновича. (*Гибянский Л. Я.* Указ соч.). В предисловии к своей второй книге, посвященной службе на посту посла СФРЮ в СССР в 1969–1971 гг., Мичунович уделил большое внимание истории создания и публикации своей первой книги. В частности, он писал, что те материалы (записки и документы), которые он привез из Москвы, пролежали нетронутыми почти два десятилетия, а заняться ими всерьез он сумел лишь после 1973 г., получив пост члена Президиума ФНРЮ и председателя его Совета по внешней политике. Не следует исключать (сам Мичунович не упоминает об этом), что в этот период, в особенности при подготовке пространного доклада о югославо-советских отношениях в начале 1970-х гг., он мог получить доступ к соответствующим документам и за более ранний период. Работа над книгой была продолжена до марта 1977 г. Автор перепечатывал рукопись уже в частично парализованном состоянии после удара в августе 1974 г. Последние правки были внесены при подготовке текста к публикации в издательстве Загребского университета “Liber”, происходившей с мая до августа 1977 г. (*Mičunović V.* Op. cit. S. 41, 46–48, 50, 52–53).

⁴⁰ *Mičunović V.* Op. cit. S. 157–163.

⁴¹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы. / Редакторы – составители Е. Д. Орехова, В. Т. Серета, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 524–533.

⁴² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления 1954–1958. С. 971.

⁴³ *Волков В. К.* Советский Союз и страны «социалистического лагеря»: десталинизация «международных отношений нового типа» (1955–1957) // *Волков В. К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000.

⁴⁴ *Gibianski L.* “Soviet-Yugoslav Relations and the Hungarian Revolution of 1956”. // *Cold War International History Project Bulletin*, March 1998. P. 139–143; *Гибянский Л. Я.* Н. С. Хрущев, Й. Броз Тито и венгерский кризис 1956 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 10–29; *Gibianski L.* “The 1956 Revolt in the Soviet Bloc, Yugoslavia and the

Kremlin," in: Jugoslavija v hladni vojni [edited by J. Fischer...[et al] (Ljubljana–Toronto: Institut za novejšjo zgodovino/University of Toronto, 2004).], P. 249–268.

⁴⁵ *Губианский Л. Я.* Н. С. Хрущев, Й. Броз Тито и венгерский кризис 1956 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 10–29.

⁴⁶ Там же. С. 21.

⁴⁷ АЈ. АЈБТ. КРР. СССР/1-3-а. Veljko Mićunović. 6 novembra 1956. Zabeleška o razgovorima drugova Tito. A. Rankovića, E. Kardelja sa N. S. Hruščovom i G. M. Maljenkovom, u toku noći od 2/3 novembra 1956 god. [na Brionima]. Prisustvoavao sa jugoslovenske strane i drug Veljko Mićunović. Do razgovora je doslo na inicijativu sovjetskih drugova, koji su naročito naglasili potrebu tajnosti susreta.

⁴⁸ «На Брионах» в документе было дописано от руки ручкой.

⁴⁹ АЈ. АЈБТ. КРР. СССР/1-3-а. Veljko Mićunović. 6 novembra 1956. Zabeleška o razgovorima drugova Tito. A. Rankovića, E. Kardelja sa N. S. Hruščovim i G. M. Maljenkovom, u toku noći od 2/3 novembra 1956 god. [na Brionima]. S. 1–15.

⁵⁰ АЈ. АЈБТ. КРР. СССР/1-3-а. Veljko Mićunović – [Rankovicu] Druze Marko! 6 novembra 1956.

⁵¹ *Bogetić D.* Podsticaji i ograničenja na putu normalizacije Jugoslovensko-Sovjetskih odnosa tokom 1956 // Tokovi istorije. 2005. Broj 3–4. S. 174–176; *Edemskiy A.* Tito and Khrushchev after the 20th Party Congress. The New Nature of Soviet-Yugoslav Relations // 1956 European and Global Perspectives. Leipziger Universitätsverlag, 2006. P. 132–134. В статье Д. Богетича наиболее ярко заметен переход от мемуарной версии к обнаруженному документу. На одной странице он, ссылаясь в том числе и на мемуары Мичуновича, пишет о том, что Тито, «к приятному удивлению», Хрущева, согласился с советским планом (*Bogetić D.* Op. cit. S. 174), а на следующих двух страницах цитирует запись беседы из архива (*Ibid.* S. 175–176). Точно также и автор этих строк, написав черновой вариант статьи с использованием мемуаров Мичуновича, вносил правку в гранки на основе документа, хранящегося в архиве.

⁵² *Ivanji I.* Mađarska revolucija 1956. Beograd, 2007. S. 43–45.

⁵³ *Ibid.* S. 43.

⁵⁴ *Petrović V.* Titova lična diplomatija. Studije i dokumentarni prilozi. Beograd, 2010. S. 149–150.

⁵⁵ *Губианский Л. Я.* Н. С. Хрущев, Й. Броз Тито и венгерский кризис 1956 г. С. 21.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ АЈ. АЈБТ. КРР. СССР/1-3-а. Veljko Mićunović. 6 novembra 1956. Zabeleška o razgovorima drugova Tito. A. Rankovića, E. Kardelja sa N. S. Hruščovom i G. M. Maljenkovom, u toku noći od 2/3 novembra 1956 god. [na Brionima]. S. 2.

⁵⁸ АЈ. АЈБТ. КРР. СССР/1-3-а. Veljko Mićunović. 6 novembra 1956. Zabeleška o razgovorima drugova Tito, A. Rankovića, E. Kardelja sa N. S. Hruščovom i G. M. Maljenkovom... S. 7.

⁵⁹ *Mićunović V.* Op. cit. S. 160.

⁶⁰ АЈ. АЈБТ. КРР. СССР/1-3-а. Veljko Mićunović. 6 novembra 1956. Zabeleška o razgovorima drugova Tito. A. Rankovića, E. Kardelja sa N. S. Hruščovom i G. M. Maljenkovom... S. 8.

⁶¹ Ibid. S. 9. В соответствии с устоявшейся в историографии точкой зрения, уже в пятницу, 2 ноября (вероятно, до прибытия на Брионы советской делегации), член Президиума ВПТ Золтан Санто сам и от имени своих товарищей задал вопрос Солдатичу о возможности получения политического убежища «в случае необходимости», о чем дипломат сообщил в Белград». (*Ковачевић К.* Указ. соч. С. 140). Ввиду этого нам представляется, что когда Мичунович заговорил о необходимости повлиять на Нада, у него были все основания рассчитывать на то, что такая возможность у Посольства ФНРЮ в Будапеште может появиться в самое ближайшее время. По имеющимся в сербской историографии данным, 3 ноября Солдатиц оповестил Санто, что ФНРЮ готова предоставить ему и его коллегам защиту, если они немедленно прибудут в посольство. (*Ковачевић К.* Указ. соч.).

⁶² АЈ. АЈБТ. КРР. СССР/1-3-а. Veljko Mićunović. 6 novembra 1956. Zabeleška o razgovorima drugova Tito. A. Rankovića, E. Kardelja sa N. S. Hruščovom i G. M. Maljenkovom... S. 9.

⁶³ *Mićunović V.* Op. cit. S. 161. Авторы перевода на русский, опубликованного в сборнике документов о венгерском кризисе, вообще запутали читателей, поместив фразу, будто бы обращенную к советской делегации: «Мы призываем их к осторожности: результаты тут не гарантированы» (См.: Советский Союз и венгерский кризис... С. 529), которой не было не только в документе, но и в опубликованных мемуарах Мичуновича. Соответствующая фраза в мемуарах на хорватском-сербском языке в дословном переводе была иной: «Мы напоминаем: неизвестно, что мы сможем достичь». (*Mićunović V.* Op. cit. S. 160). Возможно, искажение было допущено при переводе мемуаров на венгерский язык, которым пользовались составители.

⁶⁴ Необходимость осторожного отношения к «дневникам» Мичуновича второй половины 1950-х гг. должна также предостеречь исследователей советско-югославских отношений конца 1960-х – начала 1970-х гг. от некритического использования соответствующих «записей» второй книги Мичуновича «Московские годы 1969/1971». Хотя она по насыщенности событиями значительно беднее первой (Мичунович встречался с Брежневым считанное число раз, тогда как в 1956–1958 гг. разговоры с Хрущевым были куда как чаще).

А. С. Стыкалин (Москва)

Проблемы советско-румынских отношений и формирования румынской модели социализма в материалах Президиума ЦК КПСС (1953–1964)

В 2000-е годы был введен в научный оборот большой комплекс новых архивных документов, что позволило заметно расширить источниковую базу исследований как внутренней, так и внешней политики СССР в 1950–1960-е годы. Речь идет о трехтомной публикации материалов Президиума ЦК КПСС за 1954–1964 гг., отражающих ход повседневной работы этого высшего органа партийно-государственной власти в СССР в первое послесталинское десятилетие, на котором замыкалось принятие всех ключевых решений¹. Основу первого тома составили рабочие записи многих заседаний Президиума ЦК КПСС². Кроме этого в трехтомник включены стенограммы некоторых заседаний³, постановления, записки, готовившиеся для членов Президиума ЦК КПСС. В записях заседаний (включая стенограммы) зафиксирован, хотя и с неодинаковой степенью полноты, ход обсуждения самого широкого круга вопросов, привлекавших внимание партийно-государственного руководства — экономических, внутривластных и внешнеполитических⁴. Этот источник помогает реконструировать конкретные обстоятельства и выявить механизмы принятия на высоком уровне ключевых решений — о выступлении Н. С. Хрущева с докладом о культе личности в конце работы XX съезда КПСС, о военном вмешательстве в Венгрии в октябре–ноябре 1956 г., о путях разрешения Суэцкого кризиса 1956 г., Берлинского кризиса 1961 г., Карибского кризиса 1962 г. и т. д. Раскрывается своеобразие позиций отдельных членов партийного руководства.

Следует заметить, что с течением времени оно проявлялось все меньше и меньше. После разгрома в июне 1957 г. антихрущевской оппозиции послесталинское «коллективное руководство» сменяется единоначалием. Ожесточенные споры, в частности, между Н. С. Хрущевым и В. М. Молотовым, уходят в прошлое. Не встречая теперь, как правило, отпора, Хрущев после устранения сдерживавшей его оппозиции вел себя все самоувереннее, все более навязывая соратникам свою волю, а сами заседания полномочного органа партии, как особенно хорошо видно из стенограмм, приобретают зачастую характер монологов, только изредка нарушаемых одобрительными возгласами других членов Президиума. И не меняли в общем сути дела осторожные попытки

А. И. Микояна скорректировать некоторые крайности в суждениях и предложениях Хрущева, например, о способах разрешения Берлинского кризиса 1961 г.

Записи заседаний Президиума дают представление о приоритетах внешней политики СССР. Вопросам отношений с восточноевропейскими союзниками и другими социалистическими странами уделялось постоянное внимание, особую остроту эти проблемы приобрели осенью 1956 г., в период польского и венгерского кризисов⁵. Начиная с весны 1955 г. одним из существенных направлений советской внешней политики становится югославское; задача улучшения отношений с режимом Тито была сопряжена с задачей восстановления единства социалистического лагеря и мирового коммунистического движения⁶. С конца 1955 г., после того, как в ходе азиатского турне Хрущева индийский лидер Дж. Неру обозначил негативное отношение формирующегося движения неприсоединения к Коминформу, внимание советских лидеров в течение ряда месяцев было приковано к проблеме эффективности и целесообразности дальнейшего существования этой структуры, выступавшей в качестве главного инструмента при осуществлении массовой антиюгославской кампании после 1948 г. Документы Президиума ЦК КПСС показывают, в какой мере решение о роспуске Коминформа, принятое после долгих колебаний в апреле 1956 г. незадолго до визита Тито в СССР, было жестом в отношении Югославии, сделанным в целях устранения существенного препятствия, стоявшего на пути поступательного развития советско-югославских отношений. Сложные зигзаги советско-югославских отношений во второй половине 1950-х годов продолжали находить отражение в документах Президиума ЦК. Однако с конца 1950-х годов, когда руководство коммунистического Китая попыталось бросить вызов ведущей роли СССР в мировом коммунистическом движении, югославский вопрос отходит на второй план, тогда как все более приоритетное значение приобретают вопросы советско-китайских отношений.

При всей обрывочности малинских записей они обладают весьма высокой достоверностью как источник. Эти записи не предназначались для печати, а потому, как нам представляется, должны были быть свободны от нарочитых искажений, неизбежных при подгонке тех или иных текстов под существующий пропагандистский ранжир. Введение этого источника в научный оборот позволило пересмотреть некоторые устоявшиеся стереотипы – например, о решающей роли советской стороны в вынесении смертного приговора бывшему премьер-министру Венгрии Имре Надю. Как явствует из документов, в феврале 1958 г. в Москве было признано целесообразным порекомендовать новому венгерскому лидеру Яношу Кадару отложить проведение суда над

И. Надем, чтобы не испортить этим судом впечатление на Западе от выдвинутых в это время советских мирных инициатив. Сделанная 5 февраля краткая запись «проявить твердость и великодушие» свидетельствует о том, что в Кремле тогда считали возможным пойти также по пути смягчения приговоров, однако, это не устраивало Кадара – для него проблема И. Нады была неразрывно связана с задачей легитимации собственного режима. Он предпочел перенести процесс, но не переписывать уже разработанный сценарий, в соответствии с которым Имре Нады предполагалось казнить, что и было сделано в июне 1958 г.⁷

Проблемы советско-румынских отношений неоднократно рассматривались на заседаниях Президиума ЦК КПСС, чаще всего в контексте обсуждения более общих проблем советского лагеря, а также экономического сотрудничества социалистических стран.

В конце октября 1956 г. венгерский вызов заставил советских лидеров всерьез рассмотреть вопрос об эффективности всей восточноевропейской политики СССР, которая, при всей видимой всеохватности контроля над советской сферой влияния, была, как показали венгерские события, не способна обеспечить стабильности в регионе. На заседании Президиума ЦК КПСС от 30 октября при обсуждении проекта Декларации об отношениях между социалистическими странами говорилось о том, что «ходом событий обнаружился кризис наших отношений со странами народной демократии»; антисоветские настроения в этих странах широко распространены и для того, чтобы их преодолеть, необходимо устранить элементы командования из практики межгосударственных отношений⁸. Именно в этом контексте были неожиданно затронуты проблемы экономических отношений с Румынией. Принятая в этот день, в самый разгар венгерского кризиса, Декларация Правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами⁹, как известно, подчеркивала необходимость большего равноправия в отношениях между социалистическими странами, при этом один из выступавших при ее обсуждении, зампред Совета Министров СССР М. З. Сабуров заметил, что установление более равноправных политических отношений предполагает развитие экономических связей на основе взаимной выгоды. При этом он напомнил о том, что Советский Союз начиная с 1945 г. неоднократно снижал сумму репарационных платежей для Румынии, идя навстречу дружественному румынскому правительству, и строил экономические отношения на льготных для Румынии условиях. По его оценке, Румыния до сих пор должна СССР 5 млрд долларов за имущество, вывезенное в годы войны с советской территории в Румынию¹⁰. Вопрос этот, бесспорно, нуждается в дальнейшем изу-

чении.

27 ноября на Президиуме ЦК КПСС обсуждался вопрос об Имре Наде. Как известно, премьер-министр Венгрии в день решающей советской военной акции 4 ноября выступил по радио с обращением к венгерскому народу, осуждающим действия официальной Москвы, а после этого укрылся с большой группой близких ему коммунистов и членов их семей в югославском посольстве. Во второй половине ноября, после выхода из посольства, все эти люди вопреки заверениям в том, что им будет предоставлена возможность остаться в Венгрии, были задержаны советскими спецслужбами и переправлены в Румынию, в г. Снагов¹¹. В результате возникла довольно острая ситуация. Румынская сторона пошла навстречу просьбе Москвы, согласившись принять у себя членов «группы И. Надя»¹², и подключилась, таким образом, к реализации советских планов, направленных на нейтрализацию свергнутого венгерского правительства. Вместе с тем она взяла на себя большее, чем диктовалось из Кремля, попытавшись по своей инициативе выступить в роли посредника при разрешении возникшего конфликта между советским правительством, а также венгерским пока еще довольно марионеточным правительством Я. Кадара, с одной стороны, и официальной Югославией, с другой. Как показывают записи заседаний Президиума ЦК КПСС за 27 ноября, советское руководство было против румынского посредничества: «Нецелесообразно. Подсказать Дежу, что это не в нашу пользу и не в пользу Венгрии»¹³. Тем не менее запланированная встреча югославских и румынских лидеров состоялась, хотя и без участия первых лиц государств – Тито и Дежа (с югославской стороны в ней участвовали Э. Кардель и А. Ранкович, с румынской – Э. Боднэраш и П. Борилэ). Она в некоторой мере повлияла на снижение остроты ситуации, готовность Югославии пойти на компромисс с Москвой.

Приободренное первым успехом, руководство Румынии и в дальнейшем продолжало в известной мере играть роль посредника при налаживании советско-югославских отношений, испортившихся в результате венгерских событий. Первая после ноября 1956 г. встреча югославских и советских лидеров состоялась именно в Румынии 1-2 августа 1957 г. Стороны пришли к взаимному компромиссу. Советское руководство обещало повлиять на Я. Кадара и его команду, чтобы те не выпячивали обвинений против Югославии во время предстоящего процесса по делу И. Надя. Югославская же сторона согласилась участвовать в запланированном на ноябрь 1957 г. совещании компартий социалистических стран. Однако в середине октября, ознакомившись с проектом Декларации совещания, она заранее отказалась его подписать, убедившись в том, что Москва, как и раньше, продолжает диктовать мировому коммунистическому движению свои установки. Свой отказ югославы мотивировали не-

желанием дополнительно осложнять отношения с Западом после того как ФРГ уже разорвала отношения с ФНРЮ на основании так называемой «доктрины Хальштейна», после установления Югославией дипломатических отношений с ГДР. Тем не менее представители СКЮ приехали в Москву, участвовали в юбилейных торжествах по случаю 40-летия октябрьской революции. Не подписав декларации компартий социалистических стран, они в то же время поставили подпись под Манифестом мира, принятом на более широком совещании. В Москве, как показывают материалы Президиума ЦК КПСС, доминировала линия на нераздувание конфликта, сохранявшаяся до апреля 1958 г., когда была принята новая программа СКЮ, признанная в СССР ревизионистской.

Довольно вялое участие Румынской рабочей партии в антиревизионистской кампании антиюгославской направленности, предпринятой Москвой в 1958–1959 гг.¹⁴, объясняется тем, что СКЮ все более выступал для лидеров РРП в качестве примера независимой внешней политики. Поддержание стабильных отношений с ФНРЮ¹⁵ давало официальному Бухаресту потенциальную возможность разыгрывать временами югославскую карту в своем усилившемся стремлении к более самостоятельному внешнеполитическому курсу, вполне сочетавшемся с проведением жесткой, а подчас и репрессивной внутренней политики.

Пытаясь уже в 1956 г. освободиться от мелочной кремлевской опеки, режим Г. Георгиу-Дежа все же не стал, да и едва ли мог стать союзником венгерских «национальных коммунистов» типа Имре Надя. Ведь даже самые робкие реформаторские проекты не могли найти сочувствия у тогдашних румынских лидеров, которые явно не принимали идей либерализации режима и видели в большей независимости Румынии прежде всего средство упрочения собственной власти и ограждения страны от нежелательных для них веяний, порожденных XX съездом КПСС, но особенно проявившихся осенью 1956 г. в Польше и Венгрии. Однако стремление Георгиу-Дежа к расширению поля самостоятельных внешнеполитических маневров осталось бы утопией без укрепления к нему доверия со стороны Москвы. Жестокие репрессии, предпринятые внутри страны против тех, кто так или иначе выразил симпатии венгерской революции¹⁶, и преследования всех потенциальных оппонентов коммунистической власти¹⁷ были призваны не только запугать недовольных, но и доказать советским лидерам: за Румынию они могут быть спокойны, здесь существует прочная коммунистическая диктатура и невозможно ничего похожего на то, что произошло в Венгрии (несколько позже этот аргумент сыграл немалую роль при обосновании румынской стороной своих требований о выводе советских войск). Став не только соучастником, но весьма инициативным участни-

ком расправы над Имре Надем¹⁸, Георгиу-Деж не просто подчинился блоковой дисциплине, но стремился извлечь максимум политической выгоды для себя. Более чем напуганный революцией в соседней стране, румынский лидер в конечном итоге сумел воспользоваться ею в интересах укрепления своей власти. Венгерские события вообще явились фактором, заметно ускорившим формирование специфической румынской национальной модели тоталитаризма. Из опасений, что либерализация социализма у соседей зайдет настолько далеко, что составит серьезную угрозу положению румынского руководства, Георгиу-Деж с конца 1956 г. все более целенаправленно стремился к созданию механизмов противодействия не только венгерскому и польскому, но в первую очередь советскому влиянию – причем нередко под видом искоренения последствий культа личности¹⁹.

Как раз в дни московского совещания компартий, 15 ноября 1957 г., Президиум ЦК КПСС обсуждал внешнеполитическую инициативу, с которой выступило руководство Румынии, которое именно в этот период впервые предприняло попытку обратиться к более активной внешней политике вне рамок советского блока, резонно полагая, что это не вызовет слишком негативной реакции Советского Союза, удостоверившегося осенью 1956 г. в прочности коммунистической власти в Румынии. 9 августа 1957 г. МИД Румынии адресовал в ЦК КПСС записку с изложением своих предложений об активизации регионального сотрудничества Балканских государств²⁰. После согласования с Москвой 10 сентября 1957 г. в «Скынтейя» было опубликовано Заявление румынского правительства «Об установлении отношений многостороннего мирного сотрудничества между странами балканского региона», в те же дни распространенное в ООН среди делегаций, прибывших на открывшуюся в Нью-Йорке очередную сессию Генассамблеи. В нем предлагалось провести встречу руководителей шести балканских государств (Албании, Болгарии, Греции, Румынии, Турции и Югославии), на которой выступить с совместной декларацией о ненападении, а в дальнейшем сделать такие встречи периодическими и обсуждать на них острые политические вопросы в целях поиска путей их мирного разрешения. По мнению румынской стороны, нахождение более широкой по охвату формы балканского сотрудничества не только позволило бы «растворить» в ней Балканский пакт (включавший в себя Турцию, Грецию и Югославию), но и ослабило бы влияние НАТО в регионе, а в конечном итоге способствовало бы преодолению еще имеющейся политической конфронтации на Балканах (В письме, адресованном в ЦК КПСС, акцент делался на ликвидации очага напряженности у границ социалистического лагеря). При контактах с греческими и турецкими лидерами предполагалось сделать упор на перспективе взаимовыгодных региональных экономических от-

ношений; даже в случае отклонения лидерами этих двух стран выдвинутая инициатива, по мнению румынского руководства, все равно имела бы необходимый пропагандистский эффект.

Как явствует из упомянутой записки МИД Румынии в ЦК КПСС, официальный Бухарест уделял большое внимание подключению к своей инициативе титовской Югославии, отличавшейся более независимой внешней политикой и имевшей в силу этого немалый авторитет на международной арене. По некоторым сведениям, румынское правительство обратилось к югославскому руководству с предложением выступить с аналогичной инициативой от своего имени, но получило отказ²¹. Свое прохладное отношение к румынским планам югославы мотивировали прежде всего плохими отношениями с Албанией. Не менее сдержанной оказалась реакция Югославии на новое румынское предложение, нашедшее отражение в правительственном Заявлении, опубликованном в «Скынтейя» 7 июня 1959 г. и также вынесенном на рассмотрение Генассамблеи ООН – в нем предлагалось заключить многосторонний договор о взаимопонимании и коллективной безопасности в балканском регионе в целях превращения Балкан в зону мира и добрососедства²².

Однако более существенное препятствие для реализации идей многостороннего балканского сотрудничества представляла собой позиция не югославского правительства, а руководства Советского Союза. С конца 1950-х годов СССР неоднократно выступал с предложениями о создании безъядерной зоны на Балканах, на Адриатике и в Причерноморье, что имело целью прежде всего не допустить размещения атомного оружия и ракет дальнего радиуса действия на территории балканских стран-членов НАТО (Греции и особенно Турции). Наиболее значительные инициативы такого рода были выдвинуты Н. С. Хрущевым при посещении Румынии и Болгарии в мае–июне 1962 г. Так, 16 мая, выступая в болгарском городе Варна, советский лидер предложил превратить черноморские берега, на которых расположены стартовые площадки для ракет с ядерными зарядами, в «зону мира, дружбы и сотрудничества». В то же время Советский Союз, хотя и искал возможности нейтрализации Балканского пакта, вместе с тем не поддерживал идею балканского сотрудничества в формах, не предполагающих активного участия в нем советской стороны, видя в этом опасность возникновения нового неподконтрольного ему регионального блока, способного усилить центробежные тенденции внутри Организации Варшавского договора. Показательно, что румынские предложения 1957 и 1959 гг. нашли очень слабое отражение в советской печати. И это несмотря на то, что в записке румынского МИДа в ЦК КПСС от 9 августа 1957 г. подчеркивалось, что своей мирной инициативой Румыния собирается оказать содействие советской внешней политике (при этом отмечалось, что предложения, исходя-

шие не от великой державы, а от одной из сравнительно небольших социалистических стран, могут возыметь даже больший пропагандистский резонанс). Что же касается румынской инициативы 1959 г., то она фактически явилась непосредственным откликом на одно из советских заявлений о превращении Балкан в безъядерную зону²³.

Правда, Советский Союз однажды воспользовался румынским предложением при выработке своей – что интересно – не балканской, а ближневосточной политики (инициатива руководства Румынии рассматривалась именно в контексте дискуссий по проблемам Ближнего и Среднего Востока). Это произошло 15 ноября 1957 г. при обсуждении на Президиуме ЦК возможности создания союза, который наряду с некоторыми балканскими странами включал бы в себя Египет и Сирию, стремившуюся в это время к далеко идущему сотрудничеству с СССР в военной области. Эта идея, однако, оказалась мертворожденной из-за невозможности объединить на общей платформе государства, преследовавшие слишком различные внешнеполитические цели. Кстати сказать, это в некоторой степени осознавалось и участниками обсуждения. Так, Турцию, находившуюся в непримиримых отношениях с Египтом и Сирией, изначально не предполагалось включать в проектируемый военно-политический союз. Скептически была оценена и готовность участвовать в таком союзе президента Египта Г. А. Насера. Небезынтересно, что приглашенные на заседание Президиума ЦК советские военачальники (только что назначенный вместо попавшего в опалу Г. К. Жукова министром обороны маршал Р. Я. Малиновский и начальник Генерального штаба маршал В. Д. Соколовский) проявили более здравый подход в оценке перспектив ближневосточно-балканского союза под эгидой СССР, нежели министр иностранных дел А. А. Громыко, от которого, собственно говоря, и исходило само предложение²⁴.

Вопрос о возможном выводе советских войск из Румынии впервые, насколько можно судить по имеющимся документам, обсуждался на заседании Президиума ЦК КПСС 13 апреля 1957 г. (во время поездки в СССР румынской делегации во главе с К. Стойка 26 ноября – 3 декабря 1956 г. стороны пришли к выводу о целесообразности временного пребывания советских войск в Румынии). 13 апреля 1957 г. при обсуждении указаний постпреду СССР в ООН В. А. Зорину Хрущев предложил проявить инициативу по выводу части войск из Польши, Венгрии и Румынии, в случае если США согласятся сократить свой контингент в Германии²⁵. Начиная с этого времени проблема вывода советских войск из Румынии становится неотъемлемой составной частью программы разоружения, провозглашенной Советским Союзом и частично им осуществленной в 1957-1958 гг. (реализации этой программы в Москве придавали большое значение, настаивая даже на отсрочке судебного процесса по делу

Имре Надя, который, как уже указывалось, мог бы испортить на Западе впечатление от советских предложений). 1 апреля 1958 г. на заседании Президиума ЦК был рассмотрен вопрос «О проведении переговоров с представителями Румынской Народной Республики по вопросам, связанным с временным пребыванием советских войск на территории РНР». Представленное на рассмотрение Президиума ЦК КПСС предложение Министерства обороны и МИД СССР исходило из нецелесообразности форсированного вывода войск из Румынии, однако в ходе обсуждения, главным образом, по инициативе Хрущева было решено пересмотреть вопрос в направлении скорейшего вывода²⁶. 17 апреля Президиум ЦК КПСС утвердил письмо ЦК КПСС в адрес ЦК Румынской рабочей партии²⁷. В нем отмечалось, что пребывание советских войск в Румынии уже не вызывает необходимости ввиду некоторого ослабления международной напряженности и достаточной подготовленности румынских вооруженных сил для защиты своей страны.

При принятии решения учитывалось, что Румыния окружена только социалистическими странами, включая внеблоковую Югославию, которая не рассматривалась как потенциальный военный противник²⁸. Принималось во внимание также то обстоятельство, что империалистические круги широко используют военное присутствие СССР в Румынии в целях антисоветской пропаганды²⁹. Важно заметить, что вывод советских войск из Румынии был синхронизирован с принятием мер по усилению обороноспособности ее армии³⁰, а также с предоставлением румынскому правительству долгосрочного кредита на сумму 40 млн. рублей³¹.

Вывод советских войск из Румынии явился мерой, призванной иметь прежде всего политико-пропагандистский эффект. В Декларации Политического Консультативного Комитета стран-участниц Организации Варшавского договора от 24 мая 1958 г. он был подан как «новое доказательство» миролюбивой политики социалистических стран. Как известно, советские войска были выведены из Румынии в июне-июле 1958 г. В дальнейшем на первый план в советско-румынских отношениях выходят проблемы экономического сотрудничества.

К 1963 г. отношения двух стран заметно осложнились, поскольку румынская сторона негативно отнеслась к советским планам экономической интеграции в рамках СЭВ, как мало учитывающим национально-государственные интересы Румынии, ее сложившуюся хозяйственную структуру. Советский Союз обвинялся в стремлении низвести Румынию до роли аграрно-сырьевого придатка к более развитым странам. Принципиальные разногласия между СССР и Румынией в вопросе о перспективах экономической кооперации впервые остро проявились на сессии Исполкома СЭВ в Варшаве 10-13 мая 1963 г.

Насколько можно судить по записям заседаний Президиума ЦК КПСС, они были до известной степени неожиданны для Хрущева. Так, 5 ноября 1962 г. при обсуждении на Президиуме вопроса о создании совместных плановых органов социалистических стран он говорил о том, что за годы, прошедшие после смерти Сталина, выросло доверие между социалистическими странами, страх исчез, и Георгиу-Дежу, как и некоторые другие восточноевропейские лидеры, «нам безгранично верят»³². Конечно, это было иллюзией, что наглядно показала варшавская сессия СЭВ, и чем сильнее была иллюзия, тем сильнее и последующее разочарование.

Как явствует из записи заседания Президиума от 7 июня 1963 г., советские лидеры не считали, что в основе возникших разногласий лежат глубокие противоречия. Ответственность была возложена на главу советской делегации зампреда Совмина СССР и постпреда СССР в СЭВ М. А. Лесечко, который якобы не проявил необходимой политической гибкости («не нужно было принимать резолюцию, не было бы расхождений с румынами»³³). Ситуацию не собирались драматизировать, было отмечено, что сессия в целом прошла хорошо, вместе с тем был сделан важный вывод: «учесть на будущее – можем иметь отдельные разногласия по отдельным вопросам с отдельными странами»³⁴. 10 июня, на следующем заседании Президиума ЦК, решено было направить в Румынию делегацию во главе с самим Хрущевым для того, чтобы «найти приемлемую форму сотрудничества по кооперированию»³⁵.

Поездка, состоявшаяся 24–25 июня, не была результативна, беседа Хрущева и Дежа прошла в напряженной атмосфере. Позже, в середине октября 1964 г., при отстранении Хрущева ему среди прочего было поставлено в вину нанесение обиды Дежу своими грубыми выражениями, что, безусловно, не могло не повлиять на дальнейшее развитие советско-румынских отношений. Речь шла о том, что подобный стиль общения с лидерами соцстран может привести к дистанцированию этих стран от СССР, а в конечном итоге к разброду в социалистическом лагере³⁶.

К чести обеих сторон, им удалось избежать публичной полемики. Более того, как показывают документы, после конфликта, возникшего в мае–июне 1963 г., они приложили усилия, направленные на улучшение взаимоотношений. 23 июля на Президиуме ЦК КПСС обсуждалась программа намеченного на 25 июля Совещания первых секретарей компартий стран Организации Варшавского договора (оно одобрило проект договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, подписанного в Москве СССР, США и Великобританией в начале августа). Краткая запись обсуждения вопроса на заседании Президиума начинается словами «румын не дразнить», что отражает установку на нераздувание конфликта³⁷.

Позже, 26 мая 1964 г., при подведении итогов поездки Хрущева в Египет был поднят вопрос о необходимости теоретической проработки вопроса о том, что разным странам «может быть придется пройти путь коммунистического национализма», и в этом контексте упомянута Румыния³⁸. К этому времени была уже опубликована апрельская Декларация Румынской рабочей партии (1964 г.) по вопросам коммунистического и рабочего движения – программный, концептуальный документ, уточнивший внешнеполитические приоритеты Румынии (в нем был сделан акцент на равноправии стран, строящих социализм, и первостепенности национальных, а не интернациональных интересов). Реакция на него в Москве, как явствует из вышеприведенных записей, была достаточно спокойной: вероятно именно в этот момент там ближе всего подошли к пониманию того факта, что разногласия не случайны – в каждой из стран в силу конкретных условий на определенном этапе развития могут усилиться национально-специфические моменты при выборе методов, форм социалистического строительства, и с этим необходимо считаться, не идя на обострение³⁹. Выраженная Тито в мае 1962 г. готовность вопреки всем разногласиям между СКЮ и КПСС поддержать КПСС в ее противостоянии КПК в споре за лидерство в мировом коммунистическом движении явилась серьезным аргументом в пользу большей терпимости к национал-коммунистическим устремлениям, не несущим в себе угрозу краха коммунистических режимов в тех или иных странах.

В свою очередь и румынская сторона была заинтересована в стабильных отношениях с могучим восточным соседом, в ослаблении возникшей напряженности. В силу этого она сделала жест доброй воли, предоставив в сентябре 1963 г. Советскому Союзу на выгодных условиях 400 тыс. тонн пшеницы (1963 год был очень неурожайным на значительной части территории СССР, показатели производства зерна были очень низки)⁴⁰.

Хотя разногласия между двумя партиями обе стороны старались в то время не афишировать, возврата к прежнему, доконфликтному состоянию не произошло. Румынская коммунистическая элита все более решительно и последовательно выступает против далеко идущей экономической интеграции стран социалистического содружества, видя в этом дискриминационный для Румынии характер. Она настаивает также на корректировке отношений внутри Организации Варшавского договора на основе равноправия. Сотрудничество с балканскими странами заслоняется теперь более широкомасштабной внешнеполитической доктриной, предполагавшей расширение разносторонних (в том числе внешнеэкономических) связей с Западом, проведение более активной политики в «третьем мире» и, наконец, балансирование между двумя коммунистическими державами – СССР и КНР. Начиная с 1964 г. Румыния

весьма последовательно стремится проводить более самостоятельную политику в рамках советского блока, дистанцируясь, в частности, от участия на стороне КПСС в острой полемике с КПК. Вообще обострение советско-китайского спора дало румынским лидерам возможность играть на противоречиях двух великих коммунистических держав в целях укрепления собственных позиций внутри страны и вовне. Эта тактика продолжится и в дальнейшем, в «эпоху Чаушеску».

Западные наблюдатели уже осенью 1963 г. обратили внимание на возникшие трения между Москвой и Бухарестом и, более того, зафиксировали первые видимые симптомы отклонения Румынии от общей линии стран-участниц Организации Варшавского договора⁴¹. К выводу об изменениях внешнеполитического вектора Румынии можно было прийти даже не обладая полной информацией о секретных проявлениях ее внешней политики – осенью 1963 г. правительство Румынии предпринимает неподконтрольные СССР внешнеполитические шаги, направленные на сближение с США. В частности, 4 октября в Нью-Йорке, в дни работы сессии Генассамблеи ООН, министр иностранных дел РНР К. Мэнеску имел секретную встречу с госсекретарем США Д. Раском. Румынское правительство, говорил он, не было информировано о планах размещения советских ракет на Кубе. Поэтому Румыния, хотя и является союзником СССР, не может вместе с СССР нести ответственность за последствия этого шага. В случае возникновения в будущем аналогичной ситуации, способной привести к войне, Румынию, по мнению ее министра иностранных дел, следует рассматривать как нейтральное государство, не направляя против нее военного удара⁴². В контактах с США один из союзников СССР, таким образом, прямо дистанцировался от непродуманной советской внешнеполитической акции, подвергнутой позже критике и в руководстве КПСС – при отстранении Хрущева в октябре 1964 г.

Не ясно, было ли советское руководство в какой-то мере информировано по разведывательным каналам о секретных контактах румынской дипломатии с Вашингтоном. Можно однозначно утверждать лишь, что оно было всерьез озабочено тем, чтобы в момент обострения советско-китайского спора разногласия СССР с Румынией не привлекали слишком большого внимания на Западе. Об этом свидетельствует, в частности, запись заседания Президиума ЦК от 4 июня 1964 г.⁴³. А. Н. Косыгин (в то время первый зампред Совмина СССР) ездил в Индию для присутствия на похоронах Дж. Неру, где встречался с премьер-министром Великобритании лордом Хьюмом. В ходе беседы были затронуты вопросы советско-румынских отношений, что вызвало комментарии западных политических экспертов. Через несколько дней, на заседании Президиума ЦК КПСС, руководство СССР отреагировало на тенденциозное отраже-

ние в западной прессе этого «семейного спора» в социалистическом лагере⁴⁴.

Обозначившиеся советско-румынские разногласия по проблемам экономической интеграции совсем не перечеркнули амбициозных советских планов. Один из них – строительства гидроэлектростанции на Дунае у Железных ворот на границе Румынии и Югославии – постоянно находился в поле зрения Хрущева, обсуждался на заседании Президиума ЦК КПСС 9 января 1963 г.⁴⁵ Сооружение такой электростанции должно было стать, по замыслу советского лидера, общим делом СЭВ, оно дало бы пример добровольного кооперирования на основе взаимовыгодного сотрудничества сразу нескольких стран (в том числе Болгарии, Венгрии и даже Чехословакии), способствовало бы привязыванию Югославии к единой энергосистеме социалистических стран. Идея, насколько можно судить по известным документам, в свое время инициированная именно Румынией⁴⁶, была реализована при участии СССР, в марте 1964 г. было принято постановление о поставке в Румынию оборудования для строительства дунайского гидроузла. Электростанцию открыли в 1972 г.

Как показывают записи, советские лидеры не упускали из виду межгосударственные противоречия и национально-территориальные споры в социалистическом лагере, мешающие его единству. Эти проблемы были актуализированы в начале 1960-х годов в связи с советско-китайскими разногласиями. Вопрос о границах Румынии и ее национально-территориальных спорах с соседями затрагивался 19 августа 1964 г., за два месяца до отстранения Хрущева, при обсуждении поступившей в ЦК КПСС информации о беседе Мао Цзэдуна с делегацией японских депутатов-социалистов. Мао заявил, что Китай поддерживает претензии Японии в отношении Курильских островов, сказал и о том, что в Восточной Европе слишком много мест, оккупированных СССР – части Польши, Румынии, Финляндии. Стенограмма фиксирует пространное рассуждение Хрущева о том, что социалистические страны унаследовали из прошлого множество нерешенных пограничных и территориальных спорных проблем⁴⁷. Он упомянул в этой связи «очень болезненный», по его словам, трансильванский вопрос, осложнявший отношения между Венгрией и Румынией; упомянул также существующий спор между Румынией и Болгарией вокруг территории Южной Добруджи, до 1940 г. принадлежавшей Румынии, а затем отданной Болгарии. По мнению советского лидера, некоторые из этих спорных вопросов сохраняются и когда все страны станут социалистическими, проблема будет окончательно решена только в перспективе построения коммунизма, с отмиранием границ. Хрущев исходил из двух постулатов: 1) нельзя подвергать сомнению права сегодняшнего населения на те или иные земли, ссылаясь на старые несправедливости; 2) почти никогда невозможно сказать,

к какому историческому периоду надо вернуться для восстановления справедливых границ. Но поскольку спорные вопросы между социалистическими странами сохраняются, должны быть выработаны механизмы их решения. По мнению Хрущева, спорные вопросы целесообразно решать путем опроса населения или третьей стороны арбитража – в роли арбитров выступили бы другие социалистические страны. Курировавший отношения с социалистическими странами секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов (в 1954–1957 гг. посол СССР в Венгрии, он достаточно неплохо знал проблемы венгеро-румынских отношений) заметил, что если пойти по этому пути, могут возникнуть ненужные проблемы у румын. Но Хрущев был настолько увлечен своей идеей, что не придавал этому значения: «это, безусловно, затронет румын. Это ничего. Истина должна быть истиной, когда в одинаковой степени относится ко всем»⁴⁸.

Для того чтобы продемонстрировать Китаю и всему миру готовность СССР учесть демократическое волеизъявление народов при решении территориальных споров, он предложил провести референдум среди казахов и киргизов, хотят ли они остаться в СССР или соединиться с теми казахами и киргизами, которые живут в китайском Синцзяне. В данном случае Хрущев был уверен, что они предпочтут СССР. Но советский лидер готов был пойти и дальше, выразив готовность провести также референдум среди венгров Закарпатской Украины: куда они хотят – остаться в СССР или чтобы их передали в Венгрию. При этом он предвидел результат не в пользу СССР, что его, впрочем, не смущало: «Нам было бы очень хорошо их отдать. Никакой проблемы, а политический выигрыш колоссальный»⁴⁹. Оказывается, Хрущев уже поднимал этот вопрос в беседе с Я. Кадаром в неформальной обстановке (их отношения вообще были несколько менее формальными, чем это было принято в кругу партийных лидеров социалистических стран). В отличие от Хрущева, все более утрачивавшего почву под ногами, реалистически мыслящий венгерский лидер не склонен был всерьез воспринимать фантастические проекты своего московского покровителя, предпочтя все обратить в шутку: «мы пришли из-за Урала, дайте место за Уралом»⁵⁰.

Что же касается соратников Хрущева, то они, по большому счету не возражая ему при обсуждении вопроса на заседании Президиума ЦК КПСС 19 августа, всего через два месяца, 13 октября, при отстранении, припомнили ему сделанные в тот день «опасные высказывания» о проведении референдумов, причем припомнил неизменно чуткий к национальному вопросу А. И. Микоян, в целом занявший в октябре 1964 г. наиболее умеренную позицию в отношении Н. С. Хрущева⁵¹. Правда, Хрущев, видимо, и сам понимал несовершенство своего проекта решения национально-территориальных споров и сделал задний ход, что явствует из заключительных слов его монолога на заседании

Президиума ЦК КПСС 19 августа: «Надо оговориться, третейский суд, если обе стороны на это согласны. Если одна из сторон против, то лучше всего отложить эти вопросы на будущее. Предоставить времени и истории эти вопросы решить. Вот и все»⁵².

Однако проблемы, поднятые Хрущевым, судя по всему сохраняли актуальность. Через месяц, 25 сентября 1964 г., Президиум ЦК обсуждал информацию, поступившую из Пекина – о том, что румынская делегация во главе с И. Г. Маурером, прибывшая в Китай на торжества по случаю 15-летия КНР, в беседе с министром иностранных дел КНР Чен И затронула вопрос о несправедливости присоединения к СССР ряда румынских территорий. Президиум ЦК принял решение проверить достоверность полученной информации⁵³.

Глубина противоречий между СССР и формирующейся румынской национальной моделью социализма оказалась недооцененной советскими лидерами, предпринявшими после отставки Хрущева целый комплекс мер, направленных на преодоление наслоений в советско-румынских отношениях. Списать все на волюнтаризм и грубость Хрущева, начав политику «с чистого листа», не удалось. Настойчивые попытки теснее пристегнуть Румынию к общей линии советского блока на международной арене оказались безуспешными. Не последнюю роль сыграли в этом амбиции нового лидера Румынии Н. Чаушеску, его упорное стремление к укреплению режима личной власти внутри страны и, в не меньшей мере, повышению внешнеполитического веса Румынии⁵⁴. Пик обострения советско-румынских отношений в доперестроечный, догорбачевский период пришелся на август 1968 г., когда Румыния, как известно, оказалась в состоянии острой конфронтации с советским руководством, решительно выступив против вмешательства СССР и ряда его союзников по Организации Варшавского договора в Чехословакии. В течение нескольких дней в стране существовали даже опасения советской интервенции в Румынию, впрочем явно необоснованные⁵⁵. Правда, уже с конца августа с румынской стороны предпринимаются определенные усилия, направленные на смягчение, стабилизацию двусторонних отношений, нейтрализацию последствий августовского конфликта с СССР (при сохранении особой позиции Румынии в советском блоке)⁵⁶.

Введенные в научный оборот материалы заседаний Президиума ЦК КПСС станут серьезным подспорьем при изучении процесса выработки внешнеполитического курса СССР, в том числе на восточноевропейском направлении. Неоспоримо их значение как источника, позволяющего составить более полную картину динамики советско-румынских отношений в условиях формирования специфической модели социализма в Румынии.

Примечания

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1–3. Главный редактор академик А. А. Фурсенко. М., 2003–2008.

² Речь идет о кратких, иногда совсем обрывочных записях заседаний Президиума ЦК КПСС, представлявших собой по сути дела выжимки из содержания происходивших обсуждений. Их выполнял регулярно присутствовавший на этих заседаниях функционер, особо приближенный к первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву – зав. Общим отделом ЦК КПСС В. Н. Малин (либо, редко, его заместители). Подобная процедура – ведение записей – означала кардинальное расхождение с практикой, сложившейся при Сталине, обозначив перемены в работе Президиума, Секретариата и аппарата ЦК, происходившие под знаком утверждения так называемого «коллективного руководства». Для того чтобы стареющим преемникам Сталина было легче ориентироваться в огромной массе подлежащих разрешению вопросов и возвращаться к повторному рассмотрению некоторых не решенных окончательно проблем, видимо, и возникла идея коротко фиксировать на бумаге основное содержание наиболее важных дискуссий, происходивших на Президиуме ЦК, и прежде всего суть конкретных предложений: не будучи занесенными в протоколы, они теряли свой вес.

³ Первые известные стенограммы относятся к лету 1958 г. Следует иметь в виду, что с 1953 по июнь 1957 г. на заседаниях «коллективного руководства» не прекращалась подчас довольно острая борьба за лидерство. Очевидно, что члены Президиума ЦК, опасавшиеся, что отдельные их неосторожные высказывания могут быть со временем использованы против них, не были заинтересованы в ведении полных стенограмм, а иногда, в моменты обострения борьбы, даже и более коротких записей, подобных тем, что делал Малин. Показательно, в частности, отсутствие записей за 18–21 июня 1957 г., дни, когда оппоненты дали бой Хрущеву, – обо всем происходившем в то время на заседаниях Президиума можно судить прежде всего по выступлениям на июньском пленуме. Незафиксированность дискуссии сыграла, впрочем, благоприятную роль для Хрущева, дав ему основания говорить на пленуме о нелегитимности тех заседаний. С другой стороны, Малин чрезвычайно подробно записал ход заседания 13 октября 1964 г., где был решен вопрос об отставке Хрущева. Чью волю он тогда выполнял, зная, по всей вероятности, о безнадежном положении своего патрона? Вопрос этот остается открытым.

Практика вызова стенографистки на отдельные заседания Президиума ЦК стала складываться по инициативе Н. С. Хрущева, в условиях, когда тот овладел всей полнотой власти в стране, не только разгромив так называемую «антипартийную группу» Маленкова – Кагановича – Молотова, но удалив в октябре 1957 г. из Президиума ЦК маршала Г. К. Жукова и совместив в конце марта 1958 г. посты первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совмина СССР. Стенографировались, в первую очередь, те заседания, где Хрущев выступал с заявлениями программного характера (со временем, по мере роста его реформаторских амбиций, таковых становилось все больше), и в некоторых случаях те, на которых обсуждались внешнеполитические вопросы, требовавшие своего безотлагательного решения.

⁴ Бюрократическая централизация, начавшая складываться еще на заре советской власти и достигшая своего апогея при Сталине, заставляла выносить на самый верх даже весьма второстепенные вопросы.

⁵ Записи В. Н. Малина, относящиеся к октябрю–ноябрю 1956 г., были впервые опубликованы еще в 1996 г. – как в России (Исторический архив. 1996. № 2, 3), так и в Венгрии (Döntés a Kremlben, 1956. Szerk. Rainer M. János és V. Szereda. Bp., 1996). Именно с их расшифровки, собственно говоря, и началась работа по подготовке публикации всего корпуса документов, отражающих работу Президиума ЦК КПСС в так называемый «хрущевский» период. Позже эти записи вошли в книгу: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Редакторы-составители Е. Д. Орехова, В. Т. Серeda, А. С. Стыкалин. М., 1998.

⁶ Развитие советско-югославских отношений в этот период подробно изложено в фундаментальной монографии: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.

⁷ Подробнее см.: *Стыкалин А. С.* Образ Имре Надя в 50-летней ретроспективе: мифы и реальность // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре.* 2007. № 6. С. 223–238.

⁸ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 457–462.

⁹ Правда. 1956. 31 октября. Декларация оставалась в силе и после того, как 31 октября после долгих колебаний было принято решение о военной акции в целях приведения к власти в Венгрии более приемлемого для Москвы правительства, способного предотвратить уход коммунистов в оппозицию. Ссылки на Декларацию содержались в коммюнике по итогам визита в Москву 27 ноября – 3 декабря 1956 г. румынской партийно-правительственной делегации во главе с Киву Стойка (Правда. 1956. 4 декабря), так же как и в коммюнике по итогам приезда в середине ноября польской партийно-правительственной делегации во главе с В. Гомулкой.

¹⁰ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 460.

¹¹ Имре Надя и большинство из его соратников, сосланных в Румынию, были переданы венгерским спецслужбам и отправлены на родину в апреле 1957 г., где предстали перед судом. Об их пребывании в Снагове см. сборник документов на румынском языке: *Insemnări de la Snagov: corespondență, garoarte, convorbiri.* Ed. Ileana Ioanid. Iași, 2004. См. также сборник документов на венгерском языке: *A Snagovi Foglyok. Nagy Imre és társai Romániában. Iratok. Összeállította, a jegyzeteket és a bevezető tanulmányt írta Baráth M. és Sipos L.* Bp., 2006. См. также публикацию текстов Имре Надя, написанных в снаговской ссылке: *Nagy Imre. Snagovi Jegyzetek. Gondolatok, emlékezések.* 1956–1957. Felelős szerk. Vida I. Bp., 2006.

¹² См.: *Стыкалин А. С.* Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И. Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь–декабрь 1956 года) // *Славяноведение*, 2000, № 1. С. 70–81. Хрущев, в присущей ему манере, наигрывая простоту, с удовлетворением говорил на декабрьском (1956 г.) пленуме ЦК КПСС: «Мы ударили по контрреволюции и по югославской агентуре ударили, она сидит сейчас в Румынии и мамалыгу кушает. Тов. Деж, он хороший наш товарищ, я – говорит – мамалыгой подкормлю, пусть сидят, если умно будут вести себя». См.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 197. Л. 114 (речь идет о румынском партийном лидере Г. Георгиу-Деже). Через два месяца, в феврале 1957 г., член Политбюро ЦК Румынской рабочей партии Э. Боднэраш заверял посла СССР А. А. Епишева:

люди «группы Надя» будут находиться в Румынии столько времени, сколько необходимо, пока в Венгрии «будет подготавливаться общественное мнение среди трудящихся, в сознании которых Надя будет раскрыт как предатель интересов народа, с тем, чтобы в подходящий момент предать его суду» (РГАНИ. Ф. 89. Пер. 45. Док. 69. Л. 2).

¹³ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 698.

¹⁴ Эта кампания, конечно же, не достигла остроты предыдущей антиюгославской кампании, инициированной Сталиным в 1948 г. В мае 1958 г. установки руководства КПСС относительно границ критики СКЮ были наиболее полно изложены в закрытом письме ЦК КПСС парторганизациям КПСС о советско-югославских отношениях: критика югославского ревизионизма в советской печати «не должна вылиться в крикливую перепалку; не следует размениваться на мелочи, задевать национальные чувства югославов. Критика должна быть принципиальной, аргументированной и вестись в спокойном тоне, не впадая в крайности 1949–1953 гг.» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 207. Л. 75). «Нам надо сделать все, что в наших силах, чтобы не отдаст Югославию в империалистический лагерь. Путем воздействия на членов СКЮ, на югославский народ, своей терпеливой товарищеской критикой ошибок руководителей Югославии добиваться исправления их ошибок», – говорил Хрущев с трибуны майского пленума ЦК КПСС 1958 г. (Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 318. Л. 35).

¹⁵ Лидер румынской компартии Г. Георгиу-Деж не поехал в ноябре 1957 г. в Москву на совещание компартий, ссылаясь на болезнь. Румынскую делегацию возглавлял премьер-министр Киву Стойка. Можно предполагать, что Деж, информированный об отказе югославов подписать итоговую декларацию, ожидал, что на конференции будет звучать острая критика в адрес СКЮ. Он хотел, таким образом, заранее от нее отмежеваться. Георгиу-Деж принимал во внимание неплохо складывавшиеся румыно-югославские отношения и не хотел ими жертвовать, сужая тем самым поле внешнеполитических маневров для Румынии. В документах отделов ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями, относящихся к 1957–1958 гг., отмечалось, что представители РПИ стараются по возможности дистанцироваться от критики СКЮ в рамках международного коммунистического движения (См., например: Там же. Ф. 5 Оп. 28. Д. 478. Л. 125). С другой стороны, на московском ноябрьском совещании 1957 г. представители РПИ, как бы компенсируя свою позицию в отношении СКЮ, очень резко осуждали проявления «ревизионизма» в ходе венгерских событий осени 1956 г. См.: *Stăkalin A. Constatările de la Moscova ale partidelor comuniste și muncitorești, noiembrie 1957 // Arhivele Totalitarismului. București, Academia Română, 2008. N.1–2. 86–107 p.*

¹⁶ Этой теме посвящена большая литература на венгерском языке, вышедшая как в Венгрии, так и в Румынии. Из наиболее значительных публикаций последних лет см.: Bottoni Stefano. Kényszerből stratégia: a román államhatalom válaszlelései a magyar forradalomra (1956 – 1958) // 1956 okai, jelentősége és következményei. Szerk. Pál L. és Romsics I. Bp., 2006. 157–195. o.; Pál-Antal S. Áldozatok – 1956. A forradalmát követő megtorlások a Magyar Autonóm Tartományában. Marosvásárhely (Tîrgu-Mureș), 2006.

¹⁷ Как следствие венгерской революции, страшно напугавшей румынскую коммунистическую элиту и настороженно воспринятой в румынском обществе (опасавшемся усиления в соседней стране ирредентистских, шовинистических настроений, активизации требований пересмотра границ), жесткие чистки были проведены, в частности,

в творческих союзах Румынии; немало деятелей культуры подверглось преследованиям по партийной, административной и судебной линии за реальную или мнимую поддержку венгерского восстания. Так, по некоторым данным, после июньского пленума ЦК РПП 1958 г., прошедшего под знаком идеологического наступления на ревизионистов, из Союза писателей, насчитывавшего 640 членов, было исключено 250 человек, из Союза художников, где было 1547 членов, изгнали 936 человек. Сменились составы редколлегии ряда журналов. Активизировавшаяся весной 1958 г., инициированная Москвой кампания критики СКЮ была использована лидерами РПП прежде всего в целях нанесения удара по потенциальной внутренней оппозиции. См. подробно справку о мероприятиях Румынской рабочей партии (1959 г.) «по устранению серьезных недостатков в деятельности творческих союзов в Румынии и по ликвидации чуждой идеологии» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 94. Л. 43–47).

¹⁸ См.: *Стыкалин А. С.* Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И. Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь–декабрь 1956 года)... Из документов, раскрывающих роль румынской стороны в подготовке суда по делу Имре Надя, см.: РГАНИ. Ф. 89. Пер. 45. Док. 69.

¹⁹ См.: *Cătănuș D.* The Romanian Communists under the Impact of Destalinization, 1956–1961 // *Totalitarian Archives*. București, 2002. №. 1–2, p. 174–191.

²⁰ Записка МИД Румынии «К вопросу о создании коллективного регионального сотрудничества Балканских стран» // КПСС и формирование советской политики на Балканах в 1950-х – первой половине 1960-х гг. (Сборник документов). Салоники, 2003. С. 136–140.

²¹ Подробнее см.: *Стыкалин А. С.* Проекты регионального сотрудничества черноморских и балканских государств и позиция СССР (1950-е – начало 1960-х годов) // *Studia Balkanica*. К юбилею Р. П. Гришиной. Отв. редактор А. Л. Шемякин. М., 2010. С. 323–338.

²² К началу 1960-х годов магистральным направлением во внешней политике режима Тито становится участие в движении неприсоединения, организационно оформившемся в 1961 г. В связи с этим официальные лица ФНРЮ неоднократно заявляли, что идея балканского сотрудничества не должна заслонять более широкомасштабные внешнеполитические задачи. Применительно к Балканам югославы предлагали сосредоточиться на урегулировании двусторонних отношений. Подробнее см.: Там же.

²³ Речь идет о советско-албанском заявлении о превращении Балкан и Адриатики в зону мира, сделанном по итогам пребывания Хрущева в Албании в конце мая 1959 г. 25 июня 1959 г. советское правительство также выступило с заявлением относительно превращения Балкан и Адриатики в зону, свободную от атомного и ракетного оружия.

²⁴ См. краткую запись заседания Президиума ЦК КПСС от 15 ноября 1957 г. (протокол 126. I. О дальнейших шагах в отношении Ближнего и Среднего Востока): Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 281–282.

²⁵ Там же. С. 249.

²⁶ Там же. С. 304.

²⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 2. Постановления. 1954–1958. М., 2006. С. 783.

²⁸ Показательно мнение Президиума ЦК КПСС, выраженное несколькими годами позже, на заседании 8 января 1962 г. При обсуждении остро стоявшего германского вопроса тогда было замечено (в контексте рассмотрения соотношения сил в Европе), что Югославия не представляет реальной военной угрозы для Болгарии, а тем более (!) для Румынии (См.: Там же. Т. 1. С. 541).

²⁹ См. письмо ЦК КПСС, адресованное ЦК РПП: Там же. Т. 2. С. 1018–1019.

³⁰ См. постановление ЦК КПСС о поставке самолетов в Румынию и передаче ей в аренду боевых кораблей (январь 1958 г.): РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 183. Л. 6, 18–19, 103.

³¹ Вопрос был принципиально решен на заседании Президиума ЦК КПСС 3 января 1958 г. (Там же. Д. 175. Л. 7, 28).

³² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 645. В ходе поездки Н. С. Хрущева в Румынию, состоявшейся 17–25 июня 1962 г., не было выявлено значительных расхождений между лидерами двух партий по принципиальным вопросам внешней политики и экономического сотрудничества. Коммюнике по итогам визита см.: Правда. 1962. 25 июня.

³³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 719.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 732.

³⁶ Как говорил М. А. Сулов на пленуме ЦК КПСС 14 октября 1964 г., «линию нашей партии в международных вопросах мы считаем правильной. Но не надо закрывать глаза на то, что у т. Хрущева бывали выступления, когда он совсем некстати становился в позу эдакого наставника, он весьма любил поучать руководителей братских стран в тех случаях, когда этого совершенно не требовалось. Например, едет за границу и поучает там, как сеять кукурузу, как получать высокие урожаи сельскохозяйственных культур. Зачем это делать? И это делалось там, где урожаи часто значительно выше, чем у нас. Это же обижает товарищей. Такая бестактность была допущена почти публично, например, в отношении румынских товарищей. Это же не может не обижать руководителей братских партий. Это – люди опытные и закаленные, они не нуждаются в таких неуместных советах» (Как снимали Н. С. Хрущева. Материалы пленума ЦК КПСС. Октябрь 1964 г. // Исторический архив, 1993. № 1. С. 13. См. также запись заседания Президиума ЦК КПСС от 13 октября 1964 г.: «зачем вам нужно Дежу говорить обидные слова?» (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 865). На высших партийных форумах КПСС не впервые говорилось о том, что приезжавшие в Румынию советские эмиссары подчас поучают румынских коллег, как надо сеять кукурузу. Так, на декабрьском пленуме ЦК КПСС 1956 г. об этом говорил Д. Т. Шепилов, в то время министр иностранных дел. За 8 лет, таким образом, мало что изменилось, продолжал сохраняться (порождая те же проблемы) менторский тон советских руководителей при общении с лидерами братских партий.

³⁷ Там же. С. 734.

³⁸ Там же. С. 825. В те же дни, 28 мая 1964 г., на Президиуме ЦК КПСС было принято решение о мероприятиях по улучшению советско-румынских отношений.

³⁹ Об этом же говорил и М. А. Суслев 14 октября 1964 г. на пленуме ЦК КПСС при отстранении Н. С. Хрущева: «Отношения между некоторыми социалистическими странами складываются сложнее, чем были до сих пор», и это объясняется не только раскольничьей деятельностью руководства компартии Китая. «В данный момент есть элементы роста национализма в некоторых социалистических странах. В этих условиях следует проводить очень терпеливую, выдержанную, гибкую политику, направленную на то, чтобы укреплять наши связи, дружбу с руководством братских партий, с народами этих стран» (Как снимали Н. С. Хрущева. Материалы пленума ЦК КПСС. Октябрь 1964 г. // Исторический архив, 1993. № 1. С. 13).

⁴⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 737.

⁴¹ См.: *Brown J. F. Rumania Steps Out of Line // Survey. A journal of Soviet and East European Studies.* № 49. October 1963. P. 19–34.

⁴² См.: *Garthoff R. L. When and Why Romania distanced itself from the Warsaw Pact // Cold War International History Project Bulletin. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington.* Issue 5. Spring 1995. P. 111.

⁴³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1958. Т. 1. С. 825–827.

⁴⁴ Там же. С. 827.

⁴⁵ Там же. С. 693–694.

⁴⁶ В январе 1956 г. на совещании представителей компартий в Москве, посвященном экономическим вопросам, именно представители РПП внесли предложение рассмотреть возможность совместного использования гидроэнергетических ресурсов Дунайскими странами Дунайского бассейна. Совещание признало важным предложение, внесенное РПП, и рекомендовало соответствующим экспертным комиссиям всесторонне изучить этот вопрос и подготовить конкретные проекты использования гидроэнергетических ресурсов Дуная, имея в виду участие и ФНРЮ, если с ее стороны проявится интерес (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. С. 190). 3 февраля 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «Об обмене электроэнергией между странами-участницами СЭВ и использовании гидроресурсов Дуная» (Там же. С. 933).

⁴⁷ Там же. С. 848–852. Вопрос о национально-территориальных спорах обсуждался и на заседании Президиума ЦК КПСС 10 ноября 1963 г., также в контексте советско-китайских отношений. См.: там же. С. 776–777.

⁴⁸ Там же. С. 851.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 869.

⁵² Там же. С. 851–852.

⁵³ Там же. С. 859.

⁵⁴ В 1965–1966 гг. с румынской стороны на заседаниях Политического Консультативного Комитета ОВД выдвигалось требование о реальном приобщении союзников СССР по ОВД к выработке любых планов и принятию любых решений, связанных с применением стратегического оружия. Это требование было, однако, совершенно не-

приемлемым для советского руководства. См.: *Kramer M. The "lessons" of the Cuban Missile Crisis for Warsaw Pact Nuclear Operations // Cold War International History Project Bulletin. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington, Issue 5. Spring 1995. P. 113.* См. также: *Hlihor C. Evoluția României în Tratatul de la Varșovia până la criza cehoslovacă // Romania: A Crossroads of Europe. Ed. W. Treptow. Jași, etc., 2002.*

⁵⁵ См.: *Марыина В. В. Пражская весна 1968 года: к вопросу о международном резонансе (по опубликованным в Чешской Республике документам и материалам чешского журнала «Soudobé dějiny») // Славяноведение. 2008. № 3. С. 60–75.*

⁵⁶ Это проявилось и в изменении тональности румынской прессы. В сводке Главного управления по охране государственных тайн в печати (Главлит) о выступлениях зарубежной прессы с 26 августа по 8 сентября 1968 г. отмечалось: «Сейчас тон румынской печати резко изменился и последние номера газет СРР в основном пропускаются в продажу беспрепятственно», чего не было в первые дни после военного вторжения стран-участниц Варшавского договора в Чехословакию 21 августа. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 20. Л. 125. Надо сказать, что проникновение в Советскую Молдавию (чаще всего по недосмотру ее собственных чиновников) в большом объеме румынских газет за 20-е числа августа, содержавших выступления Чаушеску с прямым осуждением военного вмешательства в Чехословакию и другие пропагандистские материалы, явилось причиной серьезной разборки в ЦК компартии Молдавской ССР. См.: *Moldova, Romania, and the Soviet Invasion of Czechoslovakia. Introduction, translation, and annotation by Mark Kramer // Cold War International History Project Bulletin, Issue 12/13. P. 326-333. Cambridge (Mass.), 2001.* Вообще до конца августа критика друг друга в румынской и советской прессе была взаимной. Так, 25 августа «Правда» обвиняла Румынию (как и Югославию) в оказании активной помощи чехословацким «антисоциалистическим силам». С намеком на недавние посещения Праги Тито и Чаушеску (последний был там перед самым вторжением) газета писала, что именно в Белграде и Бухаресте «политические авантюристы» из Праги «плетут свои интриги». Между тем, черно-белый, лишенный полутонов взгляд на происходящее в Чехословакии и вокруг нее не мог удовлетворить мыслящую часть общества, в своем стремлении, понять причины кризиса искавшую альтернативные источники получения информации. В советской Молдавии для составлявшего в ней большинство румыноязычного населения таким наиболее доступным источником были румынские СМИ – пресса, но особенно радио и телевидение, принимавшиеся на значительной части территории республики. Как выясняется из документов, даже партийные политинформаторы, не всегда способные ответить на вопросы аудитории на основании информационных писем ЦК КПСС для партаппарата, а тем более советской прессы, нередко использовали версии румынских СМИ, не менее тенденциозные и вместе с тем дополнявшие картину новыми штрихами. См.: *Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova. F. 51. In. 29. D. 28. F. 32.*

Раздел III

Проблемы культуры

И. И. Калиганов (Москва)

Южнославянские литературы в эпоху Средневековья. (Краткий историко-литературный очерк)

Обосновавшись на Балканах в VI–VII вв., славяне вошли в непосредственное соприкосновение с Римской и Византийской империями, и это обстоятельство закономерно должно было вовлечь славянский мир в процесс аккультурации. От более культурно развитых соседних народов славяне неизбежно должны были воспринять христианство, усвоить богослужебные памятники вначале на чужих сакральных языках – латинском и греческом, а затем обрести свою собственную славянскую письменность и создать на ней переводную и оригинальную славянскую литературу. Возникновение славянских литератур было облегчено тем фактом, что славяне имели литературное образование еще до появления славянских алфавитов и славянской письменности: для нужд христианства славянам следовало освоить греко-византийские и латинские богослужебные тексты, которые, чаще всего, представляли собой одновременно и литературные памятники. Уже сама Библия – апология Слова Божьего – заключала в себе образцы многих литературных жанров: поэзии – Псалтырь, эпистолярного – Послания апостолов, хождений – Деяния апостолов и др.

Поэтому необходимо четко осознать, что в возникновении собственно славянских литератур почти всегда можно выделить два этапа: а) получение литературной образованности посредством знакомства с иноязычными богослужебными и небогослужебными памятниками после введения христианства; б) создание славяноязычных литературных произведений вслед за появлением славянских алфавитов и славянской письменности. Эти периоды могут иметь различную хронологическую протяженность в зависимости от местоположения той или иной славянской страны на Балканах и их географической близости к двум ближайшим христианским центрам – Константинополю и Риму. Главная разница между последними состояла не в сути вероисповедания – в IX–X вв. она была несущественной, – а в различном отношении к языку богослужения: Константинополь допускал богослужение на родных языках христианизируемых им народов в контролируемом им регионе *Slavia Byzantina*, в то время как Рим постоянно возвращался к идее богослужения в сфере своего влияния *Slavia Latina* исключительно на языке латинском. Такой подход суще-

ственно тормозил развитие литератур у славян на северо-западе Балканского полуострова. Здесь могли появляться латиноязычные литературные памятники, написанные славянскими авторами, и зачастую осуществлялось параллельное развитие литературы, как на славянском, так и на латинском языках.

Начальной точкой отсчета процесса возникновения литератур на славянском юге, как уже говорилось, являлось введение там христианства. Болгары и сербы были крещены по византийскому обряду в 60–70-е гг. IX в., а хорваты и словенцы – по латинскому обряду несколько раньше: первые, возможно, еще в начале IX в. подверглись христианизации франкскими епископами, а вторые в 843 г. попали в зависимость от немцев и, вероятно, были крещены баварскими латинскими миссионерами. В наиболее благоприятной ситуации оказалась Болгария, которая с 681 г. имела сильное централизованное государство и через два десятка лет после крещения (865) приютила у себя учеников Кирилла и Мефодия, изгнанных из Великой Моравии (886). Изгнанники принесли с собой славянские богослужебные книги, писанные с помощью первой славянской азбуки глаголицы и способствовали переходу от византийской грекоязычной богослужебной практики к славяноязычной. Видимо, благодаря их знаниям вскоре была осуществлена и замена глаголической азбуки кириллической (893). В основе последней лежали графемы греческого унциального письма, с которыми уже успели свыкнуться болгарские книжники, владевшие греческим языком.

Пришедшие в Болгарию кирилломефодиевские ученики были уже сложившимися зрелыми писателями, переводчиками, проповедниками и педагогами. Получив государственную поддержку в лице болгарского князя Бориса (852–889), а затем его сына Симеона (893–927), они смогли реализовать свой талант в полную силу. Наиболее одаренными писателями из их среды были Климент, ставший епископом Охридским, Константин, возведенный в сан епископа Преславского, и Наум, сменивший затем Климента на Охридском епископском престоле. В болгарских землях стала интенсивно развиваться переводная славянская литература. Кирилломефодиевские ученики и их помощники восстанавливали утраченные во время бегства из Великой Моравии переводы богослужебных книг; они занялись переложением на славянский язык еще непереведенных книг Священного Писания, знакомили местное славянское население с сочинениями таких отцов церкви, как Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Ефрем Сирий, Иоанн Дамаскин, Иоанн Лествичник и др. Объем литературы, переведенной с греческого языка в Болгарию в конце IX – XI вв., был огромным. Не случайно это время называют «золотой» эпохой древнеболгарского литературного развития.

Расцвету литературы способствовал ряд благоприятных обстоятельств: а) поддержка книжности князем Симеоном, ставшего затем первым славянским ца-

рем; б) наличие у болгар церковной самостоятельности: Болгарская церковь быстро получила статус архиепископства (870), а затем и патриархии (между 922 и 944); в) наличие в болгарских землях в силу географического соседства с Византией большого числа билингвов, свободно говоривших и по-славянски, и по-гречески.

На протяжении IX–XI вв., то есть в период Первого Болгарского царства, попавшего затем в зависимость от Византии, в болгарской книжности появились почти все литературные жанры, сложившиеся к концу IX столетия в Византии: агиография (жития Антония Великого, Иоанна Златоуста, Иоанна Синайского, Саввы Освященного, Алексея Человека Божьего и др.), гимнография (литургии, службы, каноны и тропари праздникам и подвижникам), церковная проповедь (слова и поучения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Иоанна Синайского и др.), монашеские хроники (Иоанна Малалы, Георгия Амартола и др.), монашеский фольклор (патерики Иерусалимский, Азбучный, Египетский, Римский, Скитский и др.), естественнонаучные сочинения («Небеса» и «Источник знания» Иоанна Дамаскина, «Шестоднев» Василия Великого, «Изборник» царя Симеона и др.), владетельская похвала («Похвала князю Симеону») и др.

Среди жанров болгарской оригинальной литературы того времени наибольший удельный вес приобрел жанр церковной проповеди, в особенности, слова и поучения Климента Охридского – самого плодовитого славянского автора IX–X в. Большое место, наряду с проповедью, занимала и болгарская гимнография, существенный вклад в развитие которой внес Константин Преславский. Этот автор прославился искусством составления акростихов, превосходивших по своим размерам все известное тогда в славяно-византийском мире. Огромное историко-культурное значение имело и воздвижение в болгарской земле культа славянским первоучителям Кириллу и Мефодию. Их имена ученики начали прославлять еще в Великой Моравии, но именно в Болгарии они смогли завершить строительство бессмертного пантеона для двух равноапостольных братьев. Кирилломефодиевские ученики создают здесь новые агиографические и гимнографические сочинения, сделавшие известным подвиг Кирилла и Мефодия не только в славянском мире, но и за его пределами.

Созданный книжниками Первого Болгарского царства огромный фонд литературных памятников сыграл впоследствии важную роль в возникновении литератур у русских, сербов и ряда других славянских и неславянских народов. Позаимствованные этими народами плоды труда болгарских книжников IX–X в. существенно облегчили быстрое развитие у них собственных оригинальных литератур, избавляя местных писателей от необходимости переложения на славянский язык сочинений, которые уже блестяще перевели их болгарские предшественники. При этом следует особо отметить, что усвоение

этих болгарских книжных сокровищ касалось главным образом переводной литературы общехристианского характера. В отличие от нее, оригинальные литературные произведения местного значения – болгарские летописные записи, жития и службы большинства местных святых, памятники деловой письменности и др. – в Киевской и Московской Руси, Сербии, Молдавии, Украине и Белоруссии не переписывались и не распространялись. При таком положении дел может показаться странным, что в литературе этих народов получили хождение многие болгарские переводные и оригинальные апокрифы: «Слово об Адаме и Еве», «Книга Еноха», «Откровение Варухово», «Видение Исаиево», «Сказание о крестном древе» болгарского пресвитера Иеремии и др. Это объясняется тем, что большинство апокрифов содержали в себе важные дополнения к сведениям, которые средневековый читатель черпал из Слова Божьего и сочинений отцов церкви. В них часто помещались ответы на многие, возникавшие после чтения официальной церковной литературы, вопросы. Кроме того, следует принимать во внимание и то обстоятельство, что запрет на чтение ряда апокрифов Церковь периодически отменяла.

Блестящий взлет болгарской литературы был прерван попаданием страны под византийское владычество, которое продолжалось около двух столетий (1018–1186). В этот период Болгария утратила государственность и превратилась в провинцию Византийской империи, управляемую византийскими наместниками. Понижен был и статус болгарской церкви: из патриархии она была преобразована в автокефальное архиепископство, во главе которого вскоре встали греки. Произошла и массовая замена болгарских священнослужителей византийцами, сопровождавшаяся вытеснением славянского богослужения греческим. Все это вызвало упадок славянской литературы и письменности. Место элитарных болгарских писателей заняли пришлые образованные византийцы, обычно писавшие на греческом языке, но иногда затрагивавшие в своих сочинениях болгарские темы. Таковыми являлись, например, Феофилакт архиепископ Охридский (1084–1107), наместник Софии византиец Георгий Скилица (1143–1180), архиепископ Охридский Димитр Хоматиан (1216–1234) и др. Большинство их сочинений не были переведены на славянский язык и не стали достоянием славянской книжности. Исключение составляли лишь жития и служба Георгия Скилицы, посвященные патрону болгарской земли преподобному Ивану Рильскому († 946). Они широко распространились не только на славянском юге, но и на славянском северо-востоке. Собственно болгарские произведения второй половины XI–XII вв. составляли преимущественно видения-пророчества («Видение Даниилово», «Толкование Даниилово» и «Сказание пророка Исаии о грядущих летах»), написанные в северо-западной части страны. Они представляли собой переработку древних апокри-

фов с добавлением пассажей о прошлом и грядущей судьбе страны, в которых преобладали элементы фантазии и мистицизма. Значительно расширилось в стране тогда еретическое учение богомилов, но их сочинения не могли оставить глубокий след в славянской книжности. И не потому, что они уничтожались церковью – сами еретики отрицали писательство, почитая его дьявольским наущением.

В конце XII столетия Болгария смогла сбросить византийское иго, воспользовавшись ослаблением Византии из-за крестовых походов западных рыцарей через ее земли, а затем захвата католическим воинством Константинополя (1204). Образовалось Второе Болгарское царство (1186–1396), столицей которого был провозглашен г. Тырново. Оно пережило несколько политических взлетов в первой половине XIII в., и в правление царя Ивана Асена II (1218–1241), даже стало крупнейшим государством на Балканах. Была возрождена болгарская Церковь и восстановлен ее прежний патриарший статус (1235). Однако затем роль Болгарии на Балканах значительно уменьшилась: страну ослабили татаро-монгольское разорение и почти столетняя выплата татарам дани; позже последовали неудачные войны с окрепшей Сербией, которая сумела присоединить к себе Македонию (1330). Все это повлекло за собой во второй половине XIV в. распад централизованного болгарского государства. Ослаблением Болгарии воспользовались турки, которые, захватив болгарские земли в последних десятилетиях указанного столетия, установили свое многовековое господство (1396–1878).

Развитие литературы в период Второго Болгарского царства было крайне неравномерным и не всегда зависело от процветания или упадка государства. После освобождения страны от византийцев начался процесс восстановления прерванного летописания. Создаются сочинения летописного характера, наподобие «Синодика царя Борила» (1211), «Расказа о восстановлении Болгарской патриархии» (1235) и «Расказа о Зографских мучениках» (последняя четверть XIII в.), призванные прославить борьбу против еретиков богомилов, возрождение национальной церкви и стойкость православных в решимости противостоять «латинянам». С целью укрепления религиозного авторитета новой болгарской столицы Тырнова в нее переносились мощи прославленных балканских и болгарских святых: Ивана Рильского, Илариона Мыгленского, Михаила Воина из Потуки и Петки Эпиватской (получившей затем название Тырновской). Эти акты повлекли за собой оживление национальной агиографии и гимнографии: создание рассказов о перенесении мощей божьих угодников, составление посвященных им житий, служб и отдельных песнопений. Появилось и житие первого Тырновского патриарха Иоакима (1234–1246). Национально-патриотическая тенденция была характерна как для государствен-

но-официальной литературы, так и для народно-демократической апокрифической: переработанных апокрифах «Сказание о Сивилле», «Разумник-Указ Господа», «Солунская легенда». Если в первой из них Тырново именовался «богоспасаемым», «богохранимым градом» или даже «третьим новым Римом», то во второй подчеркивались различные достоинства болгарского народа, обладающего святыми книгами и единственно способного сохранить православную веру незапятнанной. Содержалось в одном из апокрифов («Успение Кириллова») и утверждение о болгарском происхождении славянского первоучителя Кирилла.

На протяжении XIV столетия болгарская литература, несмотря на неблагоприятную политическую атмосферу, пережила новый взлет. Он был обусловлен широким «умственным» движением на Балканах, в основе которого лежало учение византийских исихастов. Суть этого учения заключалась в совершенствовании внутреннего мира человека ради постижения божественных сущностей и приближения человека к Богу. Ему был присущ тот же самый ренессансный антропоцентризм, что и западноевропейским учениям, но у него имелось и весьма существенное отличие. В то время, как западноевропейские мыслители пытались поставить Человека вровень с Богом, а потом и над Ним (закономерный финал – оправдание человеческих пороков, отложение от Церкви и атеистическое богоборчество), исихасты стремились раскрыть лучшее в человеке и тем самым достичь большего уровня гармонии в его отношениях с Церковью и Богом (в сущности, предлагая путь развития человечества, альтернативный западноевропейскому).

Исихазм дал мощный толчок развитию литературы и книжности: обострилось внимание к переводному и письменному слову, его графическому воплощению, художественному оформлению рукописей. Особое значение приобрели и поиски скрытого «Божественного» первосмысла слова, которые вместе с исихастским учением о способах обострения зрения «духовных очей» человека привели к созданию особого эмоционально-экспрессивного литературного стиля, названного стилем «плетения словес».

Под руководством патриарха Евфимия Тырнового (1375–1393) в стране была предпринята грандиозная книжная реформа, возникли многочисленные переводческие, литературные и книгописные центры. Стремление к более верному пониманию Слова Божьего вызвало масштабную ревизию прежних переводов богослужебных текстов, обостренный интерес к слову привел к созданию литературных произведений, написанных в стиле парадной словесной орнаментальности. Огромное значение в то время имел болгарский Зографский монастырь, основанный на Афоне еще в конце X в. Получаемые через его посредство копии текстов из «верных» греческих и славянских манускриптов

служили важным ориентиром при проведении Тырновской книжной «справы» и способствовали развитию болгарской литературы и письменности.

В продолжение XIV столетия в Болгарии создаются роскошно оформленные рукописи, украшенные множеством миниатюр. Среди них наибольшую известность получили такие манускрипты, как «Софийский Песнивец» (1337), «Четвероевангелие» (1337) царя Ивана-Александра, «Евангелие» (1356), «Хроника Константина Манассии» и многие другие. Были переведены византийские хроники Симеона Метафраста, Иоанна Зонары, знаменитая «Троянская притча», «Повесть о Варлааме и Иоасафе», «Рассказы об Эзопе» и др. сочинения византийских писателей X–XIII вв. Самым плодовитым автором Тырновской книжной школы выступил ее создатель патриарх Евфимий Тырновский. Он не только перевел значительное количество богослужебных текстов (литургию Иоанна Златоуста, литургию Василия Великого и пр.), но и создал агиографические произведения, посвященные болгарским и византийским подвижникам: жития Ивана Рильского, Илариона Мыгленского, Петки Тырновской, Филофеи Темнишкой, Похвальные слова Михаилу Потукскому, Иоанну епископу Полиотскому, равноапостольным Константину и Елене и великомученице Неделе. Евфимий достигает в них невероятной словесной виртуозности, демонстрирует прием слияния жанров жития и похвального слова – тенденцию, ставшую одной из главных отличительных черт Тырновской книжной школы.

После захвата турками Тырнова (1393) и падения Видинского царства (1396) – последнего оплота болгарской обороны, находившегося на северо-западе страны, взлет болгарской средневековой литературы был прерван. Однако ученики и последователи Евфимия Тырновского развивали идеи своего учителя, творя за пределами родной земли. Самыми яркими из них являлись Киприан, Григорий Цамблак и Константин Костенецкий. Уроженец Тырнова Киприан († 1406) благодаря посредничеству Константинополя стал Московским митрополитом, привез на Русь многочисленные афонские и тырновские переводы, создал книгописную школу и прославил одного из своих предшественников – первого московского митрополита Петра: он написал житие и службу святому в стиле «плетения словес». Тырновец Григорий Цамблак († 1420) имел сложную жизненную и творческую судьбу, он побывал в Молдавии, Сербии и Украине, оставив заметный след в местных литературах. Посланный в Молдавию Константинопольским патриархом Цамблак написал житие и службу первого молдавского святого Иоанна Белгородского (Аккерманского), затем он стал игуменом сербского Дечанского монастыря и создал здесь житие и службу деспота Стефана Дечанского, а через некоторое время оказался уже в Украине и при византийском посредстве сделался Киевским

митрополитом. Именно здесь расцвел талант Цамблака, превратившегося его в самого плодовитого питомца Тырновской книжной школы. Ему принадлежит несколько десятков проповедей, из которых составил целый том под названием Книга Григория Цамблака. Он написал также виртуозные похвальные слова патриарху Евфимию Тырновскому и митрополиту Киприану. Что же касается Константина Костенецкого († 30-е гг. XV в.), то он нашел приют в Сербии при дворе деспота Стефана Лазаревича и создал здесь пространный трактат «Разъясненное сказание о письменах», имевший целью проведение на новой родине книжной реформы, наподобие евфимиевской. Кроме того, Константин написал впоследствии житие своего благодетеля Стефана Лазаревича, перевел с греческого сочинения «Путешествие по Палестине» и «Толкование “Песни песней” Феодорита Киррского». Но все это происходило вне самой Болгарии, литературная жизнь в которой после турецкого смерча затихла более чем на полстолетия.

Более сложно происходило становление сербской средневековой литературы. Населенные сербами земли отделялись друг от друга горными хребтами, что затрудняло духовную и политическую консолидацию, создание централизованного государства и национальной церкви. Христианизацию сербов в 60–70-е годы IX в. предпринял не только сравнительно близкий Рим, но и Константинополь. Кроме латинских миссионеров, учение Христа на севере и северо-западе Балканского полуострова распространяли и подвижники из Нижней Паннонии, которую возглавлял славянский первоучитель Мефодий. Он сумел получить в 873 г. разрешение папы Иоанна VIII использовать в сербских землях богослужебные книги на глаголице. Число таких книг немало возросло после смерти Мефодия и перемещения к сербам из-за гонений латинян части его учеников. В начале X столетия Сербия попала под власть Болгарии, из которой хлынул поток славянских кириллических книг. Позднее многие сербские земли испытали на себе господство Византии, и это, несомненно, привело к появлению в них рукописей на греческом языке. В такой обстановке сербы, бесспорно, обладали литературными познаниями и немалым корпусом литературных произведений, созданных славянскими и неславянскими соседями, не имея при этом литературы собственной. Во всяком случае, от X–XI вв. до нас не дошло ни одного сербского оригинального памятника. Некоторые исследователи полагают, что в этот период анонимные сербские авторы создали житие Дуклянского князя Иоанна Владимира (997–1016) и хронику сербских князей с перечнем имен местных правителей по X в. включительно. По их мнению, следы данных произведений присутствуют в более поздних сербских памятниках, в частности, в «Барском родослове» (или «Летописи попа Дуклянина»), датированном в широком диапазоне от XII до XIV–XV вв.

Гораздо более благоприятные условия сложились для становления и последующего расцвета национальной литературы в конце XII – XIII вв. Воспользовавшись ослаблением Византии, вызванным крестовыми походами, сербы сумели создать централизованное государство и сербское автокефальное архиепископство (1219). Заслуга в этом принадлежит представителям рода Неманичей, которые положили начало династии правителей, стоявших в Сербии у власти на протяжении XIII–XIV вв. Ими явились Стефан Неманя († 1199), сумевший объединить под своим скипетром сербские земли, и его сын Савва († 1235), добившийся дипломатическим путем учреждения независимого Сербского архиепископства, которое он сам и возглавил. Эти судьбоносные свершения стали основой для решительного подъема сербской религиозной и светской литературы, призванной закрепить нравственно и юридически статус-кво новоявленной державы и церкви. Большую роль в этом деле сыграло пребывание Стефана и Саввы на Афоне, где они подвизались в качестве монахов (Савва еще в начале своего подвижнического пути, а Стефан в конце своей жизни, добровольно оставив престол и приняв схиму под именем Симеон). Здесь ими был основан сербский Хиландарский монастырь, сделавшийся духовным мостом между Сербией и Византией, между сербскими книжниками и болгарскими и русскими духовными братьями, насельниками афонских Зографской и Пантелеймоновой обителей.

Основная цель появившихся в тот период памятников сербской литературы и письменности состояла в укреплении авторитета новоявленных сербской державы и церкви. Большинство их имели церковно-религиозный характер и стали основополагающими для дальнейшего церковного и государственного строительства. Это, прежде всего, апология вероучения Христова: «Мирославово Евангелие» (ок. 1185) и «Вуканово Евангелие» (1197–1199). Рукописи такого содержания, конечно же, бытовали в Сербии и гораздо раньше, но данные манускрипты являются самыми древними из тех, чье сербское происхождение не подлежит сомнению. Первое Евангелие писалось для князя Мирослава, брата Стефана Немани, правившего в области Захумье, а второе – для сына сербского государя, имевшего в управлении области Зета и Травуния. Тексты этих памятников воспроизводили славянский перевод Евангелия, выполненный несербскими книжниками, но несший в себе сербские языковые черты. Первым же национальным переводчиком и писателем выступил сам Савва Сербский. Он начал свою деятельность еще на Афоне, переложив здесь с греческого языка монастырские уставы, известные под названием «Карейский типик» (1199) и «Хиландарский типик» (1200). Они предназначались для сербских насельников афонского Карейского скита и Хиландарской обители и были адаптированы с учетом сербских церковных нужд. Позднее Савва со-

здал «Студеницкий типик» (1208) для находящегося в Сербии монастыря Студеница, куда с Афона были перенесены останки его отца, и где он некоторое время игуменствовал. Кроме того, по инициативе Саввы и, возможно, при личном его участии около 1220 г. появился «Номоканон» – свод гражданских и церковных законов, ставший юридическим фундаментом для молодой Сербской державы и Церкви.

Архиепископ Савва проявил себя не только как первый сербский переводчик, редактор и составитель, но и как первый создатель оригинальных сербских сочинений. Они относились главным образом к жанру агиографии и гимнографии и были посвящены прославлению его отца Стефана Немани, провозглашенного сербским святым под его монашеским именем – Симеон. Канонизация Симеона произошла с одобрения Афона, получавшего от сербского государя щедрые пожертвования. Уже в «Хиландарском типике» Савва поместил краткую житийную заметку о прибытии отца на Святую Гору и его кончине здесь. Почти сразу же он написал в Хиландарской обители и первую церковную службу Симеону (1200), которая впоследствии обогащалась новыми авторскими тропарями и стихирами (два Студеницких варианта службы 10-х годов XIII в.). Создал Савва и пространное житие св. Симеона, читающееся в предисловии к «Студеницкому типику». Помимо агиографических и гимнографических сочинений, в его творческом арсенале имелись и произведения эпистолярного жанра. К сожалению, от них уцелело лишь единственное послание Саввы, отправленное им из Палестины во время путешествия в Святую Землю.

Восславив своего отца св. Симеона, святитель Савва стал зачинателем прославления государей из династии Неманичей, правивших Сербией на протяжении двух веков и последовательно канонизировавшихся национальной Церковью. Он стал первым искусным садовником, засадившим сакральную «лозу» династии Неманичей, в которую едва ли не каждую четверть века вплетались новые имена ее представителей, причисленных к лику святых. В дальнейшем культ основателя сербского государства св. Симеона стал приобретать все большие масштабы. В XIII–XIV столетиях свою лепту в прославление подвижника вносят сербские книжники. Жития его составляют брат Саввы, сменивший свое отца на престоле, король Стефан Первовенчанный (1216) и духовник хиландарской братии иеромонах Доментиан (1264). К ним присоединился монах Феодосий Хиландарец, составивший службу святому (1307–1310). Эта традиция не прерывается и в последующие века. Сам Савва после смерти также был провозглашен церковью святым, и в его честь возникли агиографические и гимнографические сочинения: жития Саввы пера уже упомянутых иеромонаха Доментина (это самая объемная агиобиография

в сербской литературе, 1234) и иеромонаха Феодосия Хиландарца (начало XIV в.). Последний пишет и службу св. Савве, по-видимому, в одно время со службой св. Симеону. Помимо этих произведений, появилось и множество подобных других, составленных анонимными авторами в обителях Хиландар, Студеница и Милешево. Особое место в Святосавском цикле заняла общая «Похвала св. Симеону и Савве», в которой Феодосий Хиландарец связал воедино имена и деяния отца и сына – основателей державы и церкви, – сделав их двуединым корнем священной «лозы» Неманичей.

Растить упомянутую лозу, олицетворяющую симфонию между церковью и государством, продолжали последующие поколения сербских книжников XIII–XIV вв. Наиболее известным из них был хиландарский игумен, а затем епископ Данила Баньский II (1270–1337), который являлся не только писателем, но и незаурядным политиком, дипломатом и строителем. Он составил объемный сборник под названием «Цароставник» или «Родослов», содержащий жития королей и архиепископов Сербских и позднее продолженный его безымянными учениками. Большинство помещенных в нем произведений (жития сербских королей Уроша, Драгутина и Милутина, королевы Елены, сербских архиепископов Арсения I, Иоанникия I и Евстафия I) были написаны самим Данилой II. Позднее анонимные ученики владыки и их последователи дополнили сборник житиями королей Стефана Дечанского (1321–1331) и Стефана Душана (1331–1345), архиепископов Саввы II, Данилы I, Иакова, Евстафия II, Саввы III, Никодима, первых трех сербских патриархов Иоанникия, Саввы и Ефрема и других видных личностей сербской истории. Именно поэтому относительно заверченный вид «Цароставник» приобрел только в последние десятилетия XIV столетия, когда в истории сербского государства и церкви уже фигурировали свои цари и патриархи (хиротония первого патриарха Сербии Иоанникия и венчание на царство первого сербского царя Стефана Душана имели место в 1346 г.). По масштабности замысла и полноте творческого воплощения данный свод может быть сопоставим со «Степенной книгой царского родословия», созданной на Руси при Иване Грозном в XVI столетии.

Наряду с «Цароставником» в сербской литературе с середины XIV в. начал развиваться летописный жанр, представленный византийскими хрониками, проникшими в Сербию через болгарское языковое посредство. Одна из них («Хроника Георгия Амартола») была переработана и получила дополнение под заголовком «Житие и жительство королей и царей сербских», которое стало основой для всех более поздних оригинальных сербских летописей. Древнейшая из них, так называемая «Старшая летопись», представляла собой галерею «миниатюрных портретов» сербских правителей, напоминая тем самым «Родослов». В отличие от нее, в появившейся в первой половине XV в.

«Младшей летописи» приводились лаконичные сведения об исторических событиях с указанием года, в котором они произошли.

Во второй половине XIV столетия Сербия подверглась нашествию турок, которое она не могла сдержать по причине своей феодальной раздробленности, наступившей после смерти могущественного царя Стефана Душана. Сначала сербы проиграли туркам битву близ Адрианополя на реке Марице (1371), а затем их объединенные с боснийцами силы потерпели страшное поражение на расположенном близ Приштины Косовом Поле (1389). В последнем сражении погиб князь Лазарь, тщетно пытавшийся накануне объединить страну под своим скипетром и превратить в столицу г. Крушевац. После косовской катастрофы турецкое продвижение в сербские земли несколько приостановилось из-за нашествия Тамерлана и неудачной для турок битвы при Анкаре (1402). Сербская трагедия получила временную полувековую отсрочку до падения тогдашней сербской столицы Смедерево (1459). Эти события не могли не отразиться на ходе развития сербской литературы. Культовой фигурой для нее становится князь Лазарь, плененный и обезглавленный турками над телом султана Мурада. Церковь провозгласила его мучеником, он становится героем литературных произведений, относящихся к различным жанрам: пространного и проложного житий, стихир, служб, похвал, эпитафии, плача. Одни из них анонимны – авторы других известны: например, создатель «Похвалы князю Лазарю» Антоний Рафаил Эпактит (то есть Чужак), бывший либо греком либо учившимся у греков сербом. Его написанное в 1420 г. произведение как бы завершает собой своеобразный «лазаревский» цикл, который состоит из десяти созданных в различное время и различными авторами сочинений.

Развитию гимнографии и агиографии в Сербии во многом способствовала реформа богослужебных книг, предпринятая в первые десятилетия XIV в. на Афоне. Ревизия богослужебных книг и введение Иерусалимского церковного устава (вместо прежнего Студийского) и «Стишного пролога» предусматривали наличие в службах уже не одного, а двух канонов. Это стимулировало написание новых канонов, тропарей, стихир и кратких стишных житий для пролога. Упомянувшийся нами книжник Феодосий Хиландарец составил несколько вариантов общих канонов Симеону, канон Иисусу Христу, житие Петра Коришского – отшельника, подвизавшегося в окрестностях Призрена во второй половине XIII в. Данила II Баньский, помимо житий архиепископов Арсения I и Евстафия I, сочинил и службы этим святым. Значительный вклад в сербскую гимнографию внес болгарин по происхождению патриарх Сербии Ефрем (1375–1379, 1389–1392). Его перу принадлежат каноны и многочисленные покаянные молебные стихиры Христу, Богородице, в том числе особый «Канон за царя». Сербский патриарх Данила III Баньский (ок. 1350–1399) на-

писал службу королю Милутину, в которой, помимо указанного святого, прославил его брата короля Драгутина и их мать Елену, а также создал проложные жития св. Симеону и св. Савве. Стихи к двум последним произведениям сочинил книжник Силуан, который, как считают некоторые исследователи, являлся князем, принявшим монашеский чин.

Правка богослужебных книг сопровождалась пересмотром переводов главных литургических текстов (Евангелия, Апостола и Псалтыри) и активизировала деятельность сербских переводчиков. Хиландарские игумены Никодим и Гервасий осуществили в первой трети XIV в. переложение с греческого языка «Иерусалимского типикона». Позднее, в период распространения учения исихастов, книжник Исаяй Серский перевел в 1371 г. сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита («О Небесной иерархии», «О Церковной иерархии», «О мистическом Богословии» и «Об именах Божиих»), подводившие итог достижениям христианской философии VI в. Возможно, в сербских землях перевели, кроме того, «Протоевангелие Иакова» и другие памятники. В целом же, особой нужды в масштабном переводе в стране не ощущалось. Сербская литература с самого начала своего становления попала в благоприятные условия, поскольку местные книжники XIII-XIV вв. могли не тратить свои силы на переводы, а через Афон или иным путем обильно черпать из того «золотого» запаса славянской книжности, который скопился к тому времени у болгар и русских. В сербских рукописях той эпохи присутствовало не только большинство переводных и оригинальных естественнонаучных, исторических, агиографических, гимнографических, апокрифических и другого рода произведений, появившихся у соседей болгар в эпоху Первого Болгарского царства, – в них уже нередко читались и такие русские сочинения, как житие Бориса и Глеба, несторовское житие Феодосия Печерского, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, полемическое «Слово о вере варяжской», составленное иноком Феодосием, притчи Кирилла Туровского и другие. Сербские книжники творчески использовали их при создании собственных литературных сочинений.

Среди жанров, не связанных непосредственно с церковным бытом, широкое распространение получили жалованные грамоты сербских государей опекаемым им монастырям: Стефана Немани, королей Стефана Первовенчанного, Милутина, Стефана Дечанского, царя Стефана Душана о введении им «Законника» и другие. Эти грамоты, как правило, имели вводную часть, называемую «аренгой», которая была исполнена исповедальной молитвенности и торжественности похвального слова. Аренги часто содержали в себе элементы автобиографии государя, служившие в дальнейшем источником при составлении житий. Нередко истинными создателями аренг выступали не са-

ми дарители, а литературно образованные иерархи: такие, например, как архиепископы Никодим и Данила II Баньский. Из других внецерковных жанров, развивавшихся во второй половине XIV в., следует упомянуть жанр эпистолярный. Образцами его могут служить письма книжника Силуана к афонскому исихасту Григорию Младшему, объединенные затем в отдельный цикл под названием «Эпистолии кир Силуановы».

Особенностью сербской средневековой литературы было участие в творческом процессе нескольких писательниц-женщин. Одной из них была супруга деспота Углеши княгиня Елена, создавшая (между 1368 и 1371 гг.) «Плач» по поводу безвременной кончины ее младенца Углеши Деспотовича. Текст этого произведения был выгравирован на обороте иконы-складня с изображением Христа и Богородицы. Чуть позднее, она потеряла мужа, погибшего в битве с турками на реке Марице (1371), постриглась в монахини под именем Евфимия и сочинила «Моление Господу Иисусу Христу» (1399), вышив золотом текст молитвы на завесе для царских церковных врат. (И икона, и завеса были посланы ею на Афон в дар Хиландару). И, наконец, она выступила автором поэтической «Похвалы князю Лазарю» (1402), текст которой вышла золотыми нитками на покрове для раки с мощами святого в Раванице. Помимо Евфимии, писательницей выступила княгиня Милица вдова князя Лазаря, составившая «Плач» по своему убиенному на Косовом поле супругу (он был включен Данилой III Баньским в созданное им «Слово о князе Лазаре»). Творческий почин Милицы позднее был продолжен третьей дочерью князя Лазаря, княгиней Еленой Балшич, Дважды овдовев (первым ее мужем был Зетский правитель Балшич), она в 30-е годы XV в. жила затворницей на уединенном острове Скадарского озера и вела оживленную духовно-религиозную переписку со своим духовником монахом Никоном Иерусалимцем. Эти факты свидетельствуют о своеобразии древней сербской литературы, отличавшейся, например, от литературы болгар, в которой литературное творчество было исключительно мужским занятием.

Вскоре после гибели князя Лазаря попавшей в зависимость от турок страной начал править его старший сын деспот Стефан Лазаревич († 1427), прекрасно образованный книжник. Он занимался переводами с греческого языка и выступил автором ряда оригинальных сочинений. Из них до нашего времени дошли написанные им Плач по князю Лазарю («Надгробное рыдание над князем Лазарем»), эпитафия мученику-отцу, которая была высечена на памятном мраморном столбе на Косовом поле, эпистолярное «Слово о любви», адресатом которого, возможно, являлся брат деспота Вукан, и аренда из грамоты Стефана Хиландарской обители. Все они относятся к первому десятилетию XV в. и, вместе с сочинениями монахини Евфимии и патриарха

Данилы III Баньского, составляют круг «придворной» литературы. Последний иерарх взшел на патриарший престол около 1391 г. и принял решение о переносе мощей князя Лазаря из церкви св. Спаса в Приштине в монастырь Раваница. Этому состоявшемуся на следующий год после его избрания патриархом событию он посвятил «Слово о св. князе Лазаре», напоминающее по своим жанровым особенностям воинскую повесть. С большей или меньшей степенью вероятности его перу также приписываются другие, посвященные князю Лазарю произведения: проложное житие, служба и похвальное слово мученику.

Помимо святого князя Лазаря – центральной фигуры сербской агиографии рубежа веков, прославляются в то время и другие Христовы подвижники. Епископ Марк Печский (1360–1411) пишет житие и службу своему духовному отцу патриарху Ефрему († ок. 1400), службу архиепископу Никодиму, а также биографическое «Слово в память Герасима и Евгении» – своих родителей, братьев и сестер, завершивших жизненный путь в монашестве. Значительный вклад в развитие местной агиографии тогда внесли болгарские писатели эмигранты Григорий Цамблак и Константин Костенецкий. Первый из них в период своего пребывания в Сербии (первое десятилетие XV в.) и игуменства в Дечанском монастыре написал службу и новое житие деспота Стефана Дечанского. В них он создал идеализированный образ кроткого правителя-мученика, поклонника исихастских идей, жертвы коварства и жестокости близких. Замечательным сочинением являлась и «Повесть о перенесении мощей св. Петки из Тырнова в Видин и Сербию в 1398 г.», представлявшая собой настоящий панегирик сербской земле. Что же касается Константина Костенецкого, то он перебрался в Сербию чуть позже своего соотечественника и обрел кров при дворе Стефана Лазаревича в Белграде, куда тот перенес сербскую столицу. Уже после смерти своего благодетеля болгарский книжник создал в 30-е годы XV в. две версии его жития, изобилующего вставками летописного характера и напоминающего порой то эллинистическую биографию, то панегирик Сербии, то плач по ней. Он также написал филологический трактат «Разъясненное сказание о письменах» и осуществил переводы ряда сочинений с греческого языка, о которых уже говорилось в болгарском разделе.

Преемником Стефана Лазаревича на престоле стал его племянник деспот Георгий Бранкович († 1456), который переместил свою резиденцию в Смедерево. Произведений, написанных в новоявленной столице, было совсем немного, поскольку турецкое кольцо вокруг еще свободных сербских земель продолжало сжиматься. За четверть века от утверждения во власти Георгия Бранковича (1433) и до падения Смедерево (1459) анонимные книжники в 50-е годы XV в. создали два рассказа о Перенесении мощей апостола Луки из гре-

ческого Рогоса в Смедерево и помещении их в митрополичьей церкви Благовещения с целью защиты города от турок. Еще один анонимный книжник, условно вошедший в науку, как Смедеревский проповедник, создал «Слово надгробное деспоту Георгию Бранковичу» (1456), проникнутое тревогой за будущее родной земли. Другие переводные и оригинальные сочинения сербских книжников создавались вне столицы «деспотовины» в тех уголках Балкан, которые не беспокоили турки. Таковыми были, например, выходцы из г. Ново Брдо писатели Владислав Грамматик и Димитр Кантакузин, покинувшие родной город после окончательного захвата его турками (1455) и принявшие впоследствии монашеский чин.

Первый из них, бывший превосходным писателем, переводчиком и каллиграфом, трудился сначала в Младо Нагоричано близ Куманово, а затем в Жеглиговском монастыре, расположенном у подножья Скопской Черной Горы, где создал замечательные рукописные сборники «Пределы» (1456) и «Загребский сборник» (1469). (Последний манускрипт приобрел такое название по месту своего архивного хранения позднее). Некоторые исследователи считают, что Владислав работал затем в Рильском монастыре, где хранятся несколько его сборников, и написал здесь «Рильскую повесть» (1469), посвященную перенесению мощей св. Ивана Рильского из Тырново в основанную им Рильскую обитель. Не менее даровитым переводчиком и писателем являлся Димитр Кантакузин, искусно переложивший с греческого языка молитвы Ефрема Сирина и создавший в конце 60 – начале 70-х годов XV в. великолепную стихотворную «Молитву Богородице». Она навеяна покаянной поэзией Андрея Критского и более поздних византийских гимнографов. Он также составил похвальные слова Димитрию Солунскому и Николаю Мирликийскому и сочинил по просьбе иноков Рильского монастыря службу и слово похвальное Ивану Рильскому. Кроме того, книжник выступил в качестве автора ряда посланий, но до нас дошло единственное из них – послание domesticу Исайе – церковному композитору, подвизавшемуся, предположительно, в Жеглиговском монастыре.

В Хорватии, входившей в сферу влияния Рима и крещенной в начале IX в. франкскими епископами, сначала использовались латинские книги. После 886 г. в северо-западных хорватских землях появились кирилломефодиевские учебники и начала распространяться глаголица, получившая статус сакральной азбуки в Риме во время поездки к папе Римскому братьев Кирилла и Мефодия (869). В дальнейшем, однако, эта азбука неоднократно подвергалась запрету, сменявшемуся затем временными послаблениями. В других областях страны, где было сильно болгаро-византийское влияние, использовалась кириллица: она утвердилась в XII–XIV столетиях в Боснии, Загорье, средней и южной

Далмации. В то же самое время в ряде далматинских городов и Посавской Хорватии господствовала латиница. В первый период развития хорватской литературы (IX – середина XIII вв.) в ней распространяются памятники богослужебного содержания и сборники на церковнославянском языке («Синайский миссал», XI в.; «Будапештские отрывки», XI–XII вв.; «Венские листки», XII в.; «Сплитский отрывок», XIII в.; и др.). На его протяжении поддерживаются связи с великоморавской, болгарской и русской литературами.

Второй период развития хорватской литературы, длившийся с середины XIII по XIV вв. включительно ученые характеризуют как «переходный». В это время содержание славянских литургических книг приравнивается к римской богослужебной практике, появляются внебогослужебные религиозные памятники, свойственные «западному» кругу чтения. Наряду с переводными житиями св. Феклы, свв.40-ка Севастийских мучеников, св. Георгия, апокрифическим сказанием «Слово на Благовещение» и другими произведениями, восходящими к ареалу *Slavia Orthodoxa*, в хорватской письменности все чаще начинают бытовать полуапокрифические произведения, вроде «Послания о воскресении», «Прения Иисуса с дьяволом», «Трактата о семи смертных грехах», «Видения св. Бернарда» и др., пришедшие к хорватам из *Rex Latina*. К этому периоду относится и ряд юридических документов («Винодольский законник», 1288; «Повальская грамота», 1250; и «Истрийский развод», 1275, 1325), интересные использованием в них хорватской кириллицы, глаголицы и обильным присутствием элементов народной речи (в том числе диалогов и пейзажных зарисовок в последнем памятнике). Книжники создают хорватские тексты и на латинице, примером чему может служить «Корчуланский лекционарий» (конец XIV в., фрагмент) – самый ранний из сохранившихся литургических памятников хорватской письменности такого рода.

Последний период развития хорватской средневековой литературы (XV – начало XVI в.) специалисты называют «зрелым». Для него характерно активное усвоение тем и образов из латинской, итальянской и чешской литератур, а также создание сборников смешанного содержания, писанных на народно-разговорном или «гибридном» языке с употреблением церковнославянизмов. Кириллическая традиция в хорватских землях за это столетие заметно оскудела, поскольку после того как турки разгромили сербов на Косовом поле (1389) и захватили Боснию (1463) с Герцеговиной (1493), движение литературных памятников с кириллического Востока на глаголический Запад утратило свою динамику. Для дальнейшего развития своей культуры хорватам следовало шире открыться влиянию, идущему из *Rex Latina*, и это начало сказываться на облике национальной литературы. В ней стали распространяться брeвиарии – антологии духовного чтения западного типа с памятниками, не

встречавшимися в *Slavia Orthodoxa*. В глаголические бревиарии, например, входило житие св. Иеронима – знаменитого переводчика Библии на латинский язык (IV в.), которое хорваты позаимствовали для перевода в конце XIV – начале XV в. из «Чешского пассионала». Тогда же на хорватский язык переводится и дидактическое сочинение итальянского автора «*Fiore de virtú*» («Цвет мудрости»). В местной литературе того времени бытуют переводные средневековые романы и повести, некоторые из которых позднее проникли к другим южным и восточным славянам. Таковым был, в частности, русский «Роман о Бове королевиче», несший в себе хорватские языковые элементы и совпадавший по содержанию с текстом венецианского оригинала. Через хорватское переводное посредство к сербам и русским, возможно, попала «Александрида» – античный роман об Александре Македонском.

Одним из межевых памятников хорватской прозы того времени является «Хрвоев миссал» XV в., созданный для боснийского воеводы, герцога Сплитского Хрвоя (1403–1404). Он возник в южноиталийской области, служившей перекрестком византийской и западной римской книжных традиций. Благодаря итальянскому влиянию зарождаются тогда и зачатки хорватской драмы, представлявшие собой «драматизации» различных религиозно-тематических циклов: сначала Страстей Христовых, а затем Рождественского и Пасхального. В период «зрелости» расширяются тематика и идейно-образный диапазон хорватских народных песен (например, рождественских колядок), которые сохраняли при этом древнюю хорватскую восьмисложную метрику. Большое значение придается в то время ведению заметок летописного характера. В этом жанре очень показателен эмоциональный рассказ попа Мартинца о знаменитой битве хорватов во главе с Эмилином Деренчиным с турками на Крбавском поле (1493), который автор поместил в переписывавшемся им бревиарии. Существенным достижением этого периода является выпуск первой хорватской печатной глаголической книги под названием «Миссал по закону римского двора» (1483). Она была издана в типографии г. Сень, функционировавшей около четверти века. В ней был отпечатан и сборник «Чудеса славной Девы Марии» (1507), заключавший в себе тексты, переведенные с латинского языка на хорватский язык еще в XIV–XV столетиях.

В качестве особенности развития хорватской средневековой литературы можно отметить не только употребление в ней трех азбук, но и почти постоянное использование в письменности двух языковых установок. Эта двоякость состояла в том, что внебогослужебные памятники хорваты обычно писали на языке с элементами просторечья, сильно отличавшемся от языка церковной литургии. В этом смысле векторы ее развития совпадали с направлением процессов, протекавших в родственной литературе сербов.

Трудно проходил процесс становления славянской литературы и письменности в Боснии. Боснийские славяне сумели объединить свои земли под властью бана Кулина в конце XII в., и занимали территорию между Дриной и Врбасом. К этой эпохе относится грамота упомянутого бана о мире с Дубровником, написанная на народном языке (1189). Однако, несмотря на относительную самостоятельность, Босния постоянно испытывала политическое и религиозное давление со стороны Венгрии и Римской папской курии. Со второй половины XII столетия она находилась в юрисдикции католического Дубровницкого архиепископства, но боснийцам, правда, позволялось использовать в богослужении славянский язык. В XIII столетии, воспользовавшись противостоянием между Римской курией и венгерскими королями, местная церковь сумела отколоться от Рима и проводила богослужение по византийскому обряду. Древнейший дошедший до нас богослужебный памятник боснийской письменности – кириллическое «Ватиканское Евангелие» – датируется XIII столетием. В следующем веке при бане Степане II Котроманиче (1322–1353) венгерское влияние в боснийских землях пошло на убыль: от этой эпохи сохранилось писанное на пергамене в 30-е годы XIV в. «Дивошево Евангелие». Впоследствии Степанов племянник Твртко I, являвшийся потомком Стефана Немани по женской линии, был провозглашен в сербском монастыре Милешево первым боснийским королем (1377). Однако католическая церковь во второй половине XIV–XV вв. вновь прибрала Боснию к рукам и повела на славянскую письменность активное наступление. Тем не менее, до того, как Босния попала под власть турок (1463), кириллические рукописи в ней продолжали создаваться. Их образцами могут служить «Копитарово Евангелие» (вторая половина XIV в.), «Баталово Евангелие» и «Евангелие Сречковича» (оба конца XIV в.), грамота короля Степана Дабиши (1392) о награждении воеводы Хрвоя за успешную борьбу против турок, а также сборник, написанный для упомянутого воеводы священником Хвалом (1404).

Столь же трудно проходило становление и словенской литературы. Словенские племена освоили земли Карантании, принадлежавшие Римской империи и доставшиеся затем Франкскому государству (843). Позднее словенцы перешли под эгиду Баварии, но этот переход оказался судьбоносным для развития национальной славянской литературы и письменности. Давление на них латинской, а позднее и немецко-протестантской литературы оказалось чересчур сильным. Словенские переводные и оригинальные сочинения писались преимущественно на латинском и немецком языках и создавались главным образом членами монашеских орденов. Древнейший памятник словенской письменности – «Фрейзингенские (или «Брижинские») отрывки» – датируется концом X – 30-ми годами XI в. Они были открыты в латинской

книге немецкого епископа Абрахама из г. Фрейзинген, прибывшего в конце X столетия в Карантанию в качестве миссионера. Отрывки носят религиозный характер: это две исповедальные молитвы и проповедь о грехе и искуплении. Не исключено, что часть из них являлась не переводом с немецкого языка, но имела своей основой древние словенские тексты. Вторые по древности произведения на словенском языке относятся к XIV в. и помещены в «Ратечской рукописи» (1362–1390). Подобно «Фрейзингенским отрывкам», они тоже связаны с церковной практикой: это молитвы «Отче наш», «Аве Мария» и «Символ веры». Молитвенные и исповедальные сочинения, написанные на доленском наречии словенского языка, обнаруживаются в следующем веке в «Стиченской рукописи» (словенские записи в ней датируются 20-ми и 40-ми годами XV в.). Кроме того, в этом же веке словенские книжники делали записи в книгах и на глаголице. Вот, практически все, что дошло до нас от словенской письменности эпохи Средневековья.

Подводя итоги развитию литературы и письменности на славянском юге в эпоху Средневековья, можно отметить, что наибольших успехов здесь добились Болгария и Сербия. Но произошло это совсем не потому, что они являлись государствами наиболее многочисленных славянских народов на Балканах. Решающим было вхождение этих стран в общность *Rex Orthodoxa*, в которой славянская письменность имела гораздо большее право на существование, чем в ареале *Rex Latina*. Обладая славянской письменностью и государственной независимостью, Болгария и Сербия приблизительно за два с половиной века (если точнее, то за 240 и 260 лет) сумели добиться выдающегося литературного прогресса. Однако попадание этих стран под господство турок и крушение Константинополя – этого центра восточно-христианской цивилизации, прервали происходивший в них литературный взлет и предопределили появление среди балканских славян новых культурных лидеров.

Л и т е р а т у р а

- История на българската литература. Т. I. Старобългарска литература. София, 1963.
- История литератур западных и южных славян. Т. I. От истоков до середины XVIII в. М., 1992.
- История культур славянских народов. Т. I. М., 2003.
- История на българската средновековна литература. София, 2008.
- Калиганов И. И., Польшванний Д. И.* Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков. М., 1990.
- Петканова Д.* Старобългарската литература IX–XVIII в. София, 1992.

- Богдановић Д.* Историја старе српске књижевности. Београд, 1980.
- Деретић Ј.* Историја српске књижевности. Београд, 1983.
- Трифуновић Ћ.* Азбучник српских средњовековних књижевних појмова. Београд, 1990.
- Jugoslovenski književni leksikon. Novi Sad, 1971.
- Bogišić R.* O hrvatskim starim pjesnicima. Zagreb, 1968.
- Georgjević K.* Hrvatska književnost u sjevernoj Hrvatskoj Bosni. Zagreb, 1969.
- Hercigonja E.* Srednjovjekovna književnost. Povjest hrvatske književnosti. Zagreb, 1975. Knj. 2.
- Janž S.* Istorija slovenačke književnosti. Sarajevo, 1959.
- Slodnjak A.* Slovesko slovstvo. Ljubljana, 1968.
- Zgodovina slovenskega slovstva. Ljubljana, 1956. T. I.
- Словенская литература (От истоков до рубежа XIX–XX веков), М., 2010.

Н. В. Злыднева (Москва)

Югославянский авангард и балканская мифология

Владимира Константиновича Волкова отличал широкий круг научных интересов. События политической и социально-экономической истории он рассматривал в неразрывной связи с историей духовной. Предлагаемый памяти В. К. Волкова очерк касается важного явления новейшей истории искусств Балкан – региона, плодотворному изучению которого ученый отдал всю свою жизнь.

Любой авангард по своей природе радикален, и в своих декларациях он решительно отмежевывается от прошлого. Между тем, независимо от интенций участников движения, прошлое проступает в скрытом виде, в виде отпечатавшихся в памяти культуры стереотипов мышления, в частности – мышления мифологического. Это особенно характерно для славянского региона, и в первую очередь для русского авангарда, неосознанно ориентировавшегося на архаические модели культуры. Глубинные пласты сознания художников пришли в соответствие с поэтикой авангарда, определив установку на мифологему новизны в поисках выразительных форм, ритуал инициации в эпатирующем художественном (и бытовом) поведении, демонологический корпус персонажей в литературе и искусстве¹. Еще более явно мифологическое мышление нашло отражение в искусстве южных славян первой трети XX в.

В рассмотрении явления, о котором пойдет речь – а именно, выходявшем в Загребе и Белграде журнале «Зенит» авангардной ориентации – мифологический субстрат выражен в наименьшей по отношению к другим балканским явлениям литературы и искусства виде, однако тем оно показательнее. Мы исходили из презумпции, что культурное пространство Балкан как своего рода «текст» мифологично *par excellence*. Действительно, в этом регионе, где парадоксальным образом постоянные войны и межконфессиональные конфликты соединялись с сосуществованием на единой территории многих наций, языков и конфессий, сознание участников исторического процесса находилось в непрекращающемся кипении духа в усвоении чужих образцов при резком противопоставлении им своего локально-национального. Низовые слои культуры – в качестве плацдарма самобытности – при этом часто определяли профессиональное творчество, а архаические слои сознания задавали неизменную матрицу историко-художественных трансформаций.

Специфика балканского региона – как и сама Балканская Модель Мира, столь подробно и глубоко изучающаяся Т. В. Цивьян², выражается не в частностях, а в целом, то есть мерцательно – вспомним известный тезис В. Н. Топорова о возможности изучения Балкан как мерцающего объекта в макроконтексте истории³. Таким образом, вычленение собственно балканского, а стало быть, мифологического, возможно, во-первых, с применением крупной оптики, а во-вторых, в связи с общерегиональным художественным контекстом.

Следует учитывать, что существует три вида организации художественных текстов, будь то литература или искусства (в широком смысле – текстов культуры), исключая фольклор, которые ориентированы мифологически. Это, во-первых, примитив, то есть опора художественной системы на срединный уровень культуры, где высокое и низовое сплавляются воедино, образуя новое качество (таковы знаменитый югославский примитив XX века в живописи, таковы и гибридные формы в литературе, совмещающие школьную традицию и низовую культуру – например, творчество Джуры Якшича в 19 веке). Во-вторых, это непреднамеренная мифологичность, возникающая благодаря отчасти эстетической установке, но в большей мере – самой принадлежности автора БММ: примером может служить творчество Иво Андрича. Наконец, в третьих, это использование мифопоэтических кодов в модернизме как осознанный прием: Крсто Хегедушич в социально ангажированной живописи 1930-х годов, Йордан Радичков и Милорад Павич в литературе 1970-х и более позднего времени. Однако мы предлагаем рассмотреть балканский авангард как лежащий вне этого списка – четвертый вид такого рода текстов: в нем региональная мифологичность возникает не благодаря, а вопреки сознательной установке действующих лиц и исполнителей.

Действительно, одной из целей создателей журнала «Зенит» с подзаголовком «Интернациональный журнал искусства и культуры», возникшего на волне позднего авангарда 1920-х годов в числе ряда других журналов у южных славян, было разрушение стереотипов балканскости в глазах левоориентированного западного сообщества, но при этом явные мотивы или неявные глубинные проявления собственно балканского не только не исчезали из практики художников и литераторов, но и парадоксальным образом акцентировались. Журнал выходил с 1921 по 1926 г. вначале в Загребе, а затем в Белграде, и выпускался силами Любомира Миичича (1895–1971), авангардного поэта и критика, а также его брата Бранко Ве Полянского – художника и поэта. Журнал был не единственным авангардным периодическим изданием – были и другие, такие как *Светокрет*, *Дада Танк*, *Dada Jazz*, *Dada-Jok*, *Ut*, *Путевци*, *Сведочанства*, *Хипнос*, *Рдечи пилот*, *Нови одер*, *Танк*, *Вечност*, *50 у Европи*, *Алманах Немогће/L'Impossible*, *Надреализам данас и овде*, однако «Зенит»

выступал как самый последовательный в плане реализации установки на интернациональное представительство авангардных мастеров южно-славянского происхождения. Идея создания журнала возникла у его организаторов вскоре после образования Государства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г. В эти годы идея единения балканских народов воплощалась в организации совместных выставок и других мероприятий, а также в ангажированности определенной тематики произведений: так, например, именно в эти времена был создан знаменитый «Косовский цикл» скульптура Ивана Мештровича, в те годы горячего поборника югославянского братства. Журнал был ориентирован на единство балканского представительства: помимо хорватов и сербов в публикациях и организуемых редакцией выставках участвовали болгарин Гео Милев, словенцы Аугуст Чернигой и Станислав Винавер, а также художники и поэты других национальностей – венгры, румыны, албанцы.

Журнал имел и широкие международные контакты. В нем печатались тексты и графика немецких экспрессионистов (Георг Гросс), итальянских футуристов (Маринетти и Аполлинер), французских авангардистов, чешских авангардных мыслителей (Карел Тайге). Непосредственным образцом для подражания стали как раз иностранная авангардная периодика – немецкий «Der Sturm» и русский журнал «Вещь», издававшийся в Берлине писателем И. Эрэнбургом и художником Эль Лисицким. Но поскольку «Вещь» вскоре после первых выпусков прекратил свое существование, «Зенит» стал своего рода его продолжением, и потому издатели русско-берлинского журнала явились одними из главных иностранных застрельщиков югославянского издания. На страницах «Зенита» нашла отражение деятельность и многих других представителей русского авангарда, главным образом, имеющих отношение к тогдашнему Берлину, но и не только. Среди имен наших соотечественников – Хлебников, Кандинский, Малевич, Маяковский, Крученых, Архипенко, Родченко, Шаршун, Шагал, Северянин. Один из сдвоенных номеров 1922 г. (17/18) был целиком посвящен русской литературе и искусству тех лет, и Лисицкий создал для него конструктивистскую обложку (начавшись как журнал преимущественно экспрессионистской ориентации, журнал вскоре перешел на позиции конструктивизма).

Контаминация голосов и направлений, представленных в журнале, соответствует эпохе первой половины 20-х годов, когда кульминация авангарда уже осталась позади, на арену вышли новые лица, и поиски стали все более носить технологический характер, то есть, журнал появился в момент точки наивысшей дефуркации авангарда. Характер времени пришел в резонанс с БММ, обнаружив соответствие с ее парадоксальным сочетанием крайностей. Эклектичность программы журнала и его эстетическая всеядность могут быть проч-

тены в русле принципа балканского бриколажа – ассоциативной осколочности соположения разнородных фрагментов, складывающихся в новое целое. Однако хотелось бы отметить и более определенные указания на балканский мифологизм «Зенита».

Содержание номеров составляли тексты писателей и поэтов, информация о выставках, манифесты. Наибольший интерес представляют манифесты самого Любомира Миичича. С одной стороны, они демонстрируют универсальность установок авангарда в целом, прокламируя разрушение старого во имя нового, витализм, антибуржуазность, нищенский эгоцентризм и эксперименты в области художественного языка. С другой стороны, отбор и акцентировка этих компонентов универсального складываются в региональную уникальность. Так, в числе оппозиций (Христос / не Христос, Бог / скотина, вертикаль неба / горизонталь труба) мы встречаем здесь усиленные противопоставления свой/чужой и внутренний/внешний, возникающие как осознание различий между Европой и Балканами. Тема Балкан пронизывает многочисленные тексты, в явном или прикровенном виде посвященные присущим культуре региона первородности, исконности, близости к земле, но также и разрушительству и негативной энергетике. Последнее – тема бунта, войны, ниспровержения устоявшихся ценностей, характерная топка авангарда всех национальных изводов, здесь приобретает специфику: не бунт против традиции, а бунт как традиция, как непрекращающаяся «горячая» культура. Характерная для авангарда формула ритуала инициации (*rite-de-passage*) обретает здесь характер регионального автометаописания. Тем самым основополагающее свойство поэтики авангарда как поэтики оспаривания существующего, отрицания *status quo*, здесь парадоксальным образом возникает в позитивной форме: как утверждение этого статуса, взрывной характер которого присущ ему в силу самой природы региона и является неотъемлемым качеством динамических процессов, происходящих здесь постоянно.

В содержащихся в манифестах «Зенита» мотивах отделенности от Европы и преодоленного хаоса (воспоминания о недавней войне) и акценте на балканском локусе прочитывается региональный авангардный космогонический миф. Был сформирован и культурный герой – Миичич называет его барбарогением (гением-варваром): «Мы – югославские варвары. Полет, динамика идей, самосознание высоко нас возносит, нацеливает на далекое, вверх, к Зениту» (здесь и далее: перевод мой. – Н. З.). Позднее Миичич опубликует свой роман под названием «Барбарогений – децивилизатор». Проект зенитизма предполагал быть идентифицированным с лозунгом балканизации Европы и метафорической фигурой гения-варвара, который встает во главе этого процесса. Под балканизацией Европы подразумевалась гибель старого света и привнесение

новых идей с мистического Востока, новых сил и энергии, которую воплощал в себе свежий и мощный дух балканского варварогения. В сдвоенном 17-18 номере Л. Миич писал: «Зенитизм – это варварский, антикультурный, дикарский пролом с целью балканизации Европы». А в своем манифесте 1921 г. основатель «Зенита» призывал рассматривать зенитизм в более широкой перспективе, нежели в рамках расплывчатой категории духа, и при этом напрямую апеллировал к терминологии русского авангарда: «Зенитизм – не само дух = четверта димензија» (Зенитизм – это не только дух = четвертое измерение). В этом программа сербского авангардиста очевидным образом заимствует постулаты В. Хлебникова, М. Матюшина, К. Малевича, опираясь на весь спектр идеологических источников авангарда, стремящихся к расширению духовной зоны человеческого обитания за счет внедрения в категорию пространства категории времени.

Примечательно соединение крайностей у Миича: «Зенитизм является позитивной энергией в воздвижении вертикали нового духа... Зенитизм – это и негативная энергия, потому что она тратится в неизбежной борьбе с духом многочисленных евнухов духа». Отсюда – противоречивое космологическое строительство при отождествлении ценного с хаосом. Так, в стихотворении «Речи у простору» (Слова в пространстве) Миич вопрошает: «Русијо мајка хаоса / зашто је твоја тајна: Револуција?» (Мать Россия, почему твоя тайна – Революция?). Негативный витализм и тяга к примитиву – разумеется, типична всему авангарду. Однако в акцентировании балканскости варварогения трудно не углядеть мерцания специфической мифологичности мышления в уже упомянутом стремлении к самоописанию Балкан как изолированного локуса (вспомним исследования Т. В. Цивьян об «островном» типе сознания греческого поэта К. Квафиса – одного из ярких носителей БММ⁴).

Балканскость «островного» сознания участников зенитизма поддерживается и реализованной в тексте культуры, которую они представляют, мифологемой пути. Слово путь содержится в названиях многих сопутствующих «Зениту» более мелких журналов авангардной ориентации – «Путеви» (Белград), «Ут» (в переводе с венгерского путь, журнал венгров Воеводины), «Нови одер». Семантика пути заключена и в этимологии слова зенит, восходящей, согласно словарю Фасмера к соответствующему арабскому корню)⁵. В этом свете представляется не случайным, что и одно из трех опубликованных в «Зените» в 1922 г. стихотворений русского поэта Григория Петникова называлось «Пути, которые мы выбираем». Интересно, что и в наши дни у югославянских исследователей в связи с «Зенитом» неосознанно возникает образ пути: белградский искусствовед Ирина Суботич сравнила поведение представителей авангардной периодики того времени с поведением кочевников: «Ти часописи

су, у ствари, били форуми авангардних покрета, као разни облици номадског понашања» (Эти журналы, по сути, были форумами авангардных движений, как разные проявления кочевнического поведения)⁶.

Мегафизика пути и острова зенитизма воплотились в отборе этим движением персонажей – в частности, в фигуре Эль Лисицкого как выражение граничности этого мифопоэтического сознания. Известный российский исследователь авангарда Хан-Магомедов определил Лисицкого как личность скорее интегрирующего, нежели генерирующего типа, отметив, тем самым, ее граничность⁷. Действительно, Лисицкий выступил как посредник между традициями еврейского местечка и русского утопизма, между супрематизмом и конструктивизмом, рациональным и функциональным в архитектуре. Он вывел в третье измерение двумерные супрематические фигуры – так называемые проуны, обозначив тем самым своего рода пространственное пограничье, и предвосхитил переход от синтагматики авангардного текста к прагматике позднего авангарда. Наконец, выступив на арену художественной жизни в эпоху авангарда на излете (в 1925 г. он писал своей жене: «Прошло экстатическое время революции»⁸), он был одним из тех, кто внедрил иронию в авангардный дискурс, означавшую истоншение авангардной парадигмы и закат новаторской художественной формации. Возникает автопародия. Парадоксализм и граничность фигуры Лисицкого будто отлита по модели балканского авангарда (и зенитизма в частности) с его тягой к слиянию неслиянного. То неслучайное обстоятельство, что Эль Лисицкий принял активное участие в зенитизме, позволяет рассматривать этого мастера как своего рода автопортрет югославянского авангарда⁹.

Негативный архаизирующий витализм зенитизма нашел выражение в названии дадаистического журнала, отпочковавшегося от «Зенита»: он был основан Бранко Полянским под названием DaDa-Jok. В этом названии соединились принцип парадокса (абсурдистское дада и его отрицание как подтверждение абсурда в квадрате) и бриколажа (в соединении европейское Dada в с турцизмом Jok – отрицательное местоимение). Архаичности вторят и мотивы ритуального возвращения к истокам в текстах Мицича и Полянского: отрицание и утверждение как круговорот извечного возвращения – на материале отрицания и утверждения экспрессионистских или дадаистических принципов не только в «Зените», но и в журналах «DaDa-Jok» и «Dada Tank». Пафос негации и в «Зените», и в «DaDa-Jok» – сродни и парадоксальному балканскому негативизму с характерной темой добровольной жертвы, о которой писала Т. В. Цивьян, опираясь на семантику народной румынской поэмы «Миорица»¹⁰.

Своеобразное дионисийство (не случайно основная ставка югославянских авангардистов делалась именно на русский авангард, унаследовавший прин-

цип дионисийства от второго поколения символистов) проявилось и в рисунках, публиковавшихся на страницах «Зенита». В них мифологическое слияние Европы и Крита, мотивов хтонического женского существа (Гидры), а также в рисунке с включенными в изображение словами «zenitism – moi je suis l'esprit»: здесь и хтоническая мотивика, и андрогенные существа, и тема пути, характерные для низовой балканской культуры.

Таким образом, балканский авангард, сгруппировавшийся вокруг югославянского журнала «Зенит», является наглядным свидетельством того, как в БММ из универсального складывается уникальное.

Иллюстрацией к этому утверждению может служить стихотворение, опубликованное в одном из номеров журнала «Зенит», которое принадлежит перу одного из его основателей Бранко Ве Полянского. Приведем его полностью.

УСТАЈ

Дан је шакалово око
 Зашто очи гладују за **мраком**
 Дан је гладан барикада
 Устај
 Небо је лудакова кошуља
 Велике **цесте** глоћу **сунце**
 Градимо **балканске** куле
 Авај Европо
Друмови твоји пожелеле **Балканаца**

(Восстань. День – это око шакала / почему глаза жаждут мрака / день – это голодные баррикады / восстань / небо – это рубашка сумасшедшего / огромные дороги гложут солнце / строим балканские башни / привет, Европа / твои пути возжелают балканцев)

В этом свободном по форме стихотворении присутствует вся балканская мифопоэтическая символика с ее космизацией мира в противопоставлениях тьмы и солнца, акцентированием мотива пути-дороги (цесте, друмови), а также утопическим мотивом башни (балканске куле), оспаривающим приоритет неба в его сниженном варианте (небо уподоблено рубашке безумца). Пафос – призыв к преоборению Европы дикой мощью молодого балканского племени, то есть к преоборению европейской культурной традиции во имя авангардного обновления мира. Подобный мерцающий мифологизм зенитизма следует прочитывать как самоописание регионального менталитета.

Примечания

¹ См.: Злыднева Н. В. Русский художественный авангард и славянская мифология: мифопоэтика хтонического // Материалы к Конгрессу славистов в Охриде. М., 2008; см. также сербское переиздание этой статьи: Руска ликовна авангарда и словенска митологија // Летопис Матице Српске. Нови Сад, Април, 2010, Књ. 485. Св. 4. С. 641–650.

² См.: Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

³ Топоров В. Н. Балканский макроконтекст и древнебалканская нео-энеолитическая цивилизация (общий взгляд) // VI Международный Балканский Конгресс. Лингвистика. М., 1989.

⁴ Цивьян Т. В. Остров, островное сознание, островной сюжет // Она же. Язык: темы и вариации. Избранное. Том II. М., 2008. С. 151–160.

⁵ Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. <http://vasimer.narod.ru/p218.htm>.

⁶ Суботић И. Од Авангарде до Аркадије. Београд, 2000 // Интернет-ресурс: <http://gastko.org.yu>.

⁷ Хан-Магомедов С. О. Новый стиль, объемный суперматизм и проуны // Л. М. Лисицкий. 1890–1941. Каталог выставки. М., 1990. 35–42.

⁸ Хан-Магомедов С. О. Там же.

⁹ Злыднева Н. В. Эль Лисицкий как автопортрет югославянского авангарда // Автопортрет славянина. М., 1999. С. 232–240.

¹⁰ Цивьян Т. В. Лингвистические основы ...

Л. А. Софронова (Москва)

Кинематограф – художественный код советской истории

Кинофильм как всякое произведение искусства свидетельствует о том времени, в котором он создается и которое воспроизводит. Он творится в истории, отражает ее и одновременно участвует в осознании исторического процесса. Движение жизни общества во времени не может не отражаться на экране, как и восприятие этого движения. «Являясь в этом смысле историческим источником, фильм отражает черты менталитета, присущего конкретно-исторической социокультурной общности – эпохе, культуре (понимаемой как этноязыковое и конфессиональное единство), группе сходных и/или родственных культур, политическому образованию, а также социальной стратe (слою, категории населения)»¹. На материале кинематографа возможно проследить изменения представлений о мире и человеке, об истории и политике, о быте и нравах. Мы попытаемся это сделать на материале советского кинематографа 1940–1960-х гг., имея в виду влияние этих изменений на его художественный язык.

Основные идеологемы социалистической эпохи, оставаясь неизменными, в эти годы по-новому внедряются в массовое сознание. Это происходит потому, что изменяется коммуникативная ситуация в культуре и способ подачи этих идеологем. Они теперь подаются не только прямо, но и косвенно, притом в смягченной форме; им даже оказывается некое противодействие, естественно, в рамках дозволенного. Враг, главный отрицательный герой советского кино, перестает быть лишь внешним и переходит в разряд внутренних, он иногда приобретает «человеческие» черты; всегда доносившиеся с экрана лозунги теперь взаимодействуют со словом повседневности, естественно, разрушающим слово официального языка. Так ослабляется идеологический напор на зрителя. Вожди уже не появляются на экранах, зато в кинопространстве расставляются знаки власти – их портреты, кумулирующие в себе основные политические смыслы эпохи.

Враг Довоенный кинематограф выводил образ врага, опираясь на противопоставление своего и чужого, добиваясь их максимального разведения между собой. Чужой прежде всего – это шпион, стремящийся любой ценой разрушить завоевания советского общества. «...детективно-приключенческая кинопродукция тридцатых-сороковых годов адаптировала и иллюстрировала для массового сознания политический курс государственной власти, определен-

ного словами И. Сталина о том, что сопротивление классового врага будет неуклонно возрастать по мере успешного строительства социализма)². В послевоенные годы оппозиция свой/чужой также определяет многие киносюжеты. Их ядро остается неизменным: шпион не покидает советского экрана, но теперь он более тщательно маскируется, как в к/ф «Застава в горах» (1953, К. Юдин, Вл. Герасимов). Здесь группа шпионов выдает себя за археологов, которые, кроме того, представляются жителями гор. Так происходит двойное маскирование. У А. Столпера в фильме «Дорога» (1955) шпион выступает под видом иностранного туриста, знакомящегося с природой Забайкалья, то есть он, как и иностранные археологи в «Заставе», остается явным «чужим». Эти сюжетные штампы продержались долгое время. Вот, например, к чему сводится содержание фильма Ю. Кавтарадзе «Игра в ничью» (1966 г): «Советские пограничники задерживают подозрительного субъекта. Несмотря на то, что он представляется заблудившимся археологом, военнослужащих настораживают имеющиеся при нем радиопередатчик и код. Дело передается в руки чекистов. Их задача – выследить и обезвредить резидента иностранной разведки, на связь с которым шел задержанный».

Возможно, что шпион притворяется «своим» и играет роль обычного гражданина. В «Голубой стреле» (1958, Л. Эстрин) шпионкой оказывается очаровательная женщина, с которой герой как бы случайно встречается на пляже. Пытаясь скрыться от преследования, она устраивает скандал в ресторане, чтобы получить пятнадцать суток, прячется, пытается уехать на грузовике, но все напрасно. В «Деле № 306» (1956, А. Рыбаков) агент иностранной разведки появляется под видом дамы-фармацевта. Основная интрига здесь также замаскирована: расследование наезда на пешехода и милиционера перерастает в раскрытие шпионского дела.

Разоблачение «чужого», выступающего под видом «своего», происходит в ряде идентификаций, в том числе ложных; в результате их нарастания идеологическое противостояние перекрывается событиями, отвлекающими зрителя от основной темы. Он теперь следит за приключениями, а не прислушивается к политическим декларациям, воплощаемым на экране.

С самой оппозицией «свой»/«чужой» происходят значительные изменения, она оказывается не столь устойчивой, как ранее. Например, она переворачивается, и тогда «свой» оказывается «чужим», но среди «чужих». Он не шпион, а разведчик, и за его приключениями и подвигами, а не за злодеяниями шпиона следит зритель. Ср. «Поединок» (1945, В. Леюшин), «Подвиг разведчика» (1947, Б. Барнет); «Секретная миссия», (1950, М. Ромм). Позднее главный герой внедряется в банду, то есть мнимая идентификация «своего» как «чужого» остается ведущим мотивом фильма, но «чужие» в этом случае уже не отделены государственной границей, ср. к/ф «Два билета на дневной сеанс»

(1966, Г. Раппапорт). Так рядом с шпионом встает враг «ослабленного типа». Он утрачивает налет мифологичности, свойственный всякому образу врага, и внешне превращается в обыкновенного обывателя. Скромный гражданин – это маска врага внутреннего, который не появляется извне, не действует на границах советского государства, а находится в его пространстве – такой враг существует «среди нас». Он долго остается неузнанным, меняет маски и имена, приспосабливается. Подобные ему жалуются, что один обед им приходится готовить на плите в общей кухне, а другой – в своей комнате на керосинке, при всех курить «Байкал», а в своей комнате «Тройку».

Враг «ослабленного типа» не передает военных секретов, не взрывает особо важные объекты, он нарушает нормы советской жизни. Действует он, как Барон в к/ф «Ночном патруле» (1957, Вл. Сухобоков) не на границе или военном полигоне, а в магазине № 6 и на автобазе. Здесь и происходят сражения с врагом социализма, спекулянтом, который раньше был бандитом. На первый взгляд в фильме разыгрывается бытовой конфликт – Барон дает взятки, занимается приписками, тайно перевозит государственное имущество (драп) в фургоне с надписью «Хлеб»; спекулирует этим драпом, цена которого вырастает с 400 руб. до 550. Затем бытовой конфликт переходит на новый уровень: происходят ограбление и убийства ни в чем неповинных людей (погибают бухгалтер, испуганный избытком в 37 руб. в квартальном балансе, милиционер). Бандит, этот вариант внутреннего врага, фигурирует не только в «Ночном патруле», но и в «Деле пестрых» (1958, Н. Досталь) и во многих других фильмах пятидесятых годов.

Итак, мотив идентификации определяет сюжеты фильмов о врагах, спектр которых расширяется: шпиона дополняют бандиты и расхитители социалистической собственности. Все эти варианты отрицательного героя взаимодействуют между собой и даже сливаются в одном образе. Тема невинно обвиненного героя также возникает на экране («Дело Румянцева», 1955, И. Хейфец). Так постепенно снижается идеологическая нагрузка отрицательного героя, который ранее прежде всего был врагом, действующим извне.

Теперь он не просто фигурирует на экране, открыто заявляя о своих намерениях. Враг вступает в действие неузнанным, его узнавание не раз сменяется неузнаванием. В результате событийный ряд интенсифицируется, а занимательность перевешивает дидактичность. Она, конечно, никуда не уходит с экрана, но как бы тонет в событийности, как, например, в «Голубой стреле». Теперь она доминирует в фильмах о врагах, позиции которых, по сравнению с теми, которые они занимали в довоенное время, значительно ослабли. Так кинематограф шел навстречу зрителю и воспитывал его, выстраивая полноценный сюжет. Соответственно, оппозиция «свой»/«чужой» утратила свою напряженность и однозначность, обросла дополнительными смысловыми коннотациями.

Снижение идеологической нагрузки в образе врага дополняется попытками прописать его личностные характеристики. Это происходит в «Ночном патруле», где прибывший из-за границы персонаж по кличке «Огонек» (исп. М. Бернес) переживает перерождение. Когда-то на родине он был бандитом, на чужбине – моряком иностранного флота. Но он не может жить без родины и потому возвращается, о чем так поет в песне: «Даже птице не годится жить без родины своей». В к/ф «Дорога» (1955, реж. А. Столпер), «Следы на снегу» (1955, А. Бергункер) также намечаются психологические портреты отрицательных персонажей.

Эта тенденция – частное проявление интереса к человеку как к личности, активизировавшегося в пятидесятые годы, когда вновь появилась мелодрама, изгнанная с довоенных экранов: «Человек родился» (1956, В. Ордынский), «Разные судьбы» (1956, Л. Луков), «Весна на Заречной улице» (1956, Ф. Миронер, М. Хуциев), «Испытание верности» (1954, И. Пырьев). Теперь человек частный, а не государственный любил и страдал на экране. «Как свидетельствует кино и литература <...>, к концу 1950-х – началу 1960-х годов возникает необходимость проведения более четкой границы между сферами интимного переживания и публичного поведения. Постепенно утверждается представление об исключительности любовного чувства. Любовь описывается как противоречащая логике, не подчиняющаяся власти обстоятельств, любовь оказывается сильнее самого любящего»³.

Группу отрицательных персонажей в пятидесятые годы дополняют носители социального поведения нового типа, стилиаги, находящиеся на периферии здорового советского общества. В молодежном фильме «Аттестат зрелости» (1954, Т. Лукашевич) выведен стилиага, двоечник Гражданкин, которого не принимают в комсомол. Выделяется он поведением и, конечно, костюмом, но пока остается в своем социуме. В комедийном жанре осмеиваются любители легкой жизни, расставшиеся с идеалами комсомольской юности («Легкая жизнь», 1964, В. Дорман). Критикуя новые «нежелательные явления», кинематограф сближает этих новых отрицательных персонажей с теми, кто уже стал привычным на экране, как в «Деле пестрых». В «Аттестате зрелости» между стилиагой и положительными персонажами колеблется главный герой фильма, уверенный в том, что он наголову выше всех остальных. Не желая заниматься общественной работой, этот персонаж В. Ланового восстанавливает против себя весь коллектив. «Уже здесь возникает схема “белая ворона – стая – вожак”, иными словами “личность – коллектив – наставник”. Эта схема будет видоизменяться внутри – и по ее структурным рокировкам можно будет прочертить “след” глубинных процессов, происходящих в обществе – и на самом деле, это будет история распада империи»⁴. Может быть, исследователь делает слишком обобщенный вывод, он, видимо, должен касаться противопоставления общее – индивидуальное.

Таким образом, враг извне перестает быть единственным отрицательным персонажем, он приобретает более сложную и даже не однозначную характеристику. Вариативность этого персонажа вызывает разрастание событийного ряда, в результате чего идеологическая составляющая фильма как бы отходит на второй план.

Вербальные клише. В связи с перестраиванием отношений идеологии и событийности на экране изменяется язык героев. В кинематографе, как и на всем советском культурном пространстве, проступают клишированные формы устного языка власти, который в первые десятилетия после 1917 г. «затопил публичное речевое пространство»⁵. Растиражированные клишированные формы вошли в повседневную речь человека, стремящегося занять позиции в обществе нового типа. Точнее говоря, овладение престижным языком стало непременным условием его социальной адаптации (Н. Козлова). Будучи малообразованным, человек такого типа полагал устный язык власти языком культуры и выучивал его по мере сил. Этот язык можно назвать своеобразным паролем, открывавшим путь вверх. М. Чудакова овладение этим языком называет включением механизма лояльности. Именно такого человека, но уже другой эпохи, не овладевшего до конца официальным языком и постоянно сбивающимся на бытовой язык, вывел на экран советский кинематограф 50-х годов.

К тому времени язык власти постепенно утрачивает свою «тоталитарность», его значения выветриваются, а он сам теряет социальную значимость и воспринимается как канцелярист (определение К. Чуковского). Но многие его клишированные формы уже вошли в язык советской повседневности и употреблялись бессознательно наравне с живым словом. Эту лингвистическую ситуацию воспроизводят авторы многих фильмов, герои которых вводят в свою речь клише, в том числе и политические. Подобного рода микширование становится характерной чертой языкового поведения киногероя и не только. Г. Померанцев в статье «Об искренности литературе» (1953 г.), которую М. Чудакова называет бунтом против советского языка, приводит следующий пример из одного романа: «... ваш герой дарит своей дочери часики, потому что поднялся его жизненный уровень... в семье никогда не поднимается жизненный уровень, а улучшается жизнь»⁶.

Кинематограф, этот наиболее массовый вид искусства, не только использовал язык смешанного типа, но и представил его в комическом свете. Во многих фильмах той поры комическое основывается не только на сюжетных ситуациях, но и на многочисленных лингвистических сбоях. Киногерои балансируют между осколками официального языка и языком повседневности. Официальный язык, на котором они пытаются выразиться, не приспособлен для передачи эмоций, обсуждения домашних дел и проч., что и создает коми-

ческие эффекты, в обилии которых можно усмотреть идеологическое столкновение языков, которые должны были бы употребляться в разных сферах жизни. Не столь значимо, осознанно или неосознанно оно происходит.

Язык, вышедший из употребления (но отнюдь не окончательно), предстает в смеховом аспекте благодаря неожиданному контексту. На нем изъясняется персонаж, старающийся говорить красиво, возвышенно, политически грамотно, но он тут же забывается и говорит «по-своему». Штампы бюрократического языка могут оставаться за одним персонажем, обычно выступающим противником всего нового, которое иногда зарождается в недрах художественной самостоятельности. Странники нового, не искушенные в тонкостях политического языка, говорят, «как в жизни», то есть не используют штампов.

Такое распределение представлено в «Карнавальная ночь» (1956, Э. Рязанов). Здесь вербальные клише разведены с живым, повседневным словом, что знаменует противостояние персонажей. Клишированный язык – это язык Огурцова, все остальные персонажи избегают клише. Выступления Огурцова вызывают у них, как и у зрителей, смех. Как еще можно реагировать на высказывания типа: «Добавьте людей», «Костюмы заменить, ноги изолировать». Эти указания даются в инфинитиве, как армейские приказы. Обращения к адресатам отсутствуют, они остаются безмянными. Комический эффект речевой маски И. Ильинского усиливается темой карнавала, где все и вся подлежат осмеянию⁷.

В фильме «Шофер поневоле» (1958, Н. Кошеверова) выступают носители языка смешанного типа. Никак не может выпутаться из тенет официального слова важный начальник главка, который в конце фильма произносит знаменательную реплику: «Из кабинетного окна живая жизнь не так видна!». Неожиданно окунувшись в эту «живую жизнь» – его принимают за водителя, а водителя, соответственно, за начальника, – начальник медленно освобождается от казенных слов, но в начале фильма он использует только их даже в беседах с близкими. На просьбы заботливой жены не садиться за руль, этот герой обещает учесть ее пожелания. Также он должен нечто указать в своей записной книжке. Не только начальник, но и его жена говорит на официальном языке, притом в решающий момент своей жизни. Она так борется с мнимой соперницей: «Как вы можете разрушать советскую семью, мы семнадцать лет ее строим!» Заражен бюрократическим языком и шофер начальника. Оказавшись мнимым больным, он рассказывает о себе понравившейся ему медсестре так, как будто читает газетную статью о достижениях жилищного строительства: «Я отдельный жилец, главный квартиросъемщик в квартире с газом и ванной». Как видим, его мечта об отдельной квартире осуществилась, но теперь он самого себя называет отдельным. Не хуже объясняются и другие персонажи этой комедии. Вздвигаясь о столице, один из них замечает, что

в Москве проживает семь миллионов человек. В общении персонажей зачастую появляются неуместные официальные обращения. В ресторане начальник главка, чей внешний вид после аварии не вызывает доверия, обращается к официантке, называя ее товарищ официантка. Медсестра, считая, что она ухаживает за московским начальником высокого ранга (на самом деле это его шофер), называет его больным республиканского значения.

По ходу фильма звучат привычные для того времени ответы продавцов типа – не завезли! (это о сандалиях, которых летом нет в продаже). Начальник главка, превратившийся в находчивого покупателя по необходимости, задает вопрос: «А валенки завезли?» В аналогичном ключе выписан краткий диалог на тему сокращения кадров: «Как вы будете работать, если половину сократить?» – Как всегда, хорошо».

В официальной лексике, употребляемой героями этого фильма, отсутствует политический подтекст. Но словами газетных статей, вырванными из много раз слышанных докладов, герои пытаются объясниться в любви, отстаивать свое право на счастье, даже не подозревая, что для приватной сферы общения существуют иные языковые формы. Не чувствуют они неуместности официозной лексики и в бытовых ситуациях. Так возникает лингвистический комизм, который не могли не понять зрители. Языковой слой фильма «Шофер поневоле» по комическому заряду превышает стандартный сюжет комедии положений, которую в осовремененном виде разыгрывают на экране актеры.

На стыке 1950–1960-х гг. подобное языковое поведение стало предметом обсуждения во многих публицистических выступлениях. Напомним, какие замечательные фразы приводит К. Чуковский в своей статье «Канцелярист»: «заострим вопрос на мясе, тебя плащ не лимитирует? выйдешь за калитку, сейчас же зеленый массив!»⁸. Как видим, и кинематограф решился на осмеяние канцеляриста.

В «Свадьбе с приданым» (1953, Т. Лукашевич, Б. Равенских) взаимодействие живого слова со словом официоза происходит иначе. Оно врывается в народную речь, что усиливает комизм сюжета, тем более, что его смысловым центром является свадебный обряд и предшествующее ему сватовство. Хотя обрядовые формы здесь размыты, в них все же проступает память о ритуальном слове, разрушаемое с введением элементов языка официоза. Один из сватов прерывает свою вполне традиционную речь и заявляет, что он уполномочен нечто передать. Пытаясь помирить влюбленных, приводит такой убедительный аргумент: не в христовы невесты же нашему бригадиру уходить. Знаменательно обращение к главной героине – товарищ невеста.

В других фильмах, по жанру отличающихся от комедии, политические клише также подвергаются осмеянию. В к/ф «Наш общий друг» (1961, И. Пырьев) речь юной героини построена на стереотипах, которые разрушает

ее собеседник: «Я уже в школе была принципиальная и целеустремленная». На иронический вопрос, к чему же она стремится, с пафосом отвечает: «Я стремлюсь к светлому будущему коммунизма <...>. Вы же не могли подумать, что капитализма», и начинает рыдать. Очевидно, что ее язык – заученный, вырубленный, она способна к общению только на языке официоза. Собеседник же своими вопросами выявляет ее приверженность к штампам, которые она принимает за культурную лексику. Примечательно, что мотив светлого будущего снижается в мелодраме «Утренние поезда» (1963, Ф. Довлатян, Л. Мирский). Правда, о нем рассуждает отрицательный персонаж: «Я все время светлое будущее строю и все такое». Есть здесь и снижение устойчивых клише на моральную тему: «Нам говорят: любите лучших, хороших, передовых, а вы кого попало любите». В к/ф «Наш общий друг» один персонаж так неуклюже рассуждает о любви: «Этo не любовь, а какая-то бюрократическая загогулина!»

Не раз упоминается такой оборот, как родимое пятно капитализма. Сам себя называет родимым пятном в воображаемом последнем слове герой М. Бернеса в «Ночном патруле». Раскаившийся в своих поступках герой проносит эти слова с пафосом. В фильме «Есть такой парень» (1956, В. Ивченко) они приобретают комическое звучание: героиня, «борющаяся со своими недостатками», неуверенно спрашивает молодого человека: может, это у нее родимое пятно капитализма, и получает повторяющиеся ответы: и это родимое пятно, опять пятно. Обнаруживает родимые пятна капитализма в кафе «Одуванчик» журналист Никитин (1964, Э. Рязанов).

Очевидно обыгрывание ключевых слов эпохи в к/ф «Доброе утро» (1955, А. Фролов). В споре о том, нужно ли создавать на заводе молодежную бригаду, один герой авторитетно заявляет, что не работа важна, а идея. Выбор слова идея здесь не случаен. Оно входило в ряд ценностных ориентиров эпохи, имело неопределенный, но широкий спектр значений, притом преимущественно положительных. Но в к/ф «Есть такой парень» отсталый комсомолец заявляет мастеру, что замысел организовать на заводе молодежную бригаду – это реакционная идея. М. Чудакова считает это слово типичным советизмом. Оно, действительно, входило в политический словарь эпохи.

Не только отдельные слова этого словаря, но и политические тезисы, прекрасно усвоенные обществом, могли обсуждаться в комическом ключе, как в «Яблоке раздора» (1963, В. Плучек). Тезис строительства социализма во враждебном капиталистическом окружении принимает на вооружение председатель колхоза, втридорога торгующий яблоками на дальнем севере. Он объясняет своему противнику, что так строит коммунизм в социалистическом окружении. Доводы его просты: если среди врагов получилось (социалистическое государство), то среди своих (повсюду социализм все-таки) обязательно получится.

В явно запоздавшем по времени фильме «Человек на своем месте» (1972 г., А. Сахаров) совершается переход от слова официоза к слову повседневного языка вне комического. Выдвинувший себя на пост председателя колхоза герой говорит на собраниях без политических клише, борется с устаревшими формами общественной работы, отказывается от обязательных ранее утренних совещаний. На вопрос, если у него текст речи, который, конечно, необходимо править перед выступлением, он отвечает, что его уже пятнадцать лет правили. Этот ответ можно считать симптоматическим.

Итак, кинематограф участвовал в общем движении «борьбы за язык», происходившей в литературе, критике, публицистике и даже в партийных документах (речь Хрущева на XX съезде), о чем пишет М. Чудакова. Осознанно или неосознанно, авторы фильмов разрушали привычные языковые штампы, сталкивая их со словом повседневности. Комический эффект, производимый этими столкновениями, прекрасно осознавался зрителями, разобравшими на цитаты многие реплики из кинофильмов 50-60-х годов, которыми многие хорошо помнят до сих пор.

Приближение словесного ряда фильмов к «нормальному» языку, очевидно, не означало решительного разрыва с идеологией в кинематографе. Наряду с официальным политическим языком, подавлявшим живую речь, существовали и другие носители идеологии, визуальные. Имеются в виду скульптурные и живописные изображения вождей пролетариата, ставшие главными символами власти.

Изобразительные символы власти. Ленин и Сталин были героями многих довоенных фильмов. Достаточно вспомнить такие ленты, как «Ленин в октябре» (1937, М. Ромм), «Ленин в 1918 г.» (1939, М. Ромм), «Человек с ружьем» (1938, С. Юткевич). Сталин выступал наряду с Лениным в фильме «Ленин в 1918 г.». После войны он стал единственным персонажем высокого ранга – «Клятва» (1946, Э. Ишмухамедов), «Великое зарево» (1938, М. Чауурели), «Клятва» (1946, М. Чауурели). Иногда Сталин лишь присутствовал в некоторых эпизодах, например, входил в ложу в к/ф «Член правительства» (1939, И. Хейфец, А. Зархи). В фильме «Депутат Балтики» (1936, А. Зархи, И. Хейфец) вождь только звонит по телефону профессору Полежаеву, что возвращает его к жизни. Профессор понимает, что не одинок, что он вместе со своим народом.

В «Падении Берлина» (1949, М. Чауурели) Сталин, представленный как талантливый полководец, стратег, решающий исход войны, явно приобретает черты культурного героя. Он выделяется среди других персонажей не только значимостью, но и явным сближением со своими изображениями, портретами, статуями. «Он – портрет, почти монумент: его никогда не изображали лежащим, редко сидящим; он всегда стоит или медленно прохаживается»⁹. На-

ряду с «живым» Сталиным выступает двойник, то есть портрет, его дублирующий, который становится смысловым центром многих киноэпизодов. В к/ф «Падение Берлина» он сопровождает развитие сюжетной линии учительницы Наташи и стахановца Алексея, как бы осеняя их любовь. Так «происходит перевод интимно-личностного плана – в социально-политический»¹⁰. В финале портрет сменяет сам Сталин: самолет, на котором он прилетает в Берлин, садится прямо перед рейхстагом. Герои встречаются «в завоеванном Берлине именно в тот момент, когда Сталин, словно бог, спускается с неба»¹¹. Так оживает изображение, выполняющее функцию замещения. «В социальной и культурной памяти представление об идентичности изображенного лица некогда бывшему будет жить долго, перекликаясь примерами через столетия», – пишет Г. В. Вдовин о портрете XVIII в.¹² Его наблюдения полностью применимы и к советскому периоду.

Итак, с начала 50-х гг. «живых» вождей заменяют их живописные и скульптурные изображения. С изменением политики партии происходят их чрезвычайно значимые перемещения из центра на периферию художественного пространства, вплоть до полного исчезновения. Так, на экране остается один Ленин, в том числе и в фильмах, снятых до 1956 г. Следуя партийным указаниям, изображения Сталина смывали, вырезали довольно долго. Эта операция была, например, проделана при реставрации к/ф «Красный галстук»: «Госфильмофонд восстановил первоначальный вариант, шедший до 1956 года, когда перемонтажу были подвергнуты многие картины сталинского времени. Из «Красного галстука» тогда исчез финал – радостная песня, где Ленин и Сталин поминаются трижды, а портреты усатого парят над демонстрантами. Говорят, портреты вождя ретушировались и в отдельных сценах. В «Красном галстуке» таких сцен много, ведь портреты висят во всех показываемых интерьерах, и общественных, и частных. Лишь однажды, в детской, это портрет юного Ильича. А так – Сталин в разных ракурсах, но всегда одинаково милый»¹³.

В фильме «Застава в горах» портрет Сталина не ретушировался (показ на ТВ в июне 2010 г.). Он занимал центральное положение на стене комнаты, где собирается начальство погранзаставы, в то время как небольшой бюст Ленина скромно стоит на книжных полках среди редко расставленных книг. Именно такой принцип размещения изображения вождей был достаточно распространенным – Сталин отодвигал Ленина, но не окончательно. Примечательно, что в одном отзыве на «Заставу в горах» в Интернете проницательный рецензент пишет, что в хрущевское время этот фильм не показывали именно из-за портретов Сталина.

Заметим, что Сталин не только подавляет собой Ленина. В некоторых фильмах он пребывает в гордом одиночестве, как в к/ф «Щедрое лето» (1950,

Б. Барнет), где его изображение не дополняется ленинским портретом. Портрет как бы единственного вождя висит в окружении плакатов и лозунгов в правлении колхоза. Эта кинолента заканчивается подлинным апофеозом: вход на выставку достижений народного хозяйства местного значения украшает не только большой сталинский портрет, но и череда портретов членов политбюро. В к/ф «Битва в пути» (1961, В. Басов) тонко продуман фон, на котором доминирует портрет Сталина. Его составляет полное собрание сочинений вождя. Можно предположить, что сталинское слово, пусть не произнесенное, существенно дополняет его изображение и равнозначно ему по смыслу.

Когда ленинские идеи вновь становятся актуальными и Ленин принимает на себя всю символическую полноту власти, его изображение выступает знаком обновления политики Коммунистической партии Советского Союза. Ленин выходит на первый план, Сталин же постепенно исчезает со стен кинокабинетов. Теперь ленинские портреты, статуи, бюсты заполняют официальные и домашние интерьеры. Их великое множество на заводах, в парткомах, домах культуры, правлениях колхозов. В некоторых фильмах бывает достаточно одного изображения вождя, как в к/ф «Наш общий друг», в других, как в «Случае на шахте восемь» (1957, В. Басов), они присутствуют не только в служебных кабинетах, в парткоме, но и в цехах. Эти огромные портреты и статуи кажутся совсем неуместными там, где кипит работа.

В к/ф «Есть такой парень» очевиден принцип статусного размещения ленинских изображений. В комсомольском бюро завода висит плакат, центральной фигурой которого является Ленин, в партбюро – ленинский портрет взят в раму. В рабочем клубе висится гипсовая статуя вождя. Расположена она не в центре зала, а в фойе, где будто встречает веселую молодежь. Право на труд и право на отдых как бы регламентируется свыше. Щколы также наполнены официальными портретами. В «Аттестате зрелости» в некоторых кадрах огромный портрет Ленина за столом, покрытым белой скатертью, дается крупным планом. Под ним проходят бурные комсомольские собрания, устраиваются веселые маскарады. В классе висит строгий ленинский портрет. Учебный процесс и отдых осеменяются образом, явно имеющим сакрализованные черты.

Не только в официальных учреждениях, на предприятиях, но и в домашнем быту присутствуют изображения Ленина. В частных интерьерах они уже не столь величественны; чаще всего это небольшие бюсты, находящиеся отнюдь не в центре внимания оператора, как в предыдущих примерах, где статуи, портреты, плакаты явно маркируются особо. Камера на них не останавливается, но непременно замечает. Изображения вождя соседствуют с другими, присутствующими в интерьере, как в «Свадьбе с приданым», фильме снятом в 1953 г.

Здесь в избе председателя камера не раз ловит семейные фотографии: парное изображение родителей главной героини и ее собственное. Можно предположить, что эти «домашние» фотографические портреты знаменуют семью и род. Мать, она же председатель, и младшая сестра героини активно участвуют в действии, которое развивается в пределах дома. В угадываемом красном углу красуется радиоприемник, покрытый кружевной салфеткой, на нем стоит маленький бюст Ленина. Он ни разу не взят крупным планом, а лишь мелькает в кадре. Подобное смещение изображений, «домашних» и официальных, знаменательно. Видимо, по замыслу создателей фильма, оно должно свидетельствовать о приближении вождя пролетариата к простому человеку, для которого он становится своим, родным. Отсутствие сталинского портрета многим представляется невероятным: «Любопытно, что в киноверсии спектакля совершенно не присутствует Сталин, бюст Ленина можно заметить в образцовой избе председательницы, а портрета Сталина нет. Либо культ личности был не столь тотален, либо Сталина отредактировали задним числом (по данным Википедии фильм был восстановлен в 1972 году)»¹⁴.

В других фильмах портреты и бюсты Ленина не попадают в семейный круг, но и не становятся смысловым центром интерьера, как в к/ф «Путешествие в молодость» (1956, В. Ильенко). В квартире директора завода маленький бюст Ленина стоит на книжном шкафу. То есть опять происходит смещение, и, как и в «Свадьбе с приданым», значимое. Если в «Свадьбе» бюст Ленина находится в красном углу на радиоприемнике – так новое совмещается со старым, архаическим, – то в «Путешествии в молодость» он занимает место, которое по традиции принадлежало бюстам великих философов, писателей, ученых. Аналогичное смещение оказывается возможным и в официальных учреждениях. В к/ф «Ночной патруль» в милицеевском кабинете на книжном шкафу стоит выполненная, видимо, в бронзе статуэтка Ленина. Большой ленинский портрет, под которым произносит речь высокий милицкий чин, висит в зале милицеевской школы. Как видим, ленинские изображения могут не собираться в одном пространстве, а распределяться в соответствии со значимостью выделенных в нем «мест».

Ленина в официальных учреждениях, суде, прокуратуре, милиции, дополняет Дзержинский, олицетворяющий беспристрастный, справедливый советский суд. В фильме «Два билета на дневной сеанс», как и во многих других, их портреты, размещенные рядом, даются крупным планом в эпизодах заседаний сотрудников МВД. Позднее портрет Ленина исчезает, остается портрет Дзержинского, к которому уже не так настойчиво привлекается внимание зрителя.

Все эти портреты и скульптуры – знаки времени и власти, сопровождающие советского человека на протяжении всей его жизни. Постепенно символические изображения не столь активно насыщают пространство, как это бы-

ло в фильме В. Басова «Случай на шахте восемь»; некоторые исчезают окончательно, другие перемещаются в пространстве, и эти перемещения несут важную семантическую нагрузку.

Вожди советской страны, как известно, на глазах общества превращались в культурных героев, стремительно мифологизировались, приобретали сакральный статус, соответственно, и их изображения получали этот статус, и потому они играли роль двойников. Общество знало своих вождей по этим изображениям и такими хотело их видеть. Ему предоставлялась эта возможность прежде всего в кинозалах. Конечно, и изобразительное искусство поставило образы вождей, которые могли сталкиваться с изображениями принципиально другого ряда. Так, на картине В. Лукьянова «Старая квартира» отнюдь не в противоречии между собой находятся портрет Сталина над кроватью больной старухи и отражающиеся в зеркале шкафа иконы. Не мешают им и коврик с гусаром и девицей.

С изобразительными символами власти в кинематограф проникала идеология, не затрагивающая сюжет. Они уже не влияли на судьбы киногероев, как это делали ранее «живые» вожди. Идеологический пласт в фильмах 1950–1960-х гг., таким образом, кодировался прежде всего в изобразительном ряде. При этом портреты и скульптуры вождей продолжали выполнять важную функцию – они очерчивали то социально-политическое пространство, в котором развивался сюжет, выстраивались в некую единую линию, проходившую как бы над киногероями, линию, определявшую и строй, и быт, и решительно все события жизни человека.

Значимость скульптурных и живописных изображений в советскую эпоху прекрасно осознают современные кинематографисты. Н. Михалков в к/ф «Свой среди чужих, чужой среди своих» (1974) столкнул взглядами председателя губкома с портретом Ленина, выстроив немой диалог между человеком и изображением. В киносериале «Ликвидация» (2007, С. Урсуляк) развенчанный маршал Жуков пляшет перед огромным портретом Сталина, который, кажется, заполняет собой весь его кабинет. Немой диалог маршала и вождя решен средствами танца – маршал в гневной и издевательской пляске как бы наступает на Сталина.

Итак, кинематограф, как и всякая сфера культуры, находится в сложном взаимодействии с историей. Он являет собой «художественный код времени, без расшифровки которого всякая попытка понять это время будет страдать очевидной неполноценностью»¹⁵. В 40–60-е годы XX в. советские фильмы выстраивали образ времени, расставляя легко прочитываемые современниками знаки, символы истории, ломали привычные каноны официального языка, предоставляя зрителю следить за событиями, а не политическими лозунгами, ранее разыгрываемыми в лицах.

Примечания

- ¹ *Усенко О.* Жизненные идеалы и нормы поведения в немом игровом кино // История страны. История кино. М., 2004. С. 33.
- ² *Соколов Е. Г., Твердохлебов С. Г.* Интернет: <http://www.ibci.ru>.
- ³ *Борисова Н.* Интернет: [http://urokiistorii/2010/25/1960–70-е годы – otpeel](http://urokiistorii/2010/25/1960-70-e-gody-otpeel).
- ⁴ *Аркус.* Интернет: <http://www.seance.ru/blog/white-crow>.
- ⁵ *Чудакова М.* Язык распавшейся цивилизации // Новые работы. 2003–2006. М., 2007. С. 263.
- ⁶ Там же. С. 298.
- ⁷ *Волбуев О.* После XX съезда: «Карнавальная ночь» // История страны. История кино. М., 2004. С. 235–237.
- ⁸ Цит. по: *Чудакова М.* Язык... С. 310.
- ⁹ *Мильдон В.* Интернет: <http://www.kinozapiski.ru/article/1079>.
- ¹⁰ *Дашкова Т.* Любовь и быт в кинофильмах 1930–1950-х годов // История страны. История кино. М., 2004. С. 223.
- ¹¹ *Шахадат Ш.* Интернет: <http://www.uni-konstanz.de/Fuf/Philolo/LitWiss/slavistik>.
- ¹² *Вдовин Г. В.* Персона. Индивидуальность. Личность. Опыт самопознания в искусстве русского портрета XVIII в. М., 2005. С. 75.
- ¹³ *Мокроусов А.* Интернет: <http://www.russ.ru/pole>.
- ¹⁴ *Семеркин Л.* Интернет: sov_kino_ru.
- ¹⁵ *Секиринский С.* Кинематографичность истории, историчность кинематографа // История страны. История кино. М., 2004. С. 9.

Л. Н. Будагова (Москва)

Чешский сюрреализм на постнезваловском этапе. (Некоторые тенденции и факты)

21 марта 1934 г. в Праге по инициативе и под руководством Витезслава Незвала была основана Группа чешских сюрреалистов. Нараставший с конца 1920-х гг. интерес лидера чешского художественного авангарда к инициативам Андре Бретона, провозгласившего в «Манифесте сюрреализма» (1924) рождение нового направления в искусстве, получил, что называется, права гражданства и в Чехии. Они закрепляются в публичной листовке «Сюрреализм в ЧСР», адресованной Центральному агитпропу КПЧ, поскольку чешские сюрреалисты солидаризируются с марксизмом и собираются действовать в интересах пролетариата. Первое публичное выступление членов группы подписывают помимо Незвала поэты Константин Библ, Кати Кинг (Либуша Ихова), Йозеф Кунштадт, Имре Форбат, психоаналитик Богуслав Брук, режиссер Индржих Гонзл, композитор Ярослав Ежек, скульптор Винцент Маковский, художники Индржих Штырский и Тоайен (Марие Черминкова). Позже к группе присоединяется Карел Тейге.

Через четыре года, 7 марта 1938, Незвал распускает группу, отзываясь на возникшие в ней разногласия. Большинство сюрреалистов негативно реагировало на политические процессы в СССР. Незвал же выступил против большинства, считая, что антисоветские настроения ослабляют антифашистский фронт. Однако для отхода Незвала от сюрреалистического движения были и другие причины, а именно, стремление поэта, добившегося больших творческих побед на сюрреалистическом поприще, обратиться к иной стилистике, ритмам и формам, в том числе извлекаемым из традиционного искусства. На склоне 30-х гг. в период угрозы фашизма Незвал, желая быть услышанным, испытывает острую потребность вернуться, не забывая и опыта сюрреалистических исканий, к более ясному и прозрачному стиху. Он реализует ее в стихах сборника «В пяти минутах от города» (1940), отличающихся классическими размерами и формами от свободных импровизаций сюрреалистического периода (сб. «Женщина во множественном числе», 1936, «Прага с пальцами дождя», 1936, «Абсолютный могильщик», 1937 и др.). Предвестьем грядущих расхождений с сюрреализмом было «раздвоение» Незвала-поэта и в период сюрреалистической активности, когда параллельно с сюрреалистическими экспериментами он обращается к жанрам вийоновской баллады, сонета и дру-

гим традиционным формам лирики в циклах стихов о судьбе безработного, «вечного студента» Роберта Давида (1936–1938). Осознавая их полное несоответствие сюрреализму, Незвал издает эти произведения анонимно, раскрывая свое авторство только после войны.

Менять манеру письма, не останавливаясь на достигнутом и не тиражируя даже то, что получило признание, Незвал стремился всегда. Это было вполне в духе его натуры, родственной своей многогранностью натуре Пикассо, одного из его кумиров. Впрочем, в воспоминаниях участников группы бесхитростно приводятся и чисто бытовые мотивы расхождений Незвала с сюрреализмом. «В ту пору Незвал сторонился других сюрреалистов. Сюрреализм уже его не привлекал, а кроме того он ухаживал тогда за актрисой Годачовой [...], поэтому у него не было не только потребности, но даже времени с нами общаться» (Б. Броук)¹.

Незвал считал, что это он распустил объединение сюрреалистов. Его участники, перехватывая инициативу, утверждали, что именно члены группы исключили из своих рядов Незвала. Продолжим цитату из воспоминаний Б. Брука, присоединившегося, по его признанию, к сюрреализму из-за «дружбы со Штырским и Тоайан», которые, по его мнению, и раньше были ближе других к сюрреализму и «стали сюрреалистами в полном смысле этого слова». «Однажды мы все-таки встретились с ним (с Незвалом. – Л. Б.) в одном баре, и несмотря на то, что был он вместе с Годачовой, начали обсуждать политические и эстетические проблемы. Обстановка была предгрозовой, но никто не решался вызвать первый удар грома [...]. Атмосфера лишь накалялась, и все кончилось тем, что мы исключили Незвала из наших рядов. Незвал отреагировал на это роспуском Группы сюрреалистов»². По хронике весны 1938 г., приведенной, с опорой на брошюру К. Тейге «Сюрреализм против течения» (1938), в книге «Чешский сюрреализм. 1929–1953» (Прага, 1996), события развивались следующим образом. 7 марта в одном из трех пражских баров разгорелся спор между Незвалом и другими членами группы. Незвал, слепо веривший в «страну Советов», одобрял московские политические процессы, закрытие театра Мейерхольда, где будто бы занимались шпионажем. Назвав «подозрительными» научные изыскания некоторых сюрреалистов, за которыми якобы стоит «международное еврейство», Незвал стал нападать на Е. А. Буриана, Б. Брука, И. Штырского, прибегая к выражениям, которым из-за накаленной атмосферы дебатов Штырский не мог дать лишь «чисто теоретический отпор». (Вероятно, имело место рукоприкладство, и Незвал ушел из бара). После этого, как свидетельствует хроника, пятеро присутствующих послали Незвалу запрос, считает ли тот себя попрежнему членом группы, Незвал им не ответил. 9 марта он «по телефону сообщает редакции Гало-новин, что распускает группу сюр-

реалистов». 11 марта «Гало-новины объявляют о роспуске группы». 18 марта А. Бретон в письме к Незвалу просит того пересмотреть свою позицию, обещая, что сам он предложит другим друзьям-сюрреалистам пересмотреть свою, ибо нельзя допустить, «чтобы в тот исторический период, который все мы переживаем, опасаясь, что в Праге в любой момент может решиться судьба цивилизации, горсточка людей, стремящихся сохранить дорогие для нас ценности, утратила бы смысл того, что их соединяет»³. При всем авторитете, которым пользовался Незвал в своих кругах, при всех его заслугах в становлении чешского авангардного искусства (в 1920-е гг. поэтизма, потом сюрреализма) распустить художественное направление, к которому примыкало много увлеченных им людей, Незвал был не в силах. Но как бы ни трактовать события марта 1938 г. очевидно одно: кульминационный этап в развитии чешского сюрреализма, когда он был одним из самых заметных и плодотворных направлений национального искусства, составной частью его мэстрима, завершился⁴. С марта 1938 г. вплоть до настоящего времени чешский сюрреализм с большим или меньшим успехом переживает постнезваловский период, разделявшийся на подпериоды, чью специфику определяли историческая ситуация в мире и общественно-политическая в стране. Вступив в новую фазу своего существования и лишившись такой мощной фигуры как Незвал, сюрреализм становится периферийным течением чешской литературы. Как бы по закону компенсации, с конца 30-х гг. набирает силу словацкий надреализм, во многом вдохновлявшийся чешским движением. Примечательно, что Незвал, которого словацкие сюрреалисты попросили написать предисловие к программному сборнику своей группы, пообещав это сделать, заявил, что словацкая литература еще не созрела для сюрреализма, и в стремлении словаков к сюрреализму он видит нечто волюнтаристское и насильственное, не органичное для словацкой культуры. Все это сообщил на собрании чешских сюрреалистов 14 марта 1938 г., то есть через три дня после заявления Незвала о роспуске группы, словак Михал Поважан⁵. Чем руководствовался Незвал, предостерегая словаков от сюрреализма – объективным анализом ситуации, или своими разочарованиями в поднадоевшем ему течении, сказать трудно. Не найдя поддержки у Незвала, словаки от намерения просить у него предисловие отказались, не отказавшись при этом от внимания к незваловскому творчеству. Они посвящают стихи не только французскому Андре Бретону, сербу Марко Ристичу, но и чеху Витезславу Незвалу, а много лет спустя, уже в 1981 г. словак Штефан Жары, одна из виднейших фигур словацкого надреализма, издаст книгу «Стобашенный поэт», где покажет роль Незвала в своей творческой судьбе. Кроме того, поэзия основоположников и крупнейших представителей словацкого сюрреализма (с 1939 г. называвшегося надреализмом) Рудольфа Фаброго и Владимира Райсела несет на себе явные следы незваловских влияний.

Несмотря на все усилия бывших соратников Незвала, не пожелавших «распутиться», сохранить жизнь чешского сюрреализма, к его характеристике на постнезваловском этапе подошел бы эпитет «вялотекущий». И эта «вялость» обусловлена не только разрывом с течением выдающегося поэта, не только тем, что с уходом Незвала из чешского сюрреализма как бы ушла его поэтическая душа, но и изменившимися историческими условиями – сначала немецко-фашистской оккупацией, потом особенностями культурной политики в послевоенной Чехословакии.

Во время войны чешский сюрреализм находит поддержку среди молодежи, в частности, в группе споржиловских сюрреалистов⁶, которую основал вместе с философом Р. Каливодой поэт и психоаналитик Збынек Гавличек (1922–1969), (сын известного прозаика Ярослава Гавличека), став ее ведущей фигурой. В группу входили поэт Рудольф Альтшуль (1927–1945), автор рукописных сборников «Последний час», «Война 1944», погибший в концлагере, и другие. В Моравии возникает Группа Ра, базировавшаяся в Брно и названная по имени издательства, появившегося в конце 30-х гг. в Раковнике. С ней были связаны поэт Людвик Кундера (р. в 1920 г.), старший брат Милана Кундеры, художник Йозеф Истлер и др. В 1942 г. она издает сборник «Растрепанные куклы», помеченный, чтобы сбить с толку цензуру, 1937 годом.

Верность сюрреализму хранят К. Тейге, И. Штырский, Тоайен. Поэт Индржих Гейслер (1914–1953), вступивший в Группу чешских сюрреалистов весной 1938 г., пишет стихи, составившие сборники «Из казематов сна» (1941), «Далеко за линией фронта» (1941); сочиняет тексты к фотографиям И. Штырского чья жизнь прервется в 1942 г (альбом «На иглах этих дней» 1941), к циклам рисунков Тоайен, скрывавшей его от гестапо, а после войны уехавшей с ним в Париж («Стрельбище» 1941, «Спрячься, война» 1941). Острота протеста против войны и немецкой оккупации отражается не только в названиях стихов и рисунков вышеупомянутых авторов, но и в видеоряде многих безымянных коллажей Тейге предвоенного и военного периодов. Изображая обнаженные женские тела – усеченные, в невообразимых комбинациях своих частей, в соседстве с мрачными или грубыми реалиями жизни (коллажи №№ 128, 289, 394 – 1936–1943 и др.,) Тейге, на наш взгляд (допускаю и другие трактовки), раскрывал тему физического насилия над человеком, отражая и свое мрачное восприятие действительности, и объективные черты эпохи⁷.

Творчество сюрреалистов первого призыва, равно как и поднятая во время войны «младосюрреалистами» (определение М. Направника) новая волна сторонников течения вливаются в послевоенную культуру. Если в 30-е гг. в масариковской Чехословакии чешский сюрреализм развивался свободно, то в по-

слевоенные годы, вплоть до «бархатной революции» (1989) он переживает короткие периоды легализации (1945–1947, 1968–1969) и длительные – запретов и преследований.

В ходе политических процессов конца 1940 – начала 1950-х гг. редуют ряды сюрреалистов с довоенным стажем. Так, 27 июня 1950 г. гибнет на плахе эстетик и теоретик искусства, член довоенной группы сюрреалистов, Завиш Каландра, против которого выдвигались столь же абсурдные обвинения, как когда-то в Москве в 30-е гг. против узников сталинских застенков. В защиту Каландры выступили А. Бретон, А. Камю, Ж.-П. Сартр, М. Эрнст, но к их голосу никто не прислушался. К адвокатам Каландры, несмотря на страстные призывы Бретона, отказался присоединиться Элюар, объяснив это тем, что не может защищать «виновных»⁸. В 1951 г. прямо на улице, на площади Арбеса умирает возвращавшийся с очередного допроса К. Тейге, с которым власти обещают поступить так же как с Каландрой.

После кончины Тейге послевоенное сюрреалистическое движение возглавляет Вратислав Эффенбергер (1923–1986), поэт, искусствовед и критик, автор многих рукописных и самиздатовских сборников. Некоторые вещи Эффенбергера были опубликованы за рубежом. В Чехии при его жизни вышла лишь книга «Стихи на стенах» (1966). В 1987 г. за границей увидела свет антология его поэзии «Охота на черную акулу». По достоинству оцененный как лидер и теоретик чешского сюрреализма 1950–80 х гг. Эффенбергер, на наш взгляд, еще ждет своих исследователей как выдающийся чешский поэт XX в. философско-лирического склада. Испытавший в раннем творчестве влияние В. Незвала, он, как в свое время сам Незвал, сумел, заинтересовавшись сюрреализмом, избежать сюрреалистических догм, используя и развивая те инициативы, которые расширяли возможности поэзии и степень допустимого в искусстве. Его стихи были сотканы преимущественно из прозаических «частиц бытия», отзывавшихся на слово художника искрами, «молниями» поэзии:

На столе или на потолке
 посреди улицы или на шестом этаже
 в тиканье часов или на палубе
 на губах или на колоколах
 [...]
 затаилась молния ловчий призраков
 чтобы ударить с началом стиха⁹

Однако не призраки, а реальный мир превалировал в его поэзии, проистекавшей из жизненных истоков:

Не хочу чтобы мои стихи были
чем-то большим чем узоры инея
но и меньшими пусть не станут
а станут родниками моей жизни¹⁰

Сюрреалистическая парадоксальность образов, неожиданность словосочетаний не обесмысливали, а помогали извлечь большой смысл из его текстов, уловить неуловимое, «увидеть связи», открывающиеся лишь вдохновению.

Помимо большого поэтического таланта, Эффенбергер, чьими соратниками по послевоенной группе сюрреалистов были поэты Карел Гинек (1925–1953), поэт, прозаик, теоретик искусства Милан Направник (род. в 1931 г.) и др., обладал и недюжинными организаторскими способностями, стараясь сделать все возможное и невозможное, использовать все кратковременные потепления (и длительные охлаждения) в политическом климате Чехословакии для легализации и пропаганды сюрреализма. Ему удается с 1953 по 1962 г. создать пять рукописных сборников «Объект» (1–5), представлявших творчество участников послевоенной Сюрреалистической группы Чехословакии (ныне Группа чешских и словацких сюрреалистов) – поэтов, прозаиков, художников разных поколений. Помимо В. Эффенбергера в сборниках приняли участие поэты Збынек Гавличек, Петр Краль, поэт и живописец Микулаш Медек (сын генерала Рудольфа Медека, автора пятитомной «Легионерской эпопеи» 1921–1927), прозаик Вера Лингартова, Милан Направник, писатель и теоретик сюрреализма Станислав Дворский. Новый лидер течения выступает с лекциями, составляет магнитофонные записи сюрреалистической поэзии; издает сборник «Исходная точка зрения сюрреализма. 1938–1968», (Прага, 1969), куда входят тексты сюрреалистов, статьи, анкеты, основывает журнал «Аналогон», участвует в составлении Пражской платформы – совместной декларации групп сюрреалистов Парижа и Праги. Подтверждая многие основополагающие принципы сюрреализма (автономность и спонтанность творческого акта, обращение к «темным сферам человеческой психики» и т. д.), она вписывала его в контекст 60-х гг., соотнося сюрреализм с новым историческим опытом и расширяя его общественные функции.

Программный документ, обозначивший видоизменившийся по сравнению с прошлым характер сюрреалистического движения, родился во время встреч чехословацких сюрреалистов с коллегами из Франции, посетившими Прагу весной 1968 г. Цель приезда – участие в лекциях и конференциях, посвященных сюрреалистической выставке «Принцип наслаждения», открывшейся 9 апреля.

Под документом подписались не только сюрреалисты, но и им сочувствующие, всего более 60 человек. Среди них: Филипп Одуэн, Жан-Луи Бедуэн,

Станислав Дворский, Вратислав Эффенбергер, Радован Ившик, Богуслав Ковач, Жерар Легран, Юрай Мойжиш, Иван Свитак, Тоайсен, Прокоп Восковец. В окончательной редакции, завершившейся в мае 1968 г., помимо В. Эффенбергера и С. Дворского приняли участие Венсан Бунур, Клод Курто, Петр Краль, Альберт Маренчин, Жозе Пьер, Жан Шюстер, Жан-Клод Зильберман, Людвик Шваб и др.

Создававшаяся в атмосфере «пражской весны» и «парижского мая» (выступления парижских студентов, среди лозунгов которых был даже такой, как «*an bas le kapitalisme*» – «долой капитализм»), Пражская платформа выражала веру в возможности сюрреализма и воодушевление от проявленной его сторонниками солидарности. Авторы объясняли закономерность появления этого документа на пражской почве, где деятельность сюрреализма, несмотря на все осложнения, не прерывалась с 1934 г., что подтверждало таким образом чешские приоритеты в развитии сюрреализма на послевоенном этапе. В документе затрагивался широкий круг вопросов, связанных с переосмыслением функций современного сюрреализма, его места в обществе, отношением к революции, молодежи, теории познания, к бесконтрольным проявлениям человеческой психики, сновидениям, сексу и т. д. Если в 30-е гг. подчеркивался антибуржуазный пафос сюрреализма, считавшего условием «полного освобождения человека» его освобождение от гнета капитала, его социальные свободы, то отныне он заявляет о своей готовности бороться против разных форм и проявлений любых «репрессивных систем», «тоталитарных режимов», подавляющих человека, его менталитет и речь, ибо «коррупция идей, прикрывающая свои наихудшие формы самыми высокими словами», ведет к «обесцениванию» слов и образов, в чем повинен не только Запад, но и сталинизм. Не отвергая марксизма, авторы Пражской платформы выступали за ревизию революционной теории и практики, призывали «учитывать трагический опыт политических заблуждений большевизма», утверждали многообразие путей изменения и объяснения мира, где свою роль играет и гегелевская диалектика, и учение З. Фрейда, и принцип аналогий. Касаясь проблем искусства и отстаивая автономность творческого акта, авторы подтвердили давнее неприятие сюрреализмом как «чистого», так и политизированного творчества, усматривая подлинную революционность в обращении к «темным сферам» подсознания, не подвластным консервативной рассудочности. Сновидения рассматривались как стимуляция активности людей во имя претворения в жизнь реализованных во сне желаний, сексуальные влечения – как стимул к самопознанию, особо подчеркивалась негативная роль издержек цивилизации, оскверняющих межчеловеческие отношения меркантильностью и прагматизмом. Особую ставку сторонники сюрреализма делали на молодежь, способную идти на риск

как в революционной, так и в творческой деятельности. В Пражской платформе, ярком документе своего времени, прозвучал голос левой интеллигенции, уже распровавшей со многими иллюзиями, но еще не утратившей веру в свои идеалы. Она отразила переход от революционного романтизма 1920–1930-х гг. к идеологической открытости.

Подготовленный для публикации в Париже и Праге, манифест вышел во французском журнале «Аршибра» (1968, № 5) без подписей чехов и словаков, опасавшихся репрессий на родине. Пражское издание состоялось только в 1990 г., в журнале «Аналогон» (№ 3), о котором пойдет речь позже.

Пражская платформа инспирировала ряд последующих деклараций чехословацких сюрреалистов: «Нельзя забыть обо всем» (20.06.1969) и «Возможное против действительного» (29.09.1969). В них выражалось несогласие с решением парижских сюрреалистов распустить свою группу, перейти к неорганизованной деятельности, отказаться от слова «сюрреализм», «чтобы дать возможность жить его идеями». В. Эффенбергер, С. Дворский, А. Маренчин и др. считали, что это ставит под угрозу судьбу сюрреализма. Правда, затем те же авторы, по-прежнему осуждая французских единоверцев за желание «самораспуститься», пошли на компромисс, выразив мнение, что укрепивший свои позиции сюрреализм уже не так остро нуждается в организационных структурах, как на раннем этапе своего развития.

Если Пражская платформа демонстрировала единство сюрреалистов, то статья, посвященная ее юбилею, «Двадцатилетие Пражской платформы» (1987) попыталась проанализировать причины внутренних разногласий во взаимоотношениях, в целом плодотворных, французских и чехословацких сюрреалистов. Касаясь специфики развития сюрреализма в Чехословакии последних десятилетий, авторы (Ф. Дрийе, Якуб Эффенбергер – сын В. Эффенбергера, Я. Шванкмайер и др.) отмечали его «двойную изоляцию» не только от тоталитарного режима, но и от оппозиции. В эмигрантско-диссидентских кругах сюрреалисты прослыли сектантами и раскольниками, так как придерживались собственных позиций. Ведь уже подписывая «Хартию 77» – первое открытое выступление интеллигенции против неосталинистов, В. Эффенбергер требовал, – как напоминали авторы статьи, – дифференцировать разнородную оппозицию, где сюрреалисты были на особом положении. Помимо анализа расстановки сил в противостоянии режиму, в статье затрагивались и проблемы творческие. Авторы прослеживали «трансформацию негативистской направленности творчества сюрреалистов». Так, если в 1960-е гг. акцентировалась «критическая функция воображения», то затем особую актуальность обрела «сюрреалистическая феноменология воображения» (В. Эффенбергер), исследование как критических, так и конструктивных функций фантазии и их взаимосвязях и психосоциальной обусловленности.

Эти материалы были опубликованы в том же номере «Аналогона», что и Пражская платформа, составив своего рода хронику чехословацкого сюрреализма 1960–1980-х годов, позволяющую проследить перемены в его концепции, вызванные как естественной эволюцией взглядов, так и обстоятельствами¹¹.

На постнезваловском этапе меняется не только концепция, но и пафос чешского сюрреализма. Из него уходит свойственный ему в 30-е гг. исторический оптимизм, он становится пессимистичнее по мироощущению, а «сюрреальное» отождествляется уже не с «невыразимой поэзией», как во многих произведениях Незвала, а с абсурдностью бытия. Если у Незвала главными чувствами были восторг и упоение жизнью, то у сюрреалистов военного и послевоенного призывов – скепсис. Воображение же, вопреки теоретической нацеленности на исследование его разнообразных функций, начинает выполнять в творчестве по преимуществу критическую функцию.

Оно уже не противостоит разуму, рассудку, а стремится отразить его убогость.

Творчество чешских сюрреалистов 50–60-х гг. обретает трагическое звучание. Это особенно характерно для Збынека Гавличека, автора многих поэтических сборников, оставшихся неизданными («Метеоры», 1944; «Сталинская эпоха», 1951; «Люблю, значит живу», 1958; «Плевки на знамя», 1962; «Пекинская гематома», 1966 и др.). Развивая традиции чешского сюрреализма 1930-х гг., поэт балансирует в своих стихах на грани реальности и сна, конкретных впечатлений и фантазии, вовлекая в ассоциативные ряды разноплановые образы, слова из высокой и низкой лексики, сочетая рафинированность слога с вульгаризмами. С вездливостью практикующего врача-психиатра он анализирует безрезультатность социалистических надежд, диагностируя эру «диалектического материализма» как «шизофрению истории» (сб. «Кабинет доктора Калигари», 1951). Беспощадное к современности, полное мрачных предчувствий грядущих ядерных катастроф, его искусство обретает жизнеутверждающую тональность лишь обращаясь к любовно-эротическим мотивам¹².

Более оптимистичный полюс послевоенного чешского сюрреализма представляло творчество Петра Краля (род. в 1941 г.), уехавшего после подавления «Пражской весны» во Францию, но в настоящее время живущего в Париже и в Праге. Большинство его поэтических сборников и других работ конца 1950–1970-х гг. оставалось неизданным, находилось под запретом (сб.-ки «Сезоны», 1959; «Тиршовские ливни», 1966; «Железное воскресенье», 1969; «Голубое сердце», 1975; «P.S. или Дороги в рай», 1979, издан в Торонто в 1990; исследование «Фотография в сюрреализме» 1969, издано в 1994 и т. д.). Исключения составляли книги П. Краля, выпускника пражской Киноакадемии музы-

кальных искусств, посвященные театру и кинематографу. Развиваясь как поэт, Краль по-своему повторил эволюцию, характерную для многих старших современников. Его раннее творчество было связано с поэтизмом, в 1960-е гг. – с сюрреализмом. Он отходит от него в годы эмиграции, однако участвует как автор в зарубежных антологиях сюрреалистической поэзии. Произведениям, созданным и изданным на чужбине, свойственны настроения потерянности, одиночества, не оправдавшихся надежд (сборники «Эра живых», 1980; «Пустота мира», 1980, – вышли в 1989 и 1986). Критикуя современную цивилизацию и ностальгируя по ушедшим временам (сб. «В предвкушении кофейни в Эксе», 1991), Краль тем не менее находит положительные импульсы и в сегодняшнем дне (сб. «Право на серость», 1991). Поддерживая многие традиции чешского авангарда 1930-х гг., в частности незваловского жизнеутверждения, он искал в сюрреализме способы расширить возможности искусства. Вставая перед выбором «идти на поводу у слов и предавать свои чувства, или, вцепившись в чувства, пытаться во что бы то ни стало приспособить к ним слова», Краль делает выбор в пользу чувств. Сюрреализм помог ему примирить слово с чувством, помог ему понять, «что, и поддаваясь словам, можно в то же время выразить и вполне реальные переживания».

Плюрализм впечатлений в произведениях Краля подчас не связан организуемой идеей и передает сложность как субъективного восприятия, так и динамичной реальности. Этому способствуют фрагментарность текстов, сочетание рациональных и иррациональных, реалистических и фантастических начал, опора на повседневность и миф¹³.

При отстаивании авангардом своего права на затемненность смыслов, которым весьма активно пользовался сюрреализм¹⁴, в произведениях таких поэтов как В. Эффенбергер, З. Гавличек, П. Краль превалировало стремление к ясности, внутренняя установка на коммуникативность. Однако из практики сюрреалистов не исключались и творческие эксперименты, в том числе сюрреалистические игры, которым предавались еще участники незваловской группы 1930-х гг. во имя развития фантазии и поисков поэтических эффектов в случайных комбинациях вещей. Так, Ф. Дрийе в своем докладе на презентации выставки «Феномен чешского и словацкого сюрреализма», организованной Чешским культурным центром в Москве 14–17 апреля 2008 г., рассказал о разыгранной вместе с четырьмя швейцарскими сюрреалистами, посетившими Прагу в 1981 г., предложенной гостями игры «Ссора в компасе». Каждый из участников должен был вытащить из колоды по пять карт с картинками, разгадать смысл каждой, придумать сновидение, то есть какую-нибудь историю, изложенную как сон, который с одной стороны отразил бы впечатления дня, а с другой – значения вытащенных карт. После этого все участники раз-

бредись по пражским улицам, чтобы вечером встретиться на другом конце города. Во время передвижения каждый старался найти рядом что-то такое, что бы так или иначе было связано с содержанием придуманного сна. «Выглядело это так, – рассказывает Ф. Дрийе, – будто мы хотели доказать, что наша фантазия, то есть приснившаяся история, история, которую мы придумали и пережили в своем воображении, существует независимо от нас. Приведу характеристику хода игры, которую описывает один из ее участников, Ян Шванкмайер: “Магия этой игры в ожидании. Подобно шаману, который закончил танец дождя и ждет, когда он полетится, так и я, дописав свой сон и выйдя на улицу, не мог избавиться от впечатления, что напророчил себе беду, или, в лучшем случае, стану очевидцем несчастного случая, за который я, – пусть невольной – несу ответственность. Я умирал от страха, что вот-вот услышу за спиной звон разбитого стекла и железный скрежет автоаварии. В конце концов я пришел к мысли, что связь между сновидением и реальностью не должна проявляться на уровне идентичности и стал опасаться падающих с крыш домов черепиц. Говоря «опасаться», я неточно выражаю свои чувства, потому что в глубине души я ждал исполнения сна. Это сложное ощущение сопровождало меня всю дорогу. И еще одно чувство не покидало меня: чувство некой тайной миссии, которая превращает простую прогулку в нечто происходящее во имя каких-то высших интересов. На людей я смотрел как на кукол, или как на реквизиты таинственной игры взаимосвязей, о которой они представления не имеют. Они были здесь лишь для того, чтобы неосознанно исполнили некое магическое послание, которому я дал ход словом ‘сон’. В мастерской, где мы тасовали карты и записывали сновидения, меня не покидало чувство великого заговора против человечества”¹⁵. Очевидно, что игра эта помимо всего основана на принципе так называемой объективной случайности, термине Бретона 1930-х гг., который своеобразно соотносится с проблематикой синхронности Юнга. На основе сказанного [...] можно сделать вывод, что в сюрреалистическом понимании игра не только развивает имагинарный и коммуникативный потенциал случайных встреч смыслов и образов, но становится специфическим инструментом сюрреалистического познания, которое всегда имеет амбиции быть одновременно самопознанием»¹⁶.

Большую роль в жизнедеятельности и популяризации чешского сюрреализма, вышедшего из подполья в постсоциалистический период, в консолидации его рядов, в изучении истории международного сюрреалистического движения играет журнал «Аналогон», посвященный проблемам сюрреализма, психоанализа, структурализма, антропологии и разного рода «еретических» наук. Его первый номер появился в 1969 г., когда еще сохранялась инерция свободомыслия «Пражской весны», прерванной в августе 1968 г., и завершил

цепь событий, связанных с кратковременной легализацией в стране запрещенного после февраля 1948 г. сюрреализма. В редакционной статье сюрреализм рассматривался как средство противодействия репрессиям, исходящим от государства, общества, цивилизации и подчеркивалась его роль в духовном развитии человека. Название журнала объяснялось особенностями «постимпрессионистического творческого мышления», вытеснявшего «принцип тождества принципом аналогий, открывающим путь к неизведанным слоям психики». В 1970 г. с началом «нормализации» журнал попал под запрет и его второй номер вышел только в 1990 г. после «бархатной революции». Новая ситуация потребовала уточнения прежних задач. Если в 1969 г. подчеркивались антирепрессивные функции журнала, стремившегося создать фронт интеллектуального сопротивления любым формам репрессий, то в 1990-е гг. акцент переносится на воспитание культуры мысли и чувств, на борьбу с «эмоциональной тупостью», как одним из кризисных моментов «технократической эры». Одновременно провозглашалась открытость журнала, не являющегося органом какой-либо определенной группировки, для самых разных позиций.

В состав первой редколлегии входили В. Эффенбергер, философ Р. Каливода, литературоведы Кв. Хватик, О. Сюз, словацкий историк сюрреализма Б. Ковач и др. Позже в ней работали члены послевоенной пражской группы сюрреалистов Л. Шваб, М. Направник, С. Дворский, художник М. Стейскал и др. С момента основания и возобновления журнала в его руководство входят литературовед и критик И. Брабец, словацкий писатель А. Маренчин, философ Й. Зумр, литературовед Я. Ржезач. В настоящее время при обширном редакционном совете (16 человек), председателем которого уже долгие годы является Ян Шванкмайер, поэт, художник, режиссер, киносценарист, редколлегия состоит всего из двух человек – шефредактора – поэта Ф. Дрийе и писателя и историка Бруно Соларжика, кстати, безусловно владеющего русским языком.

Проблемно-тематический диапазон журнала широк: от статей, художественных текстов, документов, проясняющих категории, теорию и историю сюрреализма, психоанализа, структурализма и других – измов, находящихся, по мнению издателей, в комплементарных отношениях, – до очерков о политических процессах и тиранах XX века, авангардном искусстве, звездах американского кино и т.д.. Но это не приводит к информационному хаосу. Каждый выпуск посвящен определенной проблеме, организующей материал и отраженной в подзаголовке. Вот некоторые из них: «Психический автоматизм и интервенция сознания» (А.8/1992), «Реальность и иллюзии» (А. 26–27/1999), «Страх» (А.28/2000), «Сфера сна» (А.32/2001), «Портрет врага» (А. 33/ 2001), «Гений места – воображение пространства» (А. 44–45/2005), «Ева во множественном числе» (А. 46/ 2006, выпуск был посвящен памяти известной худож-

ницы-сюрреалистки Евы Шванкмайеровой, 1940–2005), «Нонсенс, абсурд – идиотизм, банальность» (А.50–51/2007), «Фетишизм» (А. 54/2008) и т. д. Последний, 30-й выпуск журнала в XX в. был посвящен проблеме «Традиция и бунт», одной из главных в уходящем столетии. Сюрреалисты решали ее в пользу бунта. В одном из своих стихотворений 1951 г. Я. Гавличек писал: «Все легальное – гнусно!... Непримируемость не уничтожить». В «Аналогон» 34–35/2002, посвященном теме «Язык и коммуникация», была включена, в частности, сокращенная стенограмма телефонного разговора Л. И. Брежнева с А. Дубчеком в переводе, с предисловием и комментариями Бруно Соларжика, озаглавленная «Поучение о возе и козе». Состоявшийся 13 августа 1968 г., то есть за неделю до ввода войск Варшавского Договора в ЧССР, этот разговор как бы иллюстрировал объективную сюрреалистичность некоторых эпизодов истории и реальности нашего времени.

В стремлении активизировать и наращивать пласт культуры, связанной с сюрреализмом, в «Аналогоне» публикуются как статьи, только что вышедшие из-под пера, так и отобранные из культурного наследия, из творчества А. Бретона, Ж.-Л. Бедуэна, У. Джеймса, Р. Якобсона, В. Брюсова, Виткевича, Д. Хармса, З. Фрейда, Л. Троицкого, П. Элюара и т.д. Несмотря на негативное отношение многих современных сюрреалистов к Незвалу его образ то и дело оживает на страницах, на обложке, в иллюстрациях и текстах журнала: в мемуарах, в анализе поэтики сюрреализма, в мотивах и реминисценциях из его произведений. «Аналогон» 12 назван как и незваловский сборник 1936 г. «Женщина во множественном числе» (вспомним и «Еву во множественном числе»). В подзаголовке А. 18/ 1997 «Прага сквозь пальцы» обыгрывается название сборника Незвала «Прага с пальцами дождя», коллажи М. Гуптиха (А.7/1992) – в очертания следов от ботинок вмонтированы фрагменты пражских видов и не сочетаемых с ними деталей, – снабжены отрывками из прозы Незвала «Пражский пешеход». Приведенными примерами присутствие Незвала в современном журнале сторонников сюрреализма не ограничивается.

В целом, содержание журнала подтверждает высказанную в нем мысль: «Если Париж – база сюрреализма, развалившаяся в конце 1960-х гг. на отдельные островки и группы, то расположенная на периферии Европы Прага никогда не прерывала своих сюрреалистических инициатив» (А.2/1990, s. 93). Смысл же этих инициатив, отвечающих мятежной сути сюрреализма, которой он не изменял ни при каких обстоятельствах, сформулирован в одной из журнальных анкет. «...Чехословацкие сюрреалисты со временем отказались от прямой политической активности. Но и сегодня их кредо – это развитие и исследование «духа отрицания», как истинно творческой позиции по отношению к культурным, политическим или социальным доминантам» (Ф. Дрийе.

A.13/ 1995, s. 106). Но это лишь одна из функций сюрреализма. Другая, не менее существенная – исследование и развитие фантазии. Журнал напоминает о ней с момента своего основания. «Сюрреализм не только заложил основы современного художественного творчества, но и показал особые функции воображения, которое во все времена так или иначе, преодолевало пределы искусства, являясь неиссякаемым источником вдохновения для человека» (Редакционная статья к А. 1/1969, s. 1). «Воображение – самый бесценный дар, полученный людьми. Именно оно, а не труд, сделало человека человеком. Воображение, воображение и еще раз, воображение» (Ян Шванкмайер. Десять заповедей. – Desatero. A.26–27/ 1999). Спорить с этим можно. Не прислушаться – нельзя¹⁷.

Современный чешский сюрреализм (сюрреализм на постнезваловском этапе) проявляет себя как эксклюзивное, но вполне живое художественное течение, поддержанное ограниченным, но верным кругом сторонников. Благодаря их активности, (которой способствует журнал «Аналогон») он становится и своего рода сферой постоянных напоминаний о тех принципах мироощущения и творчества, которые необходимо поддерживать и развивать, поскольку они отвечают природе и специфике искусства. Раскрепощая своими методами, экспериментами, играми личность, ограничивая (через активизацию подсознания, этой «кухни поэтического воображения») внутренний самоконтроль, цензуру рассудка (рассудочности), порой более опасной для человека, чем цензура общественная, он как бы пытается настроить людей на творческую волну, помогая реализовывать их скрытые творческие потенции. Вероятно, в этом и есть одно из главных предназначений сюрреализма и причина его особой – по сравнению с другими авангардными направлениями – жизнестойкости.

Примечания

¹ Brouk B. Zde trápno existovat. Brno, 2008. Цит. по: Literární noviny № 14. 31 března. 2008. S. 11.

² Там же.

³ «Český surrealismus 1929–1953. Ed. Lenka Bydžovská a Karel Srp. Galerie hlavního města Prahy. Praha, 1996. S. 92.

⁴ О роли Незвала в развитии чешского сюрреализма 1930-х гг. и его специфике см.: Будагова Л. Н. Витезслав Незвал. Очерк жизни и творчества. М., 1967. С. 168–239; Она же. Сюрреализм в Чехословакии (30-е годы) // Художественные процессы и направления в искусстве стран Восточной Европы. М., 1995. С. 21–36; Она же: Сюрреализм

в славянских литературах. Специфика и судьба // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 197–210. и др.

⁵ См. *Český surrealismus...* S. 80.

⁶ Споржилов – окраинный район Праги.

⁷ См. подробнее: *Будагова Л. Н.* Коллаж в чешской авангардной поэзии и живописи (1920–1930-е гг.) // Русский авангард 1910–1920-х годов. Проблема коллажа. М., 2005. С. 345–362.

⁸ См. подробнее: *Будагова Л. Н.* Динамика и функция чешского сюрреализма // Литературные итоги XX века. М., 2003. С. 125–134.

⁹ *Effenberger V. Básně 1.* Praha, 2004. S. 188.

¹⁰ Там же. С. 370.

¹¹ См. подробнее: *Будагова Л. Н.* Пражская платформа // Энциклопедический словарь сюрреализма. М., 2007. С. 390–392.

¹² См. подробнее: *Будагова Л.* Гавличек Збынек // Энциклопедический словарь сюрреализма. С. 112–113.

¹³ См. *Будагова Л.* Краль Петр // Энциклопедический словарь сюрреализма. С. 257–259.

¹⁴ Недаром Франтишек Дрийе назвал одну из своих статей в журнале «Аналогон» (2008, 55/56) «Образы не для того, чтобы их понимать».

¹⁵ Цит. по: *F. Dryje.* Ludikativní experimentace Surrealistické skupiny v Československu v letech 1971–1985 // *Analogon* 6/1992 (Сноска Ф. Дрийе – Л. Б.).

¹⁶ *Dryje F.* Někteří aspekty československého surrealismu 60. a 70. let a problematika surrealistické experimentace – рукопись статьи, принятой журналом «Славяноведение» к публикации.

¹⁷ См. об «Аналогоне» подробнее: *Будагова Л.* «Аналогон» // Энциклопедический словарь сюрреализма. С. 19–22.

С. А. Шерлаимова (Москва)

Литература как память народа, фактор национальной самоидентификации и самопознание человека

На первом съезде чешских писателей, который состоялся в июне 1946 г., всего через год после освобождения страны от фашистской оккупации, тогдашний президент Чехословакии Эдвард Бенеш, оглядываясь на славное прошлое чешской литературы, сформулировал свое понимание национальной культурной традиции как триединство «чешскость, европейскость, общечеловечность»¹, но высказал предположение, что со временем значение литературы в обществе будет уменьшаться. В тот момент это казалось почти невозможным: начиная с эпохи национального возрождения, чешские писатели были в рядах национальных лидеров, поднимавших народ на борьбу за независимость, за лучшее будущее, за человеческое достоинство. Еще в середине XIX века выдающийся политический деятель и поэт-сатирик Карел Гавличек-Боровский уверенно называл чехов «филологической нацией», настолько важным для чешского общества были проблемы национального языка и литературы. В XX в. чешская литература, прежде всего в лице таких своих представителей, как Ярослав Гашек и Карел Чапек, вышла на европейскую и даже мировую арену.

После Второй мировой войны чешские писатели играли особенно важную роль в период «Пражской весны», в «золотые шестидесятые», когда многие из них выступали инициаторами движения за демократизацию социализма, за «социализм с человеческим лицом», а Союз чехословацких писателей превратился во влиятельную общественно-политическую организацию. Роль деятелей литературы оставалась значительной и после силового подавления «Пражской весны»: в период «нормализации» образовалась самая массовая в чешской истории литературная эмиграция и возникло постепенно набиравшее силу движение писателей-диссидентов. Знаменательно, что после «бархатной революции» первым президентом Чехословакии, а после раздела страны на два самостоятельных государства – президентом Чешской республики, был избран лидер диссидентского движения драматург Вацлав Гавел.

«Бархатная революция» кардинально изменила ситуацию в чешской культуре, в том числе, конечно же, и в литературе. Отмена цензуры, свобода слова, выход альтернативного искусства из подполья, возвращение на родину писа-

телсей-эмигрантов или, во всяком случае, их произведений, возникновение множества частных издательств – все это, казалось бы, создавало самые благоприятные условия для расцвета художественного творчества. Многие писатели, критики и теоретики с воодушевлением писали о том, что наконец-то литература освободилась от необходимости подменять собой идеологию и теперь она сможет достичь новых эстетических высот. Однако очень скоро обнаружилось, что новые шедевры не появляются, литература утрачивает свое влияние на общество и начинает восприниматься большей частью читающей публики всего лишь как один из видов развлечения. Раздаются высказывания о кризисе литературы, о хаосе. Что же – Бенеш в своем предположении оказался прав?

Давно известно: чтобы понять настоящее, не говоря уже о будущем, надо разобраться в прошлом. С этой точки зрения заслуживает самого пристального внимания четырехтомный фундаментальный труд Института чешской литературы АН ЧР «История чешской литературы 1945–1989», над которым почти два десятилетия работал коллектив пятидесяти ученых сначала под руководством директора института Владимира Мацуры, а после его смерти – под руководством сменившего его на этом посту Павла Яноушека. Труд вышел из печати в 2007–2008 г.г., но споры по поводу того, как писать историю послевоенной литературы, начались еще задолго до появления в свет этих объемных томов, богато иллюстрированных и снабженных дисками с записями выступлений поэтов, писателей, критиков и того же упомянутого выше доклада Бенеша на съезде писателей.

Прежде всего встал вопрос о методологии. В период социалистической Чехословакии официально признавалась только одна методология – марксистская, что сводилось к превалированию в литературной критике строго определенных идеологических оценок произведений и признанию высшим и единственным приемлемым художественным методом социалистического реализма в его советской догматической трактовке. В шестидесятые годы, а отчасти и позже, предпринимались более или менее откровенные попытки реабилитировать пражский литературный структурализм, авангардистские теории, привнести в чешское литературоведение некоторые положения новых западных эстетических концепций, но главным и официально одобряемым оставалось прежнее направление. После 1989 г. ситуация резко поменялась. Социалистический реализм и прочие установки социалистической поры были отброшены, чешский авангардизм, учитывая его тесную связь в 1920–1930-е годы с коммунистическим движением, тоже не вызывал теперь большого энтузиазма, пражский структурализм рядом авторов также принимался с ограничениями. Широкое распространение получили западные эстетические теории, в боль-

шом количестве переводились труды западных теоретиков, не подвергавшиеся, как правило, критическому обсуждению. При этом отчетливо наблюдалось расхождение между теоретическими работами и текущей критикой, в которой эти методики применялись очень ограниченно – за исключением нарратологии, как теперь именовался (у нас тоже) разбор способов передачи содержания произведения: от первого лица, от автора и т. п.

Но как быть с написанием истории литературы? Традиционно, в традиции позитивизма излагать литературные факты, рассказывать о писателях, об отдельных произведениях и их оценке в современной им критике и т.д. или же подняться на уровень современной западной эстетики, где постоянно возникают сменяющиеся и отрицающие одна другую все новые и новые и «еще более новые» теории? Авторы и редакторы «Истории чешской литературы 1945–1989» усиленно размышляли над этим вопросом, обращаясь к весьма богатому опыту своих предшественников в области историографии чешской литературы, организовывая конференции по отдельным проблемам развития послевоенной чешской литературы и отдельным периодам, публикуя на сайте института подготовленные главы и части труда, чтобы получить больше замечаний. И они последовали – с нарастающей остротой.

В центре споров оказались именно вопросы методологии. В 2005 г. профессора Южночешского университета в Чешских Будеевицах Владимир Папоушек и Далибор Турчек выпустили брошюру «В поисках истории литературы», в которой высказали мнение о категорической устарелости всех прежних подходов к написанию истории литературы и высказали свои соображения о том, как это не следует и как следует делать. Они претендовали на абсолютное новаторство, но некоторые провозглашаемые ими тезисы можно назвать общепринятыми. Так, во введении авторы пишут: «Нашей общей исходной позицией было убеждение, что, конечно, размышлять об истории национальной литературы имеет смысл, но ни в коем случае не замыкаясь в ограниченном языке узком пространстве чешской культуры: это сегодня не выдерживает критики с точки зрения теоретических проблем историографической методологии, но также не отвечает и реальной ситуации чешской культуры, которая в своих постоянных изменениях всегда находится в состоянии конфронтации с иноязычными импульсами»². С этим, безусловно, сегодня согласятся все исследователи, спор начинается с того, как авторы обосновывают свою позицию. Они утверждают, что «после трудов Гадамера, Эко, Гринблатта» все прежние историографические концепции, не исключая структурализма Мукаржовского и Водички, выявили очевидную несостоятельность. Папоушек с энтузиазмом относится к «новому историзму» Стефена Гринблатта и стремится поставить под сомнение идею преемственности в литературе:

«По моему мнению, в литературной истории идея континуитета несостоятельна»³ и «с иллюзией континуитета я расстанусь без печали»⁴.

Но ведь «история» по определению предполагает рассмотрение развития во времени. Против отрицания принципа континуитета в литературной истории выступил Павел Янушек в журнале «Чешка литература» № 1 за 2006 г., где он иронически оценивает «культ новых методов», указывает на их недолговечность («их чередование несет в себе нечто подобное сменяемости модных художественных направлений»⁵) и следующим образом характеризует свое понимание основной задачи историка литературы: «история пишется для определенного коллектива (общества, нации) с объединяющей целью – запечатлеть его общую память и начертать образ пути, по которому этот коллектив пришел от прошлого к настоящему»⁶.

Здесь однако с неизбежностью встает вопрос об объективности восприятия и интерпретации прошлого вообще и литературного прошлого в частности. Достижима ли она? Я хотела бы напомнить статью нашего замечательного ученого, академика Лихачева «Еще раз о точности в литературоведении», где он пишет: «Познание обязано быть объективно и точно. Только тогда оно действительно, только тогда оно познание. Но что такое объективность и точность в познании?»⁷. Он признает, что не только при изучении духовного мира, но и при изучении мира материального абсолютная точность невозможна и часто оборачивается неточностью. И далее: «Обращаясь к литературоведению, отметим, прежде всего, что всякое искусство (в том числе и литература) неточно по своему характеру. Искусство перестает быть искусством, как только становится точным, претендует на точность <...> Поэтому и литературоведение должно в каких-то своих частях считаться с неточностью искусства и само быть в известной степени неточным»⁸. Точным литературоведение может быть только в очень узкой области, в стиховедении, например, в определении стихотворного размера. Но все это отнюдь не означает, что не надо стремиться к точности и объективности и в более широких и важных областях литературоведческой науки; это необходимо, следует только всегда принимать во внимание множество факторов, а по отношению к истории литературы – учитывать не только характер прошлого времени, но и того, когда эта история пишется:

«Осознанная субъективность становится в какой-то мере объективным фактом.

Нам нужна историческая точка зрения не только на прошлое, но и на самих себя, на наши взгляды, на исходные данные нашей интерпретации. Ученый искусствовед, литературовед должен в известной мере включить и самого себя в сферу своего изучения: знать тот исторический момент, в котором он изучает искусство»⁹.

Авторы брошюры «В поисках истории литературы» утверждают, что историю литературы, если уж ее писать, надо не реконструировать, как полагал, к примеру, видный чешский ученый, продолжавший и развивавший структурализм Яна Мукаржовского, Феликс Водичка, а конструировать, то есть как бы сочинять заново. Яноушек же, возражая южночешским коллегам по этому пункту, отстаивает тезис, что при написании истории литературы должны присутствовать как осуществляемая посредством языка конструкция, так и реконструкция – стремление изучить доступные литературные факты и события и показать «как это было на самом деле». Признает он и неизбежное присутствие элемента субъективности в интерпретации литературы прошлого. Можно сказать, что Яноушек в известной степени приближается к концепции Лихачева, а в труде, написанием которого он руководил, стремится к возможно большей объективности.

Упреки по адресу «Истории чешской литературы 1945–1989» еще в процессе ее подготовки в основном сводились к ее «традиционности», к устарелости методологии. Но вот она вышла в свет и теперь есть возможность внимательно с ней ознакомиться. Подробный анализ этого фундаментального труда выходит за рамки настоящей статьи, но даже беглое знакомство с ним позволяет сказать, что его нельзя отнести к традиционному типу весьма многочисленных уже существующих историй чешской литературы. Разумеется, авторы опирались на традиции литературной историографии, но они и учитывали новые теоретические веяния и теории: ведь почти в каждой современной литературоведческой концепции можно найти дельные соображения, их уязвимость начинается с присущей всем этим концепциям абсолютизации только одного подхода, что очень скоро обнаруживает свою узость и приводит к отказу от него не только его противников, но зачастую и самих его «изобретателей».

В академической «Истории чешской литературы 1945–1989» литература социалистического периода – с окончания Второй мировой войны до победы «бархатной революции» – рассматриваются в общем контексте развития страны в эту противоречивую и драматическую эпоху. Принята периодизация литературы, в основных моментах соответствующая исторической периодизации. Каждый том открывает раздел «Литературная жизнь» с параграфами о политической и общекультурной ситуации данного отрезка времени, далее следует главы о критике («Мышление о литературе») и развитии отдельных литературных жанров (прозы, поэзии, драмы), о детской литературе и документалистике, о литературе переводной, а также о представленности литературы в средствах массовой информации. Во введении к труду, автором которого выступает П. Яноушек, говорится о том, что его авторы стремились

«упорядочить и классифицировать литературную продукцию данной эпохи. Назвать процессы, образующие контекст, в рамках которого возникали те или иные тексты»¹⁰.

В этом заявлении, в привлечении образующего общий контекст внелитературного материала можно было бы увидеть известную переключку с постулатами «нового историзма», однако она опровергается настаиванием автора на важности эстетического, ценностного подхода к анализируемым текстам, «новому историзму» чуждого, стремлением к пониманию «логики истории литературных процессов».

В «Истории» охвачен обширнейший литературный материал, в освещении и оценке которого авторы стремились к возможно большей объективности. В значительной степени им это удалось, однако, на мой взгляд, объяснить «логику истории», ход литературного процесса удалось в гораздо меньшей мере. Но в труде показано нечто очень важное: литература предстает здесь действительно как коллективная «память нации». В этом смысле авторы идут прежде всего по пути реконструкции, хотя, конечно же, многое в их описаниях и оценках неизбежно несет на себе печать субъективности.

Если еще до публикации «Истории чешской литературы 1945–1989» вокруг ее плана велись жаркие споры, то не удивительно, что они разгорелись с новой силой после ее выхода в свет. Разумеется, столь объемный труд многих авторов, посвященный столь близкому времени, когда живы очень многие участники недавних столкновений, носивших не только литературный, но – и прежде всего – идеологический и политический характер, не мог не вызвать дискуссии. Оставим в стороне личные моменты: очевидно, что к этому труду можно предъявить немало справедливых претензий, не соглашаться с оценками отдельных писателей и произведений и т. д., однако важнее сосредоточиться на основных методологических вопросах, по которым идет спор.

Пожалуй, наиболее непримиримым критиком академической «Истории» выступил известный чешский ученый Иржи Брабец, в «золотые шестидесятые» успешно работавший в Институте чешской литературы и принимавший участие в написании истории чешской литературы периода до Второй мировой войны под руководством Ф. Водички, проводившего теорию реконструкции литературного процесса прошлого. В период «нормализации» Брабец, бывший заместителем Ярослава Сейферта – председателя вскоре запрещенного Союза чешских писателей, был лишен возможности легально работать по специальности, однако он не только преподавал в подпольном университете, но и подготовил вместе с другими литературоведами-диссидентами изданный в эмигрантском издательстве в Торонто словарь чешских писателей, выброшенных из официальной литературы. После «бархатной революции» Брабец

снова получил возможность преподавать в Карловом университете, работать в Академии, активно выступать в печати.

Концепцию истории чешской литературы, готовящейся в Институте чешской литературы АН ЧР он отверг еще на конференции о литературе 70–80-х годов, которая состоялась в этом институте в 2001 г. Брабец ссылаясь на высказывание Гадамера о том, что «объективизм – это иллюзия», называл мнение о возможности историю литературы реконструировать, то есть как бы воссоздать в пересказе ее первоначальное состояние, «абсурдным». По его словам, историк литературы из имеющихся произведений может только создать некий «конструкт». А после появления из печати первых двух томов «Истории чешской литературы 1945–1989», по которым Брабец высказал и ряд вполне справедливых конкретных замечаний, он посчитал возможным говорить о «кризисе научного мышления».

Мне представляется, что в вопросе о «реконструкции» или «конструкте» коллектив под руководством Яноушека ближе к истине, чем Брабец, при всем уважении к его знаниям, заслугам и способности размышлять. Напомню и о том, что Яноушек вовсе не отметал тезис о неизбежном элементе субъективности в процессе реконструкции, о присутствии в написании истории литературы и определенного словесного конструирования, а по логике Брабеца получается, что, если историю литературы невозможно точно описать какой она «была на самом деле», то вообще не стоит ее писать. Между тем, на мой взгляд, даже сам спор вокруг этого труда, если отбросить сопровождающие его явно эмоциональные перехлесты, полезен для развития науки, полезен для укрепления «памяти нации» и национального самосознания.

У любого богемиста (у меня в том числе) наберутся замечания, более или менее серьезные возражения и несогласия по четырехтомному труду Института чешской литературы. Очевидна и актуальность глубокого изучения проблем литературоведческой методологии, ибо не совсем лишены оснований разговоры о кризисном состоянии современных гуманитарных наук. К литературоведению это относится тем более по тому, что литература сегодня на самом деле уже не занимает в общественном сознании того важного места, которое принадлежало ей еще в недавнее время. Можно ли это изменить? Изучение истории литературы, если его использовать не для демонстрации эффективности (эффектности?) быстро сменяющих друг друга методологических подходов, а для постижения – насколько это возможно – ее объективного движения во времени и контексте, может приблизить нас к ответу на этот отнюдь не абстрактный вопрос.

Литература, заслуживающая этого названия, заключает в себе живую память о прошлом. Это в полной мере относится к чешской литературе, о кото-

рой шла речь в этой статье, литературе, в которой есть и разяще-сатирическая «Сеть веры» Петра Хельчицкого, образный язык и нравственный заряд которой столь высоко ценил Лев Толстой, и очень близкое нам «Крещение святого Владимира» Карела Гавличека-Боровского, и элегически музыкальный «Май» Карела Гинска Махи, и знакомый всем бравый солдат Швейк Ярослава Гашека, и не потерявшие своего предостерегающего пафоса саламандры Карела Чапека, и романы Милана Кундеры, ценные не только тем, что писатель запечатлел драматические эпизоды европейской истории XX века, но и тем, что он смог прояснить некоторые особенности психологии современного человека.

Литература, заслуживающая этого имени, это не просто один из видов развлечения, пусть и интеллектуального, а нечто гораздо более значительное и влиятельное: это показывает нам история литературы, в рамках настоящего текста – чешской (но и любой другой). Историю литературы надо писать и, памятуя о неизбежной субъективности нашего взгляда, стремиться к объективности, приблизиться к которой несомненно способствуют новые обстоятельные и смелые работы по этой тематике, и подчас очень резкие споры вокруг них.

Примечания

¹ Účtování a výhledy. Sborník prvního sjezdu českých spisovatelů. Praha, 1948. S. 20.

² Papoušek V., Tureček D. Hledání literárních dějin. Praha – Litomyšl, 2005. S. 7.

³ Ibid. S. 38.

⁴ Ibid. S. 48.

⁵ Česká literatura. 2006. N1. S. 48.

⁶ Ibid. S. 44.

⁷ Лихачев Д. С. Еще раз о точности в литературоведении (заметки и соображения) // «Русская литература». 1981. № 1. С. 84.

⁸ Там же. С. 85.

⁹ Там же. С. 87.

¹⁰ Janoušek P. a kolektiv. Dějiny české literatury 1945–1989 díl 1. 1945–1948. Praha, 2007. S. 11.

Содержание

Слово к читателю	5
<i>К. В. Никифоров, А. Л. Шемякин (Москва)</i>	
Владимир Константинович Волков (1930–2005)	6
<i>В. К. Волков, И. В. Волкова (Москва)</i>	
Русское политическое совещание против Советской республики: реконструкция деятельности	22
Раздел I. Вопросы политической и социальной истории	
<i>О. В. Хаванова (Москва)</i>	
Йозеф Зонненфельс и «генеалогия» его студентов: к вопросу о формировании бюрократии в монархии Габсбургов XVIII века	79
<i>В. Я. Гросул (Москва)</i>	
У истоков российской общественности	99
<i>С. М. Фалькович (Москва)</i>	
Историческая традиция и национальная культура как фактор сохранения национальной идентичности народами, находящимися под инонациональной властью	117
<i>А. Л. Шемякин (Москва)</i>	
Сербия в начале XX века: на пути к «Майской революции» 1903 года .	124
Раздел II. История международных отношений	
<i>Р. П. Гришина (Москва)</i>	
К историографии темы: Россия и Балканский союз 1912 г.	143
<i>Е. П. Серапионова (Москва)</i>	
Окончание Первой мировой войны и подготовка Чехословакии к Парижской мирной конференции.	170
<i>Г. Д. Шкундин (Москва)</i>	
От Салоник до Нейи: болгарские внешнеполитические концепции накануне и во время Парижской мирной конференции 1919 года	184

<i>Г. Ф. Матвеев (Москва)</i>	
«Деньги в обмен на высылку». Из истории советско-польского дипломатического конфликта в 1921 году	198
<i>Вольфганг Михалка (Карлсруэ)</i>	
Представления Вальтера Ратенау о России и его политика	217
<i>Н. Н. Станков (Волгоград)</i>	
Дипломатия Э. Бенеша после Рапалло (май–октябрь 1922 года)	242
<i>Эугениуш Дурачиньский (Варшава)</i>	
«Dobrze zasłużył się Ojczyźnie – он хорошо послужил Родине»	257
<i>С. З. Случ (Москва)</i>	
Мотивы приглашения В. М. Молотова в Берлин. Факты, предположения, неокончателные выводы.	265
<i>Витка Тошкова (София)</i>	
Болгария и два полюса формирования биполярного мира. 1944–1946 годы	294
<i>Л. Я. Гибианский (Москва)</i>	
К истории возникновения коллективных структур советского блока: образование Совета экономической взаимопомощи.	325
<i>А. Б. Едемский (Москва)</i>	
Был ли тайный сговор на Брионах накануне второй советской интервенции в Венгрии? (Советско-югославские консультации 2–3 ноября 1956 года)	349
<i>А. С. Стыкалин (Москва)</i>	
Проблемы советско-румынских отношений и формирования румынской модели социализма в материалах Президиума ЦК КПСС (1953–1964)	371
Раздел III. Проблемы культуры	
<i>И. И. Калиганов (Москва)</i>	
Южнославянские литературы в эпоху Средневековья. (Краткий историко-литературный очерк)	395
<i>Н. В. Злыднева (Москва)</i>	
Югославянский авангард и балканская мифология	416

<i>Л. А. Софронова (Москва)</i>	
Кинематограф – художественный код советской истории.	424
<i>Л. Н. Будагова (Москва)</i>	
Чешский сюрреализм на постнезваловском этапе. (Некоторые тенденции и факты).	438
<i>С. А. Шерлашмова (Москва)</i>	
Литература как память народа, фактор национальной самоидентификации и самопознание человека	453

Научное издание

СЛАВЯНСТВО, РАСТВОРЕННОЕ В КРОВИ...

В честь 80-летия со дня рождения
Владимира Константиновича Волкова

Сборник статей

Ответственный редактор *К. В. Никифоров*

Сборник подготовлен к печати
в Институте славяноведения РАН

Подписано в печать 09.11.2010. Печ. л. 29,0.
Тираж 300 экз. Цена договорная.

Отпечатано ООО «Пробел-2000»
109544, Москва, Рабочая ул., 91, строение 4.

Книга посвящена памяти В. К. Волкова (1930–2005) – одного из крупнейших славистов современности, многолетнего директора Института славяноведения РАН. В сборник вошли статьи его друзей и коллег, историков и историков культуры из России, Болгарии, Германии, Польши по важнейшим проблемам стран Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, начиная со Средних веков и заканчивая нашими днями. Статьи сборника группируются по трем разделам: вопросы политической и социальной истории, история международных отношений, проблемы культуры.

СЛАВЯНСТВО, РАСТВОРЕННОЕ В КРОВИ...